

1977 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1977

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

Очередной выпуск историографического ежегодника включает в себя статьи и материалы по всем периодам истории СССР и всеобщей истории. Особую группу составляют работы по историографии Октября. Ряд статей посвящен анализу историографии международного социалистического и рабочего движения, кризису современной буржуазной историографии. В раздел «Историки и их труды» включены работы о Ф. Я. Коне, А. М. Панкратовой, М. М. Хвостове, С. М. Строеве и др. В сборнике публикуется библиография трудов П. Я. Щеголева.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ИСТОРИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЭСТОНИИ

Х. Т. Арумяэ

Одной из ярких страниц в истории эстонского народа явилось его активное участие в событиях Октябрьской революции и в последующих социалистических преобразованиях в 1917—1918 гг.

Особенности в ходе социалистической революции в Эстонии определялись несколькими причинами. Во-первых, Эстония находилась вблизи Петрограда — колыбели революции. Во-вторых, местные революционные силы окрепли, и партия большевиков имела большое влияние в народных массах, в результате чего установление Советской власти произошло быстро и организованно. В-третьих, в условиях первой мировой войны в Эстонии как в прифронтовом крае было сосредоточено много сухопутных и морских воинских частей, сыгравших значительную роль в революционном движении.

Поскольку Октябрьская революция оказала решающее влияние на дальнейшую судьбу эстонского народа, этому периоду посвящена довольно обширная литература, созданная как марксистскими, так и буржуазными авторами.

Ограниченные рамки настоящей статьи позволяют лишь кратко охарактеризовать важнейшие этапы изучения истории Октябрьской революции в Эстонии и труды советских историков, опровергающие вымыслы идеологов буржуазии по наиболее существенным вопросам установления Советской власти.

Основные этапы изучения Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии

Методологической основой изучения Октябрьской революции в Эстонии являются труды В. И. Ленина. В. И. Ленин был основоположником научной разработки истории Октябрьской революции. Ленинские работы всесторонне освещают складывание объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, отражают многогранную деятельность партии, развитие тео-

рии, стратегии, тактики большевиков в период Октябрьской революции.

Произведения В. И. Ленина имеют неопределимое значение для марксистского осмысливания всей истории Эстонии. В. И. Ленин уделял много внимания Эстонии, особенно в дни Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны. Об Эстонии речь идет в более ста произведениях В. И. Ленина и подписанных им документах ¹.

В ходе подготовки Великой Октябрьской социалистической революции события в Эстонии развивались во многом аналогично событиям в других губерниях России. Экономическая и политическая обстановка, хозяйственная разруха и бедственное положение трудящихся, вызванные мировой войной, революционное движение народных масс и многие другие явления были общими и для Эстонии, и для всей страны. Поэтому идеи В. И. Ленина о стратегии и тактике Коммунистической партии, соотношении классовых сил, об объективных и субъективных предпосылках социалистической революции и задачах партии применимы и к Эстонии.

В то же время понятно, что Октябрьская революция во всей необъятной России не могла происходить по единому образцу, на ее ходе не могло не сказаться своеобразие тех или иных конкретно-исторических условий, которые сложились на местах.

Для историографии Октября в Эстонии очень важны ленинские оценки и выводы по национальному вопросу и его положения о национально-освободительном движении народов России как одной из предпосылок социалистической революции.

Историки Советской Эстонии в ряде работ анализировали высказывания В. И. Ленина о происходящих в Эстонии событиях и процессах. Теме «Ленин и Эстония» посвятил ряд работ Д. Руднев ². Этой теме касались и другие авторы ³.

Видные эстонские большевики дали верную марксистскую оценку наиболее важным явлениям Великой Октябрьской социалистической революции еще в ходе самих событий. Я. Анвельт, В. Кингисепп, Х. Пегельман и другие часто выступали на различных конференциях и совещаниях и публиковали статьи по узловым злободневным проблемам.

¹ Руднев Д. Эстония в ленинских документах.— Коммунист Эстонии, 1968, № 8, с. 3.

² Руднев Д. Сбереженное людьми и временем: Документальные очерки. Таллин, 1966; *Idem*. V. I. Lenin ja Eesti.— Rmt.: Tõid EKP ajaloo alalt. Tallinn, 1970, IV. lk. 85—104; *Idem*. Lenin ja Eesti. Kroonika. Tallinn, 1970.

³ Пясс А. В. И. Ленин и рабочее движение в Эстонии.— Коммунист Эстонии, 1960, № 4, с. 34—35; Арумäе Н. V. I. Lenin Oktoobrirevolutsioonist, välismaisest sõjalisest interventsioonist ja kodusõjast Eestis.— Rmt: Leninlik etapp Eesti ajalooteaduses. Historiograafilisi artikleid. Tallinn, 1970, lk. 49—74.

К числу первых работ относятся брошюры Х. Пегельмана «Свободная Эстония. Обращение к участникам выборов в эстонское Учредительное собрание»⁴ и «Учредительное собрание и народоправие»⁵, а также статья «В период всемирно-исторического перелома»⁶. В брошюре «Свободная Эстония» автор разоблачает политику эстонской буржуазии, ее прислужничество перед царским самодержавием и сотрудничество с буржуазным Временным правительством и подчеркивает, что победа социалистической революции предоставила трудящимся полную свободу. В 1918 г. Х. Пегельман опубликовал брошюры «Будущее Эстонии»⁷ и «Что произошло в промежутке?»⁸. В них автор освещает проблему создания государственности, отвечающей интересам эстонских трудящихся, и подчеркивает, что пролетариат доказал свою способность справляться с таким сложным делом, как государственная власть и государственное управление.

Я. Анвельт в своих выступлениях и очерках также рассматривал различные связанные с победой Октябрьской революции проблемы, много внимания уделял при этом двум основным для того времени вопросам — аграрному и национальному. В брошюрах «Землю — народу» и «Кто такие социал-демократы — большевики»⁹, опубликованных под псевдонимом К. Безземельный, Я. Анвельт опровергает клеветнические измышления буржуазии, будто большевики стремятся лишить крестьян земли. Он разъясняет, что большевики предоставят мелким землевладельцам все возможности для устройства подлинно человеческого образа жизни. Однако он был против раздела имений, считая, что это не отвечает интересам трудящихся. Аграрный вопрос Я. Анвельт рассматривал и в работах, увидевших свет в 1919 г.¹⁰

В дни Октябрьской революции в Эстонии выдающуюся роль как партийный и государственный деятель играл В. Кингисепп. Его статьи и книги «Кому независимость, кому иго»¹¹ и «Под игом независимости»¹², посвященные борьбе трудящихся Эстонии за Советскую власть, являются крупным достижением эстонской советской историографии. В. Кингисепп высоко оценивает революционную сознательность эстонских трудящихся в 1917 г. и по-

⁴ *Pöggelmann H. Vaba Eesti. Märgukiri Eesti asutava kogu valijatele. Tallinn, [1917].*

⁵ *Pöggelmann H. Asutav Kogu ja rahvavalitsus. Tallinn, 1917.*

⁶ *Pöggelmann H. Maallma ajaloo murdepunktil.— Rmt.: Suured revolutsioonid. Tallinn, 1917, lk. 24—30.*

⁷ *Pöggelmann H. Eesti tulevik. Peterburis, 1918.*

⁸ *Pöggelmann H. Mis vaheaajal sündis. Peterburis, 1918.*

⁹ *Maatamees K. Maa rahva kätte. Tallinn, 1917; Maatamees K. Kes on sotsiaaldemokraadid — enamlased? Tallinn, 1917.*

¹⁰ *Anvelt J. Töörahva võimuvallituse kindlustamisest. Peterburis, 1919; Idem. Oktoobrirevolutsioon ja maaküsimus Eestis.— Klassivõitlus, 1919, nr. 11, lk. 24.*

¹¹ *Kingissepp V. Kellele iseseisvus, kellele ike. Peterburis, 1918.*

¹² *Kingissepp V. Под игом независимости. Таллин, 1955.*

казывает, каких успехов добились рабочие и безземельные крестьяне в установлении и укреплении Советской власти.

Большую статью по истории Советской власти в Эстонии опубликовал на страницах «Классивыйтлус» («Классовая борьба») в 1919 г. А. Вальнер. Это один из первых систематических обзоров как событий Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии, так и деятельности Эстляндской Трудовой Коммуны¹³.

Работы видных эстонских большевиков 1917—1919 гг. отличаются страстной партийностью, полемической заостренностью и бескомпромиссностью в идеологической борьбе против врагов пролетарской революции. Написанные сразу же после революционных событий, они отражают взгляды и представления авторов на важнейшие вопросы социалистической революции.

В 1920—1930 гг. в исторической литературе, освещающей период Октябрьской революции в Эстонии, четко различаются два основных противостоящих друг другу направления: одно из них представляет буржуазная, другое — советская историография. Непримируемая идеологическая борьба между этими двумя направлениями пронизывает все развитие исторической науки в период буржуазной диктатуры в Эстонии.

В буржуазной Эстонии историей Октябрьской революции занимались, как правило, не профессиональные историки, внимание которых было направлено в далекое прошлое, а в первую очередь публицисты, политические деятели, высшее офицерство и другие буржуазные идеологи. Борьба контрреволюционных сил против Советской власти — их главная тема. Что же касается революционной борьбы народных масс, совершения Октябрьской революции и политики Советской власти в Эстонии в 1917—1918 гг., то это и получило под их пером скупое и искаженное отражение. Буржуазия стремилась вытравить из сознания народа идеи Великой Октябрьской социалистической революции, стремилась заставить его «забыть» сам факт существования Советской власти в Эстонии в 1917—1919 гг.

Рельефнее всего концепции эстонской буржуазной историографии рассматриваемого периода очерчиваются в работах Э. Лаамана — одного из наиболее известных буржуазных идеологов¹⁴. Как журналист и публицист, имевший тесные связи с правящими кругами, он был хорошо информирован о всех политических действиях эстонской буржуазии и закулисных махинациях международной реакции. Позиции Э. Лаамана присущ крайний антисоветизм.

¹³ *Vallner A. Eesti Tööräha Kommuuna teostamise lühikene ülevaade.*— *Klassivõitlus*, 1919, nr. 1/2, lk. 7—9; nr. 3—4, lk. 2—6; nr. 5—6, lk. 7—8; nr. 7, lk. 5/7; nr. 8, lk. 8—9.

¹⁴ *Laaman E. Eesti lahkumine Vene riigist 1917—1920.* Tallinn, 1920; *Idem. Eesti vabadussõja poliitiline ajalugu.* Tallinn, 1929; *Idem. Eesti iseseisvuse süünd.* Tartu, 1936; *Idem. Ernits J. Enamlus. Eestis, I osa.* Tallinn, 1930, и др.

Отыскивая в историческом прошлом эстонского народа аргументы для оправдания буржуазной диктатуры, Э. Лааман, а вслед за ним и другие буржуазно-националистические идеологи¹⁵ стали утверждать, будто возникновение эстонского буржуазного государства явилось результатом возрождения независимости, утраченной 700 лет назад. Игнорируя значение социально-экономических факторов и отрицая роль классовой борьбы в развитии человеческого общества, они провозглашали национальные движения главной движущей силой исторического процесса. В рамках этой концепции период Октябрьской революции в Эстонии представлялся лишь как один из этапов борьбы за независимость эстонского народа.

Юристы Ю. Улуотс, А. Пийп и другие апологеты буржуазной власти потратили немало усилий, чтобы доказать, будто датой рождения эстонского государства является 15(28) ноября 1917 г., поскольку в тот день губернский земский совет (маапяэв) провозгласил себя высшим органом власти Эстонии. Названное решение, как известно, осталось только на бумаге. Таллинские рабочие немедленно пресекли деятельность этого гнезда контрреволюции, разогнав маапяэв.

Для обоснования своих положений Ю. Улуотс выдвинул так называемую «договорную теорию»¹⁶, суть которой, в интерпретации К. Сийливаска, заключалась в следующем: «В XIII в. эстонцы добровольно, в порядке соглашения передали государственную власть (древнеэстонское право) немецкому ордену. Последний в свою очередь уступил ее польским и шведским властям, а они — русскому государству. От русского государства на основе постановления от 30 марта 1917 г. (частично) ее получил «маапяэв» Эстонии, объявивший себя 15 ноября верховной властью в Эстонии. От «маапяэва» власть перешла временно в руки немецких оккупационных властей. 19 ноября 1918 г. на основе договора, заключенного между Германией и правительством буржуазной Эстонии, государственная власть вновь перешла в руки эстонского государства»¹⁷. С помощью таких псевдотеоретических рассуждений буржуазные идеологи пытались доказать «незаконность» Советской власти в Эстонии.

После второй мировой войны идеологи эстонских буржуазных эмигрантов продолжали трактовать историю Октябрьской революции в традиционном для эстонской буржуазной историогра-

¹⁵ Eesti vabadussõda 1918—1920. I kd. Tallinn, 1937; *Jalajas O. Lühike ülevaade Eesti iseseisvuse tekkimisest ja arengust*. Tallinn, 1928; *Maide J. Ülevaade Eesti Vabadussõjast 1918—1920*. Tallinn, 1933; *Tammann A. Eesti iseseisvuse teel*. I kd. Tallinn, 1928; *Traksmaa A. Lühike Vabadussõja ajalugu*. Tallinn, 1939, и др.

¹⁶ *Uluots J. Grundzüge der Agrargeschichte Estlands*. Tartu, 1935, lk. 123; *Piip A. Estlands Weg zur neuen Verfassung*. Tartu, 1936; *Idem. Rahvusvaheline õigus*. Tartu, 1936, lk. 90—92.

¹⁷ *Siiilivask K. Veebruarist Oktoobrini 1917*. Tallinn, 1972, lk. 24—25.

фии духе. Эмигрантскими любителями истории не были опубликованы специальные исследования по данной теме, события Октябрьской революции были лишь бегло затронуты в очерках по истории Эстонии¹⁸ и в некоторых мемуарах¹⁹. В указанных сочинениях не содержится новых положений, но инсинуации в адрес партии большевиков и Советской власти стали еще более злобными. Игнорируя местные объективные и субъективные предпосылки Октябрьской революции, эмигрантская верхушка стремится представить это важнейшее событие как государственный переворот, осуществленный силами русских солдат.

События Октябрьской революции в Эстонии рассматривались и рядом прибалтийских немецких буржуазных авторов. В большинстве своем они являются приверженцами и выразителями сугубо реакционных взглядов и исходят из узкоклассовых интересов остзейского дворянства и внешнеполитических целей правящих кругов империалистической Германии. Вместе с тем остзейские историки в оценке и трактовке ряда явлений нередко заметно расходятся с представителями эстонской буржуазной историографии.

По некоторым вопросам (классовые противоречия в период Октябрьской революции, поддержка эстонскими рабочими Советской власти и др.) в работах немецких авторов можно встретить и правдоподобные оценки. В Врангелю приходится констатировать, что эстонские рабочие стояли за Советскую власть и что таллинский пролетариат был охвачен большевистскими настроениями²⁰. Э. фон Деллингсгаузен вынужден даже признать, что, не будь вторжения немецких войск в Эстонию, Советская власть оставалась бы здесь²¹. Несмотря на отдельные объективные оценки, в целом для прибалтийской немецкой историографии характерен злобный антисоветский тон.

Когда в Эстонии была установлена буржуазная диктатура, марксистское изучение истории Октябрьской революции стало возможно только в Советском Союзе. В СССР проживало множество эстонцев, в том числе немало коммунистов, которые принимали активное участие в Октябрьской революции в Эстонии. Многие из них интенсивно занимались изучением революционного движения эстонских трудящихся. В периодических изданиях, выходивших на эстонском языке в СССР, публиковалось много материалов и по истории Октябрьской революции.

Изучение истории революционной борьбы эстонского трудового народа заметно оживилось в связи с созданием в сентябре

¹⁸ *Ojamaa M., Varmas A. ja Koit J. Eesti ajalugu.* Stockholm, 1946; *Parijõgi J., Algma T., Koit J. Eesti ajalugu noorsoole.* Teine trükk. Stockholm, 1954; *Eesti riik ja rahvas Teises maailmasõjas*, I kd. Stockholm, 1954; *Uustalu E. The History of Estonian People.* London, 1952, и др.

¹⁹ *Rei A. Mälestusi tormiselt teelt.* Stockholm, 1954 jt.

²⁰ *Wrangell W. Geschichte der Baltenregiments.* Tallinn, 1928, S. 52.

²¹ *Dellingshausen E. von. Im Dienste der Heimat.* Stuttgart, 1930, S. 308—309.

1925 г. Комиссии по истории Коммунистической партии Эстонии²². Комиссия собирала документы и воспоминания, оказывала содействие публикаторской деятельности, ею был подготовлен к печати ряд сборников. Комиссия издавала журнал «Пролетарская революция в Эстонии». В 1926—1933 гг. в Ленинграде было издано всего 14 номеров указанного журнала. Кроме материалов по истории Великого Октября, на страницах журнала были опубликованы статьи, воспоминания и документы о революции 1905—1907 гг., а также о гражданской войне.

Из числа авторов, работавших в Советском Союзе, наиболее обстоятельно изучал рассматриваемый период Х. Пегельман. В своей работе «История классовой борьбы» он дал изложение хода социалистической революции в Эстонии²³. В 1933 г. Х. Пегельман опубликовал большую статью на русском языке «Революция 1917 года в Эстонии»²⁴, которая в 1965 г. появилась и на эстонском языке²⁵. В этой статье обращено особое внимание на борьбу за народные массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции. В ней дается характеристика буржуазных и мелкобуржуазных слоев, рассматривается вопрос о так называемой Эстонской автономии, о создании национальных воинских частей, созыве «национального конгресса» и т. д.

В 20-х годах несколько серьезных исследований опубликовал Я. Анвельт. В статье «Октябрьская революция в Эстонии»²⁶ он характеризует объективные предпосылки социалистической революции и рассматривает соотношение классовых сил. Автор освещает также организаторскую и агитационную работу большевиков в народных массах. В нескольких работах Я. Анвельт затрагивал деятельность эстонских большевиков в период Октябрьской революции²⁷.

Восстановление Советской власти в 1940 г. создало предпосылки для основательного марксистского изучения истории Октябрьской революции в Эстонии. Было положено начало систематическому сбору материалов, отражавших революционную борьбу трудящихся. В периодических изданиях появился ряд статей по истории Великой Октябрьской социалистической революции.

²² Мосберг Х. И. О создании и деятельности Истпарта ЦК КП Эстонии (1925—1937 гг.) — Вопр. ист. КПСС, 1971, № 8, с. 117—119; Plotnik E. EKP ajaloo komisjoni tegevus 1925—1937. — Rmt.: Töid EKP ajaloo alalt, III. Tallinn, 1968, lk. 218—223.

²³ Pöggelmann H. Klassivõitluse ajalugu, 1928, lk. 82—90.

²⁴ Пегельман Г. Революция 1917 года в Эстонии. — Красная летопись, 1933, № 5/6, с. 105—136.

²⁵ Pöggelmann H. 1917. aasta revolutsioon Eestis. Tallinn, 1965.

²⁶ Anvelt J. Oktoobrirevolutsioon Eestis. — Klassivõitlus, 1927, nr. 88/89, veerg. 15—19.

²⁷ Anvelt J. «Meie lahkuminekud» ehk EKP «vastasrinna» ajaloolised üne näod. L., 1928; *Idem*. Miks nad ilma vastupanekuta alla andsid? — Klassivõitlus, 1925, nr. 67/78, lk. 3—6.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны изучение истории Октябрьской революции заняло важное место в исторической науке Советской Эстонии.

И. Саат приступил к глубокому изучению источников, на основании которых он опубликовал ряд исследований о подготовке и победе социалистической революции в Эстонии²⁸. П. Вихалем в ряде статей подверг аргументированной критике буржуазные концепции возникновения буржуазного государства Эстонии, показав их полнейшую несостоятельность²⁹. Статьи и брошюры, посвященные событиям Октябрьской революции, опубликованы Д. Рудневым (Я. Сеппом)³⁰ и В. Рейманом³¹ в 1940-е годы.

Однако разработка проблематики Великой Октябрьской социалистической революции, как и других существенных проблем истории Эстонии, в послевоенные годы имела свои трудности и недостатки. Сказалась нехватка квалифицированных специалистов.

Трактовка событий Октябрьской революции носила иной раз схематический характер, мало внимания обращалось на изучение объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, нередко в тени оставалась роль народных масс в революции, изложение классовой борьбы подчас оказывалось поверхностным.

С середины 50-х годов значительно активизировалась разработка проблем советской исторической науки в Эстонии. Исследование проблем периода Октябрьской революции за короткий промежуток времени поднялось на более высокую ступень. Работы, опубликованные после XX съезда КПСС, отличаются большей исследовательской глубиной, они свидетельствуют о более тщательном изучении первоисточников, об отказе от некоторых догматических трактовок.

К тому времени в Эстонской ССР сложились молодые кадры советских историков и организационно окрепли главные центры исторических исследований: Институт истории АН Эстонской ССР (основанный в 1947 г.), Институт истории партии при ЦК КПЭ (основанный в 1947 г.), кафедры истории Тартуского государст-

²⁸ *Saat J. Nõukogude võimu võit Eestis.*— Looming, 1946, nr. 10/11; *Idem. Eesti rahva võitlus EK(b)P juhtimisel nõukogude võimu kehtestamise eest.* Tallinn, 1948; *Idem. Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis.* Tallinn, 1950.

²⁹ *Vihalem P. Kuidas Jüri Uluots ja teised kodanlikud natsionalistid võltsisid eesti rahva ajalugu.*— Eesti Bolševik, 1946, nr. 1; *Idem. Kodanliku Eesti ühiskonnateaduste nõukogudevastasest orientatsioonist.*— Eesti Bolševik, 1948, nr. 11.

³⁰ *Sepp J. Nõukogude riikluse areng Eestis.*— Eesti Bolševik, 1946, nr. 13, lk. 933—941; nr. 20, lk. 1464—1485; *Idem. Oktoobrirevolutsioon Eestis.*— Eesti Bolševik, 1946, nr. 20, lk. 1464—1485; *Idem. Võitlus nõukogude võimu eest Eestis 1917—1919.* Tallinn, 1947.

³¹ *Рейман В. Борьба большевиков за Советскую власть в Эстонии (октябрь 1917 г.— февраль 1918 г.).*— В кн.: Установление Советской власти на местах. М., 1953, с. 463—539.

венного университета. Благодаря этому в республике уже в 1956—1958 гг. были достигнуты определенные успехи в изучении истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Новый этап в развитии исторической науки в Советской Эстонии характеризуется и интенсивной публикацией исторических первоисточников. В 1957 г. вышел в свет сборник материалов и документов «Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии», содержащий свыше 700 документов. Этот же сборник с некоторыми сокращениями и дополнениями был издан в 1958 г. и на русском языке³². В 1958 г. был опубликован на эстонском языке сборник документов и материалов по истории Эстляндской Трудовой Коммуны³³.

Обобщенное освещение периода Великой Октябрьской социалистической революции было дано в одготомнике «Истории Эстонской ССР»³⁴. Во втором издании указанной работы были устранены и наиболее существенные недостатки при освещении истории Октябрьской революции, которые встречались в опубликованном в 1952 г. первом издании книги.

Первым историческим исследованием, в котором дана развернутая картина борьбы эстонских большевиков за победу социалистической революции, явилась монография И. Саата «Большевики Эстонии в период Октябрьской революции»³⁵. Книга В. Реймана «Эстонские большевики в борьбе за Советскую власть в Эстонии» посвящена осуществлению в Эстонии Октябрьской революции и деятельности органов Советской власти³⁶. Тогда же вышла работа М. Петрова «Участие моряков Балтийского флота в борьбе за Советскую власть в Эстонии в 1917 г.»³⁷

Отдельные проблемы и вопросы истории Октябрьской революции нашли освещение в многочисленных научных статьях, помещенных в сборнике «Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии»³⁸, а также в «Известиях Академии наук Эстонской ССР» и других изданиях. Большой интерес представляют сборники воспоминаний активных участников революции³⁹.

³² Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и материалов. Таллин, 1958; Suur Sotsialistlik Oktoobrerevolutsioon Eestis. Dokumentide ja materjalide kogumik. Tallinn, 1957.

³³ Eesti Tööntahva Kommune. Dokumentide ja materjalide kogumik. Tallinn, 1958.

³⁴ История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). / Под ред. Г. И. Наана. 2-е изд. Таллин, 1958.

³⁵ Саат И. Большевики Эстонии в период Октябрьской революции. Таллин, 1956.

³⁶ Reiman V. Eesti bolševikud võitluses nõukogude võimu eest Eestis. 1917—veebruar 1918. Tallinn, 1957.

³⁷ Petrov M. Balti laevastiku meremeeste osavott voitlusest noukogude voimu eest Eestis 1917. aastal. Tallinn, 1957.

³⁸ Suur Sotsialistlik Oktoobrerevolutsioon Eestis, Tallinn, 1957.

³⁹ Nõukogude võimu eest. Veebruari- ja Oktoobrerevolutsioonist Eestis aktiivselt osavõtnute mälestuste kogu. Tallinn, 1957; Neljakümne aasta eest. Vanade revolutsionaaride mälestusi.— Loomingu Raamatukogu, 1957, nr. 18.

Ряд исследований по истории социалистической революции в Эстонии, принадлежащих перу советских историков, вышел и в последующие годы. Наиболее обстоятельно проблематика этого периода рассмотрена в таком обобщающем труде, как «Очерки истории КПЭ» (часть первая)⁴⁰, и в составленном К. Сийливаском обзоре «Эстония в период Октябрьской революции и гражданской войны 1917—1920»⁴¹. П. Вихалем подытожил свои исследования в капитальном труде, раскрывающем контрреволюционные замыслы и антинародную деятельность эстонской буржуазии в годы Октябрьской революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны⁴².

В 60-х годах значительно продвинулась вперед разработка такой важной темы, как экономические предпосылки Октябрьской революции и соотношение классовых сил в 1917 г.⁴³

В 1967 г. в Москве вышел из печати обобщающий труд «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». Это произведение — в составлении его приняли участие историки Эстонии, Латвии, Литвы и Москвы под руководством академика И. И. Минца — подводит итоги целого этапа в изучении истории Октябрьской революции⁴⁴.

Вторая половина 1960-х годов знаменует начало нового этапа в изучении в Эстонской ССР истории Великой Октябрьской социалистической революции. В Институте истории АН Эстонской ССР была завершена подготовка III тома трехтомной «Истории Эстонской ССР», который был издан в 1971 г. на эстонском языке и в 1974 г.⁴⁵ — на русском. К. Сийливаск, И. Саат и В. Рейман освещают в этом томе подготовку и победу Октябрьской революции и первые шаги Советской власти в Эстонии.

В книге В. Сулима «Штаб повстанческих отрядов» исследуется история образования Военно-революционного комитета Эстонского края, анализируется роль ВРК в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, борьба за обеспечение тыла революционного восстания, борьба за обеспечение тыла ре-

⁴⁰ Очерки истории Коммунистической партии Эстонии./ Под ред. А. Панкеева, А. Либмана. Таллин, 1961. Ч. 1 (90-е годы XIX века — 1920 год).

⁴¹ *Siilivask K. Eesti Oktoobrirevolutsiooni ja kodusõja perioodil 1917—1920.* Tartu, 1959.

⁴² *Vihalem P. Eesti kodanlus imperialistide teenistuses (1917—1920).* Tallinn, 1960.

⁴³ *Kõörna A. Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni majanduslikud eeldused Eestis.* Tallinn, 1961; *Karma O. Tööstuslikult revolutsioonilt sotsialistlikule revolutsioonile Eestis. Tööstuse arenemine 1917. aastani.* Tallinn, 1963; *Pullat R. Tallinnast ja tallinlastest 1871—1917.* Tallinn, 1966; *Renter R. Suurtööstuse tekkimine ja arenemine Eestis XIX ja XX sajandil.* Tallinn, 1958.

⁴⁴ Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967.

⁴⁵ История Эстонской ССР: В 3-х т. Таллин, 1974. Т. III (с марта 1917 года до начала 50-х годов).

волюционного Петрограда, борьба против контрреволюции и саботажа⁴⁶.

В монографии М. Петрова «Первые социалистические преобразования в Эстонии» рассматриваются вопросы создания вооруженных сил рабочих и крестьян, установления рабочего контроля на фабриках и заводах, претворения в жизнь ленинского декрета о земле⁴⁷.

Итогом исследовательской работы К. Сийливаска и И. Саата являются две капитальные монографии, взаимно дополняющие друг друга и содержащие основательный анализ событий Октябрьской революции в Эстонии⁴⁸. Указанные работы написаны с использованием широкого круга опубликованных и архивных материалов, литературы, периодической печати и т. д., в научный обиход введено много новых источников, обнаруженных в местных и центральных архивах. В монографии К. Сийливаска рассматриваются социально-экономические предпосылки социалистической революции, Февральская буржуазно-демократическая революция и установление двоевластия в Эстонии, деятельность партийных организаций эстонских большевиков, рабочее движение, революционное движение в армии и на флоте, а также выступление крестьянства весной и летом 1917 г. Автор анализирует огромную организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу партии среди трудового народа по подготовке и проведению социалистической революции. Монография «Советская власть в Эстонии» подводит итог работам И. Саата, посвященным Великой Октябрьской социалистической революции. В книге уделено много внимания раскрытию движущих сил социалистической революции, показывается, как рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевиков установил Советскую власть и приступил к ликвидации буржуазного государственного аппарата и к созданию советских органов власти. Автор исследует вопросы социалистического преобразования в области народного хозяйства и культуры, формирования основ государственного устройства Советской Эстонии и соотношения классовых сил в первый период Советской власти.

Статьи Х. Саарниита продвинули вперед исследование одной из наиболее существенных проблем рассматриваемого периода — аграрной. Монография Р. Пуллата о городском населении Эстонии в период капитализма расширяет наши знания об объективных предпосылках Октябрьской революции⁴⁹.

⁴⁶ *Сулима В. Ф.* Штаб повстанческих отрядов: Военно-революционный комитет Эстонского края (октябрь 1917 — январь 1918). Таллин, 1971.

⁴⁷ *Petrov M.* Esimesi sotsialistlikke ümberkujundusi Eestis. Oktoober 1917 — veebruar 1918. Tallinn, 1969.

⁴⁸ *Saat J.* Nõukogude võim Estis. Oktoober 1917 — märts 1918. Tallinn, 1975; *Siihvask K.* Veebruarist Oktoobrini 1917. Tallinn, 1972.

⁴⁹ *Пуллат Р.* Городское население Эстонии с конца XVIII столетия до 1940 года. Таллин, 1976.

60-летие Великого Октября эстонские историки встретили новыми работами. Опубликованы монография И. Саата и К. Сийливаска⁵⁰, сборник документов, освещающий деятельность Военно-революционного комитета Эстонии⁵¹ и первый том двухтомника «Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии»⁵². Из печати вышел очерк об академике АН ЭССР И. Саате как исследователе Октябрьской революции⁵³.

Многие историки, изучающие революционное движение в 1917 г. в России, особенно в Петрограде, на Балтийском флоте, в Латвии и на северном фронте, касаются и событий в Эстонии⁵⁴.

Критика буржуазных концепций установления Советской власти в Эстонии

За годы существования Советской власти буржуазными идеологами и пропагандистами было сфабриковано и распространено огромное количество всякого рода мифов, искажавших сущность и значение Октябрьской революции. В 20-х и 30-х годах идеологи эстонской буржуазии усиленно занимались распространением антикоммунистических идей, стремились в ложном свете представить марксистскую теорию, цели большевистской партии, победу Октябрьской революции и политику Советской власти.

В 20-х годах идеологический арсенал антисоветизма выглядел еще весьма примитивно. Большевики изображались некими заговорщиками, врагами цивилизованного человечества, стремившимися захватить в свои руки власть во всем мире либо путем разжигания мировой революции, либо при помощи вооруженной интервенции. Международное коммунистическое движение трактовалось как результат «московского подстрекательства», а коммунисты в их стране объявлялись «наемниками Коминтерна».

В 30-е годы пропаганда, направленная против идей Октябрьской революции, стала вестись уже менее грубыми методами. На первый план стали теперь выдвигать тезис, согласно которо-

⁵⁰ Саат И., Сийливаск К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977.

⁵¹ Eestimaale sõja-revolutsioonikomitee. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1977.

⁵² Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis (1917—1920). Kahes köites, I köide. Oktoobrirevolutsiooni võit ja nõukogude võimu kindlustamine. Veebruar 1917 — veebruar 1918. Tallinn, 1977.

⁵³ Академик И. Саат — исследователь истории Великого Октября: Реферативный сборник. Таллин, 1977.

⁵⁴ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1967—1973. Т. 1—3. Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966; Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971; Каныстин М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1967; Измайлов Н. Ф., Пунов А. С. Центробалт. М., 1963; Каймин Я. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1964, и многие другие.

му социалистическая революция могла произойти лишь в специфических русских условиях, в то время как «в Европе», т. е. также и в Эстонии, не было и нет, дескать, для нее никаких предпосылок. Социализм, утверждали идеологи буржуазной Эстонии, несовместим с «индивидуалистическим характером» эстонцев.

В качестве примера фальсификаторских усилий буржуазной идеологии тех лет можно привести отличавшуюся своей наивностью и фантастичностью трактовку причин, сущности и значения Октябрьской революции, предложенную Э. Лааманом. О классовой борьбе пролетариата он рассуждал так: «классовая борьба» социалистов уходит своими корнями в примитивные инстинкты, правившие людьми уже в далеком прошлом, — инстинкты недоверия и враждебности по отношению ко всему чуждому, неприязни к чужакам. Чем примитивнее человек, поучает автор, тем сильнее, стало быть, в нем проявляются такие инстинкты. В другом контексте Э. Лааман, однако, варьирует: по его словам, лежащая в основе классовой борьбы классовая вражда является завистью, проявлением комплекса собственной неполноценности.

Октябрьскую революцию, потрясшую весь мир, Э. Лааман не считал даже и революцией. Он писал: «По-настоящему ее и нельзя считать собственно революцией; в отличие от февральского взрыва, в ней вовсе не обнаруживалась стихия народных масс»⁵⁵. Он отрицал также и социалистическую сущность Октябрьской революции: «Социализм имел, собственно, мало общего с тогдашней русской революцией. Основным вопросом, вокруг которого все вращалось, был не социализм, а война»⁵⁶. Поворотное событие в истории — первая победоносная социалистическая революция была объявлена Э. Лааманом всего лишь государственным переворотом, совершенным по образцу Латинской Америки⁵⁷. Победе Октябрьской революции в Эстонии Э. Лааман также нашел весьма простое объяснение: под нажимом деморализованных солдат переворот в Таллине якобы совершился почти автоматически.

Как уже отмечено, идеологи эстонской буржуазии отрицали наличие объективных причин классовой борьбы и революционного движения рабочего класса в Эстонии. Они не ставили вопроса об экономических предпосылках социалистической революции. Не предпринимались попытки характеризовать такие явления социально-экономического порядка, как развитие капитализма, классовая структура населения, удельный вес рабочего класса, аграрные отношения, расслоение крестьянства и пр.

Что касается лидеров эстонских социал-демократов, то они в борьбе с идеями Октябрьской революции пользовались иными

⁵⁵ *Laaman E., Ernits J. Enamlus Eestis, l. osa, lk. 71.*

⁵⁶ *Laaman E. Vabadussõja poliitiline ajalugu, lk. 23.*

⁵⁷ *Laaman E., Ernits J. Enamlus Eestis, l. osa, lk. 71.*

приемами. Будучи типичными реформистами, они утверждали, что победа социализма якобы возможна лишь там, где промышленный пролетариат составляет преобладающую часть населения. А. Рей, например, уверял, что, поскольку Россия и Эстония в промышленном отношении находились на весьма низком уровне, то и победа социализма, следовательно, недостижима⁵⁸. М. Мартна категорически заявлял: «В Эстонии не имеется ни малейших предпосылок для осуществления коммунизма»⁵⁹.

Тезисы, согласно которым в России отсутствовала социальная база для победы социалистической революции, весьма распространены в современной буржуазной историографии. Часто повторяется утверждение, будто победа Октябрьской революции противоречит теории марксизма, ибо эта революция была осуществлена не в передовой Западной Европе, а в отсталой России. Таким образом, величайшая в истории человечества революция изображается как военный переворот, акт захвата власти меньшинством в отсталой стране.

Видные эстонские большевики, и прежде всего Я. Анвельт и Х. Пегельман, в своих работах, напротив, указали на высокий уровень развития капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве Эстонии, на сравнительно крупный удельный вес пролетариата в городском населении, а также на многочисленность сельского пролетариата и деревенской бедноты в сельской местности Эстонии.

Некоторые авторы проявили, однако, склонность и к переоценке имевшихся налицо экономических предпосылок построения социалистического общества. В работах, появившихся в 1917—1919 гг., иной раз переоценивался, например, удельный вес сельского пролетариата в сельском населении; подчеркивалось, что капитализм в эстонской деревне достиг более высокого уровня развития, чем в русской, и что именно поэтому в Эстонии якобы имеются более выгодные предпосылки для победы социалистического крупного сельскохозяйственного производства, нежели в русских губерниях⁶⁰.

Экономисты и историки Советской Эстонии достигли значительных успехов в изучении объективных предпосылок Октябрьской революции. Наиболее тщательно изучено развитие производительных сил в промышленности Эстонии до 1917 г. Фундаментальное монографическое исследование, посвященное развитию промышленности в Эстонии, опубликовано О. Карма⁶¹; этот же

⁵⁸ *Rei A. Sotsiaaldemokraatia põhimotted*. Tallinn, 1921, lk. 9.

⁵⁹ *Martna M. Katkendeid päevaraamatust*.— Rmt.: *Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt*. I kd. Tallinn, 1927, lk. 43.

⁶⁰ *Pöggelmann H. Ääremärkused Venemaa Kommunistliku Partei programmi juurde*. Peterburi, 1919, lk. 10.

⁶¹ *Karma O. Tööstuslikult revolutsioonilt sotsialistlikule revolutsioonile Eestis. Tööstuse arenemine 1917. aastani*, Tallinn, 1963.

вопрос рассматривается в трудах А. Кёёрна⁶², Р. Рентера⁶³ и др. Дана характеристика развития отдельных отраслей и концентрации производства, роли монополий в промышленности, роста численности промышленных рабочих и т. д. Исследователи пришли к единодушному выводу о том, что Эстония была одним из наиболее развитых в промышленном отношении районов России с высоким удельным весом рабочего класса в населении.

Несколькими авторами был рассмотрен вопрос о влиянии первой мировой войны на экономику края и положение народных масс⁶⁴. О. Карма показал, что в результате эвакуации заводов и хозяйственной разрухи в Эстонии осенью 1917 г. создалась весьма критическая для рабочего класса обстановка. Объективные условия породили настоятельную необходимость перехода власти в руки пролетариата⁶⁵.

Городскому населению Эстонии в период капитализма посвящены работы Р. Пуллата⁶⁶. С точки зрения изучения объективных предпосылок Октябрьской революции особенно существенным представляется выявление классовой структуры городского населения. Автор приходит к выводу, что в 1897—1940 гг. классовый состав городского населения Эстонии был приблизительно следующим: буржуазия составляла 9%, мелкобуржуазные средние прослойки — 33%, рабочий класс — 58%⁶⁷. В 1917 г. среди городского населения Эстонии буржуазия составляла 9,7%, мелкобуржуазные средние слои — 26,5%, рабочий класс — 63,8%⁶⁸.

Сельское хозяйство и положение крестьянства в Эстонии конца XIX — начала XX в. еще далеко не так хорошо изучено, как промышленность. Аграрному вопросу накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии некоторое внимание уделяется в работах А. Кёёрна, А. Таккина и Р. Антона⁶⁹. Накануне Октябрьской революции помещикам в Эсто-

⁶² *Köörna A. Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni majanduslikud eeldused Eestis. Tallinn, 1961.*

⁶³ *Renter R. Suurtööstuse tekkimine ja arenemine Eestis XIX ja XX sajandil. Tallinn, 1958.*

⁶⁴ *Takkin A. Eesti Esimese maailmasõja aastail. Tallinn, 1961.*

⁶⁵ *Karma O. Eesti tööliklassi olukorrast ja võitlusest Oktoobrirevolutsiooni ettevalmistamise ja läbiviimise ajajärgul.— Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste Seeria, 1957, nr. 3/4, lk. 225—252.*

⁶⁶ *Пуллат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года. Таллин, 1976. Idem. Tallinnast ja tallinlastest. Nihked elanikkonna sotsiaalses koosseisus 1871—1917. Tallinn, 1966.*

⁶⁷ *Пуллат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года, с. 189.*

⁶⁸ *Пуллат Р. Об анализе социальной структуры городского населения Эстонии в период капитализма.— В кн.: От революции к революции. 1905—1940. Таллин, 1975, с. 253.*

⁶⁹ *Köörna A. Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni majanduslikud eeldused Eestis, lk. 91—130; Takkin A. Eesti Esimese maailmasõja aastail, lk. 35—57, 74—79; Antons R. Agraarsuhted kodanlikus Eestis. Tallinn, 1957, lk. 16—21.*

нии, которых вместе с членами семей было около 4000, или 0,7% сельского населения, принадлежало 58% общего земельного фонда, а из земель, годных для сельскохозяйственного пользования, — 42%.

По расчетам К. Сийливаска, соотношение классовых сил в 1917 г. в Эстонии было следующим ⁷⁰:

Городской пролетариат	196 000—199 000	}	556 000—569 000
Сельский пролетариат и беднейшее крестьянство	360 000—370 000		
Средние слои города	112 000—113 000	}	232 000—233 000
Крестьяне-середняки	120 000		
Городская буржуазия	22 000	}	120 000—149 000
Сельская буржуазия и помещики	117 000—127 000		

Исследования советских авторов убедительно опровергают все вымыслы буржуазных идеологов об отсутствии предпосылок для социалистической революции в Эстонии. Факты свидетельствуют о том, что капитализм достиг здесь сравнительно высокого уровня развития, о том, что в Эстонии был налицо закаленный в ходе классовой борьбы пролетариат и сильный его союзник — многочисленный сельский пролетариат и деревенская беднота. Проведенные исследования подтверждают также то, что и в Эстонии первая мировая война обострила все противоречия, присущие капитализму, ухудшив положение трудящихся масс города и деревни, и способствовала тем самым возникновению революционной ситуации.

Идеологами эстонской буржуазии отрицались не только закономерность социалистической революции и объективные ее предпосылки в Эстонии, но и наличие здесь необходимых для революции субъективных факторов. В первую очередь буржуазные авторы искажали цели и политику партии большевиков, изображали их как врагов национальных интересов эстонского народа, не имевших, дескать, в дни Октябрьской революции никакой поддержки с его стороны.

А. Траксмаа, например, фальсифицируя историю, утверждал, будто Советская власть опиралась на небольшую кучку эстонских большевиков, для которых, в свою очередь, главной опорой служили русские солдатские массы ⁷¹. Этот лживый тезис был повторен О. Ялаясом ⁷². Пытаясь во что бы то ни стало доказать, что социалистическая идеология лишена почвы в Эстонии, буржуазные авторы часто заводили речь об индивидуализме эстонцев и утверждали, будто эстонскому рабочему чужды «пролетарские инстинкты», поскольку у него, дескать, одна нога еще в

⁷⁰ Саар И., Сийливаск К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии, с. 29.

⁷¹ Traksmaa A. Lühike Vabadussõja ajalugu, lk. 13.

⁷² Jalajas O. Lühike ülevaade Eesti iseseisvuse tekkimisest ja arengust, lk. 25.

деревенской избе, а поэтому он полностью сохраняет свою приверженность к мелкой буржуазии⁷³. Делая упор на различиях «национальных характеров», буржуазные авторы стремились доказать, что большевизм представляет собой «чисто русское» явление, не подходящее для Эстонии. Буржуазной пропагандой систематически предпринимались попытки противопоставления эстонского и русского народов. В поисках подходящего для буржуазной пропаганды объяснения того факта, что большевики в России пользовались поддержкой народных масс, буржуазные авторы докатывались до воистину фантастических утверждений. Так, согласно уверениям Э. Лаамана, главной опорой большевизма оказываются предрасположенность «русской психики» к наивно-идеалистическому мировосприятию, присущие русскому характеру фанатизм и «бунтарский дух».

Уже Я. Анвельт, В. Кингисепп, Х. Пегельман и другие видные большевики Эстонии во многих своих работах особо подчеркивали ту огромную агитационно-пропагандистскую и организационную работу большевистских организаций, в результате которой эстонские трудящиеся тесно сплотились под знаменами социалистической революции.

Благодаря усилиям большевиков, соотношение классовых сил было столь неблагоприятно для буржуазии, что контрреволюция без единого выстрела вынуждена была уступить власть. Этот вопрос Я. Анвельтом более подробно рассматривается в статье «Почему они сдались без сопротивления?»⁷⁴

Х. Пегельман также подчеркивает, что, несмотря на контрреволюционные усилия буржуазии, среди народных масс в 1917 г. неуклонно росло влияние большевиков. Он писал, что Центральный Комитет РСДРП(б) высоко оценивал деятельность большевиков Таллина и Хельсинки. Уверенность в том, что Петроград окружен «кольцом революции», позволила Центральному Комитету принять решение, что наступил подходящий для начала восстания момент⁷⁵.

Исследования советских историков множеством фактов подтвердили эти положения. Подготовка и осуществление социалистической революции в Эстонии всесторонне освещены в обобщающих трудах по истории Эстонской ССР и истории КПЭ, а также в упомянутых выше работах К. Сийливаска, И. Саата, В. Реймана, М. Петрова и др.

Фундаментальное изложение затронутых здесь вопросов дается в исследовании К. Сийливаска «От февраля до Октября 1917»⁷⁶. Он подробно рассматривает рост влияния и авторитета большевиков среди трудящихся на фоне возраставшего недо-

⁷³ *Jalajas O. Lühike ülevaade Eesti iseseisvuse tekkimisest ja arengust, lk. 25.*

⁷⁴ *Klassivoitlus, 1925, nr. 67—68, lk. 3—6.*

⁷⁵ *Pöggelmann H. 1917, aasta revolutsioon Eestis, lk. 49.*

⁷⁶ *Siiливask K. Veebruarist Oktoobrini 1917.*

верия масс к мелкобуржуазным партиям. На городских выборах, состоявшихся летом 1917 г., большевики добились крупного успеха, получив большинство голосов в Таллине и Нарве. В Таллинском Совете начиная с 5 сентября большевики стали играть ведущую роль.

Соотношение классовых сил в Эстонии в дни Октябрьской революции помогает охарактеризовать результаты выборов во Всероссийское Учредительное собрание 12—14 ноября 1917 г. Исследователи, прежде всего К. Сийливаск, в своих работах показывают, что большевики одержали на выборах блестящую победу. Как в Петрограде, Петроградской губернии, промышленных губерниях Центральной России, так и в Прибалтике большевики добились убедительного перевеса над другими политическими партиями. В Эстонии насчитывалось 547 400 избирателей, без солдат и матросов, которые голосовали отдельно. В голосовании участвовало 311 705 человек. Конкурировали семь кандидатских списков. Список большевиков занял первое место по количеству поданных голосов — 125 321 голос, или 40,4%. Они победили в Нарве (50,5% поданных голосов), Таллине (47%), в уезде Вырумаа (50,7%), Харьумаа, Тартумаа и Вильяндимаа ⁷⁷.

Итоги происходивших в январе 1918 г. выборов в эстонское учредительное собрание показали, что влияние большевиков уменьшилось — за них было подано 37,1% голосов. Соответственно больше голосов было получено мелкобуржуазными партиями, особенно трудовиками. Исследователи полагают, что причиной этого послужили в первую очередь ошибки эстонских большевиков в аграрном и национальном вопросах, а также трудности, обусловленные войной и экономической разрухой ⁷⁸.

Поскольку аграрный вопрос в Эстонии стоял на повестке дня особенно остро, в дни Октября между большевиками и представителями мелкобуржуазных партий на почве расхождения во взглядах на пути его разрешения произошло резкое столкновение. Большевики Эстонии при разработке своей аграрной программы в 1917 г. руководствовались резолюцией Апрельской конференции РСДРП(б) по аграрному вопросу. Как известно, важным пунктом аграрной программы большевиков, принятой на конференции, было требование конфискации помещичьих, церковных и монастырских земель и национализации всех земель в стране.

⁷⁷ Саар И., Сийливаск К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии, с. 260; Siilivask K. Ülevenemaalise Asutava Kogu valimiste tulemused Eestis.—Tartu Riikliku Unikooli Toimetised, 1970, nr. 258, lk. 330—350.

⁷⁸ Саар И., Сийливаск К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии, с. 379—382. Saarniit H. Veel kord eesti bolševike agraarpoliitikast Oktoobrirevolutsiooni päevil.—Rmt.: Revolutsioonist revolutsioonini 1905—1940, lk. 85—87.

Аграрная программа большевиков Эстонии была выработана на совещании представителей сельскохозяйственных рабочих 21—22 мая 1917 г. и на конференции безземельных Эстонии 13—15 августа 1917 г. Ее основное требование: вся земля должна быть признана собственностью народа; все помещичьи, монастырские, церковные и прочие крупные землевладения должны быть бесплатно переданы народу; конфискованные имения ни в коем случае не следует делить, а в каждом из них организовать образцовое социалистическое хозяйство. Эстонские большевики во главе с Я. Анвельтом требовали обращения мыз в общенародную собственность и выступали в защиту крупного хозяйства как прогрессивной формы⁷⁹. Они указывали также на то, что в случае раздела помещичьей земли на мелкие участки произойдет дробление сил сельского пролетариата; к тому же и подлежащей разделу земли на всех не хватило бы. «И на что батраку или поденщику клочок земли, где отсутствуют постройки, где не имеется сельскохозяйственных орудий, нет ни рогатого, ни рабочего скота?» — спрашивал Я. Анвельт⁸⁰.

После победы Октябрьской революции помещичье землевладение в Советской стране было ликвидировано в основном в первые же месяцы Советской власти. К весне 1918 г. земли помещиков были распределены между крестьянами. В Прибалтике конфискованные земли и инвентарь помещиков разделены не были. На базе помещичьих имений создавались крупные социалистические хозяйства⁸¹.

В 20-е и 30-е годы рядом марксистских авторов было высказано суждение, что, отказавшись от раздела мыз и не наделив за их счет нуждавшихся в земле, эстонские большевики в 1917—1919 гг. совершили серьезную ошибку⁸².

Историками Советской Эстонии по этому вопросу были высказаны различные точки зрения. В «Очерках истории Коммунистической партии Эстонии», «Истории Эстонской ССР» (как в одной, так и в трехтомной), а также в названных выше работах И. Саата, В. Реймана и других отказ от раздела отчужденных мызных земель рассматривается как ошибка эстонских большевиков. В публикациях всесоюзных научных учреждений также указывается, что создание в Прибалтике социалистических крупных хозяйств вызвало недовольство среди крестьян, нуждавшихся в земле⁸³.

⁷⁹ *Maatamees K.* (Anvelt J.). *Maa rahva kätte*. Tallinn, 1917.

⁸⁰ *Anvelt J.* *Oktoobrirevolutsioon ja maaküsimus Eestis*.— *Klassivõitlus*, 1919, nr. 11, lk. 24.

⁸¹ История СССР. М., 1967. Т. VII. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР 1917—1920 гг., с. 317—319.

⁸² *M. R.* (*Mirring R.*). *Oktoobrirevolutsioon ja klassivõitlus Eestis*.— *Klassivõitlus*, 1931, nr. 137, lk. 20; *Rästas O.* *Põrandaalused L.*, 1932.

⁸³ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VII, с. 319.

В статье, опубликованной в 1958 г., Р. Антонс и А. Либман оспаривали тезис, что эстонскими большевиками при разрешении земельного вопроса в период Октябрьской революции были допущены ошибки⁸⁴. Свою точку зрения авторы обосновали теми же самыми доводами, на которые в свое время опирались видные эстонские большевики, защищая принцип коллективного хозяйства.

Н. Каротамм в опубликованной в 1959 г. статье об аграрной политике Коммунистической партии Эстонии в 1917—1919 гг.⁸⁵ считает причинами совершенных при разрешении земельного вопроса ошибок стремление «перескочить» через непройденный еще этап строительства социалистического общества, переоценку самобытности Эстонии, а также то, что недостаточно были учтены желания безземельного и малоземельного крестьянства и т. д.

Более поздние и основательные работы по аграрной политике эстонских большевиков в дни Октябрьской революции принадлежат перу И. Саата⁸⁶ и Х. Саарнийта⁸⁷. Оба исследователя приходят к следующему выводу: эстонские большевики хотя и исходили в аграрном вопросе из марксистских положений, слишком в большой мере ориентировались на экономические факторы и не учли интересов тех прослоек крестьянства, которые были заинтересованы в получении земли.

Как явствует из вышесказанного, историками Советской Эстонии в первую очередь рассматривались вопросы аграрной программы большевиков и практического ее осуществления. Что же касается таких вопросов аграрной истории периода Октября, как земельные отношения в эстонской деревне, формы землепользования, положение и быт различных слоев крестьянства, то они пока еще мало изучены.

Как подтверждает опыт новейшей истории человечества, стремление угнетенных и находящихся под колониальным игом народов к свободе и национальной независимости является одной из исторических закономерностей. Естественно, что после

⁸⁴ *Antons R., Liebman A. Eesti bolševike agraarpoliitika Oktoobrirevolutsiooni perioodil.*— *Eesti Kommunist*, 1958, nr. 6, lk. 45—57.

⁸⁵ *Каротамм Н. Г.* Решение Компартией Эстонии аграрного вопроса в 1917—1919 гг.— *Вопр. ист. КПСС*, 1959, № 5, с. 70—85.

⁸⁶ *Saat J. Nõukogude võim Eestis. Oktoober 1917 — märts 1918, lk. 271—342; Saat J. Leninliku maadekreedi elluviimine Eestis.*— *ENSV TA Toimetsied. Ühiskonnateadused*, 1970, nr. 2, lk. 167—178; nr. 3, lk. 247—262, nr. 4, lk. 363—383; 1971, nr. 1, lk. 3—21; nr. 2, lk. 124—144.

⁸⁷ *Саарнийт Х.* Позиция эстонских большевиков по аграрному вопросу в предоктябрьский период.— *Коммунист Эстонии*, 1967, № 6, с. 21—29; *Saarniit H. Eesti bolševike agraarprogrammi väljatöötamine ja propageerimine Oktoobrirevolutsiooni eel.*— *Rmt.: Tõid EKP ajaloo alalt, IV.* Tallinn, 1970, lk. 54—81; *Idem. Mõisate ülevõtmisest Eestis leninliku maadekreedi alusel.*— *Rmt.: Tõid EKP ajaloo alalt, II.* Tallinn, 1966, lk. 7—53; *Idem. Veel kord Eesti bolševike agraarpoliitikast Oktoobrirevolutsiooni päevil.*— *Rmt.: Revolutsioonist revolutsioonini 1905—1940, lk. 67—91.*

низвержения царизма в России, в «тюрьме народов», развернулось мощное национально-освободительное движение. В Эстонии национальный вопрос также занял важное место в общественно-политической борьбе. Буржуазные авторы утверждали, будто не революционная борьба трудящихся, а национальный вопрос являлся центральной проблемой истории Эстонии периода Октябрьской революции.

Э. Лааман в своих лекциях, прочитанных для офицеров буржуазной армии в 1925 г., объявил национальное движение решающим фактором истории. Первопричиной исторического развития, «великой его тенденцией» является якобы победное шествие «национального принципа». «Национальная первозданная тенденция всегда побеждает наперекор любым силам, направленным против нее», — утверждал Э. Лааман⁸⁸. Ту же точку зрения повторили и некоторые другие авторы. Например, О. Ялаяс писал, что «национальный принцип» начиная с французской революции является «первозданной силой», правящей судьбами государств и народов, в то время как экономика будто бы занимает второстепенное место⁸⁹.

Ряд буржуазных авторов, занимающихся историей Прибалтики, и поныне твердит о том, будто большевики в дни Октябрьской революции узурпировали власть, не посчитавшись с интересами и волей местных народов. Настроенные на антисоветский лад, «советологи» отрицают существование советской национальной государственности в Эстонии в период Октябрьской революции и утверждают, что в 1917—1919 гг. местная автономия представляла собой всего лишь «фасад большевистского правления провинциями России» и т. д.⁹⁰

Исследования советских авторов опровергают все вымыслы буржуазных фальсификаторов истории и убедительно доказывают, что национальная государственность народов окраин России была создана в результате революционного осуществления права народов на самоопределение.

Советские историки показали, что после Февральской революции большевики Эстонии на первых порах не обращали достаточного внимания на национальный вопрос⁹¹ и не сразу признали необходимость автономии⁹².

⁸⁸ *Laaman E.* Eesti vabadussõja poliitiline ajalugu, lk. 4.

⁸⁹ *Jalajas O.* Lühike ülevaade Eesti iseseisvuse tekkimisest ja arengust, lk. 3.

⁹⁰ *Meissner B.* Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und der Völkerrecht. Köln, 1956; *Idem.* Sowjetunion und Selbstbestimmungsrecht. Köln, 1962; *Stöckl G.* Russische Geschichte. Stuttgart, 1962.

⁹¹ *Reiman V.* Eesti bolševikud võitluses nõukogude võimu eest, lk. 157; *Silk E.* Rahvusliku liikumise ja Eesti bolševike rahvuspoliitika küsimusi Oktoobri-revolutsiooni ettevalmistamise ajal Eestis.—Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Tartu, 1963, nr. 137, lk. 17—50.

⁹² *Чистяков О. И.* Становление Российской Федерации (1917—1922). М., 1966, с. 39.

И. Саат указал на то обстоятельство, что центральный орган большевиков Эстонии «Кийр» не опубликовал ни одной статьи В. И. Ленина по национальному вопросу⁹³. В качестве одного из примеров недооценки национального вопроса со стороны местных большевиков историками приводится также факт их отрицательного отношения к созданию национальных воинских частей. К. Сийливаск отмечает, что, осудив на первой конференции Северо-Балтийских организаций РСДРП(б) создание национальных воинских формирований, большевики Эстонии хотя и исходили из принципа интернационализма, не учли при этом тяги эстонских солдат к возвращению на родину, а также языковых затруднений, возникавших в русских частях.

Тут, по-видимому, и проявилась недооценка значения национального вопроса, что дало буржуазии возможность развернуть среди военнослужащих эстонской национальности агитацию против большевиков⁹⁴. В связи со стремлением буржуазии превратить национальный вопрос в средство укрепления своего классового господства большевики Эстонии стали уделять ему больше внимания. В июле — августе 1917 г. признали необходимость автономии Эстонии.

Накануне Октябрьской революции большевики Эстонии защищали зафиксированные в резолюциях Апрельской партийной конференции положения. В ленинской резолюции Апрельской конференции говорилось, что за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и образование самостоятельного государства. Конференция одновременно указала, что это право непозволительно смешивать с целесообразностью отделения той или другой нации. При решении этого вопроса следует исходить из общих интересов классовой борьбы пролетариата с учетом общественного развития того или иного народа.

В резолюции Апрельской конференции партия требовала широкой областной, т. е. территориальной, автономии, ликвидации надзора сверху и отмены обязательного государственного языка.

Но и после того как в конце 1917 — начале 1918 г. на повестку дня встало создание федерации советских национальных государств, эстонские большевики ставили вопрос лишь об областной автономии в пределах единого централизованного социалистического государства. Они не сумели еще оценить по достоинству то огромное политическое значение, которое имело создание федерации национальных советских республик.

Эстонские большевики не последовали также совету В. И. Ленина, еще в декабре 1917 г. рекомендовавшего провозгла-

⁹³ *Saat J. Nõukogude võim Eestis*, lk. 389.

⁹⁴ *Siilivask K. Veebruarist Oktoobrini*, 1917, lk. 158.

сить Эстонию независимой социалистической Советской республикой⁹⁵.

Д. Руднев полемизирует с авторами, считающими, что указанная ленинская рекомендация эстонским большевикам находится в прямой связи с ленинским планом разрешения национального вопроса. По мнению Д. Руднева, эта рекомендация имела лишь тактическое назначение и диктовалась стремлением В. И. Ленина спасти Эстонию от грозящей немецкой оккупации⁹⁶.

Исследователями братских республик также отмечено, что Прибалтика относится к тому региону, где вопрос о создании национальной государственности на первых порах не был правильно решен. Г. Макарова, например, отмечает, что советские и партийные органы в Прибалтике стояли за вхождение местных национальных округов в состав Российской СФСР в виде автономных единиц, но что В. И. Ленин помог им правильно решить этот вопрос и провозгласить самостоятельные советские республики⁹⁷.

*

Советские историки имеют значительные достижения в исследовании истории Октябрьской революции в Эстонии. Ими неоспоримо доказано, что в Эстонии в 1917 г. были налицо как экономические, так и политические предпосылки для успешного осуществления социалистической революции и что широкие массы эстонских трудящихся поддерживали Советскую власть.

В результате победы контрреволюции в гражданской войне в 1918—1920 гг. эстонская буржуазия установила свою националистическую республику.

Опыт, приобретенный в дни Октябрьской социалистической революции, вдохновлял рабочих и крестьян Эстонии на борьбу под руководством Коммунистической партии за восстановление Советской власти в республике. Эта борьба увенчалась победой. В 1940 г. в Эстонии победила социалистическая революция. По просьбе представителей эстонского народа Эстония была принята в состав Союза Советских Социалистических Республик.

⁹⁵ Саат И., Сийлиласк К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии, с. 356.

⁹⁶ Rudnev D. V. I. Lenin ja Eesti.— Rmt.: Tõid EKP ajaloo alalt, IV, lk. 98—100.

⁹⁷ Макарова Г. П. Роль В. И. Ленина в решении национального вопроса в 1917—1920 гг.— В кн.: В. И. Ленин об историческом опыте Великого Октября. М., 1969, с. 340—341.

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

К. А. Хмелевский, Л. А. Этенко

Изучение и научное обобщение опыта героической борьбы трудящихся многонациональной России под руководством ленинской партии за победу социалистической революции — одна из центральных задач советской исторической науки. Эта тема «так необъятно велика, — подчеркивал В. И. Ленин, — что об ней можно и должно писать томы»¹. Актуальность темы усиливается необходимостью аргументированного и последовательного разоблачения антикоммунистических извращений истории Великого Октября.

В последние два десятилетия достигнуты новые успехи в изучении борьбы за власть Советов на Северном Кавказе. Расширилась методологическая база исследований. Новые выводы и обобщения, содержащиеся в материалах XX—XXV съездов партии, тезисах и постановлениях ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», а также в других партийных документах, позволяют глубоко и всесторонне осветить коренные проблемы борьбы за социалистическую революцию. С выходом в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, XXXVI, XXXVII и XXXVIII Ленинских сборников, Биографической хроники Владимира Ильича Ленина представилась возможность еще полнее раскрыть значение ленинского идейного наследия для понимания революционных процессов в крае, глубже показывать роль вождя партии в организации победы Советской власти на Северном Кавказе.

Наряду с глубочайшими научными обобщениями и выводами в трудах В. И. Ленина имеются ценнейшие данные о том, как Центральный Комитет партии и Советское правительство подходили к решению конкретных проблем борьбы за власть Советов в различных районах страны, в том числе на Дону и Северном Кавказе. Только на основе изучения ленинских работ можно правильно осмыслить, оценить обширный фактический материал, показать поиски партийными организациями правильной тактики, наилучших путей и форм практической деятельности. В трудах,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 119.

письмах, выступлениях, телеграммах, заметках В. И. Ленина имеются конкретные замечания и выводы о специфических особенностях социально-экономического и политического развития Дона и Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в., которые отразились на классовой, сословной и национально-освободительной борьбе в этом районе, политике Коммунистической партии и деятельности местных партийных организаций. В ленинских документах нашли отражение основные моменты политики и тактики партии в национальном и казачьем вопросах, в борьбе за установление Советской власти на Дону, Кубани, в Ставрополье, на Тереке и в Дагестане.

Неоднократно останавливаясь на условиях и особенностях борьбы трудящихся масс национальных районов страны, в частности на Северном Кавказе, В. И. Ленин подчеркивал, что «идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство»². В то же время В. И. Ленин подчеркивал, что успех борьбы за власть в национальных районах зависит от последовательной интернационалистской, терпеливой, осторожной политики и тактики партии, а также от решительной борьбы против великодержавного шовинизма и буржуазного национализма.

Наиболее полная подборка ленинских материалов, относящихся к данной проблеме, содержится в вышедшем в 1969 г. в Ростове-на-Дону под редакцией Л. И. Берза вторым изданием сборнике «Ленин о Доне и Северном Кавказе». В том же году в Грозном под редакцией Х. Х. Бокова вышел сборник документов и материалов «Москва, Кремль, Ленину». В Орджоникидзе в 1970 г. под редакцией Б. Е. Кабалоева издан сборник документов и материалов «Под знаменем Ленина». В 1971 г. в Ставрополе под редакцией Ю. А. Ахапкина и Ю. П. Лубнева вышел сборник документов и материалов «В. И. Ленин в Ставрополье». В эти сборники вошло свыше 800 документов, большинство которых относится к периоду борьбы за власть Советов на Северном Кавказе.

Неоценимое значение для исследования проблемы имеют материалы Биографической хроники В. И. Ленина. В 5, 6, 7-м и 8-м томах этого издания, охватывающих период с 1917 г. до июня 1920 г., помещено свыше 400 фактов из биографии вождя, которые так или иначе связаны с Доном и Северным Кавказом. При этом многие факты опубликованы здесь впервые.

Более глубокому и всестороннему изучению борьбы за власть Советов и роли партийных организаций в этой борьбе во многом содействовало расширение источниковой базы исследований. В связи с 40-летием победы Великой Октябрьской социалисти-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 132.

ческой революции были изданы сборники документов и материалов, содержащие ценные, в значительной мере новые материалы о революционных событиях на Дону и Северном Кавказе. Это сборники о борьбе за власть Советов на Дону, Кубани, в Ставрополье, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане³. Издание сборников документов осуществлялось и в дальнейшем. Так, были переизданы сборники о борьбе за власть Советов в Ставрополье и Северной Осетии, изданы сборники «Южный фронт» (май 1918 — март 1919)» (Ростиздат, 1962), «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации» (Нальчик, 1963) и др.

Огромное значение имеют подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и вышедшие из печати в 1957—1974 гг. восемь томов «Переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями». Это ценнейшее издание охватывает пока немногим более двух лет — с марта 1917 по июль 1919 г. и содержит 4582 документа, в большинстве своем впервые увидевших свет. Около 200 документов имеют непосредственное отношение к Дону и Северному Кавказу.

В 1969—1976 гг. историческая литература пополнилась ценным исследованием — тремя томами В. В. Аникеева о деятельности Центрального Комитета партии в 1917—1918, 1918—1919 гг. В них раскрывается гигантская политическая и организационная работа В. И. Ленина по подготовке и проведению Октябрьской революции, освещаются многосторонние связи ЦК с местными партийными организациями, способствовавшие победе Советской власти и защите ее завоеваний в самых отдаленных районах страны, в том числе на Дону и Северном Кавказе. Многие источники, включенные в эти книги, ранее не публиковались. Значительно повышает ценность издания содержащийся в первом томе перечень организаций, учреждений и отдельных лиц, связанных с ЦК РСДРП(б) в 1917 — начале 1918 г. В перечне упоминается 58 адресов с Дона, Кубани, Черноморья, Ставрополья, Терека и Дагестана. Здесь можно найти и крупные пролетарские центры края: Ростов, Новороссийск, Туапсе, Грозный, — и казачьи станицы Дона и Кубани Новопокровскую, Павловскую, и село Петровское в Ставрополье, и адыгейский аул Натырбовский, и дадекий Дербент в Дагестане.

³ Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920: Сб. док. Ростов-на-Дону, 1957; Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг.: Сб. док. и материалов. Краснодар, 1957; Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917—1921 гг.): Сб. док. и материалов. Ставрополь, 1957; За власть Советов в Кабарде и Балкарии (1917—1922): Док. и материалы. Нальчик, 1957; Борьба за власть Советов в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Док. и материалы. Орджоникидзе, 1957; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920): Сб. док. и материалов. Грозный, 1958; Борьба за установление Советской власти в Дагестане 1917—1921 г. Сб. док. и материалов. Махачкала, М., 1958.

Отличительными чертами литературы по истории Октябрьской революции на Дону и Северном Кавказе за последние двадцать лет является расширение проблематики исследований, внимание к изучению во всей полноте деятельности большевистской партии и ее местных организаций по руководству революционной борьбой трудящихся масс в многонациональном крае. За последние годы создан ряд интересных монографий, очерков и статей, раскрывающих своеобразие условий, в которых проходила революция в различных районах Дона и Северного Кавказа.

Немало ценных сведений о борьбе за власть Советов содержится в соответствующих главах общих трудов по истории автономных республик и областей региона, в очерках по истории местных партийных организаций. Однако при всей ценности локальных работ им присущи и определенные недостатки. Многие важные вопросы рассматриваемого периода чрезвычайно трудно раскрыть, замыкаясь в узкие административно-территориальные рамки. Для освещения социально-экономических отношений накануне Октября, ведущей роли рабочего класса и ряда других аспектов подготовки и проведения пролетарской революции необходимо выйти за рамки нынешнего административного деления. В последнее время растет тенденция раздвинуть географические границы исследований и рассматривать ход борьбы за власть Советов в пределах территорий, объединенных общими чертами. Эта тенденция привела к созданию в год 60-летия Октября под руководством Научного совета АН СССР во главе с академиком И. И. Минцем коллективной фундаментальной монографии «Октябрь на Дону и Северном Кавказе»⁴.

Важное место в литературе заняли исследования, посвященные анализу социально-экономической обстановки на Дону и Северном Кавказе накануне Октября. Этим проблемам посвящены труды Н. П. Гриценко, В. А. Золотова, Г. В. Казбекова, А. И. Козлова, Л. Н. Колосова, Т. Х. Кумыкова, Ю. И. Серого, М. Ш. Шигабудинова⁵.

⁴ Октябрь на Дону и Северном Кавказе / Л. А. Этенко (руководитель авт. коллектива), М. Г. Аутлев, Н. И. Иваньков, А. И. Козлов, Г. В. Малашенко, К. А. Хмелевский (отв. ред.). Ростов-на-Дону, 1977.

⁵ *Гриценко Н. П.* Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972; *Золотов В. А.* Аграрные отношения на Дону в 1907—1917 гг. — В кн.: Очерки экономического развития Дона. Ростов-на-Дону, 1960; *Казбеков Г. В.* Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963; *Козлов А. И.* На историческом повороте. Ростов-на-Дону, 1977; *Колосов Л. Н.* Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893—1917 гг.). Грозный, 1962; *Кумыков Т. Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962; *Серый Ю. И.* Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913). Ростов-на-Дону, 1967; *Шигабудинов М. Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 — февраль 1917 г.). Махачкала, 1970.

В работах названных и других авторов применяется ленинский метод рассмотрения конкретных исторических явлений в непосредственной связи со всем процессом экономического развития России, позволивший исследовать постепенное вовлечение Дона и Северного Кавказа во всероссийский рынок, раскрыть исторические корни складывающейся дружбы горских народов с великим русским народом, выявить степень развития капитализма здесь, показать влияние сохранившихся феодальных и полуфеодальных пережитков, в частности существования «муниципальной» войсковой собственности на землю и т. д. Анализ социально-экономических отношений на Дону и Северном Кавказе позволяет исследователям сделать важный вывод о значительной глубине и остроте социальных противоречий в крестьянской и казачьей среде Дона и Северного Кавказа, о развивавшейся дифференциации в горских аулах, о преобладании классовых противоречий по сравнению с сословными. Этот вывод явился основой для характеристики расстановки классовых сил в ходе революции и гражданской войны на Дону и Северном Кавказе. Анализ классовых, сословных, национальных особенностей в этом районе страны необходим не для того, чтобы решать, созрела ли в то время каждая отдельная область или губерния для социалистической революции. Дело в том, что вся система российского империализма созрела для перехода к социалистической революции, что по стране в целом сложились объективные и субъективные предпосылки социалистической революции⁶.

Принципиальным является вывод исследователей о значительной глубине и остроте социальных антагонизмов не только в русских казачьих и крестьянских районах, но и в горском ауле. Классовая дифференциация была выражена ярче в Кабарде, Осетии, приморском Дагестане, менее заметной она была в Чечне, Ингушетии, горном Дагестане, у адыгов Черноморского побережья, где незрелые феодальные отношения еще скрывались под покровом патриархально-общинных и родовых пережитков. Необходимо тем не менее дальнейшее тщательное изучение и уточнение вопросов о степени социальной дифференциации крестьянства и казачества и соотношении различных укладов в общественно-хозяйственной жизни горских народов. Серьезным шагом вперед в этом направлении является монография А. И. Козлова «На историческом повороте», в которой рассматриваются социально-экономические и политические отношения накануне Октября на юго-востоке Европейской России.

Одной из важнейших проблем является раскрытие руководящей роли Коммунистической партии в борьбе трудящихся масс за победу и упрочение Советской власти в крае, анализ деятельности партийных организаций в сложных условиях переплетения классовых, сословных и национально-религиозных противоречий.

⁶ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1967, т. 1, с. 8.

В общих чертах эта деятельность рассмотрена в соответствующих главах очерков истории местных большевистских организаций, а также в сводных работах по истории национальных республик и областей Северного Кавказа. В последнее время появились исследования, в которых более глубоко освещаются важные вопросы тактики большевиков Дона и Северного Кавказа в период Октября⁷. Тем не менее до последнего времени, например, недостаточно исследованы вопросы тактики местных партийных организаций на различных этапах борьбы за власть Советов. Шагом вперед в разработке этой проблемы явилась коллективная монография «Октябрь на Дону и Северном Кавказе». Наиболее обстоятельно в ней освещены вопросы тактики большевиков края в период подготовки и проведения социалистической революции.

Авторами, в частности, глубоко проанализированы причины возникновения и существования в течение некоторого времени после свержения царизма на Северном Кавказе (как и в других районах страны) объединенных социал-демократических организаций, выяснена роль в них большевиков. Авторы совершенно правильно объясняют распространившиеся в то время объединительные настроения в первую очередь давлением мелкобуржуазной стихии на немногочисленный в крае пролетариат, отмечают также отсутствие регулярных связей большевистских групп с центром и обусловленную этим слабую осведомленность о подлинной обстановке в стране. Вместе с тем авторы подчеркивают формальный во многих случаях характер объединения, самостоятельность линии большевиков в рамках объединенных организаций.

Иное объяснение этим фактам дают авторы монографии «Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии», вышедшей в Орджоникидзе в 1973 г. Упомянув о слабости вышедших из подполья большевистских организаций, малочисленности и распыленности пролетариата, они утверждают, будто сложность политической обстановки в крае требовала «концентрации всех сил социалистических партий в интересах обеспечения мира и дружбы между народами Терека»⁸.

О какой «концентрации сил» с меньшевиками и эсерами могла идти речь, когда их лидеры на Северном Кавказе, как и в центре, все более скатывались к соглашательству с контрреволюционной буржуазией?

В. И. Ленин требовал от большевиков безусловного разрыва с оборонцами, выступая против блоков и соглашений с ними и с колеблющимися в основных вопросах революции группами.

⁷ Долунц Г. К. Киров на Северном Кавказе. М., 1973; Этенко Л. А. Большевистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов-на-Дону, 1972; Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976, и др.

⁸ Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973, с. 38.

Существование объединенных организаций тормозило процесс высвобождения трудящихся из-под влияния соглашателей. Изживание объединительных тенденций, как свидетельствует вся история борьбы за массы в период подготовки и проведения социалистической революции, являлось неперенным условием победы большевиков.

Разумеется, все это не противоречит тактике большевиков, рассчитанной на создание широкого демократического фронта в борьбе против контрреволюции.

Большевистские организации Дона и Северного Кавказа неоднократно использовали тактику компромиссов и соглашений с мелкобуржуазными партиями и даже мусульманским духовенством. Необходимость соглашений обуславливалась тем, что пролетариат здесь был окружен массой чрезвычайно пестрых, переходных типов от пролетарских к полупролетарским элементам, сложными условиями сословной и национальной розни. Неизбежность компромиссов диктовалась также трудностями и сложностью классовой борьбы пролетариата и его революционного авангарда. В связи с этим для марксистской партии и ее местных организаций тактика лавирования и компромиссов «с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков,— писал В. И. Ленин,— вытекает с абсолютной необходимостью»⁹. Для рабочего класса тактика соглашений с левыми силами, в сущности, означала его гегемонию в революции¹⁰.

Исследователи подчеркивают, что в практике большевистских организаций Дона и Северного Кавказа были примеры удачных (например, социалистический блок на Тереке) и неудачных (Военно-революционный комитет объединенной демократии на Дону) компромиссов и соглашений. В своем подавляющем большинстве они оказывались недолговечными, но не по вине большевиков. Став на путь борьбы против Советской власти, мелкобуржуазные партии сами исключили себя из всей ее системы, а затем вообще ушли с политической арены.

В авангарде борьбы трудящихся края за социалистическую революцию шел рабочий класс. На Дону и Северном Кавказе такие пролетарские центры, как Ростов, Таганрог, Новороссийск, Грозный и другие, становились очагами консолидации революционных сил. Именно рабочий класс представлял собой центр притяжения трудящихся всех национальностей, ведущую силу, способную под руководством большевиков решить стоящие перед ним задачи. Единая общероссийская партия большевиков во главе с В. И. Лениным и воспитанный ею в духе интернационализма пролетариат противопоставили сепаратистам и националистам единый классовый фронт трудящихся всей России. Полностью подтвердилось ленинское положение: «При всяком действительно

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 59.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 290.

серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»¹¹. Исключительно велико было значение русских рабочих, составлявших костяк пролетариата края.

В последнее время появились пока еще крайне малочисленные специальные исследования, освещающие вклад рабочих отдельных городов и районов края в победу Советской власти¹².

Однако в целом эта важная проблема в рамках Северного Кавказа исследована еще недостаточно. Нет работ, в которых бы анализировались состав и положение рабочего класса в годы революции и гражданской войны, рассматривались бы количественные и качественные изменения отдельных его отрядов и слоев. Весьма важно также проследить роль промышленных рабочих и железнодорожников в организации вооруженных сил революции, Красной гвардии, а затем Красной Армии на Дону и Северном Кавказе. Без исследования этих и других вопросов нельзя глубоко и всесторонне раскрыть тему пролетарского руководства борьбой трудящихся за социальное и национальное освобождение в годы революции и гражданской войны.

Для победы и упрочения власти Советов в казачье-крестьянских и горских районах громадное значение имела мобилизация политических резервов, использование общедемократических и национально-освободительных движений. Известные успехи в изучении революционных выступлений трудящихся крестьян и казаков достигнуты в последние два десятилетия. Глубже стали исследоваться важнейшие аспекты политики партии по отношению к крестьянству и казачеству на различных этапах революции. Много внимания борьбе за трудовое крестьянство уделено в монографиях Н. И. Иванько, А. И. Козлова и И. П. Осадчего¹³.

К сожалению, проблема борьбы за крестьянство до сих пор не привлекла должного внимания историков Дона и Северного Кавказа. Увлечшись исследованием казачьей специфики края, исследователи оставляют, по существу, в стороне то обстоятельство, что трудящееся крестьянство в нем составляло более половины сельского населения. Поэтому позиция и борьба крестьянства имели большое значение для консолидации революционных сил.

В последнее время стали глубже исследоваться важнейшие аспекты политики партии по отношению к казачеству. В работах

¹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 24, с. 134.

¹² Киреев Е. П. Пролетариат Грозного в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — май 1918 г.). Грозный, 1957; Малащенко Г. В. Шахтеры Дона в борьбе за власть Советов (февраль 1917 — февраль 1918). Шахты, 1957; Гаджиев А. С. Рабочие в авангарде борьбы трудящихся Дагестана за установление Советской власти. Махачкала, 1961; Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1977.

¹³ Иванько Н. И. За власть Советов. Ставрополь, 1957; Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. Ростов-на-Дону, 1972; Осадчий И. П. Октябрь на Кубани. Краснодар, 1977.

Л. М. Спирина, В. Д. Поликарпова, Л. И. Верза, К. А. Хмелевского, А. И. Козлова, Ю. К. Кириенко, Я. А. Перехова¹⁴ и других дается в целом правильная характеристика казачества, выделяется главная, классовая линия при его оценке, показывается процесс раскола казачества в ходе революции и гражданской войны. В то же время указанные авторы не закрывают глаза на сословные предрассудки казачества, которые захватывали часто и его трудовую часть.

В результате правильной политики партии по отношению к казачеству в процессе установления власти Советов постепенно изживались многие сословные предрассудки и перегородки, отделявшие казачество от остальных трудящихся. Планы международной и внутренней контрреволюции создать единый антисоветский фронт всего казачества не осуществились. В. И. Ленин отмечал, что «всякая новая попытка даже в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых, как казаки,— везде, без исключения, всякая попытка контрреволюции приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле»¹⁵.

При рассмотрении политики в отношении казачества следует иметь в виду, что не все аспекты ее определялись сразу. Пути и методы привлечения трудового казачества на сторону диктатуры пролетариата разрабатывались и совершенствовались на различных этапах борьбы и в связи с изменениями в расстановке классовых сил в ходе революции и гражданской войны.

Пристальное внимание исследователей привлекает национально-освободительное движение горцев и его роль в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции¹⁶.

¹⁴ Спирина Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 — февраль 1918. М., 1976; Верза Л. И., Хмелевский К. А. Героические годы. Ростов-на-Дону, 1964; Вчитываясь в ленинские строки. Ростов-на-Дону, 1969; Хмелевский К., Кириенко Ю., Перехов Я. Освещать историю по-ленински.— Дон, 1970, № 7; Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1977, и др.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 402—403.

¹⁶ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане / Под ред. Г. А. Алишберова. Махачкала, 1960; Магомедов Ш. М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965; Алишберов Г. А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1968; Эмиров Н. П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1972; Кашкаев В. О. От Февраля к Октябрю (национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972; Он же. Гражданская война в Дагестане 1918—1920 гг. М., 1976; Абазагов М. А. Из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962; Гойцова З. А.-Г. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный, 1963; Тогоев М. С. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Орджоникидзе, 1957; Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе, 1969; Кулов С. Д. Керменисты в борьбе за Советскую власть. Орджоникидзе, 1973; Ежуги Б. П. Большевики

Большинство авторов отмечает сложность и неоднородность национальных движений на Северном Кавказе. За руководство национально-освободительным движением боролись пролетариат во главе с большевиками, а также национальная буржуазия и мусульманское духовенство. Большевики Северного Кавказа проделали огромную работу, чтобы обеспечить себе руководящую роль в национально-освободительном движении горских народов. Разоблачая антинародную сущность националистической идеологии, они воспитывали трудящихся горцев в духе пролетарского интернационализма, способствовали развитию национального движения, классовой солидарности трудящихся различных национальностей.

В проведении национальной политики, учил В. И. Ленин, важно органически сочетать национальную специфику с решением общих, интернациональных задач, проявлять гибкость и осторожность, не допускать механического копирования тактики русских коммунистов.

Труды северокавказских историков убедительно свидетельствуют, что большевистские организации национальных районов Северного Кавказа накопили огромный опыт борьбы с национализмом, который стремился затушевать классовые противоречия, выдвигая на первый план призрачную общность интересов противоположных классов в целях противопоставления одних народов другим, ослабления и подрыва интернациональных интересов рабочего класса и трудящихся горских народов. Большое научное и политическое значение имеет в связи с этим создание фундаментальных работ, в которых было бы проанализировано банкротство идеологии буржуазного национализма и торжество идей пролетарского интернационализма в ходе революционно-освободительной борьбы трудящихся Северного Кавказа.

Изучение деятельности Северо-Осетинской революционно-демократической партии «Кермен», Дагестанской социалистической группы, революционно-демократической организации кабардинской бедноты «Карахалк», отношения к ним большевиков представляет чрезвычайный интерес для анализа расстановки классовых сил на различных этапах революции, уяснения тактики партии в борьбе за власть Советов.

Важной проблемой была и остается проблема советского и национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Этой проблеме историки Северного Кавказа уделяли и уделяют большое внимание¹⁷. Значительный интерес представляет

Терека — организаторы борьбы трудящихся за установление и упрочение Советской власти в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1976; *Гугов Р. Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; *Лайпанов К. Т.* Октябрь в Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1971; *Этенко Л. А.* Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975, и др.

¹⁷ *Кучиев В. Д.* Советы в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Тереке (1917—1918 гг.). Орджоникидзе, 1964;

освещение истории ревкомов в национальных районах края. Анализ деятельности ревкомов позволяет проследить своеобразие перехода горских народов к социалистическим преобразованиям в условиях, когда еще сохранялись пережитки докапиталистических патриархально-феодальных отношений, влияние реакционного духовенства, а также оценить роль ревкомов в создании основ первых национально-территориальных автономий на Северном Кавказе, специфику национально-государственного строительства.

Современный этап мирового развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом. Идейное противоборство двух систем, подчеркивал XXV съезд КПСС, становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной. Империалисты превратили экспорт разного рода «исторических» идей в составную часть экспорта антикоммунистической идеологии. Историки Дона и Северного Кавказа в своих исследованиях аргументированно разоблачают антикоммунистические фальсификации буржуазных авторов¹⁸.

Однако изощренность и утонченность антикоммунистической пропаганды, внешнее наукообразие советологии ставят перед советскими историками задачи повышения теоретического уровня и совершенствования методов критики буржуазной историографии.

Анализ современной литературы с борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе свидетельствует о несомненных успехах историков региона, создавших ряд фундаментальных трудов о революционной борьбе в республиках и областях региона. Залогом дальнейшего успешного изучения всего комплекса вопросов истории Великого Октября является последовательное проведение исследователями принципа партийности, непримиримости ко всем отклонениям от марксистско-ленинской методологии, борьба с буржуазными и ревизионистскими фальсификациями героического прошлого нашей Родины.

Занин В. А. Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре и Советы. Краснодар, 1975; *Исрапилов А. К.-М.* Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала, 1976; *Бугай Н. Ф.* Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. 1919—1920. Нальчик, 1977; *Кониев Ю.* Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973; *Улигов У. А.* Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1972; *Кабалоев Б. Е., Эгенко Л. А.* В. И. Ленин и становление национально-территориальных автономий горских народов Северного Кавказа.— Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1973, № 1, и др.

¹⁸ *Бугай Н. Ф.* О буржуазной фальсификации интернациональной солидарности трудящихся Северного Кавказа в годы гражданской войны.— В кн.: 50 лет разгрома интервентов и окончания гражданской войны в СССР: Материалы научной конференции. М., 1972; *Хмелевский С. К.* Гражданская война на юге России в освещении современной англо-американской буржуазной историографии: Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1977; *Кониев Ю. И., Бадальян С. А., Козаев А. И.* Осетия в кривом зеркале антикоммунизма.— Изв. Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та, 1971, т. 28, и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В. И. ЛЕНИН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ «ПРАВДЫ» И ПРАВДИСТСКОЙ ПЕЧАТИ 1912—1914 ГГ.

В. Т. Логинов

Исследователь «Правды» 1912—1914 гг. не может пожаловаться на то, что данная тема недостаточно освещалась в научной литературе. Первая массовая рабочая марксистская газета, выходившая под руководством В. И. Ленина, сыграла столь выдающуюся роль в деятельности Коммунистической партии, в развитии общенародного освободительного движения в России, что к ней и ее опыту постоянно обращались все те, кто изучал историю большевизма и большевистской прессы, историю борьбы трудящихся масс страны в дооктябрьский период.

Характеризуя работу за годы издания «Правды» и в какой-то мере итог ее работы, один из видных правдистов, А. С. Киселев, писал: «... За 13—14 гг. проделана была громадная политико-воспитательная работа, которая, наконец, и сказала во время Февральского и Октябрьского переворота. Многим было непонятно, откуда взялись сознательные силы рабочих. Но этот предыдущий период, богатый всякими событиями, много дал рабочему классу... В этом периоде... можно искать разгадки многих неясностей тем историкам, которые, не зная рабочего движения 13—14 гг... могут сделать неправильный, односторонний вывод, если они упустят и недостаточно оценят эту бурную кипящую эпоху борьбы за освобождение»¹.

За шестьдесят восемь лет, прошедших с того дня, когда в Петербурге увидел свет первый номер ленинской «Правды»; был опубликован ряд крупных монографий и специальных сборников, десятки исследовательских статей и популярных брошюр, а также сотни документов и воспоминаний старых правдистов, посвященных самым различным сторонам деятельности ежедневной большевистской газеты.

В 1962 г. Г. В. Петряков и И. С. Сазонов предприняли первую попытку дать краткий историографический обзор этой об-

¹ Ленин и металлисты. Сб. М., 1924, с. 27—28.

ширной литературы². Аналогичные обзоры появились и в некоторых диссертациях³. Наконец, в 1966 г. в книге Н. Г. Зориной и А. А. Савенкова впервые рассматривалась и такая интереснейшая проблема, как «В. И. Ленин — историк «Правды»»⁴. С авторами указанных работ можно безусловно спорить по многим частным оценкам и общим выводам, но одно несомненно — благодаря им научная историография «Правды» сделала серьезный шаг вперед.

Поэтому наша задача состоит лишь в том, чтобы несколько дополнить эти обзоры. И прежде всего в таких дополнениях нуждается общая оценка ленинского вклада в научную разработку основных проблем данной темы.

Дело в том, что обращение к истории «Правды» по существу началось сразу же после ее выхода в свет. Объяснялось это не только глубоким интересом современников к первой массовой ежедневной рабочей газете, но и насущными потребностями политической борьбы. Уже тогда, весной 1912 г., ликвидаторская печать подняла клеветническую кампанию, обвиняя большевиков в «узурпации» рабочей газеты, инициатива создания которой якобы принадлежала им — ликвидаторам.

Эта кампания, то затихая, то вновь разгораясь, продолжалась на протяжении всех лет выпуска «Правды». Особенно обострилась она весной 1914 г., когда большевики решили отметить двухлетнюю годовщину своей газеты, исполнявшуюся 22 апреля (5 мая н. ст.), празднованием первого Дня рабочей печати.

Ликвидаторская газета опубликовала ряд тенденциозных статей и воспоминаний⁵, а в журнале «Современный мир» появилась серия «научных» статей меньшевика Л. М. Клейнборта, доказывавшего, что создание легальной рабочей прессы явилось результатом чисто стихийного процесса, проходившего вне всякой зависимости и даже вопреки деятельности большевиков. Я. М. Свердлов, ознакомившись с указанными статьями в ссылке, сразу же отметил, что за внешним объективизмом «уши меньшевиков и ликвидаторов» торчали в этих писаниях достаточно определенно⁶.

В этой связи «Правда» опубликовала некоторые документы, и в частности решение нелегального Центрального бюро петербургских профсоюзов (февраль 1912 г.)⁷, а также воспоминания рабочих-партийцев об истории создания газеты. Аналогичные ста-

² Вопр. ист. КПСС, 1962, № 2, с. 162—174.

³ Андронов С. А. Ленинская газета «Правда» и правдистская печать в 1912—1917 годах: Дис... докт. ист. наук. М., 1968. Т. 1; Розенталь И. С. Профессиональная печать и рабочее движение в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.): Дис.. канд. ист. наук. М., 1965; и др.

⁴ Зорина Н. Г., Савенков А. А. В. И. Ленин — историк печати. Л., 1966.

⁵ Северная рабочая газета, 1914, 20 и 25 апр.

⁶ Свердлов Я. М. Избр. произв. М., 1957, т. 1, с. 259.

⁷ Путь правды, 1914, 3 апр.

ты и очерки поместили в День рабочей печати и все другие правдистские издания⁸. Ряд материалов по этому вопросу появился даже в некоторых либеральных газетах⁹.

Центральное место в большевистской литературе, посвященной двухлетней годовщине «Правды», заняла брошюра «История рабочей печати в России», подготовленная в начале апреля 1914 г. Заграничным бюро ЦК РСДРП. Первую часть этой брошюры «Из прошлого рабочей печати в России» и заключительную главу «Наши задачи» написал В. И. Ленин.

Отметим несколько принципиальных указаний, сделанных Владимиром Ильичем в этой работе. Прежде всего он подчеркнул, что историю создания «Правды» можно рассматривать лишь в неразрывной связи со всей предшествующей историей демократического и социалистического движения в России. Иными словами, «Правда» возникла как своего рода итог почти 20-летнего развития русской рабочей прессы.

Ленин определил также и некоторые наиболее характерные черты пролетарской печати: изложение «нужд и требований рабочих разных фабрик и отраслей промышленности» в так называемых фабричных «обличениях»; хроника «экономической» борьбы пролетариата; «принципиальное освещение задач рабочего движения» с позиций революционного марксизма; четкое противопоставление этой позиции реформистской проповеди оппортунистов и, наконец, активное участие самих «передовых рабочих в составлении и распространении такой литературы...»¹⁰.

Эти важнейшие черты массовой большевистской прессы, указывал В. И. Ленин, стали складываться задолго до появления «Правды», и в этом смысле даже рабочие листовки и первые социал-демократические газеты 1895—1897 гг. «являются прямыми и непосредственными предшественниками теперешней рабочей печати...»¹¹.

Как видим, рассматривая ретроспективно (почти за два десятилетия) наиболее существенные черты всей массовой большевистской рабочей прессы, В. И. Ленин не указывает на такой характерный признак «Правды» и сопутствующих ей органов, как легальность издания. Он выделяет наиболее общее, то, что объединяло все разнохарактерные печатные партийные органы — легальные и нелегальные, центральные и местные, листовки, газеты, журналы и т. д.

Такого рода подход весьма поучителен. Он лишний раз напоминает о необходимости исследования большевистских изданий самого различного типа, относящихся к тому или иному периоду,

⁸ Среди них следует отметить интереснейшие воспоминания, опубликованные журналом «Деревообделочник» (1914, № 1, апр.).

⁹ История СССР, 1971, № 6, с. 67—70.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 96—97.

¹¹ См. там же, с. 97.

как целостного комплекса, как единого фронта всей большевистской прессы, которой располагала партия фактически на всех этапах ее борьбы.

Между тем именно эта целостность и единство, система тесной взаимосвязи и четкого распределения функций между различными печатными органами¹² до сих пор изучены совершенно недостаточно. И уже первые шаги, предпринятые в этом направлении С. А. Андроновым и И. С. Розенталем в указанных выше работах, показали, насколько перспективен такого рода подход.

Но «История рабочей печати в России» заставляет задуматься не только об общих методологических проблемах исследования большевистской прессы, но и о специфике того, что принято называть «правдистской прессой» периода нового революционного подъема. И в этой связи нам кажется не вполне правомерной попытка С. А. Андронova распространить данный термин на все — и легальные и нелегальные — партийные издания 1912—1914 гг.

Если применительно к понятиям «большевизм» и «большевики» слова «правдизм» и «правдисты» в 1912—1914 гг. безусловно являлись абсолютно тождественными, то при изучении истории большевистской прессы понятие «правдистская печать» не являлось синонимом «большевистской печати», т. е. проводилось определенное различие между собственно «правдистскими», легальными, и нелегальными партийными изданиями тех лет. И делалось это не случайно.

Безусловно, вся партийная пресса в целом, и легальная и нелегальная, решала одни задачи. Но «Правда» создала совершенно *новый тип* большевистской печати. Легальность и небывалая доселе массовость издания придали новое *качество* всем тем особенностям партийной рабочей прессы, о которых писал Ленин. Пропаганда марксизма на страницах «Правды» приобрела гораздо более систематический, разносторонний и в то же время дифференцированный характер¹³. Ежедневные «фабричные обличения» и «хроника стачек» впервые позволили сделать «Правду» могучим инструментом практического и оперативного руководства пролетарской борьбой. Невиданные ранее масштабы и формы участия рабочих в издании и распространении газеты не только изменили состав читательской аудитории, но и привели к тому, что именно рабочий корреспондент стал ее главнейшим автором, а рабочие «правдистские группы» — основной материальной и политической опорой.

¹² См., например, решение ЦК РСДРП (июль 1913 г.) о четком разделении функций между легальной «Правдой» и нелегальным «Социал-демократом» в кн.: *Логинов В. Т.* Ленинская «Правда». М., 1972, с. 159.

¹³ Необходимо отметить, что легальность издания в условиях жесточайшей цензуры наложила свой отпечаток на язык, стиль, сами формы этой пропаганды, что опять-таки составляло специфику «правдистской прессы», отличавшую ее от таких нелегальных изданий, как «Социал-демократ», листовки и т. д.

По типу «Правды» в тесной связи с ее выпуском, при ее прямом содействии и руководстве возникли легальные большевистские (центральные, местные, профессиональные) газеты и журналы, которые обладали теми же отличительными чертами. Поэтому постановка в один ряд большевистских изданий, легальных и нелегальных, без учета указанных особенностей порой стирает ту специфику, которой определялся характер собственно «правдистской прессы».

В этой же связи вызывает возражение и попытка, предпринятая О. А. Поздняковым (в его интересной и содержательной работе «Местная печать большевистской партии в годы нового революционного подъема. 1910—1914») ¹⁴, включить в рамки партийной печати и действительно большевистские издания, и те издания, в которых большевики только сотрудничали. Совершенно очевидно, что вопрос о политическом направлении того или иного органа не сводится к вопросу об участии в нем тех или иных лиц. Для этого прежде всего необходим анализ идейного содержания данного органа. В 1910—1914 гг. большевики нередко сотрудничали в местных, так называемых прогрессивных газетах, но это отнюдь не приводило к «большевизации» этих изданий. Поэтому вряд ли есть основания «переоценивать» подобные газеты (особенно в Сибири), упоминаемые О. А. Поздняковым.

Кстати сказать, тот список правдистских изданий, который был опубликован в брошюре «История рабочей печати в России», может служить примером строго партийного подхода к решению данного вопроса. Именно этот принцип и был положен в основу сотрудниками библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС при составлении первого библиографического указателя «Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 — октябрь 1917)», вышедшего в 1964 г. Правда, последующие исследования показали, что составители напрасно не включили в число большевистских изданий латышские рабочие газеты 1914 г., ряд профессиональных журналов, неточно охарактеризовали газету «Рабочий». Но и при этих недостатках с выходом книги «Большевистская периодическая печать» историки впервые получили столь полный и фундаментальный аннотированный каталог дооктябрьских партийных изданий вообще и большевистской прессы 1910—1914 гг. в частности.

Наконец, в брошюре «История рабочей печати в России» рассматривалась и история создания самой «Правды». Отметим лишь два важных факта, позднее незаслуженно забытых исследователями. Первый: в брошюре (впервые в легальной печати) упоминалось об обсуждении вопроса о ежедневной газете на Пражской конференции РСДРП ¹⁵. Поэтому нельзя согласиться

¹⁴ Науч. зап. Ленинград. финансово-экономического ин-та, 1957, вып. 17, 18.

¹⁵ См.: Рабочий, 1914, № 1, 22 апр., с. 8.

с встречающейся и по сей день ссылкой исследователей на отсутствие каких-либо прямых свидетельств по данному вопросу. И второй факт: при перечислении основных вех легальной издательской деятельности большевиков, завершившейся в 1912 г. выпуском «Правды», называлась петербургская газета «Новый день», выходившая ранее «Звезды» — в июле-декабре 1909 г.¹⁶ Упоминание «Нового дня» имеет чрезвычайно важное значение, ибо оно выводит историю борьбы за создание ежедневной легальной рабочей газеты за традиционно принятые в нашей литературе хронологические рамки 1911—1912 гг.

Пример с «Новым днем» вообще весьма поучителен и представляет несомненный историко-ведческий и историографический интерес. В. И. Ленин не раз указывал, что наиболее важной особенностью всей партийной работы в 1907—1914 гг. являлось гибкое сочетание ее легальных и нелегальных форм¹⁷. Каналы связи Ленина, Центрального Комитета РСДРП с партийными организациями и редакциями легальных большевистских изданий в России были чрезвычайно многообразны. Но о каждом указании или решении ЦК знал, как правило, лишь строго ограниченный и постоянно менявшийся круг лиц. Эта специфическая «неосведомленность» (при отсутствии соответствующих документов) и оказалась существенное воздействие и на мемуары и на исследовательские работы 20-х годов.

Выше уже говорилось о том, что в 1909 г. в Петербурге большевики использовали для партийной пропаганды газету «Новый день».

Рассматривая в 20-х годах вопрос о предшественниках «Правды», ни Ольминский, ни Полетаев не упоминали о «Новом дне»¹⁸, а Бонч-Бруевич категорически заявил, что никакой преемственности между этой газетой и «Звездой», а стало быть, и «Правдой» не существовало, ибо сотрудничество большевиков в «Новом дне» являлось якобы лишь случайным эпизодом¹⁹.

Между тем Бонч-Бруевич просто не знал ни о соответствующем конспиративном решении расширенной редакции «Пролетария» (большевистского центра), ни о конспиративной переписке Гольденберга и Финна-Енотаевского с Лениным, который не только сам сотрудничал в «Новом дне», но и санкционировал состав

¹⁶ В брошюре она ошибочно называлась газетой «Новый путь». Однако из контекста видно, что речь шла именно о «Новом дне».

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 28.

¹⁸ Лишь в воспоминаниях 1925 г., рассказывая о встрече с Лениным в 1910 г., положившей начало изданию «Звезды», Полетаев вскользь упомянул о предшествовавшей «попытке создать газету» (см.: Ленин в «Правде». Сб. М., 1970, с. 79). В дальнейшем участие Ленина в руководстве «Звездой» и создании «Правды» освещалось в его воспоминаниях более обстоятельно, ибо с 1910 г. Владимир Ильич осуществлял эту работу в значительной мере через Полетаева.

¹⁹ Пролетарская революция, 1928, № 6/7, с. 336. Там же были помещены статьи о «Новом дне» Н. Иорданского, О. Мицкевича и др.

его редакции. Подобная неосведомленность как раз и явилась одной из причин того, что начиная с 20-х годов (сначала в мемуарах, а затем и в исследовательских работах) круг изданий, предшествовавших «Правде», так и замкнулся на «Звезде».

Лишь работы С. А. Андропова и И. С. Розенталя, опубликованные в 1970 г.²⁰, не только напоминали о решении большевистского центра (1909 г.) и факте выпуска «Нового дня», но и привели новые данные, свидетельствующие об обсуждении вопроса о ежедневной рабочей газете в среде столичного пролетариата в том же 1909 г., о договоре между большевиками и меньшевиками-партийцами относительно издания легальной газеты, подписанном В. И. Лениным в марте 1910 г., и т. д. И хотя указанным авторам не удалось в то время установить прямую связь и преемственность между этими фактами и выпуском «Правды» в 1912 г., тем, кто разрабатывал этот вопрос позднее, оставалось сделать лишь несколько шагов по уже указанному пути. Такова поучительная история, связанная с упоминаемой в брошюре 1914 г. «История рабочей печати в России» газетой «Новый день».

Завершая анализ этой брошюры, подготовленной ЦК РСДРП при непосредственном участии и авторстве В. И. Ленина, отметим, что она содержала также итоговые данные о полицейских репрессиях, направленных против большевистской газеты, о групповых рабочих сборах в фонд «Правды» за два года и т. д. Приводились и интересные материалы, характеризующие ее идейное направление, тесную связь с широкими пролетарскими массами, крестьянской беднотой.

В заключительной главе «Наши задачи» В. И. Ленин писал: «Мы дали краткий обзор истории рабочей печати в России и возникновения «Правды». Отмечая неполноту этого обзора, Владимир Ильич указал, какую главную задачу ставил он, исследуя путь, пройденный «Правдой» и большевистской прессой: «Мы старались показать, как... история марксизма и рабочего движения в России, в результате долгой борьбы рабочего авангарда против мелкобуржуазных, оппортунистических течений, привела к сплочению громадного большинства сознательных рабочих вокруг «Правды»...»²¹. Этот важнейший методологический принцип и по сей день определяет основное направление исследования правдистской печати 1912—1914 гг.

Фактически В. И. Ленин стал первым историком «Правды». Его статьи «Итоги полугодовой работы», «Рабочие и «Правда»», «Годовщина «Правды»», «Рабочий класс и рабочая печать», «К итогам дня рабочей печати» и многие другие по существу поло-

²⁰ Андропов С. А. Ленинская газета «Правда» и правдистская печать в годы нового революционного подъема. М., 1970; Розенталь И. С. В. И. Ленин о передовом слое пролетариата.— В кн.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 102.

жили начало систематическому изучению основных проблем истории большевистской газеты. Конечно, эти статьи менее всего напоминали сухое и «беспристрастное», «академическое» исследование. Ленин выступал в них как непосредственный участник острейшей политической борьбы, развернувшейся вокруг «Правды». Но именно эта воинствующая партийность его работ сделала их классическим образцом подлинно объективного и глубоко научного исследования.

Уже в первые месяцы выпуска газеты конкретные обстоятельства политической борьбы выдвинули на передний план несколько проблем, потребовавших всестороннего изучения истории «Правды» и ее повседневной деятельности. Пытаясь сбить с толку рабочих, ликвидаторы, и в особенности Троцкий, утверждали, что идейная позиция большевистской газеты ничем в сущности не отличается от позиции их изданий, что те и другие лишь разными словами выражают мнение пролетарских масс, одинаково пользуются их поддержкой, хотя наиболее сознательная часть рабочих якобы отдает предпочтение ликвидаторам и их прессе.

Для тех, кто хорошо знал историю многолетней борьбы большевистской партии против оппортунистов, историю создания самой «Правды», вздорность подобных утверждений была очевидна. Но в пролетарской среде было немало рабочих, недостаточно искушенных в открытой политической борьбе, не разобравшихся в сущности и приемах ликвидаторской, троцкистской пропаганды, привыкших, как говорил В. И. Ленин, «верить на слово». И если оппортунисты пытались спекулировать на этой неосведомленности, т. е. затемняли сознание рабочих, то Ленин, партия, «Правда» шли по иному пути — выявления точных, объективных данных, по пути политического просвещения масс.

В. И. Ленин вычленяет и анализирует в своих работах три вопроса: первый — о различии, вернее, о противоположности идейных платформ большевистских и ликвидаторских изданий; второй — о связях этих изданий с определенными политическими направлениями в российском рабочем движении и третий — о связях этих изданий с массами. Ответ на эти вопросы должно было дать исследование самой «Правды».

Необходимо отметить, что на первых порах, когда вырабатывался сам тип издания и общий характер ведения газеты, редакция избегала открытой постановки вопроса о большевистской, антиликвидаторской платформе «Правды». Этот период сложных взаимоотношений между редакцией и Заграничным бюро ЦК обычно освещался в нашей литературе несколько однобоко. Существовавшие между ними острые разногласия объяснялись либо «поисками путей» и «излишней осторожностью» редакции, либо злокозненной деятельностью некоторых второстепенных лиц. Между тем такая оценка не только приукрашивала реальное положение дел, но и просто не соответствовала исторической действительности.

Речь шла не о мелких разногласиях, не о том, где, как и в каком количестве печатать так называемые «полемиические статьи», разоблачающие ликвидаторство. Петербургская редакция «Правды» вообще полагала, что для сплочения вокруг газеты различных слоев трудящихся необходимо ориентироваться на некоего «среднего читателя», не желающего разбираться во «фракционных» разногласиях, что полемика с ликвидаторами может лишь оттолкнуть от газеты широкую пролетарскую массу.

Между тем Центральный Комитет, и прежде всего В. И. Ленин, считали, что сплочение рабочих приведет к подлинному революционному единству пролетарских сил лишь в том случае, если оно будет происходить на совершенно определенной, ясно выраженной идейно-политической платформе, четко противопоставленной оппортунистическим взглядам ликвидаторов. Таким образом, речь шла о принципиальном понимании проблем единства, о задачах, формах и методах революционного просвещения и организации масс. Вот почему письма В. И. Ленина, направленные против колебаний редакции «Правды», носили столь резкий характер. И только благодаря настойчивой и упорной борьбе В. И. Ленина, ЦК РСДРП за последовательный, выдержанный курс «Правды» «период колебаний» был полностью изжит уже в начале 1913 г.²² Не забывая об этом, необходимо, однако, указать, что и при тех ошибках, которые были допущены в 1912 г., газета с самого начала определилась как издание сугубо большевистское.

Тщательный анализ публиковавшихся ею материалов по основным вопросам партийной работы и революционной пролетарской борьбы позволил В. И. Ленину сделать весьма важный вывод: «С апреля 1912 года,— писал он,— существовала газета «Правда», направление которой всегда (этого не отрицал ни один ее противник) строго соответствовало тем решениям, которые *три раза* с тех пор (один раз в 1912 году и два раза в 1913 году) ²³ выносились руководящим учреждением марксистов» ²⁴.

В этом выводе, как видим, содержался и скрытый «эзоповским» языком намек на то, что «Правда» на протяжении всего периода ее издания являлась органом ЦК РСДРП («руководящего учреждения марксистов»). После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., когда это стало возможным по цензурным условиям, В. И. Ленин открыто написал: «...с апреля 1912 г. по июль 1914 выходила в Петербурге ежедневная социал-демократическая газета «Правда». Фактически эта газета была органом *Центрального Комитета* нашей партии...» ^{24а}. Владимир

²² См.: там же, т. 48, с. 164, 182.

²³ Имеются в виду Пражская конференция РСДРП, Краковское и Поронинское совещания ЦК РСДРП.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 193.

^{24а} Там же, т. 31, с. 19.

Ильич указал и на некоторые каналы, по которым осуществлялось руководство ЦК «Правдой»: «Я писал в эту газету почти ежедневно из Кракова... Социал-демократические депутаты Думы... Бадаев, Муранов, Петровский, Шагов, Самойлов... постоянно приезжали в Краков, и мы советовались, как направлять газету»²⁵.

В. И. Ленин анализирует и идейное содержание ликвидаторской газеты. Он фиксирует каждый выпад «Луча» против партии, каждое его «программное» заявление. Из-под туманных и трескучих фраз, которыми облекались истинные взгляды «вождей» российского оппортунизма, Владимир Ильич извлекает реальную — куцую реформистскую платформу, проповедовавшуюся ликвидаторскими изданиями. Это, в свою очередь, позволяет ему сделать заключение, что «Правда» и «Луч» на деле предлагают рабочим две совершенно различные оценки положения в стране и задач пролетарского движения, две диаметрально противоположные политики, две тактики.

Сопоставляя эти платформы с программными документами и решениями партийных съездов, Владимир Ильич показывает, что «Правда» и «правдизм», т. е. большевизм, воплотил в себе строжайшую преемственность истории и лучшие традиции РСДРП со времен старой «Искры», верность ее программе и тактике. Ликвидаторская платформа демонстрирует «преемственность» иного рода, ибо она есть не что иное, как «прямое продолжение «экономизма» (1895—1902) и порождение меньшевизма (1903—1908)... Ликвидаторство серьезное, только не марксистское, не пролетарское, а либерально-буржуазное течение»²⁶. Соответственно и «ликвидаторская печать не есть рабочая печать, а есть печать, проводящая *буржуазное влияние на пролетариат*»²⁷.

Но разобрались ли в этом сами рабочие? Какую газету поддерживают они? Ленин тщательно исследует вопрос о связях «Правды» с массами. Отношение рабочих к большевистской и ликвидаторской газете проявлялось в самых разнообразных

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 79—80. Примечательна полемика, возникшая в 1956—1957 гг. (см.: Вопр. ист., 1956, № 14; Вопр. ист. КПСС, 1957, № 1) по вопросу о «Правде» как органе ЦК РСДРП. Правильно указав на явное преувеличение в литературе 40—50-х годов роли И. В. Сталина в выпуске «Правды», Г. В. Петряков вообще поставил под сомнение его участие в руководстве газетой. Это неизбежно затронуло более общий вопрос — о характере деятельности и функциях членов ЦК в «Правде». Опираясь на решение ЦК, принятое в октябре 1912 г., и резолюцию Краковского совещания, В. Т. Логинов отметил, что всем членам и представителям ЦК, находившимся в Петербурге, предоставлялось право решающего голоса (и право «вето») во всех без исключения внутривнутриредакционных делах «Правды». Эта дискуссия лишней раз показала, насколько неясным оставался еще вопрос о конкретных формах и методах руководства ЦК «Правдой». Она, безусловно, способствовала дальнейшему изучению этой проблемы.

²⁶ Там же, т. 25, с. 221—222.

²⁷ Там же, с. 168.

формах — резолюциях и корреспонденциях, политической и материальной поддержке, подписке, распространении и т. д. Владимир Ильич ищет точные и сопоставимые данные, которые могли бы наиболее полно и объективно отразить реальное соотношение и поляризацию сил.

Что взять за основу — резолюции и корреспонденции? Но газеты публиковали их далеко не все — лишь выборочно. Данные о подписке? Но ими можно оперировать лишь за большой отрезок времени, а кроме того, невозможно установить, кто именно и сколько человек стоит за этими данными. Ленин избирает другую форму — более массовую и активную — групповые денежные сборы рабочих.

«Нас интересуют сейчас, — писал он, — только сборы, сделанные *самими* рабочими, и притом не одиночками, которые, может быть, случайно наткнулись на того или иного сборщика, не будучи связаны с ним идейно, т. е. по своим взглядам, убеждениям, а именно *группами* рабочих, несомненно, *обсуждавших* заранее, следует ли давать деньги, *кому* давать и на какую цель давать»²⁸.

С самого начала издания «Правды» В. И. Ленин приступил к анализу данных о рабочих сборах, которые публиковались в большевистской и ликвидаторской газетах. Он тщательно проверял и перепроверял их, систематизировал по месяцам, кварталам, а затем и по годам, определял районирование сборов по городам, губерниям и основным промышленным районам страны, классифицировал по профессиональному признаку. Такой метод подсчетов давал возможность проследить как общую динамику сборов, так и поступление их от различных отрядов пролетариата России.

Результаты этого исследования регулярно сообщались в ленинских статьях на страницах самой «Правды». Сведения, полученные Владимиром Ильичем, дали исчерпывающий ответ на вопрос, какую именно газету поддерживали и считали своей рабочие. С января 1912 г. по май 1914 г. ликвидаторы получили 1421 групповой рабочий сбор, а «Правда» — 5674, т. е. 20 и 80%²⁹. Таков был один из главных выводов изучения двухлетней истории большевистской газеты, сделанный В. И. Лениным.

Доказав, что политическая платформа «Правды» является сугубо партийной, что подавляющее большинство рабочих сознательно отдает предпочтение большевистской газете, Владимир Ильич исследует тот главный вопрос, на который он указывал в «Наших задачах», а именно роль «Правды» в борьбе за единство партии, ее место в идейном и организационном сплочении социал-демократических рабочих и пролетарских масс России.

Сопоставляя различные данные, характеризующие функционирование местных партийных организаций, В. И. Ленин прихо-

²⁸ Там же, т. 21, с. 428.

²⁹ См. там же, т. 25, с. 227, 246.

дит к выводу, что многообразные формы работы по оказанию поддержки «Правде» занимают в их деятельности одно из центральных мест³⁰. Этот вывод дает ему возможность установить и обратную связь, т. е. по данным о поддержке газеты судить о состоянии самих местных социал-демократических организаций.

Обращаясь в этой связи к тем же групповым рабочим сборам, Владимир Ильич пишет: «В России открытой, легальной партии нет. Организации партии нелегальны, тайны, «подпольны», как у нас говорят. Но *косвенным* — и притом безошибочным — указанием на состояние этих организаций *служит число денежных взносов от рабочих групп*»³¹.

К еще более определенному заключению о нем приходит в результате тщательного анализа подписанных рабочими коллективных резолюций, поддержавших позицию «Правды» по важнейшим вопросам партийной жизни. Указывая опять-таки на специфические особенности партийного строительства в эти годы, Владимир Ильич пишет: «Как раз новой формой старой партии и явились эти подписи»³². Иными словами, Ленин считал, что именно в ходе работы по оказанию помощи «Правде», требовавшей четкого определения идейной позиции, происходило вычленение из всей разнохарактерной массы социал-демократических групп организаций действительно партийных.

К этим выводам нам придется еще вернуться. Отметим пока лишь главное: в сплочении социал-демократических рабочих вокруг «Правды» В. И. Ленин видел наиболее яркое выражение процесса консолидации партийных групп в единую общероссийскую организацию РСДРП. «*Впервые* в России, — писал он, — в течение такого долгого времени ежедневная марксистская газета, тщательно защищая единые точные решения, *объединяет* все систематичнее и плотнее разбросанные по всем концам страны *рабочие группы*»³³.

Об итогах ленинского анализа денежных взносов говорилось выше — $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих сплотились вокруг «Правды». Но Владимир Ильич не останавливался на этом и исследовал

³⁰ Это явилось прямым следствием реализации ряда постановлений ЦК партии, превративших многообразные формы поддержки «Правды» в уставную обязанность каждого члена РСДРП. В частности, ЦК указал, что денежные сборы на «Правду» являются «членскими взносами на партию». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 53.

³¹ Там же, т. 25, с. 372.

³² Там же, т. 48, с. 240. В этой связи необходимо подчеркнуть, что среди сотен резолюций рабочих групп по самым различным вопросам партийной жизни, систематически публиковавшихся «Правдой», подавляющее большинство резолюций принадлежало именно местным нелегальным большевистским группам и ячейкам. Без уяснения этого вопроса нельзя правильно понять ни особенностей партийного строительства в данный период, ни роли «Правды» как общероссийского легального органа партии.

³³ Там же, т. 24, с. 194.

другие открытые проявления политической активности пролетарских масс. Он изучает результаты выборов по рабочим куриям в Четвертую думу (1912 год). Подсчеты дают итог: 67% рабочих депутатов идут за «Правдой», 33% — за ликвидаторами. Ленин обращается по результатам массовой политической кампании по оказанию поддержки депутатам-большевикам (1913 г.). Подсчеты дают аналогичный итог: 6722 подписи (69,2%) под резолюциями, опубликованными «Правдой», и 2985 подписей (30,8%) у ликвидаторов. Он берет, наконец, результаты выборов в рабочую группу всероссийского страхового учреждения (1914 год). Итог: 82,4% уполномоченных голосовали за списки «Правды» и лишь 17,6% — против³⁴.

В. И. Ленин дает ответ и на другой существенный вопрос, какие именно слои и категории рабочих идут за «Правдой», а какие за ликвидаторами. Для этого он исследует распределение рабочих сборов по различным районам страны, а также средние размеры взносов от каждой группы. Вывод: за «Правдой» идет наиболее сознательная часть пролетариата, его авангард, который поддерживают самые широкие массы. Ликвидаторы объединяют меньшинство высокооплачиваемых рабочих из некоторых отраслей промышленности. Но, помимо этого «меньшинства из рабочей аристократии», они держались еще и в провинции, «где массы наименее разбираются в политике». В целом же ликвидаторская газета опирается на «небольшое меньшинство рабочих, остающихся еще под буржуазным влиянием»³⁵.

Подводя общий итог изучения деятельности «Правды» в 1912—1914 гг., В. И. Ленин делает главный вывод: благодаря правильной постановке издания ежедневной большевистской легальной газеты и с ее помощью единство партии, пролетарского авангарда было восстановлено. Ссылаясь на указанные выше расчеты, Владимир Ильич пишет: «Эти точные и допускающие проверку данные доказывают, что мы *объединили* за два года, несмотря на неслыханные трудности нелегальной партии в России, *подавляющее большинство рабочих с.-д. групп в России*»³⁶. Этот ленинский вывод с тех пор прочно вошел в большевистскую литературу о «Правде» 1912—1914 гг. и о периоде нового революционного подъема в целом³⁷.

³⁴ См.: там же, т. 25, с. 245—246.

³⁵ См. там же, с. 230.

³⁶ Там же, т. 24, с. 303.

³⁷ К сожалению, в нашей историко-партийной литературе не получил должного развития другой важный вывод В. И. Ленина — о том, что оппортунистам так и не удалось создать в эти годы в России реформистской рабочей партии. (См. также История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд. М., 1976, с. 152). Имея как и большевики, ежедневную легальную газету, сохраняя известное влияние на некоторые слои рабочих, меньшевики-ликвидаторы с их проповедью беспартийности и антипартийности не смогли выбраться из распада и развала. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 30; т. 25, с. 396.

К сожалению, начатый В. И. Лениным обстоятельный анализ групповых сборов так и не был окончательно завершен. Полностью обработав данные об их количестве по месяцам, годам и суммарно за 1912—1914 гг., Владимир Ильич успел классифицировать сборы по профессиональному признаку только за весну 1914 г., а географию сборов (по городам, губерниям и основным районам страны) лишь за первое полугодие издания «Правды». Сколько рабочих групп стояло за примерно шестью тысячами групповых сборов? Какие категории рабочих составляли их? Где находились эти группы и каково было соотношение сил в каждом отдельном пункте и районе? На все эти вопросы предстояло ответить исследователям.

Не была закончена и начатая В. И. Лениным работа по анализу сопоставимых данных о подписке на «Правду» и ликвидаторские газеты. «...В конце 1913 г.,— рассказывает Н. К. Крупская,— затребовал Ильич из «Правды» списки подписчиков «Правды», и недели две я сидела насквозь все вечера, разрезала вместе с моей матерью листы и подбирала подписчиков по городам, местечкам»³⁸. Эти сводные данные о подписке (по состоянию на июль 1913 г.) были опубликованы Крупской в «Правде» 3 января 1914 г. Однако продолжить это исследование, сопоставить аналогичные данные о подписке на ликвидаторскую и народническую прессу Н. К. Крупской так и не удалось.

Не были полностью завершены и начатая В. И. Лениным обработка данных о резолюциях рабочих групп, поступивших в «Правду» и ликвидаторскую газету, анализ сведений о рабочих корреспонденциях и т. д. Вплоть до 60-х годов эта кропотливая и чрезвычайно трудоемкая работа так и не была продолжена.

Между тем отсутствие детальной разработки этих совершенно объективных данных о существовании и функционировании большевистских групп и организаций отрицательно сказывалось на изучении многих узловых проблем как периода нового революционного подъема, так и смежных периодов. Особенно очевидным это стало в 50—60-х годах в связи с повсеместным выходом очерков истории республиканских, областных и городских партийных организаций.

В этих ценнейших коллективных работах, в главах и разделах, посвященных 1910—1914 гг. и «Правде», приводились конкретные данные о деятельности местных большевистских групп, связанной с распространением газеты и оказанием ей материальной и политической поддержки, анализировались поступавшие в «Правду» статьи, письма, резолюции и корреспонденции о положении рабочих и революционном движении в данном районе. При этом в научный оборот вводилось множество новых фактов и документов, в том числе ряд ценных сведений о местной правдистской печати.

³⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 224.

Если говорить о наиболее важных общих выводах, то очерки по существу впервые наглядно показали масштабы влияния «Правды» ибо, как выяснилось, даже в самых удаленных и глухих уголках страны она имела своих читателей и подписчиков, оказывала непосредственное воздействие на укрепление большевистских групп и ячеек, на политическое просвещение и революционную борьбу трудящихся масс.

Вместе с тем выявился и общий недостаток, свойственный многим из указанных работ: отсутствие обобщенных, объективных данных, позволяющих с абсолютной точностью судить о степени и характере влияния большевиков в данном районе³⁹.

Делая вывод о полной и повсеместной победе правдивов, исследователи обычно ссылаются на слова В. И. Ленина о том, что к лету 1914 г. вокруг большевистской газеты сплотились $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Но при этом нельзя забывать, что Владимир Ильич четко дифференцировал успехи правдивов в различных районах, что в отличие от Петербурга и Москвы их преобладание на периферии было менее значительным (68%)⁴⁰. Причем и эта средняя цифра складывалась из весьма разнохарактерных величин. Поэтому, когда историки Белоруссии оценивают влияние «Правды» точно так же, как и историки Урала, а историки Закавказья — точно так же, как историки Костромы или Владимира, неизбежно стирается сложная специфика процессов, происходивших в каждом из указанных районов.

Лишь в 1964 г. появились первые статьи, продолжавшие работу, начатую В. И. Лениным. В сборнике «Большевистская печать и рабочий класс России в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)» были опубликованы статья Ю. Н. Кирьянова «Рабочие Южного промышленного района и «Правда» (1912—1914)» и статья Н. А. Курашовой и С. А. Лившиц «Групповые сборы на «Правду» рабочих-металлистов России в 1912—1914 гг.». Проведенный указанными авторами районированный анализ сведений о подписке и групповых рабочих сборах не только осветил всю сложность борьбы за массы в этот период, не только конкретно ответил на вопрос, где и какие именно слои и категории рабочих сплачивала «Правда», но и еще раз показал, насколько перспективна данная работа и для местных историков, и для тех, кто изучает более общие проблемы пролетарского движения.

В 1970 г. появилась еще одна статья Курашовой и Лившиц — «Групповые денежные сборы рабочих на «Правду» и газеты дру-

³⁹ Авторы цитируют наиболее яркие корреспонденции и резолюции рабочих о поддержке «Правды», оперируют выборочными сведениями о сборах и подписке. Но сколько групповых сборов было проведено в данном районе в фонд большевистской газеты и сколько для ликвидаторской, левонароднической прессы, какие именно группы стояли за этими сборами — так и остается невыясненным. Между тем недостатки такого выборочного анализа очевидны.

⁴⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 230.

гих политических направлений»⁴¹, в которой авторы опубликовали итоги своих подсчетов уже не только по металлистам, но и по печатникам, текстильщикам, шахтерам и железнодорожникам, т. е. тем категориям рабочих, которые дали около половины всех групповых сборов в фонд «Правды». В статье анализировались сравнительные данные о сборах на газеты правдивостов, ликвидаторов и левонародников по указанным профессиям в 1912—1914 гг., их распределение по важнейшим районам России, а в Петербурге и по отдельным предприятиям.

Наконец, в 1975 г. появилась еще одна статья Н. А. Курашовой, завершившая районированный анализ всех групповых рабочих сборов за 1912 г.⁴² Известно, что недавно ею же закончены аналогичные подсчеты и сборов 1913 и 1914 гг. Впервые было проведено также и сопоставление районированных данных о подписке на «Правду» и ликвидаторскую газету за 1912—1914 гг.⁴³ Таким образом, вся эта важнейшая работа, столь блистательно начатая В. И. Лениным, близится к своему завершению.

В кратком обзоре не представляется возможным более полно изложить выводы, наблюдения и замечания, сделанные В. И. Лениным по самым различным проблемам истории «Правды». Мы взяли лишь некоторые из них, как нам кажется, наиболее существенные и важные. И сделали это не только для того, чтобы напомнить именно эти выводы, но и проследить метод ленинского анализа сложнейших социальных и политических проблем данного периода, связанных с историей «Правды». Можно лишь добавить, что нет, пожалуй, ни одного общего или частного вопроса этой истории, на который мы не нашли бы у Владимира Ильича столь же точного и тщательно аргументированного ответа.

К сожалению, тема «Ленин как историк «Правды»» до сих пор изучена недостаточно. В историографических обзорах ее нередко подменяют несколько иным сюжетом, а именно изложением взглядов Ленина на роль и задачи «Правды», либо выборочным пересказом его статей, напечатанных в газете.

В данном случае такое смешение легко объяснимо, ибо безусловно каждая статья Владимира Ильича действительно являлась страницей истории «Правды». И все-таки необходимо некоторое, пусть иногда и условное, разграничение между ленинскими работами по самым разнообразным вопросам, публиковавшимся газетой, и его же статьями, в которых объектом научного анализа становилась сама «Правда». Только при таком подходе можно по достоинству оценить ленинский вклад в изучение истории ежедневной большевистской газеты, вычлнить проблемы, которые он

⁴¹ См. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

⁴² См. Историческая география России. XII — начало XX века. М., 1975, с. 120—128.

⁴³ См.: *Логинов В. Т.* Ленинская «Правда», с. 391—393.

считал наиболее важными, и те вопросы, исследование которых не было завершено или нуждается в дополнительной разработке.

Особая тема — источноковедческое значение ленинских работ. Все исследователи и мемуаристы единодушны в мнении о том, что именно статьи Ленина определяли идейное и политическое лицо «Правды». Круг проблем и вопросов, поднимавшихся Владимиром Ильичем в этих статьях, чрезвычайно обширен. Поэтому совершенно очевидно, что исследование содержания «Правды» невозможно без внимательного анализа публиковавшихся в ней ленинских работ.

Заметим в этой связи, что сложная работа по дальнейшему выявлению ленинских произведений, опубликованных в «Правде», еще не завершена. Сегодня их насчитывается 286. В сравнении с первым изданием Сочинений В. И. Ленина число их почти удвоилось. Однако есть серьезные основания полагать, что и эта цифра не исчерпывает всех его статей, заметок и корреспонденций, помещенных газетой. Многие из них печатались без подписи, как редакционные или за неизвестными нам псевдонимами, и исследователям еще предстоит проделать большую работу по дальнейшему выявлению и изучению ленинского наследия, относящегося к рассматриваемому периоду⁴⁴.

Добавим к этому еще одно соображение. При весьма распространенном выборочном подходе к изучению указанных ленинских статей нередко складывается впечатление, что каждая из них являлась совершенно самостоятельным произведением, лишь косвенно связанным с другими его работами, публиковавшимися «Правдой».

Такого рода «впечатления», относящиеся и к другим периодам деятельности В. И. Ленина, очевидно, и послужили «исходной базой» для довольно распространенного мнения, согласно которому Владимир Ильич создавал крупные работы монографического характера лишь в периоды некоторого затишья или спада революционной борьбы. Когда же наступали дни непосредственно революционных битв, требовавших от вождя партии сполна оценок и прогнозов, Ленин якобы целиком переключался на

⁴⁴ Методика выявления ленинских статей, опубликованных в «Правде», освещалась в существующей литературе совершенно недостаточно. Из числа исследователей, принимавших участие в этой работе, при подготовке четвертого и пятого изданий Полного собрания сочинений В. И. Ленина, лишь несколько человек выступили со статьями по этому вопросу. Основные принципы обоснования авторства В. И. Ленина изложены В. В. Горбуновым в специальной главе коллективной монографии «Сокровищница великих идей ленинизма» (М., 1966), в его же статье «О методике установления ленинского авторства» («История СССР, 1962, № 2»), а также в статьях В. Т. Логинова «О принадлежности В. И. Ленину некоторых статей, опубликованных в «Правде». 1912—1914 гг.» (Исторический архив, 1961, № 2) и А. М. Володарской «В поисках ленинского наследия: Из опыта работы по установлению авторства статей В. И. Ленина» (Археологический ежегодник за 1968 г. М., 1970).

жанр газетной публицистики, тщательно фиксирующей и анализирующей наиболее существенные факты быстротечных событий.

Между тем такого рода мнение не вполне соответствует истине. Когда Ленин писал, что «дело публицистов — писать историю современности», он прекрасно понимал, что всякое исследование исторического процесса должно носить системный характер. Именно поэтому для ленинского публицистического творчества характерны не только отдельные статьи по тем или иным отдельным вопросам, но и серии, циклы работ, тесно связанных между собой, освещающих наиболее важные проблемы революционной борьбы, циклы, которые в сумме своей (не исключая оперативно-го отклика на «злобу дня») несут именно характер монографического исследования.

Таковы, например, некоторые статьи В. И. Ленина в «Правде», разоблачающие оппортунистические теории и практику ликвидаторов и народников, характеризующие проблемы единства партии и рабочего движения, формы пролетарской борьбы, анализирующие аграрный вопрос и т. д. И при исследовании такого рода проблем и вопросов во многих случаях необходимо рассматривать ленинские статьи не выборочно, а как цельную монографическую разработку данной темы, где каждая последующая работа как бы непосредственно продолжает развитие этой темы, давая новый ее аспект или дополнительный материал для выводов и обобщений⁴⁵.

Важнейшим источником для изучения истории «Правды» являются также письма В. И. Ленина в редакцию газеты, Российскую коллегию ЦК, Петербургский комитет РСДРП и т. д. Известно, что редакционный архив «Правды» не сохранился и, не будь указанной переписки, о многих обстоятельствах выпуска газеты и внутренней жизни петербургского коллектива правдивов нам пришлось бы судить лишь по косвенным данным.

Приводившиеся выше слова Владимира Ильича: «Я писал в эту газету почти ежедневно...» — точно отражают интенсивность этой переписки. Письма Ленина, располагавшего полной и точ-

⁴⁵ Эти строки были уже написаны, когда их автору довелось ознакомиться с рукописью статьи Е. А. Никифорова «Работа В. И. Ленина «Революционные дни» — опыт конкретно-исторического анализа январских событий 1905 года в России». Проведя обстоятельное исследование серии ленинских статей «Революционные дни», опубликованных газетой «Вперед» в начале 1905 г., указав на бесспорные тематические, логические и композиционные связи между ними, Е. А. Никифоров пришел к обоснованному выводу: «Связи, установленные между статьями рубрики «Революционные дни», позволяют нам констатировать правомерность интерпретации серии как единого текста. Фактически перед нами небольшая историческая монография — первое в историографии исследование начального периода революции 1905—1907 гг.». Остается лишь пожелать, чтобы аналогичный поиск был проведен и по страницам «Звезды» и «Правды».

ной информацией о всех делах «Правды», имевшего в своем распоряжении документы, значительная часть которых не дошла до нас, во многом восполняют отсутствие других редакционных материалов.

Почти в каждом письме Владимира Ильича содержалась оценка вышедших номеров газеты, указания на допущенные промахи и ошибки, ответы на самые различные политические и организационные вопросы, возникавшие в ходе работы редакции, и, наконец, конкретные директивы ЦК по дальнейшему ведению «Правды». По существу, не было ни одного сколько-нибудь значительного события в истории ежедневной большевистской газеты — будь то создание нового отдела или выпуск того или иного приложения, изменение состава редакции или привлечение новых сотрудников, которое не нашло бы отражения в ленинских письмах.

Таким образом, подводя общий итог, можно сделать заключение, что именно ленинские документы, его статьи и письма составляют основное ядро историографической и источниковедческой базы для научной разработки истории «Правды» 1912—1914 гг. Именно в них содержится и наиболее ценный фактический материал о различных сторонах деятельности газеты и важнейшие научные выводы и оценки, характеризующие основные проблемы ее истории. Поэтому вполне закономерно, что именно ленинские работы определили главные направления дальнейших поисков и исследований советских историков.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОГО ОПЫТА КООПЕРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР (1917 — 1920 ГГ.)

Л. Е. Файн

Оценивая экономическую политику первых лет Советской власти, В. И. Ленин характеризовал ее как попытку «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения»¹. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал историческую обусловленность «штурмового» периода, когда Коммунистическая партия впервые в истории человечества приступила к решению задачи создания социалистического общества, когда неизвестно еще было, «каков социализм будет, когда достигнет готовых форм», «как будет выглядеть законченный социализм»². «Штурмовой» период, говорил Ленин, не прошел бесследно и бесполезно, ибо невозможно «научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»³.

В. И. Ленин придавал большое значение изучению интереснейшего и поучительного опыта социалистического строительства первых лет Советской власти. В плане доклада на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.) он следующим образом формулирует главное его содержание: «Не перечень, не рассказ, а уроки опыта и задачи, из них вытекающие»⁴. В плане политического отчета на X съезде РКП(б) он записывает подзаголовок «Не история, а уроки»⁵. К анализу и оценке первого опыта экономического строительства В. И. Ленин неоднократно обращался во всей своей последующей деятельности по разработке плана построения социализма в СССР.

На основе осмысливания опыта развития кооперации в первые годы Советской власти формировался и кооперативный план — важнейшая составная часть ленинского плана построения социализма. Можно без преувеличения сказать, что без той грандиозной работы в области кооперативного строительства, которая была проделана в 1917—1920 гг., без обобщения и критической оценки богатейшего опыта этих лет невозможно было бы полу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 204.

² Там же, т. 36, с. 65.

³ Там же, т. 44, с. 205.

⁴ Там же, т. 42, с. 378.

⁵ Там же, т. 43, с. 366.

читать ответы на многие коренные вопросы о роли кооперации в борьбе за социалистическое переустройство общества. Не случайно поэтому основные проблемы этого периода продолжают привлекать внимание исследователей.

Результаты изучения советскими историками процесса разработки, содержания и опыта осуществления ленинского кооперативного плана изложены в ряде интересных историографических статей⁶, опубликованы и первые специальные монографии⁷. Однако авторы историографических работ сосредоточили главное внимание на характеристике литературы, посвященной созданию непосредственных предпосылок и осуществлению коллективизации сельского хозяйства. Значительно слабее в них отражены итоги многолетних усилий историков по изучению первых этапов развития кооперации в СССР. Вследствие этого повторяется справедливое для начала 60-х годов, но несколько устаревшее для настоящего времени утверждение о том, что эти этапы в целом слабо изучены⁸. Отдельные важные стороны истории кооперации 1917—1920 гг. действительно остаются еще неразработанными. Но чтобы успешно двигаться вперед, необходимо, прежде всего, подвести итог сделанному (а сделано за последние годы очень много), очертить тот круг проблем, над которым желательно сосредоточить дальнейшие усилия исследователей.

Становление советской историографии кооперации совпадает с развертыванием Коммунистической партией и Советским государством практической деятельности по использованию кооперации в интересах социалистического строительства, а авторы

⁶ Данилов В. П. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР.— Вопросы истории, 1960, № 8; Селунская В. М. Кооперативный план В. И. Ленина в трудах советских историков.— Вопросы истории КПСС, 1964, № 9; Чмыга А. Ф. История колхозного движения до сплошной коллективизации (1917—1929 гг.) в советской историографии.— В кн.: Очерки по историографии советского общества. М., 1967; Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения советского крестьянства.— В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М., 1971; Зеленин И. Е. Новая литература по истории советского крестьянства и колхозного строительства.— Вопросы истории, 1971, № 6; Морозов Л. Ф. История становления социалистической кооперации в литературе последних лет.— История СССР, 1972, № 4; Погудин В. И. Некоторые вопросы историографии ленинского кооперативного плана.— Вопросы истории КПСС, 1974, № 1.

⁷ Чинчиков А. М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917—1969 гг.). М., 1971; Зах Л. М., Лельчук В. С., Погудин В. И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971; Селунская В. М. Ленинский кооперативный план в советской историографии. М., 1974; Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975.

⁸ Погудин В. И. Указ. статья.— Вопросы истории КПСС, 1974, № 1, с. 123.

первых марксистских работ по этой тематике в большинстве своем принимали непосредственное участие в этой деятельности. Важно отметить, что ими была своевременно осознана необходимость идейного разоблачения буржуазных и мелкобуржуазных концепций как решающего условия становления марксистской историографии кооперации⁹. Осознавалось также, что эта задача может быть решена в процессе обобщения практического опыта кооперативного строительства: «Дело, практика жизни творит новую кооперацию, и роль теоретика состоит в том, чтобы понять это новое, объяснить его и привести в систему новые принципы, вырабатываемые практикой жизни»¹⁰.

Публицистические выступления партийных и советских работников в 1917—1920 гг. содержали уже важные элементы исторического анализа. Выделяются среди них статьи и брошюры И. М. Скворцова-Степанова, Н. Л. Мещерякова, В. П. Милютина, В. Н. Мещерякова, С. П. Середы и многих других¹¹.

С начала 20-х годов стали выходить специальные работы, посвященные отдельным видам кооперации¹².

С середины 20-х годов предпринимаются попытки исследовать процесс кооперативного строительства в целом, в единстве всех его форм и видов¹³.

⁹ Новые идеи в кооперации. Сб. статей. М., 1919, с. 3.

¹⁰ Мещеряков Н. Л. Кооперация и социализм. М., 1920, с. 3.

¹¹ Степанов (Скворцов) И. И. Потребительские общества и рабочий класс. М., (В 1917—1920 гг.— 5 изданий); Он же. Кооперация в земледелии и промышленности. М., 1917; 2-е изд. М., 1920; Мещеряков Н. Л. Кооперация и социализм; Милоутин В. П. Социализм и сельское хозяйство. М., 1919; Мещеряков В. Н. Социализм в земледелии. Киев, 1919; Середя С. П. Основные задачи социалистического земледелия. М., 1920; и др.

¹² Хинчук Л. М. Центросоюз в условиях новой экономической политики. М., 1922; Балабанов М. С. История рабочей кооперации в России. Киев, 1923; 2-е изд. М., 1924; 3-е изд. М., 1925; 4-е изд. М., 1928; Макерова Н. Я. История потребительской кооперации в СССР. М., 1927; 2-е изд. М., 1929; Лозовой А. Сельскохозяйственная кооперация и ее значение в современных условиях. М., 1923; 2-е изд., испр. и знач. дополн. Харьков, 1926; Минин А. Сельскохозяйственная кооперация в СССР. М., 1925; Кнюков А. И. Коллективное земледелие. Из итогов 4-летнего опыта. М., 1923; 2-е изд. М., 1925; 3-е изд. М., 1927; Мигрофанов А. Х. Колхозное движение. М., 1927; 2-е изд., доп. и перераб. М., 1928; 3-е изд. М., 1929; Биценко А. А. К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства. М., 1929.

¹³ Мещеряков Н. Л. Современная кооперация. М., 1924 (за год вышло 4 издания); Целлариус В. Кооперация и борьба за социализм. Харьков, 1924; 2-е изд. на русск. и украин. языках в 1925 г., 3-е изд. в 1926 г.; Он же. ВКП(б) и кооперация. Очерки развития кооперативной политики ВКП(б). Харьков, 1928; Коротков М. Кооперация. М., 1925; Он же. Очерки истории кооперации в России. Л., 1925; 2-е изд. М., 1926; Попов Н. И. Торговля и кооперация. М., 1925; Он же. Теория кооперации. М., 1928; Он же. Борьба за ленинский кооперативный план. М.—Л., 1934; Севрук П. Кооперация в Союзе ССР. М., 1925; 2-е изд. М., 1926; Он же. Крестьянство и кооперация. М., 1925; Он же. Кооперация и строительство социализма. М.—Л., 1927; Власов М. Классы и кооперация в деревне СССР. М., 1925; Он же. Кооперативный план Ленина и пути развития крестьянского хо-

Появление крупных работ по кооперации, в которых принимается попытка на большом фактическом материале осветить с партийных, классовых позиций историю кооперативного движения в стране, создало возможность противопоставить буржуазным авторам не только общетеоретические аргументы, но и последовательно обобщенный фактический материал, что делало борьбу против старых идеологов в области кооперации более действенной и в конечном счете привело к полной победе над ними.

История развития отдельных форм кооперации изучена авторами 20-х годов не в одинаковой степени. По глубине исследования выделяются работы по истории колхозного движения. В этом заслуга А. И. Конюкова, который уже в 1923 г. создал первый исторический труд по коллективизации, отличающийся богатством фактического материала и обстоятельностью исследования отдельных сторон колхозной практики. Удачно дополняют Конюкова работы А. Х. Митрофанова и А. А. Биценко, где упор сделан на развитие политики партии в области колхозного строительства. В трудах Н. Я. Маковой и М. С. Балабанова, а также в коллективных работах и сборниках статей, изданных к 10-летию Советской власти¹⁴, обобщен богатый фактический материал по истории развития потребительской кооперации, раскрывается ее роль в экономической жизни страны после победы революции. Однако процесс выработки политики партии и государства по отношению к потребительской кооперации не стал предметом специального анализа. Схематично рассматривается в ней развитие кооперации после принятия Декрета от 20 марта 1919 г. до перехода к нэпу. Весьма отрывочно отражена в литературе 20-х годов история простейших форм сельскохозяйственной кооперации¹⁵ и почти неизученной осталась кустарно-промысловая кооперация¹⁶.

зяйства. М., 1929; *Лозовой А.* Курс кооперации. Очерки истории и теории кооперации. Харьков, 1927; *Сарабьянов В. Н.* Кооперация в системе советского хозяйства. М., 1927; и др.

¹⁴ Потребительская кооперация за 10 лет Советской власти. Юбилейный сборник. М., 1927; Потребительская кооперация к 10-й годовщине Октябрьской революции. М., 1927; и др.

¹⁵ Следствием почти полной неизученности практической деятельности Коммунистической партии и Советского государства по использованию сельскохозяйственной кооперации в 1918—1919 гг. явились утверждения в литературе 20-х годов, что работа в этом направлении до весны 1919 г. не проводилась совсем (см.: *Целлариус В.* ВКП(б) и кооперация, с. 193).

¹⁶ Некоторые цифровые данные о кустарной промышленности и кооперации кустарей в первые годы Советской власти см.: *Материалы к X съезду ВКП(б) по вопросам экономического положения.* М., 1924; *Кустарно-промысловая кооперация в системе народного хозяйства СССР.* М., 1925; *Рыбников А. А.* Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении народного хозяйства. Л., 1922; *Он же.* Мелкая промышленность России. М., 1923; и др.

Авторы 20-х годов подняли ряд общих проблем становления советской кооперации, в числе которых известный интерес представляют вопросы о периодизации истории кооперативного строительства в 1917—1920 гг. и оценке кооперации периода «военного коммунизма». Однако большинство из них не могло полностью и четко очертить поворот в кооперативной политике партии и государства, начавшийся весной 1919 г., и резко расходилось в оценке тех изменений, которые произошли в содержании деятельности кооперации после этого поворота ¹⁷.

Характеризуя общие недостатки литературы 20-х годов, следует указать на ограниченность источниковой базы, изобилие предварительных текущих данных, категорические определения незавершенных процессов, акцентирование внимания на вопросах, с которыми авторы соприкасались в своей практической работе. Тем не менее попытки авторов 20-х годов поставить многие общие вопросы развития кооперации, оценить опыт кооперативного строительства в целом имели важное идейно-политическое и практическое значение.

С середины 30-х годов публикация работ по истории первых этапов кооперативного строительства почти полностью прекратилась. Лишь после окончания Великой Отечественной войны советские историки вновь вернулись к этой проблематике. Этому способствовали и объективные причины. Развертывание социалистических преобразований в Прибалтийских республиках, Молдавии, западных областях Украины и Белоруссии, а также широкое развитие кооперирования в странах народной демократии вызвали большой интерес к накопленному в первые годы Советской власти опыту.

В конце 40-х — начале 50-х годов появилось несколько весьма ценных работ по истории кооперативного строительства первых лет Советской власти. К их числу должна быть отнесена в первую очередь новая монография А. И. Конюкова ¹⁸, получившая высокую оценку в советской историографии ¹⁹. Несколько дополняет работу Конюкова книга Н. Скрыпнева, в которой предпринята попытка показать политику партии и Советской власти в вопросах социалистической перестройки сельского хозяйства в 1918—1920 гг. ²⁰ Монография Я. А. Кистанова рассматривает историю развития потребительской кооперации с момента ее зарождения до 1950 г., а также теоретические вопросы о роли

¹⁷ *Макарова Н. Я.* Указ. соч.; *Балабанов М. С.* Указ. соч.; *Коротков М.* Указ. соч.; *Целлариус В.* ВКП(б) и кооперация; *Хейсин М. Л.* История кооперации в России. Л., 1926; и др.

¹⁸ *Конюков А. И.* Очерки первых этапов развития коллективного земледелия (1917—1925). М., 1949.

¹⁹ *Селунская В. М.* Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961, с. 11; и др.

²⁰ *Скрыпнев Н.* Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М., 1951.

потребительской кооперации в системе советского хозяйства²¹. Однако в главах, посвященных периоду 1917—1920 гг., приводятся лишь некоторые цифровые материалы и ссылки на отдельные правительственные постановления. История борьбы партии за завоевание кооперации, процесс выработки отношения к потребительской кооперации, занимавший тогда ведущее место в формировании кооперативной политики партии, не раскрыты. Новый фактический материал и интересные суждения содержатся в опубликованных в середине 50-х годов монографиях М. Краева и П. Лященко, первыми попытавшихся рассмотреть историю становления колхозного строя со времени создания первых коллективных хозяйств до его полной победы²².

На современном этапе развития советской исторической науки, в 60—70-х годах, изучение первого опыта развития кооперации ведется широким фронтом. Известный толчок этому дала Всесоюзная научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР (апрель, 1961 г.), на которой оживленно обсуждался комплекс вопросов, связанных с социально-экономическим развитием советской доколхозной деревни²³.

Усиление внимания к первым этапам становления советской кооперации в общих работах по аграрной истории страны²⁴, появление специальных монографических исследований по рассматриваемой здесь проблеме²⁵ — таковы характерные черты нового историографического этапа.

В работах современных авторов, впитавших все лучшее, что создано литературой 20-х годов, решаются основные проблемы истории развития кооперации. Располагая в полном объеме

²¹ *Кистанов Я. А.* Потребительская кооперация в СССР: Исторический очерк. М., 1951.

²² *Краев М.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. III.

²³ Тексты докладов были изданы отдельными выпусками до начала работы сессии в 1961 г. Все материалы сессии, включая и прения, см.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.

²⁴ *Селунская В. М.* Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства; *Она же.* Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. В 2-х кн., кн. 2. М., 1966; *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. М., 1967; 2-е изд. М., 1974; *Гамаюнов М. В.* Большие перемены. М., 1968; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969.

²⁵ *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической (далее: *Морозов Л. Ф.* Указ. монография). М., 1969; *Файн Л. Е.* История разработки В. И. Лениным кооперативного плана (далее: *Файн Л. Е.* Указ. монография). М., 1970; *Фаругин И. А.* Из истории борьбы КПСС за реорганизацию буржуазной кооперации в социалистическую (1919—1920). Калининград, 1970; *Кабанов В. В.* Октябрьская революция и кооперация (далее: *Кабанов В. В.* Указ. соч.). М., 1973.

ленинским идейным наследием, опираясь на солидную источниковую базу, историки на достаточно высоком профессиональном уровне рассматривают эти проблемы.

Принципиально важное значение для понимания исторического пути, пройденного кооперацией в первые годы после Октябрьской революции, имеет выяснение тех исходных позиций, которые получила Советская власть, приступая к разработке принципов и методов использования кооперации в борьбе за построение социалистического общества.

На основе обобщения выявленных данных нами в 1965 г. было высказано предположение, что к 1 октября 1917 г. в стране насчитывалось более 60 тыс. первичных кооперативов и более 900 союзных объединений, всеми видами кооперации было охвачено не менее 15—17 млн. семей, с учетом участия одних и тех же лиц в разных кооперативах, или примерно половина населения страны²⁶. В 1968 г. эти цифры были несколько уточнены: к концу 1917 г. в стране функционировало примерно 63 тыс. первичных кооперативов, объединявших до 16 млн. членов²⁷. К этим данным присоединились авторы изданной Институтом марксизма-ленинизма обобщающей монографии²⁸. Позднее была опубликована сводная таблица численности кооперативной сети к концу 1917 г. с указанием основных источников, методики подсчета, большинства расхождений по этому вопросу в источниках и литературе²⁹. Дано и объяснение цифры — 16 млн. Сумма членов всех видов кооперации дает около 24 млн. Учитывая практику участия населения в двух и более видов кооперации и допуская, что таких было даже $\frac{2}{3}$ общего числа членов, то в этом случае получим, что число участников кооперативного движения составило 16 млн., а с учетом членов семей — 80 млн. населения страны.

Аналогичный подсчет, проведенный на основе анализа более широкого круга источников И. А. Фарутиным, дал примерно такие же цифры — на 1 января 1918 г. 64,4 тыс. кооперативов и 23,7 млн. членов. Считая последнюю цифру несколько завышенной по сравнению с «действительным числом участников кооперативного движения», но не высказывая предположения, насколько она завышена, он также допускает, что «в сферу

²⁶ *Файн Л. Е.* К вопросу о выработке политики Коммунистической партии и Советского государства по отношению к потребительской кооперации в начальный период Советской власти (ноябрь 1917 — март 1919 г.).— *Общественные науки. Алма-Ата, 1965, вып. VIII, ч. 1, с. 63.*

²⁷ *Файн Л. Е.* Социально-экономическая характеристика кооперации в начальный период нэпа (1921—1923 гг.).— *История СССР, 1968, № 5, с. 16.*

²⁸ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление, с. 38.

²⁹ *Файн Л. Е.* Указ. монография, с. 58—59.

деятельности различных видов кооперации» было вовлечено вместе с членами семей до половины населения страны³⁰.

К этому вопросу несколько позднее обратился В. В. Кабанов. Тщательный анализ всех источников дал ему следующий результат — 63 тыс. кооперативов с числом членов в них около 24,4 млн. чел.³¹. Ценным является стремление В. В. Кабанова определить удельный вес кооперации в сельской местности. К сельхозкооперации, кроме сельскохозяйственных обществ, сельскохозяйственных товариществ и молочных артелей, он относит 88% кредитных обществ и 89% их состава, примерно половину кустарных артелей³². В итоге он получает 25 609 сельхозкооперативов с 11,1 млн. членов. Прибавив к этому 31 тыс. сельских потребительских обществ с 7,5 млн. членов, он получает для деревни 56,6 тыс. кооперативов с 18,6 млн. членов. Однако, не сделав скидки на повторное членство (а оно в основном имело место в деревне), В. В. Кабанов приходит к выводу, что сельская кооперация обслуживала 94 млн. человек, или 82,5% деревенского населения³³. Это, по нашему мнению, является сильным преувеличением. Другую крайность допускает Н. К. Фигуровская, утверждая что кооперативные организации охватили только несколько более 1/3 сельского населения (происхождение этой цифры автор не объясняет)³⁴.

На основе кропотливого анализа отрывочных данных приняты попытки создать общую картину о социальном составе кооперации, прежде всего сельскохозяйственной. В. В. Кабанов исходит из того, что кулаков в деревне было всего около 2 млн., в кооперации их не могло быть больше, и она, следовательно, в основном росла за счет средних слоев³⁵. И. А. Фарутин полагает, что на долю трудящихся приходилось не менее 3/4

³⁰ Фарутин И. А. Характер и особенности кооперативного движения в до-революционной России.— Уч. зап. Калининград. ун-та, 1970, вып. IV, с. 62—63.

³¹ Кабанов В. В. Указ. соч., с. 58—59. Автор ошибочно датирует эти данные 1 января 1917 г. Следует отметить, что по всем видам кооперации не фиксируются существенно отличающиеся данные на начало и конец 1917 г., за исключением потребительских обществ, число которых за год возросло с 23 500 до 35 000. В. В. Кабанов в свои подсчеты включает последнюю цифру, следовательно, и общее число кооперативов, названное им, отражает положение на конец 1917 г. Сильно завышено им число членов сельхозобществ — 1,6 млн. По нашим наблюдениям, их было примерно 400 тыс. И. А. Фарутин называет 1,5 млн. членов для сельхозобществ, сельхозтовариществ и маслодельных артелей вместе взятых, что в основном соответствует истине.

³² Следует обратить внимание на то, что И. А. Фарутин, исключая кредитные кооперативы из системы сельскохозяйственной кооперации, приходит к выводу о том, что накануне революции она объединяла лишь не более 7—10% всех крестьянских хозяйств (Указ. статья, т. 63, 65).

³³ Кабанов В. В. Указ. соч., с. 59.

³⁴ Развитие В. И. Лениным экономической теории социализма и коммунизма. М., 1969, с. 207.

³⁵ Кабанов В. В. Указ. соч., с. 99.

всех участников кооперативного движения. Их основную массу составляли прежде всего крестьяне-середняки, отчасти деревенская беднота, а также рабочие и низшие служащие в городе³⁶. Изучение и оценка выявленных нами выборочных данных позволила прийти к такому же заключению: примерно 8—10% членов сельхозкооперации составляли бедняки, 25—30% — зажиточные и кулаки, остальные — середняки; следовательно, из 11—11,5 млн. членов сельскохозяйственной кооперации 7—8 млн. составляли середняки и бедняки³⁷.

Обстоятельный анализ всех данных о социальной природе дореволюционной кооперации позволил подтвердить ленинские положения о том, что степень участия в кооперации была неодинаковой и возрастала от низших к высшим по состоятельности группам. В зависимости от имущественного положения членов кооперации находилась и степень использования ими доходов и других материальных благ кооперативов, которые давали «...много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты»³⁸. Вследствие этого ключевые позиции в дореволюционной кооперации находились в руках зажиточно-кулацкой верхушки³⁹.

В последние годы исследователи прилагают усилия, чтобы определить материальные ресурсы российской кооперации накануне Октября, объем и характер хозяйственных операций, их удельный вес в тех областях экономики, где она функционировала, степень обслуживания различных социальных групп, связи кооперации с государством, частным капиталом, монополистическими объединениями и т. п. В итоге им удалось раскрыть на конкретном материале положение о том, что кооперация в условиях буржуазного строя является составной частью капиталистической системы и вместе с тем важной материальной предпосылкой социализма⁴⁰.

Политический облик кооперации, отражая классовую и социальную неоднородность ее членов, был чрезвычайно сложным

³⁶ Фарутин И. А. Указ. статья, с. 115.

³⁷ Файн Л. Е. Октябрьская революция и сельскохозяйственная кооперация.— В кн.: История. Алма-Ата, 1968, вып. 3, с. 4; *Он же*. Указ. монография, с. 59—60.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 72.

³⁹ Обстоятельный анализ конкретных данных по этому вопросу содержится в упомянутых работах С. П. Трапезникова, И. А. Фарутина, В. В. Кабанова, в статье М. С. Дулькина «Монополистический капитал в молочной кооперации России» (Уч. зап. Москов. обл. пед. ин-та. М., 1966, т. 162, вып. 4), по материалам Сибири — в монографиях: Тюкавин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Иванов Б. В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976; и др.

⁴⁰ Першин П. Н. Указ. соч., кн. 1; Трапезникова С. П. Указ. соч., т. 1; Фарутин И. А. Указ. статья; Кабанов В. В. Указ. соч.; Файн Л. Е. Социально-экономическая характеристика дореволюционной кооперации России.— В кн.: Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1975; Иванов Б. В. Указ. соч.; и др.

и противоречивым. Однако определялся он в конечном счете теми социальными силами, в руках которых находились ключевые экономические позиции в кооперативах. Вот почему, как это показано в ряде исследований, российская кооперация в период подготовки и проведения Октябрьской революции, прикрываясь лозунгами «надклассовости» и «беспартийности», фактически встала на сторону буржуазной контрреволюции. Наиболее полно этот сюжет раскрыт в монографии Б. В. Иванова на примере кооперации Сибири. Следует, однако, отметить, что до настоящего времени конкретно не выявлены позиции отдельных политических партий и группировок в кооперации, партийный состав их руководящих органов, тщательно маскировавшиеся связи с руководством буржуазных и мелкобуржуазных партий, политическую линию которых кооперативные верхи на практике осуществляли.

К настоящему времени накоплен некоторый материал, позволяющий проследить процесс выработки В. И. Лениным и большевистской партией политики по отношению к кооперации, ее практическую деятельность по политическому воспитанию рядовых членов кооперации — рабочих и крестьян, использованию кооперации в интересах классовой борьбы пролетариата⁴¹, который все же не позволяет еще воссоздать достаточно полную картину работы большевиков в кооперации и определить позиции партии в ней накануне победы Октября.

Насколько нам представляется, исследователями темы «исходных позиций» в общероссийском плане уже в основном исчерпаны имеющиеся источники, и дальнейшее продвижение вперед возможно главным образом на основе проведения региональных исследований, построенных на новых, ранее не введенных в научный оборот первичных документах, выявленных в местных архивах (монография Б. В. Иванова — наглядное подтверждение этому), что позволит не только уточнить общую характеристику кооперативной системы, но и выявить специфику отдельных экономических районов, разных народов нашей страны, начавших после победы Октября продвижение к социализму с различных исходных позиций.

Большинство историков, изучающих ход кооперативного строительства в донуповский период, выделяют два этапа, рубежом между которыми считают мартовский декрет 1919 г.⁴² В основном верно определяется главное содержание этих этапов. На

⁴¹ Днепровский С. М. Кооператоры. М., 1968; Морозов Л. Ф. Указ. монография; Фаругин И. А. Указ. статья; Трапезников С. П. Указ. соч., т. 1; Дмитриенко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И. Партия и кооперация. М., 1978; и др.

⁴² См.: Кабанов В. В. Указ. соч., с. 18. Сохранились разногласия по вопросу, следует ли различать в эти годы два этапа в разработке В. И. Лениным кооперативного плана. Ряд историков дали на этот вопрос утвердитель-

первом использование кооперации в интересах социалистического строительства осуществлялось на основе компромисса со старыми кооператорами и старыми принципами деятельности кооперации, на втором предпринималась попытка реорганизации административно-политическими методами старой кооперации в организацию с новыми функциями и принципами деятельности.

Весьма интенсивно в последние годы изучался первый этап кооперативного строительства — с октября 1917 г. до весны 1919 г.

Введение в научный оборот огромного количества нового по сравнению с литературой 20-х годов фактического материала, извлеченного из партийных и государственных архивов, центральной и местной периодической печати, позволило воссоздать картину влияния Октябрьской революции на кооперацию, до конца разоблачить утверждения кооператоров старой школы о «приостановке» или «заторможении» роста кооперации после Октября⁴³. Новыми материалами пополнилась история выработки первого советского кооперативного декрета, а также хода его практического осуществления⁴⁴.

В известной мере заполнен пробел историографии 20-х годов в изучении деятельности Советского государства по использованию в интересах социалистического строительства сельскохозяйственной кооперации⁴⁵. Частично изучен этот вопрос в отношении кустарно-промысловой кооперации⁴⁶.

ный ответ (*Сергеев И. И.* Разработка В. И. Лениным кооперативного плана. Саратов, 1966, с. 7; *Галаюнов М. В.* Указ. соч., с. 47—58; и др.); *Верхин И. В.* рассматривает 1917—1920 гг. в качестве одного этапа (История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, с. 166). Точку зрения *И. Б. Берхина* отстаивает и автор настоящих строк (Указ. монография, с. 322—325) и, видимо, по техническому недомоту он оказался в статье *В. И. Погудина* отнесенным к первой точке зрения (Вопросы истории КПСС, 1974, № 1, с. 118). *В. М. Селунская*, синтезируя эти точки зрения, рассматривает период с октября 1917 до весны 1921 г. в качестве единого «поискового периода» в разработке кооперативного плана, подразделяя его на 3 этапа: октябрь 1917 г.— весна 1918 г., весна 1918 г.— начало 1919 г., 1919 г.— весна 1921 г. (Ленинский кооперативный план в советской историографии, с. 46—48).

⁴³ См.: *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России. М., 1918, с. 382; *Меркулов А. В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1919, с. 66—67; и др.

⁴⁴ *Савицкая Р. М.* В. И. Ленин и использование государственного капитализма в период мирной передышки 1918 г.— Вопросы истории КПСС, 1967, № 3; *Она же.* Очерк государственной деятельности В. И. Ленина (далее: *Савицкая Р. М.* Указ. монография). М., 1969, с. 164—203; *Морозов Л. Ф.* Указ. монография, с. 61—100; *Кабанов В. В.* Указ. соч., с. 138—169; и др.

⁴⁵ *Файн Л. Е.* Октябрьская революция и сельскохозяйственная кооперация.— В кн.: История. Алма-Ата, 1968, вып. III; *Она же.* Национализация Московского народного банка.— Деньги и кредит, 1970, № 3; *Морозов Л. Ф.* Указ. монография, с. 128—132; *Кабанов В. В.* Указ. соч., с. 177—194; и др.

⁴⁶ *Файн Л. Е.* Политика Коммунистической партии и Советского государства по отношению к кустарно-промысловой кооперации в первые годы

В упомянутых выше и ряде других работ по истории первых этапов развития кооперации в стране центральное место заняла тема деятельности Коммунистической партии и Советского государства по привлечению к решению задач социалистического строительства доставшейся нам в наследие от старого строя кооперативной системы, раскрыта роль В. И. Ленина не только как теоретика кооперации и творца кооперативного плана, но и непосредственного организатора и руководителя кооперативного строительства, показано неразрывное единство теоретической и практической деятельности В. И. Ленина, Коммунистической партии в области кооперации. Достаточно полно обобщен опыт острой политической борьбы с руководящей верхушкой старой кооперации, в ходе которой Советской власти удалось парализовать ее сопротивление и привлечь кооперативный аппарат к выполнению государственных заданий. Нашел отражение в литературе и процесс развертывания работы партийных организаций в кооперации, решения выдвинутой партией задачи обеспечения большевистского влияния в кооперативах, отстранения от руководства ими меньшевиков и эсеров, однако большинство фактического материала по этому вопросу в ней приводится только относительно рабочей потребительской кооперации.

Начал плодотворно изучаться процесс теоретического осмысления кадрами партийно-хозяйственных работников роли и места кооперации в социалистическом обществе, форм и методов вовлечения населения в кооперацию. При этом показано, что уже в первые годы Советской власти партии пришлось преодолевать как нигилистические настроения, выразившиеся в отрицании будущности за кооперацией в условиях диктатуры пролетариата, так и «левацкие» попытки не допустить компромисса со старыми кооператорами или путем декретирования ускорить ход вовлечения крестьян в производственные формы кооперации⁴⁷.

Названные достижения позволили поставить вопрос об общей характеристике первого этапа кооперативного строительства. Историки сходятся на том, что это был важный этап в борьбе Советского государства за овладение кооперацией, когда на основе компромиссных принципов решалась задача максимального использования доставшегося в наследие от старого строя кооперативного аппарата в интересах социалистического строительства и прежде всего в организации распределения. Вместе с тем выявились и существенные расхождения в оценке отдельных мо-

Советской власти (1917—1923 гг.).— Общественные науки. Алма-Ата, 1968. Вып. XIII; *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности. М., 1969, с. 47—51; *Лебакова Э. Р.* Опыт КПСС по приобретению мелкой буржуазии города к строительству социализма. М., 1970, с. 25—37.

⁴⁷ *Селунская В. М.* Преодоление Коммунистической партией левацких ошибок в строительстве первых колхозов и совхозов.— Вестник МГУ, серия IX. История. 1965, № 6; *Файн Л. Е.* Указ. монография, с. 189—215.

ментов первого этапа. Это касается прежде всего оценки места декрета от 12 апреля 1918 г. Л. Ф. Морозов по этому поводу пишет: «Декрет был направлен на превращение потребительской кооперации в соответствии с ленинским планом в своеобразную форму госкапитализма»⁴⁸. Эту точку зрения поддерживает В. И. Погудин, заявляя, что декрет «именно эту непосредственную задачу и ставил»⁴⁹. Возражая против такой постановки вопроса, В. В. Кабанов подчеркивает, что тот или иной социально-экономический уклад нельзя внести в хозяйственную жизнь страны декретом, что «кооперация в 1918 г. независимо от государственной политики вступала в реальные экономические отношения с государством и выполняла на этой основе государственно-капиталистические функции». И ошибка Л. Ф. Морозова, по его мнению, «состоит в том, что он путает реальные экономические связи... с юридическим оформлением этих отношений»⁵⁰. Э. Б. Генкина основное назначение декрета видит в осуществлении через кооперацию как разновидности госкапитализма «контроля за деятельностью частных торговцев под руководством государственных органов»⁵¹. Р. М. Савицкая полагает, что уже в конце 1917 — начале 1918 г. Ленин рассматривал задачу вовлечения всего населения в кооперативы как разновидности государственного капитализма»⁵². Если Л. Ф. Морозов считает, что с принятием декрета только началось превращение кооперации в форму госкапитализма, то И. А. Фарутин утверждает, что в течение весны — лета 1918 г. «оставшаяся от капиталистической эпохи буржуазная кооперация окончательно приобрела указанные В. И. Лениным черты государственно-капиталистического типа хозяйственной организации»⁵³.

В литературе последних лет плодотворно развивается идея о том, что приобретением кооперацией черт государственно-капиталистического уклада не исчерпывается сущность изменений ее социальной природы, что кардинальным направлением этого процесса было ее превращение в социалистическую форму хозяйства и что уже тогда в этом направлении были достигнуты реальные результаты. В. В. Кабанов по этому поводу пишет, что было бы «неверным определять социально-экономическую сущность кооперации данного периода однозначно — лишь как государственный капитализм», что поскольку государство пролетар-

⁴⁸ Морозов Л. Ф. Указ. монография, с. 77.

⁴⁹ Вопросы истории КПСС, 1974, № 1, с. 121.

⁵⁰ Кабанов В. В. Указ. соч., с. 34.

⁵¹ Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. М., 1969, с. 19.

⁵² Савицкая Р. М. Указ. монография, с. 166.

⁵³ Фарутин И. А. Борьба Коммунистической партии за руководство кооперативным движением и социалистическую реорганизацию дореволюционной кооперации. Автореферат дис... докт. ист. наук. М., 1971, с. 21. Подчеркнуто нами. — Л. Ф.

ское, «то кооперация, работая на него, имела тенденцию развития в том же направлении», что «в конечном счете социальную природу кооперации определяет господствующий строй и господствующие производственные отношения»⁵⁴. В. П. Дмитренко подчеркивает, что начало новой социальной направленности кооперации было положено «компромиссным соглашением с буржуазной кооперацией 1918 г., привлечением кооперации к решению задач социалистического строительства в течение 1918 и 1919 гг.»⁵⁵. Некоторые авторы приходят к убеждению, что уже в 1918 г. рабочая потребительская кооперация представляла собой социалистического типа организацию, при этом И. Б. Берхин полагает, что такой она была уже весной 1918 г.⁵⁶, а Б. М. Яковлев пишет, что она не относится к госкапиталистической, кроме первых месяцев Советской власти⁵⁷.

Изучая второй этап становления советской кооперации (с весны 1919 г. до перехода к нэпу), историки вновь обратились к поднятой авторами 20-х годов проблеме об оценке опыта реорганизации кооперативов в условиях «военного коммунизма» на основе директив ВЦИК и СНК от 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г. В отличие от литературы прошлых лет, в которой преобладали оценки в общих словах (кооперация стала «советской», «революционной» и т. п.), заметно стремление глубже изучить проблему, разобраться в вопросах о хозяйственных последствиях реорганизации, об эволюции социально-экономической природы кооперации, о реальных отношениях между различными формами кооперативного движения.

К сожалению, накопление фактического материала об этом чрезвычайно сложном периоде еще только начато. Монография И. А. Фарутина, пока единственная, целиком посвященная этому этапу, обстоятельно исследует лишь состояние потребительской кооперации. В монографии Л. Ф. Морозова лишь в общем плане анализируется процесс выработки политики Коммунистической партии и Советского государства по отношению к кооперации. В других работах, посвященных теме «военного коммунизма» в целом, не предпринимается попытка глубоко проанализировать вопрос о месте кооперации в этой системе, характере и объеме ее хозяйственной деятельности, итогах и последствиях проведенной реорганизации⁵⁸. На чрезвычайно важное значение опыта этих

⁵⁴ Кабанов В. В. Указ. соч., с. 290—291.

⁵⁵ Проблемы аграрной истории советского общества, с. 178.

⁵⁶ История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, с. 172.

⁵⁷ Яковлев Б. М. В. И. Ленин и проблемы госкапитализма в Советской России. — Вопросы истории, 1970, № 12, с. 12.

⁵⁸ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973; История социалистической экономики СССР. М., 1976, т. 1; и др.

лет в процессе становления советской кооперации и разработки В. И. Лениным кооперативного плана уже обращалось внимание в литературе⁵⁹. Предпринятое в последнее время изучение этого опыта на примере отдельных существенно отличающихся по социально-экономическим условиям районов подтверждает возможность и научную значимость дальнейшей разработки проблемы⁶⁰.

Недостаточная изученность фактического состояния кооперации к концу гражданской войны затрудняет выяснение, насколько соответствуют истине используемые в литературе данные статистики о том, что в 1920 г. потребительская кооперация объединяла «почти все население республики», утверждения о том, что сельскохозяйственная кооперация тогда «фактически прекратила свое существование», что ко времени перехода к нэпу «не было другой кооперации кроме потребительской»⁶¹.

Пытаясь оценить сущность реорганизованной в годы «военного коммунизма» кооперации в смысле соотношения в ней государственных и общественных начал, историки высказали ряд интересных суждений. Л. Ф. Морозов пишет, что кооперация «превращается в распределительный аппарат Советского государства, но еще сохраняет в той или иной мере черты общественной организации»⁶². По мнению В. П. Дмитренко, кооперация стала «полугосударственной организацией»⁶³. Е. Г. Гимпельсон подчеркивает, что «потребительская кооперация все больше превращалась в государственный аппарат прямого распределения продуктов среди трудящихся»⁶⁴. Важно отметить, что историки почти единодушно признают сохранение кооперативных общественных начал в реорганизованной кооперации и вместе с тем указывают на существенную деформацию обычной кооперативной деятельности. Однако конкретное соотношение черт государственной и общественной (кооперативной) организации в реорганизованной системе еще не исследовано, особенно в отношении сельскохозяйственной и кустарно-промыс-

⁵⁹ См.: *Файн Л. Е.* В. И. Ленин и опыт кооперативного строительства в условиях «военного коммунизма». — В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества; и др.

⁶⁰ *Кучина Э. В.* Кооперативное строительство на юге Казахстана в первые годы Советской власти. Автореферат дис... канд. ист. наук. Тюмень, 1975; *Метельский Н. Н.* Реорганизация кооперации Тюменской губернии на основе декретов периода «военного коммунизма» (август 1919 — март 1921 г.). — В кн.: Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Тюменском крае. Тюмень, 1976.

⁶¹ Потребительская кооперация за 10 лет Советской власти. М., 1927, с. 223; *Булатов И. Г.* Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М., 1960. с. 27; Проблемы аграрной истории советского общества, с. 189 (выступление В. А. Цыбульского).

⁶² Вопросы истории КПСС, 1966, № 12, с. 47.

⁶³ Проблемы аграрной истории советского общества, с. 187.

⁶⁴ *Гимпельсон Е. Г.* Указ. соч., с. 151.

ловой кооперации, где изучение этого вопроса может дать весьма интересный материал.

Следствием недостаточной изученности хозяйственных итогов реорганизации явилось множество точек зрения по вопросу об оценке ее социальных последствий. Л. Ф. Морозов приходит к выводу, что социальная эволюция кооперации с весны 1919 г. до перехода к нэпу «означала дальнейшее развитие и совершенствование ее функций как формы госкапитализма»⁶⁵. Эта точка зрения поддержана В. И. Погудиным⁶⁶. К противоположному выводу в итоге своих исследований приходит И. А. Фарутин, который утверждает, что потребительская кооперация превратилась «в последовательно социалистического типа хозяйственную организацию»⁶⁷. Близкую к этой, но в менее категорической форме выраженную точку зрения высказывает В. П. Дмитренко. Характеризуя потребительскую кооперацию в момент перехода к нэпу, он считает, что «мы вправе причислить ее к социалистическому укладу»⁶⁸. Он и В. В. Кабанов рассматривают постановку вопроса о том, была ли кооперация госкапиталистической или социалистической, искусственной, так как и в 1921 г. и в 1923 г. кооперация была «и тем и другим»⁶⁹.

В адрес автора настоящей статьи был высказан упрек в том, что он не дает прямого ответа на вопрос о социальной природе кооперации к концу гражданской войны⁷⁰. В известной мере с этим можно согласиться, так как мы испытываем затруднение однозначно ответить на него. Насколько нам представляется, реорганизация кооперативов существенно нарушила развившийся на первом этапе процесс выполнения кооперацией госкапиталистических функций. Конечно, изменить декретами социальную природу кооперации нельзя, но сами декреты от 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г. отражали требования объективной экономической обстановки и политики «военного коммунизма», когда обладали тенденции на прямой, непосредственный переход к социализму, исключая государственно-капиталистическую форму как промежуточную. Мысль о том, что реальные возможности использования госкапитализма как переходной формы к социализму в этот период почти были сведены на нет, уже неоднократно выдвигалась в литературе, хотя она еще не получила достаточного обоснования. Э. Б. Генкина считает, что «в этих

⁶⁵ Вопросы истории КПСС, 1966, № 12, с. 48.

⁶⁶ Вопросы истории КПСС, 1974, № 1, с. 120—121.

⁶⁷ Фарутин И. А. Указ. монография, с. 137.

⁶⁸ Проблемы аграрной истории советского общества, с. 128.

⁶⁹ Там же, с. 188, 196—197. Приходится констатировать, что оба тезиса В. П. Дмитренко не вполне согласуются между собой.

⁷⁰ См.: Морозов Л. Ф. Рец. на кн.: Файн Л. Е. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана.— Вопросы истории КПСС, 1971, № 8, с. 131; Он же. Социалистическое становление кооперации в литературе последних лет.— История СССР, 1972, № 4, с. 150.

условиях вопрос об использовании госкапиталистических форм практически терял свое прежнее значение». Это прежде всего, по ее мнению, коснулось кооперации⁷¹. И. И. Сергеев отмечает, «что в условиях военного коммунизма отсутствовали даже элементарные возможности существования кооперации как формы государственного капитализма»⁷².

Сложная, противоречивая картина состояния кооперации к концу гражданской войны далеко не изучена, но и по имеющимся материалам нетрудно убедиться в том, что нельзя оценивать *всю систему* как госкапиталистическую. Достаточно ознакомиться с источниками и литературой о деятельности в 1919—1920 гг. Петроградской продовольственной организации — Петрокоммуны⁷³, которая на основе классового принципа обеспечивала снабжение населения города. А разве можно назвать госкапиталистической организацией Центросоюз второй половины 1920 г., не игнорируя тех принципиальных изменений в руководящем составе, функциях и принципах деятельности, которые произошли по сравнению с 1918 г., когда отношения этой организации с Советским государством действительно строились на госкапиталистических началах?

Трудности в определении социальной природы кооперации вызваны не столько недостаточной изученностью ее фактического состояния, сколько теми необычными условиями, в которых протекала ее деятельность, незавершенностью тех преобразований, которые она в те годы переживала. Характеризуя эти условия, В. П. Дмитренко полагает, что в силу постепенного усечения функций кооперации как общественной организации и превращения ее в полугосударственную организацию «неправоммерно перенесение на кооперацию периода «военного коммунизма» оценок, данных Лениным в условиях новой экономической политики»⁷⁴. Отражением этих трудностей является то, что единую оценку кооперации конца гражданской войны фактически не дает ни один автор, основательно изучавший этот период. И. А. Фаругин, настойчиво отстаивая тезис о завершении в 1920 г. процесса реорганизации буржуазной кооперации в социалистическую, не распространяет его на сельскохозяйственную и кустарно-промышленную, которая, по его словам, «не претерпела существенных изменений ни по своему социальному составу, ни по характеру деятельности»⁷⁵. Л. Ф. Морозов, давая госкапиталистическую оценку кооперации конца 1920 г., не распространяет ее на рабочую потребительскую⁷⁶. Правомерность такого

⁷¹ Генкина Э. Б. Указ. соч., с. 29—30.

⁷² Проблемы аграрной истории советского общества, с. 205.

⁷³ См.: Петрокоммуна. Пг., 1920; Петрогубкоммуна. Пг., 1921; Бадаев А. Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927.

⁷⁴ Проблемы аграрной истории советского общества, с. 187.

⁷⁵ Фаругин И. А. Указ. монография, с. 140.

⁷⁶ Морозов Л. Ф. Указ. монография, с. 144.

исключения вызывает сомнение уже хотя бы потому, что в 1920 г. произошло полное слияние общегражданской и рабочей потребительской кооперации, как это хорошо показано самим Л. Ф. Морозовым⁷⁷. Что касается авторов специальных исследований о госкапитализме, то многие из них прямо или косвенно уходят от конкретного анализа деятельности кооперации 1917—1920 гг. как разновидности этого уклада. А. Я. Левин делает специальную оговорку, что это — тема специального исследования⁷⁸. Е. В. Юферова ограничивается замечанием, что в 1917—1918 гг. одной из форм госкапитализма были кратковременные соглашения с буржуазными кооператорами⁷⁹. М. В. Захарова рассматривает этот вопрос только в общем плане⁸⁰.

Анализ имеющегося фактического материала убеждает в невозможности однозначной оценки кооперации конца гражданской войны. Части кооперативов страны, особенно окраинных районов, воздействие нового строя не успело коснуться, и они продолжали свою деятельность как разновидность капиталистического типа предприятий. Другие продолжали действовать на основе компромисса 1918 г. как разновидность государственного капитализма. Что же касается той массы кооперативов, которая была реорганизована на основе декретов 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г., то на них под влиянием этой реорганизации стали распространяться черты огосударствления, которые объективно вели к потере ими кооперативной природы вообще и слиянию кооперативного уклада с государственным социалистическим.

Изучение опыта работы реорганизованной кооперации, несмотря на то, что к настоящему времени выявлены лишь его основные черты, позволяет уяснить, почему те формы и методы привлечения кооперации к решению задач социалистического строительства, которые применялись в условиях «военного коммунизма», способствовали решению кооперацией конкретных задач военного времени, но не смогли стать основой экономических отношений между пролетарским государством и миллионами мелкотоварных производителей, что для их социалистического преобразования нужны другие принципы и методы внутренней организации кооперативов, другие формы отношений между различными составными частями кооперативного движения. Критическая оценка исследователями опыта «военного коммунизма» способствовала глубокому осмыслению опыта последующего — непковского — этапа, в рамках которого все эти вопросы были успешно разрешены.

⁷⁷ Там же, с. 113—114.

⁷⁸ Левин А. Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму (Государственный капитализм и частный капитализм). М., 1967.

⁷⁹ Юферова Е. В. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969, с. 16.

⁸⁰ Захарова М. В. Использование переходных экономических форм в строительстве социализма. Л., 1971.

В последние годы продолжалась работа по изучению первого опыта колхозного строительства. Достигнуты дальнейшие успехи в изучении фактического состояния колхозного движения, хотя в этой области современные авторы мало добавили к тому, что в свое время было сделано А. И. Конюковым. А сделать нужно и можно еще много. Это хорошо показал П. Н. Першин. Обобщив все опубликованные данные о числе коммун и артелей на конец 1918 г., он пришел к выводу, что их было 2950⁸¹ (почти в два раза больше той цифры, которую приводят большинство авторов). Можно не соглашаться с его методом подсчета, когда для каждой губернии за основу берется тот источник, где названа самая большая цифра, но нельзя оспаривать необходимость существенного уточнения количественной характеристики колхозного движения на основе привлечения более широкого круга источников, особенно местных.

Большинство историков разделяет мнение А. И. Конюкова о том, что первые коллективные хозяйства возникли в конце 1917 г.⁸², хотя некоторые продолжают стоять на том, что началом колхозного движения следует считать 1918 г. Видимо, сказывается отсутствие достаточного количества конкретных данных о колхозах конца 1917 г.⁸³

Требует дальнейшего уточнения вопрос об удельном весе коммунистов в колхозном движении. Достоверных данных по этому вопросу за 1917—1920 гг. до настоящего времени нет, и во многих исследованиях⁸⁴ без оговорок приводятся данные Т. Зеленова о том, что «среди ответственных работников (что понимается под этой категорией — неизвестно.— Л. Ф.) коммун к июлю 1918 г. было около 40% коммунистов, к сентябрю — 65—70%, к концу года — свыше 90%⁸⁵. Источника автор не приводит, а аргументирует эти данные другими, не имеющими прямого отношения к вопросу цифрами.

То же самое следует сказать и по вопросу о принадлежности земель, на которых возникли первые коллективные хозяйст-

⁸¹ Першин П. Н. Указ. соч., кн. 2, с. 517.

⁸² Конюков А. И. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия (1917—1925 гг.), с. 18; Селунская В. М. Рабочий класс и Октябрь в деревне, с. 112; Воронович А. А. Аграрная программа партии в трудах В. И. Ленина. М., 1971, с. 161; и др.

⁸³ М. А. Краев указывает, что в декабре 1917 г. было создано около 50 колхозов в Петроградской, Новгородской, Московской и других губерниях (Указ. соч., с. 499). П. Н. Першин, повторяя эти цифры, отмечает, что «об этих первых начинаниях коллективного земледелия нет сколько-нибудь подробных данных» (Указ. соч., кн. 2, с. 479). М. В. Гамаюнов называет цифру только для Петроградской губернии — 33 коллектива, а также сообщает, что такого рода хозяйства возникли к концу 1917 г. в Московской, Саратовской, Калужской, Иваново-Вознесенской и других губерниях, не указывая их количества (Указ. соч., с. 94, 95).

⁸⁴ См.: Скрыпнев Н. Указ. соч., с. 44; Чинчиков А. М. Указ. соч., с. 95; и др.

⁸⁵ Зеленов Т. К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.).— Красный архив, 1940, № 4 (101), с. 125.

ва. Общепринято считать, что они создавались преимущественно на бывших помещичьих, монастырских, частновладельческих землях и землях госфонда. Однако конкретные данные по этому вопросу необходимо уточнить. До сих пор в научном обиходе находятся цифры Б. Н. Книповича о том, что на надельных землях возникло лишь 7% общего числа коммун и 30% артелей. Эти цифры приводятся без ссылки на источник, обоснования методики подсчета и указания точной даты, к которой они относятся⁸⁶. Тем не менее они в течение многих лет переходят из одной работы в другую⁸⁷, хотя встречающиеся в архивах и литературе локальные данные позволяют высказать предположение, что этот процент был значительно выше⁸⁸.

Сделана серьезная попытка проследить зарождение и эволюцию основных форм колхозного движения. Большинство авторов придерживаются точки зрения, что вначале создавались преимущественно коммуны, что только в конце 1918 г. число артелей стало быстро расти, а к весне 1919 г. оно превысило число коммун. Это, конечно, не исключает возможности преобладания артелей в отдельных районах в более ранний период, на что указывает в своей работе П. П. Першин⁸⁹. Вопреки, казалось бы, бесспорному мнению о том, что товарищества по общественной обработке земли возникли только в 1919 г.⁹⁰, П. Н. Першин привел данные о наличии к концу 1918 г. 146 тозов, в том числе в Витебской губернии — 75, в Смоленской — 30, в Орловской — 21, в Костромской — 12, в Ярославской — 4 и в четырех губерниях — по одному⁹¹. Они показывают необходимость дальнейших поисков в данном направлении, а также уточняют, что представляли собой товарищества 1918 г.

Трудности дальнейшего изучения вопроса о формах коллективного земледелия вызваны не только тем, что наименование или устав коллективного хозяйства не всегда отражали реальные принципы его деятельности, но и тем, что в 1918—1920 гг. еще

⁸⁶ Книпович Б. М. Очерки деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917—1920). М., 1920, с. 40; *Он же*. Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг.— В сб.: О земле. НКЗ. Вып. 1. 1921, с. 40. В первой работе эти данные датируются 1919 г., во второй даты не указываются, но из контекста их можно отнести к ноябрю 1920 г.

⁸⁷ *Скрыпнев Н. Указ. соч.*, с. 50; *Краев М. Указ. соч.*, с. 211; *Губенко П. Т.* Разработка аграрной программы в первые годы Советской власти. Саратов, 1959, с. 56.

⁸⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 9, ед. хр. 32, л. 1; оп. 23, ед. хр. 4, л. 23; оп. 18, ед. хр. 9, л. 207, 305 и др.; *Митрофанов А. Х. Указ. соч.*, с. 42; *Конюков А. И. Указ. соч.*, с. 22—23; *Скрыпнев Н. Указ. соч.*, с. 50, 64; и др.

⁸⁹ *Яковцевский В. Н.* Колхозное строительство в восстановительный период (1921—1925 гг.).— Очерки по истории народного хозяйства СССР. М., 1959, с. 219; *Гамаюнов М. В. Указ. соч.*, с. 95; *Трапезников С. П. Указ. соч.*, т. 1, с. 433; *Першин П. Н. Указ. соч.*, кн. 2, с. 512—515.

⁹⁰ *Гамаюнов М. В. Указ. соч.*, с. 95; *Трапезников С. П. Указ. соч.*, т. 1, с. 436; *Файн Л. Е. Указ. монография*, с. 178—180.

⁹¹ *Першин П. Н. Указ. соч.*, кн. 2, с. 512—517.

далеко не полностью определилось конкретное содержание каждой формы. Под влиянием практического опыта масс, с одной стороны, и изменения социально-экономической обстановки в условиях «военного коммунизма» — с другой, оно претерпевало в те годы весьма сложную и противоречивую эволюцию. Процесс кристаллизации каждой формы, выявления наиболее свойственных ей принципов деятельности сопровождается процессом смыкания граней между ними, распространения на них общих принципов организации и хозяйствования, на что до сих пор недостаточно обращено внимание в исторической литературе.

Привлек внимание исследователей опыт решения важнейшей проблемы кооперативного строительства — о соотношении простейших форм кооперации и колхозного движения. Первоначально в поле зрения историков оказался не объективный процесс установления связи между ними, а теоретическое осмысление возможности использования торговых форм кооперации как переходной и подготовительной ступени к коллективизации, анализ развития взглядов В. И. Ленина по этому вопросу.

В докладе на научной сессии 1961 г. И. Б. Берхин высказал свое убеждение о том, что для периода 1917—1920 гг. характерен единый подход к проблеме: «Ленин, Коммунистическая партия в эти годы еще не рассматривали простейшие формы кооперации как переходную ступень к высшей форме кооперации — социалистической производственной кооперации. Этот важнейший вывод Ленин сделал уже в новых условиях социалистического строительства, в условиях новой экономической политики». В развернувшейся на сессии полемике В. М. Селунская возражала против категоричности точки зрения И. Б. Берхина, полагая, что «ленинские работы не позволяют согласиться с таким категорическим утверждением»⁹². По мнению И. И. Сергеева, В. И. Ленин в 1918 г. считал возможным подвести крестьян к коллективизации через потребительское кооперирование, а в 1919—1920 гг. он от этого плана отказался, в связи с чем стал разрабатывать только вопрос о коллективизации и перестал заниматься проблемой развития простейших форм кооперации⁹³. Подобную точку зрения высказал и В. И. Погудин, у которого получается, что «в 1917—1918 гг. (до начала гражданской войны)» В. И. Ленин «считал возможным использовать для социалистического преобразования сельского хозяйства не только коммуны, артели и товарищества... но и простейшие виды кооперации». На смену этому подходу пришел другой: «В годы гражданской войны, когда деятельность простых форм кооперации была свернута... Ленин связывал развитие социалистического земледелия исключительно с производственными формами

⁹² История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, с. 177, 355.

⁹³ Сергеев И. И. Указ. соч., с. 6—8, 31, 142—143.

кооперации — коммунами, артелями, товариществами всякого рода»⁹⁴.

Насколько нам представляется, вопрос о том, возможна ли непосредственная коллективизация или для подготовки к ней необходимо использование простейших форм кооперирования, в начале 1918 г. не стоял и не мог стоять. Он встал осенью 1918 г., когда, с одной стороны, колхозное движение получило заметное развитие, а с другой стороны, оформлялись общероссийские центры сельхозкооперации и был в принципе решен вопрос о ее привлечении к выполнению государственных заданий в области заготовок и распределения. С этого примерно времени он привлек внимание партийной и советской общественности, периодической печати, кооперативных работников.

Изучение этого процесса — как практических шагов в решении проблемы, так и теоретического осмысливания целесообразности и возможности положительного ее решения — уже началось⁹⁵, что позволяло прийти к убеждению, что поиски ответа на него продолжались в течение всего периода гражданской войны, в том числе и после реорганизации сельхозкооперативов согласно декрету от 27 января 1920 г., и завершились только в условиях новой экономической политики⁹⁶. Накопленный к настоящему времени материал позволяет убедиться в том, что во второй половине рассматриваемого здесь периода не было отхода от якобы ранее намечившейся правильной линии. Поиски шли в течение всего периода с нарастающим успехом и подготовили правильное его решение уже после перехода к новой экономической политике.

Обобщая достижения советской историографии в изучении кооперативного строительства 1917—1920 гг., можно сделать вывод, что в итоге многолетних исследовательских усилий изучены многие элементы накопленного Коммунистической партией и Советским государством опыта, другие — выявлены и намечены основные направления для их изучения. Определен круг нерешен-

⁹⁴ Вопросы истории КПСС, 1974, № 1, с. 118—119.

⁹⁵ См.: *Файн Л. Е.* Октябрьская революция и сельскохозяйственная кооперация. — История. Алма-Ата, 1968, вып. III, с. 9—13; *Он же.* Указ. монография, с. 208—215; *Кабанов В. В.* Указ. соч., с. 257—281; *Синцов Ю. Я.* В. И. Ленин как историк коллективизации крестьянских хозяйств в первые годы Советской власти. Труды Московского историко-архивного института, т. 26. М., 1968.

⁹⁶ Следствием недоразумения следует считать приписывание Ю. Я. Синцову и автору данных строк утверждения, «будто в 1919—1920 гг. у Ленина сложилось твердое мнение, что переходными подготовительными ступенями для перевода крестьянских хозяйств на путь социализма могут служить простейшие виды кооперации сбыто-снабженческого типа» (*Погудин В. И.* Указ. статья, с. 119). Кстати, и Ю. Я. Синцов, кому принадлежит выражение «у Ленина сложилось твердое мнение», относит это не к 1919—1920 гг., а к периоду новой экономической политики, подчеркивая, что это мнение сложилось на основе оценки опыта предшествующих лет.

ных и спорных вопросов. Важным условием продвижения вперед является проработка ключевых элементов опыта использования кооперации на материалах основных экономических и национальных районов, что позволит поднять историографию проблемы на новый уровень, углубить и конкретизировать наши знания по этому важнейшему периоду становления советской кооперации, а вместе с тем решить те вопросы, которые до настоящего времени оставались вне поля зрения историков или по которым имеются еще существенные расхождения в их трактовке. Решение этих задач имеет огромное политическое и научно-практическое значение для братских коммунистических и рабочих партий, с неослабевающим интересом изучающих советский опыт развития кооперации.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СУНЬ ЯТСЕН И ЕГО ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДСТВО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (60—70-е ГОДЫ)

Г. В. Ефимов

Жизнь и деятельность Сунь Ятсена, его идейные воззрения, политическое наследие всегда привлекали внимание марксистской историографии. С годами оценка исторической роли Сунь Ятсена, значения суньятсенизма стали объектом острой идеологической борьбы и внутри Китая, и далеко за его пределами. Советская историография по праву занимает ведущее место в мировом суньятсеноведении, глубоко и систематически исследуя основные этапы деятельности замечательного китайского революционера, подлинную сущность его учения, ведет постоянную борьбу против фальсификации его учения гоминьдановскими реакционерами и буржуазной историографией.

Основоположником научного изучения суньятсенизма был В. И. Ленин, выступивший в 1912 г. с рядом статей о китайской революции и взглядах ее вождя Сунь Ятсена.

В 20—30-х годах, особенно в связи с обсуждением итогов и уроков революции 1925—1927 гг., когда гоминьдановская реакция в своих спекулятивных целях пыталась использовать имя Сунь Ятсена и его идеологию, в нашей стране прошла оживленная и содержательная дискуссия о классовой сущности суньятсенизма и об отношении к нему¹. Дискуссия осталась незавершенной и ей сильно повредили некоторые левацкие тенденции в оценке суньятсенизма, порожденные ошибочным представлением, будто китайская национальная буржуазия уже исчерпала свои антиимпериалистические возможности.

Изучение идейного наследия Сунь Ятсена не ограничилось только указанной дискуссией. Появлялись конкретно-исторические исследования, статьи по отдельным этапам жизни и деятельности зачинателя китайской революции².

¹ Никифоров В. Н. Советские историки о классовой сущности суньятсенизма: Дискуссия 1930—1931 годов.— В кн.: Сунь Ятсен. 1866—1966. М., 1966, с. 232—245.

² См.: Сунь Ятсен. Библиографический указатель / Сост. Н. К. Глаголева. М., 1966.

В 40—50-х годах вопросы суньятсенизма и роли Сунь Ятсена систематически рассматривались в обзорных работах по новой и новейшей истории Китая: в 1956 г. вышла монография Н. Г. Сенина «Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ятсена»³.

В 1978 г. была опубликована историографическая статья В. Н. Никифорова об освещении в советской историографии послеоктябрьского периода деятельности Сунь Ятсена⁴. Она продолжает историографическое исследование В. Н. Никифорова о советском Китаеведении в области изучения истории Китая (1917—1949 гг.) и автора данной статьи в серии историко-библиографических обзоров, изданных Ленинградским университетом⁵.

Задача нашей статьи заключается в продолжении указанных историографических обзоров состояния суньятсеноведения в нашей стране в 60—70-х годах и обсуждении некоторых проблем, возникших в ходе развития исследовательской деятельности советских китаистов.

*

В 60-х годах обсуждение проблем суньятсенизма приобрело более разносторонний и творческий характер. В 1963 г. была опубликована статья Е. Ф. Ковалева «Сунь Ятсен о «предупреждении» капитализма в Китае»⁶. Эта тема — экономические взгляды Сунь Ятсена на проблемы будущего Китая, особенно в связи с вопросом о путях развивающихся стран — стала одной из важнейших в последующих исследованиях суньятсенизма.

Внешнеполитические воззрения и практика Сунь Ятсена стали объектом исследования монографии С. Л. Тихвинского⁷. Книга охватывает весь период политической деятельности доктора Суня, особенно основательно и подробно освещены 1917—1925 гг.

В 1966 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сунь Ятсена. Советское китаеведение откликнулось на эту дату опубликованием сборника исследовательских статей, воспоминаний, документов

³ *Сенин Н. Г.* Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ятсена. М., 1956.

⁴ *Никифоров В. Н.* Послеоктябрьский период деятельности Сунь Ятсена в освещении советской историографии.— Новая и новейшая история, 1978, № 5, с. 160—171.

⁵ *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970; *Ефимов Г. В.* Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая. Л., 1965. Ч. 1; Л., 1968. Ч. 2; Л., 1972. Ч. 3; Л., 1980. Ч. 4. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая.

⁶ *Ковалев Е. Ф.* Сунь Ятсен о «предупреждении» капитализма в Китае (к постановке проблемы).— Народы Азии и Африки, 1963, № 2, с. 60—72.

⁷ *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен: Внешнеполитические воззрения и практика: (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885—1925). М., 1964.

и материалов о Сунь Ятсене⁸. Сборник открывала большая статья С. Л. Тихвинского «Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ, друг СССР». Наряду со статьями, представляющими собой конкретно-исторические исследования, были опубликованы также работы о теоретических взглядах Сунь Ятсена (статья Н. Г. Сенина об истории формирования революционно-демократической идеологии Китая, статья Д. Н. Зильберг об аграрной программе Сунь Ятсена, статья М. И. Сладковского об экономической программе Сунь Ятсена). Сборник стал заметной вехой в развитии марксистского суньятсеноведения.

В 60-х годах опубликован также ряд очерков об исторической роли Сунь Ятсена, о его политике дружбы с Советским Союзом. К столетию со дня рождения в прессе появился ряд статей и публикаций⁹.

Важнейшей особенностью советского суньятсеноведения является то, что оно постоянно обращается к ленинским статьям по Китаю; они имеют программное значение не только для понимания событий революции 1911—1913 гг. (когда они писались), но и для изучения суньятсенизма на всех этапах его развития. Закономерно, что советские китайцы ознаменовали 100-летие со дня рождения В. И. Ленина серией статей, анализирующих ленинское наследие, относящееся к Китаю вообще, Сунь Ятсену в особенности¹⁰.

Вопросы о значении суньятсенизма в наши дни, об исторической роли революционных демократов, об их социалистических устремлениях стали центральными в работах 70-х годов.

В 1971 г. вышла монография Л. Н. Ворох «Союз возрождения Китая», в которой значительное место заняла история становления Сунь Ятсена как революционера¹¹. Затем автор названной монографии опубликовала серию статей о становлении и истоках суньятсеновского принципа народного благосостояния (миньшэн)¹².

⁸ *Сунь Ятсен. 1866—1966. К столетию со дня рождения: Сб. статей, воспоминаний и материалов.* М., 1966.

⁹ См.: *Ефимов Г. В.* Великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен. Л., 1961; *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен — друг Советского Союза. М., 1966; *Вяткин Р. В.* Сунь Ятсен в воспоминаниях и письмах (к столетию со дня рождения). — *Народы Азии и Африки*, 1966, № 6, с. 39—51; *Ма Сян.* Десять лет с Сунь Ятсеном. — *Вопр. ист.*, 1966, № 11, с. 134—150.

¹⁰ *Ефимов Г. В.* К ленинской оценке революционных демократов Китая. — В кн.: *В. И. Ленин и проблемы истории Азии.* Л., 1970, с. 3—38; *Акагова Т. Н., Делюсин Л. П.* Ленинизм и проблемы китайской революции. — В кн.: *Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока.* М., 1971, с. 187—234; *Никифоров В. Н.* Вопросы истории Китая в произведениях В. И. Ленина. — *Вопр. ист.*, 1970, № 12, с. 34—44; *Сладковский М. И.* Ленин и Китай. — В кн.: *Ленин и проблемы современного Китая.* М., 1971, с. 6—30.

¹¹ *Ворох Л. Н.* Союз возрождения Китая. М., 1971.

¹² *Ворох Л. Н.* Становление принципа «миньшэн» («народное благодеяние») в программе Сунь Ятсена. — *Народы Азии и Африки*, 1975, № 1,

Значительное внимание уделено эволюции идейных взглядов Сунь Ятсена в монографии А. Г. Крымова «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917 гг.»¹³

В 1974 г. вышла монография Г. В. Ефимова «Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен»¹⁴. В ней на основе исследовательской работы автора, базирующейся на изучении архивных документов, опубликованных источниках и на основе анализа работы, проделанной советскими и зарубежными историками, дается подробное освещение роли Сунь Ятсена в буржуазной революции в Китае, сильных и слабых сторон его деятельности как вождя революции.

Московский историк А. В. Меликсетов выступил с рядом работ по вопросам экономической политики гоминьдана, в которых большое место занял анализ экономических концепций Сунь Ятсена. Им опубликовано также несколько статей, специально посвященных исследованию экономической теории Сунь Ятсена¹⁵.

В труде Л. П. Делюсина «Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК»¹⁶⁻¹⁷ автор по логике вещей не мог обойти и не обошел вопрос об аграрной политике Сунь Ятсена, глубоко и точно проанализировав указанную сторону деятельности выдающегося китайского революционера-демократа.

Названные выше работы исследуют в качестве исходной темы деятельность Сунь Ятсена и его идейные воззрения. Наряду с ними советские историки-китаисты в работах по вопросам революции 1911—1913 гг., по истории революционной борьбы 1917—1925 гг. (Е. А. Белов, Ю. М. Гарушянц, М. Ф. Юрьев и др.) значительное место уделили деятельности Сунь Ятсена — о некоторых из этих работ будет сказано далее.

с. 84—95; Она же. Сунь Ятсен о проблеме ускоренного развития Китая.— Народы Азии и Африки, 1976, № 5, с. 59—65; Она же. Традиционные источники социально-экономической программы Сунь Ятсена.— В кн.: Китай: государство и общество. М., 1977, с. 153—185.

¹³ Крымов А. Г. *Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. (1900—1917 гг.)*. М., 1972.

¹⁴ Ефимов Г. В. *Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911—1913: Факты и проблемы*. М., 1974. См. рец.: Тихвинский С. Л. *Синьхайская революция и Сунь Ятсен*.— Проблемы Дальнего Востока, 1975, № 3, с. 192—195; Березный Л. А. *Обобщающий труд по истории первой китайской революции*.— Вестн. Ленинград. ун-та, 1975, № 20, с. 142—145; Ковалев Е. Ф.— *Вопр. ист.*, 1977, № 1, с. 170—174.

¹⁵ Меликсетов А. В. *К оценке взглядов Сунь Ятсена*.— Народы Азии и Африки, 1969, № 5, с. 80—91; Он же. *Взгляды Сунь Ятсена на экономическое и социальное развитие Китая*.— Уч. зап. МГИМО: Проблемы востоковедения. М., 1972, вып. 2, с. 52—97; Он же. *Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена: происхождение, развитие и сущность*.— В кн.: Китай: государство и общество, с. 121—152.

¹⁶⁻¹⁷ Делюсин Л. П. *Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК*. М., 1972.

Среди тем, обсуждавшихся и обсуждающихся советскими китаеведами — историками, экономистами, изучающими революционную деятельность и идейное наследие Сунь Ятсена, в качестве главных можно выделить несколько, а именно:

1. Историческая роль Сунь Ятсена и революционных демократов Китая; значение их опыта для современного национально-освободительного движения. Классовая природа суньятсенизма.

2. Сунь Ятсен и массы (на примере революции 1911 г.): отношение к крестьянству, роль тайных обществ, место армии (Новой армии) в революции. Буржуазные революционеры и революционные демократы.

3. Сунь Ятсен и борьба против империализма. Вопрос об антиимпериализме Сунь Ятсена.

4. Вопрос о «предупреждении» капитализма и об «ограничении» капитала. Проблема будущего экономического развития Китая.

За годы, прошедшие со времени дискуссии 20—30-х годов о классовой природе суньятсенизма, советская историческая наука продвинулась далеко вперед в изучении гражданской истории Китая. Поэтому вопрос о классовой природе суньятсенизма стал выглядеть значительно яснее, чем раньше. Совершенной нелепостью звучит в наши дни, например, попытка характеризовать Сунь Ятсена как буржуазного реформатора, отрицать антикапиталистическую сторону его программы и т. д.

Убедительным примером того, как конкретные исторические исследования помогают правильному решению теоретических проблем, является книга Л. Н. Борох «Союз возрождения Китая». Автор книги, используя большой фактический материал, рисует обстоятельную картину становления Сунь Ятсена как революционера, показывает поиски им и его товарищами путей спасения Китая.

Л. Н. Борох отвергает распространенную на Западе концепцию, согласно которой революционные взгляды Сунь Ятсена сложились исключительно под влиянием прогрессивных западных идей (и христианства). Не отвергая влияния западных учений на суньятсенизм, автор с полным основанием показывает огромную роль в становлении революционно-демократического движения в Китае революционной войны тайпинов, традиций антиманьчжурской борьбы и других явлений, выросших на китайской почве.

Важны главы о взаимоотношениях революционеров и реформаторов; правилен конечный вывод автора о том, что хотя у Союза возрождения и реформаторов было общее желание спасти Китай, их взгляды на пути спасения страны расходились принципиально; впрочем, трактовка этого вопроса могла бы быть и более категоричной: революционеры хотели создать новый Китай,

а реформаторы ограничивались планами частичных преобразований в рамках существующего режима.

К числу достоинств книги надо отнести обстоятельный анализ историографии вопроса, которой посвящена специальная глава.

Выдвижение Сунь Ятсена в лидеры революционной борьбы китайского народа против иноземной династии, за утверждение демократического, республиканского строя определялось новыми явлениями в социально-экономической жизни китайского общества, одним из важнейших компонентов которых было становление класса национальной буржуазии.

В Китае в последние десятилетия XIX в., а особенно интенсивно в начале XX в., шел процесс формирования нации, подъема национального самосознания¹⁸. Суньятсеновское требование свержения маньчжурского режима стало знаменем национального возрождения. Идея *революции нации* способствовала ее популярности.

Сунь Ятсен рос и формировался как буржуазный революционер, его становление в качестве революционного лидера проходило в условиях полукOLONиальной страны, что определило существенные особенности, на которые так точно указал еще В. И. Ленин, характеризуя китайскую революционную демократию как выразителя идей той буржуазии, которая идет в гору, не боится будущего, «достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции»¹⁹.

Советскими историками проделана основательная работа по изучению вопроса о социальной опоре Сунь Ятсена.

С. Л. Тихвинский, характеризуя социальную природу главной революционной партии Сунь Ятсена накануне революции 1911 г. — «Объединенного союза» — пишет: «По своему классовому составу «Объединенный союз» был довольно пестрым: в него входили представители буржуазно-демократических элементов Южного Китая, буржуазно-помещичьи элементы Восточного и Центрального Китая, революционно настроенное студенчество и профессура, представители эмигрантской буржуазии»²⁰.

А. Г. Крымов замечает: «Борьба за свержение цинской династии была не только общим лозунгом буржуазных революционеров, но и общей программой подавляющего большинства китайских патриотов»²¹.

¹⁸ Ефимов Г. В. К вопросу об образовании китайской нации. — Вопр. ист., 1952, № 10; *Он же*. К вопросу о развитии национального самосознания в Китае. — В кн.: Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1979, ч. II, с. 73—80; Тихвинский С. Л. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. — Вопр. ист., 1971, № 11, с. 62—80.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

²⁰ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ. — В кн.: Сунь Ятсен, с. 7.

²¹ Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае, с. 127.

Таким образом, исследователи, выступающие в наше время, сходятся на том, что революционная идеология Сунь Ятсена выражала чаяния довольно широких кругов китайского общества. В литературе зачастую применительно к Сунь Ятсену использовалось определение буржуазный революционер. Это — правда, но не вся правда. Нами уже обращалось внимание на то, что ленинская характеристика Сунь Ятсена как революционного демократа наиболее точно определяет сущность суньятсеновской революционности²².

Да, Сунь Ятсен был буржуазным революционером, ибо он выступал против монархии, за республику, за уничтожение феодальной эксплуатации. Но он мечтал о том, чтобы избежать капиталистической стадии развития, ибо капитализм, как справедливо полагал Сунь Ятсен, принес бы неисчислимые бедствия китайскому народу. Эта сторона взглядов Сунь Ятсена — важный элемент его идеологии. Сунь Ятсен хотел направить Китай по иному, чем капиталистический, общественно-экономическому пути развития. Сунь Ятсен полагал, что, после того как монархия будет свергнута и утверждена республика, легко будет осуществить социальную революцию и учредить новый, прогрессивный общественный строй — строй народного благоденствия. Если это не будет сделано, то в Китае установится капитализм, и тогда «новый деспотизм, во сто раз более страшный, чем деспотизм маньчжурской династии, ожидает нас, и понадобятся реки крови, чтобы избавиться от него»²³.

Что же противопоставляет этой перспективе Сунь Ятсен? Какова его антикапиталистическая программа? Эти вопросы обстоятельно рассматриваются в статье «Ленинизм и проблемы китайской революции» Т. Н. Акатовой и Л. П. Делюсина. Авторы статьи изложили метод разрешения аграрного вопроса, предложенный Сунь Ятсеном, довольно нечетко им сформулированный. Тщательный анализ программы, сделанный авторами, приводит их к выводу о том, что «антифеодалная направленность аграрной платформы Сунь Ятсена придавала ей революционно-демократический характер»²⁴.

Характеризуя «боевой, искренний демократизм» платформы Сунь Ятсена, В. И. Ленин подверг критике те его взгляды, которые образуют «народничество в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму»²⁵. Этот аспект вопроса о сущности суньятсенизма

²² См.: *Ефимов Г. В.* К ленинской оценке революционных демократов Китая. — В кн.: *В. И. Ленин и проблемы Азии*. Л., 1970, с. 3—30.

²³ *Сунь Ятсен*. Избр. произв. М., 1964, с. 565.

²⁴ *Акатова Т. Н., Делюсин Л. П.* Ленинизм и проблемы китайской революции. — В кн.: *Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока*, с. 195.

²⁵ *Ленин В. И.* Демократия и народничество в Китае. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 400.

уместно рассмотреть особо, в связи с проблемой «предупреждения капитализма». Здесь подчеркнем лишь то, что Сунь Ятсен был не просто буржуазным революционером, но и революционным демократом, пытавшимся еще накануне и в период Синьхайской революции разработать антифеодальную аграрную программу.

Есть и еще одна сторона проблемы классовой сущности суньятсенизма: почему идеология суньятсенизма на определенном этапе — накануне Синьхайской революции — завоевала симпатии не только буржуазии более развитого в экономическом отношении Юга Китая, Восточного и Центрального Китая, но и в какой-то степени помещичье-шэньшйских элементов, широких кругов интеллигенции, военных — вчерашних крестьян и шэньши?

Очевидно, что такие важные элементы революционно-демократической идеологии суньятсенизма, как принцип народного благоденствия, идея уравнивания прав на землю и пр., не могли вдохновить на революционную борьбу ни буржуазию, часть которой была связана с помещичье-феодальным землевладением, ни помещичье-шэньшйские элементы.

Не вдаваясь в проблемы специальной темы — социально-экономическое развитие Китая в начале XX в., — отметим, что советская историография достигла положительных результатов в изучении указанной проблематики. Данные этих разысканий суммированы в содержательной главе «Социально-экономические предпосылки буржуазной революции 1911 г.» в книге «Новая история Китая». Автор этой главы О. Е. Непомнин так формулирует основные выводы из конкретного материала: «Общая слабость китайского капитализма делала крайне типичным и для начала XX века сращивание верхушечного буржуазного предпринимательства с одной частью цинской бюрократии для предотвращения грабежа и произвола со стороны другой. Отдельные крупные китайские сановники, являвшиеся феодалами-помещиками, принимали финансовое участие в деятельности ряда компрадорских фирм и фабричных предприятий. Кроме того, значительная часть буржуазии была тесно связана со старой, феодальной экономикой, сочетая предпринимательство с получением феодальной земельной ренты»²⁶.

Следовательно, в борьбе против феодальной бюрократии, группировавшейся вокруг цинского двора, олицетворявшей все антинародное, реакционное существо господствовавшего режима, была заинтересована не только растущая национальная буржуазия, но и какая-то часть, причем не малая, помещичье-шэньшйских элементов, военных кругов.

В Китае в начале XX в. не было другой политической группы, партии, которая могла бы объединить все патриотические силы; налицо было относительно слабое развитие классового самосозна-

²⁶ Непомнин О. Е. Социально-экономические предпосылки буржуазной революции 1911 г. — В кн.: Новая история Китая. М., 1972, с. 473.

ния китайского общества. Рабочий класс был еще классом в себе и не вел сознательной классовой борьбы, крестьянство, потрясавшее своими выступлениями устои феодального общества, не вело устремленной революционной борьбы за землю и тем более не могло выдвинуть передовую политическую программу (крестьянские движения были или царистскими или ограничивались сугубо частными задачами).

Эти особенности китайской действительности и определили то, что революционный демократ Сунь Ятсен стал вождем буржуазной революции, идеологом национального возрождения.

В ходе революции 1911—1913 гг. значительная часть консервативных и умеренных кругов переметнулась в лагерь победившей военщины, что подробно рассматривается в нашей монографии о буржуазной революции в Китае²⁷. Но Сунь Ятсен продолжал свою борьбу за коренное преобразование Китая.

Дальнейшее развитие идейных воззрений Сунь Ятсена определилось новой эпохой в мировой истории, влиянием идей Октября. Потеряв поддержку консервативных элементов, Сунь Ятсен постепенно завоевывает более широкое признание в кругах мелкой буржуазии, а затем и рабочих, крестьян. В статье В. Н. Никифорова, относящейся к советской историографии послеоктябрьского периода деятельности Сунь Ятсена, подчеркивается, что и на последнем этапе своей деятельности революционный вождь китайского народа был выразителем интересов не только национальной буржуазии, но и гораздо более широких кругов китайского общества: «Программа Сунь Ятсена приобрела общенациональный характер потому, что класс, породивший ее, — национальная буржуазия вместе с шедшими за ней средними слоями — выступал в первые два десятилетия XX в. в качестве передовой силы китайского общества, заинтересованный в прогрессе всей страны. Эта программа выражала общенациональные интересы, что придает идеям Суня непреходящий характер и делает их изучение исторической наукой насущно необходимым»²⁸.

Историческая роль Сунь Ятсена и исторические уроки суньятсенизма не могут быть ограничены узко национальными рамками. Сунь Ятсен был первым революционным демократом Азии. За годы, прошедшие со времени зарождения суньятсенизма, — а это две трети века, насыщенные событиями гигантского значения, — революционные демократы (или национальные революционные демократы) начали действовать во многих странах Азии и Африки. Для них характерны антиимпериализм, идея революции нации, стихийная тяга к социализму (хотя их понимание социализма не всегда отражает основные черты идеологии научного социализма), курс на антикапиталистический путь развития

²⁷ См.: *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен.

²⁸ *Никифоров В. Н.* Послеоктябрьский период деятельности Сунь Ятсена... — Новая и новейшая история, 1978, № 5, с. 162.

(в условиях, конечно, коренным образом отличных от тех, которые были в 900-х годах!). В меньшей или большей степени условия стран, сбросивших иго колониализма, напоминают условия старого Китая (хотя для большинства этих стран уровень социально-экономического развития был значительно ниже, чем в Китае): это отсталый экономический строй, слабый уровень классового самосознания и слабость классовой дифференциации вообще и пр.

Исторические уроки суньятсенизма представляют значительный интерес для понимания проблем политики современных национальных демократов.

*

Советская историография значительно продвинулась в изучении истории Синьхайской революции в Китае и в связи с этой общей темой — в разработке вопроса о роли Сунь Ятсена в революции, об отношениях «Объединенного союза» с крестьянством, тайными обществами и Новой армией, т. е. в конечном итоге — с массами.

В 1962 г. был издан сборник исследовательских статей «Синьхайская революция в Китае». В нем непосредственно деятельности (внешнеполитической) Сунь Ятсена посвящена всего одна статья (С. Л. Тихвинского), подавляющее большинство работ рассматривает конкретные вопросы, относящиеся к периоду, предшествовавшему Синьхайской революции. Тем не менее авторы сборника неоднократно обращаются к теме: Сунь Ятсен, «Объединенный союз» и массы.

В статье «Классы и классовая борьба в Синьхайской революции» Ю. М. Гарушянц справедливо замечает, что Сунь Ятсен «старался сплотить вокруг себя все недовольные цинским строем элементы и найти с ними общую почву борьбы, не обращая внимания на классовую принадлежность союзников»²⁹. В работах более позднего времени ряд авторов, руководствуясь ленинскими определениями и опираясь на новейшие исследования, оценивают активность масс в революции как достаточно высокую, хотя она и не была столь значительной, чтобы массы сумели воздействовать на ход революции, ее направление³⁰.

В монографии автора данной статьи исследуется большой материал о роли отдельных классов в революции в 1911—1913 гг.,

²⁹ *Гарушянц Ю. М.* Классы и классовая борьба в Синьхайской революции. — В кн.: Синьхайская революция в Китае, с. 25.

³⁰ См.: *Хейфец А. Н.* История национально-освободительного движения народов Востока в трудах В. И. Ленина. — Вопр. ист., 1970, № 3, с. 66—83; *Никифоров В. Н.* Вопросы истории Китая в произведениях В. И. Ленина. — Вопр. ист., 1970, № 12, с. 39—41; *Березный Л. А.* О некоторых проблемах истории Синьхайской революции. — Народы Азии и Африки, 1971, № 5, с. 56—62.

делаются выводы о характере революции. В книге критикуются ошибочные суждения, высказанные в советской историографии, о характере революции как революции верхушечной. Борьба против отжившего маньчжурского режима, за национальное возрождение Китая, за независимый и свободный Китай — вот те цели, которые привлекли на сторону революции значительные массы людей. «Объединенный союз» и другие революционные организации были бы бессильны, если бы их не поддерживали Новая армия, добровольческие отряды народного ополчения, городская беднота и студенчество.

Революция вызвала к жизни первые политические выступления рабочего класса, сыгравшего важную роль в овладении Ханьяном, Ичаном, Шанхаем. Но пролетариат не выдвинул своей политической программы»³¹.

По вопросу о роли крестьянства автор пришел к заключению, что оно «стало важной движущей силой революции: оно было основным костяком народного ополчения, в ряде местностей систематические крестьянские антиправительственные выступления, стихийные восстания распатывали систему власти, подготавливали ее падение; крестьяне, наконец, были важным компонентом Новой армии»³².

Будучи по своему характеру революцией буржуазной, она «вместе с тем по степени участия масс в ряде провинций приобрела демократический характер, хотя массы до самостоятельной политической роли не смогли подняться»³³.

Советские историки рассматривали важный для изучения деятельности Сунь Ятсена и «Объединенного союза» в целом вопрос об их связях с тайными обществами. Поскольку эти связи прослеживаются главным образом в период накануне Синьхайской революции, то и соответствующие работы относятся к этому времени. Теме этой посвящены статьи в сборнике «Тайные общества в старом Китае»³⁴.

Историки, исследовавшие данную тему, приходят к заключению, что Сунь Ятсен в начальный период своей деятельности придавал большое значение тайным обществам и их возможной роли в революционном движении. В революционном движении 1906—1908 гг. роль тайных обществ была существенной, но неудачи движения этих лет убедили революционеров, что надежды на то, что тайные союзы могут стать важным фактором революции, были напрасны.

³¹ *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен, с. 355.

³² Там же, с. 352.

³³ Там же, с. 355.

³⁴ *Борог Л. Н.* Первые китайские революционеры и тайные общества.— В кн.: Тайные общества в старом Китае. М., 1970, с. 108—122; *Костяева А.* Тайные союзы накануне Синьхайской революции.— Там же, с. 123—140; *Чудодеев Ю. В.* Связи тайных союзов с буржуазным революционным движением в провинции Чжэцзян накануне Синьхайской революции.— Там же, с. 141—158.

«После 1908 г., — пишет А. С. Костяева, — наметилось заметное охлаждение революционного лагеря к тайным союзам, переориентировка на армию и студенчество. Здесь, видимо, сказались и некоторое разочарование в таком слабоорганизованном, разобщенном, недостаточно дисциплинированном союзнике, с одной стороны, и ослабление деятельности самих союзов (после поражения в 1906—1908 гг. многие союзы были уничтожены, другие распались) — с другой»³⁵.

Привлечение на сторону революции такой организованной и большой силы, как армия, социальной основой которой было прежде всего крестьянство, и в лице офицерства новая интеллигенция, также оказалось в сфере исследований советских историков. В работах Е. А. Белова характеризуется и значительная роль, сыгранная армией в революции³⁶, и правильно подчеркивается, что победа революции над маньчжурским режимом стала возможной благодаря вкладу, «который внесла в дело свержения маньчжурской монархии и установления республики революционная армия, созданная путем добровольного набора в первые же дни революции в провинциях Центрального и Южного Китая»³⁷.

В целом, чем глубже мы вникаем в историю первой китайской революции, тем с большей силой убеждаемся в точности и справедливости ленинских слов, высказанных в ходе революции: «Четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе»³⁸.

*

Важное место в суньятсеноведении занял вопрос об антиимпериализме идеологии Сунь Ятсена и его конкретной политики в отношении империалистических держав. С. Л. Тихвинский в монографии о внешнеполитических воззрениях и практике Сунь Ятсена, исследуя конкретно-исторический материал, показывает, что до Великой Октябрьской социалистической революции у Сунь Ятсена и его сторонников не было развернутой антиимпериалистической программы, хотя под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг. в Азии «происходил процесс заметного роста антиимпериалистических национально-освободительных идей, накладывавший существенный отпечаток и на их практическую революционную деятельность»³⁹. Это обстоятельство оказало существенное воздействие на революцию 1911—1913 гг., когда буржуазные революционеры не решились на выдвигание антиимпе-

³⁵ Тайные общества в старом Китае, с. 139.

³⁶ Белов Е. А. О роли армии в Синьхайской революции. — В кн.: Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968, с. 263—278.

³⁷ Там же, с. 264.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 189.

³⁹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен..., с. 90.

риалистической программы. И только в 20-х годах положение существенно изменилось.

Под влиянием идей Октября и практической деятельности молодого советского государства, не только сокрушившего натиск империалистических держав, но и проявившего себя в качестве горячего поборника национально-освободительной борьбы угнетенных народов, Сунь Ятсен стал на путь дружбы с Советским Союзом, сотрудничества с Коммунистической партией Китая, взял курс на сближение с трудящимися массами. Это оказало решающее влияние на его внешнеполитическую программу. Если раньше «Сунь Ятсен даже не решался вслух мечтать о свержении гнета империализма в Китае и строил свои расчеты на возможности лишь некоторого ослабления гнета путем использования одних империалистов против других, играл на межимпериалистических противоречиях»⁴⁰, то «с конца 1923 года политическая программа Сунь Ятсена приобретает четкую антиимпериалистическую направленность, а его практическая деятельность выходит далеко за пределы Южного Китая, достигая наивысшего подъема в 1924—1925 годах»⁴¹.

Вслед за монографией С. Л. Тихвинского публикуется книга А. М. Григорьева «Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров»⁴². Автор задался целью на основе революционной прессы 1895—1905 гг., отдельных произведений, документов проанализировать внешнеполитические воззрения китайских революционеров. В работе собран небезыңтересный материал, показывающий, что вопреки утверждениям буржуазной историографии об исключительно антимаңьчжурской направленности революционного движения Китая, в действительности это движение имело определенное антиимпериалистическое содержание. Основываясь на произведениях буржуазных революционеров, в которых пропагандируется идея отпора иностранной агрессии и борьбы за независимость страны, А. М. Григорьев пишет, что в широком смысле слова это и была антиимпериалистическая программа китайских революционеров. В данном случае автор несомненно отдает дань своей увлеченности темой, ибо в заключение он не мог не прийти к выводу о том, что все же у китайских революционеров ни накануне Синхайской революции, ни во время ее не было сколько-нибудь оформленной, ясной антиимпериалистической программы. «Несмотря на то что,— пишет А. М. Григорьев,— представители буржуазно-революционного направления ставили задачу достижения национальной независимости и отпора агрессорам, тактические соображения и особенности их позиции (отрицательное отношение к участию ши-

⁴⁰ Там же, с. 285.

⁴¹ Там же, с. 286.

⁴² Григорьев А. М. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895—1905). М., 1966.

роких народных масс в антиимпериалистической борьбе, ошибочное представление о путях достижения национальной независимости и т. д.) определили отказ китайских буржуазных революционеров от выдвижения открытых, программных требований борьбы против иностранной агрессии»⁴³.

«21 требование» Японии 1915 г., новые сделки империалистов за счет и против Китая в годы первой мировой войны, антикитайские позиции так называемых великих держав на Парижской мирной конференции 1919 г., пренебрежительное отношение их к планам Сунь Ятсена экономического развития Китая помогли Сунь Ятсену глубже проникнуть в природу империализма, лучше уяснить существо его политики, а опыт Великого Октября сыграл решающую роль в выдвижении развернутой антиимпериалистической программы, той программы, которая ранее была облечена лишь в общую идею борьбы за независимый и сильный Китай.

К вопросу об антиимпериализме Сунь Ятсена и его сподвижников обратился в своей работе «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае» А. Г. Крымов. Его работа тоже ограничена рамками кануна новейшей истории (1900—1917 гг.). Главный вывод автора по вопросу об антиимпериализме Сунь Ятсена в период подготовки Синьхайской революции заключается в следующем: «Представление некоторых исследователей о том, что национализм Сунь Ятсена и его сторонников не носил вначале антиимпериалистического характера, не соответствует действительности... Сунь Ятсен отдавал себе полный отчет в агрессивности политики капиталистических держав в Китае»⁴⁴.

Конечно, у Сунь Ятсена есть немало высказываний, свидетельствующих о его трезвой оценке политики держав в Китае, есть выступления против некоторых актов агрессии. И все же всякого рода тактические соображения не дали возможности Сунь Ятсену и в период Синьхайской революции и после вплоть до 20-х годов сформулировать сколько-нибудь определенную антиимпериалистическую программу.

Борьба за независимый и сильный Китай объективно носила антиимпериалистический характер, но в этой борьбе, что характерно для буржуазного национализма вообще, бывали у Сунь Ятсена и националистические, точнее сказать, национально-шовинистические тенденции, равно как и недальновидные попытки заручиться поддержкой революции со стороны империалистов (Японии, например). Не это характерно для Сунь Ятсена, для его исторической роли, но забывать о такого рода фактах не следует⁴⁵. Для буржуазного национализма Сунь Ятсена характер-

⁴³ Григорьев А. М. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895—1905), с. 85.

⁴⁴ Крымов А. Г. *Общественная мысль...*, с. 83.

⁴⁵ Даже в лекциях о трех народных принципах, читанных в 1924 г., отдельные положения трактуются в духе китаецентризма.

на двойственность: с одной стороны, патриотизм, антиколониализм, приведшие на определенном этапе к выдвижению антиимпериалистической программы, с другой — чрезмерное возвеличение всего национального, тенденция к китаецентризму и пр., ведущие к национал-шовинизму. К антиимпериализму Сунь Ятсен шел не проторенной дорожкой, а нехоженым путем, прокладывая дорогу к новой программе, венцом которой стала антиимпериалистическая программа I конгресса гоминьдана.

В работе о революции 1925—1927 гг.⁴⁶, вышедшей в 1968 г., М. Ф. Юрьев, обобщая сложившиеся в советском суньятсеноведении оценки последних лет деятельности Сунь Ятсена как наивысшего достижения его политики, вместе с тем не умалчивает и о колебаниях во взглядах и в практической работе Сунь Ятсена и в 1923—1925 гг. Он отмечает три вопроса, по которым шла борьба внутри единого фронта: 1) отношение Сунь Ятсена и других руководителей гоминьдана к группировкам внутри партии гоминьдан и к контрреволюционной деятельности правых гоминьдановцев; 2) вопрос «военной деятельности», означавший рецидив старых попыток Сунь Ятсена добиться освобождения Китая чисто военными мерами, в отрыве от революционной борьбы народа; 3) политика правительства Сунь Ятсена в отношении контрреволюционных мятежников-шантуаней⁴⁷.

Сунь Ятсен по существу никогда не доходил до понимания марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, хотя вся его революционная деятельность была непрерывной классовой борьбой. Сунь Ятсен не стал на позиции научного социализма, но в последние годы жизни он обосновал три главные линии политики (опора на революционные массы рабочих и крестьян, прочный союз с коммунистами, дружба с Советским Союзом), ставшие на долгие годы столбовой дорогой борьбы за новый Китай.

*

В дискуссии о классовой сущности суньятсенизма в 30-х годах вопрос о том, каким в представлении Сунь Ятсена должен быть социально-экономический строй будущего Китая, затрагивался, но не получил достаточно убедительной интерпретации.

В 60-х годах этот вопрос вновь поднял Е. Ф. Ковалев в упоминавшейся ранее статье. «Краеугольным камнем экономической теории Сунь Ятсена, — пишет Е. Ф. Ковалев, — опираясь на который он строит свои общественно-политические и философско-теоретические положения, является теория о возможности избежать для Китая тот путь развития капитализма, который он принял на Западе»⁴⁸.

⁴⁶ Юрьев М. Ф. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968.

⁴⁷ Там же, с. 32—33.

⁴⁸ Ковалев Е. Ф. Сунь Ятсен о «предупреждении» капитализма в Китае.— Народы Азии и Африки, 1963, № 2, с. 63.

В ленинских статьях 1912—1913 гг. с исчерпывающей убедительностью показана беспочвенность суньятсеновских мечтаний о возможности избежать в то время капиталистическое развитие Китая. В. И. Ленин показал, что конкретная суньятсеновская экономическая программа носит антифеодальный характер и поэтому революционна, а утопическая мечта избежать развития по пути капитализма реакционна. Термин «реакционный» в данном случае требует правильной трактовки. В статье Т. Н. Акатовой и Л. П. Делюсина дано исчерпывающее истолкование термина «реакционный» применительно к элементу народничества в суньятсенизме. Надо иметь в виду, пишут авторы, замечание В. И. Ленина, что термин «реакционный» употребляется «в историко-философском смысле, характеризуя только ошибку теоретиков, берущих в пережитых порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам» (*В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., т. 2, с. 211 (примечание)*)⁴⁹.

Главное в том, и это правильно подчеркнул Л. П. Делюсин, что ленинская критика Сунь Ятсена всегда была доброжелательной⁵⁰, да иначе и быть не могло: Сунь Ятсен вошел в историю как великий революционер-демократ с присущими революционной демократии прогрессивными сторонами наряду с мелкобуржуазными утопическими мечтами.

Е. Ф. Ковалев в упомянутой статье обоснованно заключает, что «до конца своей жизни он (Сунь Ятсен) по существу не отходил от своей идеи о возможности в той или иной форме предотвратить развитие капитализма в Китае... На деле эта теория не «предупреждала» капитализм, а наоборот, открывала для его развития широкие просторы. Но в тех исторических условиях (до Октябрьской революции.— Г. Е.) эта теория представляла самую передовую буржуазно-демократическую программу в одной из самых больших крестьянских стран Азии. Экономические взгляды Сунь Ятсена наносили огромной силы удар по феодальным отношениям в стране»⁵¹.

В 1966 г. с большой статьей «Сунь Ятсен о путях экономического развития Китая» выступил М. И. Сладковский⁵². В статье обстоятельно рассмотрены суньятсеновские взгляды 20-х годов о путях экономического развития Китая⁵³.

⁴⁹ Акатова Т. Н., Делюсин Л. П. Указ. статья.— В кн.: Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока, с. 195.

⁵⁰ Делюсин Л. П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, с. 105.

⁵¹ Ковалев Е. Ф. Сунь Ятсен о «предупреждении» капитализма в Китае.— Народы Азии и Африки, 1963, № 2, с. 71.

⁵² Сладковский М. И. Сунь Ятсен о путях экономического развития Китая.— В кн.: Сунь Ятсен. 1866—1966, с. 190—215.

⁵³ См. историографический анализ статьи: Никифоров В. Н. Послеоктябрьский период деятельности Сунь Ятсена.— Новая и новейшая история, 1978, № 5, с. 162—163.

Главный вывод статьи заключается в следующем: «В последние годы жизни Сунь Ятсен, основываясь на революционном опыте минувших десятилетий, пришел к выводу: «Чтобы разрешить имеющиеся экономические проблемы, необходимо ликвидировать всякое экономическое угнетение» (Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964, с 463). Этот вывод, ставший руководством к действию, характеризует его как выдающегося мыслителя и политического деятеля»⁵⁴.

Сунь Ятсен не дошел до принятия идей научного социализма, но, заняв по ряду вопросов антикапиталистические позиции, он близко подошел к их восприятию.

А. Н. Хейфец в статье «Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазно-народнических взглядов на некапиталистическое развитие»⁵⁵ характеризует круг вопросов, который уже в той или иной мере рассматривался в советской литературе, особенно привлекая внимание историков, социологов к поставленной В. И. Лениным проблеме соотношения демократизма и народничества в освободительных движениях народов Востока. К сожалению, автор не поставил конкретно вопрос о суньятсеновской программе 20-х годов экономического будущего Китая, но даже общая постановка вопроса представляет немалый интерес.

А. Н. Хейфец, опираясь на работы В. И. Ленина, отмечает, что до Октябрьской революции иллюзия возможности некапиталистического развития отсталых стран «не укрепляла, а ослабляла буржуазно-национальное освободительное движение». В. И. Ленин предвидел, что после прихода к власти в экономически развитых странах социалистического пролетариата положение изменится⁵⁶.

В какой степени деятельность Сунь-Ятсена и его программные установки 20-х годов могли сыграть прогрессивную роль в экономическом развитии Китая, могли ли открыть возможность развития по некапиталистическому пути, это вопрос, который еще мало изучен.

В большом коллективном труде по истории национально-освободительного движения в Азии и Африке, во втором томе, «Пробуждение угнетенных», есть положение по указанной выше проблеме, которое заслуживает внимания. «...При жизни Сунь Ятсена в вопросах антиимпериалистического движения программа Гоминьдана отвечала чаяниям огромного большинства китайского народа. Выставленные в ней требования социальных преобразований имели антиимпериалистическую и антифеодальную направленность. Они отвечали интересам национальной буржуазии

⁵⁴ Сладковский М. И. Сунь Ятсен о путях экономического развития Китая, с. 215.

⁵⁵ Хейфец А. Н. Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазно-народнических взглядов на некапиталистическое развитие.— Народы Азии и Африки, 1969, № 1, с. 3—15.

⁵⁶ Там же, с. 9.

и мелкобуржуазных слоев. В их осуществлении было заинтересовано также крестьянство и трудящиеся города... Эти требования не носили антикапиталистического характера и не защищали специально интересы пролетариата. Тем не менее они уже отражали антикапиталистические настроения революционной китайской демократии и предусматривали не только ликвидацию в Китае империалистической собственности, но и ограничение крупной капиталистической собственности средств производства (банков, шахт, железных дорог и др.)»⁵⁷.

Это глубоко продуманная формулировка, в ней отражена и эволюция программы Сунь Ятсена и новое в международной обстановке, определявшееся влиянием Великого Октября.

По существу Сунь Ятсен, вырабатывая еще в 1917—1919 гг. программу экономического строительства Китая, надеялся не на «предупреждение» развития капитализма (поскольку оно уже интенсивно шло), а на его «ограничение». Программа 20-х годов предусматривала именно ограничение капитала. Ограничение развития капитала могло предупредить развитие капитализма, подобное западному, когда богатые богатеют, а бедные нищают. Путь к этому в том виде, в каком он был сформулирован на I конгрессе гоминьдана в 1924 г., — уравнение прав на землю и ограничение капитала. «Государство, — говорится в манифесте, — взимает налог согласно объявленной цене, а в случае необходимости по той же цене выкупает землю»⁵⁸.

«Осуществляя революцию, — говорил Сунь Ятсен в том же году, — мы должны воспринять этот справедливый русский метод и сделать так, чтобы каждый пахарь получил свое поле. Только в этом случае революцию можно будет считать завершенной»⁵⁹. Однако Сунь Ятсен считал, что наделение крестьян землей требует еще большей подготовительной работы и осуществления ряда условий.

Политика ограничения капитала предполагала, что все предприятия, принадлежащие китайцам и иностранцам, которые имеют монополистический характер или очень велики по своим масштабам и не могут управляться частными лицами (банки, железные дороги, воздушное сообщение и т. п.), «эксплуатируются и управляются государством, чтобы частный капитал не мог держаться в своих руках средства существования народа. Вот в чем основная смысл ограничения капитала»⁶⁰.

Проанализировав развитие теоретических взглядов Сунь Ятсена и его конкретную политическую деятельность 1923—1925 гг., мы имеем основание заключить, что революционный Китай мог

⁵⁷ Пробуждение угнетенных. М., 1968, с. 213.

⁵⁸ Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 407.

⁵⁹ Там же, с. 492.

⁶⁰ Там же, с. 407.

стать под руководством Сунь Ятсена на путь некапиталистического развития или, по современной терминологии, на путь социалистической ориентации.

Курс Сунь Ятсена в последние годы жизни на дружбу с СССР, на советскую помощь освободительной борьбе китайского народа имел первостепенное значение для экономической политики Сунь Ятсена.

За последние десять лет много внимания экономической теории Сунь Ятсена и его представлениям о будущем экономическом строе Китая посвятил А. В. Меликсетов. Вопрос об истоках теоретических представлений Сунь Ятсена вообще и о теоретических предпосылках его экономической теории в частности представляется недостаточно изученным, и работа А. В. Меликсетова «Бюрократический капитал в Китае»⁶¹ явилась полезной в этом направлении. Однако спорным выглядит изложение в книге экономической программы Сунь Ятсена в том виде, в котором она оформилась в начале 20-х годов, и о месте этой программы в гоминьдановской теории и политике после прихода гоминьдана к власти. По мнению А. В. Меликсетова, «Сунь Ятсен представлял себе экономический прогресс Китая как эволюцию от отсталой аграрной полукOLONиальной экономической структуры к самостоятельной государственно-капиталистической экономике со взаимовыгодным партнерством государственного и частного предпринимательства, а затем — переход к государственно-капиталистической структуре без частного предпринимательства»⁶². Именно такого рода структуру, по мнению А. В. Меликсетова, Сунь Ятсен и назвал «государственным капитализмом». Идея государственного регулирования экономической жизни страны была полностью воспринята гоминьданом и воплощалась в жизнь в практике экономического строительства. В работе 1977 г. «Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена» А. В. Меликсетов повторяет несколькими годами ранее сформулированный тезис: «Он (Сунь Ятсен) фактически выдвигает идею полного господства в рамках мирового капиталистического хозяйства государственно-капиталистической структуры в Китае, функционирующей при экономической поддержке мирового капитализма»⁶³.

Такой подход возвращает нас к некоторым суждениям 30-х годов, давно отвергнутым советской историографией ввиду их несостоятельности. В другой работе А. В. Меликсетов утверждает: «Объективной оценке реакционных элементов идеала и программы Сунь Ятсена не должна препятствовать и его политическая позиция: политика дружбы с Советской Россией, понимаемая как основной внешнеполитический курс революционного Китая, пло-

⁶¹ Меликсетов А. В. Бюрократический капитал в Китае. М., 1972.

⁶² Там же, с. 47.

⁶³ Меликсетов А. В. Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена. — В кн.: Китай: государство и общество, с. 131.

дотворное сотрудничество с китайскими коммунистами и международным коммунистическим движением»⁶⁴.

Отрыв экономической программы Сунь Ятсена от его политических взглядов глубоко ошибочен. Именно его политическая позиция сделала возможным появление в программе Сунь Ятсена требований ликвидации империалистической собственности и ограничение крупной капиталистической собственности, открывающих большую перспективу.

Только в связи с учетом этого можно судить о суньятсеновской экономической программе будущего Китая, и тогда утверждение, сводящее взгляд Сунь Ятсена на будущее к «развитию государственного капитализма в рамках капиталистической системы», окажется несостоятельным, не учитывающим той перспективы, которая открывалась прогрессивной эволюцией взглядов Сунь Ятсена. Да и сам А. В. Меликсетов в статье «Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена», в сноске, говорит о том, что «во вполне определенных политических условиях этот путь (путь государственного капитализма.— Г. Е.) открывал возможность некапиталистического развития»⁶⁵. К сожалению, эта посылка не получила раскрытия в трудах А. В. Меликсетова.

Несомненно, взгляды Сунь Ятсена на экономическое будущее Китая станут еще предметом дискуссий, пока сделаны первые шаги в рассмотрении этой важной проблемы.

*

Нельзя утверждать, что Сунь Ятсен где-то в 1923—1924 гг. преодолел эклектизм в своих взглядах по коренным проблемам будущего Китая. И в теоретических построениях, и в своей практической деятельности он сохраняет присущий ему, мелкобуржуазному революционеру, эклектизм. Антиимпериализм сочетается сплошь и рядом с крайним национализмом; в обосновании принципа народовластия Сунь Ятсен так и не дошел до понимания классовой природы всякой власти и идеи реального обеспечения интересов огромного большинства народа созданием власти трудящихся; экономическая программа отражала стихийные социалистические устремления Сунь Ятсена и содержала постановку вопроса об уничтожении всякого экономического угнетения, но она в силу своего эклектизма, незавершенности не стала конкретной основой для построения прогрессивного общественного строя — социализма. Эти слабые стороны мировоззрения Сунь Ятсена неоднократно отмечались в советской историографии. Так, например, С. Л. Тихвинский писал: «Как аграрная, так и рабочая программа Сунь Ятсена еще содержали иллюзии о возможности

⁶⁴ Меликсетов А. В. К оценке взглядов Сунь Ятсена.— Народы Азии и Африки, 1969, № 5, с. 87.

⁶⁵ Меликсетов А. В. Социально-экономические взгляды..., с. 151.

мирными способами и методами разрешить конфликт между крестьянами и помещиками, рабочими и предпринимателями; Сунь Ятсен явно переоценивал возможность урегулирования всех этих вопросов при помощи государственного законодательства, без развертывания классовой борьбы»⁶⁶.

И все-таки, как это неоднократно отмечалось в историографии, главным для суньятсенизма в 20-х годах стало выдвижение трех основ политики: дружба с СССР, союз с компартией Китая, поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс Китая. Только с учетом этих принципов и в связи со всеми другими изменениями в программе Сунь Ятсена можно правильно судить и об экономических взглядах Сунь Ятсена и в целом об историческом месте суньятсенизма в прошлом Китая и в его настоящем.

⁶⁶ *Тихвинский С. Л.* Вступительная статья.— В кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 34—35.

ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(середина 60-х — 70-е годы)

М. Е. Орлова

История издавна занимала и занимает по сей день исключительно важное место в духовной жизни ирландского народа. Каждое новое поколение, вступающее в борьбу за независимость страны, апеллировало к далекой истории свободных ирландских кланов, владевших некогда Зеленым островом, а в многовековой летописи борьбы с завоевателями черпало стойкость и мужество. «История,— пишет известный историк О. Д. Эдвардс,— вошла в плоть и в кровь ирландского народа»¹. И дело не только в обостренном интересе ирландцев к прошлому своей страны. Исторические события, национальные герои, лозунги былых восстаний и освободительных движений служат здесь как бы ориентирами в современной общественной и политической жизни, составляют форму, в которую по традиции облекаются идейно-политические нормы и ценности. Если история — это нескончаемый диалог между прошлым и настоящим,— пишет О. Д. Эдвардс,— «то в Ирландии роль настоящего была сведена до простого выражения согласия с тем, что утверждалось прошлым»². Английский социолог Ричард Роуз отмечает эту черту ирландской жизни как парадокс: «Ирландия — это словно страна без истории, потому что горести прошлого переживаются здесь с остротой самых современных событий»³.

Подобная мифологизация прошлого, а с ним и настоящего в общественном сознании стала вместе с тем и характерной чертой ирландской исторической науки.

Историческая наука в Ирландии издавна тесно связана с общественной жизнью, с национально-освободительной борьбой на каждом этапе ее развития. Историография нынешнего столетия формировалась в борьбе идей, в гуще событий, связанных с национально-освободительной революцией, развернувшейся в 1916—1923 гг.

В послереволюционные десятилетия, когда перед ирландской исторической наукой встала задача осмысления итогов и уроков национально-освободительной борьбы, главной темой исторических исследований была политическая борьба за Ирландскую рес-

¹ Conor Cruise O'Brien Represents Ireland / Ed. O. D. Edwards, C. C. O'Brien. Dublin, 1966, p. 17.

² Ibid.

³ Rose R. Government without Consensus. London, 1972, p. 75.

публику, связанные с ней проблемы истории национальной культуры. В центре внимания историков были, как правило, борьба политических группировок, общественные настроения, деятельность организаций культурного возрождения, действия колониальной администрации, жизнеописание лидеров освободительной борьбы.

В ирландской исторической литературе иноземному господству противопоставлялся единый национальный фронт, участники которого изображались в надклассовых категориях⁴. Движущей силой борьбы за независимость ирландские историки считали освободительные устремления ирландского народа, «принципы национальной свободы», «дух республиканизма». Так, известный историк правобуржуазного направления П. Колэм считал, что в основе исторического процесса в Ирландии лежат принципы «национальной свободы», понимаемые как «чисто эмоциональный комплекс», передаваемый от отца к сыну, как извечное стремление к национальному возрождению, как решимость народа «по частям отвоевать Ирландию»⁵. Другой историк этого направления, П. Бизли, подчеркивал, что подобный подход для Ирландии является единственно правильным, поскольку дает возможность вскрыть нечто более «глубокое и сокровенное» в историческом процессе, чем просто политическая борьба. Истинный смысл освободительного движения — «борьба за возрождение древней культуры»⁶.

Со сходных методологических позиций освещали историю Ирландии в эпоху освободительной революции и авторы, принадлежащие к другому ведущему направлению в историографии, — историки-республиканцы. Так, например, известный историк этого направления Д. Макардл в основе исторического процесса в Ирландии видит «рост национального самосознания», «извечную глубину, силу и упорство страсти ирландцев к свободе»⁷. При таком по существу идеалистическом, национально-романтическом подходе, естественно, важнейшие социальные и экономические процессы, лежащие в основе революционных событий, оставались, как правило, за пределами исторических исследований⁸. В особенности это относится к положению рабочего класса, к ра-

⁴ Характеристику методологии ирландских историков в изучении национально-освободительной революции см.: *Колпаков А. Д.* Ирландия на пути к революции. 1900—1918 гг. М., 1976, с. 15—16.

⁵ *Colum P. Arthur Griffith.* Dublin, 1959, p. 361.

⁶ *Beaslai P. Collins and the Making of a New Ireland.* London, 1926, p. 360.

⁷ *MacArdle D.* The Irish Republic. London, 1938, p. 932.

⁸ Исключением являются две работы левых республиканцев — *O'Faolain S. De Valera.* London, 1939; *MacManus M. J. Eamonn De Valera.* Chicago; New York, 1946, в которых ставится вопрос о социально-экономических предпосылках национально-освободительной революции 1916—1923 гг., о социальной структуре ирландского общества того времени и т. д. Однако эти работы не оказали заметного влияния на ирландскую историографию.

бочему движению, поскольку всякое выделение особых, классовых задач, всякое классовое разделение «единого» ирландского народа, равно как и провозглашение общности интересов угнетенных классов различных наций,— словом, все то, что вносило или могло внести в общественную борьбу рабочее движение, никак не вписывалось в буржуазно-националистические концепции и не соответствовало потребностям политической практики национальной буржуазии. Так, по мнению историка П. О'Хегарти, привнесение в национально-освободительную борьбу каких-либо тенденций, выводящих ее за рамки национальной независимости, постановка проблем, вызывающих «внутренние разногласия», вроде «рабочего вопроса» и «социальных проблем» означали бы, что «дело независимости приносится в жертву неразумному и антипатриотическому доктринерскому комплексу»⁹.

Против ставшего правилом «сознательного пренебрежения к социальному вопросу со стороны ирландских историков»¹⁰ выступил выдающийся ирландский марксист и деятель рабочего движения Джемс Коннолли, автор известного, не потерявшего до сегодняшнего дня исторической ценности марксистского труда «Рабочий класс в истории Ирландии» (1910 г.). В том, что ирландскому рабочему классу отводилось подчиненное место, Коннолли видел главную несостоятельность исторической науки, и в своей работе он поставил задачу определить место рабочего класса в ирландской истории. Весьма примечательно, что Коннолли, выдающийся организатор рабочего движения, стремясь вывести ирландских рабочих на путь активной борьбы за свои права и вместе с тем определить главенствующие позиции трудящихся в национально-освободительном движении, наряду с разработкой тактических вопросов, с решением текущих задач обращается к истории. История, историческая наука была для него столь же важным полем битвы за рабочих, как печать, как массовые митинги. Прочитанное с позиций ирландских трудящихся прошлое становилось могучей силой в нынешней освободительной борьбе во имя Ирландской рабочей республики будущего.

Однако в связи с гибелью Дж. Коннолли и его единомышленников в восстании 1916 г. на долгие годы прервалась взятая ими политическая линия на превращение рабочего класса в гегемона национально-освободительной борьбы, а в исторической науке не получила развития историко-материалистическая интерпретация Коннолли уроков ирландского прошлого. Ирландская историография оставалась замкнутой в кругу национально-романтических представлений. Рабочий класс и рабочее движение вплоть до недавнего времени оставались за пределами внимания ирландских историков. Монографические исследования, обобщаю-

⁹ *O'Hegarty P. S. A History of Ireland under the Union. 1801—1922. London, 1952, p. 745—746.*

¹⁰ *Коннолли Дж. Рабочий класс в ирландской истории. М., 1970, с. 41.*

щие исторические труды, историко-публицистические работы игнорировали рабочее движение как фактор, как движущую силу исторического процесса.

Замкнутость в кругу политических проблем общенационального характера и отсутствие интереса ирландских историков к социальным вопросам в значительной мере обуславливались и особенностями социально-политической обстановки в Ирландии. С одной стороны, проблема национальной независимости не была решена: по договору 1921 г., навязанному английским империализмом, Ирландия оказалась расколотой; партийно-политическое размежевание в 20-х годах происходило по принципу отношения к договору 1921 г.; ирландская политика 30-х, 40-х, 50-х годов была сосредоточена на задачах укрепления суверенитета, ослабления уз экономической зависимости от Англии и т. д. С другой стороны, в эти десятилетия Ирландия не знала сколько-нибудь значительных классовых выступлений пролетариата, подъёмов забастовочной борьбы. Рост самосознания ирландских рабочих во многом тормозился влиянием лозунгов общенационального антиимпериалистического единства, выдвинутых той частью национальной буржуазии, которая осуждала договор 1921 г., выступала под знаменем «экономической независимости» и выдавала себя за продолжателя и единственного наследника славных традиций борьбы за независимость.

В 60-х годах в ирландской общественной и политической жизни произошли существенные перемены, которые не замедлили сказаться на развитии исторической науки. К числу важнейших относится переход национальной буржуазии к «прагматической» политике открытых дверей для иностранного капитала, к участию в европейской интеграции, без оглядки на старые республиканские ценности вроде идеала экономической независимости. С начала 60-х годов происходит также мощный подъём забастовочной борьбы, который историк этого периода впоследствии назовет «главным социальным и экономическим феноменом этих лет»¹¹.

Далеко идущие последствия имели и новые веяния, наметившиеся в среде республиканцев — сторонников продолжения борьбы за единую Ирландию: с одной стороны, признание полной несостоятельности политики главных политических партий в деле воссоединения страны, а с другой — мучительная переоценка традиционных ценностей и тактических установок республиканского движения, отказ части республиканцев от ставки на террор, поиски новой социальной опоры, признание необходимости связать борьбу за единую Ирландию с борьбой трудящихся за свои права. Все эти и другие перемены в ирландской жизни 60-х годов способствовали росту интереса к социальным вопросам и к рабочему движению.

¹¹ *McCarthy Ch. The Decade of Upheaval. Dublin, 1973, p. 219.*

В 60—70-х годах появляется большое число работ, порожденных новым, «прагматическим» курсом правительства, ставившего целью обеспечить такой экономический рост, который, по словам апологета этого «нового курса» Т. П. Кугана, облегчит Ирландии решение задачи «экономической и политической интеграции в составе новой Европы»¹². Обильная (в особенности по сравнению с предыдущими десятилетиями) литература такого рода была призвана раскрыть новые резервы для оптимального использования рабочего движения в рамках классового сотрудничества ради достижений целей «нового курса».

Резко усилился интерес к практическим вопросам — к организационной структуре профсоюзного движения и ее историческим особенностям, к истории создания и функционированию механизма урегулирования промышленных конфликтов, к закономерностям социальной мобильности, эмиграции, истории забастовочной борьбы, динамике заработной платы на разных этапах развития ирландского государства. На эти темы появляется большое количество статей в новом журнале «*Economic and Social Review*», в журнале «*Studies*»; ирландские авторы выступают и на страницах английских социологических и экономических журналов.

Появилось также серьезное монографическое исследование причин, особенностей и последствий забастовок 60-х годов — книга Ч. МакКарти «Десятилетие подъема. Ирландские профсоюзы в 60-х годах». Одна из задач этой книги, по словам автора, состоит в том, чтобы, дав по возможности более подробное и адекватное представление об отношениях в промышленности в Ирландии, найти оптимальное применение современным теориям управления и не допустить в дальнейшем повторения такой волны стачек¹³.

Примечательно, что неразработанность проблем рабочего движения в ирландской литературе побудила МакКарти, обратившегося к истории ирландского профсоюзного движения, показать его «в действии», рассматривать его в контексте ирландского общества в целом и в особенности «в контексте социального и экономического развития 60-х годов»¹⁴. Это в свою очередь привело автора к постановке более широкой проблемы о важнейших идейно-политических и социокультурных факторах, формировавших ирландское общество с начала XIX в. И среди этих факторов МакКарти выделяет «субкультуру городского рабочего класса и близких к нему мелких ремесленников и торговцев»¹⁵. «Колыбелью ее является Дублин и Корк; это мир знаменитой Дублинской стачки 1913 г., пьес О'Кейси, мир ирландского проф-

¹² *Coogan T. P. Ireland since the Rising. London, 1966, p. IX.*

¹³ *McCarthy Ch. Op. cit., p. 219.*

¹⁴ *Ibid., p. 1.*

¹⁵ *Ibid., p. 7.*

союзного движения. Она неразрывна с «традициями тред-юнионизма», — подчеркивает МакКарти, — традициями, которые занимают столь незначительное место в официальной ирландской истории, хотя мало кому в Ирландии они неизвестны»¹⁶. И самой главной особенностью этой традиции автор считает интернационализм.

Столь значительная мера воздействия рабочего движения на общественную жизнь Ирландии в понимании Ч. МакКарти побуждает его специально обратиться к предыдущим этапам формирования и развития ирландских профсоюзов. С этой целью он пишет новую книгу: «Профсоюзы Ирландии. 1894—1960» (Ch. McCarthy. Trade Unions in Ireland. 1894—1960. Dublin, 1977). Уделяя основное внимание вопросам становления и развития профсоюзной структуры и организации, автор и в этой работе подчеркивает свою приверженность взятому им курсу: видеть в рабочем движении важнейший аспект жизни ирландского общества, изучать историю профсоюзов в тесной связи с общей картиной развития ирландской политики, экономики и идеологии.

Это совершенно новое явление в ирландской историографии (исключая, разумеется, Коннолли). Книга Ч. МакКарти наглядно свидетельствует о том, что решение практических задач, связанных с новым этапом экономического и социального развития Ирландии, ставит «рабочеведение» в повестку дня. Поиски же новых социальных ориентиров на пути к осуществлению идеала единой и независимой Ирландской республики требовали более глубокого изучения движущих сил исторического процесса, расширения горизонтов исторической науки.

Ирландская историческая наука с середины 60-х годов переживает период подъема. Всегда четко отражавшая биение пульса общественной жизни, она реагирует на тенденции к расширению связей с внешним миром, на отказ от изоляции, от замкнутости ирландцев «в самих себе». В ирландской историографии появляются симптомы расширения кругозора, стремления «вписать» историю своей страны в историю человечества, сопоставить факты и явления ирландского прошлого с историческим опытом других народов.

Показателен в этом отношении исторический очерк Марка Тирни об Ирландии 1850—1950 гг., вышедший как учебное пособие. Автор подчеркивает, что «ирландская история не может существовать изолированно от истории Англии и остального мира», что она в полной мере может быть понята лишь в контексте европейской и мировой истории¹⁷. Более того, М. Тирни справедливо полагает, что история Ирландии, «этой маленькой, относительно бедной страны, добившейся независимого национального существования, интересна не только для ирландцев, но в равной

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Tierney M. Modern Ireland. 1850—1950. Dublin, 1972, p. VII.

мере и для других народов, ибо то, что случилось в Ирландии за истекшие полвека, повторялось и в других странах»¹⁸.

Наряду с этим стремлением к развитию «вширь» ирландская историография обнаруживает и тенденции к углубленному исследованию прошлого. Именно с середины 60-х годов предпринимаются попытки преодолеть своего рода парцеллизацию исторических исследований, характерную для предыдущих десятилетий, — подробную разработку лишь частных специальных вопросов. Появляются обобщающие исследования, охватывающие большие исторические периоды¹⁹. Усилившийся интерес к объективному содержанию исторического процесса нашел свое выражение в появлении крупных работ по экономической истории Ирландии, среди них — коллективный труд по экономической истории XVIII—XIX вв., монография редактора и одного из авторов этого издания — профессора Л. Каллена по истории ирландской экономики с 1660 г., а также исследование известного экономиста, профессора Дж. Минена о путях развития ирландской экономики после получения самоуправления²⁰.

Ирландские историки ставят также вопрос и о месте социальных проблем в исторических исследованиях. В вышедшем в 1971 г. обобщающем труде «Ирландская историография 1936—1970 гг.» (под редакцией видного историка, профессора Дублинского университета Тринити, Т. У. Моуди) подведены итоги сделанного исторической наукой и намечены пути ее дальнейшего развития. Как ее основное упущение отмечалось, что историки пренебрегали таким объектом исследования, как «история ирландских городских рабочих» в XIX в., как «классы общества и социальная мобильность» в XX в.²¹ Автор раздела об историографии Ирландии XX в. Э. Мэлви подчеркивала необходимость более глубокого исследования кординальных проблем ирландской истории. «Разве анализ ирландского национализма дан на достаточно высоком концептуальном уровне? — спрашивала она. Разве глубочайшие социальные и психологические аспекты ирландской истории накануне и после восстания 1916 г. привлекали к себе то внимание, которого они заслуживают?»²².

Вместе с тем Э. Мэлви, автор раздела об историографии Ирландии 1801—1914 г., отметила и кое-какие достижения в деле изучения социальных проблем и рабочего движения в предвоен-

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Об этой тенденции в ирландской историографии второй половины 60-х годов см.: *Колпаков А. Д.* Ирландская историческая наука сегодня. — *Новая и новейшая история*, 1974, № 6, с. 209.

²⁰ *The Formation of Irish Economy* / Ed. L. M. Cullen. Cork, 1968; *Cullen L. M. An Economic History of Ireland since 1660*. Dublin, 1972; *Meenan J. The Irish Economy since 1922*. Liverpool, 1970.

²¹ *Irish Historiography. 1936—1970* / Ed. F. W. Moody. Dublin, 1971, p. 135—136.

²² *Irish Historiography*, p. 136.

ный период²³. И действительно, к моменту выхода «Ирландской историографии» уже можно было говорить о некоторых сдвигах в их разработке. Новые веяния сказались прежде всего на популярных в Ирландии публикациях циклов лекций, в память знаменитого деятеля ирландского национально-освободительного движения середины XIX в. Томаса Дэвиса, с которыми ежегодно (с 1953 г.) выступают по ирландскому радио ведущие историки. Эти лекции обычно четко отражают колебания общественных настроений, а также официальные идеологические установки²⁴.

Каждый цикл читается на определенную большую тему по истории страны или истории национальной культуры. В середине 60-х годов в ходе подготовки к празднованию 50-й годовщины национального восстания 1916 г. «Красная пасха» оказалась в центре внимания историков. Именно при подведении итогов революционной освободительной борьбы, толчок которой дало Дублинское восстание, в стремлении историков извлечь уроки из развития революционных событий, постичь их движущие силы проявился их новый подход к социальным проблемам вообще и к проблемам рабочего движения — в частности. Главной целью статей, вышедших в 1966—1968 гг., по словам профессора Фрэнсиса Мартина, было «перенести восстание 1916 г. из царства мифологии в сферу истории»²⁵.

Первый из этих сборников, «Борьба в Ирландии 1916—1926 гг.», стал, по словам автора предисловия, профессора Ф. МакМануса, «первым свидетельством впервые предпринятых попыток изучать восстание глубоко и со всех точек зрения»²⁶.

Одна из центральных статей серии — «Социальная революция, которой не было», принадлежащая перу П. Линча, раскрывает коренные социальные проблемы, лежащие в основе массовых движений, помимо стремления к национальной независимости; главной из них он считает чрезвычайно тяжелое положение городских рабочих²⁷. Именно оно послужило основой создания в Дублине и других крупных городах Ирландии к началу первой мировой войны «организованного движения за социальную революцию»²⁸, ставшего под руководством Коннолли важнейшим фактором развития революционных событий. Накануне восстания «объединились силы рабочего класса и средних классов ради осуществления идеи национальной независимости»; в этом союзе,

²³ Ibid.

²⁴ *Leaders and Men of the Easter Rising: Dublin, 1916* / Ed. F. K. Martin, London, 1967, p. X.

²⁵ *Leaders and Men*, p. XI.

²⁶ *The Irish Struggle, 1916—1926* / Ed. T. D. Williams. London, 1966, p. 2.

²⁷ Нельзя согласиться с утверждением П. Линча о том, что в результате аграрной революции, проведенной в начале XX в. «сверху», были полностью уничтожены причины недовольства массовых крестьянских слоев, ликвидирована почва возникновения новых аграрных волнений. См.: *The Irish Struggle*, p. 41—42.

²⁸ *The Irish Struggle*, p. 44.

подчеркивает П. Линч, сплелись воедино политические и социальные цели грядущего восстания»²⁹.

Автор пытается ответить на вопрос, поставленный в самом заглавии статьи: «Почему же восстание 1916 г. не смогло повлечь за собой социальную революцию соответствующего характера и размаха?» В статье показано, как с гибелью Коннолли и его единомышленников, отстаивавших социальные задачи революции, в освободительном движении одержала верх линия Гриффитса и других руководителей национально-буржуазной партии Шин-Фейн — идеи «внеклассового национального целого», «национальной солидарности» во имя единственной цели — противодействия Англии³⁰.

Социальные проблемы, лежащие в основе массовых движений, оказались снятыми с повестки дня национально-освободительной революции. Однако — и это очень важный момент! — П. Линч справедливо утверждает, что стихийное движение трудящихся, развернувшееся как бы в стороне от магистрального направления борьбы, руководимой Шин-Фейном, — движение за Советы в начале 20-х годов, захват маслобоен — свидетельство того, что проблемы эти существовали объективно и что «наступательный дух социальных волнений все еще существовал»³¹. Представляется важным и другое замечание П. Линча о том, что ирландский рабочий класс был все же «в меньшей степени нацелен на социальные конфликты, чем его собратья в других странах; он известен скорее воинственностью в деле национальной независимости, нежели радикализмом в социальных вопросах»³². Эти исторически сложившиеся особенности ирландского рабочего класса способствовали его растворению в общенациональном антиимпериалистическом движении.

Другая серия статей, посвященная руководителям Дублинского восстания, также представляет собой, по мнению ведущего автора издания, профессора Ф. К. Мартина, «первую попытку уравновешенной оценки пасхального восстания в контексте Ирландии сегодняшнего дня»³³. Один из активных участников освободительной борьбы — историк и политический деятель Эдвард Макклизахт посвящает свой очерк в этом сборнике исторической роли в восстании рабочего движения и его вождей Коннолли и Ларкина. Он считает своей задачей выступить против недооценки роли рабочего класса в национально-освободительной борьбе, дает свою периодизацию истории рабочего движения в связи с решением проблем национального освобождения³⁴. В статье Э. Макклизахта особо важными и новыми в методологи-

²⁹ Ibid., p. 42, 45.

³⁰ Ibid., p. 51, 45.

³¹ Ibid., p. 49.

³² Ibid., p. 42.

³³ Leaders and Men, p. XI.

³⁴ Ibid., p. 123—125.

ческом отношении представляются два момента. Прежде всего это выдвигание на первый план задач национально-освободительной революции, поставленных в повестку дня Дж. Коннолли³⁵. При этом Маклизхат особо выделяет огромное влияние идей Коннолли на известную прокламацию повстанческого Бременного правительства³⁶, с основными положениями которой и сегодня сверяют свои достижения и цели дальнейшего продвижения вперед демократические силы Ирландии. Другое положение — о том, что выступление дублинских рабочих в качестве наиболее динамичной и решительной силы в восстании 1916 г. было подготовлено подъемом рабочего движения, забастовочной борьбы 1907—1913 гг., когда руководителям рабочих Дж. Коннолли и Дж. Ларкину удалось «развеять апатию, настроения безнадёжности и отчаяния в рядах рабочего класса»³⁷.

К «Дэвисовским чтениям», посвященным Дублинскому восстанию, примыкает еще одна публикация — «1916 год. Пасхальное восстание»³⁸ — перепечатка статей и материалов, появившихся по случаю юбилея восстания на страницах газеты «Айриш Таймс», подготовленная известным историком О. Д. Эдвардсом. В сборнике был опубликован отрывок из работы В. И. Ленина «Итоги дискуссии о самоопределении» — «Ирландское восстание 1916 года»³⁹. Вообще интерес к этой работе, к ленинским оценкам восстания был в те годы всеобщим. К ней обращался и П. Линч в своей статье о «социальной революции, которой не было», и автор послесловия к сборнику «1916 год», известный историк и политический деятель Конор Круз О'Брайен, и др.⁴⁰

В сборнике помещена также статья историка и видного профсоюзного деятеля Донала Невина «Ирландская гражданская армия». О Д. Невине авторы предисловия к книге отзываются как об «одном из очень немногих в сегодняшней ирландской общественной жизни истинных продолжателей традиции Коннолли»⁴¹. Статья посвящена уникальному явлению в ирландском рабочем движении (да и в европейском движении своего времени) — вооруженной организации ирландских рабочих (ИГА), возникшей в ходе Дублинской стачки 1913 г. первоначально для защиты рабочих пикетов, а в 1916 г. ставшей авангардом национального восстания. Д. Невин присоединяется к оценке, данной ИГА американским историком Дж. Д. Кларксоном, назвавшим ее «первой Красной гвардией в современной Европе».

Обращение к истории Ирландской гражданской армии само по себе показательно для растущего интереса ирландской

³⁵ Ibid., p. 127.

³⁶ Ibid., p. 130.

³⁷ Ibid., p. 128.

³⁸ 1916. The Easter Rising / Ed. O. D. Edwards, F. Pyle. London, 1968.

³⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 52—57.

⁴⁰ The Irish Struggle, 1916.

⁴¹ Ibid.

историографии к рабочему движению и его роли в национально-освободительной борьбе. Но статья Д. Невина интересна тем, что в ней поднимается одна из ключевых проблем ирландской историографии восстания — оценка позиции Дж. Коннолли в период создания «единого фронта» передовых рабочих, объединенных в Гражданскую армию, и прогрессивных демократических сил в национально-освободительном движении. Союз этих сил нашел свое выражение в объединении накануне восстания 1916 г. пролетарской Гражданской армии с вооруженной организацией ирландских волонтеров в составе единой Ирландской республиканской армии под командованием Дж. Коннолли.

Буржуазно-националистические идеологи всеми силами издавна стремились доказать, что участие Дж. Коннолли в восстании, его союз с республиканцами являются доказательством перехода с позиций «воинствующего социализма» на националистические позиции, свидетельством отказа рабочего лидера от «крайностей» марксизма. Почитание в Ирландии Дж. Коннолли как национального героя помогало буржуазно-националистической пропаганде тормозить процесс роста классового сознания ирландских рабочих, осознания ими своей исторической роли в национально-освободительной борьбе. С оценками ирландских националистов смыкались лидеры английского рабочего и социалистического движения, обвинявшие Коннолли в отступлении от принципов пролетарского интернационализма, в буржуазном национализме.

Интерес к личности Коннолли, его творческому наследию, его судьбе, его деятельности в рабочем и социалистическом движении необычайно возрос в связи с юбилеем «Красной пасхи» и столетием (1968) со дня его рождения. О. Д. Эдвардс подчеркивал в своей статье в сборнике «1916 год», что «интерес к восстанию 1916 г. неизбежно повлечет за собой стремление заново изучить произведения Коннолли, потому что его беспощадный анализ бедствий того времени в полной мере применим сегодня»⁴². Попытки осмыслить по-новому наследие Коннолли стали важной частью работы, которую предприняли в эти годы ирландские историки. Свой вклад в эту работу внес Д. Невин. В своей статье об Ирландской гражданской армии он утверждает, что участие Коннолли в восстании неразрывно связано со всей его предыдущей деятельностью, оно явилось закономерным продолжением и завершением того дела, которому он посвятил всю свою жизнь: соединением борьбы за национальное освобождение с борьбой за социальное освобождение трудящихся. Ключ к позиции Коннолли Д. Невин видит в словах Коннолли: «Мы республиканцы потому, что мы социалисты»⁴³.

Попытки пересмотреть устоявшиеся оценки деятельности Коннолли содержатся и в ряде других исторических работ. О един-

⁴² 1916, p. 18.

⁴³ Ibid.

стве цели в деятельности Коннолли пишет в своей статье Э. Маклизахт: «Коннолли явно стремился к независимости Ирландии затем, чтобы получить возможность осуществить свое самое страстное желание: улучшить положение отверженных»⁴⁴. Профессор Ф. К. Мартин также подчеркивает резкое различие в подходе к задачам революции между Коннолли и даже самыми прогрессивными представителями революционно-демократических сил в национально-освободительном движении: «Если П. Пирс видел Ирландию в образе закованной в цепи Кэтлин ни Холиэн⁴⁵, то взору Коннолли она представляла в образе рабочего человека — убогого и полуголодного»⁴⁶. О. Д. Эдвардс в 1968 г. опубликовал свою лекцию, посвященную Коннолли, прочитанную им в штаб-квартире крупнейшего в Ирландии Союза транспортных и неквалифицированных рабочих, в 1916 г. служившей центром подготовки восстания. В этой лекции Эдвардс возражал английским социалистам, видевшим в самом факте участия Коннолли в национальном восстании «компромисс с национализмом». «Компромисс, — говорит О. Д. Эдвардс, — заключался не в том, что он пошел на восстание, а лишь в том, с кем он пошел»⁴⁷. О. Д. Эдвардс подчеркнул, что сформулированный Коннолли идеал «Рабочей республики», воплотивший в себе единство целей национальной свободы и социального освобождения трудящихся, живет и в наши дни⁴⁸. Весьма знаменательным для перемен в методологии сегодняшней ирландской историографии является замечание О. Д. Эдвардса о том, что самой важной составной частью наследия Коннолли он считает высокую оценку им роли и значения экономического фактора в истории⁴⁹.

«Дэвисовские чтения», следуя этап за этапом по пути, пройденному рабочим движением Ирландии, «вписывали» его в историю страны. Сборник «Тайные общества в Ирландии», изданный под редакцией профессора Национального университета Т. Д. Уильямса, продолжает традицию изучения революционного направления в рабочем движении. Д. Нолан в статье «Радикальные движения 20-х и 30-х годов»⁵⁰ раскрывает совершенно новую для ирландского читателя страницу борьбы трудящихся в 20—30-х годах, когда, по словам историка, «социальная революция, которую Шин Фейн удерживал в узком русле национальной борьбы, искала выхода»⁵¹. Эта тенденция революции к продолжению и завершению выразилась и в росте, в новых формах мас-

⁴⁴ *Leaders and Men*, p. 127.

⁴⁵ Кэтлин ни Холиэн — литературно-эпический образ Ирландии.

⁴⁶ *The Irish Struggle*, p. 14.

⁴⁷ *Edwards O. D. The Mind of an Activist — James Connolly*. Dublin, 1971, p. 73.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 107.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Secret Societies in Ireland / Ed. T. D. Williams*. Dublin, 1973.

⁵¹ *Secret Societies*, p. 170.

совой борьбы, и в новых веяниях среди республиканцев, многие представители которых уже тогда оценили великое значение соединения политической борьбы за Ирландскую республику с борьбой трудящихся, и в первых попытках создания Коммунистической партии Ирландии.

Публикация цикла, посвященного Ирландии в период второй мировой войны и первые послевоенные годы, уделяет особое внимание стремлению Ирландии построить свою промышленность⁵². Статья «Промышленность и рабочее движение» Д. Нолана повествует о сложном этапе в развитии рабочего движения: с одной стороны, трудности военных лет, политика «замораживания заработной платы» требовали мобилизации всех сил Конгресса профсоюзов, лейбористской партии для организации массового отпора наступлению на права трудящихся. С другой стороны, отсутствие динамичного руководства, противоборство лидеров крупнейших профсоюзов ослабляли рабочее движение тех лет, привели его к расколу.

*

В 60-х годах заметно возрос интерес к «рабочеведческой» тематике и в ирландских университетах. В Дублинском университете Тринити ее разрабатывала группа молодых ученых, руководимых профессором Дэвидом Торли. Важные проблемы истории ирландского рабочего движения стали темой следующих диссертаций: «Подъем рабочего движения в 1888—1907 гг.» (Дж. Бойль), «Ирландское рабочее движение в годы революции» (А. Митчелл), «Ирландия и чартизм» (Р. О'Хиггинс). Историк Дублинского отделения Национального университета Ф. Д'Арси опубликовал работу «Квалифицированные рабочие Дублина 1800—1850 гг.: их взгляды, деятельность и организация»⁵³.

В 60-х годах в научный оборот вводится новый для ирландской историографии круг источников — материалы отдельных тред-юнионов и городских профсоюзных советов, документы конгрессов тред-юнионов, воспоминания видных деятелей профсоюзного движения и лейбористской партии, становятся доступными их интереснейшие архивы, в том числе архивы У. О'Брайена, одного из ведущих лидеров ирландского рабочего движения в течение полувека после Дублинского восстания 1916 г. В 1969 г. вышли также его мемуары, записанные Э. Маклизехтом⁵⁴. Видный деятель тред-юнионов К. О'Шэннон выпустил сборник интересных материалов и воспоминаний, посвященный полувековой истории Союза транспортных и неквалифицированных рабочих⁵⁵.

⁵² *Nevin D. Industry and Labour.*— In: *Ireland in the War and after, 1939—1951* / Ed. K. Nowlan, D. Williams. Dublin, 1969.

⁵³ Об этих работах см.: *Mitchell A. Labour in Irish Politics. 1890—1930. The Irish Labour Movement in an Age of Revolution.* Dublin, 1974, p. 111.

⁵⁴ *Forth the Banners go. Reminiscences of William O'Brien as Told to Edward MacLisaght.* Dublin, 1969.

⁵⁵ *Fifty Years of Liberty Hall* / Ed. Cathal O'Shannon. Dublin, 1959.

Интерес к рабочему движению сказался и на излюбленном традиционном жанре ирландских историков — жанре исторических биографий. Кроме Дж. Коннолли и Дж. Ларкина, ирландская биографическая литература не знала других героев, чья деятельность связана с рабочим движением. В последние годы появились две большие статьи А. Митчелла, посвященные двум ведущим фигурам в рабочем движении Ирландии после «Красной пасхи» 1916 г. — Томасу Джонсону и Уильяму О'Брайену⁵⁶. При этом характерно, что в отличие от прежних жизнеописаний А. Митчелл показывает эти две исторические фигуры в контексте рабочего движения того времени, в тесной связи с социальным развитием рабочего класса, с особенностями его массового сознания.

Среди новых работ биографического жанра следует назвать биографию крупнейшего ирландского писателя, выдающегося деятеля рабочего и республиканского движений П. О'Доннелла, принадлежащую перу прогрессивного историка Майкла МакИнерни⁵⁷. Автор рассматривает яркую и многогранную деятельность П. О'Доннелла в связи с развитием важнейшего течения ирландской общественной жизни и социальной мысли, которое берет начало еще в конце XVIII в., во времена руководимого Т. Уолф Тоном восстания «Объединенных ирландцев»; в XIX в. это направление было представлено выдающимися деятелями национально-освободительного движения Финтаном Лалором, Майклом Дэвиттом, а затем Джемсом Коннолли. МакИнерни называет эту традицию «социальным республиканизмом», поскольку для его представителей цель — завоевание Ирландской республики непременно включала в себя социальные преобразования. Это течение, пишет автор, «является неотрывной частью рабочего движения, оно имеет союзников во всех странах. Существование этого течения составляет надежду на будущее и севера и юга Ирландии»⁵⁸.

Обращение ирландских историков к рабочеведческой тематике в 60-х годах в значительной мере стимулировалось возросшим общественным интересом к партийно-политической системе Ирландии, к ее особенностям и историческим корням (а этот интерес в свою очередь связан с недовольством политикой традиционных национально-буржуазных партий). Все большее внимание привлекала лейбористская партия как возможная политическая сила, способная, быть может, в будущем сломать традиционные партийные деления, шаблоны политического поведения. Это пробуждало интерес к изучению массовой базы лейбористской партии, причин ее слабости, коренящихся в особенностях рабочего движения, в политическом поведении массовых слоев.

⁵⁶ *Mitchell A. Thomas Johnson, A Pioneer Labour Leader.*— In: *Studies*, 1969, vol. LVIII, N 232; *Euisd. William O'Brien, 1881—1968 and the Irish Labour Movement.*— *Studies*, 1971, vol. LX, N 239—240.

⁵⁷ *McInerney M. Peadar O'Donnell, Irish Social Rebel.* Dublin, 1974.

⁵⁸ *McInerney M.* Op. cit., p. 9.

Из наиболее глубоких и содержательных исследований такого рода по общим партийно-политическим вопросам назовем прежде всего работу преподавателя Национального университета в Дублине М. Мэннинга «Ирландские политические партии», содержащую всесторонний анализ социальной опоры лейбористской партии⁵⁹. Специальный труд, посвященный лейбористской партии, написал А. Митчелл⁶⁰. Задачу своего исследования он видит в том, чтобы на материале истории рабочего движения предреволюционной и революционной поры 1890—1930 гг. решить вопрос: почему героический бросок Ирландской гражданской армии во главе с Коннолли в борьбе за национальное освобождение, столь решительно повлияв на судьбы национальной независимости страны, не привел к решительной перегруппировке сил, к изменению положения основанной Коннолли лейбористской партии, не приблизил решения социальных проблем. Ответ на этот вопрос А. Митчелл ищет в объективном положении дел в стране — в расстановке политических сил, в особенностях развития рабочего движения, влиянии на массы идеологии национальной буржуазии.

Значительное место в книге занимает анализ субъективного фактора в развитии ирландского рабочего движения — утрата профсоюзным и лейбористским руководством перспективы движения, намеченной Коннолли, единства целей последовательной борьбы за интересы трудящихся и борьбы за полное освобождение и воссоединение Ирландии. В таком же духе ставит вопрос об исторических причинах неудач лейбористской партии, ее неспособности занять ведущее место в ирландской политической жизни после договора 1921 г. и Донал Невин в своей статье «Лейбористская партия и политическая революция» в одном из сборников-публикаций «Дэвисовских чтений»⁶¹.

Интерес ирландских историков к проблемам формирования политического поведения массовых слоев, массового политического сознания ирландских рабочих, к истории политики раскола трудящихся, проводимой на протяжении многих веков английскими колонизаторами, во многом стимулировался в последние годы нынешним олстерским кризисом. Теперь ни одно глубокое исследование корней кризиса и перспектив его разрешения невозможно без постановки в той или иной форме названных проблем. В этом отношении показательно масштабное монографическое исследование уже не раз упомянутого нами профессора О. Д. Эдвардса — «Грехи наших отцов. Корни конфликта в Северной Ирландии»⁶².

⁵⁹ *Manning M. Irish Political Parties. Dublin, 1972.*

⁶⁰ *Mitchell A. Labour in Irish Politics. 1890—1930. The Irish Labour Movement in an Age of Revolution. Dublin, 1974.*

⁶¹ *The Years of Great Test. 1926—1939, Cork, 1967.*

⁶² *Edwards O. D. The Sins of Our Fathers. Roots of Conflict in Northern Ireland. Dublin, 1970.*

В специальной обширной главе «Раскол рабочего класса» автор показывает планомерный характер проводимой политики религиозно-политического раскола ирландцев начиная со времени военного подчинения острова в XVII в. и кончая первой мировой войной, когда цель разобщения трудящихся была достигнута. Наиболее усиленно политика раскола, по мнению О. Д. Эдвардса, осуществлялась в годы подъема рабочего движения 1907—1913 гг. Именно она должна была, по замыслам колонизаторов и реакционных националистов Севера и Юга, поставить заслон объединительным действиям Коннолли и Ларкина среди рабочих Белфаста и Дублина. И это само по себе, как справедливо отмечает О. Д. Эдвардс показывает, «насколько проявления солидарности рабочего класса и его организация стали опасны для капитанов индустрии»⁶³.

Вопрос о расколе трудящихся, служащем целям создания массовой опоры империалистической реакции, убедительно рассматривается в статье упомянутого выше Дж. Бойля «Белфастская протестантская ассоциация и Независимый орден оранжистов, 1901—1910 гг.», опубликованной в ведущем историческом журнале «*Irish Historical Studies*»⁶⁴. Автор широко пользуется в числе других источников материалами белфастских рабочих организаций. Он наглядно показывает те грязные методы демагогии и спекуляции на отсталости и религиозности ирландских рабочих, с помощью которых в начале XX в. олстерская реакция противодействовала распространению социалистических и интернационалистских идей белфастским отделением Независимой рабочей партии.

Растущий общественный интерес к проблемам рабочего движения сказался не только в обращении к рабочеведческой тематике главных организационных центров исторической науки — университетов, но и в создании нового центра по их изучению. Для Ирландии с ее обостренным отношением к истории характерно, что многие издания, публикации, даже исторические исследования выпускают не историки-профессионалы, а различные политические и общественные организации, общественные деятели и т. д. В 1973 г. в Ирландии было создано Общество по изучению истории ирландского рабочего движения, вокруг которого группируются активные деятели профсоюзного движения и близкие к профсоюзным кругам историки. Во главе Общества стоит один из старейших деятелей рабочего движения, бывший Генеральный секретарь Ирландского конгресса тред-юнионов и президент Общества Ирландия — СССР Джон Свифт. По его мнению, изучение истории рабочего движения — кровное дело самих рабочих активистов, ибо писать эту историю должны те, кто ее делает.

⁶³ *Edwards O. D. Op. cit., p. 123.*

⁶⁴ *Irish Historical Studies, 1960, N 20.*

Общество поставило своей целью широкую пропаганду истории рабочего движения в Ирландии и других странах, включение истории рабочего движения в учебные программы. Общество издает журнал, в котором публикуются интересные статьи по актуальным вопросам рабочего движения⁶⁵. Важным участком работы Общества стало изучение истории отдельных союзов; здесь инициатором выступил сам Джон Свифт, опубликовавший большой и содержательный труд об одном из старейших в Ирландии профсоюзе пекарей, который он бесценно возглавлял в течение последних десятилетий⁶⁶.

Однако самым новым и самым перспективным направлением в деятельности Общества стала предпринятая им большая и скрупулезная работа по «сбору сырьевых материалов по истории рабочего движения». Прежде всего это выявление и систематизация всех отчетов профсоюзов, городских советов, документов политических организаций, отдельных активных деятелей. Стремясь расширить круг источников, Общество особое внимание уделяет «устной истории», «воспоминаниям и высказываниям пионеров рабочего движения». Это проявление «архивной сознательности», как пишет один из деятелей Общества — Фрэнк Хэмилтон, «во многом уже запоздало, потому что не удастся спасти все поврежденные источники или вернуть то, что потеряно безвозвратно»⁶⁷. И все же собрать имеющиеся источники, сохранить их и сделать доступными для исследователей и просто для устной пропаганды средствами массовой информации для лекционной работы — в этом состоит одна из общественно важных целей Общества по изучению истории ирландского рабочего движения.

Разработку марксистско-ленинской концепции истории Ирландии, изучение исторического опыта ирландского рабочего движения неустанно ведут ирландские коммунисты. Теоретические и политические издания Коммунистической партии — дублинская газета «*Irish Socialist*», журнал «*Irish Socialist Review*», северо-ирландская газета «*Unity*» — на своих страницах публикуют статьи по истории ирландского и международного рабочего движения, сопоставляют уроки борьбы ирландских рабочих с опытом рабочего класса других стран. Вышедшие в 1975 г. «Очерки по истории Коммунистической партии Ирландии»⁶⁸ представляют собой первую попытку проследить историю создания марксистских организаций в Ирландии, начиная с периода I Интернационала, рассказать читателям о борьбе ирландских коммунистов за

⁶⁵ Обзор первого номера журнала Общества по изучению истории ирландского рабочего движения «*Saothar*» см.: Крылов Л. С. «Журнал по истории рабочего движения Ирландии». — Вопросы истории, 1976, № 9.

⁶⁶ *Swift J. History of the Dublin Bakers.* Dublin, s. a.

⁶⁷ OBAIR. *Irish Labour History Society*, 1976, Febr., vol. 3, p. 15.

⁶⁸ *Communist Party of Ireland. Outline History*, Dublin, 1975. См. рецензию на эту книгу: Крылов Л. С., Колпаков А. Д. Авангард ирландских трудящихся. — Рабочий класс и современный мир, 1976, № 2.

национальную независимость и освобождение от социального гнета. В книге широко представлены воспоминания «участников коммунистического движения в Ирландии». Очерки подготовлены коллективом авторов при участии Генерального секретаря КПИ тов. Майкла О'Риордана и членом Исполкома КПИ Шона Нола-на. Эти очерки являются воплощением идей Коннолли о роли трудящихся в Ирландской истории.

Рассмотренные нами тенденции развития современной ирландской историографии, разумеется, не дают оснований говорить о коренных изменениях в методологии исторических исследований; в равной мере преждевременным было бы заключение о том, что рабочий вопрос уже занял в работах историков достойное место. Однако, несомненно, что в ирландской исторической науке произошел поворот к социальной проблематике, совершилось признание рабочего движения в качестве неотъемлемой части исторического процесса. Насколько серьезные последствия этот поворот будет иметь для дальнейшего развития историографии, покажет будущее. Широкий общественный интерес к изучению рабочего вопроса, первые попытки «вписать» рабочее движение в национальную историю, благородная работа собирателей бесценных материалов о прошлом рабочего движения — все это служит залогом воссоздания в полном объеме исторического пути рабочего класса Ирландии и его роли в ирландской истории.

НИДЕРЛАНДСКИЕ ТРИБУНИСТЫ (историография проблемы)

Г. Г. Бауман

Эпоха империализма объективно поставила перед международным рабочим движением задачу подготовки и осуществления социалистических революций. Борьбу против империализма возглавил пролетариат России, ставшей центром мирового революционного процесса. Начался ленинский этап развития марксизма, была создана большевистская партия — партия нового типа.

Объективные закономерности развития вызвали к жизни революционное направление рабочего движения также и в Нидерландах. В этом малом по своей территории государстве, обладавшем в то время огромной колониальной империей, возникла в СДРП сначала группа марксистов, объединившаяся вокруг журнала «Новое время» («Де Ниве тейд») (1897—1907 гг.), а затем группа трибунистов (1907—1909 гг.), органом которой была газета «Трибуна» («Де Трибуне»). В результате раскола, подготовленного и проведенного оппортунистическими лидерами СДРП во главе с П. Трульстрой, трибунисты покинули ряды СДРП и на съезде в Амстердаме 14 марта 1909 г. основали Социал-демократическую партию.

Трибунистская СДП стала в тот период первой и единственной в Западной Европе левой социал-демократической партией, *организованно* порвавшей с оппортунистами и центристами в собственной стране. Ее создание было одним из выражений коренного поворота от социал-демократических партий старого типа к пролетарским партиям нового типа. Трибунистская СДП являлась органической составной частью революционного крыла II Интернационала.

В годы первой мировой войны трибунисты вместе с большевиками и другими левыми боролись в рядах революционных интернационалистов. 17 ноября 1918 г. трибунистская СДП была переименована в Коммунистическую партию Нидерландов. I конгресс Коммунистического Интернационала назвал партию трибунистов наряду с большевиками, спартаковцами и другими в числе тех партий и групп, которые «образовали первое ядро нового Интернационала»¹. 10 апреля 1919 г. «Трибуна» сообщила о вступлении КПН в Коммунистический Интернационал.

Важнейшее значение для характеристики практической дея-

¹ Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1933, с. 191.

тельности и теоретических воззрений трибунистов имеют **высказывания В. И. Ленина**, опирающиеся на изучение трибунистских источников, личные встречи и переписку с лидерами трибунистов. Они содержатся в его статьях и письмах, включенных в 18 из 55 томов Полного собрания его сочинений. Так, в статье «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро» В. И. Ленин изложил историю раскола в нидерландской социал-демократии, возложив вину за этот раскол на оппортунистов и осудив примиренческую позицию Генриетты Роланд-Голст, оставшейся в рядах реформистской СДРП, и выразил свое согласие с трибунистами, основавшими СДП². В годы первой мировой войны В. И. Ленин в письмах А. Г. Шляпникову, Д. Вайнкопу и Г. Гортеру и в статьях «Мертвый шовинизм и живой социализм» и «Софизмы социал-шовинистов» и др. дал высокую оценку борьбе трибунистов против социал-шовинистов и центристов. Но в то же время Ленин осудил сектантский бойкот Циммервальдского движения руководством СДП. В 1916 г. Ленин уделил значительное внимание критике недостатков «Проекта программы Социал-демократической партии Голландии и Революционно-социалистического союза», в котором отсутствовали такие требования, как завоевание власти, вооружение народа, самоопределение наций и др.³ Большое место в высказываниях Ленина о трибунистах, которых он относил к «лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии»⁴, заняла полемика с ними по национально-колониальному вопросу. В сущности спор шел о характере социалистической революции в эпоху империализма, о соотношении в ней демократических и социалистических задач⁵.

Советская историография трибунистов, опираясь на ленинские высказывания, стремится включить в орбиту исследования все более широкий круг источников. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 20-е годы. Они были не вполне удачны. В первом издании Большой советской энциклопедии были даны подробные справки о Д. Вайнкопе и Г. Гортере, но их автор В. Реезема (В. Рейсема) характеризовал СДП 1909—1914 гг. как «небольшую пропагандистскую группу»⁶, а не как самостоятельную партию. В своих работах по истории рабочего движения И. Браславский и М. И. Щукарь вообще ничего не сообщили о трибунистах⁷, однако Б. И. Горев отметил возникновение в Нидерландах «революционного марксистского крыла», которое «отко-

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 185—186.

³ См.: там же, т. 49, с. 191.

⁴ Там же, т. 30, с. 45.

⁵ См. там же, т. 27, с. 260; т. 30, с. 45—47, 54, 67.

⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1928, т. 9, с. 193—194; М., 1930, т. 18, с. 197—199.

⁷ *Браславский И.* История рабочего движения (1864—1924). М., 1925; *Щукарь М. И.* Рабочее движение в эпоху II Интернационала. М., 1928.

лолось от официальной партии и солидаризировалось с крайним левым крылом германской социал-демократии»⁸. О роли Ленина в становлении трибунистов Горев ничего не сообщил. Шаг вперед сделал Ц. Фридлянд, указавший, что Ленин при обсуждении вопроса о приеме СДП во II Интернационал «высказал свое определенное сочувствие и симпатии новой организации»⁹. Но Фридлянд игнорировал такие принципиально важные положения статьи Ленина «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро», как возложение им вины за раскол на оппортунистов и осуждение примиренческой позиции Г. Роланд-Голст.

Вопрос о взаимоотношениях Ленина и трибунистов не мог быть выяснен в тот период в полной мере также и потому, что из писем Ленина трибунистам, поступивших в ЦПА ИМЛ, лишь два были опубликованы в 1924 и 1934 гг. и два в 1949 г. (10 писем было впервые опубликовано в Полном собрании сочинений). Тем не менее и в этот период историография трибунистов опиралась на ленинские оценки. Так, в статье «Нидерланды» в Большой советской энциклопедии при изложении истории раскола и отношения Ленина к трибунистам был приведен соответствующий раздел из статьи Ленина «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро» и отмечалось, что СДП «одной из первых встала на позиции борьбы с социал-шовинизмом и оппортунизмом», примкнула к Циммервальдской левой¹⁰. Но в том же издании в статье «Интернационал 2-й» все западноевропейские левые, следовательно и трибунисты, были обвинены в недооценке национально-колониального вопроса, в отказе от использования в интересах социализма национально-освободительного движения¹¹.

Во 2-м издании БСЭ в статье «Нидерланды» было подчеркнуто влияние революции 1905—1907 гг. в России на рабочее движение в Нидерландах и впервые появилась статья «Трибунисты», что положило начало определенной традиции: с этого времени стало правилом помещать в наших справочно-энциклопедических изданиях (в отличие от зарубежных) заметку о трибунистах. Однако влияние предвзятых оценок выразилось в утверждении, что *большинство* трибунистов после 1918 г. «скатилось на позиции „ультралевых оппортунистов“»¹². При этом давалась ссылка на работу В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», но именно в этой работе подчеркивалось, что «левые» ошибки были совершены не большинством, а лишь некоторыми членами голландской коммунистической партии¹³.

⁸ Горев Б. И. История социализма в связи с развитием рабочего движения. 3-е изд. М., 1925, т. 1, с. 390.

⁹ Фридлянд Ц. История Западной Европы. 1789—1914. М., 1928, ч. II, с. 661.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. М., 1939, т. 42, с. 69—71.

¹¹ Там же. М., 1937, т. 28, с. 763.

¹² Большая советская энциклопедия. М., 1956, т. 43, с. 225.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 103—104.

Положительный вклад в советскую историографию трибунистов внесли сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — составители примечаний и указателя имен к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. Ими были подготовлены краткие справки о трибунистской СДП, «Трибуне», Д. Вайнкопе, Г. Гортере, А. Паннекуке, Г. Роланд-Голст. Во «Всемирной истории» было подчеркнуто в соответствии с высказываниями Ленина, что трибунисты требовали предоставления независимости Индонезии¹⁴. Нельзя лишь согласиться с утверждением, что это требование было выдвинуто Г. Гортером: официально его выдвинул в «Трибуне» 1 октября 1913 г. Д. Вайнкоп после обсуждения этого вопроса на заседании правления СДП.

И. М. Кривогуз впервые в советской историографии осветил деятельность в Нидерландах в годы первой мировой войны спартаковцев, издававших революционно-социалистический еженедельник «Дер Кампф» и образовавших немецкую секцию в трибунистской СДП¹⁵.

«История Коммунистической партии Советского Союза» отдала должное трибунистам, назвав имена Вайнкопа и Гортера рядом с именами К. Либкнехта, Р. Люксембург, Г. Димитрова и других деятелей международного рабочего движения. В главе, посвященной борьбе большевиков за сплочение международного пролетариата, сообщается о солидарности трибунистов с большевиками в связи с международной социалистической конференцией женщин в Берне в 1915 г., о посылке А. Паннекуку приглашения сотрудничать в журнале «Коммунист» и об участии трибунистов в журнале «Форботе»¹⁶.

В двухтомной «Истории Второго Интернационала» авторы разделов о рабочем движении в Нидерландах Н. Б. Аюпян и Г. Г. Бауман, опираясь на трибунистские источники, предприняли попытку систематического изложения истории трибунистов. Это позволило выяснить воздействие забастовочной борьбы в Нидерландах 1903 г. и революции 1905—1907 гг. в России на становление трибунистов, впервые в нашей литературе рассмотреть деятельность СДП в 1909—1914 гг. и более подробно осветить ее борьбу в годы первой мировой войны. В главе 27 этого издания ее автор Я. Г. Темкин использовал переписку В. И. Ленина с Д. Вайнкопом. Однако в «Истории Второго Интернационала» отсутствует глубокий анализ позиции трибунистов по национально-колониальному вопросу и не выяснены причины бойкота руководством СДП Циммервальдской конференции.

В 1967 г. в Советской исторической энциклопедии к статье «Нидерланды» был приложен список литературы, в котором в от-

¹⁴ Всемирная история. М., 1960, т. 7, с. 437, 487, 488.

¹⁵ Кривогуз И. М. Спартакосцы в Голландии в 1917 г.— Новая и новейшая история, 1962, № 5.

¹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 600, 607, 619, 482.

личие от предыдущих справочно-библиографических изданий перечислялось большинство работ В. И. Ленина, содержащих данные о трибунистах. Автор статьи В. А. Вальков подчеркнул огромное воздействие на пролетариат Нидерландов Великого Октября и отказался от высказанного в первых двух изданиях БСЭ мнения о наличии в Нидерландах осенью 1918 г. революционной ситуации¹⁷.

В монографии, изданной в 1967 г., В. Заплаткин подчеркнул, что трибунисты — «наиболее последовательные марксистские элементы левого крыла международного социалистического движения»¹⁸. Но вместе с тем автор обвинил трибуниста А. Паннекука в «отрицании руководящей роли марксистской партии», в прославлении «авантюризма и стихийности», ссылаясь при этом на его статью «Империализм и задачи пролетариата»¹⁹. Известно, однако, что статья эта была напечатана в журнале «Коммунист» с одобрения В. И. Ленина, который писал в примечании «От редакции»: «Мы вполне согласны во всем основном и существенном с прекрасной статьей товарища А. Паннекука...»²⁰. С точки зрения Ленина, лишь последние строки статьи были «чересчур пессимистическими», но ни о каком прославлении «авантюризма и стихийности» не было и речи. Этот пример показывает, до какой степени предвзятые оценки отходили от четко определенных высказываний Ленина.

В 1968 г. увидели свет монографии Н. Е. Королева и Я. Г. Темкина, в которых определенное внимание было уделено трибунистам. Авторы опирались на переписку Ленина с трибунистами, привлекли архивные документы, материалы из «Форботе» и «Лихтштрален», журнала, издававшегося немецким левым Юлианом Борхардтом, но использовать источники на голландском языке им не удалось. Н. Е. Королев, отметив «революционно-интернационалистскую позицию» трибунистов во время первой мировой войны, недооценил глубину разногласий между большевиками и лидерами трибунистов в связи с Циммервальдской конференцией, что выразилось в отказе руководства СДП принять в ней участие; автор не упомянул даже о бойкоте трибунистами Циммервальдской конференции. Но затем, говоря об отношении руководства СДП к Циммервальдскому манифесту, который оно отвергло, Королев обвиняет трибунистов в крайнем догматизме и сектантстве, выразившихся в непонимании роли демократических и национальных движений, в неумении бороться за массы и заключать необходимые политические компромиссы²¹. С такой

¹⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1967, т. 10, с. 179.

¹⁸ Заплаткин В. Борьба В. И. Ленина против «империалистического экономического кризиса». М., 1967, с. 144.

¹⁹ Там же, с. 49.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 110.

²¹ Королев Н. Е. Ленин и международное рабочее движение. 1914—1918. М., 1968, с. 93.

оценкой в ее абсолютном значении нельзя согласиться. Лидеры СДП действительно проявили определенный догматизм и сектантство в отношении к Циммервальдскому движению, но они понимали значение демократических движений, вели борьбу за демократические требования на основе своей программы-минимум, придавали огромное значение национально-освободительному движению в колониях и умели идти на компромиссы (с реформистской СДРП до войны, с анархо-синдикалистами и др.).

Я. Г. Темкин уделил трибунистам больше внимания, чем Н. Е. Королев. Он отметил, в частности, факт неучастия СДП в Циммервальдской конференции, но не смог выяснить причины бойкота. Однако его утверждение, будто бы «трибунисты заявили о своем присоединении к Циммервальду», не соответствует действительности. Ни к решениям Циммервальда, ни к решениям Кинталя руководство СДП не присоединилось, считая их недостаточно революционными²².

В вышедшей в 1970 г. монографии «Ленин в борьбе за революционный Интернационал» выяснены связи Ленина с трибунистами накануне первой мировой войны, но в главе «В. И. Ленин и национально-освободительное движение накануне первой мировой войны» (А. Н. Хейфец) ничего не говорится о том, что трибунисты были первыми в Западной Европе социал-демократами, выдвинувшими требование независимости «своих» колоний («Отделение Индонезии от Голландии»). В этой монографии, в главе Я. Г. Темкина, сделан вывод, что трибунисты и левые в других странах отрицали «какое бы то ни было прогрессивное значение национальных движений, считая, что в эпоху империализма и наступающей социалистической революции все такие движения реакционны»²³. Сказалось влияние установившейся еще в 30-х годах неправильной оценки позиции трибунистов в данном вопросе, что в значительной степени объяснялось незнанием с трибунистскими источниками.

Значительный вклад в изучение вопроса об отношении трибунистов к национально-освободительному движению в Индонезии внесли советские востоковеды, особенно А. А. Губер, А. Б. Беленький и Е. П. Заказникова. На основании работ В. И. Ленина и ряда источников они выяснили роль голландских социал-демократов, в том числе трибунистов, в становлении в Индонезии социалистического, а затем и коммунистического движения. Однако ими были допущены отдельные ошибки, на которых следует остановиться. Ошибочно, например, утверждение, что Индийский (Индонезийский) социал-демократический союз «был образован в мае 1914 по инициативе голландских левых социал-демократов

²² Темкин Я. Г. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968, с. 270; *Wijnkoop D. J. De «S.D.P.»*. Vaarn, 1918, p. 28.

²³ Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М., 1970, с. 356.

(трибунистов)»²⁴. На самом деле инициатором создания союза был Гендрик Снефлит, занимавший в то время в нидерландской социал-демократии вместе с Г. Роланд-Голст центристскую позицию. Другая ошибка состояла в утверждении, что индонезийская социал-демократия получила «в наследство от голландских трибунистов» наряду с правильным лозунгом отделения Индонезии от Голландии отрицание принципа самоопределения наций со всеми вытекающими отсюда последствиями (непонимание прогрессивной роли «буржуазно-демократических национально-освободительных движений и организаций», принципиального различия между национализмом угнетённой и угнетающей нации и т. д.)²⁵. Создавалось впечатление, что трибунисты, выдвинув на словах требование отделения Индонезии от Голландии, на самом деле поступали вопреки своему же лозунгу. При этом авторы (А. Б. Беленький и А. И. Ионова) ссылались на статью В. И. Ленина «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы)». Действительно, имея в виду Г. Гортера, Ленин писал, что он неправильно отрицает принцип самоопределения наций. Но Ленин не останавливался на этой констатации и показывал, что Гортер в то же время требовал «медленно „политической и национальной независимости“ Голландской Индии...»; а в работе «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин разъяснил, что Гортер был «против самоопределения своей страны, но за самоопределение угнетённой «его» нацией Голландской Индии!»²⁶ Именно поэтому Ленин видел в нем «более искреннего интернационалиста» и близкого к большевикам единомышленника, противопоставлял его Каутскому, Троцкому и Мартову, которые лишь на словах лицемерно признавали самоопределение (на данную работу А. Б. Беленький и А. И. Ионова не ссылаются). Мы уже не говорим, что Ленин ни в этих, ни в других своих работах ничего не писал о непонимании трибунистами прогрессивной роли национально-освободительных движений и т. п. Данный пример показывает, что даже специалисты-востоковеды не были свободны от предвзятых оценок позиции трибунистов в колониальном вопросе.

Марксистская историография трибунистов в Нидерландах представлена прежде всего работой председателя СДП Д. Вайнкопа «СДП», изданной в 1918 г. Вайнкоп, связав возникновение революционного течения в Нидерландах с развитием классовой борьбы, по вопросу о расколе отверг «теорию», согласно которой СДП характеризовалась как «голландская аномалия» в маленькой стране, показал, что она появилась закономерно как результат борьбы течений в социал-демократии, разбил попытки проти-

²⁴ Советская историческая энциклопедия. М., 1964, т. 5, с. 839, 932.

²⁵ Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.). М., 1973, с. 331.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260; т. 30, с. 47.

вопоставить трибунистов и вообще западноевропейских левых большевикам²⁷. Вместе с тем Вайнкоп оправдывал ошибки руководства СДП, например, бойкот Циммервальдского движения.

В Коммунистической партии Нидерландов отношение к трибунистам изменялось в зависимости от внутривнутрипартийного положения. История трибунистов стала разрабатываться главным образом в 30-х годах. Выдающийся деятель КПН Алекс де Леув опубликовал в эти годы статьи «СДП во время войны», «СДП и Циммервальд», «Ленин и нидерландский революционный марксизм». В свой капитальный труд «Социализм и нация» он включил все известные в то время высказывания Ленина о трибунистах, что само по себе имело огромное значение для правильной оценки их роли в рабочем движении Нидерландов и Европы. Но вместе с тем в соответствии с кампанией в партии против сектантства и догматизма А. де Леув обвинил трибунистов в «добровольной изоляции», «догматическом оцепенении», бесплодии и начетничестве²⁸. В результате выводы автора приходили в противоречие с высказываниями Ленина. И когда А. де Леув писал, что Ленин видел в голландских марксистах «родственников по духу», то возникал законный вопрос, как Ленин мог видеть «родственников по духу» в этих сектантах, начетчиках, догматиках и т. п.?

Своеобразным ответом на эти необоснованные обвинения стали «Воспоминания из моей жизни» Луи де Фиссера, одного из основателей СДП и члена руководства КПН, представлявшие собой очерк истории левого течения в социал-демократии Нидерландов до 1914 г. Автор подчеркнул, что СДП была «революционной социал-демократической партией», из которой вышла «наша коммунистическая партия», и напомнил, что при основании партии «симпатии Ленина были полностью» на стороне СДП²⁹.

После второй мировой войны в связи с притоком новых членов в КПН интерес к ее прошлому резко возрос. В этой связи руководство КПН издало в 1949—1954 гг. в 4-х выпусках «Учебник для рабочего движения». Но, борясь с сектантством в собственных рядах и видя его олицетворение в трибунистах, авторы пришли к необоснованному выводу о том, что трибунисты «не были ни ленинцами, ни марксистами»; они объявляли СДП партией «левого коммунизма», в которой будто бы господствовали враждебные марксизму-ленинизму «догматический марксизм и мелкобуржуазный революционаризм»³⁰. Трибунисты обвинялись в борьбе против поднятого Лениным «знамени борьбы за национальное самоопределение народов» и т. п. Однако в соответ-

²⁷ *Wijnkoop D. J. De «S.D.P.»*, 1918.

²⁸ *Leeuw A. S. de. Het socialisme en de natie*. Amsterdam, 1939, p. 238, 239.

²⁹ *Visser L. de. Herinneringen uit mijn leven*. Amsterdam, 1939, p. 135, 145.

³⁰ *Politiek en cultuur*, 1951, N 12, p. 508, 511—514; *Leerboek voor arbeidersbeweging*, 3-с Aflivering. Amsterdam, 1951, p. 141, 109—111.

вии с высказываниями Ленина, но в противоречии с предшествующим изложением в книге отмечалась борьба трибунистов за независимость Индонезии, против предательства лидеров реформистской СДРП, их солидарность с Октябрьской революцией.

Решения XX съезда КПСС, одобренные официально руководством КПН, способствовали некоторому пересмотру отношения к трибунистам. В брошюре членов ЦК КПН М. Баккера и Ф. Баруха, изданной в 1957 г. в Москве, трибунистов уже не называли «левыми коммунистами». Подчеркивалось, что борьба СДП привела ее «в первые же годы ее деятельности в соприкосновении с Лениным и большевиками» и что эта связь «еще больше усилилась в период первой мировой войны»³¹.

В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Пауль де Гроот назвал трибунистов не «левыми коммунистами», а «левыми социал-демократами», что соответствовало истине, и объяснил, почему руководство КПН сочло нужным восстановить прежнее наименование³². Официально возвращение к ленинской оценке трибунистов было зафиксировано в документе Правления КПН «50 лет Коммунистической партии Нидерландов», в котором СДП была названа «организацией революционных марксистов», принявшей «принципы, поставленные в порядок дня во всем мире Октябрьской революцией»³³.

В 1970 г. член руководства КПН Яап Волфф в статье «Ленин и нидерландское рабочее движение» охарактеризовал трибунистов как левых социал-демократов, в соответствии с истиной указал, что левацкие взгляды были присущи лишь части трибунистов, привел отзыв Ленина о трибунистах как о последовательных и убежденных интернационалистах, но вместе с тем обвинил их в том, что они будто бы забывали «о борьбе сотен миллионов в странах, угнетенных империалистами», в том числе в колониях³⁴. В этом отношении был сделан шаг назад даже по сравнению с «Учебником для рабочего движения», в котором справедливо отмечалось, что трибунисты вели борьбу за самоопределение Индонезии. Таким образом, в выяснении научной истины о трибунистах нидерландские коммунисты, как и советские историки, медленно продвигались вперед, преодолевая ошибки и предвзятые мнения, но главная работа была еще впереди, а именно изучение всей совокупности трибунистских источников на основе ленинских высказываний.

Социал-реформистская историография трибунистов в Нидерландах исходит прежде всего из того, что для этой страны закономерным является путь реформ, и с этой точки зрения она

³¹ Баккер М., Барух Ф. Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Нидерландах. М., 1957, с. 6.

³² Groot P. de. De dertiger jaren 1930—1935. Amsterdam, 1965, p. 72; *Idem*. De dertiger jaren 1936—1939. Amsterdam, 1967, p. 97.

³³ Politiek en cultuur, 1969, N 1, p. 22.

³⁴ Politiek en cultuur, 1970, N 4, p. 134—138.

осуждает и отвергает трибунистов с их революционной теорией. Так, П. Трульстра в своих мемуарах изобразил раскол как этап в развитии единственного «законного» течения в социал-демократии Нидерландов — реформистского и утверждал, что лишь благодаря его настойчивости и решительности СДРП «с помощью ножа» избавилась от вредоносной группки отщепенцев³⁵. В его обширных мемуарах не нашлось и слова, чтобы рассказать о действительных заслугах трибунистов. Другой лидер СДРП, крайний оппортунист В. Г. Флиген в своей трехтомной истории СДРП объявил единственным законным направлением в социал-демократии реформистское, осудил «фанатиков»-трибунистов как «преступную» силу, увлекавшую пролетариат на путь «кровопролития», и протягивая нить к событиям 30-х годов, называл их предшественниками фашизма и национал-социализма³⁶ (!). Как Трульстра, так и Флиген не снисходили до того, чтобы изучать трибунистские документы.

После второй мировой войны положение изменилось. Идеи марксизма во все большей мере овладевали умами передовой части общества, влияние КПН значительно выросло, борьба против коммунизма требовала теперь перехода от примитивной клеветы в адрес противника к изучению источников и изданию солидных исследований. Одним из таких трудов стала книга Виллема ван Равестейна «Становление коммунизма в Нидерландах (1907—1925)».

В. ван Равестейн (1876—1970) был одним из основателей СДП и КПН, но в 1925 г. порвал с коммунистическим движением из-за конфликта с ИККИ и в 1934 г. вступил в реформистскую СДРП. Книгу Равестейна можно определить как документально обоснованную историю СДП и КПН до 1925 г., истолкованную с позиций антикоммунизма. Именно поэтому она стала основным источником по истории трибунистов для социал-реформистских историков. Свой антибольшевизм и антикоммунизм Равестейн проводит на протяжении всей книги. Так, возлагая вину за раскол 1909 г. на Трульстру, он утверждает, что последний действовал «большевистскими методами». При этом он скрывает, что Ленин еще в 1910 г. осудил методы Трульстры, который, «не разбираясь в средствах», преследовал трибунистов³⁷. Предвыборную программу СДП 1918 г. Равестейн осудил за то, что она была в значительной степени «копией того, что было сделано в России»³⁸. Книгу Равестейна следовало бы назвать не «Становление коммунизма в Нидерландах», а «Отречение от коммунизма в Нидерландах».

³⁵ *Troelstra P. J. Gedenkschriften. Derde deel.* Amsterdam, 1929, p. 111, 112.

³⁶ *Vliegen W. G. Die onze kracht ontwakten deed.* Dnl 3. Amsterdam, 1938, p. 253.

³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 186.

³⁸ *Ravesteyn W. van. De wording van het communisme in Nederland (1907—1925).* Amsterdam, 1948, p. 170.

В 1954 г. была издана диссертация Фрица де Йонга «Я. Сакс. Литератор и марксист. Политическая биография». Х. Гармсен назвал ее «трудом, имеющим фундаментальное значение для изучения нидерландского марксизма»³⁹. Автор изучил значительный круг источников, провел беседы с видными тогда-то трибунистами: Г. Роланд-Голст, А. Паннекуком, В. ван Равестейном и другими, однако, судя по ссылкам, обращался в основном к книге Равестейна. Стремясь выяснить, почему именно в Нидерландах произошел в 1909 г. раскол, Де Йонг пришел к выводу, что определяющую роль в этом сыграли «личный элемент» и сектантские традиции, характерные для «отсталых» Нидерландов. О вступлении Нидерландов в стадию империализма, о социальных корнях борьбы течений, о закономерности появления революционного течения в книге Де Йонга не говорится. Трибунистская СДП осуждается за ее интернационализм и за стремление превратить армию «из орудия буржуазии в орудие пролетариата»⁴⁰, т. е. именно за то, за что ее одобрял В. И. Ленин. Вся книга направлена на доказательство антинациональной сущности трибунистов. О трибунистах Де Йонг написал также в принадлежащих ему главах 12-томной «Всеобщей истории Нидерландов». К этому времени он взял на вооружение теорию эмансипации, согласно которой рабочий класс должен освободиться не от *господства буржуазии*, а всего лишь «от экономического и духовного унижения»⁴¹. С точки зрения «эмансипации», понятой подобным образом, история трибунистов оказывалась враждебной «закономерному» ходу развития Нидерландов. Ни СДП, ни КПН (как направления, с его точки зрения, антинациональные) не укладываются в концепцию Де Йонга, и в этом стремлении исключить из истории страны революционное течение нельзя не видеть кризис социал-реформистской историографии, боящейся смотреть правде истории в глаза.

В 1967 г. в Нидерландах вышла монография А. Куеманса «Давид Вайнкоп». Судя по аннотации, цель издания этой книги состояла в том, чтобы заполнить «постыдный и странный пробел» в историографии социализма и коммунизма в Нидерландах. Куеманс изучил широкий круг источников: трибунистскую печать, отдельные документы из архива Д. Вайнкопа, письма, хранящиеся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, и др. Однако Куеманс не привлек все письма Ленина лидерам трибунистов, что значительно обеднило содержание его книги. Возникновение течения трибунистов Куеманс правильно связал с «империалистическим развитием и... ростом промышленного пролетариата крупных городов»; в СДП он видел «продукт

³⁹ *Harmsen G. Idee en beweging. Nijmegen, 1972, p. 40.*

⁴⁰ *Jong Edz. Fr. de J. Saks, literator en marxist; een politieke biografie. Amsterdam, 1954.*

⁴¹ *Algemene geschiedenis der Nederlanden, deel XI. Zeist, 1956, p. 83.*

коренного нидерландского развития, но, желая доказать ее специфически нидерландский характер, писал, что она опиралась на кальвинистские, иудаистские и анабаптистские традиции, выражавшиеся в «сильных эсхатологически-революционных ожиданиях»⁴². Игнорируя факт борьбы СДП именно против этих традиций, Куеманс стремился, видимо, показать, что трибунистам было предопределено оставаться сектой, выразительницей настроения лишь небольшой части нидерландского народа. Всеми силами он доказывает, что в Нидерландах невозможна массовая партия нового типа, подобная партии большевиков. Олицетворением сектантского «национального коммунизма» автор сделал Д. Вайнкопа, хотя именно Вайнкоп всю жизнь боролся за создание в Нидерландах массовой коммунистической партии. В целом работа Куеманса, содержащая много новых документальных материалов, несправедливо представляла трибунистов как небольшую секту, главой которой был Вайнкоп.

В 1970 г. появилась монография Кайо Брендела «Антон Паннекук, теоретик социализма»⁴³. Отличительная особенность этой крайне антикоммунистической книги — полное отсутствие сведений о деятельности Паннекука как трибуниста, игнорирование его сотрудничества в ленинском журнале «Коммунист» и в органе Циммервальдской левой «Форботе». В отличие от Куеманса Брендел не внес ничего нового в историографию трибунистов, но он подробно изложил взгляды Паннекука, защищавшиеся им после того, как он порвал в 20-х годах с международным коммунистическим движением.

В 1973 г. вышла в свет диссертация Германа де Лиagre Бёля «Герман Гортер. Его политическая деятельность в 1909—1920 гг. в поднимающемся коммунистическом движении в Нидерландах». В этой работе значительное внимание уделено трибунистам, причем Бёль впервые ввел в научный оборот источники из архивов Г. Гортера, К. Каутского, В. ван Равестейна и ряда частных лиц. В основу своей концепции Бёль положил стремление подогнать историю трибунистов под шаблон развития движения левых в Германии и противопоставление западноевропейских левых большевикам. По словам Бёля, «особая большевистская идеология» с самого начала была враждебна идеологии левых на Западе⁴⁴. Неудивительно, что Бёль осуждает всё оригинальное и самобытное в трибунистской деятельности, все то, что в свое время с одобрением было отмечено и поддержано Лениным. Суть книги Бёля — сведение всего значения деятельности западноевропейских левых к «левому радикализму», категорическое отрицание закономерности перехода левых социал-демократов на позиции международного коммунистического движения.

⁴² *Koejemans A. J. David Wijnkoop. Amsterdam, 1967, p. 79.*

⁴³ *Brendel C. Anton Pannekoek, theoretikus van het socialisme. Nijmegen, 1970.*

⁴⁴ *Liagre Böhl H. de. Herman Gorter... Nijmegen, 1973, p. 224, 225.*

В отличие от национальной социал-реформистской историографии трибунистов **социал-реформистская историография трибунистов за рубежом Нидерландов** в большинстве случаев не является результатом самостоятельного изучения источников. Определенным исключением является лишь диссертация бельгийца Роберта Антониссена «Герман Гортер и Генриетта Роланд-Голст» (1946 г.). Автор использовал сведения, полученные им от Г. Роланд-Голст при встрече с ней на территории оккупированных нацистами Нидерландов. Влияние Роланд-Голст на автора сказалось как в отборе материала, так и в оценке его. Антониссен осуждает раскол, осуждает Гортера, который содействовал созданию СДП, и одобряет Роланд-Голст, оставшуюся в реформистской СДРП. Но он далек от понимания существа борьбы течений: поступок Роланд-Голст автор объясняет не появлением центристского течения, а тем, что «женское сердце не последовало за мужской волей». Антониссен полностью отвергает политические идеи Гортера, одобренные в годы первой мировой войны Лениным, и приветствует тот факт, что в 1927 г. Роланд-Голст «полностью отреклась от марксизма» и перешла на позиции христианского социализма⁴⁵. Это было категорическим осуждением того пути, по которому шли трибунисты, выражением неприкрытого антикоммунизма.

В Англии некоторые данные о трибунистах сообщил известный лейбористский историк Дж. Коул в своем труде «Коммунизм и социал-демократия 1914—1931». Опираясь на сведения, полученные от голландца Г. П. Виссинга, он изложил основную канву истории трибунистов. Симпатии автора полностью на стороне лидеров СДРП, благодаря которым Голландия, по его мнению, после бурных событий ноября 1918 г. «вернулась к своему обычному спокойствию». (В этой связи он воздаст должное «энергичным мерам правительства»)⁴⁶. Что же касается трибунистов, то в них Коул видел лишь «небольшое меньшинство», не заслуживающее особого внимания.

В отличие от Коула Юлиус Браунталь вообще не захотел в своей «Истории Интернационала» привести мало-мальски достоверных сведений о трибунистах. Сообщив, что СДП существовала уже в 1903 г. (она была основана в 1909 г.), он в главе «Интернационал и война» ни словом не обмолвился о революционно-интернационалистской позиции партии. Уделив большое внимание реформисту Г. ван Коулу, этому «специалисту» II Интернационала по колониальному вопросу, автор скрыл, что трибунисты выдвинули требование отделения Индонезии от Нидерландов⁴⁷.

⁴⁵ *Antonissen R. Herman Gorter en Henriette Roland-Holst. Utrecht; Antwerpen; MCMXLVI, p. 196, 344, 430.*

⁴⁶ *Cole G. D. H. Communism and Social Democracy 1914—1931. London, 1958, p. 513.*

⁴⁷ *Braunthal J. Geschichte der Internationale. Hannover, 1961, Bd. I, S. 300.*

Характерная черта работы Браунталя — пренебрежительное отношение к деятельности революционного крыла II Интернационала.

Швейцарский автор Жюль Эмбер-Дро в книге «Война и Интернационал (Циммервальдская и Кинтальская конференции)» упомянул о трибунистах всего лишь один раз, назвав среди авторов «Форботе» Вайнкопа, Паннекука и Гортера⁴⁸. Но вывод об авторстве Гортера Эмбер-Дро сделал, основываясь не на содержании журнала, а по оглавлению второго номера, в котором была допущена ошибка (в этом номере была напечатана не статья Гортера, а рецензия Г. З. на его брошюру. Такую же ошибку допустил Г. де Лиagre Бёль).

В 1968 г. в Ганновере вышла диссертация Карла-Эрнста Моринга «Реформизм и радикализм в Социал-демократической партии в Бремене в 1890—1914 гг.». Совершенно правильно отметив, что благодаря Паннекуку радикализм приобрел в Бремене «твердую почву»⁴⁹, автор полностью игнорировал его трибунистскую деятельность. Морингом были использованы источники лишь на немецком языке.

Ганс Манфред Бок, автор монографии «Синдикализм и левый коммунизм 1918—1923» (ФРГ), имел целью, по словам автора предисловия проф. В. Абендрота, воспрепятствовать «необдуманному перениманию теорий левого коммунизма»⁵⁰. Но, развенчивая левый коммунизм Гортера и Паннекука, Бок одновременно поднял их на щит за протест против подчинения «западноевропейских партий примеру и целям советско-русской государственной партии»⁵¹. При этом он извратил линию развития трибунистов, ведя ее не от СДП к Коммунистической партии Нидерландов, вошедшей в Коммунистический Интернационал, а от СДП к «левым коммунистам», порвавшим с ним. В угоду своей схеме Бок утверждал, будто бы Гортер был «вождем» трибунистов, а Паннекук — основателем КПН⁵². Он скрыл (или не знал), что пути Гортера и Паннекука полностью разошлись с путем трибунистов, что и заставило их искать себе сторонников среди «леваков» в Германии. Как и Моринг, Бок не использовал трибунистские источники.

Буржуазная историография в Нидерландах не занималась изучением истории трибунистов, ограничившись декларативными обвинениями в их адрес на основе известного минимума сведений. Так, католический историк Л. Ферберне, провозгласивший

⁴⁸ *Humbert-Droz J.* Der Krieg und die Internationale... Wien; Köln; Stuttgart; Zürich, 1964, S. 157.

⁴⁹ *Moring K.-E.* Reformismus und Radikalismus in der Sozialdemokratischen Partei Bremens von 1890 bis 1914. Hannover, 1968, S. 208.

⁵⁰ *Bock H. M.* Syndikalismus und Linkskommunismus von 1918—1923. Meisenheim am Glan, 1968, S. 1.

⁵¹ *Ibid.*, S. 347—348.

⁵² *Ibid.*, S. 263, 436.

монархию в Нидерландах «драгоценным национальным достоянием», вину за раскол возложил на трибунистов, а их деятельность во время войны свел к организации «беспорядков» и «диких сборищ»⁵³. Но в отличие от социал-демократа Флигена он не позволил себе назвать трибунистов предшественниками фашизма и национал-социализма. Либеральный историк А. Рютер обвинил трибунистов и коммунистов в том, что они «напряженно устремляли свой взор в будущее, в котором будет царить не национализм, а интернационализм»⁵⁴. Они явно не подходили под выработанную им «вечную» формулу «нидерландского народного характера», включавшую в себя не только любовь к свободе, терпимость и реализм, но также буржуазность и индивидуализм.

Если буржуазные авторы в Нидерландах все же уделили какое-то внимание трибунистам, то их коллеги вне этой страны не снизили даже и до этого. Так, в своем двухтомном труде «Роза Люксембург» английский либеральный историк Питер Неттл упоминает королевскую династию в Нидерландах, реформистскую СДРП, но ничего не говорит о СДП. Паннекука он рассматривает лишь как немецкого левого, игнорируя его трибунистскую деятельность. Тема «Р. Люксембург и нидерландская левая социал-демократия» оказалась вне рассмотрения Неттла⁵⁵. Таким образом, социал-реформистские и буржуазные историки за рубежами Нидерландов ничего не внесли в изучение истории трибунистов (за исключением, быть может, Р. Антониссена). В отличие от них социал-реформистские историки в Нидерландах проделали значительную работу по изучению источников. Но созданная ими концепция истории трибунистов весьма далека от научной. Именно потому, что коммунизм является необходимым результатом исторического развития, антикоммунизм неизбежно обрекает его сторонников на антиисторизм.

В 1960 г. к изучению истории трибунистов приступил автор настоящей статьи. Первые результаты исследований вошли в разделы о рабочем движении в Нидерландах во 2-м томе «Истории Второго Интернационала». В 1970 г. дирекция ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС осуществила решение о разборке и упорядочении архива Д. Вайнкопа, что позволило познакомиться с ценными документами. В результате изучения трибунистских и иных источников, а также изучения и осмысления ленинского наследия был написан и частично опубликован ряд работ, посвященных узловым проблемам истории СДП.

В статье «Ленин и трибунисты» рассмотрен широкий комплекс вопросов, связанных с взаимоотношениями Ленина и трибунистов,

⁵³ *Geschiedenis van Nederland*, deel VIII. Amsterdam, 1938, p. 438.

⁵⁴ *Rüter A. J. C. Historische studies over mens en samenleving*. Assen, 1967, p. 211, 410.

⁵⁵ *Nettl J. P. Rosa Luxemburg*. London, 1966, vol. 1, p. 432, 437.

благотворное воздействие на последних ленинских идей, вопрос об общей оценке Лениным трибунистов и их вкладе в международное социалистическое движение⁵⁶. В статье впервые было сообщено на основе изучения писем Д. Вайнкопа о встречах Ленина с Вайнкопом и Гортером в Брюсселе 7 ноября 1909 г.⁵⁷ В полемике с «Учебником для рабочего движения» на основании ленинских оценок была показана ошибочность определения трибунистов как враждебного марксизму-ленинизму течения.

Борьбе Ленина за привлечение СДП к участию в Циммервальдской конференции была посвящена статья «Из истории борьбы В. И. Ленина за Коммунистический Интернационал»⁵⁸. На основании изучения переписки лидеров трибунистов было показано, что в то время они стремились установить свою идейную гегемонию в международном движении левых. Об этом, в частности, свидетельствует письмо руководства СДП в ЦК РСДРП от 30 августа 1915 г. (в ЦПА ИМЛ хранится черновик этого документа, составленный Вайнкопом и Равестейном. Оригинал, вероятно, утерян, судя по тому, что Ленин писал «позднее 8 сентября 1915 г.»: «Письмо голландцев в ЦК я потерял!»⁵⁹). От имени правления СДП Вайнкоп уведомлял ЦК РСДРП, что партия не примет участия в международной социалистической конференции, не передаст никому своего мандата и не возьмет ничей мандат (именно об этом просил Ленин в своих письмах Вайнкопу). Как известно, в отличие от СДП большевики приняли участие в Циммервальдской конференции. Левые в то время были настолько слабы и разобщены, что созвать конференцию одних лишь революционных социал-демократов, как этого хотели лидеры СДП, не представлялось возможным.

Решению трибунистами национально-колониального вопроса была посвящена серия статей в журнале «Народы Азии и Африки»: «Пolemика В. И. Ленина с левыми нидерландскими социал-демократами по национально-колониальному вопросу», «Трибунисты и Индонезия (1907—1914)» и «Взаимоотношения первых индонезийских социалистов с нидерландскими трибунистами»⁶⁰. Как было отмечено выше, позиция трибунистов по этому вопросу вызвала различные толкования не только у нас, но и в Нидерландах. В результате тщательного изучения трибунистских источников стало возможным сделать следующие выводы: с первых же шагов своей деятельности трибунисты боролись против колониальной политики нидерландского империализма, опираясь на соответствующую резолюцию Штутгартского конгресса II Интернационала, и выступали в поддержку национально-освобо-

⁵⁶ См. в кн.: Из истории и методологии исторических наук. Ростов-на-Дону, 1974, с. 3—38.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 581, оп. 1, д. 117. Письмо Д. Вайнкопа от 7 ноября 1909 г.

⁵⁸ Об историческом опыте КПСС. Ростов-на-Дону, 1973.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 140.

⁶⁰ Народы Азии и Африки. 1970, № 2; 1972, № 1; 1975, № 2.

дительного движения в колониях. 1 октября 1913 г., после обсуждения на правлении СДП, «Трибуна» опубликовала статью Д. Вайнкопа, в которой было выдвинуто требование «отделение Индонезии от Голландии» и содержался призыв к поддержке «любого движения за самостоятельность» в самой Индонезии. Съезд СДП в Лейдене в 1914 г. утвердил требование отделения Индонезии от Голландии как основу колониальной программы партии и принял специальную резолюцию солидарности с национально-освободительным движением в Индонезии в его стремлении добиться самостоятельности для нее. Трибунисты стали первыми социалистами в Западной Европе, сформулировавшими программное положение по колониальному вопросу в духе революционного марксизма.

Трибунисты шли к принятию принципа самоопределения наций в ленинском смысле. Под влиянием Ленина они правильно в основном решали для эпохи империализма колониальный вопрос, хотя и не смогли подняться до принятия принципа самоопределения наций как пункта своей партийной программы. Из всех социал-демократов Западной Европы они были в то время наиболее близки к большевикам в этом вопросе. Таким образом, изучение трибунистских источников показывает, что СДП вопреки заявлениям некоторых авторов с самого начала боролась за национальное освобождение Индонезии, фактически, а затем и формально признала принцип самоопределения для Индонезии и других колоний, вполне понимала исторически прогрессивную роль национально-освободительных буржуазно-демократических движений и организаций в колониях и т. п. При этом большое влияние на них оказала работа Ленина «Социализм и война».

Недооценка деятельности западноевропейских левых применительно к трибунистам выражалась и выражается до сих пор в обвинениях в «добровольной изоляции», «догматическом сектанстве», в «неумении» бороться за массы и т. п. При этом, как правило, за этими обвинениями скрывается полная неосведомленность о действительной деятельности трибунистов. Тщательное изучение источников с целью выяснения правды о деятельности трибунистов, об их борьбе за массы позволило в значительной мере опровергнуть эти обвинения. В статьях «Социал-демократическая рабочая партия Нидерландов» и «Социал-демократическая партия Нидерландов» в Советской исторической энциклопедии (т. 13), в историческом очерке «Нидерланды» и в статье «Социал-демократическая рабочая партия Нидерландов» в Большой советской энциклопедии (3-е изд., т. 17; т. 24, кн. I) и особенно в работе «Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах (1861—1918)»⁶¹ показано, что среди трибунистов действительно

⁶¹ Бауман Г. Г. Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах (1861—1918). Ростов-на-Дону, 1975.

имелись элементы, считавшие, что в «изоляции — сила», но большинство партии и ее руководства постоянно вели борьбу против сектантства и догматизма. Как подчеркнул Д. Вайнкоп, «Трибуна» была рождена из идеи пролетарских *массовых* действий, исходившей из опыта забастовочной борьбы в Нидерландах 1903 г. и революции 1905 г. в России⁶².

Значительных успехов в борьбе за массы СДП добились в годы первой мировой войны. На парламентских выборах 1918 г. она получила 31 тыс. голосов и 2 депутатских места. По сравнению с левыми в других странах Западной Европы трибунисты добились в то время наибольших успехов.

Неправильно было бы утверждать, что трибунисты не боролись за массы или не умели за них бороться. Но вместе с тем они допускали серьезную ошибку, односторонне видя в мелкой буржуазии и крестьянах только собственников и «сторонников империализма» и не ведя борьбы за влияние среди них. Да и в рабочем классе трибунисты успели завоевать влияние лишь среди части его передовых элементов. «Красная неделя» 11—17 ноября 1918 г., когда под воздействием Великого Октября и революционных событий в соседней Германии в Нидерландах развернулась борьба передовой части рабочего класса за свои требования, выявила слабости СДП и показала, что она еще не является революционной пролетарской партией нового типа, способной возглавить широкие массы в их борьбе. Переименование СДП в Коммунистическую партию Нидерландов было свидетельством того, что трибунисты стремились стать партией нового типа.

Данная статья представляет собой первую попытку в советской и зарубежной историографии написать, основываясь на марксистско-ленинской методологии, очерк историографии трибунистов. К настоящему времени как у нас, так и за рубежом достигнуты определенные успехи в изучении истории трибунистов, но предстоит еще большая работа. К сожалению, мы не можем сказать, что оценка трибунистов, данная Лениным, стала уже достоянием всех тех, кто пишет у нас о трибунистах. Показательна в этом отношении статья «Трибунисты» в третьем издании Большой советской энциклопедии (т. 26). Статья эта является, несомненно, шагом вперед по сравнению с аналогичными статьями во 2-м издании БСЭ и СИЭ: в нее включена ленинская оценка трибунистов, относящая их «к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии», и указано, что не «многие трибунисты», как утверждалось раньше, а лишь «некоторые лидеры трибунистов» перешли на позиции оппортунизма и порвали с коммунистическим движением. Но далее следует: «В то же время В. И. Ленин подвергал критике ошибочные взгляды трибунистов в вопросе о самоопределении наций, непоследовательность отдельных лидеров трибунистов в борьбе про-

⁶² *Wijnkoop D. J. De «S.D.P.»*, p. 7, 8.

тив оппортунистов, их пацифизм» (следуют ссылки на Полное собрание сочинений В. И. Ленина). Естественно возникает вопрос: как мог Ленин называть революционерами и интернационалистами людей, отдельные лидеры которых допускали столь серьезные ошибки? Обращение к высказываниям Ленина, на которые в статье даны ссылки, показывает, что в данном случае имело место их неправильное истолкование.

Что касается непоследовательности трибунистов в борьбе против оппортунизма и пацифизма, то Ленин действительно писал Д. Вайнкопу, что Г. Роланд-Голст в декларации Революционно-социалистического союза ни слова не говорила о разрыве с оппортунистами, выдвигала лозунг «мира» в духе Каутского, что в этой декларации не было «ни одного четкого, недвусмысленного слова о *революционных* средствах борьбы...»⁶³ За это Ленин называл Г. Роланд-Голст голландским Каутским или голландским Троцким. Но ведь Г. Роланд-Голст не была в то время трибунисткой, она возглавляла, как видно из письма Ленина, центристский Революционно-социалистический союз (против ошибочных установок которого энергично боролись также трибунисты). И не случайно Ленин в том же письме «с величайшей радостью» приветствовал позицию лидеров СДП, которые в отличие от Роланд-Голст выступали за вооружение народа и, следовательно, не были пацифистами. Ленин неоднократно отмечал также последовательность трибунистов в борьбе с оппортунистами и центристами.

Более обоснованной является в статье «Трибунисты» ссылка на письмо Ленина Г. Роланд-Голст от 8 марта 1916 г. Давая в этом письме оценку проекту совместной программы трибунистской СДП и Революционно-социалистического союза, предложенному Циммервальдскому объединению, Ленин писал Роланд-Голст в связи с содержащимся в нем требованием упразднения военной системы: «Мы ведь не пацифисты. Мы ведь не можем рассчитывать на победу сразу во всем мире (без гражданских войн? без войн?)»⁶⁴. В данном случае лидеры трибунистов действительно совершили большую ошибку, подписав документ с пацифистским требованием. Это тем более удивительно, что с 1909 г. программа-минимум СДП соединяла требование упразднения военной системы капитализма с требованием вооружения народа и от этого последнего требования СДП никогда не отказывалась. Съезд СДП в Утрехте (июнь 1915 г.) принял резолюцию «О вооружении народа», в которой разъяснялось, что под вооружением народа надо понимать вооружение рабочего класса для борьбы за социализм. Получив текст этой резолюции от Вайнкопа, Ленин писал ему: «Мне кажется — после того, как я прочел ваши резолюции, — что между нами безусловно существует принципиальная солидар-

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 104, 105.

⁶⁴ Там же, с. 191.

ность»⁶⁵. Ошибка, допущенная лидерами трибунистов в совместной программе, была быстро ликвидирована опубликованием в «Форботе» статьи Д. Вайнкопа «Вооружение народа»⁶⁶. В. И. Ленин в этой связи отметил в статье «О лозунге „разоружения“», что в «Форботе» была помещена «статья голландского марксиста Вайнкопа за старое требование вооружения народа»⁶⁷.

Изучение высказываний Ленина о трибунистах в их совокупности показывает, что обвинение отдельных лидеров трибунистов в пацифизме не имеет достаточных оснований. Наряду с выдвижением требования отделения Индонезии от Голландии разработка трибунистами вопроса о вооружении народа в эпоху империализма была одной из самых значительных их заслуг, отмеченной Лениным.

Пример статьи «Трибунисты» показывает, что в оценке трибунистов правильные оценки еще сочетаются с оценками предвзятыми, и при этом, как ни странно, мнения неправильные необоснованно «подкрепляются» ссылками на В. И. Ленина. Однако правда о трибунистах настойчиво пробивает себе дорогу, опираясь на высказывания В. И. Ленина и изучение все более широкого круга источников, особенно трибунистских. Тем самым заполняется серьезный пробел в истории становления международного коммунистического движения.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 100.

⁶⁶ Vorbote, 1916, N 2.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 151.

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1900—1914 гг. В ИТАЛИИ

Т. В. Аницкая

Период 1900—1914 гг. явился одним из переломных в истории Италии. В это время происходит перерастание итальянского капитализма в его высшую стадию — империализм; ускоренными темпами идет индустриализация, превращающая страну из аграрной в аграрно-индустриальную, к власти приходят новые группы промышленной буржуазии.

Именно в этот период в Италии начинает складываться в широких масштабах современный крупнопромышленный пролетариат, возникает массовое профсоюзное движение. Известный итальянский историк-коммунист Дж. Прокаччи справедливо назвал начало XX в. «решающим для формирования итальянского рабочего движения периодом»¹.

В политической области указанный период интересен тем, что пришедшая к власти группировка либеральной буржуазии во главе с Джованни Джолитти взяла новый курс в отношении рабочего движения, предоставив ему условия относительной свободы. Правящие классы были вынуждены перейти от реакции предшествовавшего десятилетия к либерализму прежде всего под влиянием борьбы рабочего класса, растущей силы рабочего движения. «Новый» курс Джолитти стал возможен также вследствие значительного улучшения экономической конъюнктуры в начале XX в., утверждения в рабочем и социалистическом движении реформистских концепций.

Итальянское рабочее и социалистическое движение в джолиттианский период развивалось противоречиво. Господство реформистов, длившееся на протяжении почти 12 лет, оспаривалось другими течениями (прежде всего анархо-синдикалистским). В условиях отсутствия в Италии рассматриваемого периода подлинно революционного, марксистского направления эти течения — до определенной степени и в своеобразно искривленном виде — выражали революционные настроения итальянских трудящихся масс.

Проблемы рабочего и социалистического движения в Италии в 1900—1914 гг. давно привлекают внимание итальянских исследователей. Начало их изучению было положено в первые десятилетия века произведениями лидеров социалистического движе-

¹ *Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970, p. 162.*

ния И. Бономи, Арт. Лабриолы и др. Однако по-настоящему глубокое, всестороннее изучение этих проблем началось лишь в период после второй мировой войны, когда с победой над фашизмом возникли новые условия для развития итальянской исторической науки в целом и социалистическое, рабочее движение впервые стало предметом специального исследования.

Фундаментальные, основанные на солидной источниковедческой базе исследования по проблемам рабочего движения в Италии в джолиттианский период стали появляться главным образом с конца 50-х — начала 60-х годов². Большая часть этих работ принадлежит перу историков-коммунистов и социалистов, для которых анализ проблем рабочего движения начала XX в. тесно связан с их позициями в современной политической борьбе, Деятели социалистической партии (ИСП) в последние годы особенно активно обращаются к историческому опыту социалистического рабочего движения с целью найти выход из тяжелого идейно-политического кризиса, в котором ИСП оказалась в конце 60-х — начале 70-х годов. Однако трактовка многими авторами-социалистами проблем рабочего движения в начале XX в. зачастую страдает односторонностью, что особенно ярко проявляется в их оценке реформизма. Комплексный, многогранный подход к изучению различных аспектов рабочего, социалистического движения в Италии в джолиттианский период отличает работы историков-марксистов. Многие из них появились в 70-х годах.

Предметом исследования в настоящей статье являются вышедшие в свет в 70-х годах работы итальянских историков, посвященные социалистическому рабочему движению в Италии в начале XX в.

Можно, на наш взгляд, выделить две основные линии, по которым итальянские ученые исследуют данную проблематику: идейно-политическое развитие рабочего движения и изучение социального состава, положения рабочего класса, структуры его организаций, особенностей профсоюзного движения. Эта вторая линия исследования стала складываться лишь в 60-х годах и окончательно оформилась к 70-м годам. Начало ей положили работы Дж. Прокаччи — его статьи, появившиеся в 1962 г. и вошедшие затем в монографию «Классовая борьба в Италии в начале XX в.»³ Прокаччи первым в итальянской историографии показал важность изучения структуры и положения рабочего класса для понимания развития рабочего движения в целом, для объяс-

² В этот период опубликованы важнейшие источники по истории итальянского рабочего движения начала XX в.: *Critica sociale*: In 3 vol./A cura di M. Spinella ecc. Milano, 1959; *Il PSI nei suoi congressi*: In 2 vol./A cura di F. Pedone, Milano, 1959—1961; *La Confederazione Generale del Lavoro negli atti, nei documenti, nei congressi 1906—1926* / A cura di L. Marchetti. Milano, 1962; *Le lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901—1926* / A cura di R. Zangheri. Milano, 1960.

³ *Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX*. Roma, 1970.

нения его политической и идейной эволюции, борьбы в нем различных течений. На базе широкого круга источников (многие из них он впервые ввел в научный оборот) — данных официальной статистики, материалах Центрального государственного архива, периодики тех лет — автор проанализировал состав итальянского рабочего класса в начале XX в., различные пути его формирования и выявил соответствовавшие этим путям типы рабочего, структуру пролетариата по отраслям промышленности, уровню квалификации, возрасту и полу.

Прокаччи выделяет два основных типа рабочего, преобладавших в составе итальянского промышленного пролетариата в первые годы XX в. Это — рабочий-крестьянин, отличавшийся низким уровнем образования, общей культуры и профессиональной подготовки, часто еще связанный с землей. Второй тип — рабочий ремесленного происхождения с определенным уровнем интеллектуального развития, воспитанный на традициях ремесленных корпораций. Он «был, как правило, демократом, часто — социалистом, у которого классовое сознание накладывалось на корпоративное»⁴. Именно из рабочих второго типа складывался, как отмечает Прокаччи, квалифицированный пролетариат, составлявший пока еще сравнительно небольшую часть итальянского рабочего класса. Основная же масса рабочего класса в начале XX в. — это неквалифицированные рабочие, занятые в таких традиционных отраслях промышленности, как текстильная, деревообрабатывающая, производство предметов одежды и т. д.⁵ Наконец, Прокаччи приводит статистические данные, свидетельствующие о том, что значительный процент всех занятых в промышленном производстве составляли в Италии начала XX в. женщины и дети⁶.

Анализ структуры рабочего класса имел у Прокаччи вполне определенную цель: показать, насколько сложно было в Италии того времени выработать единую платформу действий рабочего класса. Дополнительную трудность для разработки единой программы создавало, указывает автор, существование больших различий в положении отдельных отрядов пролетариата. На конкретном фактическом материале он доказывает, что по условиям жизни основная масса итальянского рабочего класса находилась на одном из самых низких в Европе уровней. В то же время отдельные категории пролетариата, такие, как типографы, металлисты и другие, были в более привилегированном положении.

Специфика структуры и положения итальянского рабочего класса сказывалась на особенностях профсоюзного движения, которые выявляет в своем исследовании Прокаччи. Он детально рассматривает две основные формы профсоюзной организации: отраслевые федерации и палаты труда. Наиболее успешно, делает вывод

⁴ Procacci G. Op. cit., p. 23.

⁵ Ibid., p. 10.

⁶ В среднем их было около 44% (Ibid., p. 11).

автор, федерации развивались в тех отраслях, где применялась квалифицированная рабочая сила (федерации типографов, металлистов, машиностроителей, строителей). Прокаччи подчеркивает, что в силу особенностей своего состава федерации, включавшие в основном квалифицированных рабочих, были склонны к корпоративизму и придерживались реформистских взглядов на цели и методы рабочего движения.

Специфической организационной формой итальянского рабочего движения начала XX в. были палаты труда. Называя их «профсоюзными организациями особого типа», автор подчеркивает, что они заняли важное место в истории рабочего движения в Италии в рассматриваемый период⁷. Детально, на базе многих источников (в том числе архивов палат труда) рассмотрев историю возникновения и деятельности палат труда, Прокаччи выделяет их характерные черты.

Во-первых, в отличие от федераций в функции палат труда входила, помимо защиты непосредственных экономических требований (касающихся заработной платы и рабочего дня), также и широкая деятельность по обеспечению занятости, отдыха и обучения трудящихся. Во-вторых, поскольку палаты строились по территориальному признаку и их членами были, помимо рабочих (как квалифицированных, так и неквалифицированных), также и крестьяне и представители средних городских слоев, то они представляли гораздо более широкие, по сравнению с федерациями интересы трудящихся и отстаивали зачастую их не только экономические, но и политические требования⁸. Не случайно именно палаты труда были в рассматриваемый период инициаторами почти всех массовых выступлений итальянских трудящихся с политическими требованиями⁹.

Прокаччи подчеркивает, что палаты труда отражали важную особенность итальянского рабочего движения — «переплетение социалистических и демократических задач, вдохновлявших и стимулировавших его развитие...»¹⁰. В условиях Италии начала XX в., когда не были еще завершены буржуазно-демократические преобразования, начатые в эпоху Рисорджименто, невозможно было, как справедливо отмечает Прокаччи, отделить задачи пролетарской борьбы от общедемократических. Отсутствие в стране радикальной буржуазной демократии, способной осуществить эти демократические задачи, привело к тому, что единственной силой, которая в Италии начала XX в. могла реально возглавить борьбу за демократические преобразования, было рабочее, социалистическое движение. Именно оно восприняло «значительную часть наследия рисорджиментальной демократии и даже более

⁷ Ibid., p. 63.

⁸ Ibid., p. 59—61.

⁹ Ibid., p. 59—63.

¹⁰ Ibid., p. 62.

ранней итальянской революционной традиции»¹¹, что помогло итальянскому рабочему движению преодолеть корпоративизм, в плену которого долгое время оставалось рабочее движение других стран¹².

Анализируя забастовочное движение в Италии в первые годы XX в., Прокаччи подчеркивает, что его широкий размах, преобладание стихийных забастовок над организованными (т. е. проходившими под руководством профсоюзов) свидетельствовали о значительном революционном потенциале итальянских трудящихся масс, о боевом духе итальянского рабочего движения¹³.

Хронологические рамки исследования Прокаччи: начало века — 1904 г. Структура и положение рабочего класса, забастовочная борьба, профсоюзное движение в последующие годы джолитианского периода исследуются в двух фундаментальных работах историков профсоюзного движения: А. Пепе «История ВКТ» в двух томах (с 1905 по 1915 г.) и И. Барбадоро «История итальянского профсоюзного движения (от зарождения до фашизма)»¹⁴. Анализ структуры и положения рабочего класса в работах этих авторов во многом повторяет исследование, проведенное Прокаччи, и совпадает с ним в основных выводах.

Наиболее ценной частью монографии Пепе является, на наш взгляд, рассмотрение им забастовочного движения в 1907—1915 гг. Исследовав его по различным показателям: длительности забастовок, выдвигаемым требованиям, достигнутым результатам борьбы, способам ее ведения, автор делает вывод, что в рассматриваемый период в забастовочной борьбе «утверждалось руководство профсоюзной организации, все более ограничивая возможности действия стихийных и неорганизованных движений, которые, однако, все еще характеризовали борьбу трудящихся в Италии, показывая, насколько профсоюзный контроль над массами был непрочен и далек от уровня лейбористов и немецких профсоюзов»¹⁵.

Одна из ведущих линий исследования Пепе — взаимоотношения руководства профсоюзов с массами трудящихся. Он показывает, каким образом реформистская политика лидеров ВКТ, стремившихся направить движение масс в русло буржуазной легальности, лишается поддержки масс и вступает в полосу кризиса в момент, когда классовая борьба в стране обостряется и на наступление предпринимателей рабочий класс отвечает мощным забастовочным движением¹⁶. Пепе, однако, свойственна определенная пе-

¹¹ *Procacci G.* Op. cit., p. 74.

¹² *Ibidem.*

¹³ *Ibid.*, p. 69—75.

¹⁴ *Barbadoro I.* Storia del sindacalismo italiano. Dalla nascita al fascismo: In 2 vol. Firenze, 1973; *Pepe A.* Storia della CGdL dalla fondazione alla guerra di Libia, 1905—1911. Bari, 1972, vol. 1.

¹⁵ *Pepe A.* Storia della CGdL dalla guerra di Libia all'intervento. Bari, 1971, vol. 2, p. 426.

¹⁶ Речь идет о периоде, начавшемся в ходе Ливийской войны, о забасто-

реоценка стихийного фактора в рабочем движении, что ведет его к непониманию роли партии как боевого авангарда трудящихся масс, призванного осуществлять идейно-политическое руководство этими массами. В его страдающем известным схематизмом изложении партия и массы противостоят друг другу. При этом одна из сторон (массы) воплощает революционную тенденцию в рабочем движении, а другая (партия) — реформистскую.

Наиболее оригинальной частью исследования И. Барбадоро является проведенный на солидной источниковедческой базе анализ требований, выдвигавшихся итальянскими профсоюзами (CIT и организацией сельскохозяйственных рабочих — Федертеррой) в первые два десятилетия XX в. Автор отмечает, что их требования выходили за рамки традиционных (повышение заработной платы и сокращение рабочего дня), касаясь вопросов «занятости, а также различных аспектов положения рабочего «вне» предприятия»¹⁷. «Эти более широкие задачи, — делает вывод автор, — вели к тому, что складывались экономические решения, противоположные решениям патроната, и затрагивался механизм развития и система отношений, приводивших его в действие», т. е. профсоюз противостоял тенденции его интегрирования в капиталистическую систему и становился «элементом объективного отрицания самой системы, а не только ее последствий», стремясь к завоеванию власти в сфере производства¹⁸. Обоснованию этого последнего тезиса и посвящена большая часть исследования Барбадоро, явно испытывающего на себе влияние синдикалистских концепций.

На его окончательный вывод, очевидно, оказали сильное воздействие события современной ему профсоюзной борьбы, заставившие автора, который подчеркивает актуальность своей работы, невольно преувеличить способность итальянского профсоюзного движения начала XX в. противостоять политике предпринимателей и «самой систем»¹⁹. Правда, Барбадоро все же оговаривает, что «теоретическая разработка» стратегии и тактики профсоюзной борьбы находилась тогда в Италии в «почти зачаточном состоянии». Конечную причину этого он справедливо видит в «условиях развития итальянского рабочего движения», определявших «запоздалым и недостаточным развитием капитализма», что обусловило его поздний «выход на европейскую сцену»²⁰.

Автор присоединяется к важному выводу Прокаччи о том, что тред-юнионистская модель профсоюзного движения, как и реформистская политика в рабочем движении в целом, не могла иметь успеха в такой стране, как Италия, где вследствие относительно

вочном движении 1912—1914 гг., кульминацией которого была «Красная неделя» (июнь 1914 г.).

¹⁷ *Barbadoro I. Op. cit.*, vol. 1, p. XVI.

¹⁸ *Ibid.*, p. 17.

¹⁹ *Ibid.*, p. XVII.

²⁰ *Ibidem.*

низкого уровня развития экономики отсутствовал многочисленный, однородный, высококвалифицированный пролетариат и существовала огромная резервная «армия труда»²¹.

Вместе с тем, правильно подчеркивая вслед за Прокаччи (а еще ранее об этом писал П. Тольятти) революционность итальянского рабочего класса, его боевой дух, сохранявшийся в нем, несмотря на длительное господство реформизма в руководстве рабочим движением, Барбадоро, так же как и Пепе, не пытается определить основные причины преобладания реформизма в итальянском рабочем движении начала XX в. Их выделяет в своей работе Прокаччи. По его мнению, эти причины крылись в «специфическом составе партии, которая оставалась в значительной степени партией мелкой буржуазии, в характере и масштабе руководителей, которые за исключением Тураги были слабы в идейном и политическом отношении, в самой структуре и противоречиях рабочего движения и его организации... в географическом распределении пролетариата, отражавшем глубокие диспропорции в экономической структуре страны»²².

Указанные причины, приводит к справедливому выводу Прокаччи, «сделали еще более сложным и без того трудный процесс взаимопроникновения между рабочим движением и социалистической партией и превращения профсоюзного сознания и общего мятежного духа в политическое сознание»²³.

Одним из наиболее интересных трудов итальянских историков-марксистов по истории рабочего движения начала XX в., продолжающим линию исследования, начатую Прокаччи, является монография М. Дельи Инноченти «Итальянский социализм и Ливийская война»²⁴, появившаяся в 1976 г.²⁵ Книга написана на обширном материале источников, хранящихся в Центральном государственном архиве и архиве Института Фельтринелли, — статистических данных, официальных документах ИСП и ВКТ, произведениях деятелей рабочего движения того периода. Автором практически учтены и все исследования по данной тематике, появившиеся ранее.

Выбрав для своего исследования переломные в истории Италии начала XX в. годы — Ливийскую войну 1911—1912 гг., когда особенно обострились все противоречия итальянского империализма и нарушилась «система политического равновесия», установившаяся в первом десятилетии века, автор сумел, как нам представляется, показать, что кризис реформистского течения в социалистическом движении явился составной частью и следствием общего кризиса джолиттианского либерализма. Этот либерализм был воз-

²¹ *Barbadoro J.* Op. cit., vol. 2, p. 126, 148.

²² *Procacci G.* Op. cit., p. 188.

²³ *Ibidem.*

²⁴ *Degli Innocenti M.* Il socialismo italiano e la guerra di Libia. Roma, 1976.

²⁵ Главы из этой книги были ранее опубликованы в журнале «Студи сторици» (1972, № 3).

можен (то же относится и к реформизму ИСП) лишь в период относительно «мирного» развития капитализма²⁶. Новый этап в развитии капитализма требовал «иных методов организации и политической борьбы» рабочего класса²⁷. Подробно анализируя позиции различных течений в ИСП и руководства профсоюзного движения по отношению к Ливийской войне, Дельи Инноченти констатирует, что реформистские лидеры социалистического движения оказались неспособны понять особенности итальянского империализма, специфику классовой борьбы на новом этапе и повести за собой рабочий класс.

Потребность в иных методах борьбы все более ощущалась самим итальянским пролетариатом. В результате к руководству ИСП в марте 1912 г. пришли «непримиримые революционеры». Дельи Инноченти связывает это обстоятельство с глубокими социальными сдвигами, которые происходили в самом облике рабочего класса в джолиттианский период. На основе детального изучения источников он показывает, как в сложных социально-экономических условиях Италии начала XX в. формировался современный тип рабочего²⁸, игравшего все более важную роль в пролетарском движении. В исключении из партии правых реформистов и победе «непримиримых» на съезде в Реджо-Эмилии автор справедливо видит попытку «пролетаризации» партии, приспособления ее к «более высокому уровню классовой борьбы в стране»²⁹. Рассмотрев социальную структуру и положение итальянского рабочего класса в джолиттианский период, автор монографии, опираясь на обширный статистический материал, доказывает, что положение большинства категорий рабочих, в том числе и высококвалифицированных, в годы Ливийской войны ухудшилось.

«Непримиримые», как выясняет Дельи Инноченти, течение весьма разнородное в теоретическом плане, не выходило за рамки лозунгов «антиджолиттизма», антиреформизма, протеста против войны и возвращения к идеалам, выдвигавшимся во времена создания партии. Так же как и реформисты, «непримиримые» не владели революционной марксистской теорией, не были способны творчески применить ее к условиям Италии начала XX в. Вследствие этого они не смогли, по справедливому утверждению автора, превратить партию в «инструмент руководства и мобилизации масс в противоположность партии реформистского типа» и «осуществить подлинную гегемонию» в рабочем движении³⁰.

Характеризуя положительное, что внесли «непримиримые» в развитие рабочего движения (попытка, пусть неудачная, реорганизовать партию, сделав ее более централизованной, антивоенная,

²⁶ *Degli Innocenti M.* Op. cit., p. 37.

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Ibid.*, p. 37.

²⁹ *Ibid.*, p. 290.

³⁰ *Ibid.*, p. 330.

антиреформистская пропаганда), а равно и слабые стороны этого течения, автор заключает, что оно явилось «одним из наиболее значительных выражений нетипичности и оригинальных черт итальянского рабочего движения»³¹.

В исследовании Дельи Инноченти соединились таким образом два направления исследования, указанные выше: изучение социальной структуры рабочего движения и анализ его идейно-политического развития. Впервые в итальянской историографии он рассмотрел почти не изученное до того течение «непримиримых революционеров».

В большинстве работ по вопросам идейно-политического развития социалистического движения в джолиттианский период исследуются два его течения: реформизм и анархо-синдикализм. Наиболее изучено реформистское течение. В рабочем движении Италии реформизм проявился главным образом в политике, выступив в форме «практического ревизионизма» — реформизма Ф. Турати. Реформистская концепция Турати подробно анализируется в вышедших в конце 50-х — 60-х годах трудах итальянских историков, в основном разделяющих эту концепцию: Л. Валиани, Г. Арфё, Р. Колапьетра, Дж. Маммарелла³².

В 1975 г. появилось второе издание книги известного итальянского историка Л. Валиани «Вопросы истории социализма», к которому автор написал новое обширное предисловие³³. В нем Валиани определяет себя как «либерального социалиста». В истории рабочего и социалистического движения (в центре внимания ученого — его идейно-политические аспекты) он ищет в основном подтверждение «правильности» реформистских, эволюционных концепций: с конца XIX в., полагает Валиани, существовали-де условия для «последовательного применения первоначального революционного марксизма, разработанного накануне 1848 г. и гальванизированного Парижской Коммуной в 1871 г. ...»³⁴

Верное истолкование марксизма применительно к исторической обстановке конца XIX — начала XX в. дали, по мнению Валиани, социал-демократические вожди II Интернационала Ж. Жорес, В. Адлер и др. В Италии это направление представлял

³¹ *Degli Innocenti M.* Op. cit., p. 330.

³² *Valiani L.* Questioni di storia del socialismo. Torino, 1958; *Valiani L.* Il Partito Socialista Italiano dal 1900 al 1918.— Il movimento operaio e socialista. Bilancio storiografico e problemi storici. Milano, 1965; *Arfè G.* Storia del socialismo italiano (1892—1926). Torino, 1965; *Colapietra R.* Leonida Bissolati. Milano, 1958; *Mammarella G.* Riformisti e rivoluzionari nel Partito socialista italiano. 1900—1912. Firenze, 1968.

³³ *Valiani L.* Questioni di storia del socialismo. Torino, 1975. В новом издании книги содержится также доклад Валиани «Итальянская историография периода 1870—1915 гг.», сделанный им на I Национальном конгрессе исторических наук в 1967 г., с добавлением анализа новейших работ по истории этого периода.

³⁴ *Valiani L.* Questioni di storia..., p. 93.

реформистский эволюционизм Турати. Его позитивистские, эволюционистские философские взгляды не могли не оказать, как справедливо отмечает Валиани, влияния и на понимание им марксизма, «сделав его менее революционным, чем он был или же казался в идеологических и программных заявлениях «ортодоксов» других стран»³⁵. Турати «никогда не являлся революционным марксистом в изначальном смысле этого термина»³⁶. Свойственное Турати истолкование марксизма в духе позитивистского эволюционизма и плоского экономического детерминизма Валиани представляет как единственно верное, сохранившее, дескать, свое значение и по сей день.

Отмечая, что итальянское социалистическое и рабочее движение в начале XX в., когда у руководства им стояли реформисты, достигло определенных успехов, Валиани, однако, явно изменяет принципу историзма, упрекая Турати в непоследовательном осуществлении им «либерального марксизма» на практике (это выразилось, в частности, в его отказе войти в правительства Джолитти). Таким образом Валиани, подобно основателю либерального направления в итальянской историографии Б. Кроче, сводит причины кризиса реформизма (в рабочем движении) и либерализма (в политике правящих классов) к недостаточно последовательному проведению ими «либерального метода». В результате этого, полагает он, в итальянском обществе во втором десятилетии XX в. возобладали реакционные тенденции³⁷.

Различным аспектам деятельности лидеров реформистского течения в ИСП посвящены статьи авторов-социалистов в сборнике по истории итальянского рабочего и социалистического движения, вышедшем в 1974 г.³⁸

Статья Б. Виджецци «Джолитти, социалистическая партия, Ливийская война в письмах Ф. Турати и А. Кулишовой (1912 г.)»³⁹ строится на материале до него не опубликованной полностью переписки руководителей социалистической партии⁴⁰ за период с начала Ливийской войны до съезда партии в Реджо-Эмилии. Автор показывает, что к 1912 г. реформистское течение, преобладавшее в итальянском рабочем движении в первом десятилетии XX в., оказалось в кризисном состоянии. Виджецци, однако, не сумел вскрыть причины этого кризиса, ибо он явно склонен к переоценке роли реформистов: по его словам, они стре-

³⁵ Ibid., p. 95.

³⁶ Ibid.

³⁷ Croce B. La storia d'Italia dal 1870 al 1915. Firenze, 1968, p. 239.

³⁸ Socialismo e socialisti dal Risorgimento al fascismo. Bari, 1974.

³⁹ Ранее им была также опубликована статья. См.: Vigezzi B. Giolitti, il giolittismo, il Partito Socialista e il suffraggio universale nelle lettere di F. Turati e A. Kuliscioff, 1910—1911.— In: Annali Feltrinelli. Milano, 1973.

⁴⁰ До настоящего времени вышли в свет три тома писем Турати и Кулишовой, охватывающие 1898—1899 и 1919—1925 гг.

мились «создать конструктивную связь между партией, профсоюзами, парламентской группой», боролись за идейное единство партии, старались в своей деятельности учитывать особенности политической ситуации Италии того времени⁴¹.

Известный историк-социалист Г. Арфе в статье «Социалисты и войны в Африке» в этом же сборнике рассматривает отношение Турати к войне в Эфиопии в 1895—1896 гг., а затем в Ливии в 1911—1912 гг., подчеркивая, что это отношение логически вытекало из его «градуалистского»⁴² варианта «социалистической перспективы» и представляло собой «органический компонент идейно-политической платформы итальянского реформистского социализма»⁴³. Негативное отношение Турати к войне, показывает Арфе, основывалось вовсе не на социалистических, а главным образом на общих принципах, унаследованных от ризорджиментальной демократии: «мира, братства, уважения самостоятельности рас». В этом Арфе, однако, видит не непоследовательность и ограниченность, а, напротив, «органичность» концепции социализма Турати.

Деятельности Турати и Кулишовой посвящено также новое исследование известного либерального историка Н. Валери⁴⁴. Монография строится на базе их переписки (в том числе и неизданной), работ Турати, его парламентских речей, других документов социалистической партии. Автор прослеживает идейно-политические позиции Турати и Кулишовой на протяжении всего периода их участия в социалистическом движении, выявляет и разногласия, возникавшие у них по отдельным вопросам (например, по вопросу о вступлении Италии в мировую войну в 1915 г.: Кулишова решительно занимала позиции «интервентизма», а Турати был противником вступления). Общая оценка Валери деятельности лидеров реформистского течения практически совпадает с оценкой, которая дается в исследованиях историков социал-реформистского толка. Он подчеркивает, что Турати исходил из того, что «либеральное государство» не только (и не столько) враг, с которым надо бороться, но «главным образом несовершенный в социальном плане организм, который необходимо преобразовать изнутри»⁴⁵.

Важным вкладом в изучение итальянского реформизма начала XX в. явилась работа К. Картильи «Ринальдо Ригола и реформистский синдикализм в Италии», вышедшая в 1976 г. Она посвящена деятельности руководителя реформистского профсоюзного движения Р. Риголы, возглавлявшего с 1906 (момента создания) по 1918 г. Всеобщую конфедерацию труда. В книге де-

⁴¹ *Socialismo e socialisti...*, p. 200.

⁴² От ит. *graduale* — постепенный.

⁴³ *Ibid.*, p. 293.

⁴⁴ *Valeri N. Turati e la Kuliscioff*. Torino, 1974.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 50.

тально прослеживается идейное формирование его взглядов, показывается влияние, которое оказал на него опыт рабочего и демократического движения в Италии, а также в других, более развитых капиталистических странах (Франции, Англии) в конце XIX в.

Реформистская концепция роли профсоюзов сложилась у Риголы к первым годам XX столетия. В ней Картилья справедливо видит естественное и логическое дополнение возобладавшей в ИСП на рубеже веков эволюционистской теории перехода к социализму, в которой наряду с завоеванием парламентским путем политической демократии решающее значение придавалось реформаторским преобразованиям в «мире труда», проводимым через посредство профсоюзов. В свете этой теории Ригола отводил профсоюзной организации роль не «радикального антагониста», а «договаривающейся стороны», осуществляющей сотрудничество «с наиболее передовой частью предпринимательской буржуазии»⁴⁶.

Картилья отмечает, что в теоретическом отношении взгляды Риголы не были оригинальны, что он в отличие от Турати не внес заметного вклада в международную дискуссию по поводу ревизионистских тезисов Бернштейна, влияние идей которого он несомненно испытал. Картилья вообще склонен, на наш взгляд, к некоторой переоценке теоретического значения идей Турати. Сравнивая реформистские концепции Риголы и Турати, он приходит к выводу, что понимание пути к социализму, свойственное Турати, хотя и было во многом далеким от марксизма, представляло собой более органичную концепцию, ибо содержало конструктивные предложения по преобразованию всего итальянского общества⁴⁷.

Критикуя руководство ИСП во главе с Турати за то, что оно привело партию к кризису, Ригола выдвинул в 1910 г. предложение создать на базе ИСП и ВКТ «Партию труда», нечто вроде английской лейбористской партии. При этом он исходил из убеждения в первостепенной роли экономической борьбы рабочего класса (на практике сводившейся к отстаиванию непосредственных экономических требований пролетариата). Однако, пишет Картилья, «тред-юнионистская программа, которую они (Ригола и его сторонники.— Т. А.) предлагали, по существу совпадала с той программой и с той политической линией, которые они критиковали. В статьях секретаря конфедерации... отсутствует какая-либо попытка обновления, какое-либо стремление расширить сферу влияния профсоюзной организации на крестьян и рабочих Юга. какое-либо желание связать в единой классовой платформе борьбу всего пролетариата. Напротив, в них явно присутствуют

⁴⁶ *Cartiglia C. Rinaldo Rigola e il sindacalismo riformista in Italia. Milano, 1976, p. 30.*

⁴⁷ *Ibid., p. 46—47.*

все те положения, которые были свойственны наиболее умеренному крылу итальянского социализма»⁴⁸.

Позиция Риголы, проповедовавшего отказ от всякой «навязанной рабочему классу извне идеологии» и сведение борьбы пролетариата к «конструктивному диалогу» с предпринимателями, неприятие революционных методов борьбы, означала, как справедливо замечает Картилья, «констатацию поражения рабочего класса, вынужденного оставаться в подчиненном положении»⁴⁹.

В перечисленных выше работах освещаются различные аспекты итальянского реформизма начала XX в. Большинство авторов ограничивается исследованием лишь этих отдельных аспектов, не пытаясь вписать реформизм в общую картину идейно-политического развития рабочего движения на определенном этапе эволюции итальянского капитализма. Иная постановка вопроса свойственна работам историков-марксистов, в частности исследованию Э. Сантарелли «Ревизия марксизма в Италии», впервые появившемуся в 1964 г. и вновь переизданному в 1977 г.⁵⁰ Эта монография по сей день является одним из наиболее ценных исследований по истории социалистических идей в Италии в первые десятилетия XX в.

Сантарелли указывает на объективную связь ревизионизма с новой фазой капитализма, начавшейся в конце XIX в., — империализмом. Суть империализма не была понята лидерами западноевропейской социал-демократии, в том числе и итальянскими социалистами, увидевшими сначала лишь явления, которые лежали на поверхности: улучшение экономической конъюнктуры, определенное расширение демократических свобод и т. д. В результате в рабочем движении возобладали иллюзии относительно «постепенного непрерывного прогресса» общества⁵¹. Эти «недостатки» социалистического движения в идейном плане, отмечает Сантарелли, не могут быть объяснены лишь ошибками вождей и идеологов. Они были исторически обусловлены и отражали «отличительные черты и недостатки рабочего класса, в значительной степени еще не ставшего самостоятельным и находившегося, следовательно, под влиянием идеологов мелкой буржуазии»⁵². Характеризуя реформизм в итальянском рабочем движении как часть общего процесса ревизии марксизма, проходившего в западноевропейском рабочем движении, Сантарелли рассматривает особенности его проявления в Италии. Прежде всего он констатирует, что в Италии не было единой теории ревизионизма⁵³. Ревизионистские теоретические построения и аргументы в основном разрабатывались деятелями, стоявшими вне рабочего дви-

⁴⁸ *Cartiglia C.* Op. cit., p. 82.

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ *Santarelli E.* La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964.

⁵¹ *Ibid.*, p. 41.

⁵² *Ibid.*, p. 41.

⁵³ *Ibid.*, p. 48.

жения (речь идет в первую очередь о Б. Кроче — «духовном вожде» итальянского ревизионизма). «Типично итальянскую форму ревизионизма» он видит в реформизме Турати с его «тактическим POSSИБИЛИЗМОМ, определяющим легкое манипулирование принципами, советуящим избегать противоречий и идеологических дискуссий и толкающим к компромиссам между течениями»⁵⁴.

В своих весьма эклектичных философских воззрениях итальянские реформисты в отличие от других западноевропейских ревизионистов оставались на позициях эволюционистского позитивизма, пытаясь в то же время примирить его с вульгарно понимаемым историческим материализмом. «Исторический материализм, сведенный к экономическому детерминизму, концепция прогресса, лишенная всякого диалектического и этического оттенка и почти сведенная к одной из форм натуралистического механицизма, — вот корни исторических пороков, которые социал-демократия обнаружит впоследствии перед лицом войны и фашизма», — подчеркивает Сантарелли⁵⁵.

В исследованиях историков-марксистов Э. Сантарелли, Г. Манакорды и других дается глубокий анализ причин кризиса реформистского течения накануне первой мировой войны. В отличие от историков социал-реформистов они связывают этот анализ с исследованием социально-экономических и политических процессов в итальянском обществе и рабочем движении начала XX в. По замечанию Манакорды, «кризис джолиттианства и кризис реформизма Турати составляли единое целое и имели общее происхождение в изменениях экономической структуры, в первых шагах монополистического капитализма, в обострении классовой борьбы и, наконец, в возрождении реакционных течений, которые объединились в национализме, а с другой стороны, в революционном возрождении внутри социализма»⁵⁶.

Дельи Инноченти в своем исследовании показывает, что развитие итальянского общества в первые полтора десятилетия XX в. привело к сужению массовой базы реформистского течения в рабочем движении, которую составляли в основном определенные слои мелкой буржуазии, пролетариат ремесленного типа, часть сельского пролетариата и крестьянства. Значительный рост крупнопромышленного пролетариата, возникновение нового типа рабочего, четко осознающего свои классовые интересы, нашли отражение в усилении революционной тенденции в рабочем движении⁵⁷.

Наименее изученная в историографии рабочего движения в Италии начала XX в. тема — «революционный синдикализм». В последние годы вышло, однако, несколько интересных работ,

⁵⁴ Ibid., p. 57.

⁵⁵ Ibid., p. 41.

⁵⁶ Manacorda G. *Il socialismo nella storia d'Italia*. Bari, 1966, p. 300.

⁵⁷ *Degli Innocenti M.* Op. cit., p. 500—513.

посвященных итальянскому анархо-синдикализму. Среди них — монография Д. Марукко «Артуро Лабриола и революционный синдикализм в Италии»⁵⁸; статья А. Риозы «Некоторые вопросы идеологии революционного синдикализма в Италии...»⁵⁹; материалы конференции, организованной Центром исторических исследований в Пьомбино в 1974 г.⁶⁰

Один из центральных вопросов, занимающих историков «революционного синдикализма», — это вопрос о социальной базе течения, о ее соотношении с организационной структурой движения, с «теоретической деятельностью руководящих групп»⁶¹. Все современные марксистские исследователи вслед за А. Грамши отмечают, что «революционный синдикализм» выражал протест трудящихся масс против реформистской политики руководителей рабочего движения. Они подчеркивают, что он возник в Италии не только под влиянием французского опыта, но был вызван к жизни самим развитием итальянского рабочего и социалистического движения конца XIX — начала XX в.

Для ответа на вопрос о массовой базе итальянского анархо-синдикализма необходимо, указывают исследователи-марксисты, проследить «связь путей развития итальянской экономики в первые 15 лет нового века с генезисом и ростом революционного синдикализма»⁶². Наличие самых разных направлений, в том числе и революционно-синдикалистского, в политическом и профсоюзном движении итальянского пролетариата было, по их мнению, следствием глубоких противоречий в экономическом развитии страны, его неустойчивых, лихорадочных темпов.

Результаты последних исследований показывают недостаточность распространенного до недавнего времени тезиса о том, что социальной базой анархо-синдикализма были лишь деклассированные элементы (люмпен-пролетариат, часть крестьянства и мелкобуржуазной интеллигенции), «не затронутые промышленной цивилизацией». Примером такой ограниченной трактовки может служить позиция Арфе, полагающего, что «революционный синдикализм» вообще не имел «массовой социальной базы» в стране, был полностью оторван от «реального движения»⁶³ и выражал лишь «крайний протест наиболее беспокойных слоев мелкобуржуазной интеллигенции», пытавшихся «использовать рабочее движение для завоевания в обществе положения превосходства, утерянного ими в диалектике современной классовой борьбы»⁶⁴.

⁵⁸ *Marucco D.* Arturo Labriola e il sindacalismo rivoluzionario in Italia. Torino, 1970.

⁵⁹ *Riosa A.* Alcuni elementi dell'ideologia sindacalista rivoluzionaria in Italia all'indomani dello sciopero generale del 1904.— In: *Socialismo e socialisti...*

⁶⁰ *Favilli P.* Il sindacalismo rivoluzionario.— *Studi storici*, 1974, N 3.

⁶¹ *Ibid.*, p. 715.

⁶² *Ibid.*, p. 716.

⁶³ *Arfe G.* *Op. cit.*, p. 106.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 120.

Большинство современных итальянских историков в ходе исследований пришли к выводу (нуждающемуся, однако, в дальнейшем обосновании и подтверждении) о том, что, помимо мелкой буржуазии и люмпен-пролетариев, социальную базу анархо-синдикалистского течения составляли определенные слои рабочего класса. Это подтверждается «массовым характером забастовок под руководством синдикалистов, той ролью, какую они играли в профсоюзной организации, завоевав палаты труда (тогда как отраслевые профсоюзные организации оставались преимущественно реформистскими), той легкостью, с какой Лабриоле удалось подчинить себе Миланскую палату труда и завоевать большинство на областном съезде Ломбардии»⁶⁵.

Дж. Прокаччи в своем выступлении на конференции в Пьембино высказал две гипотезы относительно того, какие слои рабочего класса поддерживали «революционных синдикалистов». Во-первых, они пользовались значительным влиянием в городах, где недавно начался процесс индустриализации и, следовательно, сформировался «молодой и относительно однородный рабочий класс». Во-вторых, согласно Прокаччи, влияние анархо-синдикализма было существенным в секторах экономики, связанных с «инициативой государства»⁶⁶, поскольку именно занятые в них рабочие наиболее остро осознавали экономическую роль государства и были склонны, таким образом, к принятию форм борьбы старого анархизма⁶⁷.

Неоднородность и неустойчивость социальной базы «революционного синдикализма» нашли отражение в противоречивости и сложности его идейного развития. Историки, занимающиеся его идеологией, единодушно отмечают, что из всех течений в итальянском рабочем движении начала XX в. только «революционный синдикализм» имел «определенное идейное лицо»⁶⁸ и был «единственным ревизионистским течением, вызвавшим живые и продолжительные дискуссии в Италии»⁶⁹. По словам известного историка-марксиста Дж. Канделоро, в нем соединились старые мотивы анархизма и операизма⁷⁰ с идеями теоретика французского анархо-синдикализма Ж. Сореля, своеобразно воспринятыми в Италии⁷¹. Возникнув в отличие от анархизма в период, когда

⁶⁵ *De Felice F.* L'età giolittiana.— Studi storici, 1969, N 1, p. 189.

⁶⁶ Так, анархо-синдикалисты преобладали в профсоюзе железнодорожников, ставших в 1905 г. государственными служащими.

⁶⁷ На наш взгляд, эта гипотеза может быть принята лишь отчасти, так как именно рабочие, занятые в государственном секторе, в целом получили наиболее значительные выгоды от либерального курса.

⁶⁸ *Manacorda G.* Op. cit., p. 333.

⁶⁹ *Valiani L.* Il partito Socialista..., p. 232.

⁷⁰ Операизм (от итал. *operaio* — рабочий) — идеология Итальянской рабочей партии, созданной в Ломбардии в 1882 г., допускавшей в свои ряды лишь работников физического труда и ставившей перед собой задачи экономической борьбы.

⁷¹ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1974, vol. 7, p. 176.

уже невозможно было не считаться с преобладающей ролью марксизма в рабочем движении, анархо-синдикализм выступил в теоретическом плане как течение, претендовавшее на «возвращение к духу подлинного марксизма». Однако эклектически обрав в себя разнородные компоненты (анархизм, операизм, элементы марксистской теории), «революционный синдикализм» пришел в конце концов, как справедливо замечает Сантарелли ⁷², к «отрицанию марксистского метода и марксистской теории» ⁷³.

Неоднородность анархо-синдикалистского течения проявилась и в существенных различиях во взглядах его главных идеологов Артуро Лабриолы и Энрико Леоне, впервые подробно выявленных в новой работе Риозы, упомянутой выше. Неоднородность течения, отчетливо сказавшаяся уже в период его наивысшего подъема (1904—1908 гг.), наряду с другими причинами способствовала, по мнению Риозы, быстрому кризису анархо-синдикализма ⁷⁴.

Основные причины кризиса итальянского «революционного синдикализма» выявляет в своей монографии Д. Марукко. Она верно отмечает, что его теория представляла собой не «самостоятельную концепцию» в сфере профсоюзной борьбы, а «лишь реакцию на господствовавшее направление социализма» (т. е. реформизм) ⁷⁵. Отрицая руководящую роль политической партии и провозглашая необходимость ее слияния с профсоюзной организацией, «революционные синдикалисты» не смогли выдвинуть никаких отвечающих историческим условиям того периода конкретных политических перспектив борьбы ⁷⁶. Обратив свою деятельность к пролетарским массам в профсоюзах, они не сумели преуспеть в ней вследствие того, что им не хватало «точного и непосредственного знания пролетарской среды» ⁷⁷. Один из главных недостатков «революционного синдикализма» Марукко справедливо видит в непонимании его деятелями «способности к участию в борьбе крестьянского мира» ⁷⁸. Выдвинув «южный вопрос» как важнейшую национальную проблему, они не увидели в крестьянстве Юга главного союзника пролетариата в борьбе за социалистическую революцию.

Все указанные недостатки «революционного синдикализма» в сочетании с эклектизмом идейных воззрений его деятелей привели к краху течения, погерьавшего к концу джолиттианского периода большую часть своего влияния. Обострение противоречий

⁷² Сантарелли принадлежит первое в итальянской историографии исследование «революционного синдикализма»; *Santarelli E. Sorele il sorelismo.*— *Rivista storica del socialismo*, 1960, N 10.

⁷³ *Santarelli E. La revisione...*, p. 291.

⁷⁴ *Socialismo e socialisti...*, p. 77.

⁷⁵ *Marucco D. Op. cit.*, p. 182.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 130, 183, 185.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 183.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 156.

итальянского капитализма, усиление реакционной империалистической буржуазии, отразившееся в политической области в возникновении различного рода националистических идей, повлияло и на эволюцию анархо-синдикализма. Многие его деятели от проповеди революционного насилия перешли к признанию всякого насилия, и прежде всего такого, которое совершается в «интересах нации».

*

Мы постарались показать в данной статье, какие основные проблемы освещаются в современной итальянской историографии рабочего движения в Италии в начале XX в., проследить главные линии исследования, степень изученности указанных проблем, методологические позиции историков, ими занимающихся. В заключение следует, как нам представляется, отметить, что в 70-х годах итальянской историографией был сделан значительный шаг вперед в изучении рабочего, социалистического движения джолиттианского периода. Наибольший вклад в него внесли историки-марксисты, чья методология оказывает влияние и на представителей других, немарксистских направлений.

Ф. ЛАССАЛЬ И ЛАССАЛЬЯНСТВО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. Д. Мартынов

За годы развития советской исторической науки в нашей стране издано значительное количество работ, в которых критически анализируется политическая деятельность немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассалья (1825—1864), связь лассалевской программы и тактики со всей системой его общественно-политических и философских взглядов, сущность и роль лассальянства в немецком рабочем движении. Накопившийся историографический материал не был еще предметом специального изучения. В советской литературе встречаются лишь отдельные историографические экскурсы в тему¹, за исключением монографии В. А. Дунаевского, в которой содержится краткий анализ работ о Лассале, появившихся в 20—30-х годах².

Настоящая статья представляет собой попытку восполнить в определенной степени имеющийся пробел. Это тем более необходимо, что в ФРГ после интенсивной пропагандистской кампании, связанной с празднованием столетнего юбилея Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС), продолжают публиковаться сочинения Лассалья и работы о нем.

«Ф. Лассаль и лассальянство» — это один из аспектов большой и важной проблемы, проблемы возникновения германской социал-демократической партии, ее организационных и идеологических основ, ее стратегии и тактики в борьбе против капиталистического строя. Теоретико-методологической основой развития советской историографии немецкой социал-демократии являются труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в которых вскрыты экономические, социальные, идейные, гносеологические корни лассальянства, характер и место ВГРС в немецком рабочем движении.

Классики марксизма-ленинизма рассматривали лассальянство как закономерную ступень в развитии рабочего класса Германии, как «детство пролетарского движения», когда широкие массы рабочих впервые начинали прокладывать самостоятельный исторический путь. Вместе с тем они видели историческую заслугу

¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968, с. 263.

² Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запа-ла. 1917—1941. М., 1974, с. 162—164.

Лассалья в том, что он «вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки»³, или, как отмечал В. И. Ленин, «*совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось»⁴.

Ленин самым тщательным образом изучал опыт германской социал-демократии с тем, чтобы творчески применить его к конкретным условиям классовой борьбы в России. Ленинская оценка исторической роли Лассалья и сущности лассальянства была дана в то время, когда лозунг «Назад к Лассалю» был активно подхвачен в России «легальными марксистами», эсерами, меньшевиками, кадетами, а в Германии — буржуазными учеными типа Г. Онкена и ревизионистом Э. Бернштейном и др. Ленин видел духовное родство лассальянства и ревизионизма, но не отождествлял эти два течения в германской социал-демократии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции перед советскими историками встала неотложная задача — овладеть марксистско-ленинским теоретическим наследием, методом исторического материализма, защитить марксистские основы стратегии и тактики пролетарской партии. Это было тем более необходимо, что внутри страны и за рубежом буржуазные и ревизионистские идеологи использовали ошибочные лассальянские принципы и идеи в борьбе с марксизмом и пролетарской революцией. Вскоре после Октябрьской революции была опубликована книга Н. А. Бобровникова, в которой под флагом критики взглядов и политики Лассалья автор предпринял попытку доказать несостоятельность марксистской теории классовой борьбы, научного социализма⁵. Одновременно в странах Западной Европы, особенно Германии и Австрии, была развернута широкая пропаганда программных и тактических установок лассальянства, которое выдавалось за истинную идеологию немецкого рабочего движения. Своего кульминационного пункта эта кампания достигла в годы, когда отмечалось 60-летие со дня смерти Лассалья (1924) и столетие со дня его рождения (1925). Культ Лассалья насаждался в работах Э. Бернштейна, К. Каутского, К. Гениша, П. Кампфмейера, К. Реннера, С. Барона и др.

В этих условиях подлинная оценка классовой сущности лассальянства, его места и роли в немецком рабочем движении, его принципиального отличия от марксизма приобретала особо важное научно-политическое значение. Решение данной проблемы затруднялось, однако, тем, что советская историческая наука находилась в процессе становления. Поэтому не удивительно, что первые работы о Лассале носили популярный характер, в них ска-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 474.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 40.

⁵ Бобровников Н. А. Ф. Лассаль как научный авторитет по политико-экономическим вопросам. Казань, 1918.

зывалось заметное влияние взглядов на Лассалья и лассальянство Ф. Меринга ⁶.

Серьезные попытки критически оценить общественно-политические и философские взгляды и политику Ф. Лассалья, организационные принципы построения и характер ВГРС были предприняты в работах А. Бернштейна, Д. Заславского, А. Мартынова, П. Виноградской ⁷ и др. Ценной стороной этих работ явилось то, что в них использовались труды основоположников марксизма, письма Маркса, Энгельса к Лассалю и другим лицам, «Литературное наследство» Ф. Лассалья, изданное Г. Майером, мемуары А. Бебеля. Этому способствовали и документальные публикации, осуществленные в 20-х годах в нашей стране ⁸.

Работы советских ученых в 20-х годах отличались от буржуазной и социал-реформистской историографии своей теоретико-методологической направленностью. В них значительное внимание уделялось анализу социально-экономической истории Германии 50—60-х годов XIX в., характеристике своеобразия экономического развития страны, положению рабочего класса. Советские историки рассматривали деятельность Лассалья в тесной связи с борьбой главных политических сил того времени: дворянско-монархическими кругами, либеральной буржуазией и мелкобуржуазной демократией, поднимающимся пролетариатом. В этой борьбе, как показали А. С. Бернштейн, Д. И. Заславский, А. Мартынов, Лассаль не сумел выработать последовательно пролетарской программы и тактики, идеологии рабочей партии. А. С. Бернштейн подверг аргументированной критике программные требования Лассалья (создание производственных ассоциаций с государственной помощью, всеобщее избирательное право, осудил его национализм) ⁹. Тактические заигрывания Лассалья с Бисмарком

⁶ *Майский И.* Отец германской социал-демократии. М., 1917; *Он же.* Фердинанд Лассаль. М., 1923; *Сабуров А.* Фердинанд Лассаль: (Биография). М., 1923; Памяти Лассалья. 1825—1925. Киев, 1925.

⁷ *Бернштейн А.* Основные взгляды Фердинанда Лассалья: (К 60-летию со дня смерти).— Под знаменем марксизма, 1924, № 10/11; *Заславский Д.* Лассаль, 1925; *Мартынов А. Ф.* Лассаль и Германская социал-демократия. М., 1925; *Виноградская П.* Взаимоотношения Маркса и Лассалья (по их переписке).— Вестник Коммунистической академии, 1925, № 11; *Она же.* Фердинанд Лассаль. М.; Л., 1926.

⁸ См.: *Лассаль.* Избр. соч., М., 1920; Из писем Маркса и Энгельса Лассалю.— Под знаменем марксизма, 1922, № 3; Лассаль и Родбертус в избранных отрывках / Сост. Розов В. и Семенов В. Под общ. ред. проф. И. Д. Удальцова. М.; Л., 1925, Вып. VI; *Лассаль Ф.* Философско-историческое обоснование коммунизма, 6 сентября 1844 г.— В кн.: *Деборин А.* Книга для чтения по истории философии. М., 1925, т. II; *Лассаль Ф.* Соч. М., 1925. Т. I—III; Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850): Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом. М.; Л., 1926; Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль: Переписка Лассалья с Бисмарком.— Летописи марксизма. М.; Л., 1928. Т. VI; Переписка между Лассалем и Марксом: В 2-х ч. Изд. Г. Майер. Берлин, 1928. Ч. I. 1849—1859.

⁹ *Бернштейн А.* Указ. соч., с. 186—188.

А. С. Бернштейн расценил как политическую авантюру. Автор обратил внимание читателя на идеализм Лассалья во взгляде на государство. Он отмечал, что Лассаль был далек от понимания Марксовой теории стоимости и сущности заработной платы, и в этой связи указывал на вред лассалевского «железного закона заработной платы». Все это позволило А. С. Бернштейну высказать мысль, что Лассаль заложил «первый камень в здание будущего германского оппортунизма»¹⁰.

Д. И. Заславский подчеркнул крупные теоретические ошибки Лассалья в вопросе об исторической роли пролетариата, о путях преобразования буржуазного общества. Лассаль был далек от понимания сущности Марксовой теории революции как формы перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Революция для него — борьба правовых идей, юридико-философское понятие. Особенную ценность имели сделанные в работе выводы о том, что ошибки Лассалья были обусловлены его общим мелкобуржуазным мировоззрением; Лассаль не понимал исторического значения теоретической деятельности Маркса и Энгельса¹¹.

Работы П. Виноградской — безусловно наиболее значительные среди опубликованных в Советском Союзе в связи со 100-летним юбилеем со дня рождения Ф. Лассалья. В статье «Взаимоотношения Маркса и Лассалья» П. Виноградская со всей определенностью подчеркнула принципиальное отличие марксизма от лассальянства: «Между мировоззрением Лассалья и взглядами Маркса существовали коренные противоречия, лишь смягченные лассалевским эклектизмом»¹². В 1926 г. вышла ее книга о Лассале. В предисловии П. Виноградская показала социальную направленность публикаций буржуазных и социал-реформистских ученых (О. Барона, Б. Гармса, К. Траутвейна, Г. Онкена, К. Гениша, Э. Бернштейна, М. Адлера, К. Каутского, К. Реннера). Она критически подошла к оценке Лассалья, данной Ф. Мерингом. Свою главную задачу автор видел в том, чтобы дать объективную оценку Лассалья как мыслителя и человека¹³. Она писала, что заслуга Лассалья состоит «в организации самостоятельной рабочей партии. Но эту партию он повел по пагубному пути поддержки прусского юнкерства и прусского национализма»¹⁴. Вскрывая реакционный характер учения Лассалья о государстве и нации, П. Виноградская констатировала, что «между его теоретическим оппортунизмом и оппортунизмом в области политики история протянула очень прочную связующую цепь»¹⁵. Вступив в союз

¹⁰ Там же, с. 165—166.

¹¹ Заславский Д. Указ. соч., с. 34.

¹² Виноградская П. Взаимоотношения Маркса и Лассалья: (по их переписке). — Вестник Коммунистической академии, 1925, № 11, с. 164.

¹³ Она же. Фердинанд Лассаль, с. 5.

¹⁴ Там же, с. 248.

¹⁵ Там же, с. 176.

с Бисмарком, Лассаль «предал прусской реакции молодое рабочее движение Германии»¹⁶. Анализ общественно-политических и философских взглядов Лассаля, его политики и тактики позволил автору сделать вывод о том, что «лассальянство отличалось от революционного марксизма по всей линии: как в области теории, так в области политики и тактики»¹⁷. Как и в работах А. Бернштейна и Д. Заславского, в книге П. Виноградской поставлен, хотя до конца и не решен вопрос о мелкобуржуазной сущности лассалевского социализма, о его духовном родстве с социализмом Прудона, Луи Блана, «истинных социалистов».

Работы советских историков 20-х годов существенно поколебали распространяемую буржуазной и социал-реформистской историографией легенду о Лассале как оригинальном политике и мыслителе, истинном вожде рабочего движения.

Однако эти первые работы содержали ряд ошибок принципиального характера. Несмотря на критику различных сторон программы и тактики Лассаля, его взглядов, в работах названных авторов он выступал как «отец германской социал-демократии», «первый организатор и вождь германского пролетариата». Д. Заславский утверждал, будто Лассаль разделял «практическую программу» Коммунистического манифеста¹⁸. А. Мартынов писал, что до 1863 г. Лассаль «не терял надежды, что германская проблема решится путем революции»¹⁹. Историческая роль Ф. Лассаля преувеличивалась, а иногда определялась неверно. Так, проф. В. В. Святловский заслугу Лассаля видел в том, что он якобы диалектически соединил два элемента научного социализма — экономику и политику²⁰. Не были достаточно выяснены объективные условия и субъективные предпосылки возникновения лассальянства в рабочем движении Германии 60-х годов XIX в.²¹ ВГРС рассматривался в качестве авангарда немецкого рабочего движения, а роль эйзенахской партии преуменьшалась. Сама эта партия характеризовалась как «бесформенная, дряблая организация, напоминавшая своей организационной бесхарактерностью типичные буржуазные партии»²². Справедливо указывалось на родство идеологии и тактических принципов оппортунистических ревизионистов II Интернационала и Лассаля, но существенные отличия ревизионизма от лассальянства не учитывались. Все это, естественно, не перечеркивает достижений советской историографии

¹⁶ Виноградская П. Указ. соч., с. 232.

¹⁷ Там же, с. 248.

¹⁸ Заславский Д. Указ. соч., с. 35.

¹⁹ Мартынов А. Указ. соч., с. 10.

²⁰ Святловский В. В. Лассаль — вождь рабочего класса. — В кн.: Гроссман С. Ф. Лассаль. 2-е изд., 1925, с. XIII.

²¹ См., например: Мартынов А. Указ. соч., с. 10.

²² Виноградская П. Фердинанд Лассаль, с. 223; см. также Горев Б. И. Лассаль в свете нашей эпохи: (К столетию со дня рождения). — В кн.: Лассаль Ф. Соч. М., 1925, т. 1, с. 8.

лассальянства 20-х годов, которые получили творческое развитие в трудах нового поколения советских ученых.

Крупной вехой в развитии советской историографии лассальянства 30-х годов стали работы Е. А. Степановой. В 1933 г. вышла ее статья «Маркс и Лассаль». Сравнивая их взгляды по кардинальным вопросам теории и практики рабочего движения (диктатура пролетариата, государство, буржуазная демократия, нация, революция), Степанова убедительно показала, насколько «велика была пропасть, отделявшая пролетарского теоретика и вождя Маркса от мелкобуржуазного социалиста Лассалья»²³. «Маркс и Лассаль, — писала Е. А. Степанова, — это два мировоззрения, две различные программы, две коренным образом отличные друг от друга политические линии»²⁴. В ее работе четко определена взаимосвязь оппортунистической тактики Лассалья со всей системой его взглядов. «Тактический оппортунизм Лассалья, часто неожиданные для поверхностного взгляда зигзаги его политики... были органически увязаны со всей его оппортунистической теорией вообще, с его теорией государства в частности»²⁵. Степанова вскрыла в своей статье классовую сущность концепций апологетов неолассальянства — К. Реннера, П. Кампфмейера, О. Бауэра, Г. Кунова, а также ошибки Ф. Меринга в оценке Лассалья и лассальянства.

В 1935 г. Е. А. Степанова опубликовала книгу «Фридрих Энгельс», выдержавшую несколько изданий²⁶. В ней она, по существу, впервые в советской историографии, уделила серьезное внимание борьбе Маркса и Энгельса против Лассалья и лассальянства. По ее мнению, наиболее острый характер эта борьба приняла в 1859 г. Предмет спора — вопрос о путях объединения Германии²⁷. Полемика не прекращалась в течение всей жизни Маркса и Энгельса. Достоинством работы Е. А. Степановой было то, что она выявила некоторые специфические формы этой борьбы, указала на значение работ К. Маркса и Ф. Энгельса в разоблачении лассальянских иллюзий, подчеркнула историческое значение борьбы классиков марксизма против лассальянства для германского рабочего движения: «Борьба, которую вели Маркс и Энгельс против лассальянства, оказала громадное влияние на формирование в Германии рабочей организации, отличной от лассальянской»²⁸. Е. А. Степанова квалифицировала Лассалья как родоначальника оппортунизма в германской социал-демокра-

²³ Степанова Е. Маркс и Лассаль.— Пролетарская революция, 1933, № 1, с. 145.

²⁴ Там же, с. 98.

²⁵ Там же, с. 124.

²⁶ Степанова Е. Фридрих Энгельс. М., 1935; 2-е изд. М., 1936, 3-е изд. М., 1956.

²⁷ Степанова Е. Фридрих Энгельс. М., 1956, с. 132—134.

²⁸ Там же, с. 144.

тии. Вместе с тем она не сбрасывала со счета его известной положительной роли в рабочем движении Германии²⁹.

К тем же выводам пришел и А. Казарин: «Маркс и Энгельс высоко ценили деятельность Лассалья по созданию самостоятельной организации рабочего класса Германии и его борьбу с буржуазией,— писал он,— но они боролись с его оппортунизмом, клеймили его двурушническую политическую тактику и теоретическую беспринципность». А. Казарин видел в Лассале в первую очередь истинную предтечу оппортунизма во II Интернационале³⁰, но вместе с тем он считал, что отождествлять лассальянство с идеологией современной социал-демократии нельзя³¹. А. Казарин утверждал, будто лассальянство мешало рабочему классу самоопределиться организационно, а сам Лассаль вел борьбу с лозунгом пролетарской революции и диктатуры пролетариата³², хотя, очевидно, что этот лозунг не стоял на первом месте в борьбе германского пролетариата 60-х годов XIX в.

Под влиянием обострившейся на международной арене идеологической борьбы в советской исторической науке в 30-х годах история германской социал-демократии нередко рассматривалась как триумф реформизма и ревизионизма, а Лассаль оценивался главным образом как родоначальник оппортунизма.

Эта точка зрения начала пересматриваться уже в 40—50-х годах. Советские историки продолжали изучать проблему качественного отличия лассальянства от марксизма, аргументированно разоблачали несостоятельность взглядов Лассалья в области политэкономии, философии, социологии, вред его ошибочных программных и тактических установок. Дальнейшее конкретно-историческое развитие получила тема борьбы Маркса и Энгельса против Ф. Лассалья и лассальянства за создание подлинно революционной пролетарской партии. Расширилась документальная база, а также проблематика исследователей работ³³. Из работ этого периода наибольший интерес представляет диссертация А. К. Воробьевой. А. К. Воробьева ввела в научный оборот интересный материал, хранящийся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (письма Лассалья к И. Ф. Беккеру, письма Либкнехта к Марксу и Энгельсу, «Большую книгу» Союза, письма деятелей ВГРС друг к другу, официальные документы Союза, прессу тех лет и пр.), использовала переписку Лассалья и Бисмарка, изданную Г. Мейером в 1928 г., А. К. Воробьева впервые подробно рассмотрела проблему «Лассаль и Бисмарк»,

²⁹ Степанова Е. Указ. соч., с. 136.

³⁰ Казарин А. Лассаль и лассальянство в оценке Маркса и Энгельса.— Фронт науки и техники, 1936, № 3, с. 35.

³¹ Там же, с. 43.

³² Там же, с. 36, 41.

³³ Епишев П. И. Лассаль как королевско-прусский социалист: Канд... дисс. ист. наук. М., 1949; Воробьева А. К. Лассаль — родоначальник оппортунизма в рабочем движении Германии: Канд... дисс. ист. наук. М., 1951.

вопросы о начальном этапе развития и роли революционной оппозиции внутри ВГРС, о деятельности общин Союза в Рейнской провинции, о борьбе Маркса и Энгельса за преодоление лассальянских догм. Она опровергла тезис буржуазной и социалистической историографии о Лассале как «родоначальнике партии», «инициаторе» немецкого рабочего движения. На конкретных фактах А. К. Воробьева показала, что рабочее движение в Германии существовало и до начала агитации Лассалья. Она подчеркнула, что особенно большую роль в подготовке почвы для этого сыграли бывшие члены «Союза коммунистов». Она охарактеризовала ВГРС как секту, а Эйзенахскую партию — как марксистскую организацию.

В переработанном виде указанные положения и выводы диссертации нашли свое отражение в статье того же автора, опубликованной в 1955 г. в сборнике «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию»³⁴. В ней широко освещена политическая деятельность Лассалья накануне организации ВГРС, на посту президента Союза. В статье было показано, что социально-политическая программа и тактика Лассалья, навязанные им Союзу организационные принципы противоречили коренным интересам передовых рабочих, связанных с традициями «Союза коммунистов», с идеями «Манифеста Коммунистической партии». В статье не отрицались и определенные исторические заслуги Лассалья до создания ВГРС (23 мая 1863 г.). Лассаль здесь характеризовался как мелкобуржуазный идеолог, а существенными чертами лассальянства назывались «соглашательство, раболепие перед реакционным прусским государством и королевским правительством, сектантство и национализм»³⁵.

В советской историографии первой половины 50-х годов Ф. Лассаль продолжал рассматриваться как родоначальник оппортунизма в немецком рабочем движении. Позитивный вклад Лассалья в развитие немецкого рабочего движения нередко не учитывался. Его агитационные заслуги преуменьшались. Упускалось из виду то обстоятельство, что лассальянство было закономерным этапом в развитии немецкого рабочего движения.

Начиная со второй половины 50-х годов вышел ряд работ общего характера, в которых деятельность Ф. Лассалья и роль лассальянства³⁶ освещалась более точно с учетом реальной социаль-

³⁴ Воробьева А. К. Из истории рабочего движения Германии и борьбы Маркса и Энгельса против Лассалья и лассальянства в 1862—1864 гг.— В кн.: Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию. Сб. статей. М., 1955.

³⁵ Там же, с. 359.

³⁶ Кан С. В. Объединение Германии (1864—1871). М., 1957; Новая история. М., 1958. Т. II. 1789—1870 / Под ред. И. С. Галкина и др.; История международного рабочего и национально-освободительного движения. М., 1959. Ч. I. 60—80 гг. XVIII в.—1917; Первый Интернационал. М., 1964. Ч. I. 1864—1870; М., 1965, ч. II. 1870—1876.

но-экономической обстановки в Германии начала 60-х годов XIX в. На основе новых источников шире и обстоятельнее освещалась борьба двух тенденций в немецком рабочем движении того времени: реформистской, связанной с деятельностью Ф. Лассалья и его последователей, и революционной, связанной с именами А. Бебеля и В. Либкнехта.

Дополнительный свет на общественно-политическую деятельность Лассалья, на его взгляды, на социальную базу лассальянства проливали опубликованные в первой половине 60-х годов статьи З. Н. Мелещенко, А. М. Миркинда, Л. С. Мамута³⁷. Мелещенко указывал, что Лассаль «своими смелыми выступлениями... заставил буржуазию почувствовать силу молодого рабочего движения и страх перед ним»³⁸. В его статье отмечалось, что Маркс, Энгельс и Лассаль сходились в убеждении необходимости политической борьбы пролетариата, пролетарской партии, гибели капитализма. Вместе с тем идеализм взглядов Лассалья предопределил ошибочные стороны его стратегии и тактики. Главное внимание в статье З. Н. Мелещенко уделялось духовной близости лассальянства с современным ревизионизмом, абсолютизации роли государства, культуре вождя, идее мирного вращивания капитализма в социализм и т. д.

А. М. Миркинд, характеризуя достижения историографии рабочего движения в ГДР, видел ее заслугу, в частности, в разоблачении оппортунистической политики Лассалья и критике лассальянства. Он указывал, что лозунги и само имя Лассалья используются лидерами современной СДПГ для борьбы против революционных идей марксизма. В то же время в марксистских работах не всегда учитывается отличие лассальянства от ревизионизма и реформизма XX в. В статье А. М. Миркинда был также затронут вопрос о социальном составе лассальянских организаций. Он подчеркнул, что лассальянство как сектантское течение и ВГРС как рабочая секта отражали не реальные интересы своих сторонников, а их иллюзии, изжитые в ходе классовой борьбы.

Статья Л. С. Мамута рассматривала работы, опубликованные в ФРГ в связи с празднованием столетней годовщины ВГРС. В начале 60-х годов здесь развернулась мощная пропагандистская кампания с целью убедить западногерманский рабочий класс в том, что подлинным родоначальником социал-демократической партии, «реальным политиком», «патриотом» и «демократом» был именно Ф. Лассаль, а лассальянство — истинной идеологией не-

³⁷ Мелещенко З. Н. Философские и социально-политические взгляды Ф. Лассалья и современный ревизионизм. — Вестн. ЛГУ, 1966, № 5. Серия экономики, философии и права. Вып. 1; Миркинд А. М. Вопросы германского рабочего движения 60-х годов XIX в. в освещении историков ГДР. — Новая и новейшая история, 1961, № 4; Мамут Л. С. Фердинанд Лассаль. — Вопросы философии, 1964, № 9.

³⁸ Мелещенко З. Н. Указ. соч., с. 77.

мецкого рабочего класса. Опираясь на указания классиков марксизма-ленинизма, Л. С. Мамут вскрыл «кричащие противоречия в деятельности Лассалья», показал в то же время его подлинные заслуги и выявил принципиальное отличие лассальянства от марксизма. Им были рассмотрены филозофские взгляды Лассалья, его концепция государства, интерпретация исторического процесса революции, роли личности, социализма. Сотрудничество Лассалья с прусской монархией, по мнению автора статьи, являлось результатом идеалистического понимания им сущности государства и сектантской тактики, националистической позиции. Л. С. Мамут отметил также неправомочность распространенного в советской историографии взгляда на Лассалья как на автора лозунга «свободного народного государства». Он напомнил, что еще в 1865 г. Маркс выявил непричастность Лассалья к этому лозунгу, а Энгельс прямо указал на приоритет эйзенахцев в его выставлении³⁹. В статье Мамута критиковались взгляды западногерманских исследователей Т. Рамма, Г. Риттера, Г. Манна, К. Шмида и др.

Критика буржуазной историографии данного вопроса содержится и в других работах этого периода, особенно опубликованных к 100-летию юбилею I Интернационала⁴⁰.

В работах Н. Е. Овчаренко⁴¹, В. Чубинского⁴² был опровергнут распространяемый буржуазной и реформистской историографией ФРГ тезис о А. Бебеле и В. Либкнехте как последователях Лассалья. Принципиальный характер разногласий между Марксом и Лассалем, лассальянцами и эйзенахцами четко вскрыт С. В. Оболенской в ее содержательной монографии «Франц Меринг как историк»⁴³. В этой книге подвергнута критике ошибочная концепция Меринга о Лассале и лассальянстве.

Советские ученые показали, что Лассаль был мелкобуржуазным социалистом, а Бебель и Либкнехт — пролетарскими революционерами школы Маркса⁴⁴. Между этими течениями существовали принципиальные разногласия в оценке социально-политической обстановки в Германии и задач рабочего движения.

³⁹ Мамут Л. С. Указ. соч., с. 107.

⁴⁰ Селезнев К. Л. Возникновение I Интернационала и некоторые проблемы рабочего движения в Германии (1864—1865 гг.) — В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. Сб. статей. М., 1964; Колпинский Н. Ю., Мосолов В. Г. Современные буржуазные и реформистские фальсификаторы I Интернационала. — Вопросы истории КПСС, 1964, № 9; Воробьева А., Кунина В. Против фальсификации истории Первого Интернационала. — Мировая экономика и международные отношения, 1964, № 10; Петряев К. Д. Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого: Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев, 1969; Миркин А. М. Столетие Первого Интернационала и западногерманская социал-демократия. — Вopr. ист., 1964, № 9.

⁴¹ Овчаренко Н. Е. Август Бебель: Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1963.

⁴² Чубинский В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М., 1968.

⁴³ Оболенская С. В. Франц Меринг как историк. М., 1966.

⁴⁴ Овчаренко Н. Е. Указ. соч., с. 33; Чубинский В. Указ. соч., с. 27.

Пропрусская тактика Лассаля и его последователей, культ его личности и диктаторский организационный принцип построения ВГРС, реформизм и национализм, игнорирование профессионального движения — вот против чего при постоянной поддержке Маркса и Энгельса вели неутомимую борьбу А. Бебель и В. Либкнехт. В книгах Н. В. Овчаренко и В. Чубинского приведены конкретные факты истории этой борьбы, говорится о роли Бебеля и Либкнехта в распространении среди немецких рабочих идей марксизма, I Интернационала, о развитии оппозиции внутри ВГРС, создании Эйсенахской партии. В. Чубинский, в частности, показал, как В. Либкнехт, будучи членом берлинской общины ВГРС (куда он вступил осенью 1863 г.), вел борьбу против культа Лассаля. В результате этой борьбы уже во второй половине 60-х годов в Эйсенахе образовалась марксистская революционная «Социал-демократическая партия, выступившая как наследник и продолжатель традиций «Союза коммунистов»: «Эйсенахцы, члены СДРП, сторонники Эйсенахской программы вышли из классового пролетарского движения, в то время как лассальянцы выражали интересы ремесленного пролетариата», — писал Овчаренко⁴⁵. В. Чубинский подчеркнул, что «лассальянство нанесло значительный ущерб немецкому рабочему движению, явилось духовным отцом оппортунизма в германской социал-демократии»⁴⁶.

Интересные теоретические суждения о сходстве и отличии лассальянства 60-х годов и оппортунизма 90-х годов высказал Н. Е. Овчаренко. «Никакой китайской стены... между мелкобуржуазным реформизмом Лассаля и оппортунизмом Фольмара и Бернштейна нет, — пишет он. — Напротив, между ними существует внутреннее духовное родство, которое является выражением связи, существующей между развитием немецкого оппортунизма и немецкого капитализма. Но Фольмар и Бернштейн пошли значительно дальше вправо своего идейного предшественника»⁴⁷. В то же время формы проявления оппортунизма в период домонополистического капитализма и империализма, его социально-экономические истоки различны. Социальную базу лассальянского реформизма составляли ремесленный пролетариат и работники домашней промышленности⁴⁸; фольмаровского — главным образом мелкобуржуазные элементы города и деревни и отчасти привилегированные слои рабочих⁴⁹, бернштейнского — рабочая аристократия, партийно-профсоюзная бюрократия, мелкобуржуазная демократия⁵⁰. «Реформизм Фольмара имеет некоторые отли-

⁴⁵ Овчаренко Н. Указ. соч., с. 57.

⁴⁶ Чубинский В. Указ. соч., с. 28.

⁴⁷ Овчаренко Н. В борьбе за революционный марксизм, с. 350.

⁴⁸ Там же, с. 348.

⁴⁹ Там же, с. 78.

⁵⁰ Там же, с. 86.

чия от мелкобуржуазного социализма Лассалья и ревизионизма Бернштейна. Отличия эти касаются не только арсенала тактических приемов и форм оппортунизма, но главным образом эволюции самой идеологии оппортунизма в сторону усиления ее реакционности, открытой ревизии марксизма и перехода в конечном счете на политические и идейные позиции империалистической буржуазии»⁵¹.

Концепция Н. Овчаренко выгодно отличается от точек зрения, распространенных в советской исторической науке 30—40-х и отчасти 50-х годов. Она открывала возможность для конкретно-исторического изучения специфических форм проявления оппортунизма на разных этапах развития социал-демократической партии Германии.

В последние годы в значительной степени по-новому освещается вопрос об отношении Маркса и Энгельса к Лассалю и лассальянству, к ВГРС. Примечательна в этом отношении статья С. В. Оболенской «Маркс о путях исторического развития Германии». В ней впервые в советской историографии прозвучала мысль о том, что агитация Лассалья и деятельность ВГРС являлись одним из звеньев общей цепи развития рабочего движения Германии⁵². В рассматриваемой статье историческая роль Ф. Лассалья в немецком рабочем движении оценивалась неоднозначно. «Широко известна суровая критика Лассалья и лассальянства со стороны Маркса и Энгельса,— писала С. В. Оболенская.— Маркс всегда подчеркивал свои глубокие принципиальные расхождения с ним. Но следует отметить, что Маркс признавал большие заслуги Лассалья в германском движении и самого Лассалья оценивал как большую силу...»⁵³ Маркс видел в создании ВГРС определенную стадию развития рабочего движения. Создание этого союза как самостоятельной пролетарской организации, независимой от либералов, Маркс называл «бессмертной заслугой» Лассалья. С. В. Оболенская указывает на сектантский характер ВГРС, но в то же время справедливо заметила, что многие черты лассалевской организации были для тех условий закономерными⁵⁴.

Борьба Маркса и Энгельса против реформизма и сектантства лассальянцев анализируется в биографиях Карла Маркса и Фридриха Энгельса⁵⁵, монографии Л. И. Гольмана «От союза коммунистов к I Интернационалу»⁵⁶, в книгах: «Германская история в новое и новейшее время»⁵⁷, «Маркс и некоторые вопросы между

⁵¹ Там же, с. 348.

⁵² Оболенская С. В. Карл Маркс о путях исторического развития Германии после революции 1848 г.— В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 360.

⁵³ Там же, с. 358.

⁵⁴ Там же, с. 359.

⁵⁵ Карл Маркс: Биография. М., 1968; Фридрих Энгельс: Биография. М., 1970.

⁵⁶ Гольман Л. И. От «Союза коммунистов» к Первому Интернационалу. М., 1970.

⁵⁷ Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 1.

дународного рабочего движения XIX века»⁵⁸. В этих работах указывается, что лучшим средством преодоления мелкобуржуазного социализма Лассаля, разоблачения его сектантской и реформистской политики, формирования революционного крыла в немецком пролетарском движении Маркс и Энгельс считали пропаганду идей научного коммунизма. В перечисленных работах раскрывается напряженная борьба Маркса и Энгельса в 60-х годах XIX в. за вовлечение немецких рабочих в ряды Интернационала, за их идейное воспитание, за создание массовой базы Интернационала в Германии и революционной социал-демократической партии. Сотрудничество Маркса и Энгельса в газете ВГРС «Социал-демократ», переписка Маркса с берлинскими рабочими, издание в Германии работ Маркса и Энгельса, советы и помощь Бебелю и Либкнехту, критика лассальянских лидеров — таковы лишь некоторые конкретные формы борьбы Маркса и Энгельса против лассальянства, подготовившей создание революционной социал-демократической партии в Эйзенахе.

Значение Ф. Энгельса в борьбе против культа Лассаля, в пропаганде марксистских основ пролетарской партии в Германии показал Е. П. Кандель: «Энгельс дал исчерпывающее научное освещение исторической роли Фердинанда Лассаля, — пишет он, — его заслуг и ошибок, роли созданного им Всеобщего германского рабочего союза в общем пролетарском движении Германии»⁵⁹.

Положительные и отрицательные стороны политической агитации Ф. Лассаля характеризуются в обобщающих работах, посвященных международному рабочему движению⁶⁰. Политическая агитация Лассаля рассматривается в тесной связи с развитием международного и германского рабочего движения. Лассаль не отождествляется с его последователями и ВГРС. В рассматриваемых работах широкий охват событий дает возможность авторам лучше представить место и специфику лассальянства как одной из последних форм домарксова мелкобуржуазного социализма и всемирно-историческую роль марксизма в рабочем движении.

Общим для опубликованных в последнее время исследований советских историков является их значительно возросший теоретический уровень, привлечение более широкого круга разнообразных источников. В противоположность большинству буржуазных и социал-реформистских историков, выхватывающим отдельные высказывания Лассаля и не стремящимся связать его взгляды с

⁵⁸ Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970.

⁵⁹ Кандель Е. П. Разработка Ф. Энгельсом проблем истории рабочего движения Германии и значение этого вклада для борьбы против буржуазных и реформистских концепций. — В кн.: Энгельс и проблемы истории. Сб. статей, М., 1970, с. 168.

⁶⁰ Кривогуз И. М. Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г. М., 1970; Международное движение: Вопросы истории и теории. М., 1976, т. 1.

общей картиной классовых отношений в Германии, советские ученые не упускают из виду взаимосвязи общественно-политических и философских взглядов Лассалья с его программой и тактикой, всей системой общественных отношений страны и особенностями международного рабочего движения.

Таким образом, в результате полувековой разработки темы в советской историографии был создан целый ряд работ, в которых дана объективная оценка исторической роли Лассалья и сущности лассальянства. В настоящее время советские историки рассматривают лассальянство как закономерный этап в развитии рабочего движения, порожденный конкретно-историческими условиями Германии начала 60-х годов XIX в. Советской исторической науке принадлежит приоритет в постановке и решении вопросов о классовой сущности лассальянства, качественном отличии лассальянства от марксизма, характера ВГРС, о взаимоотношении Лассалья и Бисмарка, о развитии и роли революционной оппозиции внутри ВГРС, деятельности общин ВГРС в Рейнской области.

Вместе с тем необходимо отметить, что специальных работ, посвященных политической деятельности и взглядам Лассалья, явно недостаточно. Достигнутый уровень советского лассалеведения требует монографического изучения темы. Особенно важен вопрос об объективных и субъективных истоках лассальянства, о социальном составе и деятельности общин ВГРС, о взаимоотношениях Маркса и Лассалья. Думается, что решению этих задач в значительной степени способствовало бы написание политической биографии Ф. Лассалья.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕВОЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

С. И. Аппатов

Переход от капитализма к социализму, отражающий главную особенность современной эпохи, усиление противоборства между мировым социализмом и мировым капитализмом привели в последние годы к обострению идеологической борьбы. Одним из последствий этого процесса является невиданное ранее обилие зарубежных исследований истории внешней политики и международных отношений в послевоенный период.

Объем литературы по этой проблеме в ведущих капиталистических странах, прежде всего в США, заметно вырос в 1960-х — в начале 1970-х годов. Уже не десятки (как в 1940—1950 гг.), а сотни американских авторов: историков, экономистов, юристов, философов, военных исследователей, политологов различных направлений — публикуют многочисленные труды, посвященные недавнему историческому прошлому и особенно тревожному настоящему. В США к середине 70-х годов научно-исследовательскими работами в области международных отношений занимался 191 университетский центр. Изучение различных аспектов двусторонних и многосторонних отношений государств, теоретических и глубоко практических вопросов внешней политики США, их союзников и потенциальных противников рассматривается в США как дело государственной важности.

Значительное увеличение числа работ по истории послевоенных международных отношений вызвало в последние годы у американских историков и политологов значительный интерес к анализу указанной литературы, как таковой, т. е. к собственно историографическим изысканиям. Этот интерес отражает не только напряженные поиски более эффективных внешнеполитических решений, но и стремление активнее воздействовать на формирование общественного мнения по вопросам внешней политики в приемлемом для правящих кругов США направлении.

При анализе американской буржуазной историографии послевоенных международных отношений исследователь сталкивается

с многообразием школ, течений и направлений. Вопрос об отношении американских исследователей к той или иной школе до сих пор является предметом спора в самих академических кругах США. Его решение обуславливается не столько указанием на соответствие их практических выводов (например, в отношении эффективности внешней политики США после второй мировой войны), сколько выявлением степени сходства их методологических принципов. Многие так называемые «школы» вряд ли могут претендовать на такое название, учитывая аморфность, а то и просто неопределенность их теоретических позиций и весьма условный характер определяющих признаков (вплоть до территориальных).

Показательно в этом отношении одно из новейших определений «школы» в исторической науке, которое содержится в историографическом исследовании профессора Дж. Уайза. «Широкий «климат мнений», — пишет автор, — охватывает каждый период в истории, и историки, пишущие в этот период, отражают этот климат. Этот климат становится некоей переменной величиной, лежащей между историком и описываемым им миром. И он-то дает интеллектуальное основание для определения «школы»: т. е. каждая отдельная «школа» — это специфическое отражение общего «климата»¹.

Однако некоторые из американских школ в области истории и теории международных отношений, внешней политики США достаточно четко и давно определились, имеют сложившееся ядро своих последователей, выступают с самостоятельными концепциями. Они стали уже предметом специального анализа как зарубежных, так и советских исследователей. К этим исследовательским направлениям относятся: школы «политического идеализма», «политического реализма», «неоревизионизма», а также так называемое «модернистское» направление в исследованиях, которое, в свою очередь, делится на добрый десяток школ.

Каждая из «школ» характеризуется собственными концептуальными схемами анализа международных отношений или же теоретическими посылками (например, у «идеалистов» — это концепция морально-этического «превосходства» американской внешней политики; у «политических реалистов» — концепция жесткой силовой борьбы государств за обеспечение своих «национальных интересов». Для «неоревизионистов» и «новых левых» историков характерны более объективный анализ устоявшихся концепций внешней политики США после второй мировой войны, их ревизия и критика. Советские историки неоднократно обращались к анализу теоретических позиций отдельных из упомянутых школ и направлений².

¹ *Wise J. American Historical Explanations. A Strategy for Grounded Inquiry. Homewood, 1973, p. 119.*

² *Болховитинов Н. Н. Современная буржуазная историография: новые течения и проблемы. — Новая и новейшая история, 1969, № 6; Ворон-*

Однако комплексного исследования истории изучения истории международных отношений в США нет. Мы попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел.

Фактически установить какой-либо один общий критерий отношения историка-международника в США к той или иной школе невозможно. В рамках буржуазной внешнеполитической идеологии в США уживаются, хотя и конкурирующие между собой, философские концепции релятивизма, позитивизма и неопозитивизма, презентизма — старые и новые порождения распространенного в США прагматического отношения к действительности.

Борьба идеологических течений в США по вопросам внешней политики в своей общей направленности не совпадает с линиями противоречий конкурирующих школ в историографии. Хотя многие из «новых левых» историков и «неоревизионистов» знакомы с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина (их даже называют в буржуазной печати «неомарксистами»), однако их методология далека от марксистской, а критика внешней политики США часто путанна и противоречива.

Сложность набросанной нами картины усугубляется наметившимся в последнее время размежеванием уже буквально всех авторов на две группы: «модернистов» и «традиционалистов». К первым относятся сторонники применения нетрадиционных, математических, так называемых «научно-стерильных» методов в исторических исследованиях, ко вторым — все остальные исследователи, работающие «по старинке», т. е. с использованием традиционных форм исторического исследования, сравнительно-исторического метода и т. п. И так как критерием «раскола» является уже только формальный признак (склонность к исполь-

цов Г. А. Буржуазная наука — на службе политики. М., 1975; Современные буржуазные теории международных отношений / Отв. ред. Гантман В. И. М., 1976; Григорцавич С. С. Крах глобальной стратегии антикоммунизма: Внешняя политика США в освещении американских буржуазных авторов. — Тр. Томск. ун-та, 1972, вып. 1; Дементьев И. П. Идеальная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973. Он же. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного периода. — Вопр. ист., 1976, № 11; Статьи А. Г. Елецкого, А. А. Каренина, А. А. Мурадыяна, Г. А. Трофименко в кн.: Американская историография внешней политики США. (М., 1972); Каренин А. А. Философия политического насилия. М., 1971; Кулагин В. М. «Реализм» против антикоммунизма. М., 1967; Кунина А. Е. Идеологические основы внешней политики США. М., 1973; Марушкин Б. И. Мирное сосуществование и эволюция американской историографии. — В кн.: Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба. М., 1976; Он же. Историческая наука и современная идеологическая борьба. М., 1975; Мельников Ю. М. О разработке в США проблем международных отношений и внешней политики. — Новая и новейшая история, 1971, № 3; Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976; Ржевский О. А. Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. М., 1976; Статьи О. Л. Степановой, А. А. Каренина, Н. Н. Яковлева в кн.: США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н. Н. Яковлев (М., 1976); Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М., 1976.

зованию той или иной методики), то в зависимости от характера принятой классификации один и тот же автор может рассматриваться и как «политический реалист», и как «модернист».

Фактически теоретико-методологической и политической основой, на которой базируется американская буржуазная историография международных отношений, является концепция плюрализма. Отрицание объективных критериев ведет неизбежно к субъективистскому восприятию мира, международных отношений каждым исследователем. Бесперспективность такого подхода вынуждены признавать и некоторые буржуазные историки современной Америки. Так, профессор Гарвардского университета С. Хьюз в своей работе «История как искусство и наука» указывает, что поиски истины на основе произвола историка являются делом безнадёжным³.

Несмотря на то что в последнее десятилетие безраздельно господствующие в исторической науке США презентистские концепции уже стали объектом критики со стороны неолиберальных историков⁴, они продолжают превалировать в историко-международных исследованиях. Как справедливо указывает профессор Питтсбургского университета Т. Маккормик, «редкая область исторических исследований в США более подвержена презентизму..., чем дипломатическая история»⁵.

Другой любопытной тенденцией новейшей американской историографии международных отношений является появление объективистских концепций. Ряд буржуазно-либеральных и мелкобуржуазно-радикальных авторов — критиков послевоенной политики Вашингтона призывают к исследованию реальных фактов общественной жизни, в сфере международных отношений, к синтезу истории и социологии. Однако их позиции сводятся лишь к надеждам на эффективность «прогрессивной позиции» историка, его «чувства направления, к тому же субъективистскому мировосприятию. Даже «новые левые» историки, критически исследующие послевоенные международные отношения и внешнюю политику США, несмотря на признание некоторых методологических принципов марксизма, не выходят в целом за рамки исторического идеализма.

Исторический фатализм и пессимизм американской буржуазной исторической науки, вытекающий из ее субъективистских концепций, делает бесплодными поиски ученых в области собственно историографических изысканий. Профессор Дармутского колледжа, известный специалист по военной истории США

³ *Hughes S. History as Art and Science. New York, 1964, p. 9—11* (цит. по: Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974, с. 104).

⁴ *Schlesinger A., Jr. In Retrospect. The History of a Historian. New York, 1963, p. IV—VII; Higham J. Writing American History. Essays on Modern Scholarship. Bloomington, 1970, p. 90 a. o.*

⁵ *The State of American History / Ed. by H. Bass. Chicago, 1970, p. 119.*

Л. Мортон не только признает «запущенность» в области теоретико-методологических и историографических исследований в США, но и выражает нескрываемую зависть по поводу успехов в этой области у марксистской исторической науки. «Правильно понятая, — пишет он, — история как наука, могла бы многое дать нам. Она могла бы обогатить наши знания, позволить рассматривать нынешние события в правильной перспективе, дать еще одно измерение нашему мышлению. А все это ... ценные и незаменимые интеллектуальные орудия для тех, кто вершит политику... Вероятно, коммунистические лидеры обладают этим чувством истории больше, чем кто-либо другой, ибо они вооружены теорией и доктриной, которые ставят историю на их сторону»⁶.

Не случайно, видимо, американский историограф Дж. Уайз обращает внимание на «удивительный контраст» между бурным развитием различных «типов» исторической науки в США, ее бесконечным дроблением («интеллектуальная история», «социальная история», «экономическая история» и т. п.) и отсутствием по сути дела исследований в области историографии. «Я не знаю ни одного американского историка, — пишет автор, — который квалифицировал бы себя прежде всего как историограф или методолог»⁷. Другой ведущий американский историограф, нынешний президент организации американских историков Дж. Хайэм после двадцати с лишним лет исследовательской работы в этой области весьма скептически оценивает ее результаты и дальнейшие возможности⁸.

На фоне неудовлетворительного состояния историографических исследований в США в целом, область историко-международной науки, «дипломатической истории» и современных международных отношений освещена в историографическом плане особенно скупо. Резко критикует содержание конкретно-исторических и историографических исследований в области международных отношений и внешней политики США профессор «дипломатической истории» Л. Ивенс. Автор осуждает методы этих исследований как «ущербные», неэффективные, «построенные на непонимании природы международных отношений». Главную слабость «дипломатической истории США Ивенс видит в том, что историки «занимаются исследованием средств, а не целей внешней политики». Он адресует свои упреки самим «основоположникам» изучения истории международных отношений в США — Дж. Пратту, С. Бемису, Т. Бейли и др. Автор подмечает и такую «ахиллесову пяту» американской «дипломатической истории», как подготовку научных монографий на основании лишь «небольшой части доступных дипломатических и иных

⁶ *Morton L. The Cold War and American Scholarship.* — In: *The Historian and the Diplomat*, p. 138—139.

⁷ *Wise G. Op. cit.*, p. XVI.

⁸ *Higham J. Op. cit.*, p. IX, 157.

материалов», на основании гипотез. В результате, «не выяснив связи между причинами и актами внешней политики США, историки идут по пути наклеивания политических ярлыков как своим, так и зарубежным государственным деятелям»⁹. К мнению Л. Ивенса присоединяется и Т. Маккормик: «Едва ли есть еще одна область истории,— пишет он— которая требовала бы такого критического переосмысливания, как дипломатическая история США»¹⁰.

Ф. Лоуэнхайм призывает глубоко изучить «некоторые интеллектуальные основы современного американского мышления в области международных отношений, так как нет уже ни малейших сомнений в том, что глубокий интеллектуальный кризис охватывает американскую внешнюю политику». «Мы должны... взглянуть в лицо неприятным фактам,— продолжает этот известный историк-международник,— ибо традиции и цели внешней политики США, ее способность эффективно решать текущие международные проблемы.. поставлены под сомнение. Под ударом сами основания американской внешней политики»¹¹.

С пессимизмом оценивает возможности историко-международной науки в США «исторически мыслящий» политолог, глава школы «реальной политики» Г. Моргентау. Он считает, что эта наука «не имеет общего метода для своего исследования... разделена на многочисленные и разнообразные подходы и методы изучения своего предмета исследования». Маститый буржуазный ученый-международник призывает коллег по перу «заняться более углубленным теоретическим анализом внешней политики США», «осмыслить то, что происходит вокруг и преодолеть разноречивых во мнениях»¹².

Поиски выхода из создавшейся тупиковой ситуации привели американских историографов к выводу о необходимости четкой классификации и систематизации школ и направлений в американской историографии международных отношений, что стало предметом специального рассмотрения в работах многих исследователей США¹³. Кроме авторов специальных историографиче-

⁹ *Evans L.* The Dangers of Diplomatic History.— In: *The State of American History*, p. 143, 146—151.

¹⁰ *McCormick T.* The State of American Diplomatic History.— In: *The State of American History*, p. 119, 127.

¹¹ *The Historian and the Diplomat*, p. 1—2.

¹² *Morgenthau H.* International Relations, 1965—1969.— *Annals of the American Academy of Political Science*, 1970, July, p. 114—119.

¹³ *Combs J.* Nationalist, Realist and Radical: Three Views of American Diplomacy. New York, 1972; *Rostow E.* Peace in the Balance. The Future of American Foreign Policy. New York, 1972; *Morgenthau H.* Op. cit.; *Pfaff W.* A Case against Internationalism.— In: *A Dissenter's Guide to Foreign Policy* / Ed. by I. Howe. New York, 1968; *Contending Theories of International Relations* / Ed. by J. Dougherty, R. Pfaltzgraff. New York, 1974; *Globalism and Its Critics. The American Foreign Policy Debate of the 1960-s* / Ed. by W. Taubman. Lexington (Mass.), 1973; *May E.* «Lessons» of the Past. The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. New York, 1973;

ских исследований, этому вопросу уделяют значительное внимание другие буржуазные историки-международники и политологи¹⁴.

Среди историографических трудов следует особо выделить книгу бывшего заместителя государственного секретаря США профессора Йельского университета Ю. Росту. По его словам, эта книга — «первая попытка анализа литературы о внешней политике Запада, и особенно о внешней политике США». Нельзя согласиться с претензией автора на приоритет в этой области, но заслуживает внимания его схема классификации. Ю. Росту делит всю историографию внешнеполитических проблем США на восемь школ: пацифисты; «сторонники всеобщего идеологического антикоммунизма во главе с доктором Стрейнджлавом»¹⁵; коммунисты и те, «кто предпочитает революцию миру»; «сторонники всемирного правительства»; наконец, школа, защищающая официальный курс внешней политики США.

Изложенная классификация — типичный пример эклектики. Положив в основу систематизации различные критерии — от тео-

Levy R. Nearing the Crossroads. Contending Approaches to Contemporary American Foreign Policy. New York, 1975; Rainey G. Patterns of American Foreign Policy. Boston, 1975; The Historian and the Diplomat / Ed. by F. Lowenheim. New York, 1967; Kaplan M. Dissent and the State in Peace and War. New York, 1970; Bennet R. Containing Communism...— In: Struggle against History. U.S. Foreign Policy in the Age of Revolution / Ed. by N. Houghton. New York, 1968; Tucker R. National of Empire? Debate over American Foreign Policy. Baltimore, 1968; Idem. The Radical Left and American Foreign Policy. New York, 1971; Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy. New York, 1971; Contending Approaches to International Politics / Ed. by K. Knorr, J. Rosenau. Princeton (N.J.), 1969; Bobrow D. International Relations — New Approaches. New York, 1972; Taylor A. The Trouble Makers. New York, 1969.

¹⁴ *Ferrell R. The US in World Affairs 1918—1941.— In: Garraty J. Interpreting American History. London, 1970; Leopold P. The U. S. in World Affairs 1941—1968.— In: Carraty J. Op. cit.; Wise J. Op. cit.; Morton L. Op. cit.; Warburg J. The U. S. in the Postwar World. A Critical Appraisal. London, 1966; Herzog A. The War-Peace Establishment. New York, 1965; Lowe G. The Age of Deterrence. Boston, 1964; Steel R. Pax Americana? New York, 1967; Ulam A. The Rivals: America and Russia Since World War II. New York, 1971; Van Hoogstrate D. American Foreign Policy: Realists and Idealists: A Catholic Interpretation. St. Louis, 1960; Kraditor A. American Radical Historians on Their Heritage.— Past and Present, 1972, Aug.; US. Foreign Policy. Perspectives and Proposals for the 1970-s / Ed. by P. Seabury, A. Wildavsky. New York, 1969; Hoffmann St. Gulliver's Troubles or the Setting of American Foreign Policy. New York, 1968; Siracusa J. New Left Diplomatic Histories and Historians. The American Revisionists. New York, 1973; Radosh R. Prophets on the Right. Profiles of Conservative Critics of American Globalism. New York, 1975; Sternsher B. Consensus, Conflict, and American Historians. Bloomington, 1975; Russet B. Methodological and Theoretical Schools in International Relations. New Haven, 1969; Hagan K. The Historical Significance of American Naval Intervention.— Intervention or Abstention / Ed. by R. Higham. Lexington, 1975.*

¹⁵ Доктор Стрейнджлав — персонаж из американского кинофильма, созданного в разгар «холодной войны», олицетворение зоологического антикоммуниста и антисоветчика.

ретических посылок до чисто политических оттенков, часто мало существенных, Ю. Росту лишь затуманивает глубинные процессы, идущие в американской историко-международной науке. В частности, так называемая «школа коммунистов», которая вызывает острое раздражение автора, по его собственному признанию, представляет собой довольно «пеструю группу», куда Ю. Росту включает исследователей из числа ренегатов коммунизма, анархистских, троцкистских, маоистских историков и публицистов. Сюда же включены и «новые левые», «ревизионисты» 1960-х годов и др. Другой пример подобной эклектики — отсутствие дифференцированного подхода к школе так называемого «политического реализма», где соседствуют представители умеренного и крайне правого, экстремистского крыла ученых.

Выступая откровенным апологетом агрессивной внешней политики США, Ю. Росту критикует большинство авторов за их критику официальной политики и превозносит работы лишь тех, которые не создают никаких трудностей для проведения американского внешнеполитического курса¹⁶.

Под тем же углом зрения «критики критиков» проводит историографические изыскания в сфере международных отношений М. Каплан. Как и Ю. Росту, он ополчается против «радикалов», «ревизионистов» и других буржуазных ученых — критиков «слева» официального курса внешней политики США. Автор откровенно выступает за жесткую унификацию взглядов буржуазных исследователей внешней политики США на ее цели, формы и методы проведения. Это, по его мнению, необходимо для «усиления эффективности» этой политики и для «правильного процесса воспитания американской молодежи»¹⁷.

Иные критерии при классификации авторов и их трудов в американской историографии выдвигает Дж. Кумс. Всех историков-международников он делит на три школы: «националистов», «реалистов» и «радикалов». Первые придерживаются тех взглядов, что внешняя политика США всегда была хорошо продумана, реалистична и, как правило, успешна. Представители второй школы полагают, что политика США всегда руководствовалась «лучшими намерениями», но критикуют ее за «чрезмерное рвение и неспособность понять реальности соотношения сил и национальных интересов в международных делах». Третья школа — «радикалы», согласно классификации Кумса, осуждает всю прошлую американскую внешнюю политику как «эличную, эгоистическую и экспансионистскую». «Каждая из этих исторических школ, — указывает автор, — создала большую и представительную литературу, чтобы поддерживать и иллюстрировать свою концепцию освещения внешней политики США»¹⁸.

¹⁶ *Rostow E. Op. cit.*, p. 11, 19, 79, 96—97 а. о.

¹⁷ *Kaplan M. Op. cit.*, p. IX—X, 27—28 а. о.

¹⁸ *Combs J. Op. cit.*, p. 1.

К «националистам» автор относит таких историков, как С. Бемис, Э. Мэй, А. Линк, Д. Перкинс, М. Сэйвелл, У. Морган, Д. Спаньер; к «реалистам» — последователей и учеников Г. Моргентау и У. Липпмана, лидера неоконсерваторов Д. Бурстина, историков и политологов Ф. Джилберта, Л. Халле, Н. Гребнера, Р. Осгуда, Дж. Кеннана. К «радикальной» школе автор относит «новых левых» историков, связанных так или иначе с Висконсинским университетом, т. е. учеников и последователей профессора В. Вильямса. «Интеллектуальным родоначальником радикальной школы дипломатических историков Америки» автор считает Ч. Бирда¹⁹.

Оценивая академическую добросовестность автора, его стремление дать более объективное освещение дифференциации во взглядах на историю внешней политики США у американских исследователей-международников, нельзя не видеть «белых пятен» в классификации Дж. Кумса. В ней не находит места большая группа крупных либеральных историков (Ф. Шуман, Г. Коммеджер, Ф. Нил, Р. Хофстадтер, С. Хьюз, Р. Липольд и др.), чьи идейно-теоретические позиции левее «реалистов», но правее «радикалов». Уязвимым является включение автором в школу «реалистов» буквально всех последователей известной в исторической и политической науке США школы «политического реализма». Теоретические и политические взгляды правого крыла школы «политического реализма» («пенсильванская группа») совсем не соответствуют классификации «реалистов». Неправомерно также объединение историографом тех авторов, которые входят в школу «радикалов». Далекое не все «новые левые» историки, включая и главу «неоревизионистов» В. Вильямса, настроены так нигилистически в отношении внешней политики США в прошлом и настоящем, как это утверждает Дж. Кумс.

Известная модификация классификационной схемы Дж. Кумса содержится в книге У. Таубмена. Автор выделяет уже четыре «школы» в изучении внешней политики США и современных международных отношений: «глобалисты» (У. Росту, Дж. Лиска, Дж. Болл, Н. Туайнинг), «реалистические» критики (Г. Моргентау, У. Пфаф, Э. Стилмен, Ст. Хоффман, Ю. Росту, Г. Киссинджер), «радикально-либеральные» критики (У. Фулбрайт, Р. Хейлбронер, М. Харрингтон, Н. Хомский, Дж. Макговерн) и «радикальные критики» (Г. Колко, Г. Магдофф и др.). При такой систематизации устраняются некоторые из отмеченных дефектов схемы Дж. Кумса, однако анализ переносится полностью в плоскость современной политики и политологии. У. Таубмен фактически игнорирует роль профессиональных историков-международников и занимается лишь анализом трудов политологов, государственных и общественных деятелей.

¹⁹ *Combs J. Op. cit.*, p. 41—42, 164 a. o.

Достоинством исследования У. Таубмена представляется его критическая оценка понятия «реализм», принятого в историко-международной науке и политологии в США. Исследователь отмечает условность этого определения в американской научной и политической терминологии. Далекое не все авторы «реалисты», справедливо утверждает У. Таубмен, являются исследователями школы «политического реализма». Общепринятое значение понятия «реализм» совсем не однозначно его употреблению в специальной литературе о международных отношениях. Автор указывает и на весьма относительную разницу между «реалистической» и «радикально-либеральной» критикой внешней политики США²⁰.

О трех «школах внешнеполитического мышления», которые определяют политическую направленность научных исследований американских ученых-международников, пишет профессор истории Гарвардского университета Э. Мэй: Первая из них видит мир 70-х годов таким, каким он был в 50-е годы, т. е. через очки «холодной войны». Вторая «школа», оформившаяся в конце 50-х годов, считает, что можно найти «модус вивенди» с СССР и Китаем. Самая молодая — третья школа (автор не дает школам специальных названий). Историки, принадлежащие к ней, полагают, что мир разделен на районы, во многих из которых США имеют довольно ограниченные интересы и не должны вмешиваться в их внутренние дела²¹. Примерно на тех же принципах строит свою классификацию и профессор Р. Леви из Нью-Йоркского университета²².

Очередная схема четырех основных «типов внешнеполитического мышления и поведения» представлена в книге профессора Г. Рейни. Наряду с «идеалистами» и «реалистами» он выделяет еще две школы «ревизионистов» — правых и левых. Первые занимают позиции самого жесткого и непримиримого антикоммунизма, чуждого всяких компромиссов с социалистическими странами. Вторые «переоценивают ценности» с учетом периода «холодной войны», вину за возникновение которой они возлагают уже в значительной мере на США. Они осуждают также американскую экономическую экспансию за рубежом и породившие ее внутренние институты в США. Характерно, что автор признает несостоятельность всех четырех «школ», их неспособность дать ответы на вопросы, которые жизнь ставит перед внешней политикой США в 70-е годы²³.

Признанный лидер школы «политического реализма» в США Г. Моргентгау в двух обстоятельных статьях в «Анналах Аме-

²⁰ Globalism and Its Critics / Ed. by W. Taubman, p. X—XIV.

²¹ *May E.* Op. cit., p. 161—162.

²² *Levy R.* Op. cit., p. 13.

²³ *Rainey G.* Op. cit., p. 52—57.

риканской Академии политических и социальных наук» анализирует наиболее заметные труды американских ученых-международников, написанные в 60-е годы. Показателен подход этого буржуазного ученого к историографическому анализу исторической и политической литературы: он вообще отказывается от какой-либо группировки историков и политологов по школам и направлениям в соответствии с их теоретическими или политическими позициями. Г. Моргентау предлагает «простые» критерии для классификации и систематизации: вся литература делится на два «потока» — теоретическую и предметно-историческую. Теоретическая литература в свою очередь подразделяется на «традиционную» (Р. Такер, Ч. Иост, К. Томпсон, А. Ардри, Г. и М. Спрауты и др.) и «системного анализа» (Дж. Бэртон, А. Скотт, Б. Рассет, Т. Саати и др.). Второй «поток» дифференцируется автором уже по чисто формальному признаку — тематической направленности исследования (проблемы «всемирной политики», военной политики, отношения США со странами социализма, развивающимися государствами, международными организациями и т. п.).

Использование при историографическом анализе формально-логических критериев, видимо, не случайно. Моргентау не скрывает своего нежелания углубляться в «путаницу взглядов» союма американских ученых-международников. Автор высказывает тревогу в связи с серьезными противоречиями, имеющими место в американской буржуазной историографии международных отношений, которые особенно обострились в середине 60-х годов. Очевидным является стремление Г. Моргентау не раздувать этих противоречий, а объединить (пусть формально различные точки зрения) в рамках единой буржуазной науки²⁴.

Формально-логический подход к историографии характерен и для Г. Киссинджера в бытность его профессором Гарвардского университета. «Труды американских ученых на внешнеполитические темы,— пишет он,— имеют тенденцию распадаться на три категории: конкретно-исторические исследования; работы, которые отстаивают или осуждают более значительное участие США в мировой политике; и труды, посвященные международно-правовым аспектам международных отношений»²⁵.

Тот же подход господствует и среди исследователей школы «общего системного анализа», ученых-«модернистов» (Дж. Розенау, Г. Маклелланд, М. Гальперин, Э. Хаас, К. Дойч, Л. Блумфильд, Дж. Модельский, Д. Боброу и др.). Пользуясь подобными критериями, профессор Йельского университета Б. Рассет, например, насчитывает 12 «методологических и теоретических

²⁴ *Morgenthau H.* Op. cit., p. 114—120.

²⁵ *The New York Times*, 1967, 12 Febr., (sec. 7, p. 3).

школ» в области изучения международных отношений в США ²⁶.

В одних случаях чрезмерно драматизируют внутреннюю борьбу в буржуазной историографии (А. Улам, Дж. Доггерти, Ф. Лоуэнхайм, Ю. Ростю), в других — относятся к ней весьма спокойно и даже иронично (Р. Фэррел, Р. Стил, Дж. Розенау). Однако суть дела от этого не меняется. Как справедливо писал видный американский историк-марксист Г. Аптекер, «нигде не проявляется так глубоко социальный кризис американского общества, как в сфере исторической науки и особенно той ее части, которая занимается изучением недавнего прошлого» ²⁷.

Все вышеизложенное объясняет трудности научной систематизации и классификации современной буржуазной историографии международных отношений.

Они, однако, не освобождают исследователя от необходимости решения этой проблемы.

Глубже разобраться в калейдоскопе идейно-политических течений в американском буржуазном обществоведении, в историографии международных отношений помогают монографические исследования и важные в теоретическом отношении статьи руководящих деятелей компартии США, историков-марксистов У. Фостера, Ю. Денниса, Г. Холла, Г. Уинстона, Г. Аптекера, Дж. Аллена и других авторов. Особую ценность представляют статьи Г. Аптекера, посвященные анализу основных течений в американской буржуазной историографии, характеристике «новых левых» историков, кризисным явлениям в буржуазной исторической науке ²⁸.

Серьезное внимание анализу американской буржуазной историографии внешнеполитических проблем США советские исследователи-историографы уделяют с конца 50-х годов.

Итогом этих исследований явился выход коллективной монографии «Американская историография внешней политики США 1945—1970» (М., 1972), в которой на основе анализа новейшей американской литературы освещены общие и региональные проблемы внешней политики США. Работа советских ученых по этой проблеме явилась темой специального библиографического

²⁶ A Design for International Relations Research/Ed. by N. Palmer. Philadelphia, 1970, p. 96.

²⁷ *Apitheker H.* Cold War Liars and New Historians.— Political Affairs, 1971, Aug., p. 25.

²⁸ *Apitheker H.* Op. cit.; Recent Ideological Developments in the United States.— Political Affairs, 1965, dec.; *Idem.* Attempting a New History.— Political Affairs, 1968, Aug.—Sept.; *Idem.* The United States: a Society in Crisis.— Political Affairs, 1969, May; *Idem.* The Politics of History.— Political Affairs, 1970, Oct.; *Idem.* Anti-Imperialism in the U. S.: The Growing Literature.— Political Affairs, 1972, Oct.; *Аптекер Г.* Лауреаты империализма. М., 1955; К вопросу о современных течениях в буржуазной историографии США.— *Вопр. ист.*, 1959, № 11; *Внешняя политика США и «холодная война».* М., 1963; *Некоторые тенденции в идеологической жизни США.— Проблемы мира и социализма*, 1966, № 10.

исследования в США, которому предпослана, правда, весьма тенденциозная вступительная статья²⁹.

При анализе обширной американской исторической и политической литературы, посвященной международным отношениям и внешней политике США после второй мировой войны, представляется целесообразным исследовать труды американских авторов как в целом, так и по конкретным проблемам этой политики.

Комплексный подход к определению школ и основных направлений при исследовании историографии международных отношений позволяет дифференцировать теоретические взгляды, исторические и внешнеполитические концепции буржуазных исследователей, проследить эволюцию самой буржуазной историографии. Такой подход дает возможность выявить ведущие тенденции в буржуазной историко-международной науке, которые не только отражают намерения отдельных лиц или групп, но и могут в ближайшем будущем стать основой для определенных реальных политических действий. Немаловажным обстоятельством в пользу указанного подхода является и то, что десятки историков-международников не «вписываются» в рамки определенных школ, но вполне «укладываются» по своим теоретическим и политическим взглядам в русло основных направлений в историографии.

На наш взгляд, в американской буржуазной историографии послевоенных международных отношений и внешней политики США можно выделить три основных направления: консервативное, либеральное и радикальное. Важным критерием такой классификации является политическая направленность произведений буржуазных авторов — от воинственного антикоммунизма и антисоветизма до принятия в какой-то мере формулы мирного сосуществования, даже при сходных теоретических посылах и концепциях.

Теоретические взгляды и методологию исследования крайне консервативных историков определяет, как уже отмечалось, философия старого, традиционного американского прагматизма. Их оценка внешней политики США и международных отношений исходит, выражаясь словами американского историографа Дж. Хайэма, из «консервативной модели американской истории, в которой до минимума низводится значение социального конфликта, а общество в целом предстает в виде относительно однородного организма³⁰. Если они и критикуют эту политику, то лишь за недостаток «жесткости» и «твердости» в действиях пра-

²⁹ United State History and Historiography in Post-War Soviet Writings 1945—1970 / Compl. by L. Okinshevich. Santa Barbara, 1976.

³⁰ Higham J. Op. cit., p. 116.

вительства США. Новые явления в международных отношениях 60—70-х годов, тенденция к разрядке международной напряженности, как правило, не побуждают этих историков рекомендовать какие-либо изменения в стратегии или традиционных тактических средствах американской внешней политики, выработанной в эпоху «холодной войны».

Среди авторов консервативного направления господствуют идеологи антикоммунизма. Они приписывают идеологической борьбе роль первопричины противоречий и конфликтов на международной арене. Разрешение идеологических противоречий переносится в сферу международных отношений. Внешняя политика США, особенно отношения с СССР и социалистическими странами Европы, преподносятся ими как «идеологические кампании», как защита «ценностей свободного мира» от покушений тоталитаризма и т. п. Коммунизм у этих авторов приобретает какую-то религиозно-мифологическую окраску. Это некая дьявольская сила, которая стремится подорвать «естественные» формы жизни. Социальные изменения, которые произошли в мире в результате победы социалистической революции в России и в других странах, игнорируются. Для исследователей крайне консервативного направления характерен шовинизм, ультрапатриотизм, навязывание «американских традиций», «американского устройства общества», «американских ценностей» другим странам и народам, в частности европейским. «Американское» часто отождествляется с «естественным», «естественное» — с «религиозным», и наоборот...

Такого рода тип исторического и политического мышления приводит к выдвижению лозунгов вроде «коммунизм — абсолютный враг», «решающая схватка неизбежна», «либо-либо», вплоть до выдвигаемой некоторыми, правда, немногочисленными авторами идеи «превентивной войны» против социалистических стран.

Среди крайних консерваторов имеются профессиональные историки (Р. Фэррел, Д. Перкинс, Г. Фейс, Э. Мэй, Р. Стеббинс, Т. Кук, А. Линк, М. Сэйвелл, С. Хантингтон, Эл. Даллес. Э. Плишке и др.); политологи-международники, представляющие правое крыло школы «политического реализма» (Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер, Р. Пфальцграф, Дж. Доггерти, А. Котрелл, Ст. Посони, Дж. Лиска, Г. Диннерштейн и др.). К этому направлению относятся такие публицисты откровенно правозэкстремистских взглядов, как Дж. Наттер, Ф. Шлафли, Ч. Уорд, М. Тэйлор, Н. Туайнинг, Т. Пауэр, К. Лимэй, Х. Болдуин и др. Многие из последних, в прошлом высокопоставленные военные, несут личную ответственность за политику «холодной войны», которая проводилась США в 40—50-е годы.

Наиболее многочисленным и влиятельным направлением в последние годы являются умеренные консерваторы. Их подход к послевоенной внешней политике США дифференцирован. Так,

они фактически оправдывают «холодную войну» и вместе с тем критически оценивают внешнюю политику США в 60-е годы, полагая, что сложившееся в это время соотношение сил в мире диктует пересмотр как тактики, так и частично внешнеполитической стратегии США. Большое влияние на этих исследователей оказали последствия провала американской агрессии во Вьетнаме. Отмечая, что внешняя политика США всегда руководствовалась «лучшими намерениями», умеренные консерваторы в то же время критикуют ее за «чрезмерное рвение», за «перегруженность обязательствами» и т. п. Авторы данного направления выступают против «одержимости собственным эгоизмом» во внешней политике; за то, чтобы глобалистские концепции были «приземлены» в соответствии с реальными возможностями для осуществления внешнеполитических целей. По существу, исследователи этого направления, указывая на ограниченность американских ресурсов, предупреждают от выдвижения внешнеполитических задач, выполнение которых не может быть обеспечено реальной мощью США. Они критикуют крайних консерваторов за отрыв от реальности, за выбор слишком прямолинейных форм и методов осуществления внешней политики, за инерцию мышления в изучении послевоенных международных проблем.

Отход умеренных консерваторов от концепции «американской всесильности», признание паритета США и СССР в военно-стратегической области определяет признание ими необходимости какого-то варианта мирного сосуществования двух систем, далеко не всегда, однако, приемлемого для социалистических стран. Таким образом, сторонники рассматриваемого направления не против обходных маневров, уступок, компромиссов в межгосударственных отношениях со странами социалистического лагеря.

Критика внешней политики США историками и политологами буржуазно-либерального и мелкобуржуазно-радикального направления при общем ее сходстве различна по глубине и степени последовательности. Эти различия проявляются в их оценке социальных причин и корней агрессивной внешней политики США. Либералы в своей критике официального внешнеполитического курса не идут дальше обличения «крайностей», «ошибок», «близоруких расчетов» и других «дефектов». Значительная часть мелкобуржуазных радикалов подвергает критическому пересмотру уже самые основы империалистической внешней политики США, пытается выявить ее социальные мотивы.

К буржуазно-либеральным критикам можно отнести таких видных историков и публицистов, как Ф. Шуман, Р. Стил, Ф. Нил, Г. Коммеджер, Р. Тагвел, Г. Хьюз, Р. Хейлбронер, Дж. Уорберг, Т. Тетенс, Ч. Осгуд, Г. Парсонс и др. Мелкобуржуазно-радикальное направление включает в себя представителей уже достаточно популярной и получившей право гражданства в буржуазной исторической науке в США «ревизионистской школы» («неоревизионисты»), признанным лидером которой яв-

ляется профессор Висконсинского университета В. Вильямс³¹. Историки-«ревизионисты» 60—70-х годов, а также последователи Р. Миллса и М. Харрингтона, «новые левые» историки (их можно сегодня найти буквально в каждом американском университете) распадаются, в свою очередь, на две относительно автономные группы: «умеренные» (В. Вильямс, Д. Флеминг, Г. Алпровитц, В. Лафебер, Д. Горовитц, Н. Хоутон и др.) и «радикальные» (Г. Колко, Р. Барнет, М. Паренти, К. Оггсби, С. Линд, С. Ленс, Н. Хомский, Дж. Флинн и др.). «Умеренные» весьма близки по своим взглядам к «радикальным либералам», зато «радикальные» историки и публицисты как раз и являются наиболее резкими и непримиримыми критиками внешней политики США.

Критика официальной политики Вашингтона авторами радикального направления, несмотря на ее непоследовательность и часто путаный характер, идет значительно дальше тех ограниченных и робких попыток анализа «ошибок», которые предпринимают либералы. Представители радикального направления подвергают резкому критическому пересмотру всю послевоенную внешнюю политику США, политику «холодной войны». Они считают ее ошибочной как по целям, так и по методам и формам проведения в жизнь. Авторы данного направления выступают за приемлемый как для капиталистических, так и социалистических стран вариант мирного сосуществования; ищут пути и средства, которые бы исключали международные конфликты, политическую, экономическую и военную экспансию.

Обращаясь к историческому прошлому (конец XIX — начало XX в.), радикалы осуждают внешнюю политику США как «алчную и эгоистическую», «экспансионистскую». Многие авторы этого направления рассматривают США как главную силу, противостоящую историческому прогрессу. Особенно это касается политики США по отношению к развивающимся странам в Азии и Африке.

Вместе с тем радикалы, как правило, не требуют коренного изменения основ буржуазного строя в Америке. Все они находятся на позициях более или менее «умеренного» антисоветизма. Не случайно, видимо, ряд влиятельных государственных деятелей США и многие представители консервативного и либерального направлений американской историографии считают, что «ревизионистская» критика играет полезную роль для внешней политики

³¹ Термин «ревизионизм» давно бытует в американской буржуазной историографии в качестве синонима направления или школы, претендующих на пересмотр устоявшихся концепций. Так, были «ревизионисты» 20-х годов, затем 40—50-х годов. Последняя волна «ревизионизма», которая анализируется в данной статье, падает на 60-е — начало 70-х годов. В каждом конкретном случае речь идет о различных политических течениях в буржуазной историографии.

США, побуждая к поиску новых альтернатив внешнеполитических решений.

Удельный вес и влияние того или иного направления в течение послевоенного периода менялись. Анализ многочисленных трудов американских исследователей, в том числе работ одних и тех же авторов на протяжении 25—30 лет их творчества, приводит к выводу, что крайне консервативное крыло в американской историографии, задававшее тон в 50-х — начале 60-х годов, испытало затем явный спад. Зато в 70-х годах наблюдается заметное усиление этого направления.

Представители мелкобуржуазно-радикального направления в середине и особенно к концу 60-х — началу 70-х годов заняли прочное место в буржуазной исторической науке, приобретя уже академическую респектабельность. Однако к середине 70-х годов наблюдается заметное снижение наступательного критического «порыва» у радикальных авторов. Видимо, известные сдвиги во внешней политике США в сторону мирного сосуществования, прекращение войны во Вьетнаме, вовлечение США в систему деловых переговоров с социалистическими и развивающимися странами создали у многих исследователей этого направления ощущение выполненной миссии. В еще большей степени это явление относится к представителям буржуазно-либерального направления.

Более того, наблюдающаяся со времени прихода к власти правительства президента Дж. Картера так называемая «реидеологизация» внешней политики США, а по существу стремление заблокировать дальнейшую разрядку международной напряженности и улучшение советско-американских отношений активизировали присущий представителям вышеуказанных направлений «умеренный» антикоммунизм и антисоветизм.

Анализ трудов американских буржуазных авторов разных школ и направлений позволяет судить и об узости источников базы их исследований. В этом отношении не выдерживают серьезной научной критики работы целого ряда представителей крайне правого крыла консервативной историографии, особенно упомянутых военных исследователей и публицистов. Воинственно-тенденциозный стиль изложения у этих авторов лишь обнажает слабость научной аргументации, отсутствие убедительных документированных доказательств правоты их суждений, отказ от добросовестной оценки дипломатических и иных источников. Слабая источниковая база характерна и для работ отдельных «ревизионистских» и «новых левых» историков, что дает пищу для критики их трудов консервативными исследователями.

Конечно, выделенные нами критерии систематизации и классификации концепций и взглядов американских буржуазных историков и политологов в рамках указанных направлений условны и не являются единственно возможными, как условным является и само понятие направления как какого-то связующего

звена между творчеством отдельных ученых и общим развитием историографического процесса. Приведенная систематизация естественно не исключает существования «пограничных» случаев. Конкретный историографический анализ выявляет определенную дифференциацию и размежевание по отдельным позициям в границах каждого из названных направлений, не говоря уже о школах. Общая немарксистская теоретическая база буржуазных исследований международных отношений объясняет зачастую «размытые» теоретико-методологические и политические концепции ученых. Однако эти обстоятельства не только не отменяют, а, напротив, подчеркивают необходимость дальнейшей научной систематизации и классификации буржуазной историографии международных отношений для понимания тех глубинных процессов, которые в ней происходят.

50 ЛЕТ ЭВОЛЮЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»: ОТ ИДЕИ «ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» — К ИДЕОЛОГИИ АНТИРЕВОЛЮЦИОННОСТИ

Ю. Н. Афанасьев

В Отчетном докладе XXV съезду КПСС отмечалось, что современная эпоха отличается развитием всемирного революционного процесса. Происходит именно то, о чем писал в свое время В. И. Ленин: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»¹. Дальнейшее развитие революционного процесса во многом определяется уровнем исторического самосознания всех его участников, и прежде всего рабочего класса как авангарда в борьбе за интересы трудящихся. Обращение к истории, к прошлому, к богатому историческому опыту человечества становится настоящей необходимостью для всех прогрессивных сил современной эпохи, ибо это дает возможность осмыслить значение пройденного пути, лучше понять настоящее, определить ведущую тенденцию общественного развития. Вполне естественно, что история является той сферой, где происходит столкновение противоположных мировоззрений, разворачивается борьба пролетарской и буржуазной идеологий. Все теснее сближаясь с политикой современного буржуазного государства, западная историография стремится разработать альтернативы марксистскому пониманию общественного развития. С помощью средств массовой информации рекламируются всевозможные «концепции» исторического процесса, призванные, с одной стороны, отвлечь трудящиеся массы Запада от ключевых проблем развития человечества, от глубинных причин нынешнего кризиса буржуазного общества, доказать неприменимость законов классовой борьбы, с другой стороны, предпринимаются попытки опорочить реальный социализм, его теоретические основы — марксистско-ленинское учение, сосредоточить внимание на объективных трудностях из истории построения социализма, на ошибках отдельных личностей с тем, чтобы воздействовать на эмоции людей, вызвать в массах своего рода инстинктивную реакцию против социализма путем разжигания страха и ненависти по отношению к первому социалистическому государству.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к известному историографическому направлению «Анналов», в особенности к последнему, современному этапу его развития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540.

Общей тенденцией эволюции этого историографического направления стало последовательное отдаление от принципов целостности, закономерности и прогрессивной направленности исторического процесса. Производительная деятельность как стержень всех процессов становления и развития человеческого общества и как объект исторического наблюдения с каждым очередным этапом в развитии «Анналов» все в большей степени улетучивалась из поля зрения представляющих это направление французских буржуазных историков. Вследствие этого в анналовской исторической литературе, как показал ее анализ, получили широкое распространение спекулятивные положения о причинах и характере социальных изменений, об основных рубежах в истории человеческого общества, о роли народных масс. Весьма показательны, что хронология утверждения апологетических концепций социальной эволюции, неспособности масс к революционному творчеству почти синхронно совпадает с основными вехами расширения и углубления революционного процесса в мире, охватывающего все сферы общественной жизни, с основными этапами вовлечения широчайших масс в активную революционную деятельность. Уже сам по себе этот факт противоположной направленности развития историко-социальной реальности и ее теоретической интерпретации в трудах историков школы «Анналов» является красноречивым показателем реакционной сущности социальных функций буржуазной историографии в современном обществе. В наиболее концентрированном виде эта реакционность проявилась в современной трактовке буржуазными историками вопроса о роли социальных революций в историческом процессе.

«Социология революции» уже давно стала одним из ведущих направлений буржуазного обществоведения². В настоящее время тема социальной революции все в большей мере привлекает внимание и историков, объединившихся вокруг «Анналов», так что в этом смысле они не являются оригинальными. Однако путь к этой теме, проделанный «Анналами», был не совсем обычным. По парадоксальной логике поступательного развития этого направления буржуазной исторической науки стремление основателей «Анналов» к глобальной, синтетической истории привело в конце концов к обратному результату — к раздроблению единой истории на частные, конкретные истории, а их попытки учесть все слагаемые исторического прошлого человеческого общества, представить это прошлое комплексно, объемно, многопланово завершились отрицанием главного — отрицанием всех происшедших в истории человечества революций. Выяснение этой метаморфозы одного из ведущих ныне направлений в буржуазной историографии и является предметом настоящей статьи.

² См. об этом, например: *Красин Ю. А.* Революцией устрешенные. М., 1975.

Школа «Анналов»³ (по названию основанного в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром журнала «Анналы экономической и социальной истории») прошла в своем развитии три этапа, которые условно можно назвать этапами Марка Блока и Люсьена Февра (1929—1946 гг.), Фернана Броделя (1946—1969 гг.) и так называемых «обновленных» «Анналов» (1969—1979 гг.).

Становление этого направления происходило в обстановке общей методологической мутации в системе гуманитарных наук, обусловленной, с одной стороны, грандиозными социальными изменениями в мире, и прежде всего победой Великой Октябрьской социалистической революции, с другой — крутой ломкой основных мировоззренческих постулатов классической науки и выдвижением в ходе осуществленной на рубеже XIX—XX вв. революции в естествознании новых принципов познания.

Основатели «школы» М. Блок и Л. Февр своеобразно откликнулись на новые запросы времени, осознав, что важнейшим условием прогресса исторической науки и усиления ее влияния на судьбы Франции является отказ от традиционной схемы буржуазного мышления и в том числе от антикоммунистического варианта этой схемы. Это надолго и во многом определило оригинальность представляемого «Анналами» направления во всем западном обществоведении.

Свои «битвы за историю»⁴ М. Блок и Л. Февр начали с атак на традиционную позитивистскую («событийную») историографию, но в отличие от большинства представителей германской, англо-саксонской и итальянской историографии не пошли в ходе этих атак в сторону неокантианства, иррационализма, безудержного субъективизма. Как и многим другим буржуазным обществоведам, основателям «Анналов» стала очевидной несостоятельность позитивистского понимания исторического процесса как прямолинейного, жестко однонаправленного, синкретического восхождения. Но для М. Блока и Л. Февра столь же чуждым был и взгляд на прошлое человечества как на цепь бесконечного множества случайностей, как на хаос, нагромождение роковых оши-

³ Для характеристики этого направления мы применяем устоявшийся в советской историографии термин «школа», считая его обоснованным (см.: Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа.— В кн.: Школы в науке. М., 1977, с. 6, 28, 33, 42—43), хотя и не отражающим в полной мере представленное «Анналами» научное направление. Сами же историки «Анналов», начиная с М. Блока и Л. Февра, термин «школа» (в понимании «школа М. Н. Покровского», «школа Л. Пастера», «школа Аристотеля» и т. д.) категорически отрицают.— См.: Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа «Annales».— Французский ежегодник. 1968. М., 1970, с. 347.

⁴ «Битвы за историю» — под таким названием Л. Февр опубликовал книгу, в которой собраны его статьи, отдельные выступления с 1906 по 1952 г.— *Febvre L. Combats pour l'histoire*. Paris, 1953.

бок и несбывшихся надежд. В числе очень немногих среди буржуазных обществоведов они видели призвание исторической науки в изучении глубинных процессов жизни общества с неизменным учетом социально-экономических факторов. История лишь тогда станет наукой, по мнению М. Блока, когда ее развитие будет подчинено правилу, что «цивилизация, как и индивидуум, ничем не напоминает пасьянса с механически подобранными картами; знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого — оно даже не позволит познать самые эти фрагменты»⁵.

Такой подход оказал сильное преобразующее воздействие на историческую науку. Перед ней встала задача проникнуть в глубину исторического движения, выйти за пределы фактов и событий короткой, почти мгновенной длительности из истории политики, дипломатии, религии. Историческая наука должна изучать процессы, явления, структуры, имеющие большую протяженность во времени. Вследствие этого в поле ее зрения оказались не культивируемые ранее во французской историографии пласты экономической и социальной действительности. Вместо великих событий и выдающихся личностей предметом познания стали повседневная жизнь в ее массовых проявлениях и безымянный человек-труженик.

На основе принципа полной, всеобъемлющей истории была предпринята плодотворная попытка, прежде всего в работах М. Блока⁶, воссоздания целостной картины феодального общества как качественно новой структуры. Следует также сказать об осуществленных научных исследованиях из истории умонастроений, социальной психологии, общего видения мира людьми разных эпох, разных социальных уровней⁷.

Следующий этап развития «школы Анналов» связан с именем крупнейшего французского историка Фернана Броделя.

Стремление М. Блока и Л. Февра превратить историю в синтетическую науку, призванную адекватно воспроизвести общую картину состояния и функционирования общества на определенном этапе его истории, определило то, что среди всех методологических установок на первом плане оказалась идея холизма, или целостности объекта исторического наблюдения. Последовательная реализация этого методологического требования наиболее

⁵ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973.

⁶ Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris, 1931. (Рус. пер.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957); *Idem*. La société féodale. Paris, 1939—1940. Т. I—II.

⁷ Bloch M. Les Rois thaumaturges. Paris, 1924; Febvre L. Un destin: Martin Luther. Paris, 1928; *Idem*. Le problème de l'incroyance au XVI-e siècle, la religion de Rabelais. Paris, 1942. Из работ по социальной психологии следует также назвать превосходную книгу близкого к направлению «Анналов» французского историка Ж. Лефевра «Великий страх». — Lefebvre J. La Grande Peur. Paris, 1932.

полно отразилась в концепции глобальной истории Ф. Броделя⁸, для которой свойственно рассмотрение прошлого человеческого общества в целом и как целого — в форме системы связей и взаимодействий всех основных компонентов исторической действительности и воссоздание этой действительности в ее динамическом состоянии.

В этом смысле «глобальная история» Ф. Броделя рассматривает три взаимосвязанных аспекта: 1. Эшелонированность исторической действительности, ее слоистость, ступенчатость, наличие в ней нескольких глубинных уровней или ярусов. 2. Одной из форм существования этой эшелонированной в глубину исторической действительности является единое социальное время, которое воплощается (в зависимости от глубины залегания пластов этой действительности) в различных по своей продолжительности ритмах: короткие промежутки времени — *le temps bref* — это время индивида, политического события, «звонкой новости», удел «поверхностной» «событийной» истории; более продолжительные временные циклы, характерные для ритма экономической жизни, и, наконец, — *longue durée* — большая продолжительность, которой соразмеряется история многовековых структур, многих явлений материальной и духовной жизни, цивилизаций. 3. Историю человека можно представить и познать лишь в том случае, если ее рассматривать одновременно сквозь призму временного и пространственного аспектов. Пространственный аспект — это внутренняя логика социального пространства, воплощающаяся в разнообразных формах исторической действительности, высшим проявлением которых являются цивилизации.

Указывая на «многоэтажность» общественного «здания» как на предмет всей исторической науки в целом, Ф. Бродель совершенно четко обозначил и сферу своих личных интересов — «почти неподвижную историю людей в их тесной взаимосвязи с землей, по которой они ходят и которая их кормит; историю беспрестанно повторяющегося диалога человека с природой... столь упорного, как если бы он был вне досягаемости для ущерба и ударов, наносимых временем»⁹. Во многих своих работах Ф. Бродель ка-

⁸ Концепция «глобальной истории» Ф. Броделя последовательно разрабатывалась в следующих его работах: *Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949; 2-e éd. revue et augmentée. T. 1—2, Paris, 1966; Idem. Position de l'histoire en 1950. Leçon inaugurale au Collège de France. In Écrits sur l'histoire; Idem. Histoire et sciences sociales. La longue durée.— Annales, 1958, N 4; Idem. Histoire et sociologie.— In: Traité de Sociologie. Paris, 1958; Idem. L'apport de l'histoire des civilisations.— In: Le monde en devenir. T. XX. Encyclopédie française. Paris, 1959; Idem. Civilisation matérielle et capitalisme. Paris, 1959.* Критический анализ концепции Ф. Броделя см.: *Соколова М. Н. Историческая концепция Фернана Броделя.— Французский ежегодник. 1972. М., 1974; Она же. Современная французская историография. М., 1979.*

⁹ *Braudel F. Écrits sur l'histoire. Paris, 1969, p. 24.*

тегорически утверждал, что историю в целом можно понять только при сопоставлении ее с необозримым пространством медленной истории. Только так, полагал он, можно выявить действительный фундамент исторических событий, которые вырастают из этой полунеподвижной глубины, центра притяжения, вокруг которого вращается все. По сравнению с М. Блоком Ф. Бродель отдал предпочтение тому пласту исторической действительности, где люди преимущественно ведут диалог с природой, а не между собой, т. е. собственно социальный аспект исторического процесса оказался далеко не на первом плане его научных интересов.

Однако этот позитивный принцип всеобъемлющей, «глобальной истории» не получил полного воплощения в конкретно-исторических исследованиях на «броделевском» этапе эволюции этого направления. Более того, развитие исторической науки на основе этого принципа привело к результатам, которые перекрывали пути к адекватному отображению исторического развития. В ходе борьбы с традиционной, так называемой «событийной» историографией вместе с «коротким временем» из всеобъемлющей истории улетучились социальные конфликты, восстания и революции.

Было бы ошибочным считать, что во всех своих поисках М. Блок, Л. Февр и Ф. Бродель как представители буржуазной исторической науки сознательно выполняли определенный социальный заказ «сильных мира сего». Нет, они по-своему, на других путях, нежели историки-марксисты, искали ответ на те грандиозные изменения в науке и обществе, которые произошли в первой половине XX в. И их поиски оказались далеко не бесплодными. По целому ряду конкретно-исторических позиций, объектам исследования, общей оптимистической вере в безграничные возможности исторической науки они объективно приближались к марксизму. Однако они так и не перешли ту принципиальную грань, которая отделяет буржуазный историзм, пусть даже и существенно обновленный, от марксизма.

В итоге историкам школы «Анналов» суждено было открыть только часть истины. Отказ от монистического, диалектико-материалистического подхода к исследованию исторического процесса не позволил им осуществить до конца принципы научного историзма, найти истинную основу целостности общества, вскрыть внутреннюю обусловленность его развития, научно объяснить взаимодействие различных факторов и процессов. Концепция плюрифакторности, недооценка способа производства как основы любой социально-экономической формации, поиски «третьей позиции» (ни последовательный идеализм, ни последовательный материализм), отрицание необходимости генетического анализа при изучении процессов и явлений — вот те принципиальные расхождения, по которым проходил и проходит водораздел между марксизмом и школой «Анналов».

Французские буржуазные историки всегда, даже в тех случаях, когда они позитивно отзывались о марксизме, что было характерно для М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя, воспринимали его лишь как одну из разновидностей «академической» социальной науки. Они готовы были принять из него все «историко-научное», заимствовать некоторые эвристические схемы, но никогда не воспринимали марксизм во всей его целостности, отбрасывали его революционную суть и общие социально-политические концепции. Основатели «Анналов», как и продолжатель их дела Ф. Бродель, испытали на себе определенное позитивное влияние марксизма, они никогда открыто не выступали против него, но общая направленность развития представляемой «Анналами» историографии объективно оставалась антимарксистской. Очевидно, этим и объясняется тот факт, что при всех имевших место вспышках научного озарения никому из историков этого направления не удалось последовательно развить и полностью воплотить в научно-исследовательскую практику разработанные ими же самими многие принципы методологического и конкретно-научного характера, не лишенные рационального содержания.

На третьем этапе историки «Анналов», постоянно повторяя, что они идут по пути, указанному М. Блоком, Л. Февром и Ф. Броделем, на деле начали с атак на «святая святых» — на концепцию «глобальной истории». Современный прогрессивный историк Ж. Бувье, например, оценил этот демарш как отказ от «классической концепции» «Анналов»¹⁰, и в этом немалая доля истины. Этот демарш обернулся серьезными последствиями для представляемого «Анналами» историографического направления. Сначала имело место топтание на месте, а в последние годы обозначилось и движение вспять; усилился скепсис в отношении познавательных возможностей исторической науки; оказались отброшенными многие из тех принципов, на основе которых были созданы превосходные работы по экономической, социальной истории, по демографии, по истории материальной культуры, общественной психологии; наука истории оказалась парцелизованной, раздробленной, отчетливо просматривается возрождение того самого эмпиризма, против которого с таким энтузиазмом в 30-х годах боролись М. Блок и Л. Февр. Хотя современный эмпиризм — это не бесхитрый эмпиризм Ш. Сеньобоса, он стал уже эмпиризмом эпохи НТР, сделался «структуральным», «серийным», «биологическим» и т. п., но сущность его не изменилась — он по-прежнему является антиподом монистического видения исторического процесса в целом. Характерные для современного состояния французской буржуазной исторической науки явления — дегуманизация, парцелизация, возрождение в новых условиях эмпиризма — наиболее отчетливо проявились в публика-

¹⁰ *Bouvier J. Tendances actuelles des recherches d'histoire économique et sociale en France.* — In: *Aujourd'hui l'histoire.* Paris, 1974, p. 138.

циях таких историков, как Ф. Фюре¹¹, П. Шоню¹², Э. Ле Руа Ладюри¹³ и др. Своего рода «теоретическое» обоснование эти явления получали в ходе разработки концепции так называемой квантитативной, или серийной, истории.

После продолжительной борьбы с «событийной» историей примерно с середины 60-х годов в «Анналах» заговорили о необходимости «возврата к событию» и в связи с этим проблемы социальной революции обрели здесь «права гражданства».

Поворот этот объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Первая из них — это современная общественная практика: в эпоху бурных социальных потрясений стало уже невозможно ограничиваться лишь сооружением стратегических плацдармов, разработкой глобальных исторических концепций, пришлось осуществлять и тактические маневры с целью повышения роли исторической науки в сегодняшней политике.

Вторая причина возврата к событию продиктована современным состоянием самой французской буржуазной исторической науки. Историки «Анналов», как им казалось, были уже в состоянии «обуздать» исторические события, т. е. дать им такую интерпретацию с позиций «большой продолжительности», которая бы лишила эти события их социальной значимости. Характерна в этом отношении статья, помещенная в изданном в 1974 г. трехтомнике под ред. Ж. Ле Гоффа и П. Нора «Заниматься историей», под названием «Возврат к событию». Ее автор П. Нора отмечает, что историки-позитивисты испытывали на себе давление современных событий, но были тем не менее не в состоянии ими овладеть, поскольку не могли оценить их возможных последствий. В силу этого они, обосновывая возможности исторической науки, накладывали на современность печать принципиальной несостоятельности в смысле возможности ее научного объяснения. Современная же историография, как считает П. Нора, на основе отрицания значительности события, путем его растворения во всеобъемлющей истории, во всем многообразии глубинных процессов и явлений возвращает событие как объект наблюдения исторической науки, но это уже другое, не самодовлеющее событие; вместе с ним становится возможной и собственно современная история¹⁴.

Два взаимосвязанных направления методологической перестройки современных «Анналов» — выступления против концепции «глобальной истории» Ф. Броделя и обоснование необходимости

¹¹ Furet F. L'Histoire quantitative et la construction du fait historique.— Annales..., 1971, N 1.

¹² Chaunu P. L'Histoire sérielle. Bilan et perspectives.— Revue roumaine d'histoire. 1970, N 9, N 3, 1970; *Idem*. Histoire, science sociale. La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. Paris, 1974.

¹³ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. Paris, 1973.

¹⁴ Nora P. Le retour de l'événement.— In: Faire de l'histoire. Nouveaux problèmes. Paris, 1974, p. 227.

«возврата к событию» — становятся в настоящее время своего рода «теоретической» основой, на которой воздвигается идеология антиреволюционности. Наиболее наглядно это проявилось сначала на примере реинтерпретации истории Великой Французской революции.

Рассмотрим данный вопрос более конкретно.

М. Блок и Л. Февр, как об этом уже говорилось, непосредственно проблемами истории Французской революции конца XVIII в. не занимались. Тем не менее на всем протяжении первого периода «Анналов» эта тема в самом журнале была довольно широко представлена статьями Ж. Лефевра, а также учеников и последователей А. Матьеза, рецензиями Л. Февра и секретаря редакции журнала П. Лейо на новейшую литературу по истории революции¹⁵. Во всех этих публикациях поддерживалась и развивалась интерпретация Французской революции как социальной, «классическая» концепция ее истории, как назвал А. Собуль¹⁶. Революция рассматривалась как антифеодальная по своей направленности и буржуазная по характеру; признавалась выдающаяся роль народного движения в ее истории; позитивно оценивался якобинский этап революции.

В период с середины 50-х до середины 60-х годов в «Анналах» уже довольно четко определился поворот в оценке этого события от про- к антиреволюционности. Ф. Бродель в отличие от Л. Февра не уделил революции ни строчки на страницах журнала «Анналы». Он не скрывал, что его раздражает повышенное внимание отдельных исследователей к этим проблемам. «История не может постоянно обращаться к хронике Французской революции»¹⁷, — писал он. Для Ф. Броделя революции — это фейерверки и катастрофы; не затрагивая глубинных явлений истории человечества, они способны произвести лишь временный и сугубо отрицательный эффект на судьбы людей. Вся история человечества воссоздавалась Ф. Броделем таким образом, что в ней просто-напросто не оставалось места для социальных революций. По существу в этом и заключалась его концепция революции, вернее, антиреволюции; истинная история, согласно Ф. Броделю, — это эволюция многовековых экономических, социальных и духовных структур, которая остается неподвластной таким кратковременным и поверхностным событиям, какими являются революции. Оставалось лишь довести эту концепцию до логического завершения — обратиться непосредственно к проблемам истории революций и показать феерический, негативный характер этих собы-

¹⁵ Об основных этапах эволюции взглядов руководителей журнала «Анналы» на проблемы Французской буржуазной революции конца XVIII в см.: Блауменау С. Ф. «Анналы» и проблемы Французской революции конца XVIII века. — Вестн. МГУ. История. 1978, № 3.

¹⁶ Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française. Sur des controverses récentes. — La Pensée, 1974, N 177.

¹⁷ Braudel F. Écrits sur l'histoire, p. IX.

тий. Сам Ф. Бродель этим заниматься не стал. Зато конкретно-историческое выражение антиреволюционная концепция нашла в работах его учеников.

В начале 60-х годов такие историки «Анналов», как П. Шоно, Ф. Крузе, Ф. Моро, Ш. Моразе, Ф. Фюре и другие, с разных сторон вплотную подошли к полной реинтерпретации Французской революции¹⁸. Они выступили против «традиционной» концепции, согласно которой революция явилась важнейшей вехой при переходе от феодального общественного строя к буржуазному, и положили начало «ревизионистскому», как его квалифицировали французские марксисты, направлению в буржуазной историографии, которое в настоящее время наиболее активно борется с марксистской концепцией революции.

«Ревизия» наиболее фундаментальных завоеваний всей прогрессивной историографии в области изучения истории Французской революции началась с пересмотра отдельных проблем. В начале Ш. Моразе в одной из своих работ¹⁹ попытался дать «новую» трактовку вопросу о месте и роли буржуазии и дворянства в предреволюционном французском обществе. Он представил положение дел так, что в сфере экономики и идеологии «передовые» позиции занимало дворянство, а буржуазия была «робкой и слабой». По существу такие же взгляды по этому вопросу отстаивал Ф. Моро²⁰. В работах Ф. Фюре опровергалось положение о противоположности аристократической и буржуазной идеологии во Франции перед революцией²¹, а также развивалась идея о несовместимости с буржуазной революцией и враждебности прогрессу народного движения²². П. Шоно и Ф. Крузе сосредоточили внимание на экономических проблемах. Французская революция предстала в их публикациях как «гнусная авантюра», нарушившая ритм экономического роста во Франции, который начался в XVIII в. Эти авторы противопоставили «технологическую революцию», единственно достойную, согласно их оценкам, на-

¹⁸ Наступление на классическую интерпретацию Французской революции, последовательно развиваемую в работах Мишле, Жореса, Матьеза, Лефевра, Мазорика, Собуля, развернулось еще в середине 50-х годов в англо-американской историографии. В 1954 г. вышли работы Р. Р. Палмера «Мировая революция Запада» и А. Коббена «Миф о Французской революции», в которых была предпринята попытка на примере Французской революции отвергнуть всякую социальную интерпретацию революций вообще. По мнению А. Коббена, Великая французская революция — это миф, она лишена какого бы то ни было позитивного содержания, ибо и без нее Франция якобы неизбежно развивалась бы в том же направлении, но не прибегая к насилию и без столь многочисленных жертв.— См. об этом: *Soboul A. Op. cit.*, p. 43—45.

¹⁹ *Morazé Ch. Les bourgeois conquérants. XIX-e siècle.* Paris, 1957.

²⁰ *Mauro F. La noblesse toulousaine au XVIII-e siècle.— Annales...*, 1964, N 5.

²¹ *Furet F. Renouveau de l'étude des lumières.— Annales...*, 1964, N 5.

²² *Furet F. Pour une définition des classes inférieures à l'époque moderne.— Annales...*, 1963, N 3.

зываются революцией, Французской революцией, которую они квалифицировали как «реакционное брожение мелкого люда»²³.

С 1965 г. развернулась атака по всему фронту на Великую Французскую революцию, которая упорно продолжается поныне. Начало было положено публикацией двухтомной работы Ф. Фюре и Д. Рише, которую они назвали «Революция»²⁴. Затем эти же авторы развили свои взгляды в ряде статей²⁵, их поддержали другие историки²⁶, и к проблемам Французской революции проявили повышенный интерес философы, социологи²⁷.

Книга Ф. Фюре и Д. Рише — это первая за всю историю «Анналов» специальная работа по истории Французской революции. Она была широко разрекламирована во Франции, в 1972 г. переиздана вторично. К настоящему времени эта работа переведена на английский и немецкий языки. Ф. Фюре и Д. Рише не являются специалистами в области истории Французской революции, их работа не подкреплена специальными исследованиями. По своему характеру она представляет собой скорее публицистическое, нежели научное произведение, основные идеи которого проистекают из общественных условий и политической борьбы в современной Франции. Главная цель этой работы остается всецело в русле основной задачи «Анналов» — на основе познанного прошлого дать объяснение настоящему. Ф. Фюре и Д. Рише пытаются дать такое объяснение революционным событиям, которое укладывалось бы в современные концепции отрицания существования классов и классовой борьбы.

Книга Ф. Фюре и Д. Рише вызвала острую идеологическую дискуссию, в ходе которой были затронуты и многие историографические проблемы. С опровержением взглядов Ф. Фюре и Д. Рише выступили крупные современные исследователи Великой французской революции — французские историки-марксисты А. Собуль и К. Мазорик²⁸ и советские ученые А. З. Манфред и А. В. Адо²⁹.

²³ *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1965; *Crouzet F.* Croissance comparée de la France et de l'Angleterre au XVIII-e siècle.— *Annales...*, 1966, N 2.

²⁴ *Furet F., Richet D.* La Révolution. Paris, 1965—1966. Т. 1—2.

²⁵ *Richet D.* Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme.— *Annales...*, 1969, N 1; *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire.— *Annales...*, 1971, N 2.

²⁶ *Livre et société dans la France au XVIII-e siècle.* Paris, 1966—1971. Т. 1—2; *Chaussinand-Nogaret G.* Gens de finance au XVIII-e siècle. Paris, 1972; *Idem.* La noblesse au XVIII-e siècle. De féodalité aux Lumières. Paris, 1977.

²⁷ *Domarchi J.* Marx et l'histoire. Paris, 1972; *Aron R.* Histoire et dialectique de la violence. Paris, 1973; *Glucksmann A.* Les Maîtres Penseurs. Paris, 1977.

²⁸ *Soboul A.* *Op. cit.*; *Mazauric C.* Sur la Révolution française. Paris, 1970.

²⁹ *Манфред А.* Некоторые тенденции зарубежной историографии.— *Коммунист*, 1977, № 10; *Он же.* О некоторых нерешенных вопросах историографии Великой Французской революции.— *Французский ежегодник*. 1976. М., 1978; *Адо А. В.* Очередная атака на марксистскую концепцию

В работе Ф. Фюре и Д. Рише проводятся два главных положения: 1) совпадение или столкновение (*télescope*) начиная с 1789 г. трех автономных и одновременных течений — революции элит, т. е. либеральных дворян и буржуа, крестьянской революции и революции городских санкюлотов; 2) отклонение, «занос» (*dégarage*) революции, в особенности на ее якобинском этапе. Оба эти положения взаимообусловлены. Первое из них если не прямо, то опосредованно затрагивает некоторые проблемы методологии исторического исследования, истоки второго всецело уходят в область идеологии и политики. Вряд ли нужно уточнять, какое из этих положений является главным, в конечном счете определившим и само появление работы Ф. Фюре и Д. Рише, и все их наиболее важные построения. Оба они, как мы увидим, стоят друг друга. Возможно, стремление авторов найти новые способы прочтения истории революции, их страстное желание во что бы то ни стало развенчать «якобинскую историографию» этого события настолько их увлекло, что они перестали уже замечать рамки рационального. Не исключено, однако, что их «поиск» был предопределен заранее. Во всяком случае знакомство с работами Ф. Фюре и Д. Рише не дает оснований усомниться в оценках тех историков, которые сделали вывод об антимарксистской, антикоммунистической и антинародной предвзятости этих авторов³⁰.

В чем же смысл и каково значение двух указанных положений? Согласно Ф. Фюре и Д. Рише, с лета 1789 г. события во Франции развивались следующим образом. Начало было положено «революцией элит». Эта революция либеральных дворян и буржуа подготавливалась в течение всего XVIII в. и свершилась в просвещенных умах, прежде чем она была перенесена на общественные отношения. «Революция 1789 г., — пишет Д. Рише, — явилась результатом появления у элит сознания своей самостоятельности, независимости по отношению к политической власти; сознание это было единодушным, роль инициатора в его распространении играло дворянство, затем это сознание захватило сферу богатства, собственности и талантов. Это была революция Просветителей»³¹. В работах Ф. Фюре и Д. Рише вершившая либеральную революцию «элита» представлена как внеклассовое образование. Она сформировалась из верхов третьего сословия на основе общности идей, образа жизни. Система ценностей этой «элиты», состоящая из таких категорий, как труд, усердие, компетентность, полезность, благотворительность, по своему характеру была буржуазной и способствовала выработке политических

Французской революции конца XVIII века.— Вопросы истории, 1973, № 4; *Он же*. Современные споры о Великой Французской революции.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

³⁰ *Mazauric C.* Sur la Révolution française, p. 58—61.

³¹ *Richet D.* Autour des origines..., — *Annales*..., 1969, N 1, p. 1.

взглядов единой «элиты», осуществлению «тактического объединения дворянства и буржуазии против абсолютизма», а также и против «анархии толпы». По оценке Ф. Фюре и Д. Рише, «новаторская воля» «элиты» в условиях Франции того времени — это «носителница будущего», а «революция элиты» была единственно исторически закономерной, и именно она заключала в себе позитивный смысл Французской революции в целом³².

Однако либеральной революции 1789 г., которая определялась программой ее просвещенных руководителей и компромиссом сверху, по мнению Ф. Фюре и Д. Рише, противостояла «неспособность монархии выступить арбитром и пойти на реформы». Кроме того, «вмешательство» народа вначале затормозило, а начиная с народного восстания в августе 1792 г. окончательно отклонило, как автомобиль на крутом вираже, рожденную XVIII в. либеральную революцию от курса, ее «занесло». Авторы рассматриваемой работы изображают народное движение в период революции как ничего общего не имеющее с истинными задачами революции. Парижские санкюлоты, утверждают они, восстанут не для защиты Национального собрания и его завоеваний; это выступление является лишь объективным следствием их стремления «защитить самих себя»³³. Что касается революции крестьян, «громко стучащих в двери буржуазной революции, которая не решается им эти двери открыть»³⁴, то она не была якобы антифеодальной по своей направленности. Ф. Фюре и Д. Рише, как и многие другие современные историки «Анналов», считают, что в XVIII в. во французской деревне уже якобы не существовало феодальных отношений, что дворяне в это время были перредовой силой в экономической жизни, они основывали капиталистические предприятия, что сеньория уже почти полностью «обуржуазилась» и стала «колыбелью» аграрного капитализма, а феодальные повинности носили «остаточный характер». В такой интерпретации крестьянские движения в революционный период с их уравнительными требованиями выглядят как «экономически ретроградные»³⁵ и «политически реакционные»³⁶.

Утверждения об «отклонении», «заносе», случайном характере всего этапа революции с 1792 г. и до термидорианского переворота Ф. Фюре и Д. Рише аргументируют тем, что для «народного вмешательства» не было никаких реальных оснований. «Уже к 1790 г., — пишут они, — Франция привилегий умирает. Рождается Франция предпринимательства»³⁷. Угроза контрреволюции, заявляют они, — это всего лишь «психологическое заблуж-

³² Furet F., Richet D. La Révolution, p. 1—10.

³³ Ibid., p. 106.

³⁴ Ibid., p. 120.

³⁵ Le Roy Ladurie E. Histoire immobile.— Annales..., 1974, N 3, p. 668.

³⁶ Furet F., Richet D. La Révolution, p. 207.

³⁷ Ibid., p. 165.

дение»³⁸. Что же касается войны, то она была вызвана якобы «безудержным экспансионизмом Франции»³⁹. Обходя таким образом действительные причины широкого участия народных масс в революции, Ф. Фюре и Д. Рише представляют в ложном свете и характер народного движения, которое выглядит в их публикации не как революционное творчество, а как проявление «анархических» иллюзий невежественных масс. Будучи лишенными руководства со стороны либеральной и просвещенной буржуазии, народные массы уверовали в магическую силу насилия, которое якобы и определило все содержание якобинского этапа революции. Террор и насилие, по мнению Ф. Фюре и Д. Рише, не были «необходимым следствием революции, а представляли собой ее злополучное извращение». Причины применения насилия они объясняют логикой развития «групповой психологии». Руководители санкюлотов представлены как злобные карьеристы. Характер крестьянских выступлений определялся обычаями, корни которых уходят в глубь веков, в традиции народной культуры; революционный патриотизм стал религией, у которой были и свои мученики, своя инквизиция и свои костры. Иными словами, в революции имело место столкновение не только серий автономных событий, но и нескольких комплексов нравов, обычаев, культур. Этим и объясняется глубина «отклонения» революции. Лишь после утверждения термидорианской Директории, согласно Ф. Фюре и Д. Рише, Французская революция вновь возвращается к «великому пути, начертанному разумом и богатством XVIII в.»⁴⁰.

Итак, смысл «нового прочтения» Ф. Фюре и Д. Рише истории Великой Французской революции сводится к опровержению ее оценки как революции буржуазной, как рубежа на пути перехода от феодализма к капитализму. Они отрицают решающую роль в революции народных масс, обеспечивших ее победу над контрреволюцией и интервенцией. Они рассматривают якобинскую диктатуру и якобинство в целом как «время величайших бед»⁴¹, как необоснованный разгул террора и насилия, а не как необходимый, высший этап в развитии революции, в ходе которого она ушла дальше своих непосредственных задач и тем самым обеспечила закрепление своих буржуазных завоеваний.

Для подобного «прочтения» истории революции Ф. Фюре и Д. Рише предприняли попытку рассмотреть революционный процесс вне связи с общественно-историческим процессом в целом, в отрыве от структуры французского общества старого порядка. Видимо, именно этим и объясняются в конце концов яростные атаки историков третьего поколения «Анналов» на идею «глобальной истории» Ф. Броделя. В своей основе эта идея рациональна,

³⁸ Ibid., p. 294.

³⁹ Ibid., p. 270.

⁴⁰ Ibid., p. 358.

⁴¹ Ibid., p. 294.

она включает в себя научные представления об обществе в целом. Хотя у Ф. Броделя эта идея и не была последовательно реализована, она, однако, сохранилась как авторская цель, как ориентир для всей исторической науки и объективно вела к познанию истины. Поэтому по мере наполнения рациональным знанием идея «глобальной истории» становилась все более опасной, подрывающей основы идеологических установок буржуазного обществоведения. Установление в ходе исторических исследований проявлений тесной многосторонней связи экономики, социального строя, политики и идеологии невольно наводило на размышления о закономерностях исторического процесса, о причинах качественных изменений в обществе. Идея «глобальной истории» становится тем более рискованной, если ее придерживаться при исследовании революционных процессов. Она предполагает необходимость рассмотрения революции в неразрывной связи со всей структурой общества. В этом случае и сама революция с неизбежностью предстала бы как проявление кризиса этой структуры.

Вот почему Ф. Фюре решительно выступал в теории против «постулирования наличия целостной структуры «глобального общества» и причин взаимодействия между его различными уровнями» и ратовал за «исчерпывающий перечень и описание частного вида систем». На практике это позволило ему вместе с Д. Рише искусственно обособить «три революции», «концептуализировать и анализировать каждую автономную политическую и идеологическую динамику, как таковые»⁴², представить их столкновения как непредвиденные случайности, вызвавшие «отклонение» от «нормального» буржуазного течения либеральной революции 1789 г. Действия социальных групп в ходе революции, не будучи детерминированными законами развития общества, с легкостью объясняются Ф. Фюре и Д. Рише в одном случае мифическими представлениями, в другом — психологией толпы. Разумеется, при этом не остается никаких оснований для того, чтобы называть Французскую революцию буржуазной, смотреть на нее как на важный рубеж в истории страны, как на разрез «старое — новое»⁴³. Само понятие «буржуазная революция» стало для Ф. Фюре «мифом», «метафизическим чудовищем»⁴⁴. Нет нужды прибегать и к понятию исторической необходимости, оно рассматривается Ф. Фюре как одно из проявлений «финалистской философии» и «религии прогресса»⁴⁵. В области психологии, в любом предшествующем событии, будь оно даже неожиданным, всегда можно попытаться отыскать смысл настоящего и будущего. Так, Ф. Фюре и Д. Рише снова водворяют в историю иррационализм и случайность.

⁴² *Furet F. Le catéchisme révolutionnaire.— Annales...*, 1974, N 2, p. 288.

⁴³ *Ibid.*, p. 257.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 282.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 261, 263.

Очевидна и политическая направленность работы Ф. Фюре и Д. Рише. В ней не просто противопоставляются два пути развития общества — реформистский и революционный, что давно уже стало нормой для всей буржуазной историографии. В условиях нарастания массовых революционных движений, нарушающих устои «нормального» функционирования буржуазного строя, Ф. Фюре и Д. Рише продемонстрировали способность этой историографии выполнять «вахтенные» функции. На этот поворот в развитии буржуазной историографии обратил внимание еще выдающийся французский историк Ж. Лефевр. «Уместно задать вопрос, — писал он в 1956 г., — почему интерпретация революции, или, скорее, некоторых из революций как мифа встречает одобрение. Не приходится сомневаться в том, что это отражает идеологическую эволюцию господствующего класса под влиянием демократического натиска и, главное, натиска русской революции; чувствуя себя в опасности, он отрекается от восстания предков, обеспечивших ему преобладание, потому что видит в нем опасный прецедент»⁴⁶. Сегодня атаки ведутся уже не только на некоторые из революций. Стратегия буржуазной историографии состоит в том, чтобы вообще изгнать «демона революции» из сознания людей.

Хотя работа Ф. Фюре и Д. Рише направлена непосредственно против Французской буржуазной революции XVIII в., в ней преследуются более широкие цели. По их конструкциям, любое вмешательство масс в осуществление буржуазного проекта сверху бесполезно. Оно способно лишь затормозить реформаторскую деятельность имущих и просвещенных верхов и принести вред обществу в виде разрушений и необоснованного насилия, и ненужных жертв. В конечном же итоге буржуазия всегда останется абсолютной госпожой своей судьбы, поскольку только ей принадлежит видение будущего человечества. Таков антикоммунистический подтекст работы Ф. Фюре и Д. Рише «Революция». Есть в этой работе и прямые выпады против первой в мире социалистической революции. В отличие от «ясновидящей» французской буржуазии 1789 г., которая «знала историю, которую она делала», большевики изображаются здесь «утопистами» и утверждается, что практика построения реального социализма оказалась якобы прямой противоположностью их «утопиям»⁴⁷. Подобные разглагольствования звучат как предостережение всем, кто намерен связать свою судьбу с социалистическим будущим человечества.

Ретроградные выступления Ф. Фюре и Д. Рише и других современных историков «Анналов» вполне естественно влились в общее русло антикоммунистической пропаганды. В условиях усиления антикоммунизма и антисоветизма, которым характеризует-

⁴⁶ *Lefebvre J.* Le mythe de la Révolution française.— *Annales historiques de la Révolution française.* 1957, p. 337.

⁴⁷ *Furet F., Richet D.* La Revolution, p. 137.

ся современная идеологическая обстановка во Франции, подобные выступления не остались бесследными. Прежде всего их активно поддерживали так называемые «новые философы». Эта группа «разочарованных детей 1968 года» получила в последнее время широкую известность. «Новые философы» достаточно продуктивны⁴⁸, их охотно печатают престижные издательства, о них пишут статьи, с ними проводятся телевстречи, отдельные их работы уже переведены на многие языки.

Большинство «новых философов» принимало участие в событиях 1968 г. во Франции, исповедуя в те дни идеи так называемого «французского гошпизма» — смеси маоистско-троцкистских лозунгов, экзистенциалистских установок, анархизма и пр. Неудача «молодежного бунта» привела «новых философов» к пессимистическому выводу, что революция вообще невозможна, что мир всегда строился и будет строиться на зле и насилии, подавлении личности. С этого момента главную свою задачу «новые философы» усмотрели в том, чтобы доказать, что революция должна быть признана невозможной для всех времен.

Для обоснования этой точки зрения они обратились к современной буржуазной общественной науке и без особого труда нашли в ней достаточно обширный материал, созвучный их эмоциональному настроению. В целях доказательства того, что общественное бытие не несет в себе зерна перемен, «новые философы» активно, но вульгаризаторски использовали структуралистский метод, в результате чего была выработана категория «Maître», которой дается широкое толкование: это прежде всего «власть», а также «государство», «идеология», одним словом, все то, что, по их мнению, фатально противостоит индивиду и подавляет его. Помимо собственно философского обоснования этой концепции, они довольно широко используют идеи и мысли, сформировавшиеся во французской буржуазной историографии и направленные против марксистского учения о социальной революции.

Так, например, А. Глюксманн — наиболее заметная фигура среди «новых философов» — прибегает порой к прямому пересказыванию, «реинтерпретации» истории Великой французской революции, осуществленной Ф. Фюре и Д. Рише. Разделяя полностью точку зрения «анналистов» по узловым пунктам этой проблемы, А. Глюксманн особо выделяет те положения, которые дают ему возможность сделать «философские обобщения» в том плане, что еще в период Французской революции правительства научились осуществлять «революционные реквизиции», «размахивать косой уравнильства», «бороться с эгоизмом масс» и

⁴⁸ Назовем лишь некоторые из тех работ, которые принесли «новым философам» популярность: *Benoist J. Marx est mort.* Paris, 1970; *Dolle J. Le désir de révolution.* Paris, 1972; *Lardreau J. Le singe d'or.* Paris, 1973; *Glucksmann A. La cuisinière et le mangeur d'hommes.* Paris, 1975; *Jambet Ch. et Lardreau J. L'Ange.* Paris, 1976; *Levy B. La Barbarie à visage humain.* Paris, 1977; *Clavel M. Deux siècles chez Lucifer.* Paris, 1978.

что все это привело лишь к «борьбе всех против всех при недоверии и эгоизме каждого»⁴⁹, что «государство террористически революционизирует общество, а общество революционизирует само себя»⁵⁰, а все это, вместе взятое, и есть «вечный момент революции»⁵¹, который определяет собой ее перманентную безысходность. По мнению А. Глюксманна, независимо от того, какая «политическая группа» приходит в тот или иной исторический момент к власти, ей постоянно противостоит некий слой общества, который он нарекает «плебсом». Таким образом, общество постоянно разделено на «руководителей» и «руководимых» (*gouverneurs gouvernés*), и извечное насилие («*Maître*») сохраняется⁵².

Первое свое историческое воплощение, по Глюксманну, «плебс» нашел в лице «европейского крестьянина», но «плебс» продолжает существовать и поныне. Правда, А. Глюксманн делает здесь существенное уточнение: в настоящее время эта дихотомия (власть — плебс) присуща уже не только обществу, но и каждой личности в отдельности, в каждом индивидуе есть нечто от «власти» и одновременно от «плебса»; этот трагизм бытия выражается в том, что человек, следуя внешним установлениям, является «слепком» власти, когда же он ставит себя в оппозицию последней, то в нем проявляется нечто от «плебса»⁵³. Подобный абстрактный, надклассовый подход позволяет «новым философам» утверждать, что человеческое бытие всегда однокачественно там, где существует «власть», т. е. и при капитализме и при социализме⁵⁴.

Примерно на тех же позициях по проблемам революции стоит другой «новый философ» — Бернар-Анри Леви. Также исходя из идеи неизменности бытия, он ставит задачу опровергнуть концепцию «оптимистического прогрессизма» и доказать, что «мир не меняется и не изменится к лучшему», так как «*Maître*» (у Леви он выступает в роли «князя» (*Prince*)) есть «фатальность, подчиняющая Историю своему закону»⁵⁵.

Таким образом, по мнению «новых философов», бытие «*Maître*» по своей природе объективно, независимо от действий людей. Приобретая мистический облик, он является как некий Рок, радикальное Зло, что не дает никакой надежды на перемены. Основная функция этой категории вполне ясна — доказать неизменность общественного бытия. И если буржуазные историки отказывают человеческому обществу в объективных закономерности

⁴⁹ *Glucksmann A. Les Maîtres Penseurs. Paris, 1977, p. 295.*

⁵⁰ *Ibid., p. 302.*

⁵¹ *Ibid., p. 297.*

⁵² *Ibid., p. 307.*

⁵³ *Ibid., p. 309.*

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵ *Levy B. A. La Barbarie à visage humain, p. 16.*

стях развития, то «новые философы» превращают «неизменность» в Рок, стоящий над материальным бытием в форме «идеи».

У Ф. Фюре нашлись эпигоны не только среди философов, но и среди историков. Одним из них стал М. Ферро, который считает себя самым крупным во Франции специалистом по истории революции 1917 г. в России.

М. Ферро занимает видное место в «Анналах». Он является одним из директоров журнала, осуществляет руководство «Центром по исследованию проблем СССР и Славянских стран» Высшей школы в области социальных наук. Кроме того, он активно сотрудничает в «Монд» и на телевидении, выступая в качестве наиболее авторитетного буржуазного советолога. В сфере историографии наибольшую известность М. Ферро принесли два тома его работы под общим названием «Революция 1917-го года»⁵⁶. Первый из них — «Свержение царизма и истоки Октября» — вышел в 1967 г., второй — «Октябрь — рождение одного общества» — в 1976 г. В том же году М. Ферро защитил эту работу в качестве докторской диссертации в Сорбонне.

Прежде чем дать этой работе характеристику по существу, отметим, что в ней отчетливо просматриваются некоторые тенденции новейшей буржуазной историографии Октябрьской революции в целом⁵⁷. Прежде всего это касается проблематики. Современные буржуазные историки стали уделять внимание таким аспектам социалистической революции в России, которые раньше буржуазная историография игнорировала. Во многих публикациях по истории Октября иногда целые разделы посвящаются таким вопросам, как содержание и характер первых декретов Советской власти, в них анализируются устремления различных социальных групп, различных классов, мотивы действий различных социальных групп, программные положения политических партий в России накануне и в ходе Октябрьской революции. Десятки и сотни страниц в книгах по истории Октября отводятся на «освещение» вопросов о Советах, рабочем контроле, о профсоюзах, о численности и составе рабочего класса, об экономических и политических предпосылках революции, о ее последствиях⁵⁸.

⁵⁶ *Ferro M.* La Révolution de 1917. Paris, 1967. Т. I. La chute du tsarisme et les origines d'octobre; Paris, 1976. Т. II. Octobre: Naissance d'une société.

⁵⁷ Об основных тенденциях современной французской историографии Октябрьской революции см.: *Афанасьев Ю. Н.* Современная французская историография о предпосылках и характере Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; *Он же.* Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции.— В кн.: История и историки. 1974. М., 1976; *Наузов Н. В.* Великая Октябрьская революция во французской буржуазной историографии. М., 1975.

⁵⁸ *Portal R.* La Russie industrielle de 1880 à 1914. Paris, 1960; *Idem.* Les Slaves. Peuples et nations. Paris, 1965; *Sorlin P.* La Société soviétique. Paris,

Французских буржуазных историков занимают в первую очередь те проблемы из истории Октябрьской революции, которые наиболее созвучны социально-политическим проблемам сегодняшней Франции; среди них на первом месте — народ и революция, массы и партия большевиков. Выбор именно этих проблем не случаен. Характерной особенностью общественной жизни современного французского общества является нарастающее массовое движение, ставшее сегодня уже не отдаленной, а непосредственной, реальной угрозой господству монополий и самому существованию капиталистического строя. Изменения в соотношении классовых сил, все более широкое распространение идей социализма убедили буржуазных идеологов в том, что сохранить и упрочить свое влияние на массы невозможно, обходя такие важные вопросы, как народ, классы, партии, революция.

За последнее время существенно изменился и характер публикаций по истории Октября. Расширение проблематики, введение в исследовательскую сферу новых тем потребовали от буржуазных историков соответственного расширения историографической и документальной базы, круга источников. Авторы книг, которые составляют основу «научной» продукции «советологии», оперируют довольно большим фактическим материалом, пытаются аргументировать свои выводы, очень часто делают ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма, приводят цитаты из их работ, обращаются к выводам советской исторической науки, вступают в полемику⁵⁹. В результате многие публикации внешне выглядят весьма внушительно, а их авторы предстают перед читателем как настоящие исследователи.

Одной из главных тенденций в развитии буржуазной историографии на современном этапе является более тонкая и изощренная маскировка под объективность, стремление к «переориентации», к «переоценке» отдельных аспектов истории СССР вообще и Октябрьской революции в частности. Следует иметь в виду, что тенденцию к более широкому распространению «модифицированных», «сбалансированных», «интеллектуализированных» и тому подобных концепций взамен примитивно антикоммунистических трактовок социалистической революции нельзя воспринимать как некий «прогресс» современной буржуазной исторической науки, как стремление к более или менее правдивому отоб-

1964; *Chambre H.* Union Soviétique et développement économique. Paris, 1967; *Coquin F.-X.* La Révolution russe. Paris, 1967; *Carbonelle Ch.-O.* Le Grand Octobre russe de 1917. La révolution inimitable. Paris, 1967; *Trotignon Y.* Naissance et croissance de l'URSS. Paris, 1970; *Carrère d'Encausse H.* L'Union Soviétique de Lénine à Staline. 1917—1953. Paris, 1972; *Laran M.* Russie — URSS. 1870—1970. Paris, 1973.

⁵⁹ *Beitellheim Ch.* Les luttes de classes en URSS. 1917—1923. Paris, 1973; *Berger C.* Marx, l'Association, l'anti-Lénine. Vers l'abolition du salariat. Paris, 1974; *Dallemagne J.-L.* Construction du socialisme et révolution. Paris, 1975; *Radjavi K.* La dictature du prolétariat et le dépérissement de l'Etat de Marx à Lénine. Paris, 1975.

ражению конкретно-исторического хода событий. О некотором «превосходстве» последних публикаций по истории Октябрьской революции над работами предшествующих лет можно говорить лишь с точки зрения усиления опасности модернизированного антисоветизма по сравнению с антисоветизмом грубым, примитивным.

Все это в определенной мере относится к работам М. Ферро. Общая схема построения обоих томов его «Революции 1917 года» та же, что и у Ф. Фюре и Д. Рише. Великая Октябрьская социалистическая революция для М. Ферро — не историческая реальность, а миф. «Революция, — пишет он, — какой ее воображали революционеры до 1917 г., — это воображаемая революция»⁶⁰. После 1917 г. «победители в свою очередь хотели применить к настоящему видение будущего, которое сформировалось у них в прошлом»⁶¹; к этому добавилось представление о революции 1917 г., которое выработала историография. Все это, вместе взятое, — представляемая революция, столь же далекая от исторической реальности, согласно М. Ферро, как и революция воображаемая⁶². Чтобы развеять «легенды» об Октябрьской революции, М. Ферро считает необходимым и единственно возможным такой способ рассмотрения событий 1917 г., который бы исключал предположение, что эти события представляли собой единый и закономерный процесс. «Различные этнические группы, — пишет он, — другие общности, крестьяне данной деревни, рабочие завода — все имеют каждый свою Историю, со своей собственной хронологией, со своим дыханием, своими кризисами; эти истории не обязательно соответствуют Великой Истории — борьбе за власть, становлению великих наций, подъему социализма»⁶³. Такая исходная установка в сочетании с рассмотрением отдельных событий 1917 г. вне связи с процессом общественно-исторического развития России в целом, в отрыве от анализа соотношения классовых сил и классовой борьбы дает М. Ферро безграничные возможности для произвольных комбинаций. Он считает допустимым автономизировать события в деревне, в городе, в армии, на национальных окраинах России. Кроме того, он рассматривает изолированно такие процессы, как изменение отношения различных социальных групп после Февральской революции к представителям власти, к религии, к законам; образование и деятельность Советов, заводских комитетов, профсоюзов; большевизация Советов и т. п.

В результате раздробления единого революционного процесса в работе М. Ферро многие проблемы получают ложное истолкование, имеет место необоснованное сосредоточение внимания на частных вопросах, в то время как о генеральных направлениях

⁶⁰ *Ferro M. La révolution de 1917, t. II, p. 13.*

⁶¹ *Ibid., p. 17.*

⁶² *Ibid., p. 429—430.*

⁶³ *Ibid., p. 5—6.*

развития революции не упоминается вообще, в ряде случаев гипертрофируются некоторые стороны поведения социальных групп, отдельных личностей, локальные события. Так, например, без каких бы то ни было на то оснований М. Ферро утверждает, что русская деревня оставалась в изоляции во время и после революции⁶⁴, что крестьянское движение никак не было связано с Октябрьской революцией, «в нем проявилась невоздержанность крестьян, разжигаемая более древней традицией — Пугачевщиной»⁶⁵. «В общей веренице крестьянских мятежей Тамбовской губернии,— пишет он,— столь же многочисленных после 1917 г., как и до этого времени, Октябрь — это всего лишь один из многих эпизодов, который никак не затронул степень лояльности деревни по отношению к режиму, будь то царь до 1917 г. или большевики после Октября»⁶⁶. Освободившись от помещика в 1917 г., крестьянин снова оказался в состоянии конфликта с городом — с этим «вечным своим врагом»⁶⁷.

Один из принципов исторического наблюдения, которого М. Ферро неукоснительно придерживается в своей работе и который на первый взгляд не вызывает особых сомнений, заключается в следующем. Для того, чтобы избавиться от воображаемой и представляемой истории революции, для того чтобы постичь собственно историческую реальность этого события, надо наблюдать его не с авансцены, а попытаться проникнуть внутрь самого социального корпуса, сделать точкой наблюдения один из заводов Петрограда, какую-то деревню в зоне крестьянских волнений, воинское подразделение, университет, один из дворовых комитетов. Это дает возможность посмотреть изнутри на процесс расчленения и трансформации социального корпуса, увидеть, каким образом движения, одушевляющие различные социальные группы, сходятся в одной точке, преобразовывают действия партий и политических организаций или же сами преобразуются этими организациями. Все это можно сделать, считает М. Ферро, если вместо классического типа источников, исходящих от отдельных личностей, официальных организаций и т. п., сделать предметом анализа источники более скромного достоинства: написанные каракулями черновые тексты, оставшиеся неиспользованными и вовсе не предназначенные для размножения рисунки, лозунги, всевозможные послания, решения низовых организаций, а также кадры документальных и художественных фильмов. «Невысказанное часто бывает важнее сказанного, подразумеваемое — явного, а воображаемое важнее реального»⁶⁸.

Такая постановка вопроса, если ее рассматривать отвлеченно, вряд ли может вызвать какие-то возражения, тем более что

⁶⁴ Ibid., p. 167.

⁶⁵ Ibid., p. 215.

⁶⁶ Ibid., p. 369.

⁶⁷ Ibid., p. 221.

⁶⁸ Ibid., p. 6.

из практики исторических исследований можно привести сколько угодно примеров, когда ученым удавалось проникнуть в самые глубокие процессы исторической реальности при ограничении научного исследования пределами истории одного завода, деревни. Разумеется, и источники можно и нужно привлекать самые разные. Многое зависит, однако, и от конкретного воплощения любого принципа исторического наблюдения. М. Ферро, как об этом свидетельствует вся его работа, не случайно настаивает на необходимости наблюдения отдельного, особенного, единичного. В его исследовательской практике это требование абсолютизируется и противопоставляется возможности и необходимости постижения исторической реальности с помощью таких категорий, как всеобщее, единое. М. Ферро постоянно уходит от вопроса о репрезентативности используемых им источников, как правило, ограничивается лишь иллюстративным методом при обосновании своих выводов, а нередко — вообще одними лишь декларациями. Например, он утверждает, что активное участие рабочих в апрельских, июньских и июльских событиях в Петрограде в 1917 г. — это якобы не реальность, а догма, с помощью которой большевики доказывают законность взятия ими власти. Это утверждение М. Ферро пытается обосновать, опираясь на разработанный им метод «контранализа общества» с помощью кинофильмов. В ходе просмотра кадров из фильмов «Октябрь» С. М. Эйзенштейна (1926 г.) и «Конец Санкт-Петербурга» В. И. Пудовкина (1927 г.) он установил, что среди манифестантов на улицах Петрограда рабочие встречаются реже, чем «крестьяне в шинелях»⁶⁹, и, очевидно, решил, что этого «факта» достаточно для суждения по одной из кардинальных проблем революции. В другом месте с помощью того же метода «контранализа общества», на этот раз на основе фильмов «Стакча» С. М. Эйзенштейна (1925 г.) и «Мать» (по роману М. Горького) В. И. Пудовкина (1926 г.), в которых речь, как известно, идет о событиях конца XIX — начала XX в., М. Ферро делает выводы о наличии накануне Октябрьской революции антагонизмов среди рабочих, обусловленных не политическими убеждениями, а возрастными особенностями (разлад всегда вносят более пожилые, а вдохновителями забастовочного движения выступают молодежь), социальным происхождением (наиболее активно участвуют в забастовках выходцы из деревни, а в роли шпионов, «штрейкбрехеров» выступает городская молодежь). Здесь же М. Ферро делает и более широкие обобщения. По своему содержанию требования рабочих накануне

⁶⁹ *Ferro M.* Op. cit., p. 37. Обоснованию метода «контранализа общества» с помощью кинофильмов М. Ферро посвятил несколько специальных статей, в которых речь идет, в частности, и о составе участников апрельских, июньских и июльских событий.— *Ferro M.* Le filme, une contra — analyse de la société.— In: Faire de l'histoire. Nouveaux objets. Paris, 197. *Idem.* Fonction et réalité au cinéma, une grève dans l'ancienne Russie.— In: Méthodologie de l'Histoire et des sciences humaines. Toulouse, 1975. T. II.

Октября, заявляет он, не затрагивали основ существующего строя, они были направлены лишь на улучшение элементарных условий жизни. Что же касается формы выражения требований, насилия и жестокости, которыми сопровождалась забастовка, они были иррациональными по своему характеру. Таковой же была, по мнению М. Ферро, и программа революционных партий, которой предусматривалось установление социализма⁷⁰.

Автора рассматриваемой работы, как видно, не очень озадачивает то обстоятельство, что фильмы, содержание которых служит ему основанием для выводов (и которое, заметим, он интерпретировал произвольно), — это художественные произведения, и сколь бы реалистичными они ни были, какой бы выдающийся талант их ни создавал, они все-таки не могут быть отнесены безоговорочно к числу исторических источников. Использовать даже в качестве иллюстрации при анализе событий 1917 г. киноматериал о периоде конца XIX — начала XX в. — это малоубедительный прием для работы, претендующей называться научной. Но М. Ферро часто допускает еще более сомнительные приемы. Иногда ему достаточно одного-единственного лозунга, постановления одной из низовых организаций для самых широковещательных обобщений. Так, решение молодых рабочих Выборга, желавших создать молодежную организацию и выступить самостоятельно на одной из общих демонстраций, М. Ферро оценивает как одно из проявлений «установленного» им общего процесса бюрократизации общества — процесса, который он отождествляет с установлением Советской власти. Почему? На каком основании? Потому, заявляет М. Ферро, что «бюрократизация предполагает существование каких-то институтов». «Второй элемент бюрократизации — это конференция молодежи, которую они (молодые рабочие. — Ю. А.) организовали»⁷¹. И все. Если у читателя после столь «веских» аргументов остаются какие-либо недоумения — тем хуже для читателя.

Основные методологические пороки исторического анализа событий 1917 г. — механическое раздробление единого революционного процесса и рассмотрение его вне связи с общественно-историческим развитием страны — дополняются в работах М. Ферро еще и попыткой свести развитие революции к действию лишь психологических факторов и на этой основе дать психоаналитическое объяснение Октябрьской революции, ее исторической роли. Коллективная, групповая и индивидуальная психология — это для М. Ферро и главное в объекте исторического наблюдения, и наиболее предпочтительный метод, и основная цель исторического исследования. Такая направленность работы вполне объяснима, это лишь одно из проявлений свойственной историкам «Анналов» психологизации общества, их попыток противопоста-

⁷⁰ *Ferro M. La Révolution de 1917, t. II, p. 232—236.*

⁷¹ *Ibid., p. 314.*

вить психологическое объяснение истории анализу общественно-исторической обусловленности классовой борьбы и закономерности исторического процесса. Видимо, не случайно М. Ферро в самом начале своей работы выразил особую признательность таким, с его точки зрения, авторитетам в области психоаналитической истории, как А. Безансон, М. Мерло-Понти и П. Ренувэн⁷².

Социально-психологическим факторам принадлежит важная роль в историческом процессе. Научный анализ событий и явлений прошлого с марксистско-ленинских позиций предполагает выявление всей совокупности условий жизни, влияющих на формирование массового сознания, всесторонний учет особенностей каждой социальной общности, уровня ее материальной жизни, условий трудовой деятельности, места в существующих социальных отношениях, культуре, идеологии и многих других условий, определяющих психологию классов, наиболее важные повороты в развитии их умонастроений, чаяний и надежд. Советские историки постоянно обращают внимание на те богатейшие возможности для выявления закономерностей формирования общественной психологии, которые открываются в ходе изучения переломных периодов истории, и в частности революционных событий в России в 1917 г.⁷³ В работах И. И. Минца⁷⁴, Г. Н. Голикова⁷⁵, Г. Л. Соболева⁷⁶, З. В. Степанова⁷⁷, О. Н. Знаменского⁷⁸, П. В. Волобуева⁷⁹ и других советских историков в теоретическом и конкретно-историческом планах получили развитие ленинские идеи о роли социально-психологических факторов в революции. Советская историография пополнилась в последние годы новыми данными по проблемам социально-психологической характеристики различных классов, групп и коллективов в период Октябрьской революции, по вопросам соотношения между стихийностью и сознательностью в ходе классовой борьбы, между психологией и идеологией пролетариата. Новейшую советскую литературу по истории Октября отличает стремление показать процесс формирования политических настроений на всех этапах революции, значительно глубже и полнее раскрыть роль политиче-

⁷² *Ferro M.* Op. cit., t. I, p. 13.

⁷³ См. об этом, например: *Минц И. И.* Интервью журналу «Вопросы истории». — Вопросы истории, 1968, № 8; *Соболев Г. Л.* Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября. — В кн.: История и психология. М., 1971.

⁷⁴ *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. Свержение Временного правительства: Установление диктатуры пролетариата.

⁷⁵ *Голиков Г. Н.* Революция, открывшая новую эру. М., 1967.

⁷⁶ *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат в Петрограде в 1917 г.: период двоевластия. Л., 1973.

⁷⁷ *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М., 1965.

⁷⁸ *Знаменский О. Н.* Июльский кризис. М.; Л., 1964.

⁷⁹ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964.

ских партий в формировании общественной психологии, и прежде всего большевистской партии, которая, выражая самые насущные интересы трудящихся, указывала пути к их осуществлению, способствовала укреплению уверенности трудящихся в своих силах. Словом, сделано уже очень многое для того, чтобы глубже понять и осмыслить Октябрьскую революцию как событие, обусловленное всем комплексом не только объективных, но и субъективных факторов.

Вместе с тем советские историки обращают внимание на необходимость дальнейшего специального исследования социально-психологических аспектов истории революции для того, чтобы полнее раскрыть сознательность, энтузиазм, героизм народных масс, их солидарность, решимость бороться до конца.

Совсем иные цели преследует буржуазная историография, обращаясь к проблемам психологии в истории революционных периодов⁸⁰.

Прикрываясь рассуждениями о том, будто марксистская историческая мысль идеализирует «оптимистический и рационалистический образ человека» и «недооценивает сложность человеческих страстей», некоторые буржуазные историки хотели бы целиком погрузить науку о прошлом человеческого общества в «мир душевных глубин», в «коллективное подсознание», в «тайную игру иррациональной психики», превратить историю в «терапию социальных групп». Современная психоистория пополняется все новыми теориями о революционном мышлении, которому якобы всегда присущи такие свойства, как утопичность, оторванность от реальности. С неизбежностью наталкиваясь на веками сложившийся порядок, установившийся образ жизни, нравы людей и отвергая все это, революционеры будто бы создают вокруг себя «пустоту» и в силу этого вынуждены прибегать к «абсолютной организации сверху», что в конце концов ведет к установлению тоталитарных режимов и бюрократии. Разрабатываются теории, отождествляющие революции с насилием и террором, доказывающие, что убийства, жестокости, разрушения материальных и моральных ценностей, которыми будто бы исчерпывается все содержание революций, обусловлены врожденными животными инстинктами, чувством безнадежности, которое испытывают победители.

Подобными антиреволюционными мотивами определяется и все содержание работы М. Ферро.

Эта работа буквально пронизана откровенной классовой неприязнью к народным массам. Десятки страниц в ней заполнены описанием «разгула анархии», пробуждения в массах «врожденной жажды насилий и погромов». Самые незначительные приме-

⁸⁰ Более подробно об этом см., например: *Салов В. А. Историзм и современная буржуазная историография.* М., 1977, с. 109—134; *Красин Ю. А. Революцией уstraшенные,* с. 264—291.

ры проявлений анархизма, действительно имевших место в ходе революции, он пытается возвести в степень, а побудительные мотивы и все многообразие форм народного движения свести к проявлению «векового инстинкта» русских к разрушению, ниспровержению любых порядков и авторитетов. «Русские,— пишет он,— назывались по-разному: социал-демократами, эсерами и т. п.; в действительности же они действовали как анархисты, но плохо это сознавали, так как пропаганда анархизма не получила здесь широкого распространения»⁸¹. Придерживаясь, как и большинство буржуазных историков, той точки зрения, что движение Советов от февраля до октября 1917 г. шло по нисходящей линии, М. Ферро усматривает причину этого явления в анархизме русского народа. «Может быть, этим,— пишет он,— можно объяснить относительную неудачу Советов. Соглашаясь рассматривать Советы как органы разрушения старого режима, русские отвергали их с того момента, когда они становились подконтрольными партии, так как, враждебные всяким формам парламентаризма, русские хотели иметь возможность самостоятельно решать свою собственную судьбу».

Даже такое явление, как поддержка народом политики партии большевиков, М. Ферро пытается объяснить опять-таки врожденным инстинктом русских к анархизму. Извращая подлинный смысл многогранной деятельности партии большевиков, ее политику среди рабочих, крестьян и солдат, сводя все к подстрекательству со стороны большевиков солдат — к дезертирству, крестьян — к беспорядочному самоличному захвату земель, а рабочих — к борьбе с администрацией, Ферро утверждает, что деятельность большевиков всегда «шла в направлении дезинтеграции и именно в этом состояла тенденция живых сил революции». Этим и объясняется, по мнению Ферро, поддержка со стороны масс партии большевиков. Что же касается вопросов большой политики, конечных целей партии большевиков, то они не находили якобы отклика в народных массах, для которых события 24—25 октября явились полной неожиданностью и не вызвали у народа никаких эмоций.

Как видим, М. Ферро пытается в новой обстановке воскрешать старые схемы и наиболее ходовые антибольшевистские мифы кадетов и меньшевиков. В частности, тезис об анархизме масс в 1917 г., о всеразрушающем характере их движения заимствован у кадетских профессоров (П. Краев, П. Рысс, Р. Бланк), которых в свое время В. И. Ленин заклеил в работах «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906 г.), «К истории вопроса о диктатуре» (1920 г.). В. И. Ленин отмечал тогда, что в представлении самодовольного буржуа, когда «история человечества продвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история

⁸¹ *Ferro M. La Révolution de 1917, t. 1, p. 472.*

движется с быстротой гужевой повозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план». Наоборот, говорил В. И. Ленин, в истории именно в такие моменты выступает разум масс, а не разум отдельных личностей, именно тогда массовый разум становится «живой, действенной, а не кабинетной силой...»⁸².

В настоящее время советская историография Октября располагает значительным количеством работ, в которых вопрос о характере и формах революционного творчества народных масс накануне и в ходе революции получил всестороннее и глубокое освещение⁸³. В свете последних достижений советской исторической науки особенно жалкими выглядят потуги французских буржуазных историков изобразить состояние масс в России накануне революции в виде неуправляемой стихии, массового психоза, действий бессознательной толпы. То, что буржуазные историки называют анархией и хаосом, на самом деле было стремлением найти истину путём участия в митингах, манифестациях, на заседаниях Советов, в продолжительных спорах и дискуссиях, которые проходили повсеместно. Все это было поиском нового в общественной жизни, «необходимым переходом совершенно еще не подготовленных к общественному строительству масс, — переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству»⁸⁴.

Во втором томе своей работы М. Ферро уже окончательно покидает область науки. Его итоговые оценки Октябрьской революции, ее причин, характера и последствий, попытки обоснования которых и составляют все содержание этого тома, выдержаны всецело в духе идеологии и пропаганды антикоммунизма и антисоветизма. М. Ферро исходит из представлений о реальном социализме как о тоталитарном бюрократическом обществе, основанном на насилии и терроре, и пытается доказать, что истоки этого общества следует искать в самом факте свершения Октябрьской революции и в практике осуществления ее целей⁸⁵.

Провал политики Временного правительства, его неспособность предотвратить Октябрьскую революцию М. Ферро объясняет не тем, что политика этого правительства определялась

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 389—390.

⁸³ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1967—1973. Т. 1—3; Гапоненко Л. С. Решающая сила Великого Октября. М., 1977; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Кузин В. А. Народные массы и революция. Казань, 1967.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 154.

⁸⁵ Ferro M. La Révolution de 1917, t. II, p. 363—372, 430.

классовыми целями и шла вразрез с интересами масс. По мнению М. Ферро, в поражении Временного правительства выразилось более общее банкротство всех тех, кто и после исторических кризисов традиционно пытается обеспечить постоянство социальных отношений и продолжает действовать, исходя из предположений о непреходящем характере отношений к власти⁸⁶. Из этой констатации вовсе не следует, что, говоря о социальных отношениях и о власти, М. Ферро имеет в виду отношения между основными классами российского общества, власть помещиков и капиталистов. Он рассуждает об обществе и о власти вообще. После Февральской революции, согласно М. Ферро, образовался «вакуум» власти, государство распалось, его заменило общество, которое представляло собой «перевернутый мир», т. е. мир, каким бы его хотели видеть, — мир самовластия. Началось политически анонимное движение, в ходе которого имело место «распыление власти»: спонтанно нарождались всевозможные комитеты, Советы, профсоюзы, которые никому не хотели подчиняться и, самоутверждаясь, соперничали между собой. Стремление к самовластию, кощунствует М. Ферро, не было продиктовано какими бы то ни было политическими идеалами, в нем проявился «скрытый эгалитаризм», присущие русскому крестьянству плебейские умонастроения. Например, самоуправление на заводах М. Ферро оценивает как распространение на заводы деревенской модели, которая была наиболее близкой к умонастроениям недавно пришедших из деревни рабочих — общее собрание рабочих соответствовало деревенскому обществу — сходу, коллективное управление — деревенскому миру, артели. Индивидуализм крестьянина, мечтавшего стать владельцем земли, сделаться хозяином, имел в качестве своего подобия коллективный индивидуализм рабочих одного предприятия, одухотворяемых своего рода местническим, артельным патриотизмом⁸⁷.

Одновременно с образованием сразу после Февральской революции всевозможных комитетов, Советов и т. п. начались, голословно заявляет М. Ферро, два параллельных процесса — их бюрократизация и борьба политических партий за контроль над их аппаратами. Симбиоз этих двух процессов играл в пользу партии большевиков, поскольку намерения вновь создаваемых институтов и большевистской партии совпадали по крайней мере в одном главном пункте: чтобы выжить, они должны были вступить в рукопашную с Временным правительством с целью разрушить старое государство и занять его место⁸⁸. Совпадением двух указанных процессов М. Ферро объясняет успех Октябрьского вооруженного восстания и характер Октябрьской революции в целом. Потрясение 1917 г., пишет он, не сопровождалось реальным раз-

⁸⁶ *Ferro M.* Op. cit., p. 434.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 288—289.

⁸⁸ *Ibid.*, t. II, p. 435.

решением проблем русского общества, выгоды первых декретов Советской власти были иллюзорными. В деревне и в городе, пишет он, места помещиков и предпринимателей заняли деревенские и заводские комитеты, но жизнь продолжалась, как и прежде⁸⁹, за русских рабочих и крестьян, якобы неспособных в силу своей незрелости ни к самоуправлению, ни к представительной демократии, продолжали думать и действовать другие. Реальное значение Октябрьской революции М. Ферро усмотрел в том, что она якобы травмировала русское общество, учредила и узаконила насилие⁹⁰.

Таким образом М. Ферро наряду с несостоятельностью методов исторического исследования наглядно продемонстрировал свою классовую ненависть по отношению к рабочим и крестьянам, совершившим под руководством партии большевиков первую в мире социалистическую революцию. По существу все содержание его работы — это излияния высокомерного буржуа, напуганного социалистической перспективой, открывшейся перед человечеством вместе с победой Великого Октября. М. Ферро заканчивает свою работу фразой, которая, пожалуй, как нельзя лучше раскрывает и побуждения самого автора, и антиреволюционную сущность современных «Анналов»: «Будучи призванной заполнить различные пробелы (в истории революции. — Ю. А.), эта работа побуждает задуматься о нашей эпохе; история СССР нам представляется не как уникальное, чуждое безвозвратное прошлое, но как один из вариантов модели развития, общей для стран, которые революционным способом, радикально меняют режим»⁹¹. Очевидно, с той целью, чтобы у читателей работы М. Ферро не сложилось впечатления, будто изложенные в ней взгляды на Октябрьскую революцию и ее последствия — это всего лишь мнение одного из историков, был осуществлен специальный выпуск «Анналов» на эту же тему, в котором наряду с изложением основных положений М. Ферро предпринята попытка очернить социализм в целом, представить в ложном свете всю историю социалистического строительства в СССР⁹².

Если теперь сквозь призму последних интерпретаций посмотреть на весь пятидесятилетний путь представляемого «Анналами» историографического направления, становится особенно очевидным, что все наиболее важные методологические мутации здесь были обусловлены — сознавали это сами историки или нет — необходимостью отреагировать на новую историческую реальность, возникшую после 1917 г. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, мировой революционный процесс в целом заставили буржуазную историографию постоянно пересматривать

⁸⁹ Ibid., p. 442.

⁹⁰ Ibid., p. 439.

⁹¹ Ibid., p. 446.

⁹² Révolution et totalitarisme. — Annales., 1976, N 2.

все важнейшие проблемы теории исторического знания — познавательные возможности исторической науки, ее предмет, методы научного анализа. Вполне естественно, что по мере подтверждения самой социальной практикой марксистской концепции исторического процесса усиливалось противоборство буржуазной историографии с марксизмом. Также вполне естественно, что по мере усиления этого противоборства уменьшались и познавательные возможности буржуазной исторической науки. В марксистской концепции исторического процесса воплотились все достижения величайших мыслителей человечества и в силу этого любые попытки опровергнуть логику марксистского понимания на практике означают выступления против рационализма.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ БУХАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1920 Г.

Ф. К. Касымов

Победа Советской власти в Бухаре является одним из самых значительных событий политической жизни Средней Азии в первые послеоктябрьские годы. Создав на обломках сокрушенного эмирата Народную Советскую Республику, трудовые массы Бухары подтвердили правоту ленинских идей о возможности установления Советской власти в отсталых, слабо развитых районах, там, где предстояло прежде всего решить задачу ликвидации феодально-деспотического строя. За короткий исторический срок, опираясь на поддержку и помощь социалистической России, трудящиеся Бухары смогли покончить с отсталостью и нищетой, создать у себя национальную государственность, развить экономику и культуру. Опыт Бухары блестяще подтвердил правильное теоретическое положение В. И. Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Разработка и научное обобщение исторического опыта перехода Бухары к социализму, минуя капитализм, имеет большое практическое значение, ибо многие аспекты революционного преобразования социально-экономических и политических основ феодальной Бухары являются весьма поучительными для молодых независимых государств Азии и Африки, ищущих пути к подлинной свободе и процветанию. История Бухарской революции занимает заметное место в проблематике исследований процесса установления и упрочения Советской власти в Средней Азии.

В трудах советских историков² обобщен большой докумен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

² Айни С. Материалы по истории Бухарской революции. М., 1926. На узб. яз.; Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии. Ташкент, 1932; Гафуров Б., Прохоров Н. И. Падение Бухарского эмирата. Сталинабад, 1940; Ишанов А. И. Создание Бухарской Народной Советской Республики. Ташкент, 1955; Он же. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969; Шек Л. К. Победа народной советской революции в Бухаре. Ташкент, 1956; Гордиенко А. А. Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре. Ташкент, 1959; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967; История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967; История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Т. 3; История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971; Зиманов С. З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976.

тальный материал, раскрывающий объективную закономерность победы нового общественного строя в Бухаре, руководящую роль Коммунистической партии в установлении и укреплении народно-демократического строя, помощь Советской России народным массам Бухарской Народной Советской Республики в подготовке условий для перехода к строительству социализма. Советские ученые исследовали комплекс хозяйственных, политических и культурных мероприятий, проведенных Коммунистической партией и Советским государством в целях создания необходимых предпосылок для приобщения трудящихся масс Бухары к строительству основ социализма, раскрыли специфические особенности революционного переустройства Бухары.

История Бухарской революции 1920 г. стала объектом изучения и в буржуазной историографии. «Буржуазия,— писал Ф. Энгельс,— все превращает в товар, а, следовательно, также и историю»³. И действительно, как на «ценный товар» смотрят на проблему Бухарской революции представители зарубежной реакционной исторической науки, когда бесстыдно искажают национальную политику Коммунистической партии в Бухаре, фальсифицируют картину революционных преобразований в республике. Опыт некапиталистического развития народов Бухары, гибко и умело использовавших все разнообразие форм революционной борьбы, приобретает ныне все большее международное значение. В противовес советским историкам, стремящимся сделать этот опыт достоянием молодых независимых государств, буржуазные идеологи усердно занялись фальсификацией революционных событий в Бухаре, стараясь всячески принизить значение опыта некапиталистического развития, «напугать» народы, освободившиеся от колониального гнета, «ужасами» советского строя в Бухаре.

Разоблачение антикоммунистической идеологии было и остается важнейшей задачей советских историков. Как подчеркнул в Отчетном докладе XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, ныне, когда «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной», «нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»⁴.

В последние годы деятельность советских историков по разоблачению антисоветских измышлений буржуазных историков, фальсифицирующих историю народов Средней Азии и Казахстана, значительно усилилась. Издан целый ряд работ⁵, в которых

³ Архив Маркса и Энгельса, 1948, т. X, с. 104.

⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977, с. 74.

⁵ *Иноятов Х. Ш.* Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; *Он же.* Ленинская национальная политика

дана достойная отповедь попыткам иностранной реакционной историографии извратить ход исторических событий в Средней Азии и Казахстане в первых десятилетиях XX в., разоблачены буржуазные авторы, в искаженном свете представившие социалистическую революцию в крае, национальную политику КПСС, успехи и достижения среднеазиатских народов в государственном, экономическом и культурном строительстве. Вместе с тем авторы указанных публикаций в силу поставленных перед собой задач не могли охватить все события истории Средней Азии, ставшие объектом освещения, точнее, искажения в буржуазной историографии. Остается, в частности, незатронутым вопрос о попытках зарубежной реакционной исторической науки фальсифицировать историю Бухарской народной революции 1920 г.

В настоящей статье мы, не претендуя на полный критический анализ всей зарубежной литературы о победе Советской власти в Бухаре (это требует более широкого исследования), попытаемся на примере книг, изданных в США и Англии, раскрыть наиболее типичные для буржуазной историографии приемы и методы фальсификации истории установления и упрочения власти Советов в Бухаре. История революции в Бухаре и Бухарской Народной Советской Республики привлекла внимание многих американских и английских буржуазных историков⁶.

В своих тщетных попытках извратить ход освободительной борьбы в Бухарском эмирате, историю некапиталистического пути

в действии; (Ответ идеологам антикоммунизма, извращающим исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и Казахстане). Ташкент, 1973; *Новоселов К.* Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; *Хидоятов Г.* Правда против лжи. Ташкент, 1964; *Он же.* Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; *Рзаев Д.* Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока: Критика антикоммунизма в национальном вопросе. Фрунзе, 1968; *Зенушкина И. С.* Советская национальная политика и буржуазные историки: Становление советского многонационального государства (1917—1922 гг.) в современной американской историографии. М., 1971; *Аминова Р. Х.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане и ее фальсификаторы. Ташкент, 1972. На узб. яз.; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов: Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана. Ташкент, 1975; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад, 1975.

⁶ *Caroe O.* Soviet Empire. London, 1953; *Kolarz W.* Russia and Her Colonies. London, 1954; *Carr E.* The Bolshevik Revolution, 1917—1923. London, 1954; *Park A.* Bolshevism in Turkestan, 1917—1927. New York, 1957; *Hostler Ch.* Turkism and the Soviets. London, 1957; *Fitzroy M.* Back to Bokara. New York, 1959; *Ryukin M.* Russia in Central Asia. New York, 1963; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917—1923. Cambridge, 1964; *Wheeler G.* The Peoples of Soviet Central Asia. Chester Springe (Pennsylvania), 1966; Central Asia, a Century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth. New York; London, 1967; *Zenkovsky S.* Pan-Turkism and Islam in Russia. 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1967; *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva, 1865—1924. Cambridge (Mass.), 1968.

развития Бухарской Народной Советской Республики буржуазные историки пользуются в основном схемами и положениями, выработанными буржуазными националистами и троцкистами. Так, описывая события первых лет Советской власти в Бухаре и Средней Азии, О. Кэроу и А. Парк неизменно ссылаются на свидетельства Мустафы Чокаева и Зеки Велиди Тогана. М. Чокаев, бывший министр буржуазно-националистической Кокандской автономии, и его единомышленник З. Тоган в угоду своим империалистическим хозяевам пытались представить советскую действительность в извращенном свете, всячески клеветая на успехи и достижения народов Советской Средней Азии⁷.

Наибольшую «ценность» представляют для английских и американских советологов грязные писания Баймирзы Хайта, уроженца Узбекистана, предателя Родины, возведенного в пропагандистских центрах Западной Германии в ранг «ученого», «знатока» истории Советского Востока. В годы второй мировой войны Б. Хайт изменил своей родине, перешел на службу к гитлеровцам и активно сотрудничал в гестапо. Он организатор многочисленных карательных отрядов, батальонов, соединений, его руки обогреты кровью тысяч убитых им русских, французов, поляков, итальянцев, узбеков, казахов, таджиков. После войны фашистский палач начал выступать в облике «ученого», историка народов Средней Азии. Что же могло выйти из-под пера недобитого фашиста? Ложь и клевета. И действительно, все работы Баймирзы Хайта, начиная от первой — «Краткая история Туркестана»⁸, изданной в 1944 г., и кончая последними, такими как «Советско-русский колониализм и империализм в Туркестане»⁹ (1965 г.) — это сгусток гнуснейшей клеветы на национальную политику Коммунистической партии, на советский общественный строй, на величайшие успехи народов Советского Востока. Не случайно реакционный историк Р. Пайпс в аннотированной библиографии к своей монографии (раздел «Туркестан, Хива, Бухара») называет сочинение Б. Хайта¹⁰ «лучшим исследованием» раннего периода революции в Туркестане. В круг «ценных источников» Р. Пайпс включил и книжку национал-уклониста, позднее троцкиста Г. Сафарова¹¹, в которой дана искаженная картина революционного движения в Бухаре.

⁷ *Chokayev M. The Basmachi Movement in Turkestan.— The Asiatic Review, 1928, vol. 24; Togan Z. V. Bugunku Turkili (Turkestan) ve yakin tarihi. Istanbul, 1942—1947.*

⁸ *Hayit B. Turkistanin gisgaca tarihi. Berlin, 1944.*

⁹ *Hayit B. Sowjet-Russischer Kolonialismus und Imperialismus in Turkestan. Oasterhaut, 1965.*

¹⁰ *Hayit B. Turkestan in XX. Jahrhundert. Darmstadt, 1956. Необоснованные домыслы и злостные измышления, составляющие основное содержание этого «труда», с достаточной убедительностью разоблачены на страницах печати республик Средней Азии.*

¹¹ *Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана. М., 1921.*

Буржуазные фальсификаторы используют также сведения, приводимые в мемуарах бывших разведчиков — Ф. Бейли¹², В. Маллесона¹³, Ж. Кастанье¹⁴ и др. Преступная роль этих агентов империализма в годы борьбы за освобождение узбекского, таджикского, туркменского и других среднеазиатских народов с достаточной убедительностью разоблачена в трудах советских историков¹⁵.

Пытаясь придать своим работам вид научности, фальсификаторы иногда ссылаются и на советские источники. Но ссылки эти касаются самых мелких вопросов. А. Парк ссылается на третий номер журнала «Красный архив» за 1940 г. для того, чтобы подтвердить такой общеизвестный и не требующий подтверждения факт, как день начала боевых действий по занятию Старой Бухары — 30 августа 1920 г.¹⁶

Другой особенностью научного аппарата трудов буржуазных историков, пишущих о Бухарской революции, является то, что они часто ссылаются на работы советских авторов, написанные в 20-х годах. Известно, что некоторые работы этого периода крайне слабы в научном отношении. Начальный этап историографии Бухарской революции характеризуется несистематизированностью документальных источников, полемическими преувеличениями в ряде оценок и выводов. В научный оборот было введено очень незначительное количество исторических фактов о Бухарской революции и БНСР. Выводы и заключения, сделанные на основе имевшихся материалов, не всегда отличались аргументированностью и глубиной. Этим нередко и пользуются буржуазные историки. Однако подобная методика подбора и использования источников еще раз убедительно свидетельствует об отсутствии стремления к объективному научному анализу у буржуазных историков, выступающих под маской объективизма.

Главной целью буржуазной историографии при освещении истории Бухарской революции и Бухарской Народной Республики является искажение политического и социального смысла революции 1920 г. в Бухаре, изображение событий как «борьбы русских с местным населением», извращение успехов национальной политики Коммунистической партии в Средней Азии. Достижению этой цели подчинено все: и подбор материала, и интерпретация его, преувеличение значения отдельных деталей и замалчивание крупных, подтвержденных наукой фактов и событий.

¹² *Bailey F. M. Mission to Tashkent.* London, 1946.

¹³ *Malleson W. The British Military Mission to Turkestan 1918—1920.*— *Journal of the Central Asian Society*, 1922, vol. 9,

¹⁴ *Castagne L. Les Basmachis.* Paris, 1925.

¹⁵ *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917—1920 гг.). Ташкент, 1955; История гражданской войны в Узбекистане: В 2-х т. Ташкент, 1964—1970; *Искандаров Б. И.* Бухара (1918—1920 гг.). Душанбе, 1970.

¹⁶ *Park A. Bolshevism in Turkestan*, p. 48.

Один из центральных тезисов буржуазных фальсификаторов Бухарской революции — это утверждение о том, что для народов, населявших эмират, Октябрьская революция якобы была чуждым явлением, что в Бухаре отсутствовали необходимые социально-экономические предпосылки для победы народной революции. Из арсенала антикоммунистической пропаганды вытаскивается избитая буржуазно-националистическая теория о бесклассовом обществе у народов, исповедовавших ислам. В Бухарском эмирате население якобы не делилось на классы, следовательно, там не было противоречий. Намеренно уклоняясь от изучения социально-экономических условий в Бухаре накануне сентябрьского переворота, они создают схемы, не соответствующие исторической действительности.

Многочисленные архивные документы, периодическая печать Туркестана и Бухары, мемуарная литература и другие виды источников того времени позволяют сделать неопровержимый вывод о том, что в Бухаре были все политические и экономические предпосылки для народно-демократической революции 1920 г.

В начале XX в. Бухара оставалась краем, в котором сохранялся феодальный строй общества. Проникновение русского капитала в Бухару в конце XIX — начале XX в. способствовало развитию капиталистических элементов в эмирате, устранению его хозяйственной обособленности и экономическому и культурному сближению с народами России. Это было положительным явлением, но в то же время деспотический строй самого ханства и военно-феодальные методы колониальной политики царизма препятствовали развитию в Бухаре производительных сил и культуры. Царское самодержавие намеренно культивировало здесь феодально-патриархальные отношения. Земельная собственность в эмирате служила основой экономического и политического господства крупных землевладельцев, источником эксплуатации дехкан, составлявших основную массу населения.

Огромной тяжестью давила на крестьян налоговая система. В Бухаре с дехкан взыскивалось свыше 50 видов различных сборов и налогов, существовало много феодальных повинностей. Тяжелое положение трудящихся масс Бухары не отрицали даже верные защитники эмира, представители русской администрации. «Вся политика бухарского правительства, — писал один из них, — сводится главным образом к извлечению из населения возможно больших доходов; проезд каждого бухарского чиновника является для них тяжелым бременем. Население каждый такой проезд сравнивает с нашествием саранчи, поедавшей все его сбережения...»¹⁷

Опорой феодальной власти было крепко сколоченное в условиях «священной» Бухары мусульманское духовенство. Повседневный и повсеместный контроль духовенства над общественной

¹⁷ Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика, с. 48.

жизнью, бытом и нравственностью населения создавал крайне тяжелые условия для трудовых масс. Духовенство затемняло сознание людей религиозными суевериями, энергично сопротивлялось каким-либо нововведениям и изменениям в жизни страны.

Доведенные до отчаяния народные массы не раз поднимались на борьбу со своими угнетателями. В результате усиления антифеодальной борьбы во втором десятилетии XX в. в Бухарском эмирате более четко определилась расстановка классовых сил и основные социальные противоречия между светскими и духовными феодалами, с одной стороны, и зависимыми от них крестьянами — с другой. Вместе с крестьянством выступают городские кустари, ремесленники и беднота, испытывавшие не менее жестокую эксплуатацию.

Под воздействием первой и особенно второй русской революции в эмирате зародилось демократическое движение. Великий Октябрь положил начало новому этапу национально-освободительного движения в Бухаре. Непосредственным результатом влияния октябрьских идей на рост революционного движения в Бухаре было образование осенью 1918 г. Бухарской Коммунистической партии — одной из первых коммунистических организаций в Азии. Закаляясь в огне классовой борьбы, молодая Компартия Бухары сумела объединить в единый фронт все революционные и демократические силы страны и противопоставить их деспотическому режиму эмира. На помощь бухарским революционерам пришла Советская Россия. Именно наличие классов и классовой борьбы, невыносимо тяжелое положение народных масс, изнемогавших под феодальным гнетом, послужили исходным моментом для заключения союза пролетариата России и трудовых масс Бухары. Этот союз сыграл решающую роль в свержении монархического строя.

Переход Бухары к советскому строю был predetermined, таким образом, всем ходом ее исторического развития в первых десятилетиях XX в. Эту закономерность в свое время подчеркивали и зарубежные специалисты, сумевшие трезво оценить плоды народной революции 1920 г., итоги и результаты проведенных Советской властью глубоких социально-экономических преобразований во вчерашнем эмирате. Так, американский эксперт по международным проблемам Луис Фишер, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к социализму, ознакомившись с жизнью в Советской Бухаре, отмечал, в частности, что «отсталость этой феодальной провинции делала большевистскую революцию *здесь еще более необходимой, чем где-либо в другом месте*, а ее результативные реформы — еще более глубокими и стабильными»¹⁸.

Буржуазные историки избегают заниматься изучением положения в Бухарском эмирате в 1917—1920 гг., особенно его внеш-

¹⁸ Fisher L. Women Go Free in Central Asia.— The Nation, 1931, vol. 131, p. 12. (Подчеркнуто нами.— Ф. К.).

ней политики в этот период, ибо в противном случае им пришлось бы признать преступную роль британских империалистов в Бухаре. «Документами и показаниями установлены английские интриги в Бухаре,— писала «Правда»,— направленные к усилению военного могущества бывшей, ныне свергнутой эмирской власти, в целях вовлечения Бухары в войну против Советской России»¹⁹.

Как установили советские ученые, правительство эмира имело постоянную связь с английским закаспийским штабом. Оно оказывало поддержку закаспийским белогвардейцам, ферганским басмачам и за это получало от Англии оружие и инструкторов²⁰. В Бухаре находился английский штаб, чины которого ходили в мусульманской одежде²¹.

В 1918 г. из английского штаба (Мешхед) прибыло в Бухару 300 человек, при них 2 орудия, 46 верблюдов, нагруженных военным имуществом. Этот отряд остановился на Базарча, на даче Астанакул-Кушбеги. Английский штаб в Мешхеде, подстрекая бухарского эмира к войне против Советского Туркестана, постоянно увеличивал военную помощь. В апреле — мае 1919 г. в Бухару было доставлено через афганскую границу около 30 тыс. винтовок, а несколько позже — еще 13 тыс. винтовок с патронами к ним. Сеид Алимхан направил на имя генерала Маллесона, начальника английских вооруженных сил в Мешхеде, специальную грамоту с выражением благодарности за оказанную помощь и заверением в полной готовности поддержать наступление белогвардейцев на Закаспийском фронте. О ходе подготовки своих войск эмирская Бухара через каждые десять дней информировала англичан в Мешхеде²². Эмирская Бухара имела при Закаспийском белогвардейском правительстве своего официального представителя, который держал в курсе событий как эмирское правительство²³, так и английских оккупантов. На тесную связь эмира с английским командованием в Мешхеде указывает в своей работе и О. Кулиев²⁴.

Буржуазные авторы О. Кэроу, А. Парк, С. Зенковский и другие старательно обходят эти моменты во внешней политике эмирского правительства. Но факты — упрямая вещь. И печатный орган «Исследовательского центра Средней Азии» (Оксфорд, Англия) журнал «Central Asian Review» («Среднеазиатское обозрение») вынужден был с раздражением признать их. «... Бри-

¹⁹ Правда, 1920, 4 сент.

²⁰ История гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1970, т. 2, с. 92—95.

²¹ Алескеров Ю. Н. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959, с. 198.

²² Искандаров Б. И. Бухара (1918—1920 гг.), с. 112.

²³ Бабаходжаев А. Х. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917—1920), с. 83.

²⁴ Кулиев О. Туркменистан в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Ашхабад, 1953.

танский контакт с Бухарой с разведывательной целью и ее снабжение английской миссией в Мешхеде небольшим количеством оружия,— отмечалось на страницах этого органа,— превращен как Бабаходжаевым, так и Кулиевым в систематическую военную и политическую поддержку»²⁵. Признав «контакт» с эмиром Бухарой и снабжение ее оружием, редакция журнала, посчитав, видимо, что с нее довольно и этого признания, поспешила объявить другие факты об интригах империалистической Англии в Средней Азии и Бухаре бездоказательными. Между тем положения советских ученых базируются на глубоком изучении огромного количества достоверных материалов, разоблачающих буржуазные домыслы о «непричастности» английских империалистов к событиям в Бухаре и Туркестане²⁶.

В работах буржуазных ученых отсутствует материал, свидетельствующий о тяжелом экономическом положении бухарских трудящихся, о росте антиэмировских настроений, о руководстве Коммунистической партии борьбой народных масс. Если верить им, революция в Бухаре произошла не в результате крайнего обострения классовых противоречий в эмирате, роста освободительного движения бухарского народа, а вследствие того, что в 1920 г. якобы «задерживалось установление Советами (читай: Россией.— *Ф. К.*) эффективного контроля над ...Бухарой»²⁷.

В каких же условиях проходила борьба за уничтожение феодального господства, какие события привели к установлению новой власти в Бухаре? Ответ на эти вопросы не очень затрудняет буржуазных авторов, он до наивного прост: «Русские рабочие инсценировали восстание в городе Бухаре на туркестано-бухарской границе. Одновременно небольшая революционная группа младобухарцев встала в самой Бухаре...»²⁸. Вот, по мнению М. Рывкина, и вся бухарская революция! Недалеко ушел от этих авторов в освещении вопроса об установлении власти Советов в Бухаре и А. Парк. Проблему советизации Бухары, вещает он, разрешило появление джадидов и обращение их к Советам за помощью²⁹.

Осенью 1920 г. в Бухаре победила революция, которая по своему характеру была народно-демократической. Ее основной движущей силой были трудовое крестьянство, рабочие, кустари.

²⁵ *Central Asian Review*, London, 1958, N 3, p. 275.

²⁶ Выброшенный за кордон эмир Сеид Алимхан впоследствии вынужден был признать свою связь с английскими империалистами. Он писал: «Я послал двух своих представителей — Мирза Саламбека Парвоначи и Абдурауфкараванбеги в сторону Чарджоу, где находились англичане, чтобы они провели англичан в Бухару, но по прибытии в Чарджоу они узнали, как они доложили мне, что англичане уже отступили» (*Said Alim Khan. La voix de la Boukharie opprime. Paris Librairie Orientale et Americaine. Ed. by Maisonneuve Freres, 1929, p. 22*).

²⁷ *Caroe O. Soviet Empire*, p. 118.

²⁸ *Rywkin M. Russia in Central Asia*, p. 49.

²⁹ *Park A. Bolshevism in Turkestan*, p. 57.

В народной революции участвовали и некоторые представители национальной буржуазии и интеллигенции — младобухарцы. Однако их участие не имело решающего значения, коммунисты Бухары видели в джадидах — младобухарцах — временных союзников в революционной борьбе. Бухарской революцией руководили бухарские коммунисты. Эта мысль была особо подчеркнута выдающимся деятелем Коммунистической партии и Советского государства, активным участником революции в Бухаре В. В. Куйбышевым в интервью, данном им вскоре после свержения эмирата корреспонденту ТуркРОСТА³⁰. Советская историография располагает богатым фактическим материалом, раскрывающим это положение. Закрывать глаза на очевидные вещи, не замечать фактов становится в наше время все труднее, и авторы новейших «трудов» о советской национальной политике вынуждены признать наличие коммунистических организаций в Бухаре накануне Сентябрьской революции. Но как они это делают? В коллективной монографии «Средняя Азия», изданной в Колумбийском университете, читаем: «... чувствуя опасность военных операций Советов против эмирата, обе группы (Бухарская компартия и младобухарцы.— *Ф. К.*) объединились. Младобухарцы относились враждебно до конца к идее интервенции Красной Армии»³¹. Версия авторов «Средней Азии» об «интервенции» поддержана и Сиямором Бэккером в его книге «Российский протекторат в Средней Азии. Бухара и Хива. 1865—1924»³².

Так были посрамлены О. Кэроу, М. Рывкин и другие, допустившие «преступную» мысль о «восстании», об «обращении к Советам за помощью». Оказывается, ничего подобного в Бухаре в 1920 г. не было. Была «интервенция». Мало того, для отражения этой интервенции две бухарские политические партии даже объединились! Вот так, ставя все с ног на голову, бесстыдно искажая действительность, буржуазные фальсификаторы «усовершенствуют» приемы исследования.

Как же обстояло дело в действительности, в чем усмотрели буржуазные авторы «интервенцию»? Обратимся к фактам.

Победа Советской власти в соседнем Туркестане оказала огромное революционизирующее влияние на народные массы Бухары.

Бухарская компартия развернула революционную агитацию среди масс, в крае создавались условия для низвержения деспотического режима эмира. Эти условия вполне созрели к лету 1920 г. Обстановку, сложившуюся в это время в эмирате, очень точно охарактеризовал заместитель наркома иностранных дел

³⁰ Известия ТуркЦИКа, 1920, 4 нояб.

³¹ Central Asia, a Century of Russian Rule / Ed. by Edward Allworth. New York, 1967, p. 245.

³² Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva, 1865—1924. Cambridge (Mass.), 1968, p. 294.

РСФСР Л. М. Карахан, который в письме к В. И. Ленину от 21 мая писал: «...режим в Бухаре свирепейший, против существующего правительства не только крестьянство, которое изнемогает от непомерных налогов и постоянных мобилизаций, но и мелкое и среднее чиновничество»³³.

Важную роль в подготовке народного восстания сыграл состоявшийся в августе 1920 г. IV съезд Бухарской коммунистической партии. Исходя из наличия революционного кризиса в стране, он принял историческое решение о низвержении эмирской власти. Опираясь на волю народа — рабочих и крестьян, ремесленников, съезд обратился к РСФСР с просьбой оказать помощь в освобождении трудящихся масс Бухары от векового гнета эмира. На этом же съезде был решен важный для успеха назревшего восстания вопрос о блоке между коммунистами и младобухарцами. Соглашение о временном союзе этих двух политических партий было достигнуто не перед лицом «военных операций Советов против эмирата», как представляют дело зарубежные фальсификаторы, а в интересах объединения всех демократических и революционных сил страны против монархической власти.

Дни ее были сочтены. Но силы Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе, готовые в любой момент прийти на помощь бухарским революционерам, не предпринимали никаких действий в отношении эмирата и его армии. Линия поведения советских войск определялась ясной и четкой директивой Политбюро ЦК РКП(б), в которой говорилось: «...Принять все меры к защите бухарского населения и русских государственных учреждений как на территории Бухары, так и на пограничных с Бухарой местностях Туркестана. Но не брать на себя инициативу нападения на бухарскую территорию и на бухарские военные части»³⁴. Этот документ лишний раз доказывает несостоятельность вымыслов клеветников о якобы «агрессивной» политике Советской власти в Бухаре.

В результате победоносного восстания трудящихся масс Бухары, поддерживаемого военными силами Советской России, власть эмира была свергнута. Красная Армия с честью выполнила свой интернациональный долг, протянув руку помощи трудовому народу Бухары в исторический момент, когда решалась его участь. Тезис об «интервенции» Красной Армии в Бухару не выдерживает, таким образом, критики, нет никаких оснований представлять в виде агрессии братскую помощь армии пролетарского государства народу, поднявшемуся на борьбу против своих угнетателей.

Выдавая желаемое за действительное, буржуазная историография бездоказательно заявляет, будто установление власти Советов

³³ Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика, с. 164—165.

³⁴ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1962, т. 1, с. 514.

в Бухаре вызвало «гнев» среднеазиатских народов³⁵. Историки капиталистического Запада и сами прекрасно понимают всю фальшь подобных утверждений, ибо не имеют в своем распоряжении ни одного факта, подтверждающего их вымыслы. Если бы М. Рывкин попытался найти аргумент для обоснования своего положения, он столкнулся бы с материалом прямо противоположного характера. Осенью 1920 г. среднеазиатские газеты неоднократно писали о радости и ликованиях, с которыми встретили народы Средней Азии весть о победе Советской власти в Бухаре. 5 сентября 1920 г. в столице Туркестанской АССР городе Ташкенте состоялась грандиозная манифестация в честь победы революции в Бухаре³⁶. Еще раньше, 3 сентября, Центральный Исполнительный Комитет Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики послал бухарским революционерам телеграмму, в которой выражался восторг трудящихся Туркестана по поводу победы в Бухаре. «Радостным криком,— говорилось в ней,— приветствовал туркестанский пролетариат каждую вспышку протеста и с чувством глубокого удовлетворения следил за проникновением революционных лозунгов в толщу бухарской бедноты... И вот телеграф приносит радостную весть: трудовые массы Бухары восстали, бухарская беднота организовала Красную Бухарскую Армию и штурмом взяла цитадель эмирского произвола — Старую Бухару. От имени трудящихся Туркестана привет вам, сбросившим иго деспотизма, привет вам, кровью своей добившимся свободы, привет родной нам Бухарской Красной Армии, привет Красным Российским войскам, оказавшим братскую помощь трудящимся Бухары»³⁷.

15 сентября в Ашхабаде состоялся большой митинг в честь исторической победы бухарских трудящихся. В нем участвовали огромные массы туркменских трудящихся и красноармейцы. Участники митинга послали приветственную телеграмму в адрес революционного правительства Бухары³⁸. Приветствовали специальной телеграммой новую советскую республику в Средней Азии и трудящиеся Хорезмской Народной Республики³⁹.

Таковы факты. И если уж говорить о гневе, вызванном победой Советской власти в Бухаре, то Рывкину и ему подобным следовало бы сказать о гневе и раздражении империалистических кругов Англии, которые, не желая примириться с потерей объекта своих колонизаторских вождедений, с первых же дней после крушения эмирата начали злобно клеветать на молодую Бухарскую Народную Советскую Республику. 2 февраля 1921 г. в английской газете «Civil and Military Gazette», издававшейся в Ин-

³⁵ *Rywkın M. Russia in Central Asia*, p. 53.

³⁶ Известия ТуркЦИКа, 1920, 10 сент.

³⁷ Известия ТуркЦИКа, 1920, 7 сент.

³⁸ Бухоро ахбори (орган Ревкома БНСР и ЦК Бухарской Компартии), 1920, 29 сент. На узб. яз.

³⁹ Там же.

дни, появилась статья, одно название которой — «Бухара под Советской властью» — красноречиво свидетельствует о ее клеветническом характере. Целый набор домыслов, небылиц о ходе революционного движения в Бухаре, первых социально-экономических преобразований в Народной Республике — вот что составляет содержание этой антисоветской статьи. В связи с ее появлением революционное правительство БНСР выступило с нотой протеста. Нота, которая была адресована, в числе других, министру иностранных дел Англии лорду Керзону, опровергнула тенденциозную английскую пропаганду о сентябрьском перевороте в Бухаре, разоблачив перед всем миром колониальную политику британских империалистов. «Бухарская революция, — говорилось в ноте, — не создана какой-нибудь авантюрой и жаждой к власти, как думают наши противники... Нет, она вызвана положить конец произволу эмира Сеид Мир Алима, давившего бухарский народ в особенности резко в последние годы. До революции эмир имел тайные сношения с русскими контрреволюционерами, заводя с ними дружбу, на что указывает переписка эмира с британским военным представителем, проживающим в Мешхеде.

... Бухарское революционное правительство никогда не будет весты дружбы с английскими империалистами...»⁴⁰.

В извращенном свете представляет буржуазная историография четырехлетнюю историю существования Бухарской Народной Советской Республики. О. Кэроу, Ч. Хостлер, А. Парк, В. Коларз и другие, как могут, извращают сущность народно-демократической власти, проведенных ею социально-экономических преобразований. Особенно в этом усердствуют О. Кэроу и А. Парк. Искажая действительную историческую обстановку в Бухаре, где господствовал феодально-патриархальный строй, где необходимо было сначала выполнить задачу ликвидации средневековья, крепостничества, а потому здесь не могла сразу победить социалистическая революция, они пытаются найти причину образования в Бухаре не социалистической, а народной республики. Все их рассуждения на эту тему — это намеренная ложь и клевета. В самом деле, разве можно, признавая малочисленность пролетариата в эмирате, отсутствие развитых капиталистических отношений здесь, зная о решениях I Всебухарского курултая народных представителей, провозгласившего Бухару Народной Советской Республикой, говорить о том, что Бухару де вначале «не принуждали» называться социалистической⁴¹. Кремль, вещает далее «ученый» клеветник, довольствовался тем, что она была народной⁴². Разве можно, зная о самостоятельном развитии БНСР, о полном суверенитете республики, говорить о том, что Москва де старалась поддержать среди среднеазиатских на-

⁴⁰ Известия ТуркЦИКа, 1924, 6 марта; см. также: Бухоро ахбори, 1921, 1 мая.

⁴¹ *Caroe O. Soviet Empire*, p. 118.

⁴² *Ibidem*.

родов «миф о подлинной независимости Бухары»⁴³. По наивному расчету фальсификаторов, читатель, «уяснив» подобным образом сущность исторических перемен в Бухаре, уже не должен удивляться тому, почему М. Рывкин называет революционное правительство БНСР «правительством-сателлитом»⁴⁴, действовавшим под контролем РСФСР.

«Творчески» применяя к специфическим условиям Бухарской Народной Республики общий для всей буржуазной исторической науки тезис о разрушительном характере диктатуры пролетариата, О. Кэроу, В. Коларз, Ч. Хостлер, А. Парк и им подобные бездоказательно заявляют о том, будто победа революции в Бухаре не облегчила положения народных масс, что крестьяне ничего не выиграли от установления новой власти.

Факты опровергают вымыслы фальсификаторов. В облегчении экономического положения дехканских масс Народное Советское правительство БНСР видело одну из своих первостепенных задач.

Декрет о земле, принятый в январе 1921 г. Всебухарским ревкомом, объявил землю, воду, все природные богатства народным достоянием. Согласно декрету Народное Советское правительство наделило землей трудящихся дехкан, в первую очередь трудовых чайрикеров и сельскохозяйственных мардикоров, а также малоземельных дехкан по трудовой норме. Одновременно дехкане получили семена и инвентарь пропорционально площади получаемой земли из конфискованных у эмира, его чиновников и др.⁴⁵ Только в районе Старой Бухары было конфисковано 4000 танапов эмирских и бекских земель и в уездах Бухарского вилайета — до 1000 танапов, которые были розданы безземельным дехканам. В Чарджоуском вилайете было конфисковано 500 танапов бекских земель, из которых больше половины были распределены между дехканами. Хотя декрет о земле в первый период революции из-за развернувшейся гражданской войны проводился неполностью, значение первых аграрных преобразований в Бухаре трудно переоценить. Как справедливо отмечает советский ученый А. А. Гордиенко, они «создали юридическую базу для ликвидации права феодальной собственности на землю и воду, отменили навсегда многочисленные эмирские налоги и объявили недействительными все правоотношения, возникшие из этих институтов. Они провозгласили все земли и воды страны государственной собственностью и оказали практическую помощь дехканству»⁴⁶.

Фальсификаторы национальной политики Коммунистической партии особое внимание обращают на извращение истории дру-

⁴³ Park A. Bolshevism in Turkestan, p. 75.

⁴⁴ Ruykin M. Russia in Central Asia, p. 58.

⁴⁵ Шарапов Я. Ш. К истории развития Бухарской Народной Советской Республики. — В кн.: Материалы к истории таджикского народа в советский период. Сталинабад, 1954, с. 65.

⁴⁶ Гордиенко А. А. Указ. соч., с. 117.

жественных связей между РСФСР и БНСР. А. Парк, например, освещая взаимоотношения двух республик, усердно ищет «ряд всякого рода преимуществ», которые якобы приберегла для себя Российская Федерация с целью проникновения во все сферы жизни Бухарской Республики⁴⁷. Он пытается говорить о каком-то обмане, который якобы почувствовала каждая сторона после проведения первых торговых операций⁴⁸. Но эта попытка оценивать экономические взаимоотношения двух дружественных советских республик мерилom империалистических хищников, в основе которого всегда лежала грубая сила и обман, заведомо обречена на неудачу.

Измышления А. Парка поддерживает Дж. Уилер. Прибегая к сомнительному методу голословных утверждений, он заявляет, что Бухарская Народная Советская Республика находилась в зависимости от «Москвы», являлась ее мандатной территорией. Мандатная система, которую выдумал буржуазный автор при освещении взаимоотношений РСФСР и БНСР, была якобы для Москвы шагом к установлению полного контроля над Бухарой⁴⁹.

Утверждения А. Парка и Дж. Уилера абсолютно не соответствуют действительности и не удивительно, что в их сочинениях отсутствует всякая аргументация выдвинутых положений. Да и на чем строить аргументацию, если фактов, нужных Парку и Уилеру, вообще в природе не существует! Верные слуги капитала, они вынуждены повторять избитые приемы идеологов империализма, которым была дана достойная отповедь еще в 1921 г. революционным правительством Бухарской Республики. «Бухарское Революционное правительство, — говорилось в вышеуказанной ноте БНСР, — считает своим долгом категорически опровергнуть инсинуации английских империалистов о том, что будто бы отношение России к Бухаре в области экономической принимает форму грабежа достойный мусульман. В подтверждение этого Бухарское правительство указывает: торговое и экономическое положение России и Бухары основано на началах взаимного товарообмена. Трудящиеся народы Бухары и Рабоче-Крестьянское Российское правительство обмениваются на свободных началах продуктами своего труда. Всякие товары и продукты, потребные для бухарского народа, последний получает из России в обмен на продукцию своего труда. Вытекавших раньше из порабощенного состояния бухарского народа ограничений для него теперь нет и быть не может»⁵⁰.

Вскоре после победы народной революции между РСФСР и БНСР был заключен «Временный договор о бывших русских поселениях в Бухаре», на основании которого города Каган (Новая

⁴⁷ *Park A. Bolshevism in Turkestan*, p. 71.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 75.

⁴⁹ *Wheeler J. The Peoples of Soviet Central Asia*, p. 60.

⁵⁰ Бухоро ахбори, 1921, 1 мая.

Бухара), Чарджоу, Карши и Термез со всеми находившимися в них промышленными предприятиями были безвозмездно переданы Бухарской Республике. РСФСР передала все земли со всеми предприятиями и недвижимостью.

4 марта 1921 г. в Москве был подписан Союзный договор между РСФСР и БНСР, определивший основу военного и экономического сотрудничества двух дружественных республик. Правительство Российской Федерации, подчеркивалось в этом договоре, руководствуясь ленинскими принципами права свободного самоопределения, признало «полную самостоятельность и независимость Бухарской Советской Республики, со всеми вытекающими из такого признания последствиями и на вечные времена отказывается от тех прав, которые были установлены в отношении Бухары российским царизмом»⁵¹.

В первый период после победы народной революции РСФСР предоставила Бухаре денежное пособие в размере одного миллиона рублей, выделив одновременно также 200 тыс. аршин мануфактуры, 50 тыс. пудов керосина, 25 тыс. пудов нефти, вагон посуды, 3 вагона леса, вагон спичек, 50 швейных машин, 10 пишущих машинок, железо и железные изделия, медикаменты и другие товары. В 1921 г. Бухара получила из России новую партию товаров первой необходимости: мануфактуры — около 1,5 млн. аршин, спичек — около 2 млн. коробок, горючего — около 10 тыс. пудов. С 11 октября 1920 г. до середины 1921 г. правительство РСФСР выдало Народной Республике безвозвратно денежную ссуду в сумме 4 млрд. руб., в дальнейшем эта помощь выражалась в 2 млрд. руб. ежемесячно.

В октябре 1921 г. в Бухару прибыли представители рабочих и крестьян РСФСР. Они вручили правительству БНСР в качестве дара изделия крестьянского кустарного производства: 23 521 аршин холста, 500 штук платков, 1478,5 аршин материи для школ и детских домов. Этому событию был посвящен специальный номер газеты «Известия БухЦИК», в котором выражалась искренняя признательность русскому народу за подарок, «служащий доказательством неподдельной дружбы и союза»⁵².

Большую роль в создании очагов промышленности в Бухарской Республике сыграла безвозмездная передача правительством Советской России Зарайской ткацко-прядельной фабрики (Рязанская губерния), переименованной в «Бухарское государственное-промышленное объединение прядельно-ткацкой мануфактуры «Красный Восток». Это было мощное предприятие, располагавшее 62 108 веретенами и 768 станками. В 1924 г. фабрика успешно выполнила государственное задание, выработав около 100 тыс. пудов пряжи и свыше 8 млн. аршин ткани, всего на сумму

⁵¹ Союзный договор между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой. М., 1921, с. 3.

⁵² Известия БухЦИК, 1921, 25 окт.

около 11 млн. руб., израсходованных в целях дальнейшего развития промышленного производства в Бухаре. Народной Республике были переданы расположенные в Московской губернии красильно-отделочная, ткацкая и ситце-набивная фабрики, а также техническое оборудование для кожевенного и мыловаренного заводов.

Размеры материальной помощи РСФСР Бухарской Республике возрастали с каждым годом. Это была постыдная братская помощь российского пролетариата, который сам ощущал в те нелегкие годы острую нужду в сырье, товарах.

Немало места в писаниях зарубежных фальсификаторов занимает вопрос о гражданской войне в Бухарской Республике. Уделяя ему больше внимания, чем остальным вопросам истории БНСР, клеветники из империалистического лагеря изо всех сил стараются поднять басмачество на щит как «доказательство» вражды народных масс Бухары к Советской власти, к РСФСР, игнорируют истинные мотивы, породившие басмачество.

Басмачество в Бухаре — это вооруженное националистическое, антисоветское движение, — по мнению Ч. Хостлера, М. Рывкина, А. Парка и других, должно подтвердить их вымыслы о борьбе народных масс Бухары против «большевистского господства». Басмачество в их книгах изображается движением не социальным или политическим, а прежде всего национальным, направленным против русских. «Борьба между басмачами и советскими русскими войсками проходила не между коммунистами и антикоммунистами, — пишет М. Рывкин, — а между русскими и мусульманами»⁵³. Что касается отношения населения к басмачам, то здесь его мнение не расходится с мнением Ч. Хостлера и А. Парка. «Местное население оказывало им поддержку»⁵⁴, — заявляет он, вступая в заведомое противоречие с исторической правдой. Этот фальшивый тезис в том или ином варианте присутствует во всех перечисленных нами «трудах» буржуазных авторов. Выдвигая его, они, конечно, совершают насилие над действительными фактами.

В Бухаре басмачество стало военной опорой свергнутых народной революцией эксплуататорских классов, одним из звеньев общего плана борьбы внутренней и внешней контрреволюции против Советской власти в Средней Азии. Основное ядро бухарского басмачества составляли крупные феодалы, баи, национальная буржуазия, пытавшиеся свернуть Бухару на путь капитализма, различные уголовные элементы. Главной целью басмачей была борьба с народно-демократическим строем в Бухаре. Внезапные налеты на мирные населенные пункты, истребление целых кишлаков, поджоги, грабежи, надругательства над беззащитным населением — такими методами действовали противники Советской власти в Бухаре, как, впрочем, и во всей Средней Азии. Населе-

⁵³ *Rywkin M. Russia in Central Asia*, p. 57.

⁵⁴ *Ibid.*

ние не случайно так метко называло их басмачами (тюрк. «басмак» — нападать, налетать), вкладывая в это слово всю свою ненависть к врагам трудового народа.

Многочисленные источники свидетельствуют, что басмачи представляли морально разложившихся грабителей и убийц, которые в своей ненависти к трудящимся не останавливались ни перед какими жестокостями и зверствами. «Недавно,— сообщалось в донесении Реввоенсовета Туркестанского фронта,— Мулла Абдукаххар (крупный басмаческий главарь, орудовавший в Центральной Бухаре.— *Ф. К.*), соединившись с Турды Туксабой, произвели рейд, по пути которого сожгли 186 юрт, 600 пудов пшеницы, учинили массу зверств над населением»⁵⁵.

«Курбаши Алимбаев с отрядом 60 всадников,— сообщалось в другом документе,— произвел налет на один из кишлаков в двадцати верстах восточнее Санг-Туда, где убита женщина за выпечку хлеба нашим частям. Во всех районах Бухары главари басмачества с целью поддержать свой авторитет применяют репрессии по отношению к сдающимся и жителям, сочувствующим Советской власти, к должностным лицам; производят террористические акты против отдельных советских работников. Муллой Абдукаххаром в районе Гиждувана было избито 5 жителей и один обезглавлен. Таш Мурдашуй ограбил дом сдавшегося басмача в районе Галла-Ассия. В районе Джандар убито 2 мирных жителя. По словам сдавшегося помощника Таш Мурдашуйа — Кучкара, Таш Мурдашуй намерен расстреливать всех бежавших из его шайки. Берды Дотхобаем убит в районе Чиракчи местный житель за неуплату налога»⁵⁶.

Нередки были случаи, когда басмачи отрезали своим жертвам уши, язык, закапывали их живыми в землю. В Каршинском районе, сообщается в одном донесении, «шайка сварила в котле живыми тех, которые выдали басмачей»⁵⁷.

Буржуазные авторы намеренно игнорируют эти исторические факты, стремясь представить презренных врагов трудового народа «замечательными борцами за национальную свободу». Они ни слова не говорят о том, что узбеки, таджики, туркмены, представители других народов, населявших БНСР, всем сердцем восприняли лозунги Советской власти, шли на защиту завоеваний Бухарской революции. Изучение истории самоотверженной борьбы простых бухарских трудящихся против врагов народной революции не входит в планы советологов. Оно мешает им создавать желанную картину «национального восстания» в Бухарской Советской Республике.

Особое старание проявляют буржуазные историки, выгораживая агента британского империализма в Бухаре Энвер-пашу.

⁵⁵ ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 530, л. 4.

⁵⁶ ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 531, л. 75—76.

⁵⁷ Там же.

Стремясь представить Энвера в ореоле славы и мученичества, они подробно излагают биографию этого международного авантюриста, соревнуются в сочинении хвалебных тирад в его адрес, с умилением описывают его «героические подвиги». Энвер, пишет О. Кэроу, сумел «пленить воображение племени и... сплотил вокруг себя большое количество племен»⁵⁸, «забыв» далее отметить, что племена очень скоро узнали истинное лицо этого злейшего врага бухарского и других среднеазиатских народов, лакея английских империалистов. Это вынужден признать А. Парк. Он с горечью пишет о поражении Энвера, «лишенного сочувствия населения»⁵⁹.

Не желает признавать буржуазная историография и такого бесспорного и точно установленного советской исторической наукой факта, что с самого начала возникновения басмаческого движения на территории Бухарской Республики большую помощь контрреволюционерам оказывали английские империалисты. В свое время об английских происках в Бухаре писала советская пресса. Так, в одном из своих посланий выброшенный за кордон эмир Сеид Алимхан писал бывшему гиссарскому беку: «Надеемся, что великий император Британии окажет нам помощь...»⁶⁰. В письме к главарям басмаческих банд Ишану Султану и Давлят-мандбию Сеид Алимхан сообщал, что его представители «полностью договорились с английским правительством и дело устроилось насчет войск, аэропланов и батарей, которые обещаны и придут через Шугнан и Дарваз. Сколько бы ни потребовалось винтовок, они будут отсюда вам доставляться, будьте спокойны»⁶¹.

Летом 1922 г. Энвер в присутствии басмаческих курбашей встретился с представителем бухарского эмира, поддерживавшего из Кабула антисоветскую борьбу в Бухаре. На этой встрече, происходившей в Кафроне, представитель сообщил Энверу об ожидающейся большой помощи иностранных государств, главным образом Англии, и подготовке большого количества вооружения за кордоном. Энвер подтвердил получение из Индии форменной одежды и других военных и медицинских принадлежностей и просил эмира усилить помощь.

В июне 1922 г. небольшой красноармейский отряд окружил и захватил в плен группу басмачей. У одного из них обнаружили письмо английского агента Энверу. «Я получил,— сообщал тот,— Ваше письмо и сумму в 30 тысяч рублей для того, чтобы заготовить одежду на 1200 человек и 50 офицеров, и я приложу все усилия для выполнения этого. Сообщите мне положение русских и Вас самих»⁶².

⁵⁸ *Caroe O. Soviet Empire*, p. 125.

⁵⁹ *Park A. Bolshevism in Turkestan*, p. 54.

⁶⁰ Правда, 1922, 6 марта.

⁶¹ Там же; см. также: «Бухоро ахбори», 1922, 27 марта.

⁶² Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., 1959, с. 157.

В одном из писем своим английским хозяевам Энвер сообщал, что он ждет 500 человек с пулеметами. «Пришлите мне, пожалуйста,— просил еще он,— патронов к винтовкам диссермент (английские одиннадцатизарядные) и для новых русских ружей (трехлинейных)»⁶³.

И после позорного провала авантюры Энвера английские империалисты не оставляли своих надежд на свержение власти Советов в Бухаре. Летом 1922 г. в г. Мешхеде был заключен договор между представителями английского правительства и экс-эмира Сеид Алимхана. Содержание договора сводилось к тому, что английское правительство оказывает басмачам помощь в борьбе против Советов и после восстановления эмирата имеет право распоряжаться Бухарой как своей колонией⁶⁴.

В августе 1922 г. по настоянию правительства Англии в реакционных кругах правительств некоторых восточных стран в Кабуле было созвано совещание при Сеид Алимхане с участием главарей басмачества и британских представителей. Решался вопрос об объединении разрозненных басмаческих шаек в пределах Средней Азии. Были разосланы на места эмиссары с целью обеспечить басмачей военным снаряжением за счет Англии.

На этом совещании главнокомандующим басмаческих шаек на территории Бухары вместо убитого Энвера был назначен его сподвижник Селим-паша. Попытки этого нового ставленника империализма, пытавшегося сколотить на английские деньги новые басмаческие отряды, также позорно провалились.

Подобных материалов, подтверждающих факт помощи европейских империалистов басмачеству в Бухаре, можно привести много. Буржуазная историография вынуждена замалчивать эти вполне доступные ей факты, ибо опубликование их опровергло бы все утверждения фальсификаторов об отсутствии тесной связи британских империалистов с предводителями басмаческого движения в Бухаре.

Критический анализ буржуазной историографии Бухарской революции 1920 г. вскрывает полную несостоятельность взглядов советологов. Все измышления буржуазных идеологов рассыпаются в прах, если их сопоставить с конкретно-исторической действительностью. Тщетны поэтому попытки наших идеологических противников очернить ленинскую национальную политику КПСС в Бухаре. Известные ныне всем замечательные успехи социалистического и коммунистического строительства на земле древней Бухары служат достойным ответом клеветническим утверждениям.

⁶³ Боевой путь войск Туркестанского военного округа, с. 157.

⁶⁴ *Иржаев М.* История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1971, с. 380.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

«ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР» АКАДЕМИКА А. М. ПАНКРАТОВОЙ

Л. В. Бадя

История рабочего класса от его зарождения до Великой Октябрьской революции и затем в период строительства социализма была ведущей темой в творчестве видного советского ученого Анны Михайловны Панкратовой. Этой проблематике посвящены ее монографии, брошюры, статьи, подготовленные под ее руководством сборники документов, изданные в 1923—1963 гг.

Впервые история российского пролетариата серьезно увлекла А. М. Панкратову в начале 20-х годов, когда партия направила ее на Урал на профсоюзную работу. Еще не вполне представляя себе, каким будет ее дальнейший путь, Панкратова стала изучать уральские заводские архивы. Постепенно она убедилась в необходимости «идейно-теоретического вооружения» для исследования истории рабочего класса. Поступив осенью 1922 г. в Институт красной профессуры, А. М. Панкратова рассказывала в одном из писем своему учителю М. Н. Покровскому: «Я пришла в Институт с трудной практической работы среди рабочего класса Урала. Уже тогда меня глубоко занимала мысль об исторических судьбах нашего русского пролетариата. Я много и упорно работала над осмысливанием его прошлого и настоящего»¹.

Институт красной профессуры стал для А. М. Панкратовой, как и для многих других историков ее поколения, школой научно-исследовательской, педагогической, организаторской и партийной работы, укрепил в ней стремление посвятить свою жизнь изучению истории рабочего класса. В годы учебы в ИКП будущим ученым были подготовлены в семинаре М. Н. Покровского доклад о фабрично-заводских комитетах (в его основу лег вступительный реферат А. М. Панкратовой), доклады о рабочем законодательстве в четырех государственных думах, о социал-демократии и рабочем движении во время первой мировой войны. Интересо-

¹ Музей Революции СССР, ф. ДЯ-48 (203), д. 31642/324.

вали ее тогда и вопросы истории рабочего класса периода революции 1905—1907 гг.

В 1925 г., заканчивая ИКП, А. М. Панкратова — одна из лучших представителей новой плеяды советских ученых — была уже вполне сложившимся историком, автором двух монографий и нескольких статей о фабзавкоммах и профсоюзах России и Западной Европы, составителем документального сборника о стачечном движении². Эти труды сыграли значительную роль в становлении марксистской историографии рабочего класса СССР.

С именем А. М. Панкратовой связаны и первые шаги в планомерном комплексном изучении истории рабочего класса СССР, истории промышленных предприятий, по ее инициативе были созданы первые научные коллективы для исследования этих проблем, под ее руководством работали редакции «Истории пролетариата СССР» и других крупнейших периодических изданий советских историков. Методология и методика исследования истории рабочего класса СССР, программа изучения российского пролетариата разрабатывались при непосредственном участии А. М. Панкратовой и легли в основу ее собственных научных трудов и исследований ее современников и последователей³.

Все, что написала она в соответствии с послевоенной программой до Великой Отечественной войны по истории рабочего класса, можно считать как бы прологом к созданию капитального труда, о котором мечтала А. М. Панкратова. В декабре 1939 г. она говорила на заседании Ученого совета Института истории: «Работа... к которой я сейчас готовлюсь, — это работа по линии обобщения всех моих трудов по истории пролетариата»⁴.

Война лишила ее возможности продолжать свои исследования, выдвинув новые, неотложные задачи: создание «Истории дипломатии», пропаганда исторических знаний, подготовка летописи Великой Отечественной войны и другие, в осуществлении которых А. М. Панкратова принимала активное участие.

Во второй половине 40-х годов советские историки смогли возобновить прерванную войной работу по изучению истории рабочего класса СССР. Несмотря на известные достижения советской исторической науки в этой области, многие проблемы оставались

² Панкратова А. М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; *Она же*. Фабзавкомы в германской революции (1918—1923). М., 1924; *Она же*. История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России: Конспект лекций для широкой рабочей аудитории. М., 1924; *Она же*. Проблемы профдвижения в Германии. — Большевик, 1924, № 12/13; Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 года. — В кн.: 1905: История революционного движения в отдельных очерках. М.; Л., 1925, т. 1; 1905: Стачечное движение. [Сб. док.] / Сост. А. М. Панкратова. М.; Л., 1925, и др.

³ Подробнее см.: Бадя Л. В. А. М. Панкратова и изучение истории рабочего класса СССР (конец 1920-х — первая половина 1930-х годов). — Исторические записки, 1974, т. 93.

⁴ Архив АН СССР, ф. 1577, оп. 2, д. 30, л. 50.

еще не исследованными. Это обуславливалось нерешенностью таких важных вопросов, как экономическая природа мануфактуры, становление капиталистических отношений в России и др. Необходимы были конкретные исследования по истории пролетариата, которые пролили бы свет на социально-экономические процессы в стране на протяжении XVII—XX вв. В связи с этим внимание историков привлекла проблема формирования пролетариата. Именно этой проблеме посвящена большая часть научных трудов А. М. Панкратовой, написанных в 40—50-х годах. Она мечтала создать фундаментальную четырехтомную историю рабочего класса СССР. Два тома — «Формирование пролетариата в России. XVII—XVIII вв.» и «Зарождение промышленного пролетариата в конце XVIII и первой половине XIX в.» — должны были осветить предысторию российского пролетариата, его первые шаги в условиях феодального строя и процесс его становления как класса в период зарождения капитализма в стране. В двух последующих томах А. М. Панкратова предполагала исследовать историю пролетариата при капитализме: его формирование и классовую борьбу в 1861—1894 гг., в период промышленного капитализма, и в эпоху империализма (1894—1917 гг.)⁵. «В известной мере,— писала она.— этот обобщающий труд является итогом многолетних размышлений автора над историческими судьбами нашего героического рабочего класса и над теми закономерностями, которые привели пролетариат России раньше, чем какой-либо другой страны, к победе социализма, открывая перед трудящимися всего мира великую перспективу нового, коммунистического общества. В свете этой перспективы и должен быть осмыслен весь исторический путь рабочего класса нашей страны»⁶.

К реализации этого грандиозного замысла А. М. Панкратова приступила сразу же после войны. В отчете за 1946 г. она писала: «Основной научной работой являлось продолжение большой монографии по истории рабочего класса в России со времени его зарождения и до наших дней⁷. В этом году я продолжала собирать материалы в центральных государственных архивах и изучать всю имеющуюся литературу, посвященную периоду конца XVIII и начала XIX в.»⁸ Тогда она планировала показать в первом томе процесс зарождения и формирования кадров наемных рабочих в крепостническую эпоху вплоть до 1861 г.

О том, насколько сложной и длительной была работа над монографией, свидетельствуют документы, сохранившиеся в фонде А. М. Панкратовой в Архиве АН СССР. Подготовительные матери-

⁵ От редакции.— В кн.: *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.). М., 1963, с. 3.

⁶ Там же, с. 9.

⁷ Первоначально предполагалось включить в монографию историю советского рабочего класса.

⁸ Из личного архива М. Г. Панкратовой (дочери А. М. Панкратовой).

алы к томам касаются важнейших проблем истории феодальной и капиталистической России, так или иначе связанных с вопросами формирования пролетариата. Тетради и блокноты (1946—1950-е гг.) содержат выписки А. М. Панкратовой из трудов классиков марксизма-ленинизма о характере мануфактуры XVIII в., истории империализма в России, численности рабочих⁹.

Сохранилось много тетрадей, блокнотов и папок с выписками А. М. Панкратовой из исследований дореволюционных и советских ученых, документальных публикаций, архивных материалов, дореволюционной периодики («Колокол», «Отечественные записки», «Минувшие годы», «Русская старина», «Русское богатство» и др.), из статистических обзоров фабричных инспекторов¹⁰. Тетради озаглавлены: «Уральская промышленность XVIII—XIX вв.», «Об условиях труда рабочих в пореформенный период», «Крестьянское движение 1861—1869 гг.». Внутри папок выписки чаще всего систематизированы по разделам, например: «Процесс закрепощения», «Разорение посада», «Крестьянская промышленность в XVII в.», «Развитие мануфактуры в текстильной промышленности XVIII в.»¹¹.

Эти материалы представляют интерес и как подборка документов по проблеме и как отражение этапов исследовательского труда А. М. Панкратовой, показывают, какой огромный комплекс источников пришлось ей обработать. Кроме упоминавшихся уже материалов, она привлекала документы XV—XIX вв., опубликованные в сборниках, приведенные в трудах дореволюционных и советских историков, и главным образом архивные. Среди них — официальные правительственные документы (законодательные акты, всевозможные грамоты, уставы и др.), материалы царских приказов, коллегий, министерств и других правительственных учреждений, монастырская документация, донесения и рапорты местной администрации, фискальные документы, данные переписей населения, служебная переписка, свидетельства иностранцев и др. Особую группу составляют документы угнетенных классов — крестьян и рабочих дореволюционной России XV—XIX вв.: челобитные, «памяти», «сказки», порядные, жилецкие и жилые записи, сыскные дела, а позднее — материалы революционной борьбы российского пролетариата.

Работа над первым томом монографии, как и планировалось автором, была вчерне закончена еще в 1947 г., по второму тому собран и в основном обработан материал. Главное внимание А. М. Панкратова уделяла характеру и роли наемного труда и условиям эксплуатации рабочего класса¹².

⁹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 62, 63.

¹⁰ Там же, д. 36, 38, 60, 63, 65, 66, 202, 207 и др.

¹¹ Там же, д. 63, 65, 66, 204.

¹² См. отчеты А. М. Панкратовой за 1946 и 1947 гг. — Из личного архива М. Г. Панкратовой.

В те годы она часто выступала с докладами по захватившей ее теме. В мае 1948 г. на второй научной конференции по истории Екатеринбурга (Свердловска) Панкратова сделала доклад «Особенности формирования рабочего класса на Урале»¹³. В первой половине 1949 г. в Институте истории АН СССР она докладывала коллегам о проблемах формирования пролетариата до 1861 г. (точного названия установить не удалось) и об «Особенностях формирования рабочих кадров в текстильной промышленности XVIII — первой половины XIX в.»¹⁴ Доклады носили обобщающий характер, их можно рассматривать как этапы работы автора над монографией по истории рабочего класса СССР. Эти выступления показывают, какое значение придавала А. М. Панкратова разработке представленных на обсуждение научной общественности вопросов. При этом она отчетливо сознавала, что ее работа должна была объединить и направить исследования большого отряда историков рабочего класса отдельных регионов. Неоднократно в ее черновых набросках, письмах, выступлениях встречаются высказывания о необходимости монографического изучения положения рабочих отдельных отраслей, отдельных предприятий.

В эти годы А. М. Панкратова была чрезмерно загружена научно-организаторской, педагогической и общественной работой, но несмотря на это, продолжала заниматься своими исследованиями, продвигаясь широким фронтом, охватывая большой период развития российского пролетариата с XVII в. до 90-х годов XIX в.

В 1952 г. она вынесла на суд товарищей по Институту истории и Московскому государственному университету первый том монографии. 24 апреля состоялось обсуждение работы на объединенном заседании секторов феодализма и капитализма института, а 27 июня — на кафедре истории СССР истфака МГУ¹⁵. В обсуждении участвовали свыше двадцати историков и экономистов. Том был одобрен и рекомендован к печати. А. М. Панкратова занялась его окончательным редактированием в связи с замечаниями оппонентов и рецензентов и подготовкой к обсуждению второго тома.

Загруженность множеством дел и ряд других причин не позволили ей в намеченные сроки сдать монографию в печать, хотя в отчете за 1954 г. указывалось, что работа над первым томом окончательно завершена¹⁶. Этот том увидел свет в 1963 г., уже после смерти автора¹⁷.

¹³ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 46, л. 4.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 56.

¹⁵ Там же, ф. 457, оп. 1, 1952, д. 227, л. 75.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1, 1955, д. 325, л. 25.

¹⁷ *Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.)*. М., 1963. Подготовлено комиссией по изданию трудов академика А. М. Панкратовой под председательством академика Н. М. Дружина.

Книга посвящена формированию предпролетариата России в XVII—XVIII вв. и касается основных вопросов исторического развития страны в этот период. В небольшом предисловии А. М. Панкратова рассматривала свой труд «в предвидении грандиозной коллективной научной работы, лишь как скромное начало и как введение обобщающего характера». Она называла свой опыт «первым шагом научного марксистского обобщения»¹⁸, так как признавала невозможность создания всеобъемлющего труда по истории пролетариата России силами одного исследователя, призывала энтузиастов советской исторической науки включиться в изучение этой проблемы на конкретном материале.

Вместе с докладами, статьями, выступлениями А. М. Панкратовой по истории предпролетариата эта книга дает представление о взглядах автора на начальный этап в истории российского пролетариата. Она утверждала, что в России «ни в XVII, ни даже в XVIII в., за исключением двух-трех его последних десятилетий, не может быть речи ни о капитализме, ни о пролетариате в марксистском понимании»¹⁹. Тем не менее она считала своей задачей рассмотреть «самые далекие предпосылки и исторические условия их образования».

Панкратовой пришлось столкнуться с недостаточной разработанностью в исторической литературе ряда проблем экономической истории России периода разложения феодализма и зарождения капитализма.

Дискуссии конца 40-х — первой половины 50-х годов определили три варианта датировки возникновения капиталистического уклада в России, с которым тесно связан вопрос о формировании пролетариата: зарождение и складывание капитализма к XVI в. относили С. Г. Струмилин, Д. П. Маковский, к XVII в. — Н. В. Устюгов, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов и др., большинство же историков, как А. М. Панкратова, Н. М. Дружинин, В. К. Яцунский, началом капиталистического уклада в России считали XVIII в.

Для обоснования своей точки зрения А. М. Панкратова рассмотрела на большом конкретном материале основные проблемы генезиса капитализма в России, среди них — процесс складывания всероссийского рынка. Связывая этот процесс непосредственно с историческими корнями формирования российской буржуазии и рабочего класса, она пыталась дать свое толкование ленинского положения о «новом периоде русской истории»²⁰. Сравнение социально-экономических процессов, сопровождавших генезис капитализма в России и в странах Западной Европы, позволило автору сделать важный вывод: «В XVII в. мы видим завязку новых буржуазных связей... Понадобилось более двух веков, пока зачатки

¹⁸ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.)

¹⁹ Там же, с. 9.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

буржуазного способа производства проникли во все поры общественных отношений и разрушили базис феодального общества»²¹. Для доказательства этого А. М. Панкратова специально исследовала роль товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. Буржуазные историки и экономисты, как правило, отождествляли товарное производство с капитализмом. Началом буржуазных отношений считали товарное производство при феодализме и некоторые советские исследователи 30-х годов. Не было единого мнения у историков и в 50-х годах.

В 1952 г. А. М. Панкратова прочитала на научной сессии Академии общественных наук доклад о роли товарного производства при феодализме и генезисе капитализма в России, позднее переработав его в статью²². В монографии и в указанной статье она, опираясь на произведения классиков марксизма-ленинизма, утверждала, что для выяснения роли товарного производства «необходимо вскрыть связь товарного производства не только с феодальным строем, но и с теми новыми и экономическими условиями, которые возникают в недрах феодализма»²³. В результате научных изысканий А. М. Панкратова сделала вывод: «Простое товарное производство только prepares условия для капитализма, но само по себе не является капиталистическим»²⁴. Товарное производство, по ее мнению, переходит к капитализму лишь тогда, когда оно получает неограниченное и широкое распространение и когда в товар превращается рабочая сила.

В тесной связи с этими проблемами стоял поднятый в статье вопрос о хронологических рамках и особенностях процесса первоначального накопления в России. А. М. Панкратова критиковала попытки отождествления этого процесса со всякой экспроприацией крестьян, не сопровождавшейся превращением их в наемных рабочих.

А. М. Панкратовой были обобщены данные о практике найма на Руси в XVII в., поставлен принципиально важный вопрос — о характере найма и отрыва от земли крестьян в условиях крепостного права²⁵. Изучив источники о положении наймитов в XVI—XVII вв., она убедилась в том, что они тогда часто превращались в крепостных, т. е. еще не созрели условия для превращения простого товарного производства в капиталистическое. «В условиях крепостнического режима, господствовавшего в России, капиталистические отношения вызревали очень медленно»

²¹ *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России..., с. 52.

²² *Панкратова А. М.* О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму.— *Вопр. ист.*, 1953, № 9. В 1963 г. статья была напечатана в качестве приложения к монографии «Формирование пролетариата в России» (ссылки даем на более позднюю публикацию).

²³ *Панкратова А. М.* О роли товарного производства..., с. 473.

²⁴ Там же, с. 485.

²⁵ *А. М. Панкратова.* Наймиты на Руси в XVII в.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову: Ко дню семидесятилетия. М., 1952.

но и с большим трудом. Сфера применения наемного труда на Руси в XVI—XVII вв. была ограничена»²⁶, — писала Панкратова. Эти выводы, сделанные на основании глубокого изучения исторических источников, оказали значительное влияние на дальнейшее изучение генезиса капитализма в России, так как проливали свет на мало исследованные к тому времени проблемы и были важным аргументом в споре о времени зарождения капитализма в России²⁷.

В первом томе монографии А. М. Панкратова развила и углубила свои выводы относительно источников наемного труда. Опираясь на изложенные в письме К. Каутскому от 21 мая 1895 г. взгляды Ф. Энгельса на формирование «предпролетариата»²⁸ (А. М. Панкратова часто использовала этот термин в применении к наемным рабочим XVII—XVIII вв.), она показала, что источником кадров предпролетариата были «те деклассированные, плебейские элементы феодального общества, которые появились в результате проникновения в господствующую структуру общества товарно-денежных отношений»²⁹.

Таким образом, А. М. Панкратова рассмотрела исторические предпосылки и условия образования российского предпролетариата. Основная цель этой подготовительной работы — проследить ход борьбы за рабочие руки, показать, каким образом закрепощение повлияло на положение разных групп трудящегося населения, особенно наймитов. В книге убедительно доказано, что само появление найма не было еще началом капитализма.

А. М. Панкратова исследовала также проблему подготовки рабочих кадров для зарождающейся промышленности в XVII в. Она дала общую оценку роли крестьянских промыслов, ремесла, специализации промысловых районов России в этом процессе. Критикуя дворянско-буржуазных и народнических историков, отрицавших генетическую связь между крестьянскими промыслами и крупным капиталистическим производством, она на конкретном историческом материале показала справедливость положений В. И. Ленина об экономической природе мелких крестьянских промыслов. Убедительны приводимые А. М. Панкратовой доводы, опровергавшие антимарксистские теории о несамостоятельности русского ремесла, об искусственности насаждения крупной промышленности в России!

Одним из самых сложных и недостаточно изученных исторической наукой вопросов, с которым пришлось столкнуться автору, был вопрос о мануфактуре, поскольку «мануфактура впервые предъявляет более или менее массовый спрос на рабочих»³⁰.

²⁶ Панкратова А. М. О роли товарного производства..., с. 483.

²⁷ Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; К вопросу о первоначальном накоплении в России. М., 1960; и др.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 399.

²⁹ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России..., с. 68.

³⁰ Там же, с. 204.

Мануфактура стала качественным скачком в развитии производительных сил. Ее возникновение в России А. М. Панкратова датировала концом XVII в., связывая этот процесс с общественным разделением труда между городом и деревней, с успешным ходом образования внутреннего рынка, с началом накопления капитала. Появлению этой новой формы производства способствовало, по ее мнению, и длительное развитие крестьянских промыслов и городского ремесла, подготовивших обученные кадры. Она учитывала также военные и другие нужды государства.

В связи с изучением способов формирования и характера эксплуатации рабочей силы на мануфактурах, А. М. Панкратова затрагивала вопросы об экономической сущности и социальной природе мануфактуры петровского времени, вызвавшие столько споров ученых. Еще в докладе 1949 г. о формировании рабочих кадров в текстильной промышленности она утверждала: «Так называемая крепостная мануфактура XVII и XVIII вв. в основе своей не являлась проявлением нового способа производства, прежде всего потому, что она базировалась не на капиталистическом, а на феодальном способе эксплуатации»³¹. В монографии она развила это положение, исследовав главные формы эксплуатации труда и его характер на казенных и частных предприятиях петровского времени, в разных отраслях и районах с различным уровнем экономического развития.

В 1951 г., выступая официальным оппонентом на защите докторской диссертации Е. И. Заозерской, А. М. Панкратова высказала свое мнение о петровской мануфактуре и отметила, что «вопрос о рабочей силе является одним из центральных вопросов при изучении промышленности любого периода, в особенности при выяснении характера мануфактур в спорный период начала XVIII в.»³². Этому она посвятила две главы (9-ю и 10-ю) своей монографии. А. М. Панкратова отмечала, что причина споров — в недостаточной изученности источников наемного труда и его удельного веса в условиях крепостнического строя, в неправильном подходе к исследованию резервов наемного труда, т. е. в отрыве этого вопроса от положения мелкого производителя города и деревни в сложных социально-экономических условиях XVIII в. Она сделала попытку подсчета резервов наемного труда для определения его удельного веса относительно принудительного труда, используя ревизские сказки, материалы сборщиков налогов, правительственные указы, крестьянские челобитные, переписи населения.

Панкратова указывала на недостаток рынка рабочей силы, причиной которого было слабое расслоение крестьянства. Особенно острой стала борьба владельцев мануфактур за использование закрепощенных работников во второй половине XVIII в.,

³¹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 56, л. 14.

³² Там же, ф. 1577, оп. 2, д. 265, л. 35.

когда, по мнению большинства советских историков, в том числе А. М. Панкратовой, в недрах господствующего феодально-крепостнического строя формировался новый, капиталистический уклад. А. М. Панкратова подвергла критике попытки советских историков и экономистов определить степень развития мануфактурной промышленности в России по данным официальной статистики о количестве мануфактур и рабочих на них. «Споры по вопросу о генезисе капитализма потому и оставались бесплодными, что они велись по отдельным показателям происходивших сдвигов в экономике,— писала она,— а их необходимо рассматривать в совокупности, и не только в промышленности, но и в других сферах общественно-экономической жизни страны»³³.

Эти наблюдения позволили ей сделать вывод: «В России происходил уже в последних десятилетиях XVIII в. значительный процесс рождения рабочего класса, который затянулся вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.»³⁴. К началу XIX в., по мнению А. М. Панкратовой, основной костяк предпролетариата в России составляла большая группа посессионных работников, вспомогательную роль играли приписные крестьяне.

Автору не удалось полностью осуществить свои планы: остались ненаписанными главы «Крепостная и купеческая мануфактура во второй половине XVIII в. и ее кадры», «Крестьянская промышленность и городское ремесло во второй половине XVIII в. и рост наемного труда в стране»³⁵. Неосуществленной осталась также часть монографии, где А. М. Панкратова намеревалась осветить «волнения рабочих в условиях господства крепостной системы и их значение в процессе формирования рабочего класса»³⁶, хотя во всех без исключения главах первого тома она уделяла внимание положению трудящихся масс, зачастую приводившему к выступлениям против феодального гнета.

Монография производит впечатление титанического труда исследователя, вынужденного часто в силу неизученности общих проблем эпохи феодализма давать собственное толкование ряда специальных вопросов, каким-либо образом связанных с проблемой формирования предпролетариата в России XVII—XVIII вв. Отсюда — полемичность работы, ее многогранность и некоторая неровность. Автору приходилось в большинстве случаев вместо обобщения существующей литературы по проблеме обращаться к массе сырых документов, большей частью неопубликованных. В монографии поставлен ряд очень важных вопросов, требующих дальнейшего изучения: об источниках формирования предпролетариата, о роли наемного труда на мануфактурах разного типа, о его удельном весе в производстве на

³³ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России., с. 431.

³⁴ Там же, с. 471.

³⁵ См. наброски планов первого тома (1946—1951 гг.).— Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 24, л. 3; д. 25, 36.

³⁶ Там же, д. 24, л. 3.

разных этапах развития русской промышленности, о закреплении рабочей силы на мануфактурах.

В работе освещено состояние источниковой базы исследования. А. М. Панкратова дала глубокий источниковедческий анализ документов изучаемой эпохи, она прекрасно владела материалом и на его основании сделала важные выводы о потенциальных ресурсах наемного труда в первой четверти XVIII в. Иногда ей приходилось ссылаться на недостаток материалов по отдельным вопросам истории предпролетариата России, тогда она давала краткую характеристику известных источников и рекомендовала пути поисков новых документов.

Книга А. М. Панкратовой не утратила своего значения и как первый и единственный пока в нашей литературе опыт создания истории российского предпролетариата в таких масштабах и как программа и основа дальнейших исследований по этой проблеме.

Второй том монографии А. М. Панкратова намеревалась посвятить истории зарождения промышленного пролетариата в конце XVIII — первой половине XIX в. Найти черновые материалы тома, о котором А. М. Панкратова еще в 1951—1953 гг. говорила как о готовой работе, к сожалению, не удалось. Но можно, используя опубликованные и частично сохранившиеся в архивах материалы, предпринять попытку реконструкции этого тома. Он должен был состоять из семи глав: 1) «Основные черты развития экономики России в период разложения крепостничества»; 2) «Состав и особенности формирования рабочих кадров за первую половину XIX в.»; 3) «Крепостные рабочие вотчинных предприятий»; 4) «Приписные крестьяне и непременные работники»; 5) «Рабочие помещичьих предприятий»; 6) «Вольнонаемные рабочие»; 7) «Волнения рабочих на дореформенной фабрике»³⁷. Л. М. Иванов, который участвовал в подготовке запланированного, но не осуществленного издания «Избранных трудов» А. М. Панкратовой, писал, что главы тома, имевшиеся в распоряжении комиссии, производят впечатление незавершенной работы: в одних использована только литература, в других приводится лишь сводка архивных материалов, часто изложение обрывается, большая часть глав не имеет выводов. Его общее мнение о втором томе: «Находится на подготовительной стадии, когда собран материал, систематизирован и обработан, но еще предстояла дальнейшая работа. Этим объясняется разноречивой подачи материала, обработки текста, подробное изложение одних и сжатое изложение других вопросов»³⁸. Наиболее подготовленными были, вероятно, 2-я и 6-я главы, которые предполагалось опубликовать в третьем томе «Избранных трудов» А. М. Панкратовой³⁹.

³⁷ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 439а, л. 37—56.

³⁸ Там же, л. 40.

³⁹ Там же, л. 10.

О взглядах А. М. Панкратовой на историю формирования рабочего класса России в первой половине XIX в. дают представление в совокупности опубликованные в сборниках и журналах статьи, а также рукописи и стенограммы ее докладов и лекций.

В 1947 г. она занималась, как сообщала в отчете, изучением формирования рабочих кадров в промышленности России в первой половине XIX в.⁴⁰ Тогда же вышла ее небольшая книжка «Развитие капитализма в России и возникновение рабочего движения» (М., 1947), которая носила научно-популярный характер. Здесь получили развитие взгляды автора на начальный этап капиталистического строя страны: если в 30-х годах А. М. Панкратова относила начало капитализма к 30—50-м годам XIX в., то в книге этот этап датируется концом XVIII — началом XIX в.⁴¹

Некоторые моменты истории формирования пролетариата в первой половине XIX в. освещены А. М. Панкратовой в докладах 1949 г., о которых говорилось выше, в наброске статьи «Основные проблемы изучения истории рабочего класса в России»⁴², оставшейся неопубликованной. Главный вывод, содержащийся в этих материалах, звучит так: «До 1861 г. в России не было и не могло быть пролетариата как единого социального целого: на протяжении всей крепостнической эпохи формировались разнообразные элементы будущего рабочего класса, состоявшие из отдельных слоев, групп и разрядов»⁴³. Но она указывала, что к этому времени «в результате длительного развития первых стадий капитализма сложились уже немалые кадры постоянных и обученных рабочих»⁴⁴.

Безусловно, самым значительным вкладом А. М. Панкратовой в изучение истории рабочего класса в XIX в. была осуществленная под ее руководством публикация документальных материалов «Рабочее движение в России в XIX веке». Этот четырехтомник, три тома которого (каждый из двух частей) отредактированы А. М. Панкратовой и снабжены ее обстоятельными вступительными статьями, получил высокую оценку советских историков⁴⁵.

В неопубликованном введении ко второму изданию серии (при жизни А. М. Панкратовой вышли вторым изданием две

⁴⁰ Из личного архива М. Г. Панкратовой.

⁴¹ *Панкратова А. М. Развитие капитализма в России и возникновение рабочего движения*, с. 1—2.

⁴² Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 61.

⁴³ Там же, л. 13.

⁴⁴ Там же, л. 10.

⁴⁵ См.: *Полевой Ю. З.* Рец. на кн.: *Рабочее движение в России в XIX веке.* — Известия АН СССР, 1951, № 2; *Он же.* Рец. на кн.: *Рабочее движение в России в XIX в.* М., 1950. Т. 2. Известия АН СССР, 1951, № 4; *Дмигриева С. С.* — *Вопр. ист.*, 1951, № 6; см. также: Советская историография классово-борьбы и революционного движения в России. Л., 1967, ч. 1, с. 189—190; История советской археографии. М., 1967. Вып. V; История рабочего класса России. 1861—1900. М., 1972, и др.

части первого тома) она так определяла ее задачу: «Такие проблемы, которые и поныне подвергаются дискуссии, как проблема генезиса капитализма, особенности русской мануфактуры, промышленного переворота, кризиса феодально-крепостнического строя, экономических и социальных предпосылок реформы 1861 г., классовой борьбы и внутренней политики самодержавия в первой половине XIX в. и ряд других, несомненно, могут быть лучше поняты при наличии документального материала настоящего сборника»⁴⁶.

В известной мере вступительные статьи Панкратовой к томам можно считать продолжением ее монографии о рабочем классе, в них глубоко исследуются проблемы социально-экономического развития страны и рабочего движения.

Первый том документальной публикации освещал волнения крепостных и наемных рабочих в 1800—1860 гг. и хронологически совпадал в основном с планами второго тома монографии. В предисловии ко второму изданию сборника А. М. Панкратова предупреждала: «Начальную дату, которая открывает всю публикацию «Рабочего движения в России в XIX веке», следует считать условной, не связывая с нею периодизацию капитализма и рабочего движения в России»⁴⁷. Во вступлении к первому тому сборника поднимались важнейшие вопросы капиталистического развития России. Именно в первой половине XIX в., писала А. М. Панкратова, происходил процесс превращения товарного хозяйства в капиталистическое: «Дальнейшее развитие всероссийского рынка, увеличение роли купеческого капитала, рост имущественной и социальной дифференциации крестьянства... рост крестьянской промышленности и увеличение количества мануфактур — все это говорило о том, что разложение крепостной системы, начавшееся еще в XVIII в., интенсивно происходило в течение всей первой половины XIX в.»⁴⁸. В России первой четверти XIX в. формировались, по ее убеждению, капиталистические мануфактуры, которые развивались на основе новой техники и вольнонаемного труда.

Она уделила внимание спорному до сих пор вопросу о промышленном перевороте в России, который впервые поставила еще в 30-х годах. Начало переворота Панкратова относила к 40—50-м годам XIX в., понимая под этим процессом «переход от мануфактуры к фабрике с более или менее широким внедрением машин и с образованием новых классов — капиталистов-предпринимателей и вольнонаемных рабочих»⁴⁹. Завершение промышленного переворота в России она относила к 80-м годам XIX в. Его ход затягивала политика диктатуры помещиков-крепостников,

⁴⁶ Архив СССР, ф. 697, оп. 1, д. 100, л. 1.

⁴⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. 2-е изд., М., 1955, т. 1, с. 10.

⁴⁸ Панкратова А. М. Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX века. — В кн.: Рабочее движение в России в XIX веке, т. 1.

⁴⁹ Там же, с. 18.

которая показана в статье Панкратовой как тормоз технического и экономического прогресса в стране.

Состояние промышленной статистики не позволило А. М. Панкратовой, как и ее предшественникам, сделать точные подсчеты количества промышленных предприятий, их технического оснащения и рабочей силы за первую половину XIX в., она лишь доказала, что приводимые дореволюционными и советскими историками цифры неточны, так как не всегда правильно отражают развитие разных промышленных форм того периода (мануфактур и фабрик, например)⁵⁰.

Панкратовой удалось убедительно показать историческую связь рабочего и крестьянского движения, то, что их объединяло на заре капиталистической России. В то же время она доказывала на конкретном материале, что выступления рабочих даже в феодально-крепостническую эпоху по своей активности и организации в большой мере отличались от крестьянских выступлений.

О XIX в. она писала: «В эту эпоху интенсивного разложения феодализма и складывания капитализма начался и процесс формирования рабочего класса, хотя в полной мере он происходил после отмены крепостного права, а завершился только в конце XIX в. Крепостническая структура Российского государства первой половины XIX в. приводила к некоторой нивелировке в положении крепостных рабочих и крестьян. В соответствии с этим волнения рабочих в течение первой половины XIX в. не могли оформиться в классово сознательное рабочее движение, хотя эти волнения нельзя отнести просто в разряд крестьянских волнений»⁵¹.

Изучив выступления приписных крестьян в исследуемый период, А. М. Панкратова показала влияние их борьбы на изменение их положения, когда правительство было вынуждено отказаться от массовой приписки крестьян и создало институт «непременных работников»⁵². В этом она усматривала «заметный шаг по пути формирования рабочего класса» в силу отрыва массы крестьян от земли и прикрепления их к крупному производству.

Самой активной группой рабочих в борьбе против крепостничества в первой половине XIX в. были посессионные рабочие, о которых Панкратова писала: «Волнения посессионных рабочих в эпоху разложения крепостного хозяйства вплоть до 1861 г., хотя и были далеки еще от свойственных пролетариату форм

⁵⁰ Панкратова А. М. Волнения рабочих в крепостной России..., с. 20—21, 32, 98.

⁵¹ Там же, с. 39.

⁵² В 1807 г. вместо массовой приписки из состава приписных крестьян были введены «непременные работники» специально для использования на заводских работах в порядке рекрутской повинности. В отличие от приписных они выполняли их не сезонно, а круглый год и были приписаны к заводам навечно.

развернутой классовой борьбы, все же свидетельствовали о зачатках классовой сознательности и организованности»⁵³.

В статье дана классификация волнений рабочих по мотивам их выступлений, форм движения — от коллективных жалоб в адрес властей до бунтов и вооруженных схваток, показано значение борьбы рождающегося класса для его дальнейшего исторического пути.

Таким образом, предисловие А. М. Панкратовой к первому тому «Рабочего движения в России в XIX веке» частично воспроизводит основные направления второго тома монографии о российском пролетариате и отражает содержание 1, 3, 4—7 его глав.

В третьем томе монографии А. М. Панкратова предполагала осветить период 1861—1894 гг. в истории рабочего класса России. Она не успела его создать. Однако пореформенной истории пролетариата посвящены ее вступительные статьи ко второму и третьему томам документальной публикации «Рабочее движение в России в XIX веке», некоторые журнальные статьи, доклады, написанные во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов.

В предисловии ко второму тому публикации А. М. Панкратова писала об особенностях формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX в., которые она называла «периодом интенсивного формирования нового общественного класса — промышленного пролетариата»⁵⁴. Она исходила из ленинского положения о связи процесса образования промышленного пролетариата с развитием трех стадий капитализма в промышленности, показав, что современный промышленный пролетариат был создан крупной фабричной промышленностью. Исходным моментом этого процесса она считала промышленный переворот. Реформа 1861 г. рассматривалась ею как этап в формировании рабочего класса России, когда от крепостной зависимости были освобождены значительные кадры рабочих, сформировавшиеся еще в условиях капиталистической мануфактуры.

А. М. Панкратова отмечала, что в первые пореформенные десятилетия экономика страны носила переходный характер, на крупных предприятиях сократилось число работников за счет их отлива в деревню. Но реформа, освободив миллионы крепостных, оставив без земли 4 млн. душ, создала значительный резерв свободной рабочей силы.

Недостаточно изученному вопросу об источниках формирования пролетариата в пореформенный период Панкратова всегда уделяла большое внимание. Главный резерв пополнения промышленного пролетариата она видела в безземельном и малоземельном крестьянстве — в результате разложения, «раскрестьянива-

⁵³ Панкратова А. М. Волнения рабочих в крепостной России, с. 72.

⁵⁴ Панкратова А. М. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX в. — В кн.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950, т. 2, с. 12.

ния» пореформенной деревни. Разложению крестьянства в 60—90-х годах прошлого столетия она посвятила специальную статью, в которой сделала попытку обобщить «материал первоисточников и привлечь внимание историков к монографическому изучению состава рабочих на отдельных предприятиях в связи с процессом пролетаризации деревни»⁵⁵.

Она предостерегала исследователей от смешивания процесса обнищания и пауперизации мелких производителей с процессом пролетаризации, так как только поглощенный крупной машинной индустрией паупер становился пролетарием.

А. М. Панкратовой удалось показать «с одной стороны, крестьянское происхождение огромного большинства изученного состава рабочих и, с другой стороны — давно начавшийся и далеко зашедший процесс отрыва их от деревни, превращение пролетаризированной крестьянской массы в новый общественный класс — пролетариат»⁵⁶.

В предисловии ко второму тому сборника документов основное внимание автора уделено стачечной борьбе пролетариата в 60—80-х годах. Большой научный интерес представляет подсчет количества стачек в эти годы, произведенный А. М. Панкратовой на основании выявленных составителями материалов. Сама она не считала результаты этих подсчетов окончательными, хотя они вносили много нового в картину рабочего движения в России. Совершенно справедливо она предполагала, что «дальнейшее выявление документов в областных архивах должно значительно увеличить общий итог»⁵⁷.

Изучив характер стачечного движения, А. М. Панкратова сделала заключение: «Борьба рабочего класса в 60—80-х гг. являлась *начальной* формой рабочего движения, вызванного скорее ненавистью к отдельным капиталистам, чем сознательной борьбой против классов капиталистов и помещиков»⁵⁸.

Вступление пролетариата на путь массовой революционной борьбы под руководством социал-демократии произошло уже в середине 90-х годов, когда начался пролетарский период в истории освободительного движения России. А в период с 1885 по 1894 г. только зарождались марксистские группы и кружки, рабочее движение, несмотря на его возрастающую организованность в размах, оставалось стихийным. Именно этому времени в истории рабочего класса России посвящены материалы третьего тома

⁵⁵ *Панкратова А. М.* Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—80-е годы XIX в.).— Исторические записки, 1955, т. 54, с. 195.

⁵⁶ Там же, с. 220.

⁵⁷ *Панкратова А. М.* Особенности формирования и борьбы пролетариата..., с. 45 (Уточнения ее подсчетов см.: *Трофимов А. С.* Рабочее движение в России. 1861—1894 гг. М., 1957, с. 102, 119, 132, 189, 194; История рабочего класса России. 1861—1900, с. 67).

⁵⁸ *Панкратова А. М.* Особенности формирования и борьбы пролетариата..., с. 71.

сборника документов. В статье А. М. Панкратовой к тому дана всесторонняя оценка рабочего движения на этом этапе, предшествовавшем периоду соединения социализма с рабочим движением.

Предположение о соответствии основного содержания вступительных статей ко второму и третьему томам публикации и третьего тома монографии А. М. Панкратовой подтверждает ее переписка с ленинградским историком Э. А. Корольчук. В 1950 г. она писала: «Меня интересуют марксистские и социал-демократические организации и кружки 80-х и 90-х гг... Историю массового рабочего движения этого периода отражают документы, собранные под моим руководством архивными работниками Москвы и Ленинграда... Свою монографию я доведу до ленинского Союза... Основная тема моей монографии по истории рабочего класса — это процесс формирования пролетариата в новый общественный класс. Поэтому все вопросы, связанные с массовым рабочим движением и с формированием идеологии рабочего класса, я ставлю лишь в той мере, в какой необходимо для выяснения особенностей формирования пролетариата»⁵⁹.

Спустя некоторое время в письме Э. А. Корольчук А. М. Панкратова подчеркивала обобщающий характер своей монографии, в силу чего «на 90-е гг. падает сравнительно лишь одна небольшая глава III тома (весь том посвящен 1861—1894 гг.), а главное его содержание — процесс формирования пролетариата»⁶⁰.

В предисловии к третьему тому публикации Панкратова осветила социально-экономические процессы в России 1885—1894 гг., охарактеризовала рост рабочего класса и его положение в условиях крупного машинного производства, подчеркнула особенности в формировании российского пролетариата в сравнении с западноевропейским — быстрые темпы формирования и концентрацию рабочих на крупнейших предприятиях.

Здесь она сочла нужным вернуться к вопросу об источниках формирования пролетариата, обратив внимание исследователей на появление потомственных рабочих, на протяжении многих поколений занятых в промышленности и порвавших все связи с землей.

Положение рабочего класса в России 80—90-х годов было сложным и противоречивым из-за сохранения в стране крепостнических отношений. А. М. Панкратова исследовала положение рабочих различных промышленных районов России и наглядно показала беспощадную эксплуатацию рабочих, которая приводила к стачкам и волнениям. «Стачки второй половины 90-х гг. сыграли большую роль в подготовке условий для создания революционной марксистской партии пролетариата»⁶¹, — писала она.

⁵⁹ Из личного архива Э. А. Корольчук.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Панкратова А. М. Рабочий класс и рабочее движение в России в 1885—1894 г.* — В кн.: *Рабочее движение в России в XIX веке.* М., 1952, т. 3, с. 61.

Большая часть статьи А. М. Панкратовой посвящена изучению серьезных перемен в области идеологии, происходивших в 80—90-х годах в рабочем классе. Интересные документы о распространении в России произведений Маркса и Энгельса и другой нелегальной литературы, о пропаганде марксистских идей среди передовых рабочих и интеллигенции, о деятельности группы «Освобождение труда» и других революционных групп и кружков, приводимые автором, убедительно свидетельствуют о повышении политической сознательности рабочего класса, о его выходе на арену политической борьбы.

Ценно обращение А. М. Панкратовой к изучению этих процессов в национальных районах России.

Вступительная статья к третьему тому публикации завершается освещением борьбы В. И. Ленина и его ближайших соратников в начале 90-х годов за внесение в рабочее движение социалистического сознания.

Итак, вступительные статьи Панкратовой к первому — третьему томам документального сборника «Рабочее движение в России в XIX в.» в сочетании с другими ее работами по этой тематике дают представление о содержании второго — третьего неопубликованных томов ее большой монографии, посвященных истории формирования и борьбы рабочего класса России на протяжении почти всего XIX в.

Огромный конкретный материал сборников документов позволяет представить яркую картину становления и развития российского пролетариата, особенностей его положения и классовой борьбы на различных этапах его истории. Ни один исследователь истории рабочего класса в дореволюционной России не может обойтись без обращения к фундаментальным трудам А. М. Панкратовой.

Что касается четвертого тома монографии, никаких планов и фрагментов его обнаружить не удалось. Известно, что он должен был осветить борьбу революционного пролетариата в эпоху империализма (1894—1917 гг.). Остается лишь предположить, что в основу тома А. М. Панкратова намеревалась положить свои научные исследования 20—30-х годов о рабочем классе России и его революционном движении⁶². Кроме того, еще при жизни А. М. Панкратовой был подготовлен к печати четвертый том сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», посвященный периоду 1895—1897 гг. За месяц до кончины она писала из санатория «Узкое» о своем намерении сделать за две-три недели предисловие к тому: «Такая легкая и любимая работа меня ободрит и воодушевит... Предисловие я хочу написать небольшое, но фундаментальное»⁶³. Она просила близких составить «список книг, брошюр, статей по истории рабочего движения, по исто-

⁶² Анализ этих исследований см.: *Бадя Л. В.* Указ. статья.

⁶³ Из личного архива М. Г. Панкратовой.

рии экономического развития России, по истории партии и биографии Ленина за 90-е годы». Но том увидел свет без предисловия А. М. Панкратовой.

После выхода в свет документальных сборников «Рабочее движение в России в XIX веке», первого тома исследования А. М. Панкратовой и ее монографий и статей прошло много лет, некоторые данные были уточнены, иногда пересмотрены. Труды А. М. Панкратовой, до сих пор служащие советской исторической науке, в большой степени способствовали развитию историографии проблемы. Коллеги, ученики и последователи А. М. Панкратовой продолжают ее благородный труд по созданию истории рабочего класса СССР. Осуществляются исследования о рабочем классе отдельных районов страны, истории различных отраслей промышленности страны⁶⁴, к которым она призывала, появились обобщающие труды⁶⁵. Среди их авторов — многочисленные ученики А. М. Панкратовой, достойно продолжающие дело жизни своего учителя.

⁶⁴ *Вилкс Б. Я.* Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX в. Рига, 1957; *Чахвашвили Н. А.* Рабочее движение в Грузии (1870—1904 гг.). Тбилиси, 1958; *Стригунов И. В.* Из истории формирования бакинского пролетариата (70—90-е годы XIX в.). Баку, 1960; *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; *Парасунько О. А.* Положение и борьба рабочего класса Украины (60—90-е гг. XIX в.). Киев, 1963; *Колосов Л. Н.* Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893—1917 годы). Грозный, 1965; *Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917 гг.* М., 1966; *Балагуров Я. А.* Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1968; *Меркис В.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969; *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970; *История рабочих Ленинграда.* Л., 1972. Ч. 1—2; и др.

⁶⁵ *Краткая история рабочего движения в России (1861—1917 годы).* М., 1962; *Кабанов П., Ерман Р., Кузнецов Н., Ушаков А.* Очерки истории российского пролетариата (1861—1917). М., 1963; *История рабочего класса России 1861—1900 гг.; Гегемония пролетариата в трех русских революциях.* М., 1975, и др.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. Е. ЩЕГОЛЕВА
(1877—1931 гг.)**

Ю. Н. Емельянов

В 1977 г. исполнилось сто лет со дня рождения известного историка русского революционного движения, замечательного литературоведа-пушкиниста, издателя и публициста, драматурга Павла Елисеевича Щеголева. Вклад Щеголева в науку и культуру довольно значителен, его литературное наследие велико. Лишь только перечень его работ включает более 400 наименований: большое число рецензий (на первом этапе его научной деятельности), исследовательские статьи, монографические работы, целый ряд ценных публикаций, в которых он редактор, пьесы, киносценарии и даже одно оперное либретто. П. Е. Щеголев широко известен и как издатель журналов, посвященных революционному прошлому России: «Былое» (1906—1907 и 1917—1926 гг.) и «Минувшие годы» (1908 г.).

П. Е. Щеголев был представителем той части русской интеллигенции, которая сразу же после свершения Великой Октябрьской социалистической революции стала на путь активного сотрудничества с Советской властью.

Историография о Щеголеве крайне скудна. Получил освещение лишь вклад исследователя в изучение первого этапа русского освободительного движения — движения декабристов. Здесь прежде всего следует назвать работы академика М. В. Нечкиной¹ и статью Г. А. Невелева². М. В. Нечкина отмечает, что диапазон декабристских интересов Щеголева был чрезвычайно широк, им чрезвычайно много сделано для изучения движения в целом. Он собрал и вовлек в научный оборот значительное количество новых архивных документов, явившись «несравненным их препаратом»³. Анализу деятельности Щеголева в театре и кино посвящены работы П. А. Бороздиной и К. Ф. Антошина⁴, а также ряд рецензий и краткие статьи в энциклопедиях и периодике⁵.

¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1—II; Она же. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977.

² Невелев Г. А. П. Е. Щеголев как историк декабристского движения.— Вестн. ЛГУ, 1966, № 20. Сер. ист. яз. и лит., вып. 4, с. 54—64.

³ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. I, с. 29, 34—35.

⁴ Бороздина П. А. А. Н. Толстой и театр. 2-е изд. Воронеж, 1975, с. 84—107; Антошин К. Ф. Драмы А. Толстого и П. Щеголева.— Тр. Краснояр. пед. ин-та, 1959, т. 1, вып. 3, с. 44—61.

⁵ Толстой А. Павел Елисеевич Щеголев / Публикация и примечания Е. Лит-

В этой работе предпринимается попытка проследить общественно-политический путь П. Е. Щеголева, показать основные направления его научной деятельности. Нами были использованы материалы архивов: ЦГАЛИ (ф. П. Е. Щеголева, В. Я. Богучарского и В. Л. Бурцева), архива ИМЛИ им. Горького (ф. Щеголева), ИРЛИ (ПД) АН СССР (ф. Щеголева, Богучарского и Бурцева) и ЦГИА (Ленинград, ф. Главного цензурного управления). Много нового для освещения деятельности Щеголева в первые годы Советской власти содержат материалы ГАОРСС (г. Ленинград).

Павел Елисеевич Щеголев родился 5 (17) апреля 1877 г. в селе Верхняя Катуховка Воронежской губернии (того же уезда) в семье государственных крестьян. Его дед кантонист отбывал военную службу в военных поселениях на Кавказе. Отец, Елисей Никифорович Щеголев, будучи солдатским сыном, со дня рождения был зачислен в военное ведомство, учился в школе солдатских детей, служил полковым писарем. После выхода закона 1856 г., освобождавшего солдатских детей от военной службы, его приписали к крестьянскому сословию, и в 1862 г. вместе с семьей он вернулся на родину в Воронежскую губернию, где начал службу при мировом посреднике. Вскоре он был переведен на службу в Воронеж.

Мальчику в это время шел седьмой год, он стал учиться в частной гимназии. Несмотря на то что семья жила очень бедно, отец, «знавший цену просвещения на медные деньги»⁶, в 1886 г. отдал сына в подготовительный класс Воронежской классической гимназии. Но уже в 1887 г. тот едва не был исключен из гимназии согласно циркуляру министра народного просвещения Д. А. Толстого, запрещавшего принимать в гимназию детей представителей низших классов. Щеголева как отличника⁷ пощадили и оставили в гимназии. Но, как он сам вспоминает позже, «я оставался единственным крестьянским сыном в своем классе за весь гимназический период»⁸. Воронежская гимназия того времени была типичным учебным заведением «толстовского» типа. Классическая система образования, введенная Д. А. Толстым, ставила определенную политическую задачу — «обезличить учеников и подавать в зародыше инстинкт общественной деятельности», как писал позднее Щеголев⁹. Еще с детских лет он пристрастился к чтению, особенно русской классической литературы.

вин. — Звезда, 1976, № 5, с. 183—184; Емельянов Ю. Н. Историк революционного движения. — Книжное обозрение, 1977, № 3, с. 15.

⁶ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 1; ПД, ф. 627, оп. 5, д. 1, л. 1.

⁷ Гимназист Щеголев «за особое благонаравие... и отличные успехи» каждый год отмечался похвальным листом. См.: ПД, ф. 627, оп. 5, д. 2, 3, 6, 8, 10, 12, 14, л. 1.

⁸ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁹ Там же.

В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и Льва Толстого он «читал запойно, целиком, полные собрания»¹⁰.

В это время Щеголев увлекается и театром. Плодом этого увлечения и явился первый литературный опыт — рецензия о театральном сезоне в Воронеже, напечатанная в журнале «Артист»¹¹.

К гимназическим годам относятся первые встречи Щеголева с так называемой «поднадзорной средой и революционными кружками», в частности с В. П. Махновцем, деятелем социал-демократического движения, в то время «немало поработавшим среди воронежских рабочих»¹², впоследствии лидером «экономистов».

Не избежал он в эти годы и влияния толстовства. Встреча с Л. Н. Толстым в 1893 г. в Воронеже в семье Г. А. Русанова произвела на гимназиста Щеголева, по его собственным словам, «поражающее впечатление, обеспечившее еще на несколько лет простор влияния толстовства»¹³.

В 1893 г. П. Е. Щеголев заканчивает гимназию с серебряной медалью, которая давала ему право на поступление в высшее учебное заведение. Он поступает на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков Петербургского университета. В это время здесь преподавали такие ученые, как Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман. Но, писал впоследствии Щеголев, «ни ориенталиста, ни языковеда из меня не вышло»¹⁴. Любовь к литературе привела к занятиям параллельно на историко-филологическом факультете. На лекциях А. Н. Веселовского по поэтике и истории сюжетов, на семинарах И. Н. Жданова он «начал овладевать филологическими методами и специализироваться» и уже со второго курса стал работать над темой по сравнительной истории апокрифа. Итогом этой работы явилось исследование о «Сказаний Афродитиана», за которое автор был удостоен золотой медали и лестного отзыва И. Н. Жданова¹⁵. К этому времени Щеголев был уже достаточно известен в научных кругах как автор многих рецензий на работы по русской истории, литературе, печатавшихся главным образом на страницах «Исторического вестника»¹⁶. Большое влияние

¹⁰ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 1. Эту «страсть» поддерживал и направлял его отец, «солдатский сын», сам «несильно грамотный».

¹¹ Там же, л. 2. См.: Тетральный, музыкальный и художественный журнал «Артист», 1893, № 26, янв., с. 185.

¹² ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Щеголев П. Е. Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана. — Изв. отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1899, т. IV, кн. 1, с. 148—199; кн. IV, кн. 4, с. 1304—1344. 12 марта 1899 г. было выдано свидетельство С.-Петербургского университета от 26 января о присуждении ему золотой медали (ПД, ф. 627, оп. 5, д. 16, л. 1).

на формирование научных интересов Щеголева в это время оказали А. А. Шахматов и А. Н. Пыпин. Верность принципам школы последнего он сохранял все последующие годы своей исследовательской деятельности. Его увлеченность и работоспособность были замечены, предполагалось оставить его при университете.

Однако дальнейшая учеба была прервана. Общественные события конца 90-х годов XIX в. захватили Щеголева, и он полностью отдается революционной деятельности. В стране нарастал революционный подъем, знаменовавший начало нового этапа борьбы — пролетарского. В стенах столичного университета также шла борьба между социал-демократами и «только что народившимися соц[иалистами]-революционерами». По признанию Щеголева, социал-демократы, имевшие большое влияние в целом ряде студенческих организаций, всегда получали решающий перевес¹⁷. В 1899 г. Щеголев принимает активное участие в организации крупнейшего студенческого выступления. «Примененная нами форма протеста — забастовка впредь до получения гарантий известной неприкосновенности личности — была явным сколком с форм рабочего движения», — писал он впоследствии, оценивая студенческое движение этого времени.

Это было уже нечто новое, ибо в целом студенческое движение конца XIX в. еще не выходило за рамки академических требований. На данном этапе студенческое движение становится составной частью общего революционного натиска. Эти новые тенденции и заставили власти с особой «серьезностью» отнестись к университетским событиям. За организацию и участие в забастовке Щеголев был исключен из университета и 13 марта арестован. После двухмесячного заключения он был «освобожден и оставлен в Петербурге впредь до разрешения студенческого дела в административном порядке»¹⁸.

Но не успело закончиться это дело, как началось новое. Летом и осенью 1899 г. Щеголев принимает участие в работе среди рабочих Путиловского завода. Кругок, в который входил Щеголев, вел свое происхождение от группы В. Гутковского (Маевского) «Группы рабочих для борьбы с капиталом». Пропагандистская деятельность кружка была раскрыта, и вскоре Щеголев был вновь арестован и привлечен к жандармскому дознанию. Восьмимесячное заключение в Доме предварительного заключения сменилось высылкой в Полтаву «впредь до решения дела»¹⁹.

В Полтаве Щеголев пробыл 1900—1901 гг. Приговор по студенческому делу — два года полицейского надзора — был погашен приговором по рабочему вопросу — три года ссылки в Вологод-

¹⁶ П. Е. Щеголев выступил в печати со своими первыми рецензиями в 1897 г. (см. ПД, ф. 627, оп. 3, д. 312, л. 1—20), а не в 1898 г., как пишет Невелев. См.: *Невелев Г.* Указ. соч., с. 54.

¹⁷ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

скую губернию. Но и на этом опека властей не прекратилась. Уже после отъезда в Вологду он был привлечен к третьему дознанию при Полтавском жандармском управлении за распространение «Искры» и «Южного рабочего». По прибытии в Вологду (1902 г.) Щеголев был препровожден в местный острог, где просидел 4 месяца.

В Вологде Щеголев пробыл до 1903 г. По его свидетельству, «вологодская ссылка в эти годы представляла любопытнейший и красочный конгломерат». Здесь находились А. А. Богданов, Н. А. Бердяев, Б. А. Кистяковский, писатель А. М. Ремизов, А. В. Луначарский и Б. Савинков (по определению Луначарского — «артист авантюры») ²⁰. Как видим, картина довольно пестрая: «социал-демократическая интеллигенция, эсеры-террористы, кадетствующие либералы, философы и писатели с явным уклоном в сторону декадентства, ученые-историки. Все они были враждебно или оппозиционно настроены к царскому самодержавию, и это до известной степени их сближало... ожесточенные дискуссии не мешали ссыльным сохранять добрососедские отношения и поддерживать друг друга в трудную минуту» ²¹.

Условия ссылки не могли благоприятствовать развитию научных интересов и продолжению научной работы. Тем не менее Щеголев не оставляет надежды возобновить исследовательскую работу. Академики А. А. Шахматов и А. Н. Веселовский, с которыми Щеголев поддерживает в эту время переписку, настойчиво советовали ему посвятить себя научной работе. Лишь благодаря их хлопотам департамент полиции весной 1903 г. разрешил ему приехать в столицу и держать государственные экзамены. Экзамены были сданы успешно, и 29 мая 1903 г. Щеголев получает свидетельство о том, что им прослушан курс по историко-филологическому факультету Петербургского университета и он «признан имеющим право на диплом первой степени» ²².

Но «академической» карьере не суждено было осуществиться, «былое» студента препятствовало этому. И. А. Шляпкин, профессор кафедры истории русской литературы, не решился предложить Щеголеву остаться при университете, для него он был «миросозерцательным супротивником» ²³. К тому же необходимо было заботиться о заработке. Существовая еще в университетских лет исключительно литературным трудом, Щеголев и в эти годы продолжает сотрудничество с «Историческим вестником», публикует свои материалы также в «Мире божием», «Вестнике и библиотеке самообразования» и т. д. Характер литературных опытов молодого исследователя довольно различный. Здесь и рецензии,

²⁰ См.: *Луначарский А. В.* Из вологодских воспоминаний. — В кн.: *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 78.

²¹ *Козно И. П.* Вологодская ссылка Луначарского. Литературное наследство. М., 1970, т. 82, с. 604.

²² ПД, ф. 627, оп. 5, д. 18, л. 1.

²³ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 4.

и публикации литературных материалов, и различные справки. Их список, составленный самим автором за 1897—1905 гг., включает более 170 наименований²⁴. С 1905 г. он привлекается к сотрудничеству в радикальной газете Л. Ходского «Наша жизнь» (позже — «Товарищ»).

Кровавые события 9 января 1905 г. потрясли его. Вместе с Н. П. Павловым-Сильванским он оказался свидетелем расстрела у Зимнего, видел «и кавалерийские атаки, и стрельбу залпами», и как «потянулись окровавленные люди»²⁵. Он находится в гуще событий, ибо революция отвечала его идейным устремлениям. Определившиеся его научные интересы лежали в сфере проблем русского освободительного движения. Революция расширила диапазон этих интересов.

Еще в предреволюционные годы Щеголев обращался к декабристской тематике, опубликовал очерк о декабристе Владимире Раевском, в котором впервые была раскрыта жизнь и деятельность «первого декабриста»²⁶. С точки зрения идейных позиций работа Щеголева является данью либеральной позиции А. Н. Пыпина. Здесь и «идеализм» как «характерная черта людей Александровской эпохи»²⁷, и Отечественная война 1812 г., явившаяся толчком к «возбуждению идеалистического» настроения передовой части русского общества и т. д. По мнению Щеголева, это те причины, которые подготовили почву для оформления движения декабристов. Ферментом, ускорившим организацию первых тайных обществ, явилась «заграничная жизнь», которая «открывала перед изумленными глазами русских дворянских интеллигентов новые огромные горизонты и всю глубину наших внутренних неустойств: гнет крепостного права, принижение личности, жестокость нравов, соединенную с невежеством»²⁸.

На данном этапе для Щеголева декабристы еще только мечтатели, оппозиционеры, но отнюдь не революционеры. Но, как мы увидим, не столь далекие события внесут существенную поправку в это положение исследователя, как и во многие другие.

Либеральные позиции исследователя проявились и в другом. Отсутствие четкого представления о законах, которым подчинена общественная жизнь, приводит Щеголева к стремлению объяснить закономерность общественного развития через психологию личности, что, бесспорно, свидетельствовало о несостоятельности методологических основ исторического исследования, на которых стоял П. Е. Щеголев.

²⁴ ПД, ф. 627, оп. 3, д. 312, л. 1—20.

²⁵ Щеголев П. Е. Памяти Н. П. Павлова-Сильванского. — Минувшие годы, 1908, № 10, с. 311.

²⁶ Щеголев П. Е. Владимир Раевский и его время: Биографический очерк. — Вестник Европы, 1903, № 6, с. 509—561; *Он же*. Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. 2-е изд. СПб., 1906 (1-е изд. — СПб., 1905).

²⁷ Щеголев П. Е. Первый декабрист Владимир Раевский, с. 9.

²⁸ Там же, с. 12.

Революция 1905—1907 гг., несомненно, внесла существенный корректив в представления Щеголева. Так, если в работе о Раевском он пишет о П. И. Пестеле как о талантливом агитаторе, «бывшем душою дела и вождем движения на Юге»²⁹, то, издавая в 1906 г. «Русскую Правду» Павла Пестеля, он характеризует его как одного из «замечательнейших» представителей движения, как автора «колоссальной реформы политического и социального уклада всей русской жизни»³⁰. Для него Пестель — революционер с умом «холодным и логическим», с «непреклонной смелой волей»³¹, «крупнейшая личность политика и революционера»³².

Эти изменения в оценках декабристов и декабризма нашли свое отражение и в работе о П. Г. Каховском, которая была написана на основании материалов следственной комиссии, писем Каховского к Николаю I из Петропавловской крепости и многочисленных свидетельств современников³³. Все эти сведения публиковались впервые. Эта работа в основном еще несет на себе печать прежних представлений автора. Достаточно указать на положение, что Каховский — сын своего века³⁴, романтическая настроенность которого привела к «жажде отмищения, жажде самоотверженного подвига»³⁵.

Однако, рисуя психологический портрет личности героя, Щеголев особенно подробно останавливается на вопросе отношения декабристов к царевубийству. В слабости, неспособности на крайнее проявление революционной энергии он видит ограниченность декабристов, правда, ограниченность чисто психологическую. Подобное толкование, конечно, не давало возможности подойти к раскрытию экономических и социальных основ движения в целом. А отсюда и следующий момент — преувеличение влияния западноевропейской истории, ее политической литературы на формирование мировоззрения декабристов³⁶. Важно, что теперь декабристы показаны историком как настоящие революционеры, воспевающие страстным патриотизмом и самоотверженностью.

Интерес Щеголева к изучению демократических тенденций в

²⁹ *Щеголев П. Е.* Первый декабрист Владимир Раевский, с. 20, 27.

³⁰ *Пестель П. И.* «Русская Правда». СПб., 1906, с. VII.

³¹ Там же, с. VIII. В данном случае Щеголев солидаризируется с А. И. Герценом, оценивавшим Пестеля как крупнейшего теоретика и мыслителя (см.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. М., 1956, т. 7, с. 200).

³² *Щеголев П. Е.* Петр Григорьевич Каховский: Историко-психологический этюд. — *Былое*, 1906, № 1, с. 129.

³³ Там же, с. 129—166; № 2, с. 183—212. Позже эта работа переиздавалась в сборниках статей и отдельным изданием (1-е изд. М., 1919; 2-е изд. Пг., 1921).

³⁴ *Былое*, 1906, № 1, с. 134.

³⁵ Там же, с. 138.

³⁶ В данном случае права академик М. В. Нечкина, когда говорит, что «ничего не родилось и не могло родиться только от французских книг», которые могли быть лишь «ускорителями процесса и несли свет в понимание действительности» (*Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 84).

движении декабристов объясняет дальнейшие его исследования. Вскоре он выступает с работой, посвященной руководителю Черниговского полка С. И. Муравьеву-Апостолу³⁷. Изучая агитационную литературу движения, Щеголев пытается разрешить те вопросы, которые ранее им не затрагивались. Это прежде всего причины поражения восстания на Юге. Если в работе о Раевском он вообще не касается этой проблемы, а в работе о Каховском причину поражения видит в психологической ограниченности декабристов, то здесь он уже пишет о том, что офицеры Черниговского полка «как раз в своей агитации и оставили без внимания экономическое положение солдат: они убеждали их горячо, общо и абстрактно»³⁸. Это уже нечто новое, что приближает Щеголева к материалистическим догадкам, но дальше, к сожалению, он не пошел, оставаясь идеалистом во взглядах на природу классов и классовой борьбы.

Продолжая заниматься изучением персоналий, он в это же время публикует многочисленные материалы о движении в целом³⁹.

Занятия декабристской тематикой привели Щеголева к усиленным поискам новых материалов в архивах, открытых революцией 1905 г. 5 мая 1905 г. он обращается в департамент полиции с просьбой разрешить ему «ознакомиться для целей литературного труда с хранящимися в Архиве бывшей III Отделения собств. е. и. в. канцелярии документами и материалами, представляющими интерес для истории русской литературы и общественной жизни в эпоху императора Николая I». 17 мая департамент уведомил подателя, что «к удовлетворению изложенного ходатайства препятствий не встречается»⁴⁰.

К этому времени относится начало творческого содружества Щеголева с историками Н. П. Павловым-Сильванским, М. К. Лемке, В. И. Семевским. Работа с Семевским привела к изданию сборника, посвященного декабристам⁴¹. С Н. П. Павловым-Сильванским он разрабатывает план издания общей истории декабристов, чтобы «представить в научном и верном изложении фактическую сторону движения»⁴². Оба исследователя стремились привлечь

³⁷ Щеголев П. Е. «Катехизис» Сергея Муравьева-Апостола: (Из истории агитационной литературы декабристов).— Минувшие годы, 1908, № 11, с. 50—80.

³⁸ Там же, с. 68.

³⁹ Щеголев П. Е. Декабрист князь Ф. П. Шаховской: (Биографическая заметка).— Былое, 1907, № 8, с. 274—289; Розен А. Е. Записки декабриста / Ред. и вступит. ст. П. Е. Щеголева. СПб., 1907.

⁴⁰ ПД, ф. 627, он. 4, д. 2221, л. 1.

⁴¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. I. Декабристы: М. А. Фонвизин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель: Статьи и материалы / Ред. и сост. В. И. Семевский, П. Е. Щеголев.

⁴² Щеголев П. Е. Памяти Н. П. Павлова-Сильванского.— Минувшие годы 1908, № 10, с. 318. Об этом см. также: Невзделев Г. А. Указ. соч., с. 60.

к сотрудничеству В. Я. Богучарского, М. М. Ковалевского, Н. А. Котляревского, В. И. Семевского, Е. В. Тарле, В. Я. Якушкина и др.⁴³ Замысел этот, к сожалению, оказался неосуществленным.

Работа в архиве дала возможность П. Е. Щеголеву опубликовать в 1906 г. уникальный памятник движения декабристов — «Русскую правду» П. И. Пестеля⁴⁴, а несколько ранее не менее значительный документ, обличающий самодержавие, — сочинение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»⁴⁵. Царизм, уничтоживший книгу в 1790 г., после 115 лет замалчивания вынужден был согласиться на опубликование, и то с определенными оговорками: только одно (полное) издание в количестве 100 экз. по 100 руб. каждый. Щеголев совместно с Н. П. Павловым-Сильванским проделал работу большого научного и политического значения. Интерес к истории революционного движения у Щеголева не исчерпывался темой декабризма. В 1906—1907 гг. в журнале «Былое» он помещает ряд статей, свидетельствующих об изучении им революционного движения 70—80-х годов XIX в. Однако проблема революционного движения второй половины XIX в., не была им выделена как самостоятельная, а затрагивалась в публикуемых им статьях по русской истории⁴⁶.

Особое место в творчестве Щеголева занимает пушкинская тема, но она не является самодовлеющей, а тесно связана с декабристской и дает «чрезвычайно много ценного об отдельных сторонах движения», особенно «о ранних его этапах»⁴⁷. Пушкиновец, блестяще владеющий материалом, соединился в его лице с историком русского революционного движения, что, в свою очередь, и определило творческий интерес ученого к наиболее острым политическим темам биографии великого русского поэта: Пушкин и тайные общества, Пушкин и декабристы, Пушкин и Николай I, впервые поставленным Щеголевым и «во многом совсем по-новому» им разрешаемым в ряде работ о Пушкине. Уже первые работы Щеголева на эту тему заставили по-новому взглянуть на казалось бы давно решенные проблемы.

Важно в этой связи отметить работу Щеголева, посвященную обществу «Зеленая лампа»⁴⁸. В этой работе исследователь пришел к обоснованному выводу, что «Зеленая лампа» была не толь-

⁴³ ИРЛИ, ф. 627, оп. 3, д. 105, л. 23.

⁴⁴ *Пестель П. И.* «Русская Правда». Наказ Временному Верховному Правлению / Ред. и предисл. П. Е. Щеголева. СПб., 1906.

⁴⁵ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву / Ред. и предисл. П. Е. Щеголева. СПб., 1905.

⁴⁶ *Щеголев П. Е.* Событие 1 марта и Владимир Соловьев. — *Былое*, 1906, № 3, с. 48—55; *Он же.* Из истории «конституционных» веяний в 1879—1881 гг. — *Былое*, 1906, № 12, с. 262—283; *Он же.* После 1 марта 1881 года. — *Былое*, 1907, № 3, с. 290—302.

⁴⁷ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 35.

⁴⁸ *Щеголев П. Е.* «Зеленая лампа». — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1908, вып. VII, с. 19—50.

ко литературным кружком, что это было общество с явно политической окраской⁴⁹. Позднейшие работы советских исследователей помогли определить и характер этого общества: «Зеленая лампа» была побочной управой Союза Благоденствия⁵⁰. Накануне и в ходе революции 1905—1907 гг. Щеголев публикует целый ряд исследовательских (текстологических, исторических)⁵¹ статей, которые стали ядром его будущих книг о Пушкине. В научный обиход им был введен колоссальный новый материал. Но, работая в дальнейшем над темой, Щеголев сверх меры увлекся частностями пушкинского быта и хозяйства, пытаясь рассмотреть все проблемы биографии великого русского поэта в узко бытовом плане.

1905 год был тем толчком, который дал новое направление и его деятельности по широкому распространению знаний и сведений из истории революционного движения. Революционные события 1905—1907 гг. возбудили в самых широких слоях населения интерес к своему революционному прошлому. С 1906 г. начинает выходить журнал «Былое», первый периодический орган, специально посвященный истории освободительного движения в России. История «Былого» начиналась в октябрьские дни 1905 г. Самодержавие, напуганное размахом революционного движения, вынуждено было пойти на уступки, лавировать.

Манифест «17 Октября», «даровавший» народу свободу, в числе прочих «гарантировал» и свободу печати. Именно в это время Павел Елисеевич Щеголев окончательно формулирует мысль о выпуске исторического журнала, посвященного истории революционного движения в России, «нашего не столь давнего «былого»»⁵². Его поддерживает и известный исследователь народничества, сам в прошлом привлекавшийся по делу «Народной воли», Василий Яковлевич Яковлев (выступавший в печати также под псевдонимами В. Богучарский и В. Базилевский)⁵³. Вскоре был разработан «в подробностях» план нового журнала. Одновременно ими привлекается к сотрудничеству вернувшийся в ноябре 1905 г. из эмиграции Владимир Львович Бурцев, социалист-революционер, по предложению которого новому журналу и было дано то назва-

⁴⁹ Нечкина М. В. Указ. соч., с. 240.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Щеголев П. Е. А. С. Пушкин и московские студенты в 1831 году.— Исторический вестник, 1904, № 4, с. 207—222, *Он же*. Дуэль Пушкина с Дантесом: (Новые материалы).— Исторический вестник, 1905, № 1, с. 173—195; № 3, с. 944—972; № 4, с. 196—211; *Он же*. К истории пушкинской масонской ложи.— Минувшие годы, 1908, № 5/6, с. 517—520 и др.

⁵² Щеголев П. Е. К истории «Былого».— Былое, 1917, № 1 (23), июль, с. 5; ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 5 об. В этом же году было объявлено, что Щеголев примет участие в литературном отделе вновь возникшего журнала «Прошлое» (журнал ежемесячный, редактор В. А. Щеголева, издатель А. И. Парамонов). Но судьба этого журнала оборвалась на его единственном номере от 3 мая 1906 г.

⁵³ Богучарский В. К увековечиванию памяти славных.— газ. Наша жизнь, 1905, № 328 от 8 (21) ноября, с. 2; Былое, 1906, № 1, с. 323—325.

ние, под которым им издавались за границей исторические сборники,— «Былое»⁵⁴.

24 ноября 1905 г. был разрешен выпуск журнала. Официальными редакторами объявлялись П. Е. Щеголев и В. Я. Богучарский (при ближайшем участии Бурцева)⁵⁵.

Программа журнала, предложенная редакцией, была следующей: «1) статьи и исследования по истории освободительного движения; 2) материалы, документы, письма и пр., касающиеся истории движения; 3) мемуары и биографии деятелей движения; 4) отдельные факты и эпизоды из истории движения; 5) историческая библиография; 6) современная летопись и 7) портреты деятелей освободительного движения»⁵⁶. С полной уверенностью можно сказать, что выступить с подобной программой можно было лишь в момент наивысшего подъема революции, что и отмечалось Щеголевым. «Журнал мог выполнять четко и настойчиво свое дело и вести историко-революционную пропаганду, только опираясь на могучие революционные волны 1905—1906 года»⁵⁷.

Материалы журнала явились своего рода откровением для массового читателя. Достаточно сказать, что уже в первом номере журнала была помещена статья, посвященная событиям 9 января 1905 г.⁵⁸, а на следующий год — воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин»⁵⁹. Публиковались и другие материалы, освещающие события революции 1905—1907 гг. Ведущее же место в журнале заняла проблематика общественного движения — движение декабристов, революционное движение 60-х годов XIX в. и особенно материалы, посвященные движению народников.

Первая тема была представлена преимущественно работами Н. П. Павлова-Сильванского, М. О. Гершензона, В. И. Семевского и П. Е. Щеголева. Ведущее место в разработке проблем 60-х годов принадлежало М. К. Лемке. Его работы, основанные на новых документальных материалах, впервые вводимых в научный оборот, обогатили представление читателей о таких важных событиях, как процессы «Великорусса», Михайлова, Писарева, Чернышевского и т. д. Выступали со своими статьями сами очевидцы и участники событий: Л. Ф. Пантелеев, Д. В. Стасов, М. А. Антонович. Наряду с этим были опубликованы заметки-публикации (документы первой «Земли и Воли», различные материалы, связанные с А. И. Герценом и т. п.).

⁵⁴ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 5.

⁵⁵ Там же; Былое, 1917, № 1(23), с. 5.

⁵⁶ Былое, 1906, № 1.

⁵⁷ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁵⁸ Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г.— Былое, 1906, № 1, с. 195—203.

⁵⁹ Коваленко А. М. Одиннадцать дней на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». — Былое, 1907, № 1, с. 88—113; № 2, с. 121—141; № 3, с. 46—68.

Основное внимание уделялось публикации материалов, связанных с деятельностью народников. Этот факт объясняется, конечно, и определенным «пристрастием» к данной теме двух редакторов журнала, бывших активными участниками этого движения, — В. Я. Богучарского и В. Л. Бурцева. Со статьями и воспоминаниями выступили М. Ю. Ашенбреннер, А. П. Прибылева-Корба, А. О. Лукашевич, М. Ф. Фроленко и многие др.

Успех журнала превзошел все ожидания. Десятитысячный тираж первой книжки оказался явно недостаточным. Январский номер разошелся молниеносно, и издатели в марте были вынуждены объявить о печатании второго издания (в том же количестве). Вскоре понадобилось и третье издание. Вот почему в дальнейшем тираж каждой книжки определялся в 27—28 тыс. экз.⁶⁰ По свидетельству самого Щеголева, книги журнала «зачитывались до дыр в библиотеках, становились необходимым пособием в руках пропагандистов всех партий»⁶¹. Этот интерес понятен и объясняется раскрепощенным революцией интересом к бывшей под официальным запретом истории революционного прошлого России, а также участием в журнале выдающихся научных и литературных сил страны, непосредственных участников движения. Публикация целого ряда ценнейших статей сделала «Былое» незаменимым источником по истории освободительного движения. Журнал давал много нового материала, как «мемуарного, так и документально-официального», «извлеченного из сокровеннейших правительственных источников»⁶². С уверенностью можно сказать, что «никогда еще в России не шло таким широким потоком распространение сведений и знаний по истории революционного прошлого»⁶³.

Вместе с тем следует отметить, что журнал имел и существенные минусы. Прежде всего недостаточное внимание уделялось истории массового движения. По существу, вне поля зрения оказалась история русской социал-демократии, рабочего движения. Это объяснялось прежде всего мелкобуржуазной, народнической позицией издателей «Былого». Хотя журнал и объявлялся издателями как «внепартийный», была очевидна его народническая направленность.

Популярность журнала не могла не встревожить царскую цензуру. Журнал неоднократно подвергался цензурным преследованиям. Обыски в редакции, аресты сотрудников, аресты и конфискации номеров журнала, высылки стали обычными для существования «Былого», особенно после подавления революции. В 1907 г. на 10-й книге журнал был запрещен⁶⁴.

⁶⁰ Былое, 1917, № 1 (23), с. 5.

⁶¹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁶² Там же.

⁶³ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, с. 6.

⁶⁴ Однако царская цензура еще долго помнила о «вредном журнале». Уже после его закрытия решением Судебной палаты к полному уничтожению

Запрещение «Былого» вызвало многочисленные письма читателей в редакцию. В одном из них писалось о том огромнейшем влиянии и воспитательном значении, которое журнал «оказывает на нас, о той силе и бодрости, которую он в нас вливает, говоря о погибших товарищах нашего общего дела»⁶⁵. Историко-революционная тематика оказывала, как видно, большое воспитательное влияние.

Попытки издателей возродить «Былое», но уже под другим названием, также закончились неудачно⁶⁶. В ответ на ходатайство Щеголева о возобновлении журнала товарищ министра внутренних дел Макаров говорил, что «Былое», по его мнению, «очень вредный журнал»⁶⁷.

За конфискацией 10-й книги «Былого» последовало и привлечение Щеголева к суду 28 октября 1907 г., а в ноябре он высылается из Петербурга «за вредную политическую деятельность»⁶⁸.

В 1908 г. Щеголев, находясь вне Петербурга, в административной высылке, совместно с В. Я. Богучарским руководит новым журналом — «Минувшие годы», задуманным как продолжение «Былого». Вскоре, как уже упомянуто, после выхода 12-го номера, он был закрыт. Стремясь сохранить традиции прежнего издания, редакторы помещают в новом журнале большое количество исторического материала. Однако большее место в новом журнале стали занимать статьи по истории русской литературы. Подобная несоразмерность исторического и литературного материала (которая, кстати, отмечалась самим Щеголевым) объяснялась цензурными гонениями, усилившимися в эпоху реакции.

Щеголев поселился в Сестрорецке и, продолжая работу по «Минувшим годам», где он вел литературный и общеисторический отделы, был вынужден по делам издания наезжать в запрещенную для него столицу. Эти поездки закончились тем, что

было приговорено 7 книг журнала, причем в числе этих семи книг фигурируют и те, которые в 1906—1907 гг. вообще не вызывали у властей никаких нареканий.

⁶⁵ ПД, ф. 627, оп. 4, № 2296, л. 1 (Письмо В. Малашкина В. Л. Бурцеву от 22 декабря 1907 г.).

⁶⁶ См.: Наша страна. 1907 г.: Исторический сборник / Редактор-издатель В. И. Царда. СПб., 1907 (вместо 11-й и 12-й книг недоданного «Былого»); В 1908 г. вышло 12 номеров журнала «Минувшие годы».

⁶⁷ ПД, ф. 62, оп. 3, д. 530, л. 3 об.

⁶⁸ ИМЛД, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 8. Добившись приема у градоначальника Драчевского, Щеголев узнает, что ему вменяется в вину «совершенно дикое» соображение, вроде ссыла на мои сношения с неблагонадежными людьми, в числе коих был назван на первом месте В. Я. Яковлев-Богучарский». Щеголев добивается невозможного — аудиенции у Столыпина, но в ночь накануне приема он получает отказ. Столыпин «справился с моим делом и не пожелал открывать мне обстоятельств, вызвавших репрессии против меня» (Там же).

Щеголев был арестован прямо на улице и 29 марта препровожден в арестантское помещение Коломенской части — «грязнейшую из всех мною виденных тюрьму»⁶⁹. После месяца тюремного заключения по постановлению Особого совещания он был выселен под негласный надзор полиции на два года. Местом жительства был выбран г. Юрьев, где, казалось, «мне уже не придется заниматься ни журнальной деятельностью, ни наукой»⁷⁰. Он решил готовиться к сдаче государственных экзаменов по юридическому факультету. Однако вскоре, в мае 1908 г., прибавительный генерал-губернатор решил выслать Щеголева в Астраханскую губернию, признав «крайне опасным для общественного порядка и спокойствия» его пребывание в Юрьеве⁷¹. Благодаря хлопотам петербургских друзей⁷², а также и самого Щеголева, обращавшегося к всесильному председателю совета министров Столыпину⁷³, этот приказ удалось отменить, но Щеголев тем не менее вынужден был оставить Юрьев и поселиться в селе Любань Новгородской губернии, куда он и переехал осенью 1908 г.

Вскоре подошло и слушание дела по «Былому» в Петербургской судебной палате — 13 января 1909 г., которая постановила: журнал «Былое» закрыть, а издателя П. Е. Щеголева подвергнуть заключению в крепости на три года. Щеголев тут же был арестован, препровожден в петербургскую тюрьму «Кресты», из которой он вышел лишь в мае 1911 г., через 2 года и 4 месяца одиночного заключения⁷⁴. В тюрьме П. Е. Щеголев 4 апреля 1910 г., накануне дня своего рождения, делает характерную запись: «Мне 33 года, 22-х лет я кончал университет и начинал сознательную жизнь. Следовательно... большая половина моей жизни уже прожита, но сознательной жизни... изжито только 11 лет... Вот фактический итог: из 11 лет сознательной жизни... 2 года и 8 месяцев я провел в тюрьме (2 1/2 мес. в марте — мае 1899; 8 месяц. в сент. 1899 — июле 1900; 3 1/2 мес. в апр.—авг. 1901; 1 1/2 в янв.—фев. 1908; 1 1/2 мес. в фев.—апр. 1908 и, наконец с 13 января 1909 года по сей день) и около 3 с четвертью лет в ссылках, высылках под полицейскими надзорами»⁷⁵, т. е. 6 лет тюрем и ссылок.

Выйдя из тюрьмы, П. Е. Щеголев вернулся к научно-исследовательской деятельности. По-прежнему в центре его интересов

⁶⁹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 8; ПД, ф. 627, оп. 5, д. 42, л. 1.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ПД, ф. 627, оп. 5, д. 45, л. 1.

⁷² Богучарский сообщает Щеголеву 23 июня 1908 г., что ходил по его делу к Милокову, Гессену, Ковалевскому, все возмущены, «говорят, что едва ли в этом случае может помочь и сам Столыпин. Ковалевский обещал переговорить с М. А. Стаховичем. Больше мне обратиться не к кому» ПД, ф. 627, оп. 4, д. 2055, лл. 1—1 об.

⁷³ ПД, ф. 627, оп. 5 д. 45, л. 2—3.

⁷⁴ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 2—3.

⁷⁵ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 1, л. 1.

остаётся декабристская тема. Наряду с опубликованием новых материалов⁷⁶ Щеголев переиздает и ранее вышедшие⁷⁷.

В 1912 г. Щеголев откликнулся на 100-летний юбилей А. И. Герцена, выступив со статьей, в которой на основе документов излагались все перипетии суда над Герценом, приговорившего его к вечному изгнанию из России и лишению всех прав состояния⁷⁸.

В это время Щеголев активно сотрудничает в издательстве «Огни», где редактирует завоевавшую широкую популярность серию «Библиотека мемуаров». Здесь под его редакцией выходят дневник В. С. Аксаковой, дочери писателя⁷⁹, воспоминания Г. Винского, В. П. Колесникова и графа Комаровского⁸⁰, записки декабристов Н. В. Басаргина и братьев Бестужевых⁸¹. В издательстве товарищества «Деятели» Щеголев готовит к выпуску сочинения С. Т. Аксакова, но издание было приостановлено из-за начавшейся первой мировой войны⁸².

В это же время Щеголев сотрудничает в газете «День», интересоно поставил литературно-критический отдел, редактируя еженедельное приложение «Отклики», где поместил ряд очень интересных публикаций о жизни и деятельности декабристов⁸³.

⁷⁶ *Щеголев П. Е.* Возвращение декабриста [В. Ф. Раевского] (1858 г.) — Современник, 1912, кн. 12, с. 287—300; *Он же.* Благоразумные советы из крепости (по неизданным материалам). — Современник, 1913, кн. 2, с. 271—296; кн. 3, с. 268—292; *Он же.* Граф М. Н. Муравьев — заговорщик. — Современник, 1913, кн. 1, с. 301—326, и др.

⁷⁷ *Щеголев П. Е.* Исторические этюды. СПб., 1913. В состав данного сборника вошли статьи о Семене Олейничуке (впервые — Былое, 1906, № 4), Владимире Раевском, «Катехизисе» С. И. Муравьева-Апостола, Ф. П. Шаховском и статья о юридических правах жен декабристов (впервые: Жены декабристов: Сб. историко-бытовых статей. М., 1906).

⁷⁸ *Щеголев П. Е.* Суд над Герценом. (Справка). — Русское слово, 1912, № 71, 25 марта.

⁷⁹ 1854—1855. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / Ред. П. Е. Щеголева и Н. В. Голицына. СПб., 1913.

⁸⁰ Мое время; Записки Г. С. Винского. СПб., 1914; *Колесников В. П.* Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. СПб., 1914; Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914; Здесь же им опубликованы «Воспоминания земского деятеля» В. М. Хижнякова с предисловием В. Я. Богучарского (Пг., 1916).

⁸¹ Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917; Воспоминания братьев Бестужевых. Пг., 1917.

⁸² *Аксаков С. Т.* Полн. собр. соч. СПб., 1912—1913. Т. I—IV. В письме к О. Г. Аксаковой от 22 февраля 1912 г. он просит ее прислать ему что-нибудь новое из семейного архива, необходимое для комментирования собрания сочинений Сергея Тимофеевича Аксакова. ПД, ф. 3, оп. 17, д. 166, л. 12—12 об.

⁸³ Воспоминания декабриста: (Неизданное письмо декабриста И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву). — Литература. Искусство. Наука, 1913, № 6/10, 11 ноября — 9 декабря (приложение к № 306, 313, 327, 334 газ. День); *Братья Борисовы: Из воспоминаний М. А. Бестужева.* — Отклики, 1914, № 21 (прилож. к газ. День, 1914, 30 мая); Декабристы на пути в Сибирь. — Там же, № 22 (газ. День, 1914, 5 июня). Из истории декабристов. — Там же, № 17 (газ. День, 1914, 17 июня); Судьба М. К. Юшневской: Из истории жен декабристов. — Там же, № 25 (газ. День, 1914, 26 июня).

Он стремится привлечь к сотрудничеству новые литературные силы, в частности А. Блока⁸⁴.

П. Е. Щеголев продолжает публикацию декабристских материалов, он издает записки жен декабристов — М. Н. Волконской и П. Е. Анненковой⁸⁵, подготовил к печати мемуары И. И. Горбачевского⁸⁶. Не прекращал Щеголев работы над своей главной исследовательской темой — пушкинской. Итогом ее явился выход сборника статей, в котором были собраны материалы, опубликованные автором начиная с 1905 г.⁸⁷ 2-е издание этой работы было удостоено Пушкинской премии Академии наук⁸⁸. Вскоре выходит и другая известная работа Щеголева, посвященная дуэли и смерти А. С. Пушкина⁸⁹. Продолжает Щеголев и текстологическую работу по пушкинской теме, публикуя тексты вновь открытых стихотворений поэта.

Но многое, к сожалению, так и осталось неосуществленным. Так, в 1914 г. в издательстве «Грядущий день» им была начата работа по изданию Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова, изданию, оцениваемому современниками как «одинаково богатое и в литературном, и в художественном, и в полиграфическом отношениях»⁹⁰. Начавшаяся первая мировая война прервала интересное предприятие. Та же судьба постигла начатое изданием в издательстве «Деятель» собрание сочинений С. Т. Аксакова. П. Е. Щеголев начал работу по редактированию Полного собрания сочинений А. С. Пушкина в серии «Академическая библиотека русских писателей» при Академии наук, но дело с изданием вопреки всем ожиданиям затянулось и в конце концов издание так и не состоялось, оно было осуществлено уже при Советской власти.

С началом первой мировой войны Щеголев принимает участие во вновь организованном журнале «Отечество», бывшем, по определению А. А. Блока, «недурным» «среди тучи журналов» той поры⁹¹. Блок свидетельствует также, что Щеголев издавал этот журнал совместно с художником Зиновием Исаевичем Гржебиным⁹², хотя в объявлениях самого журнала Щеголев числится лишь среди сотрудников литературного отдела и нет никаких указаний на то, что он еще и издатель. По-видимому, прав в дан-

⁸⁴ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, с. 200, 227, 241.

⁸⁵ Записки княгини Марии Николаевны Волконской. СПб., 1914; Записки жены декабриста П. Е. Анненковой [Пг.], 1915.

⁸⁶ Записки декабриста И. И. Горбачевского. М., 1916.

⁸⁷ Щеголев П. Е. Пушкин: Очерки. СПб., Изд. «Шиповник», 1912.

⁸⁸ Щеголев П. Е. Пушкин: Очерки. 2-е изд. СПб., Изд. «Прометей», 1913.

⁸⁹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. — В кн.: Пушкин и его современники. Пг., 1916 (вып. XXV—XXVII). (2-е изд. Пг., 1917).

⁹⁰ Пиксанов Н. К. П. Е. Щеголев как редактор и издатель. — Художественная литература, 1931, № 2, с. 17.

⁹¹ Александр Блок. Письма к жене. — Литературное наследство. М., 1978, т. 89, с. 336.

⁹² Там же.

ном случае Блок, который прекрасно знал положение дел в этом издании. Вероятно, П. Е. Щеголев после закрытия «Былого» и отбытия тюремного заключения не мог выступать как издатель. В этом журнале Щеголевым опубликована лишь одна непритязательная заметка⁹³.

Революционные события 1917 г. не оставили П. Е. Щеголева в стороне. С марта он становится членом учрежденной Временным правительством Чрезвычайной Следственной комиссии по расследованию преступлений бывшей царской администрации⁹⁴. По положению эта комиссия состояла из председателя (московский адвокат Н. К. Муравьев), двух товарищей и четырех членов. Членами являлись академик С. Ф. Ольденбург, П. Е. Щеголев и юрист-международник Д. Д. Гримм. Представителем Временного комитета Государственной думы был Ф. И. Родичев, от Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов — меньшевик Н. Д. Соколов. Главным редактором стенографического отчета был назначен А. А. Блок. Кроме того, были созданы специальные комиссии, как, например, морская и военная. В качестве подсобного органа действовала особая комиссия для обследования деятельности департамента полиции (председатель — П. Е. Щеголев), которая изучала дела департамента полиции и состав секретной агентуры. П. Е. Щеголев получил возможность впервые проникнуть в тайны охранного отделения, «святая святых» российского самодержавия⁹⁵. Впервые стала достоянием гласности деятельность охранки и правительственного аппарата. Перед комиссией прошли такие «известные» фигуры царского режима, как фрейлина Вырубова, премьер-министр Горемыкин, директор департамента полиции Белецкий, Золотарев, ведавший в 1911—1915 гг. министерством внутренних дел, и последний министр внутренних дел Протопопов.

В августе — сентябре комиссия должна была бы подготовить обвинительное заключение для предания суду некоторых должностных лиц, что по логике самого следствия должно было означать предание суду самой системы. На этом самым категорическим образом настаивал Блок, его очень активно поддерживал Щеголев. Комиссия, в которой заседали бывшие царские сановники и судебные деятели, не могла, конечно, поддержать подобную «крайнюю» позицию, ибо была связана «по рукам и ногам существовавшим сводом и ухищренным юридическим мышле-

⁹³ Щеголев П. Е. Сны русского интеллигента в царствование императора Павла.— Отечество, 1915, № 1, с. 16—17.

⁹⁴ В «Вестнике Временного правительства» от 5 марта 1917 г. было опубликовано сообщение о формировании комиссии, но ее работа была начата позже.

⁹⁵ Сидоров А. Л. Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964, с. 141.

нием всех ее членов, и закончила работу при довольно-таки скромных результатах»⁹⁶. Но Щеголев благодаря этой работе получил великолепный материал, обличающий царский режим. Это дало ему возможность начать публиковать материалы комиссии, а также целый ряд следственных дел по другим процессам⁹⁷. Его колоссальный опыт, великолепное знание архивных материалов давали возможность советским государственным органам привлекать Щеголева в качестве эксперта по целому ряду политических процессов, разоблачавших бывших «деятели» царской охранки.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Щеголев встретил с энтузиазмом. С первых же шагов становления молодой советской науки Щеголев откликается на все ее нужды. 8 декабря 1917 г. Совет Юрьевского университета по представлению историко-филологического факультета утвердил Щеголева в степени почетного доктора русской словесности, и 26 января 1918 г. ему был вручен соответствующий диплом⁹⁸.

П. Е. Щеголев принимает активное участие в становлении советского архивного дела. Много сил было вложено им в организацию будущего Петроградского историко-революционного архива.

В 1918—1919 гг. была проведена реорганизация всего архивного дела Советской республики: при едином государственном архивном фонде было создано 8 секций, в том числе и секция историко-революционная (VII), имеющая свои отделения в Москве и Петрограде. Председателем Петроградского отделения секции был назначен П. Е. Щеголев, московского — В. В. Максакон. Именно в ведение петроградского отделения попали фонды органов политического сыска: III отделения, департамента полиции, штаба отдельного корпуса жандармов и т. п., т. е. бывший до передачи в систему единого государственного архива Петроградский историко-революционный архив.

В первые годы существования в архиве работали П. Е. Щеголев, А. А. Шилов, С. Н. Валк, В. И. Невский, В. В. Колпенский, Ш. М. Левин, Н. Л. Сергиевский⁹⁹. В качестве сотрудников были привлечены деятели революционного движения О. В. Аптекман, Л. Г. Дейч, Е. Н. Ковальская, П. И. Стучка, Н. С. Тютчев,

⁹⁶ Падение царского режима, М.; Л., 1924, т. 1, с. 20.

⁹⁷ Самой первой публикацией явилась подборка материалов о деятельности сотрудника охраны И. Ф. Мануйлова (Былое, 1917, № 5/6 (27/28), с. 236—286), где она опубликована без подписи. Позже, в 1925 г., совместно с К. Бедким, он издает книгу на эту тему под названием «Русский Рокамболь (приключения И. Ф. Манасевича-Мануйлова)», переизданную в 1927 г., а также: Секретные сотрудники и провокаторы: Сб. материалов. М.; Л., 1927. Охранники и авантюристы. М., 1930; Агенты, жандармы, палачи: По документам. Пг., 1922; Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1929.

⁹⁸ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 3, л. 1—2.

⁹⁹ ГАОРСС, ф. 6900, оп. 3, д. 180, л. 20—26.

а также А. М. Горький, А. И. Ульянова-Елизарова и М. М. Чернышевский¹⁰⁰.

В составе архива кроме делопроизводственных материалов, оказались коллекции исключительно ценного материала: нелегальные издания книг, брошюр, журналов, газет, прокламаций и т. п.¹⁰¹ По свидетельству А. А. Шилова, это — «собрание ценнейшего историко-революционного материала, который после первоначального ознакомления с ним производит ошеломляющее впечатление»¹⁰², а посему он должен стать достоянием науки и общечеловечности. Их публикация, помимо большого политического значения, бесспорно, имела и громадную научную ценность. Учитывая это, руководство архива еще в 1918 г. разработало подробный план издания архивных материалов, в первую очередь памятников агитационной литературы. Петроградское отделение начало свою работу с подготовки к публикации отдельных материалов, которые печатались в журналах «Былое», «Красный архив»¹⁰³, а также библиографий по революционному движению¹⁰⁴.

Редакционно-издательский комитет Центрархива в ноябре 1920 г. создал Историческую комиссию для научного обследования архивных материалов, их описания и издания, и в частности комиссию по истории революционного движения и политических преступлений 60—80-х годов XIX в. в составе В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева. Комиссия по истории восстания декабристов планировала издать монографию П. Е. Щеголева о восстании Черниговского полка¹⁰⁵. Эта комиссия с образованием петроградского бюро истпарта (возглавленного В. И. Невским) готовила совместно с ним для публикации материалы¹⁰⁶. Намечено было также издание серии «Политические процессы»¹⁰⁷.

П. Е. Щеголев в это время ведет большую работу по организации советского музейного дела. В мае 1919 г. группа инициаторов, в числе которых А. В. Луначарский, А. М. Горький,

¹⁰⁰ *Соболев Г. А., Токарев Ю. С.* Петроградский историко-революционный архив в первые годы Советской власти (1918—1923). — Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей. М.; Л., 1964, с. 7.

¹⁰¹ Исторический архив, 1919, кн. 1, с. 450—451.

¹⁰² Архивное дело, 1923, вып. 1, с. 115.

¹⁰³ *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917—1945). М., 1969.

¹⁰⁴ См.: Первомайские прокламации: Библиографическое описание / Сост. О. И. Власова, Е. М. Орловская и И. Г. Бендер. Под ред. С. Н. Валка и А. А. Шилова. Л., 1924; *Шилов А. А.* Что читать по истории русского революционного движения. Пг., 1924.

¹⁰⁵ Архивное дело, 1925, вып. 2, с. 131—132.

¹⁰⁶ В 1924 г. в «Памятниках агитационной литературы РСДРП» был издан текст «Черного передела» с предисловием В. И. Невского и статьей О. В. Аптекмана. Архив, располагавший ценными сведениями, смог начать такое издание, как «Деятели революционного движения в России», в 1927—1928 гг. вышел первый том (в двух книгах).

¹⁰⁷ Правда, 1923, 29 авг.

В. Н. Фигнер, П. Е. Щеголев, С. К. Исаков, М. Б. Каплан, выступила с предложением создать Музей Революции. Уже в декабре 1919 г. были утверждены штаты музея¹⁰⁸. Музей развертывает активную деятельность, и первым мероприятием явилась организация в январе 1920 г. торжественного заседания, посвященного памяти декабристов. К этой дате был выпущен листок, подготовленный П. Е. Щеголевым¹⁰⁹, «одним из активных организаторов музея»¹¹⁰, а 23 января, в день памяти А. И. Герцена, была выпущена однодневная газета «Колокол», в которой были помещены статьи и материалы, посвященные А. И. Герцену, и отчет о торжественном заседании в Большом театре¹¹¹. Несмотря на то что 31 марта 1923 г. решением Президиума Петроградского губисполкома был утвержден совет музея из 17 человек (в который вошли старые большевики и старые народовольцы), основная тяжесть административной работы по-прежнему лежала на П. Е. Щеголеве и М. Б. Каплане¹¹².

Благодаря опыту и помощи таких архивистов, как П. Е. Щеголев, А. А. Шилов, С. Н. Валк и др., музеем в короткий срок была создана уникальная коллекция подпольных листовок (начиная с 60-х годов XIX в.), изданий зарубежной русской бесцензурной печати, революционных брошюр, книг, нелегальных периодических изданий¹¹³.

С июня 1920 г. при Музее Революции начинает функционировать «Общество изучения освободительного и революционного движения в России», одним из организаторов которого был и П. Е. Щеголев¹¹⁴. В утвержденном уставе общества было записано, что его целью является «всестороннее научное изучение истории освободительного и революционного движения в России» и «возможно широкое распространение среди народных масс научных знаний об этом движении»¹¹⁵. Был определен состав Совета общества: председатель — М. К. Лемке, товарищ председателя — П. Е. Щеголев, члены — О. В. Аптекман, Е. В. Тарле, А. А. Шилов. Общество наметило целый ряд мероприятий, включавших проведение регулярных заседаний (два раза в месяц) для чтения докладов и мемуаров, организацию постоянных и вре-

¹⁰⁸ *Лейкина-Свирская В. Р.* Из истории Ленинградского Музея Революции.— В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1961, вып. III, с. 57. По штатному расписанию Щеголев был назначен заведующим Архивно-библиотечным отделом Музея Революции (ГАОРСС, ф. 2455, оп. 1, д. 378, л. 7).

¹⁰⁹ *Щеголев П. Е.* Памятка о декабристах. Издание Музея Революции. Пг., 1919, 4 с.

¹¹⁰ *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч., с. 57.

¹¹¹ «Колокол», однодневная газета памяти А. И. Герцена / Под ред. М. Лемке. Изд. Музея Революции. Пг., 1920.

¹¹² *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч., с. 58.

¹¹³ *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч., с. 61; Книга и революция, 1920, № 1, июль, с. 90.

¹¹⁴ ГАОРСС, ф. 2555, оп. 1, д. 12, л. 51; д. 264, л. 3.

¹¹⁵ Там же, д. 264, л. 3—7.

менных курсов, устройство выставок и съездов, составление биографического словаря деятелей революционного движения, издание библиотеки революционных мемуаров, публикацию научных и популярных изданий.

С июля 1917 г. возобновляется издание журнала «Былое»^{115а}. Инициатива возобновления издания принадлежала Щеголеву¹¹⁶. Журнал выходил нерегулярно, что вполне объяснимо, если учесть все трудности первых лет Советской власти¹¹⁷. Но тем не менее журнал хорошо распространялся, а «органы революционной Советской власти оказывали содействие изданию и являлись главными приобретателями, и даже единственными в эпоху военного коммунизма»¹¹⁸.

Тематика публикуемого материала была очень широкой: отечественная и всеобщая история, революционное движение, история русской литературы, гражданская война и иностранная интервенция в Советской России, рабочий вопрос и т. д.

С рядом исследовательских статей и публикаций архивных материалов на страницах журнала выступил и П. Е. Щеголев¹¹⁹.

Однако «Былое», основное внимание уделявшее народническо-эсеровской тематике, разоблачению провокаторов, все дальше уходил от требований текущей жизни и исторической науки, и в 1926 г. он был закрыт. Централизация издательского дела в руках государства привела к угасанию и самого издательства «Былое». Следует кратко сказать о характере деятельности этого издательства. Оно издавало свою продукцию на основе детально разработанного плана по следующим сериям: «Историко-революционная библиотека», задуманная на первом этапе лишь как серия «1 марта 1881 года», «Декабристы», «Рабочие-социалисты», «Библиотека революционных мемуаров», «Библиотека социалистической мысли», «Революция Запада» и т. д. В этих сериях было опубликовано большое количество литературы различного характера: архивные материалы, воспоминания современников и участников событий, исследовательские монографии. Именно здесь увидели свет работы Е. В. Тарле, В. В. Святловского, В. П. Семенникова, Н. Н. Фирсова, К. А. Пажитнова и самого

^{115а} Былое, Пг.; Л., 1917—1926, № 1 (23)—1 (35). Было издано 32 книги.

¹¹⁶ ПД, ф. 627, оп. 3, д. 627, л. 1, с. 2.

¹¹⁷ Тираж журнала был разный. Мы не имеем на этот счет никаких сведений за 1917—1920 гг., но начиная с 1921 г. тираж колеблется от 4500 до 15 тыс. экз., объем — 18 п. л.

¹¹⁸ ПД, ф. 627, оп. 3, д. 627, с. 3.

¹¹⁹ Щеголев П. Е. К истории «Былого». — Былое, 1917, № 1 (23), с. 5—12 (без подп.); *Он же*. К делу 1 марта 1881 года. Неизданные доклады гр. Лорис-Меликова, В. К. Плеве, А. В. Комарова. — Там же, 1918, № 4/5 (32/33), с. 12—69; *Он же*. Последнее признание Рысакова. — Там же, с. 305—307; *Он же*. Событие 1 марта и Владимир Соловьев: Новые документы. — Там же, с. 330—336; *Он же*. Таинственный узник: Глава из книги об Алексеевском равелине. — Там же, 1919, № 14, с. 152—208; *Он же*. Любовь в равелине. — Там же, 1920, № 15, с. 137—151; *Он же*. Из летописей Шлиссельбургской крепости. — Там же, 1921, № 16, с. 187—200.

П. Е. Щеголева¹²⁰. Видное место в издательских планах «Былого» занимали произведения художественной литературы. С издательством активно сотрудничали О. Форш, Вяч. Шишков, М. Слонимский, М. Зощенко и др.

П. Е. Щеголев занимается теперь редакционно-издательской деятельностью главным образом в Государственном издательстве, не оставляя прежней публикаторской работы¹²¹.

Здесь же им было осуществлено монументальное издание уже упоминавшегося «Падения царского режима»¹²², одного из первоисточников для изучения краха самодержавия. Эта серия является «единственным источником для истории самодержавия периода первой мировой войны», «ценнейшим и своеобразным»¹²³. Щеголев указывает, что публикация стенограмм допросов была произведена «с научной точностью». О справедливости этого заявления свидетельствует и позднейшая проверка, подтвердившая заявление издателя¹²⁴.

В Госиздате Щеголев проделал большую работу по изданию и комментированию материалов по истории кружка М. В. Буташевича-Петрашевского (показания, воспоминания, письма, статьи, библиография)¹²⁵. В организованной серии «Библиотека мемуаров» под редакцией П. Е. Щеголева издается ряд ценных документов по истории русского революционного движения¹²⁶. Так же плодотворно сотрудничает Щеголев и в других издательствах¹²⁷.

¹²⁰ Щеголев П. Е. Один из многих: История революционера Хаима Гершковича (1866—1905). Пг., 1919 (под псевд.: П. Павлов); *Он же*. Таинственный узник: Глава из книги об Алексеевском равелине. Пг., 1919; *Он же*. Декабристы: Очерки. Пг., 1920; *Он же*. Петр Григорьевич Каховский. 2-е изд. Пг., 1921. Под его редакцией, или с его предисловиями выходят публикации, посвященные Г. А. Лопатину, запискам рабочего Василия Герасимова и др.

¹²¹ См., например, «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине (1873—1882)». — Красный архив, 1923, т. 4, с. 222—272; 1924, т. 5, с. 172—212; 1924, т. 6, с. 77—123; Алексей Медведев. — Каторга и ссылка, 1930, № 10, с. 67—110; К биографии Н. И. Кибальчича: По неизданным материалам. — Каторга и ссылка, 1930, № 11, с. 44—57; Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II (апр.—ноябрь 1879). — Красный архив 1930, № 3, с. 125—175; Пушкин и граф М. С. Воронцов. — Красный архив, 1930, № 1, с. 173—185 и др.

¹²² Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1924—1927.

¹²³ Сидоров А. Л. Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, с. 139.

¹²⁴ Там же, с. 142.

¹²⁵ Петрашевы в воспоминаниях современников: Сб. материалов / Ред. и сост. П. Е. Щеголев. М.; Л., 1926—1928. Т. I—III.

¹²⁶ Щелунов Н. В. Воспоминания / Ред., вступит. ст. и примеч. А. А. Шилова. М.; Пг., 1923; Волкенштейн Л. А. Из тюремных воспоминаний / Вступит. ст. и примеч. Р. М. Кантора. Л., 1924; Княгиня М. Н. Волконская. Записки / Ред., вступит. ст. и примеч. П. Е. Щеголева. Л., 1924.

¹²⁷ Вульф А. Н. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи) / Со статьей М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское». Ред. и вступит. ст. П. Е. Ще-

Не ослабевает в эти годы интерес Щеголева к пушкинской теме. Он переиздает свое сочинение о Пушкине¹²⁸ и занимается сбором материалов к давно задуманной книге «Будни Пушкина». Был собран колоссальный материал, который он начал публиковать¹²⁹.

Определенным итогом работы над темой явилось издание в Государственном издательстве Полного собрания сочинений великого поэта¹³⁰, в котором Щеголев был членом редколлегии и редактором третьего и пятого томов. На самом же деле, по свидетельству А. В. Луначарского, «по существу мы втроем вели практическую работу: я, П. Н. Сакулин и П. Е. Щеголев»¹³¹. Луначарский высоко оценивал предпринятую работу: «Дело издания собрания сочинений Пушкина как с академической, так и с нашей точки зрения представляет собою дело огромной важности. Само собою разумеется, что для меня может быть с культурной точки зрения только лестно возглавлять редакционный комитет с участием таких уважаемых лиц, как Сакулин и Щеголев». Причем последний охарактеризован как «известнейший пушкиновед»¹³².

П. Е. Щеголев в это время выступает и как драматург. Он много лет стоял во главе Драмсоюза (Всероскомдрам). Совместно с А. Н. Толстым он пишет пьесы, которые с успехом ставятся на сценах театров страны, драматическую поэму «Полина Гельб», в основе которой перипетии любви декабриста Анненкова и французенки Полины Гельб¹³³.

П. Е. Щеголев, с его тонким художественным чутьем и большими знаниями в области истории и литературы, не мог остаться в стороне от кинематографа. Говоря о своем понимании зна-

голева. М., 1928; *Дрянский Е. Э.* Записки мелкотравчатого / Ред. и вступит. ст. П. Е. Щеголева, Л., 1930; *Щеголев П. Е.* Книга о Лермонтове. Л., 1929. Кн. 1—2.

¹²⁸ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 3-е изд., просм. и доп. М.; Л., 1928. Эта работа была переиздана уже после смерти П. Е. Щеголева в 1936 г. в серии «Жизнь замечательных людей» (вып. 11/12 (83/84) под ред. и с предисл. М. А. Цявловского. *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931.

¹²⁹ *Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики: По неизданным материалам. М., 1928; *Он же.* Бюджет Пушкина в последний год жизни.— *Прожектор*, 1929, № 11, с. 22—24; *Он же.* Квартирная тяжба Пушкина: Из истории материального быта. По неизданным материалам.— *Красная нива*, 1929, № 24, с. 7—9; *Он же.* Материальный быт Пушкина: По неизданным материалам.— *Искусство*, 1929, № 3/4, май-июнь, с. 39—49.

¹³⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Ред. коллегия: Д. Бедный, А. В. Луначарский, П. Н. Сакулин, В. И. Соловьев, П. Е. Щеголев. М.; Л., 1930—1931. Т. 1—6.

¹³¹ А. В. Луначарский. Неизданные материалы. Литературное наследство. М., 1970, т. 82, с. 106.

¹³² Там же, с. 509—510.

¹³³ *Щеголев П. Е., Толстой А. Н.* Азеф: (Орел или решка). Пьеса в пяти действиях 12 картинах. Л., 1926; *Они же.* Заговор императрицы. Л., 1926; *Щеголев П. Е., Толстой А. Н.* Полина Гельб: (Декабристы). Поэма.— *Новая Россия*, 1926, № 1, стб. 35—58.

чения кино, и особенно фильмов на исторические темы, Щеголев подчеркивал, что такой фильм должен «раскрывать исторически значительные моменты социальной борьбы», ибо «возможности кино в этом отношении необычайно велики»¹³⁴. За короткое время Щеголев написал четыре киносценария на исторические сюжеты¹³⁵.

Скончался Павел Елисеевич Щеголев 22 января 1931 г. в Ленинграде, не завершив многое из задуманного. К числу неосуществленных замыслов относится трехтомная «История декабристов», задуманная еще совместно с Н. П. Павловым-Сильванским. Щеголев должен был подготовить статьи: «Общественное движение в России до 1821 г.», «Революционер Лунин» и «П. Г. Каховский» в биографическом очерке «Важнейшие деятели Северного общества», «Московский съезд 1821 г.», «Возникновение управы и соединенные славяне», «Сергей Муравьев-Апостол» (по-видимому, итогом этого и явилась работа о «Катехизисе» С. И. Муравьева-Апостола), «Бестужев-Рюмин», «Белая Церковь» и «Декабристы в Сибири». Издание должно было быть осуществлено в 1907—1908 гг., но было отложено из-за возникших осложнений с издательством И. Д. Сытина, а последовавшие затем репрессии против самого Щеголева и смерть Н. П. Павлова-Сильванского заставили отложить осуществление замысла до неопределенного будущего¹³⁶. К 1912 г. относится задуманный Щеголевым проект нового издания «Русской Правды» П. И. Пестеля¹³⁷. В 1919 г. была объявлена работа «Пушкин в оценке графа А. Х. Бенкендорфа»¹³⁸. Не увидели читатели и анонсированной монографии о восстании Черниговского полка, а также работы «Конец императора Павла (Историческое исследование)». Щеголев предполагал завершить также свои исследования по теме «Владимир Соловьев и 1 марта 1881 года», но и это намерение осталось невыполненным. Остался неосуществленным проект издания (совместно с В. В. Максаковым и В. И. Невским) сборника документов из серии «Политические процессы 70—80-х годов»¹³⁹, замыслы книг о Николае II, Григории Распутине и великом князе Кирилле Владимировиче, «императоре всероссийском».

¹³⁴ Жизнь искусства, 1925, № 38, с. 19.

¹³⁵ Щеголев П. Е., Форш О. Дворец и крепость: Историческая кинодрама в десяти частях с прологом и эпилогом. Производство «Севзапкино», вып. 1924 г. Пг., 1924; Щеголев П. Е. Степан Халтурин: Сценарий «Севзапкино». Пг., 1925; Он же. Девятое января: («Кровавое воскресенье»), «Черное воскресенье». Сценарий по теме Ленинградского истпарта. Л., 1925; Он же. Декабристы. 8 ч. 2110 м. Ленинградкино. Пг., 1927. Вторая часть фильма — «Пламенеющие сердца» — не была выпущена.

¹³⁶ Щеголев П. Е. Памяти Н. П. Павлова-Сильванского, с. 319; ЦГИАЛ, ф. 1014, оп. 1, д. 35, л. 44; Невелев Г. А. Указ. соч., с. 60.

¹³⁷ Блок А. А. Собр. соч. М.; Л., 1963, т. 7, с. 176.

¹³⁸ Былое, 1919, № 15, объявление о содержании кн. 16.

¹³⁹ Красный архив, 1926, т. 3, с. 238.

Успех пьесы П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого «Заговор императрицы» вызвал намерение выпустить фильм «Заговор Распутина». Этот замысел также не был выполнен, хотя уже был опубликован и сценарий фильма, и был намечен авторский коллектив¹⁴⁰. П. Е. Щеголев собирался написать работу, посвященную А. С. Пушкину, неоднократно объявлялось о таких замыслах, как «Пушкин. Неизданные рукописи и бумаги» и «Пушкинское. Заметки к тексту и биографии». Не была завершена работа по редактированию собраний сочинений М. Ю. Лермонтова и С. Т. Аксакова. Большое значение придавал он планировавшемуся сборнику статей «От Радищева до Ленина»¹⁴¹.

По своему складу Щеголев был фактолог, документалист. Он всего охотнее исследовал темы конкретные, точно отграниченные, не привлекая еще внимания предшественников: Поэтому у него так много работ биографических, персональных. Он избегал широких исторических, теоретических и методологических обобщений. Так, работая много и долго над материалами об отдельных декабристах, он ни разу не поднялся до обобщенной характеристики декабризма. Давая превосходные этюды и очерки об отдельных писателях, он ни разу не выступил с обобщенной характеристикой целой литературной эпохи или литературного направления.

Общественно-политическая и научная деятельность Щеголева — это путь представителя русской дореволюционной демократической интеллигенции, ставшего убежденным сторонником Советской власти и активным участником строительства новой, социалистической науки и культуры. Его исследования продолжают занимать видное место в советской исторической науке и литературоведении.

¹⁴⁰ Жизнь искусства, 1925, № 38, с. 19—20.

¹⁴¹ ИРЛИ, ф. 627, он. 3, д. 207.

Ф. Я. КОН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ЯКУТИИ
(к вопросу о формировании марксистской концепции
истории народов Северо-Востока Сибири)

В. Н. Иванов

Научная деятельность одного из выдающихся пролетарских революционеров, Феликса Яковлевича Кона, представляет большой интерес для воссоздания истории становления марксистской исторической мысли в России на рубеже XIX и XX вв. в целом, формирования марксистско-ленинской концепции истории народов Северо-Востока Азии в частности. К сожалению, его деятельность не стала еще объектом специального изучения со стороны сибиреведов. С. А. Токарев ставил лишь общий вопрос о «влиянии» марксизма на русскую этнографию в 1870—1917 гг. и в этой связи указывал на Ф. Я. Кона, М. С. Ольминского, С. И. Мицкевича, В. П. Ногина, Е. М. Ярославского как на ссыльных марксистов, «оставивших заметный след в этнографическом изучении Якутии»¹. Он привел краткий перечень их работ.

Г. П. Башарин осветил роль некоторых ссыльных марксистов (в частности, М. С. Ольминского) в разработке вопросов аграрных отношений у якутов². В обобщающих же работах лишь констатируется факт изучения с марксистских позиций проблем истории Сибири; только в исследовании М. Б. Шейнфельда особая глава посвящена формированию марксистского направления в историографии Сибири, но народоведческий аспект, понятно, не отделен от общего сибиреведения³.

Между тем в период невольного своего пребывания в Якутской области ссыльные марксисты проявили исследовательский интерес к истории местных народов, их быту, культуре, обычаям, верованиям и т. д. Они поставили ряд важных исторических вопросов и попытались на них ответить. При поисках памятников марксистской мысли обнаруживаются конкретные исследования, которые позволяют говорить о зарождении марксистско-

¹ Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966, с. 377.

² Башарин Г. П. К вопросу о классово-партийном подходе к проблемам историографии.— Тр. историко-филологического факультета Якутского ун-та. Якутск, 1969, вып. 2, с. 98—136.

³ История Сибири: В 5-ти т. Л., 1968. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма, с. 6—7; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 198—200; Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.). Красноярск, 1973.

ленинской концепции истории народов Северо-Востока Азии еще в дооктябрьский период.

Одним из таких марксистов был Ф. Я. Кон, вклад которого в историческую науку до сих пор не определен. Интересная статья С. И. Вайнштейна посвящена Ф. Я. Кону как этнографу⁴, где из 24 страниц текста якутскому периоду его научных занятий отведено лишь две с половиной страницы. А якутский период жизни и деятельности — это начало научных занятий Кона. В предлагаемой вниманию читателя статье предпринята попытка изучения этого периода его творчества.

Источниками послужили работы Ф. Я. Кона по истории и этнографии Якутии, опубликованные в сибирских и центральных периодических изданиях, воспоминания революционеров, напечатанные в 20-х годах в журнале «Каторга и ссылка», впоследствии составившие автобиографическую книгу «За пятьдесят лет». Сведения о научных занятиях Ф. Я. Кона выявлены также в фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Центрального государственного архива Якутской АССР (ЦГА ЯАССР).

Пока нет достаточно полных сведений о характере и объеме работы Кона в это время. Поэтому необходимо собрать воедино фактический материал, разбросанный по страницам сибирской и центральной периодики, по фондам центральных и местных архивов.

*

В 1885 г. Ф. Я. Кон за участие в движении за «ниспровержение путем насилия существующего государственного, общественного и экономического порядка в России» был приговорен к каторжным работам с последующей ссылкой⁵.

Каторгу Кон отбывал в Восточной Сибири. С 1886 г. до конца 1890 г. он находился на Карийской каторге. Здесь в исключительно суровых условиях закалился стойкий характер революционера, происходило дальнейшее развитие его общественно-политических взглядов. Постоянное общение с «представителями всех оттенков тогдашней русской революционной мысли»⁶, чтение обширной литературы в «весьма солидной» библиотеке тюрьмы расширили его научные интересы, углубили его знания. Решающее значение имело изучение марксистской литературы. По словам самого Кона, «в этой столь оберегаемой» от «крамоль-

⁴ Вайнштейн С. И. Феликс Яковлевич Кон как этнограф.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1965, вып. 3, с. 196—220.

⁵ Подробно о жизни и деятельности Ф. Я. Кона см.: Неволлина В. С. Феликс Яковлевич Кон.— Вопр. ист. КПСС, 1964, № 5.

⁶ Кон Ф. За пятьдесят лет. М., 1932. Т. 1. В рядах «Пролетариата», с. 279.

ных» идей тюрьме был и Маркс, и Энгельс... Правда, заглавная страница «Капитала» была заменена заглавной страницей Чичерина: «Государственное право»⁷. Именно тогда Кон и его товарищи основательно штудировали «Капитал»⁸. Впоследствии он подчеркивал, что «основные познания приобретены» им были «именно на Каре»⁹.

8 июня 1891 г. по окончании срока каторги Кона перевели в Якутскую область¹⁰. Местом его поселения был определен глухой уголок Якутского округа — Бетюнский наслег Амгинской волости Батурусского улуса¹¹. Кон приложил немало усилий, чтобы его оставили хотя бы в улусном центре — селе Чурапча, которое располагалось в 150 верстах от Якутска. Здесь можно было встречаться с другими ссыльными, здесь находилась общественная библиотека. Однако Кону не пришлось долго жить в Чурапче.

Как известно, в 1891 г. представителями местной администрации был убит П. А. Алексеев, находившийся на поселении в Якутии с 1885 г.¹² Среди ссыльных по поводу этого события разгорелся спор. Некоторые, не разобравшись в классовом характере совершенного акта, видели в нем убийство с целью грабежа. Кон не мог согласиться с такой поверхностной интерпретацией гибели русского революционера. Под впечатлением этого случая он написал рассказ «Сон (новогодняя сказка)», в котором выражал прямой протест против царского самодержавия. В уста героини сказки, таинственной Туйарыма-Куо, он вкладывает революционные призывы: «Пора приступить к делу. Пора просыпаться. Проснитесь!»¹³. Обстоятельства заставили Кона покинуть Чурапчу, и он добился перевода в Якутск.

В конце декабря 1891 г. якутский губернатор получил распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Горемыкина о высылке Кона в Верхоянский округ, так как он высказывался «за необходимость, совместно с русскими революционными деятелями, противопривительственной борьбы... и выражает готовность принять участие в этой борьбе». Однако протест ссыльных против этого решения властей, а также ухудшение состояния его здоровья заставили местную администрацию изменить решение — Кон был оставлен в Якутске¹⁴.

⁷ Там же, с. 286.

⁸ Там же, с. 150.

⁹ Там же. М., 1933. Т. II. На поселении, с. 47.

¹⁰ ЦГА ЯАССР, ф. 12, Якутское областное правление, оп. 12, д. 31, л. 4.

¹¹ Ныне Чурапчинский район Якутской АССР. Наслег и улус — административные единицы в дореволюционной Якутии; улус — объединение нескольких волостей — наслегов.

¹² Подробно об этом см.: Шустерман С. С. Петр Алексеев в Якутской ссылке. — Вопр. ист., 1963, № 1, с. 193—196.

¹³ Кон Ф. Сказки сибирской действительности. Томск, 1902.

¹⁴ Кон Ф. За пятьдесят лет. Т. II. На поселении, с. 67.

В Якутске обстановка была совершенно иной. Это был центр, куда приезжали из улусов, здесь работала библиотека, ссылными устраивались культурно-просветительные мероприятия. В такой обстановке можно было обменяться мнениями, поспорить, расширить и углубить свои знания. В 90-х годах состав ссылки был весьма разношерстным (народники, «пролетариатцы», социал-демократы и т. д.)¹⁵. Естественно, что идейные расхождения сказывались в решении почти всех вопросов. В Якутске, замечал Кон, «не было идеологической связи между ссылными, не было даже выработанного общественного мнения, которое бы могло повлиять на ссылного». Понимание этого впоследствии оказалось полезным в идейно-теоретической борьбе Кона.

В феврале 1892 г. Кона поселили в Намском улусе¹⁶, расположенном в нескольких десятках верст от Якутска, где он прожил до 1895 г. Затем он переехал в Иркутск, а позже по требованию генерал-губернатора поселился в небольшом запштатном городке Балаганске.

В Якутскую область Кон прибыл уже сложившимся революционером¹⁷. Так же как большинство политических ссылных, Кон установил связь с местным населением. Жители улусов жаловались ему на притеснения и обиды как со стороны представителей местной царской администрации, так и со стороны своей социальной верхушки. У него просили поддержки и помощи, знакомили его с условиями жизни, бытом, обычаями, правами, верованиями¹⁸.

За время пребывания в Якутской области (1891—1895 гг.) Кон, как он пишет о себе, «увлекался научными исследованиями, подвизался и как публицист, и даже как беллетрист и продолжал работу на всех этих поприщах, сочетая ее лишь с весьма незначительной революционной работой, поскольку она была возможна в медвежьих углах Сибири»¹⁹.

Свои научные исследования Кон связывал с насущными потребностями угнетенного населения области: «Для того, чтобы по-

¹⁵ В 1891—1900 гг. в Якутскую область было выслано 153 «государственных преступника»: 53 социал-демократа, 66 представителей народныхческих течений (партийная принадлежность остальных не установлена). См.: *Мещерский А. П.* Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX — начале XX века. — В кн.: Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1973, вып. 1, с. 138.

¹⁶ Ныне Намский район Якутской АССР.

¹⁷ В этой связи весьма интересно высказывание о нем Н. К. Крупской, с которой он познакомился в мае 1898 г. в Шупенском. Впоследствии Надежда Константиновна писала: «...он был для меня окружен ореолом *старого* (подчеркнуто мной. — В. И.) непримиримого революционера — ужасно он мне понравился» (*Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 25).

¹⁸ *Кон Ф.* Культурно-просветительская роль политической ссылки в Якутии. — В кн.: 100 лет якутской ссылки: Сборник якутского землячества. М., 1934, с. 342.

¹⁹ *Кон Ф.* На поселении в Якутской области. — Каторга и ссылка, 1929, кн. 51, с. 97.

могать, для того, чтобы содействовать в борьбе, нужно было знать этих борющихся, детально изучить их жизнь и быт, их нужды и стремления»²⁰.

Именно поэтому в изучении местного населения он нашел «осмысленное содержание» жизни в Якутской области. Отсюда и весьма интенсивный характер его занятий.

В 90-х годах обсуждался вопрос о реформе крестьянского управления в Якутской области. 26 февраля — 6 марта 1892 г. Якутский областной совет высказался за ее своевременность. Однако местная администрация вынесла такое решение, не имея достаточно полных сведений о действительном положении местных крестьян²¹. В связи с этим усилился интерес к проблемам истории крестьян — к судьбам земледелия в крае, к экономическим условиям жизни его населения. В изучение этих вопросов включились и политические ссыльные²². Кона также заинтересовался этой проблемой и предпринял социологическое обследование улуса. В одном из селений — Хатын-Арынском²³ — он провел подворную перепись и изучил историю земледельческого занятия его населения.

Собранные Коном материалы тогда же были введены в научный оборот — они были использованы в его статье «Поправка к ст. «К вопросу о развитии земледелия в Якутской области», которая принадлежала В. И. Иохельсону. Обе эти работы увидели свет одновременно²⁴. Анализируя положения Иохельсона, он используя новые фактические данные, извлеченные из улусного архива, из архива Якутской городской думы, из ежегодных статистических отчетов, а также из литературы (работы В. Л. Серошевского, Д. М. Павлинова, В. Г. Гольмана). Таким образом, Кона уже первой статьёй заявил о себе как о серьезном и принципиальном исследователе, овладевшем основными элементами научного анализа, хотя он и не был историком-профессионалом.

В 1896 г. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества издал большую статью Кона, в которой подробно исследованы история, хозяйство и быт сектантов-скопцов, поселенных в местности Хатын-Ары в Намском улусе²⁵. Она написана на ши-

²⁰ Там же, 1929, кн. 50, с. 99.

²¹ *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912, с. VIII—IX.

²² ЦГА ЯАССР, ф. 12, он. 12, л. 299, л. 1—10.

²³ Хатын-Арынское селение — ныне один из населенных пунктов Намского района Якутской АССР. Как сектантская эта деревня просуществовала до 1905 г.; в связи с выездом ее обитателей, здесь обосновались крестьяне. См.: *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии. Якутск, 1961, с. 121, 136.

²⁴ *Иохельсон В. И.* К вопросу о развитии земледелия в Якутской области. — В кн.: Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895, вып. 1, с. 19—114; *Кона Ф. Я.* Поправка к ст. «К вопросу о развитии земледелия в Якутской области». — Там же, с. 147—167.

²⁵ *Кона Ф.* Хатын-Арынское скопческое селение. — Изв. ВСОРГО, 1896, № 4/5, с. 58—117.

рокой источниковой основе, с привлечением литературы, а также материалов собеседований автора с сектантами. Так как статья была подготовлена к печати еще до 1895 г., то основные ее положения, выводы были использованы Коном в упоминавшейся выше статье.

В 1894—1896 гг. в Якутии работала историко-этнографическая экспедиция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, организованная по инициативе и при финансовой поддержке золотопромышленника И. М. Сибирякова (отсюда ее название Сибиряковская). Экспедиция должна была дать обоснованные ответы на вопросы: вымирают или прогрессируют «инородцы» области (если вымирают — выяснить причины этого явления); каково экономическое положение «инородцев», находившихся «в сношениях с золотопромышленными компаниями». Разработать этнографическую программу должен был отдел.

К работе экспедиции широко привлекались политические ссыльные. В результате тщательного рассмотрения и обсуждения кандидатур в Якутске, Иркутске и Петербурге в состав членов экспедиции были приглашены политические ссыльные Э. К. Пеккарский, Н. А. Виташевский, В. М. Ионов, Л. Г. Левенталь, С. В. Ястремский, В. И. Иохельсон, И. И. Майнов и В. Г. Богораз. В дальнейшем в качестве сотрудников действительных ее членов работали Н. Л. Геккер, В. Е. Горинович, Г. Ф. Осмоловский, В. В. Ливадин, С. Ф. Ковалик²⁶.

С деятельностью экспедиции оказался связанным и Кон, всегда стремившийся изучать жизнь, быт, нужды и чаяния народов края. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что Кон был членом экспедиций²⁷. В действительности же, как доказал в последнее время Г. П. Башарин, Кону не было разрешено быть даже простым сотрудником И. И. Майнова — члена экспедиции. Отказы в неоднократных просьбах Майнова и Кона мотивировались тем, что последний «высказывался в 1891 г. за необходимость совместно с русскими революционными деятелями противоправительственной борьбы к достижению известных выгод для Польши»²⁸. Были приняты во внимание и его поведение в ссылке, и подлинные мотивы его научных занятий, отличные от целей либеральных народников. Архивные документы подтверждают это мнение Г. П. Башарина²⁹.

Пока в высших инстанциях решался вопрос о возможности его участия в работе экспедиции, Кон «охотно и с увлечением» принял предложение Майнова оказать содействие в его антропологи-

²⁶ Подробнее об этом см.: *Башарин Г. П.* Указ. статья, с. 98—108.

²⁷ *Вайнштейн С. И.* Указ. статья, с. 198; *Долгих Б. А., Новгородов А. И., Токарев С. А.* Письмо в редакцию.— *Ист. СССР*, 1967, № 3, с. 226, и др.

²⁸ *Башарин Г. П.* Указ. статья, с. 106—107.

²⁹ ГАИО, ф. 293. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, оп. 1, д. 465, л. 72; д. 469, л. 1, 5, 13, 37, 122, 137, 147.

ческих исследованиях³⁰. Однако он работал все время на свои личные средства и когда ему 17 ноября 1894 г. было отказано в участии в работах экспедиции, он вынужден был эти работы прекратить³¹.

Накопившийся материал Кон увез с собой в Иркутск³², где намеревался его обработать. Такая работа действительно была проведена, и позднее — в 1899 г. — ее результаты увидели свет в виде монографии³³. В ней использованы не только антропологические данные, широко цитируется общетеоретическая литература по антропологии и этнологии, особенно исследования якутovedов, привлечен статистический материал. Все это свидетельствует о солидной источниковой основе монографии.

Летом 1897 г. Кону удалось переехать на юг Сибири, в г. Минусинск. Однако он не потерял интереса к Ленскому краю — продолжал обрабатывать собранный им материал, изучал якутведческую литературу, писал корреспонденции на якутские сюжеты в газету «Восточное обозрение». Эта газета, созданная Н. М. Ядринцевым и издававшаяся в то время в Иркутске (редактор — либеральный народник И. И. Попов), группировала вокруг себя основные литературные силы города.

Ссылные марксисты, если позволяла редакция, участвовали в газете. Кон не составлял исключения и в 1896 г. на ее страницах поместил серию статей под названием «Намские письма»³⁴. В них на основе своих наблюдений, литературных данных, архивных материалов Намской инородной управы рассмотрены вопросы сельского хозяйства одного из культурных уголков Якутского округа — Намского улуса.

В 1897 г. в журнале «Новое слово» была опубликована статья Кона об отношениях между ссыльнопоселенцами и коренными жителями края³⁵. Она написана по материалам личных бесед автора с ссыльными и с якутами, по данным официальных распоряжений центральных и местных властей о ссылке и на основании цифр, «выписанных из дел» улусного архива. Статья посвящена одному из самых злободневных вопросов и в рамках установленных ограничений царской цензуры разоблачала политику царизма, направленную на использование Якутской области как места ссылки. Вопрос этот в той или иной связи затрагивался им почти во всех вышеназванных работах, он не оставлял его и позднее — в рассказах и публицистических заметках рассматри-

³⁰ Кон Ф. На поселении в Якутской области.— Каторга и ссылка, 1929, кн. 51, с. 97.

³¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 469, л. 5.

³² Там же, л. 147.

³³ Кон Ф. Физиологические и биологические данные о якутах (антропологический очерк). Минусинск, 1899, с. 90.

³⁴ Кон Ф. Намские письма.— Восточное обозрение, 1896, 24 янв., 18 февр., 13 марта, 26 апр., 28 июля.

³⁵ Кон Ф. Я. К вопросу о ссылке в Якутскую область.— Новое слово, 1897, кн. 5, с. 128—134.

вались не только конкретные факты истории, но и вопросы о судьбах якутской ссылки³⁶.

В 1898 г. Ф. Я. Кон описал Никольскую слободку Намского улуса Якутской области по материалам обследования слободки в 1895 г., в чем ему помогали ссыльные А. А. Сипович, Э. И. Студзинский и И. Ф. Тоньшев. Это описание представляло собой по существу продолжение описания Хатын-Арынского селения и было посвящено тем же целям рассмотрения судеб земледелия в крае, экономических условий жизни населения³⁷.

В период минусинской ссылки (1897—1904 гг.) Кон заинтересовался проблемой эволюции якутского брака. В его архиве сохранилась незавершенная рукопись задуманного труда. Кон правильно определил состояние изученности и направление исследований в этой области. «Для изучения эволюции якутского брака, — писал он, — до сих пор сделано крайне мало. Горсть фактов, сообщенных г. Серошевским, статья «Якутский род до и после прихода русских» в «Якутской памятной книжке на 1896 год» и критика на нее госп[одина] В. С. Е. (В. С. Ефремова. — В. И.) в «Известиях Восточно-Сибирского отделения ИРГО», странички четыре в «Сборнике обычного права сибирских инородцев» Д. Я. Самоквасова и «Брачное право у якутов» Д. М. Павлинова.

Для наших целей имеет громадное значение не только форма брака в настоящем, но и в прошлом, ввиду чего мы решаемся уклониться в сторону от нашей непосредственной задачи и дать здесь по возможности сжатый очерк эволюции брака³⁸. Рассмотрение в историческом плане эволюции одного из важных социальных институтов — семейно-брачных отношений — у якутов представило бы большой интерес для науки и практики. Кон был первым исследователем, поставившим эту проблему. Кстати, до сих пор эволюция якутских семейно-брачных отношений не стала объектом изучения.

Годы, проведенные Коном в Минусинске, были интересными и важными во всех отношениях. По соседству с Минусинском в с. Шушенском с 1897 г. находился в ссылке В. И. Ленин. 27 сентября 1897 г. произошла первая встреча Кона с Владимиром Ильичем³⁹, а в мае 1898 г. — с приехавшей в Шушенское Н. К. Крупской. Встречи с В. И. Лениным помогли Кону, как он отмечал впоследствии, разобраться в национальном вопросе, привлекая его внимание⁴⁰. Здесь же он подружился со ссыльными

³⁶ Восточное обозрение 1903, № 259, 261; Кон Ф. Сказки сибирской действительности.

³⁷ Кон Ф. Никольская слободка Намского улуса Якутской области. Иркутск, 1898.

³⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 135, Ф. Я. Кона, оп. 1, д. 40, л. 25; Вайнштейн С. И. Указ. статья, с. 200—201.

³⁹ Владимир Ильич Ленин: Биография. 5-е изд. М., 1972, с. 59.

⁴⁰ Кон Ф. Я. Автобиография. — Энциклопедический словарь / Гранат. 7-е изд., т. 41, ч. 1, с. 207.

народовольцами Л. Г. Дейчем, А. И. Тырковым, познакомился с находившимися в Минусинском округе известными русскими марксистами В. К. Курнатовским, Г. М. Кржижановским, В. В. Старковым, П. Н. Лепешинским, М. А. Сильвиным⁴¹.

В Минусинске Кон близко сошелся с замечательным исследователем края, основателем одного из старейших музеев в Сибири — Минусинского — Н. М. Мартьяновым, с которым был хорошо знаком В. И. Ленин. Мартьянов, человек разносторонне образованный, приверженец передовых взглядов, был истинным другом ссыльных революционеров⁴². Этот человек сыграл важную роль в научной деятельности Кона.

Постоянные занятия в книжных фондах и архиве музея серьезно пополнили его знания, определили характер и направление его научных исследований. Он составил обширную историю Минусинского музея⁴³, изучил быт русского и местного населения региона, особенно тувинского и хакасского народов⁴⁴. Его исследования представляют замечательный вклад в отечественную этнографическую науку, в которую Кон вошел «как ученый-революционер, как крупный исследователь Сибири»⁴⁵. Свои занятия Кон объяснял не только чисто научными интересами. «Изучение, — писал он, — в особенности русского населения края со всей тьмой, в которой оно прозябало, захватило меня еще с другой стороны. Живя своими интересами, увлекаясь народничеством, русская интеллигенция, даже сталкиваясь с народной массой, не только не знала ее, но даже не пыталась узнать»⁴⁶. Кон стоял у истоков формирования марксистского направления в истории изучения этнографии народов Сибири.

В сентябре 1904 г. закончилась многолетняя ссылка Кона и он вернулся в родную Польшу. Здесь он с головой ушел в революционную работу⁴⁷. В этих условиях научная деятельность отодвигалась на задний план. Только в период эмиграции (1907—1917 гг.) им были написаны крупные работы «История революционного движения в России от 1861 г. до разгрома II Думы», «Военные суды в Королевстве Польском», к сожалению, не получившие до сих пор историографическую оценку.

В мае 1917 г. Кон возвратился в Россию, в 1918 г. вступил в РКП(б). С этого времени до самой смерти (1941 г.) он вел большую партийную и государственную работу. В 1924 г. Кон вошел в состав редколлегии журнала «Каторга и ссылка», организовав-

⁴¹ *Неволина В. С.* Указ. статья, с. 78.

⁴² Владимир Ильич Ленин: Биография, с. 59—60.

⁴³ *Кон Ф. Я.* Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Вайнштейн С. И.* Указ. статья, с. 199—220.

⁴⁵ Там же, с. 220.

⁴⁶ *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. Т. II. На поселении, с. 281.

⁴⁷ Подробно об этом и о дальнейших этапах его жизни и деятельности см.: *Неволина В. С.* Указ. статья, с. 78—81.

шего изучение истории революционного движения, ссылки в России, а в 1927 г. стал его главным редактором. В 1928—1929 гг. он на страницах журнала поместил воспоминания⁴⁸, представлявшие большой интерес для изучения истории политической ссылки в Якутской области. Кона считал благотворной роль этой ссылки в жизни области и раскрытию ее посвятил специальную статью⁴⁹. Статья дала самостоятельное направление в исследовательской работе по истории ссылки в Якутской области.

Таковы данные о занятиях Кона историей, об его интересе к истории и этнографии Сибири. За сравнительно короткий срок своего пребывания в якутской ссылке Кона, как показывают приведенные факты, проявил большой исследовательский интерес к различным вопросам истории и этнографии населения Ленского края. Он сохранил его и после выезда из области, хотя в период минусинской ссылки должен был переключить свои интересы на исследование этнографии русского и коренного населения этого региона.

Обзор научной деятельности Кона в период ссылки в Сибирь показывает, что в его исследованиях ставилась и решалась главным образом историческая проблематика, для ее решения привлекались архивные источники и данные литературы, т. е. исследования были обеспечены добротной источниковой основой.

*

Известно, что в конце XIX в. историческая наука о Сибири развивалась в борьбе нескольких идейных направлений: буржуазного, дворянского, демократического. Исследователи сосредоточивали внимание на решении целого ряда проблем, связанных с освоением новых земель, историей первобытного общества и особенностями развития народов Сибири. Борьба направлений сопровождалась ожесточенной критикой, которая обнажила активную общественную функцию исторической науки как науки политической. Она придала историографии ярко выраженную публицистичность, направила ее по пути поисков связей с очередными задачами экономического, политического и культурного развития восточных окраин России.

В конце XIX в. в сибирской историографии на первый план выдвинулась проблема «ближайшего экономического будущего» Сибири, связанная с постановкой вопроса о судьбах капитализма в России. Эта проблема особенно широко обсуждалась в либерально-народнической историко-экономической литературе. Утверждалось, что перед Сибирью два пути: или «народное производство»,

⁴⁸ Кона Ф. На поселении в Якутской области.— Каторга и ссылка, 1928, кн. 45—46, 49; 1929, кн. 50, 51. Впоследствии эти воспоминания составили второй том его автобиографической книги «За пятьдесят лет», выдержавшей несколько изданий.

⁴⁹ Кона Ф. Культурно-просветительская роль политической ссылки в Якутии.— В кн.: 100 лет якутской ссылки, с. 337—351.

которое принимали за «исконную» форму хозяйства, или капитализм⁵⁰. При этом обосновывалось мнение о том, что капитализм в Сибири не имеет никакой будущности, так как Сибирь была «прежде всего страна земледельческая на началах общинного пользования землей и артельных кустарных промыслов»⁵¹.

Либеральные народники, проводившие свои исследования в Якутской области, стремились доказать глубинные исторические основы «народного производства». С этой целью они подробно изучили кустарные производства у русских, якутов, эвенков и у других народов. Ими обосновывалась мысль о том, что Якутская область должна сделаться краем кустарных и домашних промыслов. По их мнению, такая специализация края определялась даже климатическими условиями⁵². Им страстно хотелось найти и ярче представить антикапиталистические элементы в общественно-экономических отношениях народов Якутии. Концепция общины, сформулированная ими по материалам Ленского края, защищала общину и на северо-востоке Сибири, ей приписывалась функция спасения от «развития капиталистических форм». Добытые материалы и полученные обобщения активно использовались в полемике с марксистами⁵³. Именно поэтому они склонны были считать свои научные занятия выполнением «социального задания эпохи»⁵⁴.

В трудах народников-якутоведов большое значение придавалось выяснению сущности социально-экономических отношений в сельском хозяйстве края, прежде всего в новой его отрасли — земледелии. Это и понятно. Земледельческое производство выдвигалось тогда на передние позиции экономики области и без анализа его судеб и отношений, складывающихся в нем, общая картина оказалась бы неполной. К тому же народники именно здесь искали основу некапиталистического развития, а заодно — аргументы в подтверждение своих взглядов. Их выводами интересовались сторонники либерально-народнической концепции «ближайшего экономического будущего» Сибири.

В 1895 г. В. И. Иохельсон, руководствуясь этими мотивами, обратился к специальному изучению истории земледелия в Якутской области. На основе архивных документов и литературных данных он проследил историю его возникновения и развития с

⁵⁰ К. М. Современная жизнь Сибири и ее нужды. — В кн.: Сибирский сборник [СПб.], 1886. кн. II, с. 99—100.

⁵¹ Попов И. И. Восточная Сибирь на Всероссийской выставке 1896 г. — Восточное обозрение, 1896, 6 сент.

⁵² Памятная книжка Якутской области на 1896 г., вып. 1, с. 112—113.

⁵³ Подробнее об этом см.: Башарин Г. П. Указ. статья; Он же. Обзорение историографии дореволюционной Якутии. Якутск, 1965; Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. М., 1940; Горозов К. И. Исследования и материалы участников Якутской (Сибиряковской) экспедиции ВСОРГО в 1894—1896 гг. в области этнографии якутов. — В кн.: Из истории Якутии XVII—XIX веков. Якутск, 1965.

⁵⁴ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934, ч. 1, с. XIV.

1731 г. по конец XIX в.^{54а} Иохельсон положительно решил вопрос о возможности в «известных районах» Якутской области земледельческих занятий, но сосредоточил свое внимание на выяснении характера якутского земледелия — промышленного, т. е. товарного, и натурального. Он писал, что «с основанием скопцов в области промышленное земледелие делает быстрые шаги», однако подчеркнул, что «все остальные сеятели имеют в земледелии только подспорье в хозяйстве — якуты при скотоводстве, крестьяне при ямщине»⁵⁵. По мнению Иохельсона, именно поэтому капитализм в Ленском крае не имел условий для развития.

Такое толкование вопроса не удовлетворило Ф. Я. Кона, и он решил включиться в разработку проблемы капиталистической эволюции сельского хозяйства Сибири. Он прекрасно понимал, что то или иное решение вопроса зависело от научно-объективного исследования, основанного на конкретных фактах действительности и учете особенностей края. Он также хорошо представлял себе, что в Якутской области тогда были сосредоточены значительные теоретические силы либерального народничества, что ему как ссыльному марксисту предстояло отражать атаки своих идейных противников. Действительно, споры между ними приняли характер широкой дискуссии⁵⁶. Кон начал свое пребывание в ссылке со спора с И. И. Майновым по основным вопросам теории, прежде всего общины⁵⁷. Он не нашел общего языка с В. С. Ефремовым, П. И. Войнаральским и другими народниками⁵⁸; ему не могло понравиться направление мыслей В. Л. Серошевского⁵⁹.

Статья Иохельсона послужила ему удобным поводом для выступления в местной печати с изложением своих взглядов по одной из важнейших проблем истории и экономического развития Сибири. В Иркутске борьбу с народниками весьма успешно вел один из первых русских марксистов, известный революционер Л. Б. Красин⁶⁰.

Главный тезис Кона сводился к тому, что в Якутском крае возможно развитие «промышленного земледелия», что такую тенденцию заключало в себе хозяйство сектантов-скопцов⁶¹. Кон показал, что фактические данные во многом не совпадают с «соображениями» Иохельсона о «неприменимости» промышленного земледелия в таком отдаленном районе страны, как Якутия,

^{54а} *Иохельсон В. И.* К вопросу о развитии земледелия в Якутской области. — В кн.: Памятная книжка Якутской области на 1896 г., с. 19—114.

⁵⁵ Там же, с. 75, 78.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Башарин Г. П.* К вопросу о классово-партийном подходе к проблемам историографии, с. 120—121.

⁵⁷ *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет, т. III, с. 43.

⁵⁸ Там же, с. 45—46, 52—55.

⁵⁹ По мнению Ф. Я. Кона, Серошевский как революционер-социалист быстро «выдохся» и все более склонялся к национализму. См.: Предисловие Феликса Кона. — В кн.: *Серошевский В.* Против волны. М., 1929, с. 3—5.

⁶⁰ Восточное обозрение, 1896, 13, 16, 18 окт.

⁶¹ *Кон Ф. Я.* Поправка..., с. 147.

и усмотрел в суждениях автора статьи отражение субъективных стремлений. Субъективизму либерального народника он противопоставил трезвый анализ реальных фактов и объективную постановку конкретных вопросов проблемы. Представляет большой интерес то, что им были определены площадь посева и урожай зерновых, ибо этот вопрос имел принципиально важное значение. Во-первых, по ним можно было судить о распространении и внедрении земледелия; во-вторых, размер урожая мог быть показателем уровня развития земледелия, хотя, разумеется, урожай нередко зависел и от погодных условий. Кон подчеркивал невероятные трудности земледельческих занятий в условиях Якутской области. Одна из заслуг сектантов состояла в том, что они сумели приспособиться к этим «разнообразным условиям» и расширить площадь посева путем расчистки лесных участков, годных для хлебопашества. В соответствии с местными условиями они практиковали двупольную зерновую систему. Экстенсивный характер земледельческого хозяйства, по мнению Кона, тогда был неизбежным.

Еще В. Л. Серошевский обратил внимание на наметившийся в конце XIX в. процесс превращения натурального земледелия в «промышленное»⁶², но он не сумел разобраться в сущности этой новой, важной тенденции в одной из отраслей экономики края. Кон своими наблюдениями не только подтвердил положение Серошевского, но пошел дальше — на основе цифровых выкладок, характеризующих цены на земледельческие работы, установил «выгодность промышленного земледелия в Хатын-Арынском селении»⁶³.

По мнению Кона, на выгодность или убыточность промышленного земледелия влияли четыре фактора: высота урожая каждого вида зерновых, количество посевной пшеницы как самого дорогого хлеба, высота хлебных цен и, наконец, размеры включенных в хозяйство капиталов (основного и оборотного). Автор впервые в литературе придал значение учету этих «факторов» для получения правильных выводов и поэтому предупредил, что «малейшая неточность, малейшая ошибка, допущенная при изучении одного из этих факторов, может привести к результатам, значительно разнящимся от действительных». На основе тщательного разбора приемов исследования Иохельсона он подверг его убедительной критике по всем этим четырем «факторам» и пришел к выводу, что «исследование каждого из приведенных факторов в отдельности грешит неточностью»⁶⁴. Особенно придирчивым оказался Кон к приемам оперирования средними показателями в сельскохозяйственных расчетах. Как здесь не вспомнить критику В. И. Лениным народников за их антинаучное выведение средних показателей для экономически разнородных совокупностей, групп

⁶² Серошевский В. Л. Якутский хлеб. — Русское богатство, 1894, № 12, с. 172

⁶³ Кон Ф. Я. Поправка..., с. 155.

⁶⁴ Там же, с. 157.

Таким образом, Ф. Я. Кон предложил совершенно иной, чем у его предшественников, путь изучения социальной сущности земледелия в Якутской области конца XIX в. Как показывают исследования советских ученых, он благодаря этому сумел глубоко проникнуть в сущность происходившего здесь важного экономического процесса. Кон не только подтвердил сам факт развития здесь земледелия, но заметил новое явление — его товарный характер, составлявший основу для проникновения элементов капиталистических отношений в одну из отраслей сельского хозяйства края. Вывод Кона ставил под сомнение позицию либеральных народников, которые пытались «доказать» наличие «народного производства» любым способом, в том числе отрицание перспектив «промышленного» земледелия.

Кон не раз возвращался к рассмотрению заинтересовавшей его проблемы, стремясь дать более развернутое обоснование своих теоретических положений. Материалы специального изучения истории двух очагов земледелия в крае — Хатын-Арынского скопческого селения и Никольской слободки — дали новое подтверждение его наблюдений. Вопрос ставился им шире — на примере этого опыта не только была выяснена роль сектантов в развитии земледелия в области, но и прослежен очень важный аспект проблемы — характер хозяйственных, экономических контактов сектантов с местным населением. Это был принципиально новый подход к изучению проблемы, приведший к интересным результатам.

Характер экономического влияния сектантов на местных жителей, как установил Кон, был двойным. Исследователь одним из первых в литературе показал, что в сфере земледельческой деятельности «влияние скопцов на местных жителей в высшей степени благотворно: они являются инструкторами, учителями земледелия». Якуты с большим усердием и старанием учились у них, заимствовали у них приемы земледельческого труда. Однако, отмечал автор, за получаемую «науку» коренным жителям приходилось «расплачиваться слишком дорогой ценой». И именно правильному пониманию этой стороны влияния сектантов он придавал важное значение. Его предшественники, особенно народники, много писали об эксплуатации «якутов» вообще. Кон же обратил внимание на тот факт, что в хозяйстве сектантов трудились бедные якуты. Он писал: «Якутская земля, расчищенная трудами якутов, ими же вскопанная (копарулями), огороженная, взбороненная, засеивается скопческим хлебом. Уродившийся хлеб убирается, свозится, складывается в клады и обмолачивается якутами, причем ими же готовится и ток. Хлеб продается все тем же якутам»⁶⁵. Использование труда бедных якутов стало причиной быстрого обогащения сектантов, источником капиталистической эволюции их хозяйства. Правда, в Никольской слободке в 60-х годах в роли таких богатеев выступали и «поселен-

⁶⁵ Кон Ф. Хатын-Арынское скопческое селение, с. 96.

ды»⁶⁶. Новое в интерпретации Кона состояло также в том, что, по его мнению, к использованию труда якутской бедноты прибегала зажиточная верхушка сектантского общества, а не вообще «скопцы».

На основе анализа цифровых данных Кон установил, что рядовые якуты подвергались разнообразным формам эксплуатации, что в хозяйстве сектантов довольно широко применялся наемный труд. Если в первое время сектанты обходились в основном своим трудом, то в 90-х годах их хозяйство «держалось якутским трудом»⁶⁷. Так, в год, когда Кон обследовал селение, во время бороньбы и посева у скопцов работало 53 наемных рабочих, из которых только один был жителем селения, а все остальные — бедные якуты. Во время бороньбы и веяния работало у них уже 80 якутов.

Привлекают внимание и другие факты, замеченные исследователем. Так, Кон первым из исследователей сопоставил заработную плату поденщиков с ценами на земледельческие работы и получил «поучительную картину», говорящую о безжалостной эксплуатации бедных якутов сектантами. В результате «давно уже протекло» то время, писал он, когда они сами обрабатывали землю, производили хлеб только для себя. В конце XIX в. в сектантских хозяйствах хлеб производился в основном на продажу. В 1894 г. было продано 4 000 пудов⁶⁸; в урожайные годы на продажу шел «громадный излишек» хлеба.

Кон обратил внимание и на сенокосные, скотоводческие хозяйства сектантов, огородничество, птицеводство и на другие заработки жителей селения, тесно связанных с земледелием, и пришел к выводу: «Нет такой сферы работ в скопческом хозяйстве, в которой скопцы обходились бы без наемного труда»⁶⁹. По мнению Кона, все эти факты указывали на проникновение элементов капиталистических отношений в земледельческое хозяйство Якутской области. Он не сомневался в том, что хозяйственная жизнь «инородцев» неизбежно попадет под влияние этих новых тенденций социально-экономического развития. Кон был убежден в том, что «промышленное земледелие в Якутской области имеет полное право на будущее»⁷⁰. То же самое, но по отношению ко всей Сибири утверждал Л. Б. Красин, когда писал, что хозяйственная жизнь «инородцев» края, «несмотря на распространенность у них первобытно-экономических форм», находилась «под влиянием капитала», что нет оснований верить «в ослабление этого влияния в будущем»⁷¹.

⁶⁶ Кон Ф. Никольская слободка, с. 11—12.

⁶⁷ Кон Ф. Хатын-Арынское скопческое селение, с. 83.

⁶⁸ Там же, с. 83.

⁶⁹ Там же, с. 90.

⁷⁰ Кон Ф. Я. Поправка..., с. 164.

⁷¹ Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири.— Восточное обозрение, 1896, 18 окт.

Правда, выводы Кона вытекали из небольшого подвергнутого исследованию материала о двух селениях. Кроме того, им были подвергнуты исследованию только хозяйства сектантов (скопцов), а хозяйства других категорий населения области, прежде всего русских крестьян и якутов, оказались вне специального рассмотрения. В силу этих обстоятельств суждения Кона носят элементы фрагментарности и не свободны от несколько прямолинейного решения сложной теоретической проблемы. Однако сама постановка вопроса о характере, перспективах, степени развития капитализма в одной из отсталых окраин страны, критическая ее направленность против либерально-народнической концепции экономического развития Сибири сыграли тогда большую роль в научной разработке одной из крупных проблем истории края. В советской историографии Якутии основные выводы Кона находят поддержку среди исследователей ⁷².

В процессе изучения главной проблемы — судеб капитализма в Якутском крае (да и в других случаях) Кон обращал внимание на одну из важных проблем — приобщение якутов к русской земледельческой культуре и высказал по этому поводу интересные соображения. Вопрос этот в свое время привлекал внимание Серошевского, Иохельсона и др. В целом же, по мнению Кона, история земледелия в Ленском крае, а также и в Намском улусе из-за «слишком шатких» данных не изучалась. Имеющаяся литература пестрела неточностями и ошибками. Кон был убежден, что изучение этой проблемы имело большое научное и общественно-познавательное значение. Так, он особо отмечал влияние статьи Серошевского «Якутский хлеб» на понимание якутами значения земледелия для края и приобщения к нему скотоводческого населения.

Кон подчеркнул огромную роль в распространении земледелия русских крестьян, а также сектантов, большинство которых были те же крестьяне. Они снабжали якутов семенами зерновых, передавали им опыт земледельческого труда. Особенно активно приобщалось к нему притрактовое население. Впервые намские якуты познакомились с сохой где-то в начале XIX в. ⁷³ А к концу XIX в., по данным Кона, в улусе насчитывалось 8 очагов земледелия. Основной частью пашен были «отвоеванные у тайги клочки земли», хотя под пашни переходили и покосы. Процесс расширения посевной площади и увеличения посева происходил медленно. Кон привел интересные данные о посеве и урожае зерновых за 1894 г. у якутов каждого из восьми наслегов улуса. В отличие от Серошевского, считавшего, что в Намском улусе

⁷² Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии, с. 480.

⁷³ По данным Г. П. Башарина, якуты Намского улуса начали заниматься земледелием в 30-х годах XIX в. — Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956, с. 216.

якобы каждый якут старался «хоть сколько-нибудь посеять», Кон установил, что это положение верно только по отношению к при- трактовому населению ⁷⁴.

Автор «Намских писем» указал на некоторые особенности развития земледелия у якутов. Из-за земельной тесноты пашни здесь перемежались с лесом, лугами, неудобной землей. Якутам приходилось использовать под пашни лесные поляны и «еланы», глав- ным же образом расчищать участки тайги. Кон отмечал, что вследствие этого пахотные поля «на десять, а то и более верст» отстояли от зимников и располагались у летников, что создавало много неудобств в ведении хозяйства. Естественно, этот фактор тормозил распространение земледелия. Такую же роль играл ху- торский характер расселения якутов. «В земледельческом отно- шении,— писал Кон,— на наслег нельзя смотреть как на селение, деревню и т. п. Нередко случается, что один род (низовая адми- нистративная единица.— *В. И.*) данного наслега живет поблизо- сти от тракта, в то время как другой в буквальном смысле сло- ва — за горами, за лесами» ⁷⁵. Бесспорно, что этот фактор опре- делял большую дробность пахотных участков, из-за этого ограни- чивались площади культивируемых земель. Отсюда понятно, что к земледелию приобщались прежде всего якуты, близкие к оча- гам русской земледельческой культуры. Подчеркивание Коном этих особенностей представляло определенный интерес в спорах с либеральными народниками по проблемам общины.

Исследование вопроса приобщения якутов к русской земле- дельческой культуре показало Кону, какое огромное значение ко- ренные жители придавали тогда земледелию в Ленском крае. По- мощь и опыт русского земледельца-крестьянина создавали благо- приятные условия, при которых возникало и довольно быстро развивалось земледелие якутского крестьянства. В свое время Серошевский писал: «Якутский край отвоевали для хлебопашест- ва всякие вольные и невольные земледельцы-переселенцы начала текущего столетия, поляки, староверы, илимские крестьяне. Глав- ную же опору и надежду в будущем составляют несомненно яку- ты» ⁷⁶. Кон в принципе поддерживал эту мысль, убедившись во все возрастающей роли местного населения в развитии земледе- лия. Но он считал необходимым заметить, что надежды на будущее следует возлагать на якутов не только в этом, но и «во всех отношениях» ⁷⁷, имея в виду также втягивание якутов в сферу товарно-денежного обращения.

Изучение этого вопроса способствовало выяснению другого вопроса, а именно: увеличивается ли число якутов или же, наобо- рот, уменьшается, т. е. предстоит ли якутам, так же как и дру-

⁷⁴ *Серошевский В. Л.* Якутский хлеб, с. 174.

⁷⁵ *Кон Ф. Я.* Намские письма.— Восточное обозрение, 1896, 28 июля.

⁷⁶ *Серошевский В. Л.* Якутский хлеб, с. 173.

⁷⁷ *Кон Ф. Я.* Намские письма.— Восточное обозрение, 1896, 24 янв.

гим «инородцам» Сибири, вымереть, как об этом писали «областники» и либеральные народники. Кстати, и Сибиряковская экспедиция должна была дать ответ на этот вопрос. Кош считал его «самым важным» из тех вопросов, которые трактовались в обширной и разнообразной литературе о якутах, и правильно констатировал отсутствие научного его решения.

Издатели его книги — работники Минусинского музея во главе с Н. М. Мартыновым — также придерживались подобного взгляда. В предисловии к работе они указывали, что некоторые специалисты, покидая почву научного исследования, «своим авторитетом много способствуют образованию и укреплению в массе совершенно ненаучных и чрезвычайно смутных представлений о различных сторонах инородческого вопроса». Так, усилиями таких ученых распространялась версия о существовании особых «естественных» законов, оказывающих свое действие на одних лишь «пасынков природы» — некультурные «дикие» племена. Вымирание и вырождение этих последних, согласно указанному мнению, совершается совсем по иной биологической формуле, чем какого-нибудь самарского представителя культурной нации⁷⁸.

К решению поставленной задачи Кош подошел «с новой, мало затронутой другими исследователями стороны»⁷⁹ — с изучения антропологического аспекта исторических судеб якутов. Такой подход представляет огромный интерес. Ведь «физическая организация», как правильно подчеркивал Кош, выполняет роль самого чувствительного регистратора, улавливающего даже небольшие изменения не только в этнической истории, но и в социально-политическом положении народа. Кош — сторонник точки зрения, признающей наличие значительных изменений в «физической организации» якутов. Факторами, оказавшими влияние на это, он считал: во-первых, «поступательное движение» русской культуры, сопровождавшееся появлением новой антропологической «группы» как результат участвовавших русско-якутских браков; во-вторых, «шатание» под влиянием православия религиозных представлений якутов, которое не могло «не отразиться на их организации»; в-третьих, социально-экономические условия, налагающие определенный отпечаток на физиологическое развитие людей⁸⁰.

Признание изменений в «физической организации» якутов опиралось на данные антропометрических исследований (они проведены самим Кошем) различных половозрастных групп якутов: измерения роста, окружности груди, температуры тела, пульса, дыхания. Много интересного дали наблюдения над семейно-брачной жизнью, беременностью, родами и уходом за ребенком. Выявлены последствия различных болезней якутов, прежде всего со-

⁷⁸ Кош Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах. «От издателей».

⁷⁹ Там же, с. 5.

⁸⁰ Кош Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 1—3.

циальных, как эмюрячество⁸¹, шаманство. Первое он рассматривал как своеобразное нервное заболевание, которое передавалось по наследству, — эмюряки зачастую являлись потомками шаманов и шаманок. Сами шаманы — «это несомненно нервнобольные люди», а культ шаманства предрасполагал к нервным заболеваниям⁸². Вообще, по мнению Кона, нервные болезни находили для себя весьма подходящую почву в отсталых общественных отношениях Якутии, они буквально подкашивали население. Вразрез с официальной точкой зрения он указывал «на полное отсутствие какой бы то ни было медицинской помощи» в области⁸³.

В результате исследования этих и других проблем были получены важные в научном отношении выводы. Кон отмечал, что «на основании официальных данных» на вопрос о том, вымирают ли якуты, можно дать «категорический отрицательный ответ». Однако он установил, что любой ответ проистекал бы из тех сомнительных цифр, которые были собраны в пределах Якутской области «невежественными управскими писарями». Кроме того, содержащиеся в официальных изданиях данные в лучшем случае могут засвидетельствовать количественное увеличение населения, но не могут служить материалом для решения вопроса, увеличивается или же уменьшается с годами процент прироста якутов, а между тем, по его мнению, именно этот вопрос представлял собой большой интерес для исследователя. Дело в том, что определенная часть малых народов края уже давно стала выдавать себя за якутов. Такая тенденция наметилась особенно в местах смешанного расселения народов. По мере расширения территории обитания якутов малые народы в ряде случаев утратили свой язык и влились в состав якутов. Кон правильно заметил возможные последствия этих факторов в определении численности якутов и поэтому имел достаточные основания сомневаться в правдивости составления официальных данных. Именно поэтому, по его мнению, дать конкретный ответ на интересовавший его вопрос было очень трудно. Но он был уверен в одном: вымирание или выживание народа в классовом обществе зависели от многих обстоятельств, прежде всего от экономических и политических условий. «Действительность, — писал он, — далеко не так красна, чтобы можно было спокойно, с уверенностью смотреть на будущее этого богато одаренного племени». Окончательный его ответ достаточно ясен — в условиях царизма и господства тойонов якутам грозило постепенное угасание. Веря в умственные и нравственные способности якутов, в их стремление к культурному развитию, он доказал возможность и необходимость предотвращения «грозящей

⁸¹ Эмюрячество — форма «полярной истерии», распространенная в прошлом на Севере.

⁸² Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 81—82.

⁸³ Там же, с. 85.

им гибели»⁸⁴. Это также была принципиально новая постановка проблемы.

Таким образом, рассмотрение Коном в антропологическом аспекте исторических судеб якутского народа представляет крупное приобретение дореволюционного якутоведения. Оно имеет определенную политическую подоплеку, не до конца сформулированную в условиях строгой цензуры.

Изучены и обобщены Коном и внутренние процессы улусной жизни. И здесь он обосновал свою концепцию и сформулировал выводы, внесшие принципиальные изменения в либерально-народническую интерпретацию вопросов общественного строя якутов конца XIX в. Одна из его заслуг состоит в том, что он правильно оценил роль земли в экономике коренного населения. На основе наблюдений над фактами улусной жизни он пришел к убеждению, что «покос для якутов — это все». Он верно заметил зависимость развития скотоводства, а значит, и всего благосостояния населения от наличия сена⁸⁵. Коном составлено весьма интересное описание одного наследного «мунньаха» (собрания), которое обсуждало вопрос о переделе земли в связи с постигшим наслег наводнением и на котором возобладала линия тойоната. Наблюдения Конона о роли земли в общественном развитии ленских скотоводов представляют определенный интерес для современных исследователей, которые считают землю главным средством производства и у скотоводческих народов.

На основании данных «Ведомости Намской инородной управы о количестве накопленного сена» Коном сообщено, что в 1894 г. в улусе было накоплено 2 593 860 пудов сена. Несмотря на такое, казалось бы, большое количество сена, на прокорм скота, по подсчетам Конона, не хватало 1,5 млн. пудов⁸⁶. Основная причина — нехватка сенокосных угодий. К сожалению, исследователь не расшифровал, как заготовленное сено распределялось по разным социальным категориям населения.

Отдав должное роли сенокосного хозяйства в экономике края, Коном решил разобраться в характере влияния новой отрасли хозяйства — земледелия — на использование угодий. Дело в том, что с развитием земледелия некоторые покосы стали обращаться в пашню. Коному удалось увидеть в этих пока еще очень незначительных фактах объективно неизбежный процесс проникновения земледелия в архаическое скотоводческое хозяйство якутов. Явление, которое можно выразить формулой «покосы — для пашни», — это новое явление, обозначившееся в конце XIX в. и характеризующее своеобразные отношения между скотоводством и земледелием. Уместно указать, что этот вопрос имеет теоретический интерес, но, к сожалению, до сих пор не стал объектом изучения со стороны историков.

⁸⁴ Коном Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 86—87.

⁸⁵ Коном Ф. Намские письма.— Восточное обозрение, 1896, 26 апр.

⁸⁶ Там же.

Кон раскрыл эксплуататорскую сущность социально-экономических отношений в Ленском крае конца XIX в. На основе личных впечатлений и изучения исторических фактов он установил, что в улусах «обыкновенно» существовали «две партии: людей влиятельных и не играющих никакой роли — тойонов и иеранасов (бедных)»⁸⁷. «Зажиточные тойоны» заседали по несколько десятин земли, владели огромнейшими табунами лошадей и стадами рогатого скота⁸⁸. В другом случае Кон писал о лицах, «ворочающих десятками тысяч, обладающих громадным количеством лучших покосных земель, выгонных, хлебопахотных и рыболовных мест, огромными табунами лошадей и стадами рогатого скота»⁸⁹. Опираясь на экономические преимущества, тойонат безраздельно господствовал в хозяйственной и общественно-политической жизни улуса и наслегов, хотя, по материалам, первичные формы капиталистической эксплуатации уже проникли в отношения якутов, прикрытые еще патриархально-феодалным покровом.

В анализе социальных отношений, проведенном Коном, заметное место занимают «не играющие никакой роли» иеранасы. В состав этой категории населения, бесспорно, входили бескотные «общественники» (улусники) и значительная группа безземельных (свыше 20%), живущих «личным трудом или нищенствующим»⁹⁰. В I Модутском наслеге Намского улуса Кон заметил «целую массу мелких земледельцев», по своему общественному положению близкую к ним. Иеранасы жестоко эксплуатировались тойонатом.

Кон подчеркнул, что местные тойоны — главный бич улусного населения, хуже сектантов. В связи с этим в его работах затронут вопрос о формах и методах эксплуатации в якутском обществе. Тойоны переложили на все остальное население исполнение многочисленных государственных и местных повинностей, использовали чужой труд в своем хозяйстве. Заготовка сена, имевшая особое значение в хозяйстве якутов, велась в рамках традиционных форм организации труда бедняков на покосах тойонов⁹¹.

Вместе с тем Ф. Я. Кон заметил новые явления в положении бедных якутов. Одним из «образчиков таких отношений, по его мнению, «может послужить довольно распространенный в Намском улусе и в смежных с ним наслеге Дюпсинского улуса институт мертвых коней»⁹². Тойоны отдавали беднякам в наем лошадей за определенную плату — 10 руб. в год, с правом выкупа лошади в рассрочку и с обязательством немедленного же возмещения ее стоимости в случае, если она падет. Для бедняка

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, 24 янв.

⁸⁹ Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 3.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Кон Ф. Я. Намские письма.— Восточное обозрение, 1896, 26 апр.

⁹² Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 3.

выполнение этого последнего обязательства было равносильно полному разорению. Чтобы избежать немедленной расплаты, он вынужден был продолжать платить хозяину в течение нескольких лет условленную плату за павшую лошадь как за живую⁹³. Таким путем беднота попадала в экономическую зависимость к тойонам.

Из других проявлений новых отношений Кон указал еще на следующие. Так, постоянная нужда заставляла некоторых несостоятельных лиц брать в долг продукты или деньги, соглашаясь на уплату любых процентов. К сожалению, исследователь не выяснил удельного веса этой категории бедноты. Еще одна форма эксплуатации — сдача беднякам в аренду отдельных участков, с которых часть урожая поступала хозяину. Весной, когда не хватало кормов и когда цены на сено увеличивались в несколько раз, те же богачи продавали это сено беднякам, часто в долг. Кон дал точные психологические характеристики в сцене одной из таких сделок:

«В углу, за столом, под образами сидел «тоен»... Рядом с ним писарь из поселенцев, а перед ними, в отрепьях из дабы, какой-то захудалый иеранас (бедняк).

— Помоги, тоенум (господин), сжался! — молил якут. — Последняя коровенка пропадет.

— Ты же не хочешь, догор (приятель). Что могу, то и делаю. Не отказываю. Бери хоть воз сена, хоть два... Сейчас и расписку напишем.

— Возьми хоть три за один... Пяти не могу. Опять без сена останусь...

— Как хочешь... Ты же вольный человек... Твоя воля...»⁹⁴.

Бедняк — «вольный человек» — вынужден был заключить такую кабальную сделку.

Резюмируя эти и другие факты, Кон писал: «в общем вряд ли где-либо труд настолько эксплуатируется капиталом, как здесь, в среде одной и той же общины»⁹⁵. Этот вывод имел тогда принципиально важное значение. В нем впервые в историографии Якутии с марксистских позиций вскрыто глубокое социальное неравенство в якутских улусах и наслегах, подчеркнута непримиримость интересов их членов. Несмотря на то что не все формы отношений эксплуатации получили освещение в печатных работах Кона, приведенные им материалы в целом верно отражают те отношения, которые существовали в реальной действительности.

Представляет большой интерес описание повинностей якутов по содержанию станков и дорог, проходящих через территории

⁹³ Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах. Интересно, что В. Л. Серошевский утверждал противоположное тому, что говорил Ф. Я. Кон. — *Серошевский В. Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896, т. 1, с. 422.

⁹⁴ Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Т. II. На поселении, с. 164.

⁹⁵ Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 3.

улуса. На конкретных фактах показан их обременительный характер. Так, только на содержание 20 станков население улуса ежегодно затрачивало 1775 руб., поставляло 16 451 лошадь (3475 — под арестантов и 12 976 — для волостных и сельских начальников), т. е. на одного работника приходилось в год по 44 коп. и по 4 с лишним лошади⁹⁶. Внушительными были расходы на содержание дорог. Только внутренних повинностей насчитывалось до 30 видов. Кон неоднократно подчеркивал мысль, что эти повинности разорительны для населения улуса, что вся их тяжесть падала прежде всего на рядовых якутов.

Кону удалось подметить и те изменения в социально-экономическом развитии улуса, которые стали происходить сравнительно недавно. Он писал: «Время, переживаемое в настоящее время якутами Намского улуса, характерно в том отношении, что на смену родовитым тойонам выступают разбогатевшие сравнительно недавно. Первые постепенно спускаются по лестнице податных классов, вторые поднимаются по ней»⁹⁷. Он правильно заметил время и основные признаки начавшегося перехода от натурального хозяйства к товарно-денежному. Все это было подтверждено и Е. М. Ярославским⁹⁸, а позже — исследованиями советских историков.

Тойонат безраздельно господствовал и в общественной жизни наслега и улуса. В этой связи интересна характеристика, которая дана представителю тойоната, обремененному официальной властью, — князю (старосте) наслега. «Влияние князя, — писал он, — вообще не малозначительно, а в наслегах в стороне от тракта... где старина крепче держится, оно очень большое»⁹⁹. Сосредоточив в своих руках функции низового административного аппарата (улусных управ и родовых управлений), руководя своим хозяйством и опираясь на экономическое преимущество, тойонат действительно пользовался неограниченным влиянием и держал в подчинении все улусное и наследное население. Известно, что о тойонате писали и другие исследователи, в частности либеральные народники. В отличие от них Кон понимал социальную сущность тойоната как непримиримого врага обездоленных улусных масс.

В работах Кона подчеркнута резкое различие в образе жизни тойонов и бедных якутов. От его меткого глаза не ускользнуло различие в жилищах. Тойоны жили в «громадных юртах, нередко русских домах», а рядом — «небольшие юрочки, в которых на зиму скопляется масса народа (в одной я насчитал 32 взрослых, не считая детей), и тут же, в той же юрте, коровы с телятами — вот жильё мелких самостоятельных хозяев и безземель-

⁹⁶ Кон Ф. Я. Намские письма. — Восточное обозрение, 1896, 24 янв.

⁹⁷ Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 4.

⁹⁸ Ярославский Е. М. О Якутии: Статьи, письма, речи, телеграммы. Якутск. 1968, с. 54.

⁹⁹ Кон Ф. Я. Намские письма. — Восточное обозрение, 1896, 26 апр.

ных и бескотных иеранасов — бедняков»¹⁰⁰. Такие же различия бытовали в характере и режиме питания. Думается, что это не только этнографическая вставка, усиливающая характеристику социальных условий жизни населения. Это был разоблачительный материал, выступление в защиту трудящихся якутов от беззастенчивого социального гнета тойоната. Кон показывал необходимость проведения радикальных социальных мероприятий, которые могли бы коренным образом изменить положение якутской бедноты.

Об общественных отношениях у якутов конца XIX — начала XX в. писали и либеральные народники. По мнению Серошевского, вплоть до конца XIX в. здесь существовали общинно-родовая собственность на землю, «равенство» членов рода. «Многие решения родовых сходов,— писал он,— поражали меня своей странностью, но, присмотревшись ближе к жизни и обстоятельнее расспросивши мотивы, я всегда находил в их основе глубокое уважение к личности и стремление к равенству»¹⁰¹. Об «общине», «родах», «родовичах», «демократизации землепользования», «стремлении к равенству» писали Л. Г. Левенталь, Н. А. Виташевский и др. Кон вскрыл бессосновательность таких утверждений, показал непримиримость классовых противоречий в якутском обществе, доказал несостоятельность идеализации общинно-родовых порядков.

Одна из важных проблем истории Ленского края, которая в той или иной степени отражалась на положении трудовой части населения,— это выяснение сложных и внутренне противоречивых взаимоотношений местного коренного населения и ссыльных. Достаточно напомнить, что в середине 70-х годов XIX в. в области было 2987, в 1880 г.— 4470, в 1889 г.— 6090 и в 1896 г.— 6192 ссыльных разных категорий¹⁰². Они составили почти половину русского населения области. Разумеется, наибольшую пользу принесли краю политические ссыльные.

Как мы видели, Кон неоднократно обращался к фактам взаимоотношений ссыльных (в частности, сектантов) и местного коренного населения, особенно на социальной почве. В одной из статей он подробно прослеживает историю якутской ссылки. На этом фоне им исследуется интересная проблема «взаимных отношений туземцев и поселенцев»¹⁰³, выдворяемых в глухие захолустья наслегов. Кон, безусловно, прав, когда указывал на «одностороннее освещение» этой проблемы в литературе, ссылаясь, в частности, на известный рассказ Серошевского¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах, с. 3—4.

¹⁰¹ Серошевский В. Л. Якуты, с. 505.

¹⁰² 100 лет якутской ссылки, с. 88.

¹⁰³ Кон Ф. Я. К вопросу о ссылке в Якутскую область.— Новое слово, 1897, кн. 5, с. 128—134.

¹⁰⁴ Серошевский В. Л. Хайлах.— В кн.: Якутские рассказы. СПб., 1895.

Кон ясно себе представлял, что отдельные иллюстративные факты не могут раскрыть подлинного содержания этой сложной проблемы, поэтому избрал правильный путь — выделил институт поселенцев. Особые правила подробно регламентировали каждый шаг поселенца и положение его семьи. Но они не всегда претворились в жизнь администрацией и самими поселенцами.

Среди этих правил было одно, проведение которого в жизнь отразило отношения местного населения с ссыльными. С одной стороны, по закону всякий сосланный имел право на получение 15 десятин пахотной или сенокосной земли от того надела, к которому он причислялся. Но, с другой стороны, как на конкретных фактах показал Кон, коренное население имело законное основание отказать от этого. Понятно, что в условиях царизма все попытки реализации этой возможности были обречены на неудачу. Местные скотоводы хронически страдали от нехватки земель. «Земля... Кто видел якутский скот в начале весны,— писал Кон,— буквально валяющийся с ног, выводимый из «хотонов» (хлебов) при поддержке людей, тот поймет, чем является для якута каждый клочок земли, с которого можно получить лишнюю охапку сена для скота»¹⁰⁵. В этих условиях каждая сторона использовала своеобразные средства, чтобы сохранить свои интересы. «Эта-то борьба за землю и является пружиной всех тех нередко трагических столкновений, которые так часто разыгрываются между обеими сторонами»¹⁰⁶.

Кон указывал на отрицательные последствия этой борьбы и осуждал их. Всеми доступными тогда средствами и приемами на конкретных фактах истории он сумел обнажить тяжелый режим ссылки, грубый произвол царской администрации и полицейских властей. Гибельное для местного населения влияние ссылки (кроме политической), по его мнению, можно было устранить. А устранить его можно «только упразднением самой ссылки» в Якутскую область. Он требовал скорейшего решения этого вопроса¹⁰⁷. Как видим, Кон в значительной степени по-новому подошел к решению очень важной, политически острой проблемы истории и жизни Якутской области.

Такова проблематика научных работ Ф. Я. Кона, в которых он проявил себя как исследователь истории Якутии и внес значительный вклад в изучение важнейших проблем истории края.

*

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что Ф. Я. Кон в период сибирской ссылки (1891—1904 гг.) занимался интенсивной научной деятельностью. Большое внимание он уделил изучению проблем социально-экономической истории, а также этно-

¹⁰⁵ Кон Ф. Я. К вопросу о ссылке..., с. 130.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, с. 134.

графии народов Якутии. Направление его научной работы, как и вся его революционная деятельность, имело глубокий социальный смысл.

В отличие от своих предшественников — либеральных народников Кошунин сумел глубоко проникнуть в сущность происходящих здесь исторических и экономических процессов. Он одним из первых начал применение основных положений марксизма к изучению отдельных проблем истории и этнографии народов Якутии. В его работах исследовалось положение трудящихся масс, выявлялась ужасающая политическая, экономическая и культурная отсталость этой окраины России, определялся характер и уровень общественного развития населявших ее народов; прослеживались явления проникновения капиталистических отношений в экономику края, судьбы общины. Его исследования были направлены против теоретических положений либеральных народников, ставили и решали такие вопросы местной истории, которые сознательно обходила современная ему буржуазно-дворянская наука. Работы Ф. Я. Кошунина составили заметное явление в процессе зарождения марксистской концепции истории народов северо-востока Сибири. Многие его положения вошли в актив советского якутоведения. Известная фактографичность, фрагментарность исследований, некоторые неточности в теоретических положениях, отдельные фактические неточности не меняют этой основополагающей оценки.

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ В СОЧИНЕНИЯХ С. М. СТРОЕВА

В. И. Шевцов

К числу наиболее одаренных учеников М. Т. Каченовского, возглавившего критическое направление в русской историографии первой половины прошлого века, принадлежал Сергей Михайлович Строев (1815—1840), известный в научных кругах под псевдонимом С. Скромненко.

К сожалению, до сих пор мы располагаем лишь отдельными сведениями об этом своеобразном исследователе, ибо в историографической литературе ему отводилось весьма незначительное место. Можно только отметить некоторые рецензии на статьи С. М. Строева¹, биографические справки о нем в энциклопедических словарях². Современники рассматривали его, прежде всего М. П. Погодин³, не раз вступавший с ним в полемику, а также П. Г. Бутков⁴, в качестве активного последователя «скептической школы».

Специально занимавшийся исследованием исторических воззрений «скептиков» видный дореволюционный историограф и источниковед В. С. Иконников⁵ сделал разбор, да и то крайне поверхностный, всего двух статей, якобы принадлежавших

¹ Библиотека для чтения. СПб., т. II, 1835, с. 20—21; Сын отечества и Северный архив, 1836, № 10, с. 183—189; Москвитяни, 1841, ч. III, № 6, с. 490—491.

² Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. Смеловский — Суворина, с. 536—537; Энцикл. словарь Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, СПб., 1904, т. 62, с. 806—807; см. также: *Гурьянов В. П., Сорокин В. В.* Биографический словарь университетских товарищей Белинского. — Литературное наследство. М., 1950, т. 56, с. 435.

³ *Погодин М. П.* О скептическом поветрии. — В кн.: Погодин М. Исследования, замечания и лекции... О русской истории. М., 1846, т. 1, с. 324—446. С иронией воспринял рецензент этой работы, К. Д. Кавелин, выступление Погодина против «скептиков». Он писал: «О тоне возражений против статей, писанных в духе Каченовского, говорить нечего. Г-н Погодин отзывается о последователях Каченовского как о детях, с патриархальным чувством сожаления к грехам юности, которые исправлять должно бы не критикой, а средствами более патриархальными, детскими». *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1897, т. 1, с. 136.

⁴ *Бутков П. Г.* Оборона летописи русской, Нестеровой, от навета скептиков. СПб., 1840.

⁵ *Иконников В.* «Скептическая» школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. Анализ характеристики «скептиков» см.: *Шевцов В. И.* «Скептическая» школа М. Т. Каченовского в оценке В. С. Иконникова. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976.

Строеву. В сочинении «О пользе изучения российской истории в связи со всеобщей» Иконников привлекало не широкое применение сравнительно-исторического метода, в чем, собственно, и состоит методологическое значение данной работы, а лишь суждение Строева о некритическом отношении к источникам в трудах М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и даже в «Несторе» А. Л. Шлецера ⁶.

Авторство второй статьи — «О времени и причинах переселения славян на берега Волхова» — Иконников определил ошибочно. Названная статья на самом деле принадлежала слушателю Каченовского М. Перемышлевскому ⁷.

В последующей историографической литературе Строев только упоминался среди прочих учеников и последователей Каченовского ⁸.

Поскольку исторические взгляды Строева в целом заслуживают особого исследования, автор настоящей статьи ограничивает свою цель характеристикой отдельных положений и выводов этого ученого, касающихся конкретных вопросов древнерусской истории и ее источников. При этом необходимо прежде всего выяснить, как Строев понимал сам предмет исторической науки, в чем усматривал основные задачи изучения и исследования. Данный вопрос тем более важен, что именно в определении предмета, целей и задач исторической науки со всей отчетливостью сказалось принципиальное расхождение дворянского и буржуазного направлений в отечественной историографии указанного периода. Кроме того, без решения вопроса о распространении новых для того времени идей среди молодого поколения русских исследователей 30-х годов XIX в. нельзя представить в полной мере процесс развития истории исторической науки.

О предмете истории, ее назначении как науки был высказан ряд противоречивых суждений в российской историографии в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого столетия, когда ученые впервые приступили к разработке некоторых теоретических проблем ⁹. Наиболее резкие возражения Строева вызвало расплывчатое, лишенное конкретного смысла определение только одного

⁶ Иконников В. «Скептическая» школа в русской историографии и ее противники, с. 50.

⁷ Учен. зап. Моск. ун-та 1834, № 9, с. 415—465.

⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 285, 358; Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, т. 1. Иконников В. С. Опыт русской историографии. К., 1908, т. 2, кн. 1, с. 362; Багалей Д. И. Русская историография. Харьков, 1911, с. 142; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 241; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 317; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М. 2-е изд., 1971, с. 157.

⁹ Средний-Камашев И. Взгляд на историю как на науку. — Вестник Европы, 1827, № 4, 19—22; Степанов Т. Об истории вообще, предмете, цели и практическом изложении оной. — Сын отечества и Северный архив, 1834,

исследователя — востоковеда О. И. Сенковского: «...история есть та же словесность, — и притом первая словесность всякого народа»¹⁰. Уподобляя научное исследование простому повествованию, сказанию, Сенковский позволил себе неудачное сравнение истории, равно как и исторической критики, с шахматной игрой, «искусной игрой в факты, в которой проигрывающие, то есть читатели, за всякий сделанный им ловкою диалектикою шах и мат должны платить наличным доверием»¹¹. Отсюда делался неверный вывод о том, что цель каждого исследования должна сводиться не к поискам научной истины, а всего-навсего к достижению некоего «правдоподобия при совершенном отсутствии доказательств противного».

Антинаучному определению Сенковского Строев противопоставил в рецензии на его статью «Скандинавские саги» свое понимание целей и задач истории. Опираясь на высказывания по этому предмету «новейших историков» — Геерена, Нибура, Гизо, Мишле, Строев считал, что «назначение истории» заключается в познании «общих законов, по которым развивалось человечество». С буржуазных позиций воспринимался Строевым и сам предмет исторической науки, что нашло убедительное отражение в следующих примечательных словах автора: «Сказать, что в таком-то году такой-то полководец взял такой-то город, что в таком-то году пало такое-то государство — не значит написать историю. В таком случае история не была бы стройною наукою: она представляла бы в себе хаос событий, знание коих ни к чему бы нас не привело»¹². Строев указывал на необходимость изучения причинно-следственных связей явлений, подчеркивая их взаимосовершенство и взаимовлияние.

Признавая закономерность исторического процесса, Строев довольно решительно отстаивал тезис о связи русской истории со всеобщей историей. В его магистерской диссертации под характерным названием «О пользе изучения российской истории в связи со всеобщей»¹³ широко пропагандировался сравнительно-исторический метод критического исследования, причем отечественная история рассматривалась как часть всемирной истории.

№ 41—42; *Лебедев* [К. Н.]. История. М., 1834; Содержание, форма и изложение истории. Из лекций профессора Давыдова. — Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, ч. IV, № 12.

¹⁰ *Сенковский* [О. И.] Скандинавские саги. — Библиотека для чтения. СПб., 1834, т. 1, отд. 3, с. 2.

¹¹ Там же, с. 75.

¹² *Скромненко С.* Критический взгляд на статью под заглавием «Скандинавские саги», помещенную в первом томе «Библиотеки для чтения». М., 1834, с. 14. Уместно сравнить приведенное высказывание с аналогичным определением предмета исторической науки Г. Эверса. см.: *Ewers G.* Geschichte der Russen. Dorpat, 1816. Vorrede.

¹³ Учен. зап. Моск. ун-та, 1833, № 4/7. Сочинение Строева было удостоено золотой медали на торжественном собрании в Московском университете 6 июля 1833 г.

Сторонник идей единства исторического развития различных государств и народов, Строев доказывал важность анализа каждого частного «происшествия» в строгом соответствии «с общим духом того времени, к коему относится», с обязательным учетом того обстоятельства, что «не противоречит ли оно общим законам развития каждого государства, каждого народа, и, наконец, возможно ли оно в существующем порядке вещей той эпохи, к коей принадлежит»¹⁴.

Поэтому он так высоко отозвался о содержании статьи безымянного автора «Новая сравнительная наука древностей», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1835, № 9). Здесь ему импонировал вывод о том, что «всякий народ, как бы он ни был отдален, имел на прочие народы какое-нибудь влияние и в свою очередь был подвержен их действию»¹⁵.

В связи с этим, по глубокому убеждению Строева, изучение русской истории невозможно без знания необходимых сведений по истории Византии, Польши, Швеции, Германии, Дании и т. д. «...Не должно надеяться иметь достоверной отечественной истории, достойной могущественного и сильного народа русского, доколе не запасемся всеми указанными сведениями из истории всеобщей...»¹⁶.

Достоверность истории ставилась в прямую зависимость от подлинности используемых источников. Вот почему вслед за Каченовским Строев ревностно защищал принцип критического отношения к источникам. При этом молодого ученого уже не удовлетворяла критика Шлецера; хотя имя немецкого исследователя по-прежнему воспринималось им с особым уважением, за ним наравне с Р. Ф. Тимковским признавалась лишь заслуга в разработке приемов «низшей исторической критики». По словам Строева, Шлецер и Тимковский в поисках «очищения» и восстановления текста «Повести временных лет» только заложили фундамент «здания, которое должно быть воздвигнуто с помощью высшей критики исторической»¹⁷. Обращаясь к изучению источников отечественной истории и отмечая недостатки источниковедческих приемов М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, Строев с почтением говорил о Шлецере, «муже ученом, трудолюбивом, первом критическом исследователе наших летописей». Вместе с тем противник преклонения перед авторитетами в науке, Строев решительно настаивал на критическом пересмотре основных положений своего знаменитого предшественника и прямо спрашивал: «...неужели наша история не сделала ни шага вперед после Шлецера? неужели наша история не должна совершенствоваться?». Молодой ученый выражал твердое убеждение в том, что с

¹⁴ Учен. зап. МГУ, 1833, № 7, с. 66—67.

¹⁵ Строев С. Обзорение русских газет и журналов за вторую половину 1835 года.— ЖМНП, 1836, ч. XII, № 10, с. 169.

¹⁶ Учен. зап. Моск. ун-та, 1833, № 7, с. 93.

¹⁷ Там же, № 4, с. 42.

развитием русской исторической науки «мнения Шлецера должны ... стареть и должны появляться новые, более верные, более справедливые; а поэтому состарившиеся, будучи отвергнуты, сами собою подвергнуты забвению»¹⁸.

Как бы в подтверждение своих слов о недостатках в работах Шлецера Строев пытался сформулировать принципы «высшей критики», рассуждая о трех способах издания древних письменных памятников. Русского ученого не удовлетворял конечный результат «низшей исторической критики» (шлецеровской «малой критики слов»), который приводил к очищению текста источника от ошибок и описок, делая его понятным для читателя. Следуя принципам «гиперкритики» Нибура, Строев намечал переход к следующему этапу критического изучения источника, когда указывал на необходимость познавать его сущность путем выяснения, «справедливо ли и верно ли писал сочинитель? описываемое им было ли действительно или есть только догадка, выдумка, рассказ по слухам?»¹⁹ Иными словами, речь шла уже не столько о критике текста источника, сколько о трактовке самих исторических явлений, нашедших в нем отражение. Значит, Строев сумел преодолеть тот этап критического изучения, перед которым, как верно подметил Н. Л. Рубинштейн²⁰, остановился Шлецер.

Однако аналогично Каченовскому основную задачу «высшей критики» он видел в выяснении того факта, насколько достоверно в источнике как продукте исторического развития выразилось влияние «духа времени», т. е. самосознания общества в широком смысле слова. Естественно, руководствуясь наравне с другими «скептиками» понятием об абстрактном «духе времени», Строев не мог, как покажем ниже, избежать ошибочных выводов при анализе ряда исторических событий с учетом их соответствия определенным отношениям той или иной эпохи. Но сама постановка вопроса о разработке приемов «высшей критики» оказалась заметным явлением в отечественной историографии, так как она вела к изменению самого характера исторического исследования, приближая ученых к более научному восприятию исторического процесса.

Для написания достоверной истории каждого народа, согласно Строеву, достаточно иметь три главных «положительных» условия, т. е. располагать тремя видами источников: «государственными актами», отечественными летописями, иностранными источниками. «Из сих только источников, очищенных в горниле исторической критики, может быть почерпнута достоверная история», — заключал автор²¹.

¹⁸ Там же, 1833, № 4, примеч. к с. 22.

¹⁹ *Скромненко С.* Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России. М., 1837. — *Сын отечества и Северный архив*, 1837, № 185, с. 53—54.

²⁰ *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч., с. 161.

²¹ Учен. зап. Моск. ун-та, 1833, № 4, с. 20—21.

Заметим, что в статьях Строева отсутствует, как и у Каченовского, определение распространенного в исторической литературе 30-х годов XIX в. термина «источник»: он чаще всего отождествлялся с понятием «памятник». Кроме того, предложенное здесь трехчленное деление источников по степени важности заключенных в них сведений отличалось предельной простотой. Оно во многом уступало системам группировки письменных источников в изданных ранее сочинениях Н. А. Полевого и П. М. Строева ²².

В разряд «государственных актов» Строев включал актывые материалы, ценнейший источник по истории Западной и Северо-Западной Руси XIV—XV вв.; в них он с полным правом усматривал наличие необходимых сведений, «верных понятий о духе времени, нравах, обычаях, постановлениях, степени просвещения, промышленности, торговли наших предков...» Среди договорных грамот Строев назвал договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., ошибочно датировав его 1233 г. Особо выделена грамота киевского князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю под Новгородом, причем Строев неверно определил ее исходную дату (1228 г. вместо 1130) и признал ее подделкой позднейших времен.

Наряду с договорными грамотами автор высоко оценивал духовные грамоты, ибо находил в них интересные сведения преимущественно о быте великих и удельных князей.

К анализу актовых материалов Строев приступил несколько лет спустя, когда были опубликованы «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией имп. Академии наук» (СПб., 1836). В рецензиях ²³ на это издание молодой исследователь обращал главное внимание на «акты, касающиеся до внутреннего управления и состояния Руси». Среди них приоритет был отдан уставным грамотам, поскольку, по мнению Строева, с помощью их можно было ознакомиться с городским и сельским управлением, судопроизводством, финансовой системой и т. д. Самой древней грамотой он считал Двинскую уставную грамоту 1397 г. (ошибочно датирует ее 1398 г.) ²⁴.

Всего лишь упомянув о губных грамотах, автор особо останавливался на таможенных, находя в них сведения по истории таможенного управления Московского государства в XVI—XVII вв. о развитии торговли и промышленности и т. п.; бегло пересказывалось содержание жалованных грамот. Строев пришел к выводу, что Археографическая экспедиция, обнаружив «столько драгоценных и многообразных сведений о древнем быте нашего оте-

²² *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 137—139.

²³ *Сын отечества и Северный архив*, 1837, № 183, с. 465—480; № 184, с. 74—93.

²⁴ *Сын отечества и Северный архив*, 1837, № 184, с. 74.

чества», предоставила полную возможность для написания прагматической русской истории. Имелась, разумеется, в виду такая история, в которой на переднем плане оказались бы не политические события, а «внутреннее состояние Руси в XV, XVI и XVII столетиях»²⁵.

Следует сказать, что в отличие от предыдущей классификации источников без всякой мотивировки, Строев пытался теперь обосновать свое выделение «государственных актов» в разряд важнейших памятников, стремился группировать их по содержанию. При этом критерием ценности данных источников служило для него то, насколько полно отразились в них вопросы истории культурного и экономического развития государства. Он не проявлял ни малейшего интереса к сведениям социального характера.

Указанные источники Строев расценивал как «первое условие» изучения гражданской истории. Вторым таким «условием» он называл летописные памятники. Признание Строевым преимущества актового материала перед летописным в определенной степени свидетельствует о распространении среди историков в рассматриваемый период «юридического мировоззрения», ставшего «классическим мировоззрением буржуазии»²⁶. Вслед за Эверсом, Рейцем, Розенкампом и другими исследователями он акцентировал внимание не на политической, а на юридической стороне исторического процесса, развивая буржуазные представления об истории.

Отсюда понятен интерес Строева к изданным Археографической экспедицией «Актам юридическим, или собранию форм старинного судопроизводства», который проявился в его библиографической заметке в «Журнале Министерства народного просвещения». В содержании юридических актов его привлекали прежде всего сведения об «общественном и частном быте в Древней Руси»²⁷. Строев лишь искренне сокрушался по тому поводу, что в то время в России только закладывались основы истории древнерусского права.

Все летописи делились на два разряда в зависимости от того, повествовалось в них о Киевском княжестве или об удельных княжествах. Полемизируя с Погодиным по поводу времени написания «Повести временных лет» и авторства летописи, Строев высказал ряд ценных для исторической науки первой половины XIX в. мыслей. Основные его положения сводились к тому, что летописи не что иное, как «сборники, составленные из разных сочинений, отдельно написанных в различные времена, различными лицами, сочинений, под известными годами вносимых компилятором в летописи, иногда без всякой перемены... иногда же

²⁵ Там же, с. 86.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 496.

²⁷ [Строев С.] (подп. С. Стр.). О ходе судопроизводства в XV—XVII вв.— ЖМНП, 1839, ч. XXII, № 6, отд. VI, с. 71—72.

сокращенно или распространено»²⁸. Вот почему Строев по существу отказался от решения вопроса об авторстве «Повести временных лет» на том основании, что «в наших летописях столько сочинителей, сколько в них собрано отдельных сочинений, и, следовательно, один Нестор не может называться их сочинителем».

Подчеркивая сложность состава древнерусских летописей, Строев намеревался определить круг их источников. Не соглашаясь с неверными выводами Погодина на этот счет, он указывал на переводы греческих хроник (прежде всего Хроники Георгия Амартола), жития святых, монастырские записки, повести о военных происшествиях, послания духовных лиц и др.^{28а} Первоначальным источником Строев считал монастырские записки, которые заключали в себе всякие сведения, касающиеся в отличие от летописных истории одного города, в лучшем случае — княжества. Автором одной из таких записок и оказался Нестор. Написание же самих летописей, подобно Каченовскому, Строев относил к концу XIII — началу XIV в.²⁹

Нетрудно установить идентичность высказываний С. М. Строева и его старшего брата, П. М. Строева, и это позволяет заключить, что интересные идеи о сложности состава летописных сводов, ставшие известными еще в 1820 г.³⁰, были общепринятыми в отечественном летописеведении в 30-х годах прошлого столетия. По справедливому замечанию В. И. Буганова, эти идеи «открывали новые перспективы для летописеведения, так как они исходили из представлений о чрезвычайно сложном составе текста летописей, наличии в них разновременных слоев, принадлежавших разным составителям, отстоявшим друг от друга по времени составления»³¹.

Однако совершенно неправильный вывод о сравнительно позднем появлении летописания на Руси привел Строева к ошибкам и заблуждениям. Безусловно, в духе учения Каченовского о «баснословном периоде» в русской истории отрицалась достоверность отечественной истории IX—XII вв. Руководствуясь принципами «высшей критики», Строев отвергал подлинность договоров Олега и Игоря с Византией на том основании, что изложенные здесь понятия будто бы «совершенно несообразны с существ-

²⁸ *Скромненко С.* Кто писал ныне нам известные летописи? — Сын отечества и Северный архив, 1835, № 169, с. 163.

^{28а} *Скромненко С.* О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834, с. 41.

²⁹ Кроме названных сочинений Строева, см.: *Строев С. М.* О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. СПб., 1835; *Он же.* О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей. — Сын отечества и Северный архив, 1835, № 170, с. 184—207.

³⁰ Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год. М., 1820, ч. 1, предисловие, с. X.

³¹ *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 10.

вующим ходом дел не только у полудиких кочевых племен руссов, но даже и во всей Европе»³².

Более того, в споре о культурном развитии Древнерусского государства Строев упорно защищал ложный тезис, согласно которому «руссы находились в X веке на низшей ступени гражданской образованности...» Совершенно не обосновывая свое утверждение (для него «аргументом» было одно обстоятельство: русские князья сами собирали дань с подвластных народов, в то время как в цивилизованных государствах эту миссию выполняли правители областей), автор пытался представить картину примитивных общественных отношений, якобы характерных для данного этапа развития наших предков: «...в IX и X ст. был грубый и дикий народ руссы, живший на Юге нынешней России, занимавшийся разбоями и грабежами... он опустошал берега морей Черного и Каспийского... покорил своей власти славянские племена, жившие на Днепре, имел своих князей...» и т. д.³³ Как видим, Строев только повторил известную умозрительную характеристику общественного строя Древнерусского государства, имевшую место в сочинениях иностранных ученых, а также Каченовского. Правда, к чести исследователя, он все-таки уклонился от поддержки мнения своего учителя о зависимости внутреннего развития Руси от западноевропейских влияний.

Без сомнения, вывод Строева, как и его предшественников, был весьма далек от подлинно научных представлений о древнейшем периоде отечественной истории и вскоре подвергся решительному опровержению. Однако приведенное высказывание небезынтересно в том отношении, что здесь Строев довольно энергично выступил против норманистов. Недостаточность знаний об исследуемом предмете, «скептическое» восприятие изучаемых источников, конечно, не позволило ему дополнить критику норманнской «теории» убедительными, оригинальными суждениями, но заимствованная автором из «Повести временных лет» мысль о первоначальном пребывании основателей Древней Руси не на Севере, а на Юге вполне заслуживает внимания.

Подобное убеждение сближало Строева с последовательными антинорманистами первой трети XIX в. Т. Эверсом и И. Нейманом. Недаром в его сочинении так своеобразно передан факт выступления Эверса против норманизма Шлецера³⁴. Правда, Строев значительно преувеличивал число сторонников норманнской «теории», упрощал борьбу с норманизмом, говоря, что все русские ученые до вступления в полемику Эверса придерживались единого мнения о происхождении руссов. Кроме того, он существенно обеднял антинорманизм Эверса и Неймана, полагая, что они «оставили тот же театр, ту же драму, те же декорации,

³² Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, № 7, с. 67.

³³ Скрамненко С. Указ. соч., с. 15, 25.

³⁴ Скрамненко С. Указ. соч., с. 4—5.

осмелились переменить только актеров...³⁵», совершенно забывшая о заслуге названных исследователей в удачном опровержении отдельных доводов норманистов³⁶.

Обратимся, наконец, к воззрениям Строева на проблему феодализма, решением которой было занято не одно поколение русских историков.

Утверждение некоторых ученых, в частности Карамзина, о существовании феодализма на Руси в период правления Рюрика вызвало возражение Строева. Происхождение феодального строя автор связывал с частным землевладением: производился раздел завоеванных варварами земель, непонятно, каким образом и по какому принципу, «однако же из сего самого раздела возникли новые гражданские начала, новые обычаи и даже неизвестное дотоле правление, называемое феодальной системою». Феодализм распространялся среди европейских народов без особых различий и изменений, и это Строев объяснял господством в их среде «римского элемента» (римских учреждений, обычаев, постановлений и т. п.) и «однообразием...варварских народов»³⁷.

Но частное землевладение, по мысли Строева, стало возможным лишь в результате завоеваний одного варварского народа другим, а поэтому целью феодального общества являлась защита захваченных земель от новых пришельцев. Отсюда делался вывод, что «завоеванная страна по введению в ней феодального правления походила более на военное поселение, нежели на гражданское общество». Такое положение интерпретировалось Строевым как неизбежная причина политического упадка феодальных государств: «Феодальное правление, даже в совершеннейшей своей форме, заключало в себе видимые зародыши беспорядка и растления, которые не замедлили вполне развиться и обнаружиться во всем политическом его составе»³⁸.

Результатом порожденной феодальными отношениями анархии явились кровопролитные войны; они непрерывно продолжались в западноевропейских странах, и это привело к тому, что «народ, многочисленнейшая и полезнейшая часть государства, находилась в самом жалком состоянии, ощущая всю тягость нестерпимого рабства». Избавление от ужасов феодализма Строев не без влияния положений Каченовского³⁹ связывал с развитием вольных городов и торговых. Он развивал мысль своего учителя о существовании в период средневековья антифеодальных городских обществ в Северной Италии, Франции, Германии, при-

³⁵ Скрамненко С. Указ. соч., с. 6.

³⁶ См. об этом: Шевцов В. И. Происхождение русской государственности в сочинениях Густава Эверса.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск, 1970.

³⁷ Учен. зап. Моск. ун-та, 1833, № 7, с. 69.

³⁸ Там же, с. 70—71.

³⁹ Валк С. Н. Страничка из историографии древнерусского города.— В кн.: Города феодальной России / Под ред. В. И. Шункова. М., 1966, с. 79—82.

балтийских странах. Сходный процесс развития торговли Строев наблюдал и в некоторых древнерусских городах — Новгороде, Пскове, Смоленске. Этот факт расценивался автором как значительное историческое явление. В этих городах «возбудился» «дух свободы и ранней промышленности в сравнении с прочими городами России»⁴⁰.

Необходимо признать, что Строев глубоко ошибался, категорически утверждая отсутствие в средневековой России феодальной формы правления. И все же отрицание феодализма на Руси в том понимании данного термина, какое было свойственно отечественным историкам от А. И. Манкиева до Н. М. Карамзина, было шагом вперед по пути преодоления прежних заблуждений и приближения к истинному, научному решению поставленной проблемы. Кроме того, резкое осуждение ужасов феодализма, «нестерпимого рабства» как всенародного бедствия шло вразрез с монархической концепцией прошлого России и существенно подрывало устои официально-охранительной историографии.

Анализируемые здесь суждения Строева убеждают нас в том, что он явился последовательным сторонником буржуазного направления в русской историографии первой половины XIX в., что нашло красноречивое отражение в признании им идей закономерности исторического процесса, безусловной необходимости изучения отечественной истории в связи со всеобщей, широким применением сравнительно-исторического метода, требованиях строго критического отношения к внутреннему содержанию используемого источника, в изменении характера самой критики (от критики текста памятника исследователь перешел к критическому анализу фактов и событий). В этом и заключается определенная ценность для последующего развития отечественной исторической науки сочинений Строева, хотя ему, равно как и другим «скептикам», не удалось создать достоверной древнерусской истории. Школа Каченовского благодаря усилиям таких достойных учеников, каким оказался Строев, содействовала дальнейшей эволюции прогрессивных начал в русской историографии путем разработки ее важнейших проблем.

⁴⁰ Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, № 6, с. 462.

М. М. ХВОСТОВ И ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ИСТОРИЮ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (по материалам неопубликованного курса лекций)

Ю. Л. Бессмертный, К. В. Хвостова

В 1974 г. при разборе архива академика С. Д. Сказкина его вдова В. В. Сказкина обнаружила экземпляр напечатанного на гектографе конспекта лекций М. М. Хвостова «История крестьян на Западе»*. Как указано в заголовке, этот курс лекций был прочитан в 1906/07 учебном году, т. е. тогда, когда М. М. Хвостов преподавал в Казанском университете и на Высших женских курсах Казани. Текст конспекта насчитывает 146 страниц, каждая четвертая из них завизирована подписью автора (иногда подписи следуют еще чаще, изредка — реже), и может, по-видимому, считаться аутентичным.

Ознакомление с общей направленностью и конкретно-историческим содержанием спецкурса М. М. Хвостова расширяет наши представления о круге интересов и мировоззрении этого видного русского историка. Более того, анализ методологических и конкретно-исторических взглядов М. М. Хвостова в этот период представляет интерес и с точки зрения характеристики некоторых общих черт развития русской исторической науки в условиях нисходящей стадии первой русской революции. Настоящая статья как раз и ставит своей задачей продолжить рассмотрение творческого наследия М. М. Хвостова, уже начатое работами А. С. Шофмана и др.¹, освещая преимущественно аграрно-исторические воззрения и связанные с ними общетеоретические принципы ученого.

* Авторы пользуются случаем, чтобы выразить глубокую признательность В. В. Сказкиной за предоставленную ею возможность воспользоваться этим конспектом.

¹ *Матвеева И. Н.* К вопросу о научной и педагогической деятельности М. М. Хвостова.— Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1963, вып. 3; *Она же.* К вопросу об общей концепции эллинизма в трудах М. М. Хвостова в свете изучения эллинистической истории на рубеже XIX—XX вв.— Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1970, вып. 4; *Она же.* М. М. Хвостов как историк античности; *Шофман А. С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979. См. также: *Грацианский Н. П.* Памяти М. М. Хвостова.— Известия Общества археологии, истории и этнографии... Казань, 1921, т. 31, вып. 2/3; *Адлер Б. Ф.* Некролог о М. М. Хвостове.— Там же; *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в., 1931, ч. 2, с. 184—187, 190—191; Советская историческая энциклопедия, т. 15, с. 561—562.

Научная биография М. М. Хвостова [14 (26).X 1872 — 25.II 1920] была во многом типична для историков его поколения. Вот как сам М. М. Хвостов характеризовал основные факты своего жизненного пути в составленной им в 1914 г. автобиографии (*Currículum vitae*): «По окончании курса в керченской Александровской гимназии в 1891 г. с золотой медалью поступил в Московский университет по Историко-филологическому факультету... Занимался под руководством профессоров В. И. Герье, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, В. А. Шеффера и особенно — П. Г. Виноградова. По окончании курса в 1895 г. был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. Лето 1897 и лето 1898 годов провел за границей, работая в библиотеках Берлина и Мюнхена. В 1895—1900 гг. состоял преподавателем истории в константиновском Межевом институте и женских гимназиях... В 1899—1900 гг. сдал в Московском университете магистерский экзамен и прочитал две пробные лекции на темы: «Хозяйственный переворот в древней Спарте» и «Политические взгляды маркиза д'Аржансона», после чего был утвержден в звании приват-доцента Московского университета. В декабре 1900 года был перемещен приват-доцентом в Казанский университет... Лето 1901 г., семнадцать месяцев в 1902—1903 гг. и лето 1904 г. провел в заграничных командировках... С 1906 г. ... преподаватель на Казанских высших женских курсах ... В мае 1907 г. защитил в Петроградском университете диссертацию на степень магистра всеобщей истории под заглавием «История восточной торговли греко-римского Египта» и вслед за тем Историко-филологическим факультетом и советом Казанского университета был избран и. д. экстраординарного профессора, в коем звании утвержден 19 декабря 1907 г.»².

После ряда новых заграничных командировок М. М. Хвостов защитил в 1914 г. докторскую диссертацию («Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте») и в 1917 г. стал «ординарным профессором» Казанского университета. В 1918—1920 гг. он преподавал в университете Томска. В феврале 1920 г. на 48-м году жизни М. М. Хвостов скончался от тифа.

Поскольку в центре научных интересов М. М. Хвостова была история древнего мира, вполне понятно, что и в историю отечественной науки он вошел прежде всего как античник³. Однако античность — точнее, экономическая история эллинизма⁴ — со-

² *Currículum vitae* М. М. Хвостова хранится в личном архиве В. М. Хвостова.

³ Широкий анализ научного творчества М. М. Хвостова дан Шофманом А. С., работа которого стала известна авторам, когда данная статья была в печати.

⁴ Этой теме посвящены наиболее значительные работы М. М. Хвостова: История восточной торговли греко-римского Египта (332—284 гг. до н. э.).

ставляла хотя и главный, но далеко не единственный предмет его исследований. Его перу принадлежат также «Лекции по методологии и философии истории» (Казань, 1913), работа «К вопросу о задачах истории» (опубликована в сборнике в честь В. О. Ключевского в 1909 г.), «История рабочего движения в западной Европе в новое время» (Казань, 1917), историографические исследования и многое другое⁵. Курс лекций по истории средневекового крестьянства, который нас здесь специально интересует, представляет, таким образом, лишь одну из работ М. М. Хвостова, выходящих за рамки антиковедческой тематики.

Чтобы глубже понять содержание этого курса, остановимся прежде всего на некоторых особенностях исторической концепции М. М. Хвостова. Одной из важнейших ее отличительных черт является, на наш взгляд, признание ведущей роли экономического развития в историческом процессе. Вероятно, в этом сказывалось определенное влияние марксизма, тем более что в своих работах, и особенно в лекциях по методологии, М. М. Хвостов специально останавливается на понимании К. Марксом роли экономики и сочувственно излагает некоторые положения Марксовой концепции. Как констатировал в другом месте М. М. Хвостов, «влияние марксистской концепции исторического процесса» на философско-исторические представления современников было несомненным⁶.

Однако в ключевых теоретических вопросах М. М. Хвостов примыкал в основном к социально-экономическому направлению в буржуазной историографии⁷. Это направление в значительной мере восходило к традициям и теоретическим воззрениям представителей новой и старой исторических школ в политэкономии — Б. Гильдебранда, Г. Шмоллера, К. Бюхера, В. Зомбарта. Оставаясь в целом буржуазно-либеральной, философско-историческая концепция М. М. Хвостова была противоречивой. Отмечая вслед за Г. Риккертом доминирующую роль индивидуализирующего метода в исторических исследованиях, М. М. Хвостов в то же время полемизировал с Г. Риккертом, отрицавшим правомерность широких исторических обобщений⁸. «Человеческий ум, — писал он, — не до-

Казань, 1907; Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность. Казань, 1914. Библиографию трудов М. М. Хвостова см.: Иванов Ю. Список печатных трудов проф. М. М. Хвостова. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 31, вып. 2/3.

⁵ См., в частности: Хвостов М. М. Новые работы русских исследователей о землевладении и земельельческих классах во Франции перед революцией. — Издания исторического общества при Московском университете. М., 1898, т. 2.

⁶ Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории, с. 793.

⁷ К этому направлению примыкало большинство современных М. М. Хвостову русских медиевистов. См.: Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1974, с. 380.

⁸ Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории, с. 802, 806.

вольствующийся простым усвоением действительности, а стремящийся к ее объяснению, не может удовлетвориться описательной или «реферирующей» историей»⁹. История, базирующаяся на широких обобщениях и изучении «общих факторов общественной эволюции»¹⁰, — это «социологическая история»¹¹.

Своеобразный сплав неокантианской точки зрения на идеографичность исторического метода и позитивистских представлений о «сознательном эмпиризме»¹², предполагающем анализ общих факторов развития, т. е. выявление глубинных причинно-следственных связей явлений и процессов, определил особенности эволюционистских воззрений М. М. Хвостова. Диалектический подход к анализу исторического прошлого в целом остался ему чужд. Как мы покажем ниже, эволюционизм М. М. Хвостова нередко означал нахождение и обобщение чисто внешних общих проявлений событий и явлений, относящихся к разным эпохам. В то же время для исследовательской манеры М. М. Хвостова была весьма характерна тенденция трактовать всякое существенное событие и явление прошлого на фоне закономерностей общеисторического процесса. Метод выявления генетических связей непрерывно развивающихся явлений — излюбленный исследовательский прием М. М. Хвостова. Общественное развитие происходит, по его мнению, как в форме поступательного движения, так и в виде социальных катастроф¹³. Эти черты мировоззрения М. М. Хвостова во многом обусловили его подход не только к истории XIX в., но и к проблемам современности¹⁴. Так, в лекции «Исторический смысл современной мировой войны», прочитанной М. М. Хвостовым 4 апреля 1915 г. для широкой общественности Казани, комментарию военных событий предшествует анализ природы и содержания международных конфлик-

⁹ Там же, с. 815.

¹⁰ Там же, с. 819.

¹¹ Там же, с. 821.

¹² Там же, с. 795.

¹³ Лекции по методологии и философии истории, с. 24.

¹⁴ Этому способствовал и интерес М. М. Хвостова к общественной деятельности. Хвостов не был узким кабинетным ученым. Будучи профессором Казанского университета, охваченного в начале века демократическим и революционным студенческим движением и являвшегося ареной деятельности либеральной профессуры, стремившейся к максимальной автономии университета, М. М. Хвостов принимал участие в этой деятельности. В частности, в 1906 г. им (совместно с приват-доцентом А. В. Завадским) выдвигалось отклоненное университетским советом довольно радикальное требование о допуске на заседания совета представителей студентов с правом решающего голоса по студенческим делам. (*Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет. 1804—05—1929—30, т. II. Казань, 1930, с. 227). О роли М. М. Хвостова в создании в Казани Высших женских курсов и Общества археологии, истории и этнографии см.: *Матвеева И. Н.* К вопросу о научной и педагогической деятельности М. М. Хвостова.

тов на протяжении XVI—XIX вв., характеристика «сближений и разъединений человеческих обществ в истории», отражающих смену периодов мирного развития международного отношений и эпох «великих кризисов»¹⁵. Циклическую смену этих периодов ученый выводил из такого исторического противоречия, как существование «однородности человеческой культуры и противоречий интересов» наций. Подобное философское осмысление событий, основанное на обобщении сходных проявлений различных по своей социальной роли и функционированию исторических событий прошлого — безотносительно к их историческому содержанию и специфике (что неизбежно ведет к циклизму) — типично для М. М. Хвостова.

В духе позитивистской логики Дж. Ст. Милля М. М. Хвостов видел причины исторических событий в стечении обстоятельств, с необходимостью порождающих определенное явление¹⁶. В связи с тем, что исторические события в целом неповторимы, для нахождения их причин следует выявить сходные признаки явлений, т. е. разложить исторические события «на причинные ряды»¹⁷. Такая позиция в определенной мере основана на рассмотрении общества как совокупности индивидуумов и отражает известный механицизм восприятия. Этот механицизм создает определенный контраст и в то же время причудливо сочетается с признанием постоянной эволюции общества и с широким использованием метода нахождения генетических связей, что, как уже говорилось, характерно для всего научного творчества М. М. Хвостова.

Отмеченные особенности философско-исторического мировоззрения ученого во многом определили тематику его исследований и круг научных интересов. Переломные эпохи (эллинизм, Французская революция, война 1914 г., падение Римской империи) и узловые проблемы истории — история крестьянства и история рабочего движения — становились объектом его исследований. Исторические эпохи, насыщенные важными событиями, эпохи, когда рождались многие новые формы отношений и новые институты, давали русскому историку богатый материал для проведения исторических параллелей (нередко, к сожалению, довольно механистических) и одновременно — для скрупулезного выявления генетических связей изучаемых феноменов. Все это ярко видно и в курсе лекций по истории западноевропейского крестьянства.

Исходя из представления о доминирующей роли экономического фактора в истории, М. М. Хвостов считает, что сфера экономических отношений порождает наибольшее количество об-

¹⁵ Типографски отпечатанная программа лекции находится в личном архиве В. М. Хвостова.

¹⁶ *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории, с. 29.

¹⁷ Там же, с. 31.

щих понятий. Понятие «крестьянство» является одним из таких. Поэтому в одной из первых лекций по истории крестьянства анализируется общее понятие крестьянства, т. е. крестьянства вообще, безотносительно к эпохам и регионам. М. М. Хвостов вносит известное уточнение в традиционную для его времени трактовку понятия крестьянства. В западноевропейской литературе, как отмечает М. М. Хвостов, под крестьянством обычно подразумевается «мелкий землевладелец, собственник небольшого участка земли, обрабатывающий его или собственным трудом, или трудом своей семьи» (с. 10)¹⁸. Считая такое понимание крестьянства слишком узким, М. М. Хвостов справедливо расширяет его, утверждая, что участок земли, обрабатываемый крестьянином или его семьей, не обязательно является собственностью крестьянина: он может находиться в его владении или пользовании (с. 10). Такое расширение понятия, основанное на изучении античного крестьянства, позволит М. М. Хвостову в последующих лекциях рассматривать позднеримских колонов как прямых предшественников средневековых зависимых крестьян.

Не ограничиваясь определением общего понятия крестьянства, Хвостов, исходя из своего понимания историзма, начинает курс лекций словами: «Историю крестьянства нельзя изучать вне связи с экономической историей вообще» (с. 1). Это обуславливает обращение ученого к проблеме стадильности экономического развития человечества. В целом М. М. Хвостов разделяет популярное в его время как среди западноевропейских, так и русских историков учение о стадильности экономического развития, созданное сторонниками исторических школ в политэкономии. Теории стадильности, разработанные в конце прошлого века основоположниками исторического направления в политэкономии, представителями старой школы — Ф. Листом, Б. Гильдебрандом, затем развивались создателями новой исторической школы в политэкономии Г. Шмоллером, К. Бюхером, а также В. Зомбартом. Отстаивая принципы историзма, представители исторических школ в политэкономии стимулировали своими теориями обращение исследователей к изучению отдаленного прошлого. Известно, что на Западе распространение теорий новой исторической школы совпало с усилением внимания к средневековой социально-экономической истории¹⁹. Теория стадильности, содержанием которой является представление о закономерной поступательной эволюции экономического процесса, происходящей вопреки неизменности на протяжении длительного периода многих юридических норм и институтов, имела известное прогрессивное значение²⁰. В целом, однако, эта теория базировалась на обобщении

¹⁸ Здесь и ниже в скобках указываются страницы конспекта лекций М. М. Хвостова «История крестьян на Западе».

¹⁹ Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, с. 49.

²⁰ Там же, с. 51.

второстепенных признаков, заимствованных не из сферы общественного производства, а из сферы обмена. Так, Б. Гильдебранд подразделял историю экономического развития человечества на три стадии: натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Это деление, основанное на изучении способа обмена, было подвергнуто критике К. Марксом в «Капитале»²¹. Еще более ограниченной была схема стадийного развития общества, предложенная Ф. Листом, учение которого в целом стало объектом специального критического рассмотрения К. Маркса²².

Характерно, что, восприняв от исторических школ в политэкономии идею стадийного развития экономической истории и тщательно анализируя некоторые из стадийных концепций, М. М. Хвостов критикует создателей теории стадийности именно за игнорирование ими производственной сферы. Так, рассматривая стадийное учение Ф. Листа, различавшего в экономической истории пять периодов: охотничий, пастушеский, земледельческий, земледельческо-промышленный и земледельческо-промышленно-торговый, М. М. Хвостов оценивает это деление как поверхностное, основанное на учете несущественных второстепенных признаков экономического развития. «В основе этой системы,— пишет М. М. Хвостов,— лежит не наблюдение над организацией хозяйства, а наблюдение над преобладающим занятием в ту или другую эпоху, а это признак частный» (с. 1—2). Характеризуя широко известную и достаточно популярную теорию экономических стадий Б. Гильдебранда, М. М. Хвостов также отмечает ее недостатки, указывая на «случайность признака, принятого за основу деления на три стадии». «Этот признак,— отмечает далее М. М. Хвостов,— сводится к различению средств, при помощи коих совершается обмен. Сущности хозяйственных отношений признак этот не касается» (с. 4).

Весьма примечательно, что М. М. Хвостов, одним из объектов специального научного исследования которого являлась сфера торговли, не склонен рассматривать особенности обмена, как существенный критерий деления общества на стадии и ратует за поиски подобного критерия в сфере производственной деятельности. В этом плане несравненно более импонирует М. М. Хвостову стадийная теория К. Бюхера, который, по мнению Хвостова, разделял общество на стадии, «вникая в самую сущность хозяйственной организации». Как известно, экономическая теория К. Бюхера — буржуазно-либерального экономиста — была подвергнута критике В. И. Лениным, отмечавшим ее буржуазный характер²³. В то же время В. И. Ленин признавал известные заслуги К. Бюхера в трактовке некоторых форм экономической

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 132—133.

²² Маркс К. О книге Ф. Листа «Национальная система политической экономии». — Вопросы истории КПСС, 1971, № 12, с. 3—27.

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 484, прим.

организации производства²⁴. Бряд ли можно согласиться с М. М. Хвостовым, считавшим, что выдвинутый К. Бюхером и вслед за ним В. Зомбартом критерий деления общества на стадии, основывавшийся на учете расстояния, которое проходил товар от производителя к потребителю, учитывает главный отличительный признак экономического развития — «степень развития производительных сил данного общества» (с. 7). Заслуживает внимания, однако, убежденность русского историка в существенности этого критерия.

Впрочем, критический разбор М. М. Хвостовым теорий стадильности, свидетельствуя о сильных сторонах его историко-философского мировоззрения, проявившихся в признании ведущей роли производительных сил и хозяйственной организации общества, отражает в то же время и некоторые недостатки его исследовательского метода. Например, справедливо отмечая несостоятельность стадильных теорий Ф. Листа и Б. Гильдебранда, М. М. Хвостов наряду с указанием на случайность критериев периодизации говорит также о несоответствии этих теорий фактам. Но доказывает он это несоответствие недостаточно строго. Приводимые им самим факты отобраны в известной мере случайно — на основе выборочного метода, иными словами, им приводятся лишь отдельные примеры, не укладывающиеся в рамки рассматриваемых теорий. Так, постулируя несоответствие стадильной теории Ф. Листа фактам, М. М. Хвостов подчеркивает, что переход от охотничьего быта к земледельческому через стадию пастушеского быта вовсе не обязателен (точно так же как и переход от пастушеского к земледельческому). Им приводится, в частности, пример Америки, где европейцы застали развитое земледелие при отсутствии следов развитого скотоводства (с. 2). Заметим, что, используя выборочный метод, М. М. Хвостов в то же время исходит (вслед за Дж. Ст. Миллем) из существования всеобщих и непреложных исторических закономерностей. Тот факт, что эти закономерности носят самый общий характер и, пробивая себе путь через массу случайностей, осуществляются лишь в самом конечном счете, остался вне поля зрения М. М. Хвостова. Поэтому в спецкурсе не было осмыслено и то, что нахождение отдельных фактов, не согласующихся с представлением о наличии некоторой тенденции развития, еще не является достаточным аргументом для опровержения соответствующей концепции. Только изучение многих однородных явлений может подтвердить или опровергнуть то или иное теоретическое представление.

В итоге критического разбора стадильных теорий исторических школ в политэкономии М. М. Хвостов вслед за К. Бюхером с учетом поправок В. Зомбарта предлагает следующее трехчленное деление экономической истории: I стадия — древнейшее

²⁴ Там же.

хозяйство (встречавшееся в России еще в первой половине XIX в.). Это замкнутое домашнее хозяйство без обмена. II стадия — переходное хозяйство. Появляется ремесло. «Товар, однако, изготовляется преимущественно на непосредственного заказчика» (с. 9). (Известно, что именно эта воспринятая М. М. Хвостовым бюхеровская характеристика работы на заказчика как первой формы промышленного производства встретила одобрение В. И. Ленина, признававшего справедливость некоторых конкретных наблюдений буржуазного экономиста²⁵.) III стадия характеризуется М. М. Хвостовым как общественное народное производство, основанное на детальной дифференциации производственного процесса и развитием обмена.

Итак, для подхода М. М. Хвостова к истории западноевропейского крестьянства характерно движение исследовательской мысли от общего к частному, от абстрактных общих понятий к их конкретной исторической иллюстрации на материале источников. Проявляющееся при этом сочетание дедуктивно-гипотетических концепций и индуктивно-эмпирического метода исследования воспроизводит принципы социально-экономического направления в русской историографии конца XIX — начала XX в. и восходит к позитивистским воззрениям представителей исторических школ в политэкономии²⁶.

Близость М. М. Хвостова к этим научным направлениям с очевидностью проступает и в основных частях спецкурса по истории западноевропейского крестьянства. При этом удастся выявить ряд специфических черт исторической концепции ученого, существенных для характеристики не только его собственных воззрений, но и некоторых черт всей русской медиевистики начала века. Анализ основных частей спецкурса начнем с описания их структуры.

Имеющийся в нашем распоряжении конспект курса далеко не везде имеет деление на отдельные лекции. «Структурной единицей» в нем служит чаще тематический раздел большей или меньшей величины. Приведем перечень таких тематических разделов и лекций (там, где они выделены).

1.²⁷ (Введение)²⁸ (с. 1—10).

2. Точки зрения, с которых следует рассматривать положение крестьян в ту или другую эпоху²⁹ (с. 10—14).

3. Крестьянство эпохи Римской империи³⁰ (с. 15—24).

4. Крупные поместья и превращение свободных крестьян в крепостных (с. 24—38).

²⁵ Там же.

²⁶ См., например: *Шмоллер Г.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М., 1902, с. 92—102.

²⁷ В конспекте нумерация разделов в большинстве мест отсутствует.

²⁸ Первый раздел не имеет названия в конспекте, его заглавие дано нами.

²⁹ Правписание везде дается современное.

³⁰ На стр. 16 конспекта, видимо, по ошибке повторено название этого раздела.

5. Аграрные отношения у первобытных германцев (с. 38—50).
6. Аграрный строй кельтов (с. 50—57).
7. История крестьян в Англии. 1. Степень романизации Англии (с. 57—64). 2. Германское завоевание (с. 64—65). 3. Англосаксонское общество (с. 65—66). 3а.³¹ Феодализация англосаксонского общества (с. 66—73). 4. Сельское население в англосаксонский период. Род и сельская община (с. 73—78). 4а. Вопрос о происхождении сельской общины (с. 78—79). 4б. Общинное управление (с. 79—80.). 5. Превращение свободной общины в крепостную (с. 80—85).
8. (Введение ко II семестру)³² (с. 85—89).
9. Манориальная система в Англии (с. 89—96).
10. Состав населения манора (с. 96—101).
11. Разложение манориального строя. 1. *Commutatio* (с. 101—107).
12. (Огораживание и аренда)³³ (с. 107—113).
13. (Английское крестьянство в XIV в. и восстание Уота Тайлера)³⁴ (с. 113—123).
14. Аграрные отношения в XV—XVI вв. (с. 123—127). 14а. Закон о бедных (с. 127—130). 14б. Общество XVI в. (с. 130—131). 14в. Секуляризация церковных имуществ и ее следствия (с. 131—132).
15. Роль сельских классов в революциях XVII в.³⁵ (с. 132—135).
16. Аграрные отношения в первой половине XVIII в. (с. 135—137).
17. Хозяйственный переворот во 2-й половине XVIII в. (с. 137—145).
18. Сравнение аграрной истории Англии с аграрной историей континента (с. 145—146).

Структура курса позволяет подметить своеобразие его хронологических и географических рамок. Курс охватывает огромный исторический период — с начала Римской империи до первых лет XX в. (в лекции «Хозяйственный переворот во 2-й половине XVIII в.» М. М. Хвостов приводит материал и по XIX в., а кроме того, останавливается на аграрных отношениях «в настоящий момент» (т. е. в начале XX в.—с. 142). Подобный выбор верхней хронологической грани курса весьма показателен: автор как бы подчеркивал этим свое стремление связать настоящее с прошлым, с тем чтобы объяснить первое вторым. Но, включив в свое изложение столь обширный период, М. М. Хвостов не смог (а быть может, и не счел нужным) уделить равное внимание

³¹ Все подразделы этой лекции, кроме данного и кроме подраздела «Общинное управление», пронумерованы в самом конспекте.

³² В конспекте раздел не имеет заголовка, заглавие дано нами.

³³ В конспекте раздел обозначен: «Лекция XII», заглавие лекции дано нами.

³⁴ В конспекте раздел обозначен: «Лекция XIII», заглавие лекции дано нами.

³⁵ В конспекте в заглавии раздела ошибочно указано: «XVIII в.».

всем хронологическим эпохам и тем более всем «странам Запада». Его наибольшее внимание привлекли история древности и средневековья. Именно при рассмотрении этих периодов чаще привлекаются источники, подробнее рассматриваются историографические контroversы, и, главное,— шире выводы и обобщения. Естественно, что и объем лекций, посвященных этим периодам, намного превышает объем лекций о XVII—XIX вв.: последним уделено лишь 14 страниц из 146. Думается, что было бы упрощением целиком объяснять подобную неравномерность лишь специализацией ученого: ведь англосаксонское общество или феодальный манор были не намного ближе специалисту по эллинистическому Египту, чем аграрные отношения в XIX в. или английская революция XVII в. Немалую роль в определении структуры курса сыграли, вероятно, общие установки автора, в частности его склонность к объяснению исторических явлений путем раскрытия их генезиса, а также его особый интерес к глобальным историческим закономерностям. Для анализа таких закономерностей длительные эпохи древности и средневековья подходили, очевидно, больше, чем последний период европейской истории.

Но если о подошлеке хронологической неравномерности в распределении материала курса можно строить лишь гипотезы, то о причинах преимущественного внимания автора к истории английского крестьянства он сам высказывается с полной ясностью. «Я выделяю Англию потому,— говорил лектор,— что здесь большинство аграрных явлений наметилось гораздо раньше и рельефнее, чем в других странах». Поэтому по недостатку времени «я в курсе нынешнего года могу охарактеризовать подробнее лишь историю крестьян Англии» (с. 107). Видимо, М. М. Хвостов предполагал продолжать чтение этого курса и осветить историю аграрных отношений в других странах Запада, отталкиваясь от английского материала. Насколько удачен выбор автором Англии в качестве наиболее «рельефного» образца аграрного развития?

Подобный выбор легко оправдать для периода генезиса капитализма. Как было хорошо известно уже к началу XX в., когда читал свой курс М. М. Хвостов, ни в одной стране Запада процесс «раскрестьянивания» не проходил в столь «чистых» формах и с такой интенсивностью, как в Англии, нигде гибель крестьянства и победы буржуазных классов не выступали так «рельефно» (этот процесс М. М. Хвостов обрисовывает вполне отчетливо, см. с. 138—140). Поэтому для понимания особенностей в положении «крестьян Запада» в начале XX в. предпочтение английскому варианту вполне оправдано (Марксов анализ генезиса капитализма в Англии был хорошо известен в России начала XX в.). Но ведь М. М. Хвостов исследовал историю крестьян на Западе отнюдь не только для периода капитализма. «Историческое прошлое» западноевропейских крестьян, в которое он обоснованно призывал «вникнуть» (с. 14), включало в себя прежде всего огромную по протяженности и значению стадию феодализма,

которой, как мы уже отмечали, М. М. Хвостов уделял очень большое внимание. Однако при выборе наиболее показательного регионального варианта в эволюции западноевропейского крестьянства М. М. Хвостов эту стадию как бы игнорировал; по крайней мере, он не считал нужным учитывать возможность того, что региональный вариант, ближе всего соответствовавший логической модели исторического процесса в эпоху генезиса капитализма (и на первых стадиях этой формации), мог не играть аналогичной роли в предшествующую эпоху. И хотя здесь не место рассматривать вопрос о том, какая из западноевропейских стран больше всего подходит в качестве модели аграрного развития в период феодализма, мы не можем не заметить, что выбор в качестве такой страны Англии — со специфическим для нее поздним складыванием классических феодальных форм и ранним проникновением товарно-денежных отношений — более чем спорен, даже если отправляться от того уровня знаний о западноевропейском феодализме, который был свойствен началу XX в.

Обратимся теперь к анализу основных исторических понятий, используемых М. М. Хвостовым при изучении средневекового крестьянства. Содержание, вкладывавшееся М. М. Хвостовым в самое понятие средневековья, четче всего выступает в спелкурсе при противопоставлении средних веков и нового времени. «Если различать новую или среднюю историю по основным явлениям,— говорится в конспекте,— то новую историю придется начать раньше, чем обычно это делают. Развитие обмена и денежного хозяйства, появление новых экономических классов (буржуазия и рабочий пролетариат), появление новых больших государств, развитие светской науки и реформа церкви — вот явления нового времени» (с. 113). «Главными явлениями» «новой фазы истории»,— пишет чуть дальше М. М. Хвостов,— можно считать те, которые «основаны на свободном труде и свободной земле» (с. 114).

Если концом средневековья автор считает перечисленные выше явления, то начало этой эпохи он относит ко времени разложения «первобытной родовой и племенной организации» (с. 89). Такой родовой и племенной организации, определявшей быт древних германцев и кельтов, соответствовали «очень примитивное хозяйство» и «крайне незначительные потребности дикаря». «Личность пользуется в эту эпоху значительной свободой именно ввиду крайней ограниченности потребностей как личности, так и общества» (с. 88). Последующее развитие этого общества происходит в период средневековья и выражается в его феодализации. «В германском обществе феодализация — прогресс...» (с. 87). Этот прогресс связан «с переходом к оседлости и сравнительным повышением экономической культуры» (с. 88). Правда, общество продолжает жить «натуральным хозяйством» и потому «в силу своего все еще низкого хозяйственного уровня» «не в состоянии создать сильную центральную власть» (с. 88—89).

Но переход к более сложной государственной организации в период средневековья тем не менее начинается. «Феодальный порядок» — это и есть «переходная ступень от первобытной родовой и племенной организации к позднейшим, более сложным государственным формам» (с. 89). Этот «феодальный порядок характеризуется следующими чертами: 1) связью государственной власти с землевладением, 2) дроблением центральной государственной власти, 3) иерархией между феодалами... 4) зависимым положением невоенного земледельческого населения» (с. 72). «С нашей современной точки зрения это явление кажется как бы регрессом. Однако это неизбежная стадия развития для всякого общества» (с. 71—72).

Сопоставляя все эти формулировки, можно прийти к выводу, что М. М. Хвостову была присуща в общем достаточно цельная концепция феодализма и средневековья. Она включала в себя немало элементов, свойственных концепциям многих медиевистов конца XIX — начала XX в.: главное в «феодальном порядке» усматривается в известной организации государства; самый этот порядок считается связанным с периодом господства натурального хозяйства; процесс феодализации выступает как процесс разложения первобытной родовой организации и утраты первоначальной свободы; победа феодализации рассматривается как естественный и необходимый этап на пути поступательного развития всего человечества; важнейшим атрибутом феодальной власти выступает землевладение. Эти воззрения в общем соответствовали представлениям о средневековье и ряда крупнейших русских историков той поры — П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, В. К. Пискорского³⁶.

В то же время трактовка М. М. Хвостова отличается и рядом особенностей. Ему больше, чем некоторым его современникам, свойственно представление — пусть не всегда ясно высказанное — о целостном характере феодальной общественной системы. Не случайно феодализм и средневековье выступают у М. М. Хвостова как в известном смысле адекватные друг другу понятия (в отличие, например, от трактовки Д. М. Петрушевского)³⁷.

³⁶ См.: *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887 (см. особенно с. 157, 169—170, 259); *Кареев Н. И.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906 (см. особенно с. 53 и сл.); *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1 (см. особенно, с. 60—65); *Пискорский В. К.* Крепостное право в Каталонии. Киев, 1901 (см. особенно с. 34 и сл.). Анализ воззрений этих историков: см.: *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск, 1969; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков.

³⁷ Расходясь с Д. М. Петрушевским в этом и некоторых других общих вопросах (см. ниже), М. М. Хвостов в то же время широко использовал в своем курсе ряд положений Д. М. Петрушевского, в частности его представления о взаимоотношениях крестьян с лордами маноров (с. 100), о причинах восстания Уота Тайлера (с. 118), о роли товарно-денежных

Соответственно и сфера сеньориальных отношений фигурирует не как нечто самостоятельное по отношению к феодализму, но как органическая часть «феодального порядка». Зависимое положение крестьян-земледельцев характеризуется как неразрывно связанное с характером собственности: «...признается лишь зависимая собственность: каждый крестьянин сидит на земле какого-нибудь лорда или короля, одним словом, на земле сеньора... помещик является верховным собственником земли... для виллана право свободно распоряжаться своей собственностью исчезает» (с. 91—93). История крестьянства, таким образом, выступает в спецкурсе — по крайней мере, в его теоретических разделах — как неотъемлемая часть истории феодализма (к сожалению, в конкретно-исторических частях курса этот подход прослеживается сравнительно редко).

Пожалуй, еще существеннее та особенность концепционной трактовки М. М. Хвостова истории средневековья, которая уже отмечалась выше и которая выражалась в его стремлении найти в первую очередь экономическое объяснение всем переменам, происходящим в жизни западноевропейского крестьянства и общества в целом. В этом отношении М. М. Хвостов отличался от таких его современников, как П. Г. Виноградов или Д. М. Петрушевский. Проследим, например, как обрисовывает М. М. Хвостов генезис феодальной зависимости крестьянства (или, как он его называет, процесс «превращения свободной общины в крепостную») у кельтов и германцев. В развитии кельтов и германцев автор находит как сходство, так и различие. Различие он усматривает прежде всего в том, что для «кельтского элемента» характерна более «тесная связь родовой общины с земледелием» (с. 85) и в то же время более длительное сохранение «родовых отношений в *экономической* жизни» (с. 51). Заметим попутно, что это противопоставление кельтов и германцев сейчас частично пересмотрено, так как новые археологические данные обнаружили гораздо большую развитость у германцев оседлого земледелия, чем это было известно науке 70 лет назад. Но для нас важно сейчас не это, а самое стремление различать кельтов и германцев с точки зрения их *экономических* отношений. Точно так же и сходство этих двух народов, сыгравших столь важную роль в преддверии западноевропейского средневековья, М. М. Хвостов характеризует, уделяя особое внимание экономической стороне дела. «Сходство между ранними германскими и кельтскими обществами заключается в том, что и у германцев, и у кельтов на ранних ступенях развития родовая организация все же существует; государственная власть слаба и там и здесь (т. е. у кельтов и у гер-

отношений для развития капитализма в Англии XIV в. (с. 114—123). М. М. Хвостов использовал также принятое у П. Г. Виноградова и Д. М. Петрушевского разграничение «политического» и «социального» феодализма, хотя и не придавал их противопоставлению существенного значения.

манцев), в силу чего лица, экономически слабые или не принадлежащие к роду, легко утрачивают свободу и превращаются в полусвободных или даже рабов» (с. 56—57). Важнейшими предпосылками процесса утраты свободы у германцев М. М. Хвостов считает «переход к оседлости» и «сравнительное повышение экономической культуры общества» (с. 88). На этой более высокой стадии экономического развития «значение общины падает и растет сила государства. Но оно еще не настолько сильно, чтобы защищать всех, нуждающихся в его помощи» (с. 81), тем более что задачи общества по охране внутреннего и внешнего порядка возрастают. Однако «общество, живущее натуральным хозяйством, еще не в состоянии создать сильную центральную власть», ибо для этого нужна слишком сложная финансовая организация (с. 88—89). Поэтому государственная власть отчуждает свои права «в частные руки»; развивается патронат членов профессионального военного класса сначала над отдельными лицами, потом — над целыми группами лиц и общинами, формируется частная юрисдикция (с. 87 и 81). Особой «причиной закрепощения общины» являлось «изменение военной организации в зависимости от изменений экономических»: всеобщее ополчение уступает место ополчению зажиточных; несущие неполную военную службу считаются зависимыми, а остальное крестьянское население — крепостными, подчиненными крупным землевладельцам (с. 82). Наконец, крестьянская зависимость развивается в силу задолженности, в которую впадают «при всяком неурожае» мелкие земледельцы от крупных землевладельцев из-за отсутствия государственного кредита (с. 82—83).

Как видим, вся логика изложения подводит слушателя спецкурса к тому выводу, что в генезисе феодального крестьянства наиболее существенную роль играли экономические процессы. Именно они создавали предпосылки для утраты изначальной свободы, для возникновения частной власти и для регионально-этнических особенностей. Они же обуславливали все изменения в устройстве государства, известная организация которого, как уже отмечалось, рассматривалась в спецкурсе в качестве главного элемента «феодального порядка». Придавая столь важное значение государственной организации, М. М. Хвостов, естественно, подчеркивал «переплетение» экономических и социальных причин генезиса феодализма (с. 87). Но первенствующая роль оставалась за экономической эволюцией.

Подобный подход к анализу феодального крестьянства сложился у М. М. Хвостова задолго до прочтения им анализируемого спецкурса. Еще в реферате 1896 г., посвященном исследованиям М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого о «старом порядке» во Франции, М. М. Хвостов писал, что «для понимания общественных отношений старого порядка» «самое существенное значение» имеют экономические процессы и что «главное достоинство», например, того анализа социального строя старой Франции,

который был дан М. М. Ковалевским, состоит в особом внимании к «чисто экономическим» аспектам³⁸.

Сохранение М. М. Хвостовым в течение всего периода 1896—1897 г. взгляда на экономический фактор как на определяющий развитие западноевропейского крестьянства весьма показательно. Оно свидетельствует о неизменности взглядов ученого (сложившихся еще в предреволюционное время) в нелегкую годину спада русской революции, когда приверженность принципам экономического материализма — сколь бы ограниченными они ни были с нашей точки зрения — объективно означала противостояние реакционным веяниям³⁹.

Что касается упомянутой ограниченности экономического материализма у М. М. Хвостова, то она выражалась в первую очередь в известной упрощенности истолкования действительности. Так, например, разделяя мнение автора о тесной взаимосвязи генезиса феодального крестьянства с экономическим развитием, мы не можем не заметить, что самая эта взаимосвязь еще отнюдь не объясняет нам, почему в странах, завоеванных германцами, возобладали на этой стадии именно феодальный тип эксплуатации мелких земледельцев (а не какой-нибудь иной тип социальной подчинения) и сложилась разветвленная феодальная иерархия и частная юрисдикция. Не помогает и ссылка автора на господство натурального хозяйства: как известно, эта хозяйственная форма была в той или иной степени характерна для всех докапиталистических формаций. Еще менее удовлетворяет утверждение М. М. Хвостова о том, что недостаточности государства как естественного следствия натурального хозяйства, чтобы экономически оскудевшие земледельцы превратились в полусвободных: как только что отмечалось, тип эксплуатации мелкого земледельца не определяется одним только фактом неизбежности его эксплуатации, не говоря о том, что государство отнюдь не представляло собою «автоматического защитника» экономически оскудевших людей. И уж тем более трудно говорить о существовании обязательной связи между задолженностью от крупного

³⁸ *Хвостов М. М.* Новые работы русских исследователей о землевладении..., с. 71—72, 74.

³⁹ Не изменились в это время и взгляды М. М. Хвостова на роль при феодализме «элемента принуждения». В реферате 1896 г. М. М. Хвостов отмечал, что, хотя «очень важную сторону феодальных отношений» составлял «взаимный обмен услуг между сеньорами и крепостными», не следует «оставлять в тени элемент принуждения, игравший роль в феодальном строе» (см.: *Хвостов М. М.* Новые работы русских исследователей о землевладении..., с. 82; см. также: *Вебер Б. Г.* Историкографические проблемы. М., 1974, с. 289). В спецкурсе 1906/07 г. М. М. Хвостов, продолжая, как и раньше, говорить о согласованности хозяйственных интересов лордов и вилланов (см., например, с. 105—106), отмечает в то же время различные проявления сеньориального принуждения, особенно при так называемых огораживаемых (с. 94—95). И обеим этим сторонам феодальных отношений, выделяемых в спецкурсе, автор старается равно дать экономическое объяснение.

землевладельца и феодальным подчинением крестьянина: долговая кабала встречается, как известно, в самые разные эпохи, и объяснить, почему в Европе раннего средневековья она выливалась именно в *феодальную* зависимость крестьянства, можно только при всестороннем рассмотрении условий генезиса феодализма («чисто экономического» подхода здесь явно недостаточно).

Трактовка М. М. Хвостовым аграрного развития в период развитого феодализма характеризуется примерно теми же чертами, что и по отношению к раннему средневековью. Особенно отчетливо видно это на примере интерпретации явлений XIII—XIV вв. Как подчеркивает автор, период «господства феодально-крепостного строя» охватывает конец XI и XII—XIII вв.; XIV и XV вв.— это уже «время разложения манора» (с. 113). Соответственно XIII—XIV вв. представляли собою переломный этап в истории крестьянства. Основными проявлениями разложения феодальных отношений в Англии этого времени М. М. Хвостов считает, во-первых, распространение свободной аренды «огороженных» земель, во-вторых, широкое использование свободного найма, в-третьих, коммутацию. Из этих трех феноменов два первых — «свободный труд и свободная земля» — выступают как свидетельства наступления «новой фазы истории» (см. с. 114), третий же — коммутация — характеризует непосредственно самый процесс разложения «феодального порядка» и потому особенно интересен с точки зрения выявления воззрений автора на факторы аграрной эволюции.

М. М. Хвостов понимает процесс коммутации весьма широко, связывая с ним не только замену натуральных государственных налогов денежными и денежный выкуп воинской повинности, но и создание сильной государственной власти, опирающейся на постоянное войско, оплачиваемое чиновничество и денежные налоги. Как подчеркивается в лекционном курсе, «перемена в организации государственных финансов была бы невозможна без перемен в организации народного хозяйства». Суть последних перемен в том, что «в частных поместьях натуральные повинности постепенно переходят в денежные. Это в свою очередь было вызвано рядом причин. Во-первых, потребности в высших слоях общества растут...» (с. 103). Лорды нуждаются в деньгах для приобретения товаров, произведенных в соседнем городе или даже привезенных из других стран. «Была и еще одна причина, ведущая к замене натуральных повинностей денежными, — пишет М. М. Хвостов. — С ростом городов является возможность сбывать лишние продукты сельского хозяйства в город, а позднее даже и за пределы Англии» (с. 104). Увеличение емкости рынка побуждало лорда интенсифицировать хозяйство, увеличивать число рабочих за счет наемных работников; а для этого надо было заменять натуральные оброки и барщины зависимых крестьян денежными платежами. Подобной коммутации способствовало еще одно немаловажное обстоятельство: «коммутация делала лорда и

виллана менее зависимыми друг от друга». Поэтому «переход к денежным повинностям был выгоден в хозяйственном отношении и для лорда, и для виллана», ибо оба они приобретают теперь большую свободу хозяйственной деятельности (с. 105—106).

Как видим, в эволюции крестьянства в XIII—XIV вв. М. М. Хвостов выделяет главным образом экономические изменения. Объясняя перестройку деревенской жизни, он сосредоточивает внимание прежде всего на ее экономической подоплеке. Самую эту перестройку он трактует как закономерную и неизбежную. Важность подобного подхода в условиях России 1906 г. не вызывает никаких сомнений.

В противовес попыткам отрицать объективную закономерность исторического процесса М. М. Хвостов подчеркивал здесь внутреннюю логику экономического развития. Теоретическому тезису об индивидуализирующем характере исторического познания автор противопоставлял конкретный опыт установления общих законов экономической эволюции⁴⁰.

Нельзя, однако, не заметить, что, ограничивая в ряде разделов спецкурса исследовательское поле экономическими феноменами, М. М. Хвостов создавал у своих слушателей довольно одностороннее впечатление об исторической действительности. За рамками спецкурса оставались такие, например, важные для истории крестьянства явления, как изменение социальной структуры этого класса, усложнение форм его взаимоотношений с сеньорами, усиление роли государства в феодальной эксплуатации крестьянства, складывание новых форм внеэкономической регламентации непосредственных производителей и т. д. Игнорирование социально-политических и идеологических аспектов развития деревни вело к тому, что экономические процессы приобретали подчас гипертрофированные функции и выступали в спецкурсе не только как конечные детерминанты общественной эволюции, но и как своего рода отмычка для объяснения всех ее проявлений и всей ее конкретной специфики.

Не удивительно поэтому, что в концепции М. М. Хвостова не оставалось места ни для восстаний, ни для революций. Такое, например, событие, как восстание Уота Тайлера, обрисовано в спецкурсе как малозначительный эпизод. Как говорится в конспекте лекций, «дальнейшая история Англии не показывает, чтоб это восстание имело серьезные последствия для аграрной эволюции. По крайней мере до сих пор не выяснено значение этого восстания для дальнейшего развития аграрных отношений. Эти

⁴⁰ Фактически М. М. Хвостов выступает здесь против известной теории Г. Риккерта, с которым, как уже отмечалось выше, он соглашался в некоторых историко-философских вопросах, но в то же время полемизировал, когда дело касалось правомерности исторических обобщений. Здесь можно также увидеть скрытый спор с известными субъективистскими тезисами Н. И. Кареева (см.: *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. М., 1883, т. 2, с. 156).

последние, по-видимому, слагаются и идут по тому пути, который наметился до восстания. По-видимому, гораздо большее значение для аграрной истории имела чума 1348—1349 гг.» (с. 123). Эту оценку М. М. Хвостовым восстания Уота Тайлера следует связывать не только с несомненным влиянием Д. М. Петрушевского⁴¹, но и с общей тенденцией европейской средневековой истории начала века преуменьшать значение классовой борьбы в средневековом обществе. В исторической концепции М. М. Хвостова это преуменьшение роли классовой борьбы, как и любой другой формы социальных отношений, кроме чисто экономических, выступает особенно явно.

Не учитывая многообразных форм неравноправия английских крестьян XIV—XV вв. и — вслед за Д. М. Петрушевским — некритически истолковывая некоторые феодально-правовые нормы, М. М. Хвостов преувеличивал и степень юридической защищенности вилланов внутри манора⁴², считая возможным говорить о гармонии хозяйственных интересов вилланов и лордов. В лекционном курсе М. М. Хвостова отразились таким образом как сильные, так и слабые стороны русской средневековой истории начала века.

К этому же выводу приводит и ознакомление со взглядами М. М. Хвостова на крестьянскую общину. Разделяя воззрения М. М. Ковалевского, И. В. Луцицкого, П. Г. Виноградова, М. М. Хвостов последовательно проводит тезис об изначальности свободной крестьянской общины. Он отвергает концепции Ф. Сибома и Н. Д. Фюстель де Куланжа, согласно которым община была создана «сверху» — землевладельцами, чтобы обеспечить равномерное распределение повинностей в их пользу. Крестьянская община, говорит автор, — «результат свободного развития крестьян; крепостная община появляется в результате дальнейшего развития этого института» (с. 79). Начальным этапом в истории общины была родовая община, она существовала в очень отдаленные времена. Для этой отдаленной стадии было характерно «общинное владение» (с. 73). Понятия же земельной собственности тогда вообще еще не существовало (с. 41). Поэтому «ни о частной собственности, ни об обмене еще нельзя говорить... Земельные участки отводились родам и семьям, которые селились вместе...» Существовала имущественная связь между всеми членами рода. Все родственники помогали друг другу. Во времена Тацита род сохранял свое значение и в хозяйственной жизни (с. 49—50).

Однако постепенно наряду с родовой общиной начинает складываться соседская. В Англии, например, в англосаксонский период родовая община разлагается и складывается сельская общи-

⁴¹ См.: *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера. М., 1901, т. 2, с. 242—285.

⁴² См. там же, с. 102—125. Критический анализ этих воззрений Д. М. Петрушевского см.: *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М., 1947, с. 457 и сл.

на. «Эта организация развивалась и отстранила родовую общину, потому что самый факт переселения англосаксов на острова должен был разрушить род, так как племена селились, где приходилось и где было удобнее, причем род часто селился не сплошь, а вразброд» (с. 73—74). Если в древней родовой общине переделы земли «были обычным явлением», в англосаксонский период «переделам подвержены только особенно хорошие земли и городские участки, но наследственная собственность в англосаксонский период, безусловно, преобладает. Каждая семья имеет наследственное право на полосу в каждом участке» (с. 76).

Как видим, М. М. Хвостов разделял широко распространенные в русской медиевистике конца XIX в. взгляды на изначальность свободной общины и имманентность ее внутренней эволюции. Оспаривая утверждения об извечности частнособственнических отношений в деревне, он справедливо отмечал неадекватность прав германцев на землю обиходному понятию земельной собственности. Общинное владение землей, земельные переделы и уравнильное землепользование преподнесены в спецкурсе М. М. Хвостова как явления закономерные и неизбежные при определенных исторических условиях. Подобные суждения об общине и общинном землепользовании, высказанные в конце 1906 — начале 1907 г., когда всем еще были памяты дебаты в I Государственной думе об аграрной реформе (включая споры о введении уравнильного землепользования) и когда шла работа II думы, неизбежно приобретали гражданское звучание: они порождали политические иллюзии, способствовали поддержанию неконформистских взглядов, связывали изучение средневековой деревни с современной политической борьбой.

В то же время в трактовке проблем крестьянской общины М. М. Хвостов не смог преодолеть известной схематичности, свойственной тогда многим исследователям этой темы. Так, мы встретим в спецкурсе довольно однобокое представление о причинах разложения родовой общины, сводящее все к изменению формы поселения англосаксов⁴³. Не получили в спецкурсе отражения и известные уже со времени ранних работ М. М. Ковалевского факты, касающиеся некоторых конкретных форм эволюции родовой общины, в частности такой важной стадии в этой эволюции, как большая семья. Представления М. М. Хвостова о структуре и типах общины еще сохраняют подчас отпечаток идей Г. Гансена и Г. Л. Маурера со свойственной им недооценкой гетерогенности общинного строя на разных этапах его развития.

Из основных исторических понятий, используемых М. М. Хвостовым при изучении средневекового крестьянства, заслуживает

⁴³ Ср. аналогично: *Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896, с. 52; *Он же.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, с. 75—76; см. также: *Лангин П. Ф.* Община в русской историографии последней трети XIX — начала XX в. Киев, 1971, с. 201 и сл.

внимания трактовка в спецкурсе понятия «крепостные», «крепостное состояние» и «крепостничество». Эти понятия применяются в лекционном курсе по отношению к самым разным историческим периодам — от глубокой древности до нового времени. Так, анализируя надпись 180—183 гг., касающуюся Бурунитанского салтуса в Северной Африке, автор констатирует, что хотя мелкие свободные колонны и «имели право покинуть имение, но де-факто им некуда было деться и, несмотря на притеснения, они должны были оставаться, так как своей земли у них не было... Была... и другая причина, мешавшая уйти колоннам, а именно — задолженность... Мелкие арендаторы постепенно фактически становились крепостными. В IV в. крепостничество отлилось в юридические формы. Фактические крепостные превращаются в крепостных по закону» (с. 34—35). Для данного периода в истории Римской империи М. М. Хвостов делает еще более категорический вывод: «В эту пору типичным является крестьянство крепостное» (с. 16).

Таких же крепостных находит М. М. Хвостов и у германцев эпохи Тацита. Говоря о людях, которые за определенный «оброк» обрабатывали земли у «богатых германцев», автор полагает, что Тацит имел в виду полусвободных — летов. «Обобщая все сказанное, мы можем сделать следующий вывод: ...около 100 г. по Р. Х. у германцев ... обрабатывали землю женщины и старики, а у богатых — крепостные — леты, несущие определенный оброк» (с. 48). Отсюда, в частности, автор делает заключение об известном сходстве общественного строя в поздней Римской империи и у германцев: одно из этих сходств в том, что «и там, и здесь мы видим... существование крепостных» (с. 49). Признаки крепостного состояния М. М. Хвостов находит и у кельтов Британии. «Кроме свободных людей,— говорит автор,— мы видим здесь теогов или полусвободных, находившихся в полукрепостном состоянии» (с. 54).

Вполне естественно, наконец, что к крепостным М. М. Хвостов причисляет крестьян средневекового поместья. Как подчеркивается автором, «меньшинство оставалось независимым, но громадное большинство крестьянских общин стало крепостными» (с. 83). «Крепостные (бондмены) сохранились в XVI и даже в XVII вв.» (с. 124), однако в этот период крепостные выступают уже лишь как «пережиток», составляя не более 1% всех крестьян. В общем крепостное состояние характеризует, с точки зрения М. М. Хвостова, положение больших масс сельского населения — или даже его абсолютное большинство — начиная с первых веков н. э. и вплоть до эпохи развития капитализма.

Что вкладывал М. М. Хвостов в понятие крепостного состояния? Прямого ответа на этот вопрос в конспекте лекций нет. На первый взгляд это кажется тем более странным, что автору свойственно, вообще говоря, стремление к раскрытию всех основных понятий и терминов. Причину умолчания автора в данном слу-

чае можно, однако, понять, если обратить внимание на употребление понятий «крепостной» и «крепостные» в лекционном курсе: лектор явно исходил из того, что данные термины настолько ясны его слушателям, знакомым с недавним прошлым России, что не нуждаются в разъяснениях. Именно в духе этих представлений о русском крепостном праве и обрисовал М. М. Хвостов конкретные проявления крепостного состояния в древней и средневековой Европе. Эти проявления включали, с его точки зрения, отсутствие у крестьянина права собственности на землю, ограничение прав наследования и отчуждения земли (с. 91, 93), подвластность судебной-административной власти сеньора (с. 95—96), выполнение барщины, натуральных оброков и личных повинностей (с. 98—99), ограничение права ухода с земли (с. 124). Можно ли, однако, сказать, что все эти черты русского крепостничества были *в равной мере* характерны для крестьян Римской империи, германцев Тацита, кельтов Британии и средневековой Англии? Отрицательный ответ на этот вопрос, по-видимому, очевиден. Не менее очевидно, что понятие «крепостное состояние», использовавшееся в русской медиевистике XIX в. при характеристике специфического социального статуса русских крестьян, ограниченных законодательно и в общегосударственном масштабе как в своих гражданских, так и в своих имущественных правах, мало пригодно — или даже вовсе непригодно — для осмысления положения крестьян в раннесредневековой и средневековой Западной Европе⁴⁴. И уж во всяком случае ясно, что применение одного и того же понятия «крепостные крестьяне» к таким различным по своему социальному положению (и по самой своей природе) категориям непосредственных производителей, как африканские колонны II в., леты древних германцев и английские вилланы, нельзя считать правомерным.

Между тем подобное объединение встречается не только у М. М. Хвостова. Оно в той или иной мере характерно и для таких русских медиевистов, как Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов. Н. И. Кареев, например, называет «крепостным состоянием» статус, в котором находились и римские колонны, и *servi* тацитовских германцев, и «все земледельческое население Франции в феодальную эпоху»⁴⁵. М. М. Ковалевский более осторожен, но и он говорит об «общем состоянии крепостной несвободы», распространяя его, например для Франции IX—XIII вв., на крестьян таких категорий, как *servi*, *coloni*, *hospites*,

⁴⁴ См.: *Бессмертный Ю. Л.* Северофранцузский серваж: (К изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян). — Средние века, 1971, вып. 33, с. 92—98 и 109—110; *Он же.* Основные формы зависимости крестьян раннего средневековья и их особенности в западном и средиземноморском регионах. — В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975, вып. 2, с. 32—44.

⁴⁵ *Кареев Н. И.* Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 г. Варшава, 1881, с. 10, 19, 46.

colliberti etc., за исключением тех, кто получил «вольную»⁴⁶. Расширительное использование понятия «крепостные» представляло, таким образом, одну из характерных традиций в русской медиевистике конца прошлого — начала нынешнего века. Эта традиция нашла свое воплощение и у М. М. Хвостова. Следуя ей, трудно было избежать своеобразной модернизации истории средневекового крестьянства. Ведь, даже исходя из объема исторического знания того времени, вряд ли было оправданным уподоблять, как это получалось, например, у Н. И. Кареева, бесправных крепостных самодержавно-крепостнической России чуть ли не всем французским крестьянам феодальной эпохи, среди которых многие, по крайней мере в XIII—XV вв., обладали достаточно широкими возможностями перехода из поместья в поместье и рядом гражданских прав, вплоть до права судебных исков против собственных сеньоров в графском суде⁴⁷.

Несколько сложнее вопрос о сходстве и различии между *английскими* вилланами XII—XIII вв. и русскими крепостными, поскольку в некоторых районах Англии того периода одной из тенденций был рост барщинной эксплуатации крестьянства, внешне напоминавший «второе издание крепостничества»⁴⁸. Соответственно, определенные категории английского крестьянства этого периода действительно сближались по своему положению с крепостными. Но и здесь очевидны несомненные принципиальные отличия, связанные не только с большей прочностью правового статуса вилланов (что было хорошо показано и П. Г. Виноградовым и Д. М. Петрушевским), но и с глубокими различиями между Англией XII—XIII вв. в целом и крепостной Россией XVIII—XIX вв.⁴⁹ Что касается встречающегося в спецкурсе М. М. Хвостова причисления к «крепостным» или к «полукрепостным» крестьянам древнегерманских летов или полусвободных у кельтов, то его произвольность не требует особых доказательств.

Мы считали нужным специально заострить внимание на этом вопросе еще и потому, что русская терминология, использовавшаяся при характеристике западноевропейских средневековых

⁴⁶ Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1879, т. 1, с. 545, 550, 558, 571, 583, 589, 603 и др.

⁴⁷ См.: Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969, с. 240 и сл.

⁴⁸ См.: Косминский Е. А. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв. — Вопросы истории, 1955, № 8, с. 49; Барг М. И. Исследования по истории английского феодализма XI—XIII вв. М., 1962, с. 275 и след.

⁴⁹ Там же, с. 273. Не воспользовался автор спецкурса и верными наблюдениями своего современника П. Г. Виноградова, касающимся противоречий в трактовке английского вилланства в юридической теории XIII в. и в судебной практике (см.: Виноградов П. Г. Указ. соч., гл. 1, особенно с. 92—106). А между тем эти противоречия особенно ярко высвечивают разницу между английским вилланом и русским крепостным.

крестьян в отечественной медиевистике начала века, получила широкое распространение в нашей специальной литературе⁵⁰. Между тем ассоциации, неизбежно порождаемые единой терминологией, ведут к смешению и самих понятий. Эта терминологическая и понятийная нечеткость мешает пониманию общего и особенно в крестьянской зависимости и толкает подчас к подмене основного субстрата феодальной зависимости крестьянства содержанием лишь одной — крепостной — его формы.⁵¹

Как видим, лекционный курс М. М. Хвостова по истории крестьян Западной Европы представляет интерес не только с точки зрения более полной характеристики научной деятельности этого видного русского историка. Этот курс позволяет, кроме того, воспроизвести некоторые общие особенности русской медиевистики конца прошлого — начала нашего века, в том числе такие, которые актуальны и для современной науки. Рассмотренный лекционный курс дает также возможность яснее представить позицию тех представителей русской науки, которых не сломило наступление реакции и которые и в 1906—1907 гг. продолжали отстаивать научные идеи, сложившиеся у них в предреволюционный период⁵².

⁵⁰ См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л. Северофранцузский серваж...*, с. 92—98.

⁵¹ Мы имеем здесь в виду в первую очередь расширительное использование понятий «крепостные крестьяне», «крепостное состояние». Что касается понятия «крепостничество», то его многозначность в трудах ряда наших историков уже отмечалось (см.: *Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы*. М., 1964, с. 50).

⁵² Как отмечает А. С. Шофман, М. М. Хвостов еще и в 1907 г. выступал в печати против политической реакции (*Указ. соч.*, с. 48). Его политическая ориентация правее с 1911 г. (с. 48—50).

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОРСТЕН¹ И ЕГО МЕСТО В НАУКЕ

А. С. Кан

Новая история зарубежных стран стала изучаться в России лишь в пореформенный период, т. е. сравнительно поздно. Это не помешало выдвигению еще до первой мировой войны плеяды русских историков нового времени, получивших заслуженную, отчасти европейскую известность. Тем не менее дореволюционная отечественная историография новой истории изучена слабее, чем, например, медиэвистика. Учебные и обобщающие труды по историографии ограничены объемом и крайне избирательны в охвате. Еще более не удовлетворяют нас теперь обзорные работы русских буржуазных историков². Книга крупнейшего советского знатока дореволюционной историографии новой истории — В. Г. Вебера посвящена одной, хотя и важнейшей, проблеме — буржуазной революции³. В тени остается и наследие старой русской науки в области истории международных отношений, помимо собственной истории внешней политики царской России. Главным пособием остаются «Материалы» В. Э. Грабаря⁴.

Все еще мало изучено и такое, пусть не главное, направление русской историографии новой и, шире, всеобщей истории, как

¹ Родился в семье военного, преподавателя Финляндского кадетского корпуса, во Фридрихсгамне 11 июня 1857 г. (н. ст.) Провел детство и окончил в 1877 г. русскую гимназию в Петербурге, на историко-филологическом факультете Петербургского университета учился в 1877—1881 гг. После защиты магистерской диссертации в 1885 г. отправился в двухгодичную командировку за границу, преимущественно в Германию, и впоследствии регулярно работал в западноевропейских архивах и библиотеках. С 1887 до 1908 г. преподавал в разных высших и средних учебных заведениях Петербурга, а с 1899 г. (после защиты докторской диссертации в 1894 г.) был ординарным профессором по всеобщей истории в Петербургском университете. Умер 3 августа 1910 г. (н. ст.) после тяжелого душевного заболевания, вызванного прогрессирующим параличом, в имени своей сестры, в приходе Йоройс, в южной Финляндии, где и похоронен.

² *Бузескул В. П.* Всесобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929, 1931. Ч. 1—2; *Бугенко В. А.* Наука новой истории в России (историографический обзор).— *Анналы*, 1922, № 2; *Поліевктов М. А.* Литература по внешней русской истории XVIII—XIX вв. за 1900—1915.— *Исторические известия... при Московском университете*, 1916, с. 42—68.

³ *Вебер В. Г.* Историографические проблемы. М., 1974.

⁴ *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М., 1958.

скандинавистика. Ее обошли молчанием авторы исследований по истории дореволюционной медиевистики — Е. В. Гутнова и В. Г. Могильницкий. Пионерская в своем роде и опубликованная, к сожалению, лишь за рубежом обзорная статья В. В. Похлебкина имела существенные пробелы именно в области исторической науки⁵. Первый и единственный библиографический указатель по отечественной скандинавистике дореволюционного времени издан в Финляндии. Первая докторская диссертация на ту же тему защищена в США⁶. Для отечественной скандинавистики не нашлось места даже в трудах по истории Ленинградского университета, где вплоть до второй мировой войны сосредоточивались скандинавские штудии.

В последние годы советские скандинависты восстановили в нашей историографической «памяти» своих предшественников — Я. К. Грота, Г. В. Форстена⁷, Ф. А. Брауна, Е. А. Рыдзевскую. В настоящей статье мы подробнее остановимся на одном из них, а именно — Г. В. Форстене. В литературе уже дана общая характеристика Форстена как ученого, преподавателя, человека, уточнены его жизненный путь и общественно-политическая позиция, показано идеологическое развитие от «просвещенного абсолютизма» к умеренному (правому) либерализму, рассмотрено основное содержание его печатных трудов. Неизученными или спорными остаются, однако, вопросы становления его как ученого, соотношения разных исследовательских интересов, место его в развитии русской скандинавистики, мера оригинальности его главных трудов, наконец, содержание его педагогической деятельности и вопрос о школе Форстена.

Такое более углубленное изучение истории отечественной науки на примере одного из ее достаточно видных представителей возможно благодаря хорошему состоянию источников. Помимо наиболее «употребительных» книг и статей Форстена, а также некрологов, исследователю доступны четыре литографированных курса его лекций, принадлежащие ему рецензии и рецензии на

⁵ *Могильницкий В. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов. Томск, 1969; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1974; *Pochljobkin W. W.* The development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917.— *Scandinavian*, 1962, vol. 1, N 2.

⁶ *Колари В., Суонсюрья Я.* Политическая история скандинавских стран и Финляндии в XIX и XX веках: Указатель литературы на русском языке. Тампере, 1973 (Институт политической истории. Университет в Турку); *Ober K. H.* Peter Emanuel Hansen and the Popularization of Scandinavian Literature in Russia 1888—1917. University of Illinois. Urbana, 1974.

⁷ Помимо справочных заметок, некрологов и характеристики в более общих трудах, см.: *Похлебкин В. В.* Г. В. Форстен — один из основоположников изучения Скандинавии в России.— *Скандинавский сборник*, Таллин, 1957, II, с. 237—252; *Кан А. С.* Георгий Васильевич Форстен (Георг Август Форстен): личность и жизненный путь.— *Turun historiallinen arkisto*, Turku, 1976, vol. 31, с. 33—57; *Он же.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

его труды, книги под редакцией Форстена и книги его учеников, программно-отчетные издания вузов Петербурга, историография по избранной им проблематике — как предшествующая, так и последующая, наконец, личная «Bibliotheca Forsteniana», вошедшая по завещанию в фонды Библиотеки общественных наук истфака ЛГУ. Еще реже, чем перечисленные печатные источники, привлекались неизданные; личные дела Форстена — преподавателя и студента столичного университета, прочие фонды учреждений и организаций, где он так или иначе подвизался: того же университета, Исторического общества при нем, Высших женских курсов (Бестужевских), Историко-филологического (педагогического) института, гимназии княгини Оболенской и пр. Весьма содержательными оказались личные фонды коллег Форстена, в первую очередь В. Г. Васильевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. М. Гревса, А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова. К сожалению, письма самого Форстена в подобных личных фондах немногочисленны, а его архив исчез. В нашем распоряжении имеются письма-воспоминания, присланные лично знавшими Форстена — ныне покойными А. Я. Дзейвером и И. И. Любименко, а также младшими современниками ученого Б. А. Романовым и С. Н. Валком.

В дальнейшем интересующие нас материалы следовало бы искать в домашнем архиве наследников друга Г. В. Форстена — М. А. Полиевктова (в Тбилиси — Полиевктов был зятем известного революционера и общественного деятеля Нико Николадзе), а также в ФРГ и Дании. Архивные описи личных фондов Финляндии и Швеции, а также города Грейфсвальда (ГДР) уже проверены по нашей просьбе М. Энгманом, О. Давидсоном и Ф. Петриком⁸.

Первый вопрос по существу, встающий перед исследователем, — это университетская специализация Форстена в рамках всеобщей истории. Поскольку тема его кандидатской (выпускной) диссертации нам пока неизвестна, мы судим по косвенным данным. Первая известная нам его курсовая работа — «Германская политика Густава Адольфа», написанная на III курсе под руководством проф. В. В. Бауера, специалиста в области новой (по принятой тогда периодизации) истории, и в первую очередь новой истории Германии. Форстен был одним из любимых учеников Бауера, по свидетельству близкого к последнему издателя его лекций. Именно Форстен подразумевался в печатном обзоре деятельности Петербургского университета за 1881 г. (год окончания им университета), где узнаем, что «некоторые студенты высших курсов, специалисты по истории, под руководством проф. Бауера, занимались разработкой отдельных задаваемых им

⁸ При этом обнаружены несколько писем Форстена к известным финским общественным деятелям — Г. Фрасеру и М. Г. Шюбергсону.

тем и в особенности источниками по истории Германии XV—XVI века»⁹.

Таким образом, по нашему убеждению, Форстен закончил университет как специалист по позднему средневековью и раннему новому времени, причем уже с определенными балтийско-скандинавскими интересами. Финляндский швед по происхождению, он должен был легко овладеть и родственным датским языком. Прямые сведения о принятом Форстеном решении заняться Скандинавией и скандинаво-русскими отношениями мы, однако, получаем лишь в 1883 г. из прошения его руководителя, декана историко-филологического факультета В. В. Бауера о финансировании заграничной командировки его подопечного для подготовки магистерской диссертации¹⁰.

В своем прошении Бауер именует избранную Форстеном область занятий «вопросом, до сих пор у нас совершенно почти непочатым», что как бы подкрепляет сложившееся в научной литературе мнение о Форстене как пионере, основателе русской исторической скандинавистики¹¹. Так ли это? Из статьи того же В. В. Похлебкина по истории русской скандинавистики, из исследований И. П. Шаскольского по истории русского норманизма и Э. Г. Карху о русско-финляндских литературных связях XIX в. с полной определенностью вытекает, что интересующая нас сфера исторических знаний возникла в России задолго до Форстена и включала три большие темы: 1) древняя Скандинавия, норманны-варяги, саги; 2) русско-скандинавские отношения XIV—XVIII вв.; 3) «новейшая» Скандинавия XIX века — ее общественный строй, политика внутренняя и внешняя, духовная культура. Да и как могло задержаться появление нашей исторической скандинавистики до 80-х годов XIX в., если в состав империи вошла в 1809 г. такая заметная часть Северной Европы, как тог-

⁹ См. Известия о деятельности наших учебных заведений.— Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП), 1881, № 4, раздел: совр. летопись, с. 206; то же — ЖМНП, 1882, № 4, раздел: совр. летопись, с. 129; *Бауер В. В.* Лекции по новой истории. СПб., 1886, т. 1, с. 23 (предисловие издателя А. А. Мусина-Пушкина). См. также: *Вебер Б. Г.* Указ. соч., с. 107—145.

¹⁰ Ленинградский государственный исторический архив (далее: ЛГИА), ф. 14, оп. 1, д. 8402, л. 4—4 об. Форстен использовал источники и литературу на главных западноевропейских языках, трех скандинавских, а также на латыни, итальянском, испанском и голландском. Данных о том, что Форстен владел финским языком, у нас нет. Литературу по своей теме на финском языке он нигде не использует, хотя такая уже была. Редкое достоинство — обычно отмечалось в служебных характеристиках того времени (ср. ЖМНП, 1885, № 7, раздел: совр. летопись, с. 8 — о другом русском скандинависте — К. И. Якубове). Польским языком вопреки другому неосновательному суждению Форстен вообще не владел, пытался учить его в Варшаве, но бросил. См. Архив Ленинградского отделения Института истории СССР (далее: ЛОИИ), ф. 93, оп. 2, д. 2, л. 124 об.—127.

¹¹ См.: Советская историческая энциклопедия, т. 15, с. 250.

дашняя Финляндия, с ее шведизированной общественной верхушкой, с безраздельным господством шведского языка в администрации и культурной жизни, с многовековой разносторонней зависимостью от бывшей метрополии?

В качестве пионера отечественной исторической скандинавистики XIX в. справедливо выдвигают академика Я. К. Грота (1812—1893). Однако Грот при всех своих заслугах перед скандинавистикой, преимущественно, впрочем, популяризаторских, все же был филологом, литературоведом в первую очередь. Историком-профессионалом и прямым предшественником Форстена в области истории скандинавских стран и русско-скандинавских отношений был профессор Дерптского (Тартуского) университета А. Г. Брикнер (1834—1896). Этот ученый ныне куда менее известен, чем Форстен: его не называют ни «Очерки истории исторической науки в СССР», ни «Историография нового времени стран Европы и Америки». Родом из Финляндии, немец реформатского вероисповедания, выросший в Петербурге, Брикнер учился в Германии у Гейссера, Ранке и особенно Дройзена старшего — учителей и любимых авторитетов тех же Бауера и Форстена. Магистерская диссертация Брикнера, защищенная им в Петербурге в 1864 г., представляла собой сравнительное исследование денежных кризисов в Московском государстве середины XVII в. и в Швеции времен Северной войны¹². Шведская часть книги опиралась на шведские печатные источники. Это и было, насколько нам известно, первое специальное отечественное исследование по внутренней шведской истории: исследовательские труды Я. К. Грота собственно исторического характера вышли позже диссертации Брикнера.

Интерес к шведской истории и русско-шведским (как и русско-датским) отношениям не был мимолетным увлечением Брикнера. Его монография о русско-шведской войне 1788—1790 гг. основана на печатных источниках — шведских, русских и пр. Архивные материалы привлечены в его очерке об Аньяльской конфедерации 1788 г. Самым прямым образом предваряя главный труд Форстена, Брикнер едва ли не первым в русской исторической литературе дал разбор исследований Ранке о Валленштейне и Дройзена младшего о Густаве Адольфе. В большой критической статье об этих книгах (ни разу, впрочем, не упомянутой ни Форстеном, ни его рецензентами) Брикнер указал на то, что Дройзен ввел в научный оборот архивный и старопечатный материал, в частности, из Мюнхена и Дрездена для изучения вопроса

¹² Брикнер А. Медные деньги в России 1656—1663 и денежные знаки в Швеции 1716—1719. СПб., 1864. О Брикнере см. некрологи, в особенности: Шмурло Е. А. Г. Брикнер. 1834—1896. — ЖМНП, 1897, № 2, отд. 4, с. 1—43; Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949, с. 148, 151 и др.

о балтийском господстве¹³. Брикнер особо подчеркнул широкое привлечение Дройзеном новых шведских публикаций и обнаружил при этом свои собственные познания в шведской историографии. В упрек Дройзену русский историк поставил незнание русских публикаций — работ С. М. Соловьева, Лыжина и др., наконец, шведского плана союза с Москвой на рубеже 1620—1630-х годов (впоследствии сюжет ряда советских исследований).

В начале 80-х годов Брикнер приступил к работе в архивах, в том числе зарубежных, включая Стокгольм и Копенгаген, по русской истории XVIII в. Однако в этом отношении он заведомо не был ни первым, ни единственным предшественником Форстена. Совершенно ошибочно мнение, будто именно последний заложил основы изучения русско-датских и русско-шведских отношений, пробудил у последующих поколений русских историков интерес к этой тематике. Уже в трудах Щербатова, Карамзина и Соловьева систематически описывались именно указанные сношения в XVI—XVIII столетиях, причем по первоисточникам, включая русские архивы. Так же работали, привлекая зарубежную литературу и публикации по теме русско-шведских отношений, например, времен Ливонской войны, университетский учитель Форстена К. В. Бестужев-Рюмин¹⁴ и Д. И. Иловайский (при подготовке своей «Истории России»). Еще на рубеже XVIII—XIX вв. археограф Н. Н. Бантыш-Каменский составил «Обзор внешних сношений России», подробно проследив сношения с Данией и Швецией. Обзор его, опубликованный лишь на рубеже XIX—XX вв., хранился в московском Главном архиве российского МИДа и был давно известен русским историкам.

Далее, путь в государственные архивы Скандинавии, да и Западной Европы в целом был знаком русским историкам задолго до Брикнера и Форстена, по меньшей мере со времен кружка Н. П. Румянцева, разысканий А. И. Тургенева, работ Археографической комиссии. По поручению последней С. В. Соловьев, профессор Гельсингфорского университета, четыре года подряд обследовал архивы Швеции и Дании под углом зрения русской истории, сделал важные открытия и множество ценных приобретений. У Соловьева нашлись последователи не только в Петербурге (тот же Я. К. Грот). В 1840 г. с датским государственным архивом познакомился известный историк права профессор Дерптского университета Ф. Бунге, собирая материалы по истории Ливонии. Еще плодотворнее, в том числе и для собственно русской истории, оказались поездки в Скандинавию другого дерптского профессора, К. Ширрена, издавшего затем акты стокгольмского и копенгаген-

¹³ Брикнер А. Г. Война России с Швецией в 1788—1790 годах. СПб., 1869; *Он же*. Конфедерация в Аньяле в 1788 году: Материалы для истории присоединения Финляндии к России. СПб., 1868; *Он же*. Новые монографии об истории Тридцатилетней войны.— ЖМНП, 1871, № 12, отд. 2, с. 345—346.

¹⁴ См.: Бестужев-Рюмин К. В. Русская история. СПб., 1885, т. 2, вып. 1.

ского архивов по истории Ливонской войны. В те же срединные десятилетия XIX в. в другой части Российской империи — великом княжестве Финляндском — одна за другой выходили публикации документов, в первую очередь стокгольмских, по истории средневековой Финляндии, т. е. в значительной мере по истории русско-шведских отношений (Арвидссона, Грэнблада, Вааранена).

В 1868 г., в пору предполагаемого упадка скандинавских исследований в России, тот же Брикнер, отмечая большое значение «вопроса о взаимных сношениях Прибалтийских стран для отечественной истории», писал: «У нас не проходит года без издания архивных материалов по истории отношений между Россией и Швецией. Но и в Швеции и в Финляндии в последнее время сделано много открытий в этой области»¹⁵. Вслед за публикациями и вместе с ними стали одно за другим появляться пока еще более или менее частные исследования русско-скандинавских отношений XIV—XVII вв. — К. Ландстрёма, Н. Лыжина, А. Дэбнера (Рига), А. Чумикова, Г. фон Хансена (Ревель), Ю. Щербачева, Е. Замысловского (преподавателя Петербургского университета и оппонента Форстена при защите магистерской диссертации). Взяв указатель статей в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1867—1891 гг., легко подсчитать, что по числу статей (7) русско-скандинавские отношения еще до появления работ Форстена шли непосредственно за русско-германскими (12), превосходя отношения с Францией, Италией, Англией, а по числу рецензий (5) обгоняли и русско-германские отношения (3)¹⁶. Таким образом, область русско-скандинавских отношений, избранная Форстеном, отнюдь не стояла «в стороне от основного направления русской исторической науки»¹⁷.

Далее, нет оснований приписывать Форстеному роль некоего наставника скандинавских историков, открывшего им их собственные материалы. На самом деле первый обзор копенгагенских архивных материалов о русско-датских отношениях 1554—1677 гг. был издан А. Ф. Бюшингом еще в 1773 г. Спустя 10 лет в Упсальском университете была защищена диссертация о русско-шведском союзе при Эрике XIV¹⁸.

Во второй половине XIX в. стали появляться шведские и в меньшей степени датские публикации и исследования, отводившие место или же специально посвященные восточнобалтийской и русской политике скандинавских государств в эпоху, которой впоследствии посвятил свои главные труды Форстен. С 1869 г. швед-

¹⁵ ЖМНП, 1868, № 3, с. 681.

¹⁶ См. указатель статей, помещенных в неофициальной части ЖМНП с 1867 по 1891 г. СПб., 1894. Подсчет основан на отделе 4, подрубрик IV и VII (2).

¹⁷ *Похлебкин В. В.* Г. В. Форстен..., с. 249.

¹⁸ *Magazin für die neue Historie und Geographie*. Hamburg, 1773, t. 7, S. 299—336; *Dahlman A.* Dissertatio de occasione foederum regis Erici XIV cum Russia. Upsaliae, 1783.

ские ученые один за другим потянулись в русские архивы¹⁹. Своими публикациями, в том числе из московского архива, и статьями 80-х годов Х. Эрне положил начало широкому изучению шведскими учеными отношений с Москвой и Речью Посполитой. В Дании в отличие от Швеции отношения с восточноевропейскими державами рассматривались ко времени появления работ Форстена лишь в рамках более общей тематики (труды В. Моллерупа по Ливонской войне, И. Фридерисиа — по Тридцатилетней).

Возвращаясь к бауеровскому обоснованию первой заграничной поездки молодого магистранта, мы теперь понимаем, что профессор с благой целью преувеличил масштаб пробела в отечественной науке до Форстена. Но и с такой поправкой вклад Форстена в русскую историческую скандинавистику несомненен. Вклад этот верно оценил В. В. Похлебкин: «Форстен ... разработал свои монографии на современном ему научном уровне, на широкой базе источников, с привлечением всего того материала, который дала до него европейская наука. Форстен познакомил русскую историческую общественность с датской и шведской историографией XIX века»²⁰.

Вернемся в этой связи к формированию Форстена как ученого, к его учителям. В начале 60-х годов первая крупная группа молодых русских стажеров выехала в «Мекку» тогдашнего исторического мира — Германию²¹. Среди них были и учителя Форстена — В. В. Бауер и знаменитый впоследствии византист и академик В. Г. Васильевский. У обоих студент и магистрант Форстен позже перенял свои исследовательские навыки, интересы и пристрастия, т. е. был «их учеником в узком смысле этого слова», подготовленным гораздо лучше большинства своих предшественников. У Бауера Форстен унаследовал его интерес к истории Германии в эпоху Реформации, к самой Реформации, к борьбе за Ливонию («лифляндскому вопросу») и к Швеции XVI—XVIII вв. Бауера, а еще более Васильевского интересовали также связи Московского государства с Западной Европой, и в особенности с Германией, на рубеже XV—XVI вв. или в период Ливонской войны — позже одно из главных направлений исследовательских поисков Форстена. Вслед за обоими своими наставниками наш историк наряду с актовым материалом придавал важное познаватель-

¹⁹ Похлебкин В. В. О работе шведских историков в русских архивах в XIX—начале XX века.— Скандинавский сборник, 1959, IV, с. 56—73, особенно с. 59.

²⁰ Похлебкин В. В. Г. В. Форстен..., с. 249.

²¹ Дройзен И. Г. О научно-практических занятиях студентов в Германских университетах, преимущественно по истории.— ЖМНП, 1869, № 10 [по заказу российского министра народного просвещения]; Брикнер А. Г. О так называемых исторических семинариях при университетах Германии.— ЖМНП, 1870, № 12, с. 147—180; см. также: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, с. 1, кн. 1, с. 143, 156, 164, 238—239.

ное значение в противовес части учеников Ранке — и публицистике изучаемой эпохи²².

Форстена сближало с его учителями еще одно обстоятельство: все трое прошли, в особенности на своей «аспирантской» стадии, немецкую историческую школу, слушали, советовались, читали часто одних и тех же немецких профессоров. — Гейссера, Ранке, Моммзена, Дройзена старшего или (в случае с Форстеном) их учеников и даже учеников этих последних. Разумеется, все трое — и русский Васильевский, и немец Бауер, и швед Форстен — выросли на российской почве, воспитывались, а затем воспитывали в русских учебных заведениях, были русскими патриотами. Это, однако, не исключает того, что Форстен вопреки убеждению В. В. Похлебкина был и остался поклонником Ранке, приверженцем его школы, с поправкой, конечно, на полвека, отделявшие его труды от главных сочинений берлинского историка. Докажем это.

Лекционные курсы Форстена и его учителя Бауера по новой истории открываются историографическим введением, а последнее — восхвалением Нибура и Ранке, у Форстена более безоговорочным, чем у Бауера. Вот первые фразы курса 1893/94 г.: «Новая история сделалась предметом научного изучения с 20-х годов XIX ст. Творцом его был величайший из историков нашего столетия знаменитый Леопольд фон Ранке»²³. В качестве «вещественного доказательства» своего пристрастия лектор оставил собственноручный список сочинений Ранке, вшитый в экземпляр его курса, хранящийся в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина (без подписи, но написанный тем же почерком, что и письма и отзывы Форстена в личном фонде академика С. Ф. Платонова в Рукописном отделе Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Апофеозом Ранке была и статья Форстена о нем в словаре Брокгауза — Ефрона.

Далее, В. Г. Васильевский, выступая на ужине после докторской защиты Форстена, по свежим впечатлениям очевидца Преснякова, «определил научную физиономию Форстена, ученика Ранке». Гревс в своем выступлении о Форстене, вскоре после его смерти, утверждал, что тот «сросся именно с *германской* (подчеркнуто Гревсом. — А. К.) наукою, которую ставил особенно высоко. Берлин всегда был любимым местом ученых штудий для него, и туда он отправлялся каждый раз, когда у него освобож-

²² См.: *Бауер В. В.* Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий. — В кн.: Лекции по новой истории. СПб., 1888, т. 2, с. 185—529; Записки о Московской войне Р. Гейденштейна (1578—1582) / Под ред. В. Г. Васильевского. СПб., 1889; *Васильевский В. Г.* Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным. — ЖМНП, 1889 (отд. оттиск). Ср. также методические соображения Бауера: *Бауер В. В.* Лекции по новой истории, т. 2, с. 536—537.

²³ *Форстен Г. В.* Лекции по новой истории, читанные студентам 3 курса Историко-филологического института в 1893—94 гг. СПб., б. г., с. 1, с. 3—4 (литограф. изд.).

дался хоть месяц. По воззрениям своим он принадлежал к школе Ранке, которого он всегда восхвалял и пропагандировал»²⁴.

Считая Форстена поздним русским ранкеанцем, мы тем самым оцениваем его философию истории, историческое мировоззрение как идеалистическое, хотя и без ранковской религиозности. Слушатели и товарищи историка в один голос утверждают, что философско-исторические и методологические вопросы сами по себе его не интересовали. К «французской», т. е. позитивистской, школе он, впрочем, относился отрицательно. В основанном Форстеном кружке его младших коллег и учеников — кружке «форстенят», по авторитетному свидетельству Преснякова, популярнее других философских направлений было неокантианство, в частности в духе его русского толкователя, однокашника Форстена по университету проф. А. И. Введенского. Известным неокантианцем был один из старших «форстенят» — философ и психолог И. И. Лапшин. Влияние неокантианства сказалось и в статьях 90-х годов, написанных самим Пресняковым, также другом Форстена²⁵.

Итак, превосходство Форстена над его предшественниками в России — историками русско-скандинавских отношений и тем паче над изучавшими Скандинавию, как таковую, — заключалось в широком европейском подходе всеобщего историка, знающего историю и России, и Скандинавии, и Германии, историю дипломатии и церкви, архивохранилища, публикации и новейшую научную литературу многих стран, стоящего на уровне последнего слова «политического направления» тогдашней историографии. Этот «всемирно-исторический, или, точнее, общеевропейский подход» ставил в заслугу Форстену и его учитель В. Г. Васильевский²⁶. Отсюда и способность к охвату и обобщению сложного нагромождения международных конфликтов за большой период и на большом пространстве, к выяснению их развития по источникам, причем в значительной мере источникам архивным. Форстен предложил русскому читателю первую отечественную историю скандинавских стран в позднее средневековье, историю войн

²⁴ Архив ЛОИИ, ф. 193, оп. 2, д. 2, л. 27 об.; Архив АН СССР (Ленинград), ф. 726, оп. 1, д. 43, л. 4, см. также л. 5—6. Ср.: *Гримм Э. Д.* Георгий Васильевич Форстен. — В кн.: Отчет о состоянии и деятельности имп. Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911, с. 46.

²⁵ *Бороздин И. Н.* Г. В. Форстен. — Русский архив, 1910, кн. 3, с. 157—158; *Знаменский С. Ф.* Памяти Г. В. Форстена. — Речь, 1910, 31 июля; Архив ЛОИИ, ф. 193, оп. 2, д. 3, л. 159; д. 2, л. 170 об. (письма А. Е. Преснякова матери); *Черепнин Л. В.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. — Исторические записки, 1950, т. 33, с. 203 и сл. Подробнее о кружке «форстенят» см. нашу статью: Георгий Васильевич Форстен (Георг Август Форстен)..., с. 45 и сл. В подготовленной книге о Форстене мы постарались подробнее рассмотреть его историческое мировоззрение.

²⁶ *Васильевский В. Г.* Рец. на кн.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос. — В кн.: Отчет о шестом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1896, с. 4. О политическом направлении в немецкой и русской медиевистике второй половины XIX в. см.: *Гугнова Е. В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974.

XV в. из-за Кальмарской унии, «Графской распри» 30-х годов XVI в., а главное — Ливонской и Тридцатилетней войн. Обе эти последние — предмет его докторской диссертации, в особенности война за Ливонию при Иване Грозном, — были описаны и объяснены им с учетом задач Москвы, с учетом «русского фактора». Не будучи пионером в изучении ни русско-германских, ни русско-скандинавских отношений, как таковых, Форстен впервые в отечественной историографии исследовал их «чужую» сторону, отношение к Московскому государству Швеции и Дании, императора, городов и княжеств империи.

Новаторство Форстена применительно к отечественной историографии заключалось, наконец, в том, что он создал первые научные исследования в России по истории международных отношений в целом, а не по одной лишь русской внешней политике XVI—XVII вв. Еще обозреватели 1910—1920-х годов — Полиевктов и Бутенко — отмечали малочисленность отечественных исследований по всеобщей истории международных отношений. До Форстена если такие и появлялись, то не «заходили» дальше XVIII в. Кроме того, преобладали обзорные, если не прямо публицистические, сочинения. Именно поэтому Форстен как историк международных отношений и занимает такое видное место в обзорных статьях названных младших современников.

На общеевропейском фоне научный вклад Форстена оказывается скромнее, чем на российском. Предшествующие авторы, писавшие о главном труде Форстена «Балтийском вопросе в XVI и XVII столетиях»²⁷, начиная с его официальных оппонентов Кареева и Платонова, не обратили внимание на крайнюю зависимость его общей концепции балтийского вопроса от соответствующих воззрений Дройзена младшего и в меньшей степени — от Т. Шимана, остзейского историка, эмигрировавшего в Германию. В этом убеждает предпринятое нами систематическое сравнение докторской диссертации Форстена со статьей Г. Дройзена «Штудии по балтийскому вопросу», с его книгами «Эпоха Тридцатилетней войны. История и предыстория» (до 1608 г.) и особенно «гениальным», по словам Форстена, двухтомником «Густав Адольф», а также со вторым томом шимановской «России, Польши и Лифляндии до XVII ст.»²⁸

Форстен не скрывал своей зависимости от трудов и идей Дройзена и в предисловии к первому тому «Балтийского вопроса», развивая руководящие идеи диссертации, дважды на него сослался; в предисловии ко второму тому он назвал Дройзена «лучшим

²⁷ СПб., 1893—1894, т. I—II. (далее: БВ, I и БВ, II).

²⁸ *Droysen G.* Studien zur baltischen Frage.— *Historische Zeitschrift*, 1866, Bd. XV, S. 251—276; *Idem.* Das Zeitalter des Dreissigjährigen Krieges. Geschichte und Vorgeschichte. Berlin, 1868; *Idem.* Gustaf Adolf. Leipzig, 1869—1870, Bd. 1/2; *Schiemann T.* Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Berlin, 1887, Bd. 2; *Форстен Г. В.* Лекции по новой истории... СПб., б. г., отд. III, с. 401 (аф.).

знатоком эпохи», а руководимый им семинарий по Тридцатилетней войне в Галле — создателем «ряда научных перлов» (БВ, II, с. IX). Форстен охотно следует за Дройзеном не только в общих положениях и очень часто, чаще, чем на любого из других своих предшественников, ссылается на него, особенно в БВ, II. Не прибегая к параллельному цитированию, укажем несколько убедительных случаев: упадок Ганзы дал прибрежным странам Балтики возможность морского и торгового возвышения. В борьбе за балтийское господство обрели эти страны свое значение, свою державную силу. В борьбе за Ливонию речь шла именно о балтийском господстве — эти идеи Дройзена²⁹ целиком перенял наш историк. С прямой ссылкой на Дройзена он превозносит целеустремленное движение Грозного к Балтике³⁰, так же делит Ливонскую войну на этапы, так же оценивает смену Эрика XIV Юханом в Швеции, причем берет у прусского автора характеристику короля Юхана³¹.

В БВ, I часты ссылки и на Шимана, чью критическую рецензию на свои «Акты и письма к истории балтийского вопроса» Форстен весьма ценил³². Вслед за названным трудом Шимана Форстен придает важное значение в возникновении Ливонской войны миссии Ганса Шлитте; русско-ливонские отношения после смерти Плеттенберга (с 1535 г.) характеризуются им по Шиману, как и старинный спор о ливонской дани русским великим князьям³³. Слабость Ордена из-за разрыва между Ливонией и Пруссией — недавними членами «одного государственного организма», союз с Польшей и Швецией как единственный способ спасения Ордена, обострение внутриливонских противоречий с назначением двух новых коадьюторов к рижскому архиепископу и к магистру Ордена, Позвольский трактат 1557 г. как нарушение ливонских обязательств перед Москвой и повод к войне, равнодушие протестантских князей Империи к судьбам «жизнеспособного члена Империи на Востоке» (Шиман), «старейшей немецкой колонии», — эти и тому подобные соответствия находим мы у Форстена вслед за Шиманом³⁴.

Во втором томе БВ, посвященном 30-летней войне, зависимость Форстена от Дройзена еще сильнее, чем в первом томе. И наш автор задается целью показать воздействие борьбы «религиозных начал», протестантизма с католичеством, на решение балтийского вопроса, подчеркивает общеевропейский характер борьбы между

²⁹ *Droysen G. Das Zeitalter...*, S. 198—199.

³⁰ *Ibid.*, S. 200; ср. БВ, I, с. 43—44.

³¹ *Droysen G. Das Zeitalter...*, S. 207—208; ср. БВ, I, с. 503—504, 716.

³² *Historische Zeitschrift...*, 1890, Bd. 64, S. 369; ссылки на эту рец. см.: БВ, I, 465, с. 537.

³³ *Schiemann T. Op. cit.*, S. 265—266; 281—282; БВ, I, с. 43—48, 68—69. Ср. критику в адрес Форстена: *Юрьенс И.* Вопрос о ливонской дани по русским и немецким источникам. Варшава, 1913.

³⁴ *Schiemann T. Op. cit.*, S. 283, 286, 287, 292, 309; БВ, I, с. 70, 72—74, 76—78, 99—100, 103, 105, 146.

обоими победителями в Ливонской войне — Швецией и Польшей», «северной Испанией», орудием католической реакции. Как и у Дройзена, у Форстена балтийский вопрос на время становится главным для всей 30-летней войны. Почти целиком принимает Форстен дройзеновскую трактовку Густава Адольфа и его внешней политики как обусловленной прежде всего балтийским вопросом, направленной на завоевание балтийского господства³⁵. Следование за Дройзеном достигает кульминации при описании шведского периода 30-летней войны. Сопоставив гл. III «Балтийского вопроса» со вторым томом «Густава Адольфа», мы убеждаемся в прямом повторении: «объяснения сближения шведского короля с городами Северной Германии, характеристики померанского плацдарма Густава Адольфа, курфюрста бранденбургского Георга Вильгельма (правда, здесь — по Дройзену старшему) и отношения к нему Густава Адольфа, оценки планов «императорской диктатуры» Валленштейна, Лейпцигского конвента протестантских князей 1631 г., мемуаров пфальцского дипломата Русдорфа как источника с изложением той же цитаты из него, что у Дройзена, и т. д.³⁶ По Дройзену оценивается сражение при Брейтанфельде, планы и действия последних месяцев жизни короля, когда тот «стоял на зените своего могущества и славы», столкновение с Валленштейном у стен Нюрнберга, когда «Густав был побежден, потому что не победил», ход и развязка Люценского сражения — «на месте великой битвы народов, в сердце Европы и Германии», — в котором «никто не победил». Среди откликов на гибель «снежного короля» Форстен выделяет огорчение папы римского — именно этим кончает и Дройзен свою книгу о Густаве Адольфе³⁷.

Не удивительно, что в основе форстеновской докторской диссертации — особенно поскольку речь идет о периоде *после* Ливонской войны — мы видим протестантско-малогерманскую, прусскую концепцию, долгое время преобладавшую во всей мировой историографии Реформации, контрреформации и Тридцатилетней войны³⁸. Более обстоятелен и самостоятелен наш историк при освещении дипломатической истории Ливонской войны, до Форстена менее разработанной, чем история войны Тридцатилетней. Недаром отечественная критика оценила всего выше именно первый том БВ, и В. Г. Васильевский в своем отзыве метко определил

³⁵ *Droysen G. Das Zeitalter...*, S. 197; *Idem. Studien...*, S. 254—256; БВ, I, с. XI; БВ, II, с. VII, 195, 116—119, 304—305.

³⁶ БВ, II, с. 308, 315, 319, 324, 326, 339—340. В последнем случае ср.: *Droysen G. Gustav Adolf*, Bd. 2, S. 5, 51—52. В остальных случаях см. ссылки и цитаты у самого Форстена.

³⁷ БВ, II, с. 352, 400—408. В кавычках даны цитаты из Дройзена, у Форстена порой раскавыченные.

³⁸ Ср.: *Polišenský J. Zur Problematik des dreißigjährigen Krieges und der Wallensteinfrage.* — In: *Aus 500 Jahren deutsch-tschechoslovakischer Geschichte.* Berlin, 1958, S. 99—100.

главное достоинство первого тома БВ: это «отдел русской истории, представленный под всемирно-историческим или общеевропейским освещением...»³⁹ Опираясь в общем подходе к международным отношениям XVI в. на Дройзена младшего и Шимана, с одной стороны, на русских историков во главе с С. М. Соловьевым — с другой, Форстен подходит к русской национальной истории как всеобщий историк и вместе с тем решительно отвергает явно пристрастное изображение Московского государства и его политики как чужеродной варварской силы зла и разрушения, в особенности у остзейских историков.

Но, самостоятелен ли Форстен в своем основном построении или нет, он всегда остается во всеоружии первоисточников, стремится к архивам, не боится трудно читаемых рукописных актов на самых разных языках. Его БВ и обширные статьи по предыстории Великой Северной войны — дипломатии второй половины XVII в. — являются при всех условиях сборниками или сводками обширного архивного материала, с тех пор подчас (вследствие военных разрушений) утраченного⁴⁰. Его главная публикация источников — «Акты и письма к истории балтийского вопроса» — при всех ее очевидных археографических слабостях широко и плодотворно использовалась советскими историками Тридцатилетней войны.

Принятый у историков XIX в. несовершенный, а у перегруженного преподаванием Форстена еще и небрежно составленный научный аппарат, явная нелюбовь автора к полемике, общее его преклонение перед немецкой исторической наукой, тяжеловесное изложение, обремененное избытком «сырого материала», «излишними подробностями» (Кареев)⁴¹, затрудняют установление степени новаторства в работах Форстена. Тем не менее путем сопоставления их с трудами его ближайших предшественников обнаруживается вклад русского историка в освещение прежде всего следующих вопросов: западноевропейская, и преимущественно германская, реакция на успехи Грозного в Ливонии, активность промосковской «партии» в Германии, особенно среди ганзейских вендских городов, а также взаимоотношения между вендскими, прусскими и ливонскими членами Ганзы во второй половине XVI в.; значение русского рынка вообще и нарвского плавания в особенности для участников борьбы за балтийское господство в то вре-

³⁹ Отчет о шестом присуждении премий..., с. 4.

⁴⁰ *Donner F.* Der livländische Ordensritterstaat und Rußland. Der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558—1583. Berlin, 1963, S. 11—12; *Zernack Kl.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Gießen, 1958. T. 1, S. 12; *Wojcik Z.* Polska a Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny polnocnej 1655—1660. — In.: Polska w okresie drugiej wojny polnocnej 1655—1660. Warszawa, 1957, t. 1, str. 332.

⁴¹ *Кареев Н., Платонов С.* Отзыв о диссертации магистра всеобщей истории Г. В. Форстена... — Протоколы заседаний Совета имп. Санкт-Петербургского университета за 1894 год. СПб., 1895, № 50, с. 37—42.

мя. Важность торгового аспекта балтийского вопроса в годы Ливонской войны Форстен показал гораздо яснее и правильнее, чем тот же Дройзен младший, ложно полагавший, что торговое значение Балтики с середины XVI в. падало. Глубже своих предшественников-остзейцев раскрыл Форстен подлинные взаимоотношения между царем Иваном IV, датским королем Фредриком II и герцогом Магнусом, указав на тайную поддержку королем Дании проекта Ливонского королевства⁴².

Впервые в русской и западной науке Форстен на основании архивных и печатных источников проследил развитие взаимоотношений обоих скандинавских государств с Москвой в течение целого века — от кануна Ливонской войны до исхода Тридцатилетней, а в своих последних статьях — также и до кануна Великой Северной войны. То же можно утверждать и об отношении императора, отдельных немецких князей и городов в Москве вплоть до окончания Ливонской войны, и об отношениях между Бранденбургским государством и Москвой после 1660 г.⁴³ Известная методическая слабость — непривлечение русских архивов, а для XVII в. также и русских публикаций — объяснялась не одним разделением труда с русскими историками⁴⁴. На наш взгляд, играли свою роль и постоянное стремление Форстена проводить свободное от преподавания время за границей, и сравнительная трудность чтения древнерусских текстов для него как человека иностранного происхождения, не получившего к тому же специальной подготовки юриста.

Свежие материалы из западноевропейских архивов привлек Форстен для выяснения позиции Франции, испанских и австрийских Габсбургов, тюдоровской Англии, Нидерландов и территориальных князей Германии в балтийском вопросе, для характеристики политических планов и пропаганды католической контрреформации в Северной Европе на рубеже XVI—XVII вв. Западные рецензенты первых публикаций и исследований Форстена по теме его докторской диссертации выделяли его архивные находки в области торговой политики западных держав в отношении Москвы в 20—30-х годах XVII в., в частности Франции, прослеженные им попытки Густава Адольфа вовлечь Московское государство в антигабсбургскую коалицию, его характеристику шведско-французских отношений того же времени, в частности их напряженного состояния перед гибелью короля⁴⁵. Статья Форстена об отноше-

⁴² Помимо названной книги Шимана см.: *Reimann E.* Das Verhalten des Reichs gegen Livland in den Jahren 1559—1561.— *Historische Zeitschrift*, 1876, Bd. 35, S. 346—380; *Droysen G.* Studien..., S. 253; *Busse K. H.* von. Herzog Magnus König von Livland. Leipzig, 1871.

⁴³ *Форстен Г. В.* К внешней политике великого курфюрста Бранденбургского.— *ЖМНП*, 1900, № 6/9; *Он же.* Бранденбург и Москва. 1688—1700.— *ЖМНП*, 1905, № 11 (последнее печатное исследование автора).

⁴⁴ См. Отчет о шестом присуждении премий..., с. 4.

⁴⁵ Cp. *Historisk tidskrift*. Stockholm, 1887, s. 293—294; *Finsk tidskrift*, 1880, t. XXVIII, s. 388—390; *Historische Zeitschrift*, 1890, Bd. 64, S. 379—382;

ниях Густава Адольфа с Францией вышла в 1890 г. — за несколько лет до появления монографических исследований Ф. Фанье и Л. Вейбулла на ту же тему. Несмотря на приверженность Форстена протестантско-малогерманской, т. е. антигабсбургской концепции Тридцатилетней войны, подход первого русского историка этой войны все-таки отличался большей широтой. Подходя к войне как конфликту общеевропейскому, а не чисто германскому, Форстен предвосхитил в известной мере ее современную трактовку.

Из сказанного видно, что Форстен-исследователь был в первую очередь историком международных отношений и лишь во вторую — скандинавистом и германистом. Вклад его в русскую и в меньшей степени также в мировую скандинавистику благодаря архивным изысканиям по истории внешней, и в особенности восточноевропейской, политики Швеции и Дании в XVI—XVII вв. очевиден, как и его вклад в историю русско-германских отношений, особенно времен Ливонской войны и второй половины XVII в. В начале и в конце своей научно-педагогической деятельности Форстен был скорее германистом, чем скандинавистом. Учился он, будучи стажером, у немецких, а не у скандинавских профессоров. Архивные изыскания вел гораздо больше в Германии, чем в Скандинавии: вопреки распространенному заблуждению в его «Актах и письмах к истории балтийского вопроса» решительно преобладают нескандинавские материалы из нескандинавских же архивохранилищ. Это устанавливается простым подсчетом.

Далее, в переписке А. Е. Преснякова, познакомившегося с Форстеном в ноябре 1892 г. и постоянно общавшегося с ним вплоть до последней болезни профессора в марте 1910 г., заведшая форстеновских «суббот», ни разу не отмечено общение их устроителя с кем-либо из петербургских скандинавистов (Берендтсом, Брауном, Ганзенем, Дымшей, Тиандером и др.). Никого из них не было среди участников намеченной, но не состоявшейся поездки друзей и коллег в Финляндию, на могилу Форстена осенью 1910 г.⁴⁶ Как выяснилось, на смерть его из зарубежных научных журналов откликнулся лишь шимановский «*Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*», а не шведские и не финляндские. В его спецкурсах и семинариях решительно преобладала немецкая тематика и отсутствовала скандинавская, во

Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1891, Bd. VI, H. 1, S. 189; *Finsk tidskrift* 1891, t. XXX, s. 245—246; *Finsk tidskrift*, 1893, t. XXXIV, h. 3, s. 337—347. Еще Кареев в своем отзыве отметил, что Форстен не старается «оттенить все то новое, что заключает в себе его исследование» (Кареев Н., Платонов С. Указ. соч., с. 41). Для нахождения этого нового нет иного пути, кроме систематического сопоставления материала и выводов изучаемого историка с его главными и ближайшими предшественниками.

⁴⁶ Архив ЛОИИ, ф. 193, д. 1, л. 121 об.; Рукописный отдел ГПБМ, ф. 585, оп. II, д. 1653а (письмо А. Е. Преснякова С. Ф. Платонову от 27 марта 1910 г.); Архив ЛОИИ, ф. 193, оп. 2, д. 9, л. 404 об. — 405 об.

всяком случае в 900-х годах⁴⁷. Общеизвестное перемещение научных интересов Форстена с конца 90-х годов в сторону истории культуры, истории Возрождения и гуманизма еще дальше увело его от скандинавистики. Известный в Советской Латвии краевед и экскурсовод А. Я. Дзейвер, слушавший Форстена в течение 1902—1908 гг. и записавший три его курса (Реформация, гуманизм, контрреформация), позже вспоминал: «Последние годы Георгий Васильевич, видимо, действительно отошел от тем Балтийского моря. Представьте себе, я не помню, чтобы он на лекциях говорил о своих работах. Они не входили в основной фонд монографий, обязательных для экзаменующихся. Не знаю сейчас, спустя 50 лет, как это объяснить, но я читал эти его работы по *окончании* Университета. Скромность профессора? Отход от проблем, увлечение Возрождением и Реформацией?»⁴⁸

Возрождению и гуманизму посвящены три вышедшие под его редакцией немецкие книги Бергера, Зайчика и Гейгера; петербургские ученики Форстена — историки западноевропейской культуры, историки-педагоги, историки-архивисты⁴⁹. Единственный среди них историк международных отношений — М. А. Полиевктов — после защиты магистерской диссертации отошел от балтийской тематики, в зрелые годы называл себя учеником Платонова, а не Форстена и считался не всеобщим, а русским историком⁵⁰. Не чужды были международной тематике и такие ученики Форстена, как А. Г. Вульфius и П. Ю. Остен-Сакен. Никто из них, однако, не занимался собственно Скандинавией. Среди просмотренных нами нескольких десятков томов личной библиотеки Форстена, завещанной им Историческому семинарию, не оказалось ни одной книги на скандинавских языках и почти ни одной — по северной тематике. Решительно преобладает немец-

⁴⁷ Архив ЛОИИ, ф. 193, оп. 2, д. 1, л. 122 об.; там же, д. 2, л. 58 (письма А. Е. Преснякова к матери 1892 и 1894 гг.); Отчет о состоянии... имп. Санкт-Петербургского университета за 1907 год. СПб., 1908, с. 119; Обзорение преподавания наук в имп. Санкт-Петербургском университете за 1908—1909 учебный год. СПб., 1908, с. 14; *Бороздин И. Н.* Г. В. Форстен.— Русский архив, 1910, кн. 3, с. 157; *Знаменский С. Ф.* Памяти Г. В. Форстена.— Речь, 1910, 31 июля (13 августа), с. 2.

⁴⁸ А. Я. Дзейвер — автору статьи, 10 ноября 1951 г., с. 10 (Архив автора).

⁴⁹ В. А. Бутенко (указ. соч., с. 130) называет в этой связи А. М. Петрункевич, А. Г. Вульфiusа, В. Э. Крусмана, В. Н. Забугина, занимавшихся в форстеневском семинарии по Возрождению и Реформации. Учениками Форстена считали себя также: Г. К. Вебер (отец известного советского историка), В. А. Головань, С. Ф. Знаменский, И. И. Любименко (по гимназии), П. Ю. Остен-Сакен, А. Е. Пресняков (по совместной преподавательской работе в гимназии), И. В. Пузино, А. Г. Ярошевский. В его семинарии занимались некоторые ученики Кареева и Гревса, а именно: Л. П. Карсавин, П. П. Митрофанов, В. В. Новодворский, Н. П. Оттокар (см.: *Бороздин И. Н.* Указ. соч., с. 157—158).

⁵⁰ См.: *Цинцадзе И.* Профессор Михаил Полиевктов (1872—1942).— Труды Тбилисского университета, 1943, т. 25 (отд. оттиск, на груз. яз.). За перевод благодарим Д. Е. Дудучаву.

кая литература по германской же истории. В главной русской энциклопедии того времени — Брокгауза и Ефрона — ни одна из крупных статей по скандинавской тематике не принадлежала перу Форстена.

В другом месте мы постарались осветить преподавательскую деятельность Форстена, оценить созданную им школу знатоков западноевропейского гуманизма, Возрождения, Просвещения⁵¹. Задача данной статьи — лишь точнее, чем это делалось до сих пор, определить место Г. В. Форстена в русской историографии всеобщей истории, в частности истории Скандинавии.

⁵¹ См.: Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА СЕРЕДИНЫ 30-Х — КОНЦА 50-Х ГОДОВ¹

А. И. Алаторцева

Утверждение в середине 30-х годов марксистско-ленинской концепции исторического развития и идейный разгром буржуазной и мелкобуржуазной науки в стране положили начало новому периоду советской исторической науки. Перед советскими учеными встала задача дальнейшего развития и углубленного исследования всемирно-исторического процесса на основе марксизма-ленинизма. Программой развития советской исторической науки второй половины 30-х — начала 40-х годов явились постановления партии и правительства по истории и историческому образованию, принятые в 1934—1936 гг.² Начавшаяся тематическая и организационная перестройка научно-исследовательских и учебных центров повлекла за собой изменения в системе периодических изданий исторического профиля³. Несмотря на то что прекратился выход ряда журналов⁴, общее число периодических изданий возросло⁵. Характерной чертой периодики этого време-

¹ Периодика союзных и автономных республик, а также периферии в статье не рассматривается.

² См. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г.—СЗР СССР, 1934, № 26, ст. 206; «Об учебниках по истории» от 26 января 1936 г.— Там же, 1936, № 6, ст. 45; «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 28 июня 1936 г.— КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях и решениях). 8-е изд., испр. и доп. М., 1971, т. 5 и др.

³ О состоянии советской исторической периодики в предшествующий период (1917 — середина 30-х годов) см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV (автор раздела Г. Д. Алексеева).

⁴ В 1935 г. закрылись: «Вестник Комкадемии» (начал издаваться с 1922 г.), «Коммунистическая революция» (с 1920 г.), «Проблемы истории капиталистических обществ» (с 1934 г.), «Проблемы Китая» (с 1930 г.); в 1936 г.— «Известия Государственной академии истории материальной культуры» (с 1921 г.); в 1937 г.— «Красная летопись» (с 1922 г.), «Национально-колониальные проблемы» (с 1931 г.), «Революционный Восток» (с 1927 г.), «Революция и национальности» (с 1930 г.) и др.

⁵ Продолжалось издание журналов: «Большевик» (с 1924 г.), «Историк-марксист» (с 1926 г.), «Красный архив» (с 1922 г.), «Архивное дело» (с 1923 г.),

ни явилась дальнейшая специализация отдельных изданий, увеличение числа изданий отраслевых.

Большое влияние на формирование тематики и проблематики оказали факторы общественно-политической жизни страны, и прежде всего строительство основ социализма в СССР. Необходимость дальнейшего всемерного укрепления Советского государства в условиях растущей угрозы империалистической войны требовала усиления внимания к патриотическому воспитанию трудящихся. Одним из важных каналов практического осуществления программы патриотического и интернационального воспитания являлось историческое образование. Не случайно советские ученые считали важнейшей задачей свое участие в реорганизации исторического образования в стране, его совершенствовании, создании учебников и программ.

Второй важной задачей было написание многотомного обобщающего труда по отечественной и всемирной истории, создание которого стало возможным благодаря успехам советской исторической науки. Наряду с этим были задуманы и готовились такие фундаментальные коллективные труды, как «История гражданской войны в СССР», «История дипломатии», «История Москвы», «История культуры» и др.⁶ Таким образом, советская историческая наука была призвана создать подлинно научную историю общественного развития, продолжить марксистскую критику буржуазной историографии, вести пропаганду марксистско-ленинской концепции исторического процесса. В осуществлении этой программы активная роль отводилась исторической периодике и общественно-политическим журналам.

Совокупный анализ содержания периодических изданий тех лет показал, что в той или иной степени они содержали информацию о ходе работы над созданием учебников и многотомников, принимали постоянное участие в организации обсуждений проектов, схем подготовленных учебников и трудов, наконец, главное, являлись той научной лабораторией, где велась исследовательская работа, способствовавшая выполнению поставленных перед исторической наукой задач.

«Пролетарская революция» (с 1921 г.), «Мировое хозяйство и мировая политика» (с 1926 г.), «Исторический журнал» (в 1931—1936 гг.— «Борьба классов»), «Вестник АН СССР» (с 1931 г.) и др.

В 1937 г. начал выходить «Вестник древней истории», периодические сборники: «Исторические записки», «Советская археология», «Исторический архив»; в 1938 г.— «Ученые записки ЛГУ. Историческая серия»; «Советская этнография»; в 1939 г.— «Военно-исторический журнал», «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», «Труды Историко-архивного института»; в 1940 г.— «Ученые записки МГУ. Историческая серия», «Советское востоковедение» и др.

⁶ Материалы о подготовке этих трудов см.: Историк-марксист, 1939, № 3; 1940, № 4/5; Исторический журнал, 1941, № 1; Большевик, 1941, № 5; и др.

Событием большой важности явилось обсуждение на страницах журналов школьных⁷ и вузовских⁸ учебников. В ряде случаев инициаторами этих обсуждений были редакции ведущих журналов — «Большевик», «Историк-марксист», «Исторический журнал». Отмечалось, что новые учебники были написаны на основе использования результатов исследований советских ученых в предшествующий период. Исторический процесс был представлен не в виде социологической схемы, а показан на живом

⁷ Первым был отмечен выход «Краткого курса истории СССР» под ред. А. В. Шестакова (М., 1937) (см.: Боевая программа дальнейшего подъема исторической науки.— Историк-марксист, 1937, № 3; Большая победа на историческом фронте.— Исторический журнал, 1937, № 8). В дальнейшем были опубликованы рецензии на учебник для 8—10-х классов «История СССР» (М., 1940) под ред. А. М. Панкратовой (см. рец. В. Лебедева, С. Бушуева, Э. Генкиной.— Большевик, 1941, № 2; Н. Рубинштейна, А. Сидорова.— Историк-марксист, 1941, № 3), на «Историю древнего мира» (М., 1940) под ред. А. В. Мишулина (см. рец. В. Сергеева.— Исторический журнал, 1941, № 2; П. Холмогорцева.— Историк-марксист, 1940, № 11), на «Историю средних веков» (М., 1940) под ред. Е. А. Косминского (см. рец. З. Мосиной.— Историк-марксист, 1941, № 1), на учебник А. В. Ефимова «Новая история. 1789—1870» (М., 1940) (см. рец. В. Бирюковича.— Историк-марксист, 1941, № 4; А. Анекштейна.— Исторический журнал, 1941, № 5). Основные положения учебника были проанализированы в статье А. Ефимова (Исторический журнал, 1941, № 2).

⁸ Начало обсуждению вузовских учебников было положено редколлегией «Историка-марксиста», организовавшей в декабре 1937 г. обсуждение первого тома «Истории древнего мира» («История Древнего Востока») (Л., 1936). См. отчет об обсуждении и рец. В. Авдиева.— Историк-марксист, 1938, № 1. Далее были обсуждены и отрецензированы: Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима (М., 1938); Он же. История Греции (М., 1939) (см. рец. С. Протасовой.— Историк-марксист, 1939, № 4; К. Зельина.— Там же, 1940, № 2; А. Бокшанина.— Исторический журнал, 1940, № 4/5); История средних веков. Т. 1 (М., 1938) / Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, О. Л. Вайнштейна. Т. 2 (М., 1939) / Под ред. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна (см. рец. Я. Зугиса, З. Мосиной, В. Семеновна, М. Смирнова.— Историк-марксист, 1939, № 1, 3; З. Мосиной — там же, 1939, № 5/6; И. Ивашина.— Исторический журнал, 1940, № 6); Новая история. Ч. 1 (М., 1939) / Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. А. Хейфец. Ч. 2 (М., 1939) / Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова (см. рец. Л. Якобсона, А. Николаевой.— Исторический журнал, 1940, № 4/5; А. Анекштейна.— Там же, 1940, № 8; В. Волгина.— Историк-марксист, 1940, № 7; отчет об обсуждении учебника.— Там же, 1940, № 7, 8); Новая история колониальных и зависимых стран (М., 1940) / Под ред. С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера, Г. С. Кара-Мурзы, Б. К. Рубцова (см. рец. Г. Дегтяркина, Г. Эренбурга.— Исторический журнал, 1941, № 1); История СССР. Т. 1 (М., 1939) / Под ред. С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова, В. И. Лебедева. Т. 2 (М., 1940) / Под ред. М. В. Нечкиной (см. рец. А. Сидорова, И. Кудрявцева.— Историк-марксист, 1940, № 4/5; И. Смирнова.— Исторический журнал, 1940, № 4/5; А. Панкратовой, А. Фохт.— Исторический журнал, 1940, № 8, а также доклад И. Минца о т. II на сессии Отделения истории и философии АН СССР.— Историк-марксист, 1940, № 6). К сожалению, работа над учебниками не была завершена: помешала война. Журналы откликнулись на публикацию т. I учебника П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» (М., 1939) (см. рец. А. Погребинского.— Исторический журнал, 1940, № 12; К. Пажитнова.— Историк-марксист, 1940, № 12).

конкретном материале, были сделаны первые шаги на пути разрешения задачи показа роли отдельных народов СССР как «субъекта истории», выявления их исторических связей с русским народом⁹. Школьные учебники по истории древнего мира, истории средних веков, нового времени содержали марксистско-ленинскую концепцию всемирной истории. В них, как и в учебниках по истории СССР, прослеживались связи между событиями отечественной и мировой истории.

Анализируя результаты работы ученых по созданию вузовских учебников, авторы опубликованных на страницах периодики статей и рецензий фиксировали внимание прежде всего на необходимости выработки марксистско-ленинской концепции отечественной и всемирной истории и последовательного применения ее при решении конкретных проблем. Из числа сложных проблем назывались такие, как образование Русского централизованного государства, формирование народностей (великорусской, украинской, белорусской), история общественно-политической мысли в России, общественно-экономические формации, вопросы культуры, литературы, искусства и др. Большим достижением советской историографии, как отмечали современники, было преодоление «европоцентризма», включение в орбиту исследований истории так называемых «малых» стран, критическое восприятие буржуазных концепций и др.

Параллельно с освещением работы над учебниками периодика отразила многогранную и обширную деятельность советских ученых по созданию обобщающего труда по всемирной истории и истории СССР. Большое внимание журналы уделяли замыслу работы, его воплощению¹⁰. Важным этапом в процессе создания многотомников явилось обсуждение проспектов, которые стали достоянием широкой научной общественности благодаря публикации на страницах журнала «Историк-марксист»¹¹. В дальнейшем началась публикация отдельных глав и разделов, что давало возможность апробировать текст, уточнить выводы, обсудить спорные моменты¹².

⁹ Шестаков А. В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР». — Историк-марксист, 1937, № 3, с. 96.

¹⁰ См.: Семитомное издание «Истории СССР». — Историк-марксист, 1939, № 3, Шунков В. Работа Института истории АН СССР над многотомником «Истории СССР». — Там же, 1940, № 4/5; Задачи журнала в области пропаганды исторических знаний. — Исторический журнал, 1941, № 1; и др. Первоначально предполагалось завершить работу в течение второй и третьей пятилеток, создав 25—30 томов. В журналах печатались отчеты совещаний, сессий Отделения истории и философии, филиалов АН СССР, посвященных обсуждению хода работы над многотомником.

¹¹ См.: Проект схемы многотомника всемирной истории. — Историк-марксист, 1938, № 2, 3; Схема пятитомника по истории СССР. — Там же, 1938, № 1. Фактически была опубликована схема четырех томов.

¹² Так, ряд глав «Всемирной истории» был опубликован в журнале «Историк-марксист»: Эггерт Э. Крушение Германской империи в 1918 г. (1939, № 4); Рубинштейн Е. Распад Габсбургской монархии в 1918 г.

На страницах журналов прошли дискуссии по ряду принципиальных и малоизученных проблем. В них приняли участие специалисты как отечественной, так и всеобщей истории. В ряде случаев обсуждения носили комплексный характер — наряду с историками в них участвовали философы, лингвисты, литературоведы и др. Журналы систематически публиковали отчеты об обсуждениях, проходивших в институтах исторического профиля Академии наук, на исторических факультетах МГУ, ЛГУ и др. При всей подчас их лапидарности журнальные отчеты передают атмосферу дискуссий, содержат перечень основных положений докладчиков, дают прения. С утратой архивных материалов, стенографических записей они являются единственными письменными источниками для большого числа дискуссий.

По ряду причин (уровень науки, состояние источниковой базы и др.) многие из дискуссий оказались незавершенными, были продолжены позднее, в послевоенный период, или их вопросы продолжают оставаться предметом обсуждений и в настоящее время. Но значение дискуссии прежде всего в постановке вопросов, в поисках путей решения, в обобщении накопленного опыта, в критическом отношении к концепциям буржуазной исторической науки. Наряду с этим необходимо отметить наличие некоторого догматизма в подходе к общественным явлениям, ошибочные положения¹³.

Среди методологически важных дискуссий конца 30-х — начала 40-х годов необходимо отметить дискуссию об общественном строе Древней Руси. Инициатива организации обсуждений на эту тему принадлежала редколлегии «Историка-марксиста»¹⁴. Дискуссия показала необходимость изучения как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане на материале отечественной истории проблемы неравномерности исторического развития.

Целый комплекс вопросов включала дискуссия по истории славян. Представление о них дает опубликованный в журнале «Историк-марксист» отчет об обсуждении на сессии Отделения истории и философии АН СССР в марте 1940 г. доклада М. И. Артамонова «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси». Дискуссионными оказались вопросы о времени происхождения славян, о формировании восточных славян, о роли варягов в об-

(1940, № 7); *Захарова М.* Из истории послевоенной Румынии (1940, № 11) и др. Такого рода материалы публиковались и в «Вестнике древней истории».

¹³ Проявлялась, например, тенденция к смешению освободительных и захватнических войн, расширительно толковалась формула «наименьшее зло», что приводило к рассмотрению как наименьшего зла всей колониальной политики царского правительства, и др.— См.: *Ярославский Е.* Невыполнение задачи исторического фронта.— *Историк-марксист*, 1939, № 4.

¹⁴ *Греков Б.* Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? Дискуссия по докладу акад. Б. Д. Грекова 4—11 июня 1939 г.— Там же, 1939, № 4.

разовании Русского государства и др.¹⁵ Обращаясь к истории позднефеодальных монархий, советские историки пытались во всей полноте постичь такое явление, как абсолютизм в Западной Европе и России¹⁶. В ходе дискуссии предметом обсуждения стали вопросы о содержании понятия абсолютизм, о времени его возникновения, роли трудящихся масс и др.

На протяжении ряда лет в советской историографии велась дискуссия о периодизации всемирной истории и истории СССР. Наиболее важные материалы этой дискуссии были опубликованы в журнале «Историк-марксист»¹⁷. В целом она имела большое методологическое значение: были поставлены и отчасти решены такие принципиальные вопросы, как понятие «всемирная история», «периодизация», сделаны попытки характеризовать отдельные периоды истории и др. Обсуждение подготовило принятие новой периодизации, согласно которой границей между средними веками и новой историей была признана Английская революция конца XVII в.

Наиболее полное отражение ведущие тенденции развития советской исторической науки получили в журнале «Историк-марксист». В 30-е годы журнал трансформировался в научно-исследовательский журнал широкого профиля, в котором печатались теоретико-методологические и конкретно-исторические работы, методические и документальные материалы по всеобщей истории и истории СССР, библиография, хроника¹⁸. Временные рамки исследований, отражаемых в журнале, раздвинулись: от первобытно-общинного строя до современности. Наряду с традиционными для журнала (и для советской историографии) темами: история трех российских революций, русского революционного движения XIX в., западноевропейских революций XVII—XIX вв., национально-освободительного, рабочего, социалистического и коммунистического движения, в журнале стали шире печататься исследования по истории Киевской Руси, социально-экономической истории Русского государства, о крестьянских восстаниях в Западной Европе и др. Были попытки расширить тематику истории СССР советского периода: появились первые статьи о внешней политике Советского государства, о напе, коллективизации, советской интеллигенции и др.

По-прежнему журнал придавал большое значение популяризации исторических знаний, используя для этого юбилейные даты¹⁹. Систематически публиковались статьи и рецензии о дея-

¹⁵ Историк-марксист, 1940, № 6.

¹⁶ Обсуждение проблемы абсолютизма.— Там же, 1940, № 6; *Мосина З.* К обсуждению проблемы абсолютизма.— Там же, 1937, № 3; 1940, № 12; и др.

¹⁷ С 1936 г. «Историк-марксист» — орган Института истории АН СССР. Отв. ред. Н. М. Лукин, с 1938 г.— Е. М. Ярославский. За 1936—1941 гг. вышло 42 номера из 94, вышедших за 1926—1941 гг.

¹⁹ В 1936 г., например, были опубликованы статьи в связи со 100-летием со дня рождения Н. А. Добролюбова, в 1938 г. отмечалось 200-летие со

тельности К. Маркса и Ф. Энгельса²⁰. Гораздо чаще стали освещаться проблемы истории партии²¹.

Таким образом, на страницах «Историка-марксиста» в большей или меньшей степени получили отражение основные направления развития советской исторической науки. Деятельность других периодических изданий была подчинена разработке и освещению отдельных проблем или отраслей исторического знания.

Журналы «Большевик» и «Пролетарская революция» развернули широкую публикацию хранящегося в архиве ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) научного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина²², документов по истории партии.

Систематическую публикацию архивного материала продолжили журналы ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР — «Красный архив» и «Архивное дело»²³. Первый занимался исключительно публикацией документов. Второй — единственный в стране — охватывал всю проблематику архивной работы. Наряду с вопросами архивной техники и методики стали освещаться вопросы общей организации архивной работы, публиковались обзоры фондов архивов, тематические обзоры источников, сообщения о новых архивных находках, сведения о хранилищах за границей, был создан отдел критики и библиографии, печатались статьи по вспомогательным дисциплинам.

В 1936 г. Институт истории АН СССР стал выпускать периодические сборники «Исторический архив» для публикации небольших по объему исторических материалов, в первую очередь по истории народов СССР²⁴.

Научная разработка проблем отечественной и всемирной истории отражалась на страницах издававшихся с 1937 г. Институтом истории АН СССР периодических сборников «Исторические за-

дня открытия «Русской Правды» и 250-летие Английской революции 1688 г., в 1939 г.— 230-летие Полтавской битвы, в 1940 г.— 100-летие со дня рождения Д. И. Писарева, и др.

²⁰ В 1936 г. были напечатаны письма Ф. Энгельса, в 1938 г. в связи с 90-летием со дня создания «Манифеста Коммунистической партии» опубликованы документы о борьбе царской цензуры с распространением Манифеста в России, в 1940 г. отмечалось 120-летие со дня рождения Ф. Энгельса, был подготовлен специальный номер журнала.

²¹ В частности, был опубликован ряд юбилейных статей: 25-летие Парижской конференции, 35-летие II съезда РСДРП(б), 20-летие Коминтерна, 20-летие X съезда партии; и др.

²² «Большевик» опубликовал, например, в 1936 г. главы «Хронологических выписок» К. Маркса, статью В. И. Ленина «О компромиссах» и др.; в 1939 г.— письма В. И. Ленина — М. Арманд; в 1940 г.— статьи Ф. Энгельса «15 июля», «Прудон» и др. Журнал «Пролетарская революция» опубликовал, в частности, в 1937 г. одну из первых прокламаций, написанных В. И. Лениным — «Что следует добиваться портовыми рабочими?»; в 1938 г.— статьи К. Маркса «Мнимые расколы в Интернационале», В. И. Ленина — 4-ю тетрадь по империализму и др.

²³ С 1938 г. перешли в ведение ГАУ НКВД СССР.

²⁴ Издавались в 1936—1954 гг. Отв. ред. Б. Д. Греков.

писки»²⁵, в «Трудах Института истории»²⁶, «Трудах Историко-архивного института»²⁷, в исторической серии «Ученых записок» ЛГУ²⁸ и МГУ²⁹. История войн, военного искусства, международных отношений, национально-освободительного движения, истории родов войск, военной техники освещались «Военно-историческим журналом»³⁰.

Среди отраслевых изданий довоенного времени особое место принадлежало «Вестнику древней истории» (ВДИ), созданному для освещения проблем древней истории всех стран и народов Востока, Запада, Юга и Севера, а также народов, населяющих территорию СССР в прошлом³¹. Журнал сумел объединить всех историков — специалистов в области изучения Греции, Рима, древнего Востока, Византии. Им впервые был поставлен вопрос о возрождении изучения истории древних славян. Особое внимание уделялось истории Киевской Руси, природе ее социально-экономического строя, взаимоотношениям восточных славян с западными, роли славян в образовании византийского феодального государства. Советские историки на страницах журнала развернули борьбу с фашистскими фальсификациями истории славянских народов.

Наибольшее освещение в «Вестнике древней истории» получили вопросы социального движения в древнем мире, производственные отношения, характерные черты древневосточных деспотических государств, возникновение христианства, генезис и упадок рабовладельческих отношений, античная общественная мысль и др. Для изучения последней темы большое значение имела систематическая публикация произведений античных авторов — памятников историко-философской мысли древнего мира³². На страницах «Вестника» получила развитие античная эпиграфика, публиковались материалы по проблемам советской археологии и др.

О широком размахе и большой научной ценности археологических работ в СССР свидетельствовали опубликованные на страницах «Кратких сообщений Института истории материальной культуры АН СССР»³³ и периодических сборников «Советская археология»³⁴ многочисленные отчеты о раскопках, сообщения о

²⁵ Первый отв. ред. Б. Д. Греков. Издание продолжается.

²⁶ Издавались в 1930—1940 гг. В 1930—1935 гг. назывались: «Труды Историко-археологического института».

²⁷ Том 1-й вышел в 1939 г. Издание продолжается.

²⁸ Издавались в 1939—1962 гг. Первый отв. ред. Б. Д. Греков.

²⁹ Издавались в 1940—1959 гг. Вып. 1-й исторической серии содержал очерки по истории МГУ.

³⁰ Издавался ежемесячно в 1939—1940 гг. Наркоматом обороны Союза ССР, в 1941 г. — Генштабом Красной Армии.

³¹ Орган Института истории АН СССР. Первый отв. ред. А. С. Сванидзе. Издание продолжается.

³² Были опубликованы: «Тайная война» (1938, № 4) и «О постройках» (1939, № 4) Прокопия Кесарийского; и др.

³³ Издавались в 1939—1941 гг. Отв. ред. С. Н. Бибииков.

³⁴ Орган Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, в 1940 г. — Института этнографии, в 1941 г. — Института истории мате-

научных открытиях, публикации памятников, монографические исследования, рефераты. В этих изданиях освещалась деятельность Института истории материальной культуры АН СССР, работа местных археологических учреждений и отдельных исследователей. В проблемном отношении наиболее полное отражение получила история изучения палеолита и неолита.

В ряде периодических изданий освещалась история стран и народов Востока: социально-политическая, экономическая, культурная³⁵. Большое место отводилось материалам по истории революционного движения.

Вопросы музейного строительства, теории и практики музейной работы, методики организации музеев, подготовки кадров решались в журнале «Советский музей»³⁶. Критике выходящей в СССР и за рубежом литературы, в том числе исторической, был посвящен журнал «Книга и пролетарская революция» (1932—1941).

Активную роль в пропаганде идей марксизма-ленинизма и популяризации исторических знаний сыграл ежемесячный научно-популярный «Исторический журнал»³⁷. Являясь массовым изданием, журнал, систематически публиковавший малоизвестные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, статьи, посвященные отдельным их произведениям, способствовал ознакомлению с ними широких масс. Формы подачи материала были разнообразными: статьи обзорного характера, ответы на вопросы, консультации, специальные рубрики³⁸, библиография, книжная полка, хроника деятельности научно-исследовательских учреждений и просветительских организаций. Систематически отмечались юбилейные даты³⁹, широко публиковались воспоминания о революционной борьбе в России, в странах Западной Европы.

Перестройка исторической науки в стране отразилась на тематике журналов: преимущественное освещение истории революционной борьбы и национально-освободительного движения во

риальной культуры АН СССР. Выходили в 1936—1937, 1940—1941 гг. Первый отв. ред. И. И. Мещанинов.

³⁵ «Записки Института востоковедения АН СССР» выходили в 1932—1939 гг. Отв. ред. С. Ф. Ольденбург (1932—1934), А. Н. Самойлович (1935—1936), А. П. Баранников (1939); «Труды Московского института востоковедения» — в 1939—1940 гг. Отв. ред. Г. Н. Войтинский; «Советское востоковедение» — орган Института востоковедения АН СССР — в 1940—1941 гг. Отв. ред. А. П. Баранников.

³⁶ Издавался в 1931—1941 гг. Музейным отделом Наркомпроса РСФСР.

³⁷ Издавался в 1931—1941 гг. В 1931—1936 гг. Назывался «Борьба классов». Отв. ред. М. Н. Покровский (1931), Б. М. Волин (1932—1941).

³⁸ Например, раздел «К изучению истории ВКП(б)», «Биографии революционеров и исторических деятелей». В последнем были напечатаны статьи о Н. К. Крупской, Я. М. Свердлове, С. Спандаряне, Р. Оуэне и др.

³⁹ В 1937 г.— 125-летие Отечественной войны 1812 г., 25-летие Ленских событий, в 1938 г.— 20-летие РККА; в 1939 г.— 1000-летие Давида Сасунского; в 1940 г.— 120-летие со дня рождения Ф. Энгельса; в 1941 г.— 270-летие со дня рождения Степана Разина; и др.

всемирном масштабе сменялось попытками (пусть не всегда последовательными) дать представление об общем развитии истории по периодам, проследить историю отдельных стран и народов. В центре внимания историков (о чем свидетельствовало содержание журналов) оказались проблемы этногенеза, формирования племен, народов и наций, социально-экономические формации, история культуры народов разных эпох и др.

Подводя итоги развития периодики второй половины 30-х — начала 40-х годов, можно определенно сказать о поступательном характере ее развития, о чем свидетельствовало дальнейшее увеличение количества периодических изданий, появление новых отраслевых журналов, изучение и освещение исторического процесса в целом, подъем научного уровня публикуемых материалов, дальнейшее пополнение источниковой базы и др.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. составила особый этап в развитии советской исторической периодики. Резко сократилось количество журналов⁴⁰, уменьшились тиражи⁴¹; публиковавшийся материал носил, как правило, пропагандистский характер. В центре внимания журналов «Большевик», «Исторический журнал», «Мировое хозяйство и мировая политика», «Вестник АН СССР» утвердилась тема войны советского народа с фашистскими оккупантами, и прежде всего показ героической обороны городов-героев, партизанской борьбы на временно захваченной территории страны.

Истоки мужества и стойкости советских людей историки видели в славном прошлом русского народа, народов СССР. Отсюда — интерес к политической, экономической, культурной истории русского государства, его созданию, борьбе за свободу и национальную независимость против татаро-монгольского нашествия, тевтонского и немецкого орденов, нашествия Наполеона в 1812 г. и др. Исследовалась история русского военного искусства и история создания Советских Вооруженных Сил. Дальнейшая разработка истории гражданской войны и интервенции сосредоточилась вокруг вопросов о захватнических планах вильгельмовской Германии против Советской республики в 1917—1918 гг.

Важнейшую задачу советские историки видели в разоблачении фашистской идеологии, в частности фашистской лжеистории, во всестороннем освещении роли славянских народов в истории человечества, их многовековой борьбы с немецкими агрессорами

⁴⁰ В 1941 г., после начала войны, закрылись «Архивное дело», «Историк-марксист» (влился в «Исторический журнал»), «Пролетарская революция», временно перестали выходить «Вестник древней истории», «Военно-исторический журнал», «Исторические записки», «Труды Историко-архивного института», историческая серия «Ученых записок ЛГУ», «Советская археология», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» и др.

⁴¹ Например, тираж «Исторического журнала» снизился с 60 тыс. до 20 тыс. экз.

за самоутверждение, национальную и государственную независимость.

Журналы обратились к освещению антифашистского движения славянских и других народов в оккупированных странах Западной Европы. Ряд статей был посвящен истории создания антигитлеровской коалиции и всемирно-исторической роли в ней Советского Союза, истории второй мировой войны на Тихом океане. Повысился интерес к истории Англии, США. Началась публикация документов второй мировой, Великой Отечественной войны.

Журналы широко освещали работу советских историков по подготовке как ранее начатых коллективных трудов («История дипломатии», «История гражданской войны в СССР» и др.), так и новых («История русской армии и военного искусства», «История русского флота», «История Петербурга (Ленинграда)», «25 лет советской исторической науки», «Партизанская война в национальных войнах Запада» и др.)⁴².

Победоносное окончание Великой Отечественной войны вызвало подъем советской исторической науки, что отразилось на периодике: возобновились прежние издания⁴³, возникло большое количество новых⁴⁴. В тематическом отношении в первые послевоенные годы продолжалось освещение основных проблем, разрабатывавшихся в довоенное время. Дальнейшее развитие тематики советской исторической науки во многом определено утвержденным в 1946 г. Президиумом АН СССР перспективным планом научно-исследовательских работ. Ведущими в советской исторической периодике стали проблемы этногенеза, развития и смены социально-экономических формаций, история непосредственных производителей, классовая борьба, международное значение и влияние Великой Октябрьской социалистической революции

⁴² Большевик, 1943, № 1, 9; 1946, № 3; Исторический журнал, 1942, № 8; 1943, № 3/4; 1944, № 2/3, 9 и др.

⁴³ С 1945 г.— «Исторические записки», «Краткие сообщения» ИИМК, «Ученые записки МГУ. Историческая серия»; с 1946 г.— «Вестник древней истории», «Советская археология», «Советская этнография», «Труды Историко-архивного института», «Труды Московского института востоковедения» (до 1953); с 1947 г.— «Византийский временник», «Ученые записки ЛГУ. Серия историческая», с 1949 г.— «Исторический архив» (до 1954) и др.

⁴⁴ В 1944 г.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии» (до 1953), в 1945 г.— «Вопросы истории», «Доклады и сообщения» исторического факультета МГУ (до 1950), в 1946 г.— «Краткие сообщения» Института этнографии; в 1947 г.— «Ученые записки Академии общественных наук» при ЦК ВКП(б), «Труды Института этнографии. Новая серия», «Ученые записки Тихоокеанского института» (до 1949); периодический сборник «Эпиграфика Востока»; в 1948 г.— «Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедения», «Труды по новой и новейшей истории»; в 1949 — серия общественных наук «Вестника МГУ», серия исторических наук «Ученых записок ЛГУ»; в 1950 г.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», в 1953 г.— «Вестник ЛГУ. Серия общественных наук» (с 1956 г. серия истории и языка) и др.

на национально-освободительное, рабочее и коммунистическое движение, международные отношения, история второй мировой войны, проблемы современного кризиса капитализма и распад колониальной системы, история стран народной демократии Европы и Азии и др.

Определяющим в подходе к решению важных теоретических проблем советской исторической науки явились постановления ЦК ВКП(б), направленные против проявлений аполитичности и безыдейности на разных участках идеологического фронта⁴⁵.

Советские ученые на страницах журналов решительно выступили против отказа вести борьбу с буржуазной историографией, против выхолащивания классового содержания явлений общественной жизни, против забвения классового принципа в оценке ряда исторических событий, против антиисторизма, аполитичности, объективизма, против ухода от решения теоретических проблем в область локальных исследований и «коллекционирования фактов»⁴⁶.

Среди советских периодических изданий послевоенного времени журнал «Вопросы истории», созданный в 1945 г. по решению ЦК ВКП(б) взамен «Исторического журнала»⁴⁷, был единственным (и продолжает оставаться), публиковавшим материалы по всем отраслям исторического знания: истории СССР, всемирной истории, истории КПСС, археологии, этнографии, вспомогательным историческим дисциплинам, архивоведению, музееведению и т. д.⁴⁸ Содержание журнала составляли статьи, сообщения, публикации, рецензии, библиографические заметки по широкому кругу тем и проблем. Невозможно обозначить все тематическое богатство журнала. Его особенностью было обилие дискуссий⁴⁹.

⁴⁵ КПСС в резолюциях и решениях... 7-е изд. М., 1954, ч. III, с. 477, 479, 482, 485—494; Большевик, 1946, № 3, с. 10—11; № 16, с. 50—53. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947, с. 479—482.

⁴⁶ Александров Г. Ф. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях.— Большевик, 1945, № 14; Мосина З. В. О работе Института истории АН СССР.— Вопросы истории, 1948, № 11; Против объективизма в исторической науке.— Вопросы истории, 1948, № 12.

⁴⁷ Вопросы истории, 1945, № 1, с. 3.

⁴⁸ «Вопросы истории» — орган Института истории АН СССР, с 1957 г.— Отделения исторических наук АН СССР, с 1962 г.— также Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Первый отв. ред. В. П. Волгин. Выходит ежемесячно.

⁴⁹ Дискуссии общего характера: об основном экономическом законе феодальной формации и его трактовке (1953—1955), о действии экономических законов в антагонистических формациях (1954—1956), о сущности феодально-патриархальных отношений у кочевых народов (1954—1956), и др.; по всемирной истории: по проблемам истории Византии (1958—1961), об образовании буржуазных наций и народностей (1952—1956); по отечественной истории — об образовании русского централизованного государства (1946), о генезисе капитализма (1947—1957), о периодизации феодальной и капиталистической формаций истории России эпохи феодализма и капитализма (1949—1951) и народов СССР (1951—1952), об этногенезе и развитии русского национального языка (1950—1953), о зна-

Не все дискуссии носили творческий характер, получили свое завершение, затрагивали коренные проблемы, но такие, как о генезисе российского капитализма, о периодизации истории России эпохи феодализма и капитализма и народов СССР, о значении присоединения к России нерусских народностей в прошлом и некоторые другие, имели важное значение для советской исторической науки в целом⁵⁰.

Практика коллективного творчества нашла свое место и при создании в этот период учебников по истории, пособий, программ. В ряде случаев журнал выступал инициатором их обсуждения⁵¹. В самых разнообразных формах «Вопросами истории» осуществлялась пропаганда исторических знаний: традиционно отмечались юбилейные даты⁵², систематически рецензировалась продукция советских и зарубежных историков, публиковалась хроника научной жизни и др.

Из отраслевых периодических изданий особый интерес представляли «Краткие сообщения»⁵³ и «Ученые записки»⁵⁴ Института славяноведения АН СССР, появление которых связано с бурным развитием такой отрасли научного знания, как советское славяноведение. «Краткие сообщения» содержали главным образом

чени присоединения нерусских народов к России в прошлом (1951—1952), о крестьянских движениях в России в период позднего феодализма (1954—1956), о переходе восточнославянских племен к феодальной формации, минуя капитализм (1954—1957), по проблемам истории Средней Азии XVIII—XIX вв. (1954—1956), о революционно-демократическом движении 60-х годов XIX в. (1954), в ней приняли участие журналы «Вопросы философии», «Вестник АН СССР», «Известия АН СССР» отделения литературы и языка и др. В 1954—1956 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» состоялась дискуссия о периодизации истории советского общества.

⁵⁰ Так, например, дискуссия о периодизации истории России периода феодализма и капитализма вызвала интерес к проблемам периодизации истории народов Эстонии, Армении (1951—1952). В 1950 г. в Институте славяноведения состоялась дискуссия о периодизации истории Польши с участием польских историков, в 1952 г. в Институте востоковедения проходила дискуссия по вопросам периодизации новейшей истории Китая; и др.

⁵¹ Журнал организовал дискуссии: о содержании и построении курса русской историографии (1948), о проспекте учебника по истории СССР эпохи социализма (1950—1951), о состоянии и изучении источниковедения истории СССР и создании учебника (1951—1952) и др.

⁵² В 1948 г. — 100-летие Манифеста Коммунистической партии и революции 1848 г.; в 1949 г. — 200-летие со дня рождения А. Н. Радищева; в 1951 г. — 50-летие ленинской «Искры», 80-летие Парижской Коммуны; в 1952 — 40-летие «Правды», 25-летие XV съезда партии, 50-летие Ростовской стачки в ноябре 1902 г., 1000-летие со дня рождения Ибн-Сины (Авиценны); в 1953 г. — 50-летие КПСС, 125-летие со дня рождения Н. Г. Чернышевского, 75-летие освобождения Болгарии от турецкого ига, 100-летие со дня смерти национального героя Румынии Н. Балческу; в 1954 г. — 100-летие героической обороны Севастополя в войне 1854—1856 гг., 125-летие со дня рождения армянского революционера-демократа М. Н. Налбаняна; и др.

⁵³ Издание началось в 1951 г. Первый отв. ред. В. А. Смирнов.

⁵⁴ Издание началось в 1948 г. Первый отв. ред. Б. Д. Греков.

материалы сессий и заседаний института, хронику, авторефераты диссертаций, рецензии. В задачу «Ученых записок» входила публикация исследовательских работ по славяноведению, сообщений о состоянии научной работы в странах социализма. Историческая тематика включала широкий круг вопросов: этногенез славян, образование средневековых славянских государств, развитие капиталистических отношений, национально-освободительное движение, история межславянских отношений — политических и культурных, история борьбы славян с фашизмом и образование новых демократических славянских государств и др.

Отдельные из вышеперечисленных тем разрабатывались на страницах возобновившегося в 1947 г. периодического сборника «Византийский временник»⁵⁵. В научно-исследовательских статьях, сообщениях, критических обзорах получили свое развитие ведущие темы советского византиноведения: классовая борьба в византийском обществе, генезис и специфические особенности византийского феодализма, происхождение и развитие ремесла, торговля, славянская колонизация Византии и влияние славян на историю Византийской империи и др. Большое значение имела традиционная для этого издания публикация новых неизвестных первоисточников, введение их в научный оборот⁵⁶.

В послевоенные годы оживилась деятельность советских этнографов. Отсюда — появление новых периодических изданий Института этнографии АН СССР: для ознакомления научной общественности с экспедиционными результатами в области этнографии, антропологии, фольклора — «Краткие сообщения»⁵⁷, для публикации отдельных работ научного характера — «Труды» (новая серия)⁵⁸. Наиболее полно проблемы этнографии, антропологии и фольклора получили свое освещение в журнале «Советская этнография»⁵⁹. От изучения исключительно архаических форм культуры и пережитков первобытнообщинного строя журнал перешел к исследованию проблем этногенеза отдельных народов⁶⁰, культуры и быта социалистических наций и народностей СССР⁶¹ и современных народов зарубежных стран, в первую оче-

⁵⁵ «Византийский временник» издавался в 1897—1928 гг. Новая серия, унаследовавшая лучшие традиции русского византиноведения, явилась, по существу, самостоятельным изданием. Первый отв. ред. Б. Д. Греков. Издание продолжается.

⁵⁶ Например, были опубликованы: избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского, «О царстве» Синезия Киренского и др. Публикации сопровождалась предисловиями и развернутыми комментариями.

⁵⁷ Издавались в 1946—1963 гг. Первый отв. ред. М. В. Левин.

⁵⁸ Издавались в 1947—1962 гг. Первый отв. ред. С. П. Толстов.

⁵⁹ Издание возобновлено в 1946 г. Первый отв. ред. С. П. Толстов. Издание продолжается.

⁶⁰ Значительная часть работ была посвящена славянским народам, из других — финнам, тюркам, народам Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Передней Азии, Западной Европы и др.

⁶¹ В 1952—1953 гг., например, прошла в журнале дискуссия об этнографическом изучении колхозного крестьянства.

редь колониальных и зависимых, к теоретической разработке вопросов истории первобытного общества, истории отечественной этнографии, критике зарубежной буржуазной науки и др., тем самым отразив перестройку, которая началась в научно-исследовательских учреждениях.

Изучался фольклор Великой Отечественной войны и послевоенного периода. В области антропогенеза и этнической антропологии получили освещение процессы сложения антропологических типов на разных этапах истории человечества и их изменения.

В целом для послевоенного этапа характерно обилие периодических изданий отдельных научно-исследовательских и учебных центров, основное содержание которых составляли сообщения, доклады, рефераты. Большое место отводилось отчетам о научной и преподавательской работе учреждений. Как правило, подобные издания носили несколько информационный характер, отличались пестротой содержания, мелкотемьем и существовали недолго. Значение периодики указанного времени — в накоплении конкретно-исторических исследований, что позволило в дальнейшем перейти к широкому обобщению и разработке широких теоретических проблем.

Среди причин, вызвавших бурный подъем советской исторической науки с конца 50-х годов, и факторов, ему способствовавших, можно с полным основанием назвать деятельность созданных специальных журналов по основным разделам истории и отдельным историческим дисциплинам: истории СССР, новой и новейшей истории, истории КПСС, археологии, востоковедению⁶². Журнал занял в советской исторической периодике ведущее место.

Важное значение в определении перспектив дальнейшего развития исторической периодики в целом имели постановления ЦК КПСС «Об издании журнала „Вопросы истории КПСС“» (12 января 1957 г.), «О журнале „Вопросы истории“» (9 марта 1957 г.), «О работе журнала „Коммунист“» (9 января 1959 г.)⁶³.

⁶² Началось издание: в 1955 г.— «Исторический архив», орган Института истории АН СССР. Отв. ред. Д. А. Чугаев; «Советское востоковедение», орган Института востоковедения АН СССР. Название менялось, в 1959 г.— «Проблемы востоковедения», с. 1961 г.— «Народы Азии и Африки». Первый отв. ред. В. А. Масленников; в 1957 г.— «Вопросы истории КПСС», орган ИМЛ при ЦК КПСС. Первый отв. ред. Г. Д. Обичкин; «История СССР», орган Института истории АН СССР. Первый отв. ред. М. П. Ким; «Новая и новейшая история», орган Института истории АН СССР. Первый отв. ред. А. А. Губер; «Вестник истории мировой культуры», орган Отделения исторических наук АН СССР. Отв. ред. А. А. Зворыкин. Издание прекратилось в 1961 г.; «Советская археология». Первый отв. ред. А. В. Арциховский; в 1958 г.— «Археологический ежегодник» (издание Археологической комиссии при отделении исторических наук АН СССР). Первый отв. ред. М. Н. Тихомиров. Издание продолжается; в 1958 г. издавался журнал «Советское китаеведение», орган Института китаеведения АН СССР. Отд. ред. Е. Ф. Ковалев; с 1959 — Военно-исторический журнал. Первый отв. ред. Н. Г. Павленко; и др.

⁶³ Справочник партийного работника. М., 1957, вып. 7, с. 372, 381—382. М., 1959, вып. 8, с. 534—537.

Периодика второй половины 50-х годов не только отразила переход к разработке крупных проблем теоретического характера, но и способствовала этому. Среди разрабатывавшихся проблем: проблемы методологии истории, строительство коммунизма в СССР, кризис и распад колониальной системы империализма, национально-освободительное, рабочее и коммунистическое движение, международные отношения, генезис феодализма и капитализма и др.

Особое место отводилось и отводится всестороннему изучению ленинского теоретического наследства, освещению общественно-политической, государственной и военной деятельности В. И. Ленина. Началась (и продолжается) широкая публикация новых ленинских документов, воспоминаний о В. И. Ленине⁶⁴. Лениниана стала постоянной и ведущей темой советской исторической периодики⁶⁵.

Шла дальнейшая разработка и освещение в журналах истории КПСС, истории второй мировой войны и Великой Отечественной войны советского народа, истории культуры, истории стран социализма Европы и Азии, истории стран Латинской Америки. Началась широкая публикация статей по истории народов Африки.

Преобладающее изучение истории новейшего времени не означало перерыва в исследовании других периодов истории: древнего, средневекового, нового. Среди тем, получивших наибольшее развитие в периодике, — кризис рабовладельческой системы, «второе издание крепостничества» в Средней и Восточной Европе, об уровне социально-экономического развития стран Востока до их превращения в колонии и полуколонии западноевропейских держав, роль народных движений в истории стран Азии и Африки, крестьянские восстания в Западной Европе и в России, первые буржуазные революции.

Советские историки на страницах журналов развернули последовательную критику современной буржуазной историографии, борьбу с фальсификаторами исторического процесса, вскрывая несостоятельность современной буржуазной общественной науки в освещении ряда проблем истории советского общества (Октябрьская революция, гражданская война и др.), всемирной истории (вторая мировая война и политика фашистской Германии, колониальная политика империализма и др.), проблем методологии (концепции «европоцентризма», «микросоциологии» и др.).

⁶⁴ В 50—60-е годы в журналах были опубликованы воспоминания Г. В. Черина, В. А. Карпинского, Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой, С. И. Аралова, М. В. Феофановой, Г. И. Петровского и других, деятелей международного рабочего и коммунистического движения В. Коларова, У. Галлахера, М. Кашена, А. Рис-Вильямса и др.

⁶⁵ Наибольшее развитие эта тема получила на страницах «Вопросов истории КПСС», где с 1960 г. началась публикация материалов к научной биографии В. И. Ленина.

Усилился интерес к историографии, источниковедению, к вопросам методики исторических исследований, к вспомогательным историческим дисциплинам и др.

Вновь созданные журналы охватывали широкий круг вопросов исторической науки: научно-исследовательская и публикаторская работа⁶⁶, подготовка кадров⁶⁷, пропаганда исторических знаний⁶⁸ и др. Характерной чертой исследования явился комплексный подход к наиболее сложным проблемам⁶⁹.

В ряде случаев редколлегии журналов выступали инициаторами дискуссий по волнующим советских историков вопросам⁷⁰. Расширение источниковой базы и накопление фактического материала дало возможность советским историкам выступить с пересмотром взглядов по отдельным проблемам⁷¹.

⁶⁶ Была продолжена публикация работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документов международного рабочего и коммунистического движения. Особенно много в этом направлении сделали журналы «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история».

⁶⁷ В журналах были созданы специальные разделы: «В помощь пропагандистам и преподавателям» («Вопросы истории КПСС»), «Вопросы преподавания новой и новейшей истории» («Новая и новейшая история»), «Научно-исследовательская работа в высшей школе» («Вопросы истории») и др., которые содержали методические материалы и консультации, отчеты о подготовке кадров в вузах страны, о создании новых учебников. Журналами были организованы обсуждения предмета и содержания университетского курса историографии истории СССР («Вопросы истории», 1962—1963), вопросов преподавания и изучения новой и новейшей истории для средней школы («Новая и новейшая история»), вопросов методики курса истории КПСС («Вопросы истории КПСС»).

⁶⁸ Среди юбилейных дат, отмеченных в журналах: 50-летие первой русской революции 1905—1907 гг., 100-летие I Интернационала, 150-летие Отечественной войны 1812 г., 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции (в связи с чем в журналах были опубликованы обзорные статьи о развитии советской исторической науки в 1917—1957 гг.).

⁶⁹ Так, в обсуждении проблем истории возникновения человеческого общества приняли участие историки, философы, антропологи, этнографы, археологи. В дискуссию 1955—1958 гг. включились журналы: «Вопросы истории», «Коммунист», «Советская этнография», «Вопросы философии», «Советская археология», «Советская антропология».

⁷⁰ Например, о периодизации истории советского общества («Вопросы истории», 1954—1956), о социалистических преобразованиях промышленности в СССР («Коммунист», «Вопросы истории», 1956—1957), по актуальным проблемам истории партии («Вопросы истории КПСС», 1960—1961), по истории исторической науки («История СССР», 1960—1962), о периодизации движения за коммунистический труд («История СССР», 1964—1966), о чартистском движении («Новая и новейшая история», 1959—1960), о характере и движущих силах, особенностях и периодизации Ноябрьской революции 1918 г. в Германии («Вопросы истории», 1956—1960, участие приняли немецкие ученые), по проблемам периодизации истории Востока («Советское востоковедение», 1956). По археологии, например, состоялась дискуссия по проблемам черняховской культуры, о ранней истории восточных славян (1955—1956); по археологии — о принципах и критериях научной экспертизы ценности документальных материалов и их применении, о некоторых вопросах археологии и др.

⁷¹ Например, вновь состоялось обсуждение вопроса о характере движения кавказских горцев против царизма в XIX в. («Вопросы истории», «Ком-

Большой вклад внесли журналы в работу по созданию много- томной «Всемирной истории», «Истории СССР», «Истории Моск- вы», истории социалистических стран.

На страницах периодики систематически освещались (и осве- щаются) международные связи советских ученых: написание совместных трудов, участие в международных конгрессах, симпо- зиумах, конференциях, в работе Международного комитета исто- рических наук и его комиссиях и др.

Таким образом, в своем развитии советская историческая пе- риодика прошла ряд этапов, деление на которые обусловлено факторами общественно-политической жизни страны, внутренним развитием самой исторической науки, реорганизационными пере- стройками системы исторических периодических изданий (изме- нения количества периодических изданий, поиски наиболее ра- циональной формы, тиражи, структура изданий).

В периодике второй половины 30-х — начала 40-х годов полу- чил отражение процесс дальнейшей профессионализации истории как науки, пополнение ее кадрами выпускников советских истори- ческих вузов, повышение уровня подготовки и др. В тематиче- ском отношении наблюдалось стремление к равномерному иссле- дованию всех периодов и отраслей исторического знания, велась борьба с социологизаторством и вульгаризацией.

Главным в периодике Великой Отечественной войны было вос- питание патриотизма и гражданского чувства любви к Родине, ненависти к фашизму.

В послевоенное время периодические издания приняли актив- ное участие в разработке конкретно-исторических тем отечествен- ной и всемирной истории.

Накопление опыта издания периодики привело к дальнейше- му совершенствованию форм, возобладанию как ведущей форм- ы — журнала, что создало возможности более оперативного от- ражения результатов исследований. Потребности исторической науки вызвали к жизни ряд отраслевых журналов. Налицо усло- вия для широкого и дифференцированного освещения проблем истории СССР и всемирной истории, истории КПСС, специальных исторических дисциплин и др.

Совершенствование системы советской исторической периоди- ки не только открыло перспективы более полного освещения дея- тельности советских ученых, но еще больше активизировало ее роль в советской исторической науке. Опубликованные в совет- ской исторической периодике исследования, ее научно-организа- ционная деятельность способствовали созданию необходимых усло- вий для дальнейшего подъема советской исторической науки в пе- риод развитого социализма.

мунист», 1955—1957), об опричнине («Вопросы истории», 1956), о соци- альной природе среднеазиатского джадизма и его эволюции в период Ве- лико́й Октябрьской социалистической революции («История СССР», 1963) и др.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОПАГАНДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ СОВЕТСКИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ МУЗЕЯМИ

А. Б. Зак

Широкая пропаганда исторических знаний как действенного средства формирования марксистско-ленинского мировоззрения и коммунистического воспитания — одна из важнейших задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством перед историческими музеями. Для выполнения этой задачи музеи обладают широкими возможностями, так как создаваемые ими экспозиции и выставки посещают десятки тысяч людей, самые различные слои советского народа.

История творческих исканий на пути создания экспозиций, отвечающих политическим, образовательным и воспитательным задачам пропаганды исторических знаний, дает возможность использовать достижения советских историков-музееведов, а также предостеречь от ошибочных тенденций и решений.

На протяжении 60 лет Советской власти содержание и методы построения исторических экспозиций менялись в зависимости от задач, стоящих перед идеологической работой, от уровня развития исторической науки и, естественно, в соответствии с уровнем развития советского музееведения. Эта проблема частично освещалась лишь в специальной музееведческой литературе, мало доступной широкому кругу читателей. В данной статье автор поставил перед собой задачу привлечь внимание к музейной форме пропаганды исторических знаний, проследив ее развитие начиная с 1917 г. до начала 60-х годов.

Для периода становления советского музейного дела (1917 — середина 30-х годов) характерно стремление к большей доступности экспозиций, поиски в области методики их построения на марксистско-ленинской основе. К середине 30-х годов усилились учебно-образовательные функции исторических экспозиций, был накоплен практический опыт экспозиционной работы, обобщение которого способствовало повышению действенности экспозиций и служило развитию советского музееведения. Примерно к середине 60-х годов была создана теоретическая и методическая база для дальнейшего развития и совершенствования исторических экспозиций, соответствующих новому, более высокому уровню советской исторической науки и советского музееведения.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции задачей первостепенной важности было сохранение культурного наследия, органической частью которого были музейные собрания. Но уже с первых лет Советской власти музеи

наряду с другими учреждениями культуры были призваны открыть и сделать доступными¹ хранящиеся в них ценности и выполнить таким образом «общегосударственные просветительные функции»². Актуальность этой задачи подтверждалась быстрым ростом посещаемости музеев³. Однако далеко не все музейные работники признавали просветительные функции необходимыми и обязательными для музеев. В речи на открытии первой Всероссийской конференции музеев (1919 г.) А. В. Луначарский указал на наличие музееведов, которые энергично сопротивляются всяким попыткам оживить музей и боятся «соприкосновения с внешним миром», тогда как их задача — сделать свои экспозиции доступными массам и стать «опорными пунктами в деле народного образования»⁴.

На той же конференции в докладе зоолога П. Ю. Шмидта о научно-просветительной работе эти мысли развивались. Подчеркивалось, что выбор и расположение экспонатов должны быть подчинены общей идее, достаточно ясно и наглядно выраженной; экспозиция должна будить мысль и воображение зрителя⁵. Эта «общая идея» на конференции не была сформулирована. В определении идейного стержня экспозиций ведущие исторические музеи — Государственный Исторический музей (ГИМ) и Историко-бытовой отдел (ИБО) Государственного Русского музея оставались на позициях буржуазной историографии. Так, например, в плане экспозиции ГИМ не была выявлена классовая борьба как движущая сила исторического процесса. Не выдерживала критики периодизация истории России, принятая для экспозиции ИБО (1700—1762 гг., 1762—1825 гг., 1825—1917 гг.).

Решения партийных съездов и конференций 20-х годов о развитии культурно-просветительной работы, указания на необходимость «оживления работы научной коммунистической мысли»⁶, всемерно пропагандировать идеологию революционного марксизма, активная деятельность новых научных центров в этом направлении не могли не отразиться на деятельности исторических музеев. Созданная в 1924 г. комиссия по музееведению в музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета (ГУС) ста-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 49 (далее: КПСС в резолюциях...).

² См. декреты о национализации Третьяковской галереи и др. в приложении к сб.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1967.

³ В 1921—1922 гг. музеи Московского Кремля посетило около 631 тыс. чел. В Государственном Историческом музее (ГИМ) в 1918 г. побывало 4 766 экскурсантов, в 1923 г. — 55 133. Одиночных посетителей в 1923 г. было 14 091 (раньше их учет не велся), в 1925 г. — 40 802. Росла посещаемость местных музеев: к 10-летию Советской власти она увеличилась во многих музеях в 5—6 раз.

⁴ Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977.

⁵ Отдел письменных источников ГИМ (далее: ОПИ ГИМ), ф. 54, ед. хр. 91, с. 5—6; *Закс А. В.* Первая всероссийская музейная конференция. — В кн.: Музейное дело в СССР. М., 1979, с. 141.

⁶ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 461.

вила перед музеями задачу «усиления работы в сторону наиболее широкого просветительного использования музейных коллекций и памятников, в частности новых, наиболее целесообразных методов приближения их к массам». Исторические музеи должны были «выявлять в экспозициях социальные моменты, обращать должное внимание на быт трудящихся классов»⁷. Тогда было еще далеко до четкого представления об исторической экспозиции, построенной на марксистско-ленинской методологической основе, но все же это было шагом вперед. ГИМ начал работу над выставкой «От Пугачева до декабристов», в дальнейшем получившей название «Из истории крепостного хозяйства XVIII—XIX веков», пытаясь осуществить «классовый подход к историко-бытовому материалу»⁸. ИБО готовил выставки «Труд и быт крепостных» и «Быт труда и капитала перед революцией»⁹. Впервые ГИМ применил метод экспонирования, названный им «синтетическим». Отказавшись от членения экспозиции по отраслям материальной культуры, от демонстрации эволюции техники и форм предметов производства и быта, что было принято в дореволюционных музеях, авторы экспозиции объединяли разные типы исторических источников (вещественные, изобразительные, письменные) в соответствии с поставленной темой. ИБО разработала методику показа историко-бытовых интерьеров разных общественных групп. Каждая из этих попыток открывала большие возможности для пропаганды исторических знаний и актуализации культурно-просветительной работы. Однако в структуре выставок и в решении отдельных ее звеньев по-прежнему отражалось непреодоленное влияние буржуазной историографии. В них не было политической заостренности, классовая борьба не получала должного освещения, преувеличивались прогрессивные черты помещичьего хозяйства, роль буржуазии в экономической и культурной жизни России. Отдельные выставки не ставили своей целью и не могли дать представление о закономерности исторического процесса, что было важнейшим элементом в пропаганде научного мировоззрения и чего, в частности, ждали от музеев экскурсионные организации¹⁰.

Передовые позиции занимали центральные историко-революционные музеи, возникновение которых было непосредственно связано со становлением советской исторической науки и с работой Истпарта. Активно участвуя в изучении и пропаганде истории Коммунистической партии и революционного движения в России, коллективы этих музеев в определении содержания экспозиции исходили из марксистской трактовки исторического про-

⁷ ОПИ ГИМ, ф. 54, ед. хр. 206, с. 2—3.

⁸ Известия ВЦИК. Заметка о программе подготовляемой выставки. 1925, 1 окт.

⁹ Подробнее см.: *Закс А. Б.* Из истории экспозиционной мысли советских музеев.—Тр. НИИ музееведения (далее НИИМ). М., 1970. Вып. 22.

¹⁰ Культурно-исторические экскурсии. М., 1923, ч. 1, с. 16.

цесса. И именно эти музеи сделали наибольший вклад в разработку методов построения экспозиций, соответствующих задачам политической пропаганды и культурно-просветительной работы. «Коллектив сотрудников во главе с его руководством, — вспоминает Н. М. Дружинин, руководивший научной работой Музея Революции СССР, — находился в процессе постоянных исканий, стараясь найти наиболее эффективные приемы подачи материала, установить наиболее глубокую связь экспозиции с современными политическими задачами. Мы одновременно боролись и с рутинной буржуазного музееведения, и с примитивным, ненаучным подходом к подаче музейного материала. Нашей основной целью было заставить отобранные материалы говорить языком марксистско-ленинской методологии, не только заинтересовать и увлечь массового зрителя, но и воспитать его пробуждающееся сознание... Успеху общей работы способствовал постепенный выход сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, которые не только читались, но и музейно осваивались всем коллективом»¹¹. В процессе практической работы, с учетом опыта других передовых музеев историко-революционные музеи разработали метод построения экспозиции, получивший название «комплексно-тематического». Этот метод давал возможность показать исторические явления в их взаимной связи и обусловленности, отразить в экспозиции диалектику исторического развития, сделать экспозицию целенаправленной и доступной массовому посетителю. Экспозиция делилась на разделы по этапам революционного движения. Каждый раздел включал в себя несколько тем в соответствии с историческим содержанием данного этапа. Экспонаты, взаимосвязанные по содержанию, объединялись в экспозиционные комплексы под определенным углом зрения. Каждый комплекс «должен быть законченным целым, организующим в определенном направлении мышление зрителя... Система расположения, а следовательно, порядок осмотра должны соответствовать внешнему ходу и внутренней связи изображенных событий»¹².

В основу каждого тематического экспозиционного комплекса предполагалось положить музейные предметы — «подлинные остатки революционного прошлого — самое ценное ядро музея»¹³. Таким образом, хотя специфика музея и не была сформулирована, утверждался принцип предметности экспозиции.

Однако в большинстве случаев подлинники, хранившиеся в музее, лишь фрагментарно отражали историко-революционный процесс. Чтобы дать представление об исторических событиях и явлениях, нужно было, во-первых, использовать материалы из других хранилищ (в первую очередь письменные источники, обыч-

¹¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, с. 35.

¹² Дружинин Н. М. Методы историко-революционной экспозиции. — В кн.: Музей Революции Союза ССР. М., 1927, с. 30—31.

¹³ Там же, с. 23.

но в воспроизведениях), во-вторых, включать в экспозицию вспомогательные наглядные пособия, как, например, исторические карты, диаграммы, схемы, дополняющие смысловое (вложенное автором) содержание поставленной темы. В некоторых случаях для создания представления об историческом событии в помощь посетителю выставлялись иллюстрации, созданные по заказу музея и дававшие определенную интерпретацию историческим событиям. Большое пропагандистское значение имели помещаемые в экспозицию в виде так называемых «ведущих» текстов цитаты из трудов классиков марксизма, из постановлений партийных съездов и конференций. Правильному пониманию экспозиции способствовали подробные объяснения каждого экспоната (этикетаж). Особое значение эмоционального воздействия экспозиции, в частности, трудность восприятия письменных источников, занимавших большое место в экспозиционных комплексах, выдвигали на одно из первых мест не свойственную обычным историческим трудам проблему художественного оформления выставленных материалов. Это оформление, по мнению авторов экспозиции Музея Революции СССР 20-х годов, не только облегчает ее восприятие, но и «дополняет и усиливает это восприятие, воздействуя на нашу эмоциональную сферу: повышая общий тонус переживания, художественная форма делает интенсивнее и острее работу логической мысли... Каждый зал, каждый отдельный щит, каждая выставленная витрина должны быть законченным художественным целым, в котором достигнуто полное равновесие между внешней формой и существом заключенного материала»¹⁴.

В 1924—1927 гг. в Музее Революции была построена тематическая экспозиция по истории революционного движения от крестьянских войн XVII—XVIII вв. до современности¹⁵. Нельзя недооценить этот первый опыт отражения истории классовой борьбы, революционного движения и социалистического строительства СССР, показанный в историко-хронологической последовательности. В. И. Ленин, характеризуя книгу М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», подчеркивал необходимость знания исторических фактов, значение их изложения в хронологической последовательности¹⁶. Экспозиция Музея Революции СССР содействовала ознакомлению с историческим процессом. Проводившиеся в музее циклы учебных экскурсий являлись своего рода систематическим учебным курсом. Тематический метод был положен в основу ряда выставок, организованных Музеем Революции СССР, а также Ленинградским музеем Революции. Они посвящались юбилейным датам — 20-летию революции

¹⁴ Дружинин Н. М. Методы историко-революционной экспозиции. — В кн.: Музей Революции Союза ССР, с. 33.

¹⁵ См.: Путеводитель по Музею Революции / Под общ. ред. С. И. Мицкевича. Составлен научными сотрудниками музея. М., 1926.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 24.

1905 г., 100-летию восстания декабристов и др. К ним применима оценка, данная М. Н. Покровским юбилейным сессиям и конференциям Общества историков-марксистов: «наиболее простой и ясный способ пропаганды среди широких масс новых взглядов на те или иные события»¹⁷.

Особенно большое значение имели первые опыты музейной пропаганды истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства. Известны указания В. И. Ленина о необходимости сбора материалов по истории Советского государства с первых дней его существования. Музеи активно включились в эту работу, а музейные экспозиции популяризировали этот материал, показывали его в хронологической и логической последовательности, пытались повышать его воспитательное и эмоциональное воздействие как путем особо впечатляющих приемов оформления (свет, цвет, динамические средства показа), так и путем тщательно отработанных и эмоционально насыщенных экскурсий¹⁸. Нельзя не отметить, что в построении этих экспозиций встречались наибольшие трудности.

Экспозиции центральных музеев революции пользовались вниманием и любовью народа. Пропагандистская и учебная работа по истории революционного движения имела широкий диапазон, посещаемость росла¹⁹.

О том, как воздействовала экспозиция Музея Революции СССР на посетителей, говорят записи в сохранившихся книгах впечатлений. Многие записи свидетельствуют о действенности нового метода. «За короткое время получили столько знаний, сколько не в силах дать целый месяц изучения по литературе»; «Все прежде полученные сведения и знания в музее приводятся в порядок, в стройность, приобретают законченность»; «Весьма ценна система расположения материала, дающая возможность проследить последовательный ход развития революционного движения»; «Для нас, учителей станиц и хуторов, лишенных хороших книг по истории революции, не имеющих возможности изучить великую борьбу рабочих и крестьян, очень ценно все то, что дает Музей Революции»; «Учитель, побывав в Музее Революции, выйдет из него коммунистом» — таковы мнения слушателей партшкол, студентов, учителей. В записях рабочих и крестьян, помимо

¹⁷ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 319.

¹⁸ Романовская Н. В. Музейные историко-революционные экскурсии. — В кн.: Музей Революции Союза ССР. М., 1927; Методы и практика экскурсионного дела. М., 1925; Александров Ю. Экскурсионная работа в Москве. Исторический очерк. — В кн.: Вопросы массовой научно-просветительной работы музеев. М., 1961.

¹⁹ В 1924/25 г. МР СССР посетило 171 350 чел., а в 1927/28 г. — 236 796 чел. Ленинградский музей Революции с Петропавловской крепостью в 1926/27 г. посетило 203 340 чел. Посещаемость ГИМ за тот же год была вдвое меньше, чем Музея Революции СССР, а выставки ИБО Русского музея посетило почти в четыре раза меньше человек, чем Ленинградский музей Революции.

оценок общего характера, говорящих об эмоциональном воздействии музея («впечатление потрясающее», «ошеломлен богатством экспонатов», «впечатление самое огнедышащее» и т. п.), особенно подчеркивается политико-воспитательное значение музея. Музей — это «воспитатель широких рабоче-крестьянских масс», «лучшая агитация против веры в бога», «необходимо, чтобы каждый рабочий побывал в Музее революции... отсюда он выйдет чище, умнее, закаленнее», «нужно приводить сюда крестьянскую молодежь и подробно объяснять обо всех революционных событиях... это будет лучшей смычкой между городом и деревней»²⁰.

Большую роль в пропаганде истории Родины могли сыграть местные музеи, постепенно приобретавшие краеведческий профиль. Их научной работой руководило Центральное бюро краеведения (ЦБК). Однако до конца 20-х годов единой исторической экспозиции в них не существовало. Имелись историко-культурные, этнографические отделы²¹. Со второй половины 20-х годов начали создаваться и получали все большее значение общественно-экономические отделы. Во многих музеях возникали историко-революционные отделы, особенно в связи с приближением 10-летия Октября; на местах открывались историко-революционные музеи²². Каждый отдел обычно доводил показ до современности, что открывало возможность сопоставления прошлого с настоящим. Наименее удачными были отделы социалистического строительства, создаваемые в основном на вспомогательном материале, не вызывавшем интереса посетителей.

Развернутое наступление социализма, обострение классовой борьбы выдвинули в конце 20-х годов новые задачи перед идеологическими учреждениями. Борьба за марксистско-ленинскую идеологию должна была получить более активный, наступательный характер. Важное значение для исторической науки имела дискуссия об общественно-экономических формациях, которая помогла историкам-марксистам утвердиться в марксистско-ленинском понимании исторического процесса. Имевшие место ошибки, свойственные вульгарному социологизму, особенно сильно отразились в области популяризации исторических знаний, в пропагандистской и учебной работе. В итоге острых дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов, получивших широкое освещение в прессе, намечались правильные пути решения поставленных проблем.

Эти же годы были переломными в работе музеев историческо-

²⁰ Цитировано по кн.: *Очерки музейного дела в СССР* (далее: *Счерки*), вып. V, с. 27—28.

²¹ *Ионова О. В.* Создание сети краеведческих музеев РСФСР и первые десять лет Советской власти.— В кн.: *История музейного дела в СССР*. М., 1957.

²² В 1922 г. действовало 5 историко-революционных музеев, в 1925 г.— 25. Сведения об историко-революционных музеях и выставках начиная с 1922 г. систематически печатались в журнале «Пролетарская революция».

го профиля. Указанные выше недостатки и ошибки в их экспозициях сделались нетерпимыми в новых условиях. Музеи явно отставали от требований жизни. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве РСФСР» от 20 августа 1928 г. отмечалась неудовлетворительная идеологическая работа музеев²³.

Для повышения роли музеев в идеологической работе и определения основных направлений их деятельности в конце 1930 г. был созван первый Всероссийский музейный съезд²⁴. Особое внимание было уделено построению музейных экспозиций, которые, как вполне правильно указывали докладчики на съезде, должны способствовать формированию марксистско-ленинского мировоззрения у советских людей, быть партийными, воспитывать активных строителей коммунистического общества.

Для активной пропаганды марксистско-ленинского понимания исторического процесса было предложено в основу всех обществоведческих экспозиций положить учение об общественно-экономических формациях. Перестройка экспозиций в этом направлении началась уже в конце 1920-х годов.

Однако в практической работе исторических (в том числе историко-революционных) музеев в конце 20-х — начале 30-х годов сказались влияние вульгарного социологизма и связанная с ним недооценка значения подлинного исторического памятника-источника как основы для музейной пропаганды исторических знаний. В результате игнорирования специфического для музейной экспозиции принципа предметности смысловое содержание экспозиции раскрывалось не через музейные предметы, а при помощи текстов и научно-вспомогательных материалов (карты, диаграммы и пр.), заказанных музеем иллюстраций, причем не столько к историческим событиям, сколько к социологическим схемам. Местные музеи в погоне за показом «истории общественных форм» нередко лишались краеведческого профиля и превращались в подобие кабинетов наглядных пособий.

Такие экспозиции не привлекали внимания посетителя. Попытки подмены предметного показа всевозможными оформительскими приемами (символические конструкции, «овеществленные» диаграммы, театрализованные обстановочные сцены и пр.)²⁵ приводили к тому, что экспозиция лишалась необходимой для любой пропагандистской работы убедительности, которую могло дать непосредственное восприятие исторических источников. Экспозиция исторического музея переставала быть одним из видов исто-

²³ В помощь работнику музея: (Законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству). М., 1936, с. 7—8.

²⁴ Тр. Первого Всероссийского музейного съезда. М., 1931, т. 1—2. См. о нем: Очерки, вып. VI, с. 45—49; Тр. НИИМ. М., 1971, вып. 22, с. 149—154.

²⁵ Состояние исторической науки, уровень развития музееведения, конструктивизм, характерный для декоративного искусства того времени, обусловили эксперименты, не выдержавшие проверки временем.

рического труда, научного пособия. Уход от подлинного музейного показа был одновременно уходом от исторической науки.

Партийно-правительственные постановления, посвященные исторической науке и историческому образованию (1934—1936)²⁶, сделали необходимым пересмотр содержания и методики исторических экспозиций²⁷. На новом этапе развития музеи должны были отражать в своих залах историю СССР по общественно-экономическим формациям в хронологической последовательности.

Однако процесс преодоления музейно-методических ошибок шел медленно, поскольку теоретические основы нового подхода к историческим экспозициям не были выработаны. Он осуществлялся экспериментально, в процессе практической работы.

Первым удачным опытом была экспозиция, созданная в 1936 г. в Центральном музее В. И. Ленина. В 21 зале бывшего здания Городской думы в рекордно короткий срок была развернута экспозиция, посвященная жизни и деятельности В. И. Ленина. Органическая связь с Институтом В. И. Ленина способствовала разработке идейного содержания экспозиции. Знакомство с бесценными материалами историко-партийного архива института и его книжным фондом убеждало в том, что ленинские автографы и первоиздания его трудов не могут оставить человека безразличным. Участие Н. К. Крупской, членов семьи Ульяновых, старых большевиков помогло собрать мемориальный материал, эмоциональное воздействие которого общеизвестно. Биография Ленина органически входила в показ пролетарского этапа в революционном движении, истории Коммунистической партии, Советского государства. «Основная задача музея,— писал посетивший его Г. М. Кржижановский,— организовать для миллионов посетителей встречу с документами жизни и работы В. И. Ленина, чтобы в максимальной степени возместить для них невозможность встречи с ним как с живым человеком»²⁸.

Подобное воздействие экспозиции было достигнуто целенаправленной музейно-методической работой авторского коллектива совместно с художником²⁹.

²⁶ Уже в постановлении 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» Наркомпрос восстановил историю как самостоятельный учебный предмет. Комплексные программы были заменены предметными.

²⁷ Вопросы перестройки экспозиций обсуждались на страницах журнала «Советский музей», в методических сборниках Музея Революции СССР, Ленинградского музея Революции. Большое значение для совершенствования экспозиционной работы имела статья Н. М. Дружинина «Научная подготовка музейной экспозиции» (см. кн.: Музей Революции СССР. Методика музейной работы, 1935, № 7).

²⁸ *Тетерин С.* Посетитель о музее В. И. Ленина.— Советский музей (Далее: СМ), 1938, № 4, с. 28.

²⁹ Научной частью руководила А. И. Голстихина, в дальнейшем директор Музея Революции СССР. Художником, оформлявшим музей, был Я. Ромас. См. также: Пролетарская революция, 1936, № 7, с. 185—197.

Особенно существенной для историко-революционных музеев была разработка приемов показа письменных источников, наиболее трудных для восприятия, но исключительно важных для раскрытия идейного содержания экспозиции. Это учет внешнего вида документа, показ творческой лаборатории Ленина как исследователя, подробные и целенаправленные аннотации, использование карт и таблиц для характеристики масштаба деятельности Ленина, распространения его работ и пр. Важнейшие ленинские рукописи и труды получали особое, монументальное оформление³⁰. Из личных вещей Ленина были помещены лишь те, которые свидетельствовали о важных исторических событиях. В траурном зале были собраны отклики на смерть Ленина, дополнительно характеризовавшие его как вождя революции. Произведения искусства, в которых посмертно был отражен облик В. И. Ленина, в большинстве своем помещались в отдельном зале.

Оформление экспозиции резко отличалось от прежних, конструктивистских и рассчитанных на внешний эффект. Интерьер был простым и строгим. Внимание художника было перенесено на подачу отдельных музейных предметов на организацию экспозиционных комплексов³¹.

Стоявшая на уровне современной науки идейно целеустремленная, использовавшая исторические первоисточники в качестве основных экспонатов, эта экспозиция стала важным центром историко-партийной пропаганды и оказала большое положительное влияние на дальнейшую работу музеев исторического профиля.

Во второй половине 30-х годов на новом этапе социалистического строительства с особой остротой встал вопрос о подготовке кадров для всех отраслей социалистического строительства. Знание истории Родины было необходимо для поднятия культурного уровня советских людей, для пропаганды исторической обусловленности Великой Октябрьской социалистической революции, задач и успехов социалистического строительства, для воспитания советского патриотизма. Экспозиции исторических музеев должны были помочь в перестройке исторического образования, содействовать прохождению учебных программ в школах, вузах, в системе партийного просвещения, в переподготовке кадров учителей и пропагандистов. В музеи за помощью обратились учителя, в первую очередь молодежь, не получившая систематического исторического образования и не имевшая необходимых учебных пособий³². В своей работе они опирались на проекты стабильных

³⁰ Этим экспонатам отводилось особое место, они размещались на мраморных досках, использовался направленный свет и т. п.

³¹ Следует отметить, что к музейно-методическим решениям авторы шли интуитивно, эмпирически, вследствие чего иногда нарушался принцип предметности показа.

³² Первый стабильный учебник «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова для младших классов средней школы вышел лишь в 1937 г.

учебников и замечания к ним А. Жданова, С.-Кирова, И. Сталина. Однако лишь участие в разработке актуальных проблем исторической науки, проведение экспедиций, целенаправленно пополнявших музейные собрания, изучение музейных предметов и коллекций делали возможным осуществление экспозиционных задач³³.

В перестройке экспозиций по истории дореволюционной России впереди оказались археологи. Как известно, 30-е годы, в особенности их вторая половина, характеризуются подъемом археологических экспедиций и научных исследований. В музеях концентрировались коллекции, без изучения которых не могла развиваться археология. Археологи центральных и местных музеев были связаны с ведущими научными центрами, что положительно влияло на качество их экспозиций. Так, в ГИМе в отличие от экспозиций конца 20-х — начала 30-х годов, когда для иллюстрации заданной схемы объединялись предметы из разных, нередко разного времени коллекций, теперь основным звеном стал археологический комплекс, материалы раскопок одного объекта. Для экспонирования отбирались комплексы, каждый из которых давал представление об одной из сторон жизни человеческого общества на территории СССР³⁴. Содержание экспозиции было значительно шире материала, предлагаемого программами учебных курсов по истории СССР. Подобные экспозиции центральных и местных музеев широко использовались специалистами, были незаменимыми учебными пособиями, давали большой материал для формирования материалистического мировоззрения, атеистической пропаганды³⁵.

Сложнее обстояло дело с экспозициями, посвященными более поздним периодам, исследование которых опирается в первую очередь на письменные источники.

В исторических экспозициях 1937—1941 гг. задача отображения исторического процесса была упрощена: музеи пытались дать на научной основе наглядную иллюстрацию к учебным программам (а затем и к учебным пособиям) по истории СССР. Более или менее широко используя исторические источники-подлинники или их воспроизведения, авторы экспозиций комментировали отражаемые в них исторические явления при помощи вспомогательных материалов и текстов.

³³ Дмитриев П. А. Научно-исследовательская работа по истории.— СМ, 1938, № 3; Радченко Е. С. Организация и методика научно-исследовательской работы краеведческого музея.— СМ, 1936, № 2, с. 23—38; № 3, с. 11—18; Рыков П. Изучение доклассового периода в истории края.— СМ, 1936, № 3; Сибилев Н. В. Археологические исследования краеведческих музеев.— СМ, 1936, № 3; Ширямов А. Научно-исследовательская работа в отделах истории и природы.— СМ, 1940, № 1.

³⁴ Брюсов А. Я. Экспозиция отдела древней истории.— СМ, № 3, с. 25; *Он же*. Первобытная община: Путеводитель. Залы I—IV, ГИМ, 1940.

³⁵ Дмитриев П. А. Указ. соч.; Авдусин А. Археология в Московском университете.— В кн.: Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968; Передовая статья.— СМ, 1938, № 5.

Именно такими были экспозиции 1937 г. в ГИМе (XVI — первая половина XVIII в.) и в ИБО — реформы Петра I³⁶. Актуальным вопросом исторической науки по-прежнему отвечали выставки к юбилейным датам или по итогам проведенных исследований и экспедиций. Характерной была тематика выставок ГИМ. На выставке «Отечественная война 1812 года» впервые получил должное освещение патриотический подвиг народов России. Возросшему интересу к истории культуры отвечала выставка «375 лет первой печатной книги в России». Выставка к 175-летию Великой Французской буржуазной революции подчеркивала ее международное значение. Особо отметим выставки по истории народов СССР, отчасти восполнявшие пробелы, имевшиеся в исторической литературе³⁷.

В сложном положении оказались в эти годы экспозиции по истории революционного движения в России и советского общества. Для них характерна ограниченность и стандартность смыслового содержания экспозиций. Многие памятники материальной культуры не использовались. Письменные источники нередко заменялись цитатами, многие подлинные фотографии и реликвии изымались из экспозиции, а их место занимали специально изготовленные для музея или скопированные картины.

И все же нельзя недооценивать работу центральных общенациональных и историко-революционных музеев в эти предвоенные годы. Они широко использовались сетью партийного просвещения, учебными заведениями, оставались незаменимыми наглядными пособиями, знакомившими, хотя и в ограниченной мере, с историческими источниками. Особая роль в пропаганде боевого прошлого советского народа, в воспитании советского патриотизма принадлежала военно-историческим музеям³⁸.

Большие трудности стояли перед историческими экспозициями краеведческих музеев. В 1937 г. было ликвидировано Центральное бюро краеведения, руководившее научной работой. Вместо него был создан Научно-исследовательский институт краеведения и музейной работы.

Попытка вновь созданного Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы составить примерные планы экспозиций по истории для всех краеведческих музеев с ука-

³⁶ Серия путеводителей-листовок по залам XVI—XXI. М., 1938; рец. на них см.: *Левенсон Н. Р.* Листовки Государственного исторического музея.— *СМ*, 1939, № 7, с. 42; Путеводитель по выставке «История СССР. XVIII век». Л., 1940. Ч. 1; См. также: *Очерки*. М., 1960, вып. II, с. 366—369; 1962, вып. IV, с. 282—283.

³⁷ *Базилева З.* Выставка к 175-летию Великой французской революции.— *Вопр. ист.*, 1939, № 6; *Маневский А.* 375 лет первой печатной книги в России: Путеводитель по выставке. М., 1939; *Дракохруст Е., Закалинская Е.* Украина и Белоруссия в XVII—XIX веках. Путеводитель по выставке. М., 1939; *Закс А.* Борьба горцев за независимость: Путеводитель по выставке. М., 1941.

³⁸ *Востоков Е. И.* Из истории советских военных музеев.— В кн.: *Очерки*, вып. IV.

занием основных экспонатов и текстов оказалась неудачной для музеев. Экспозиции лишились историко-краеведческого характера, поскольку своеобразие исторического процесса на территории края не выявлялось. В связи с этим коллективы музеев теряли стимул к изучению истории края, к комплектованию фондов по его истории, что ставило под угрозу перспективу развития музеев. Широкое обсуждение музейной общественностью задач и особенностей музейной формы пропаганды исторических знаний, признание исторических экспозиций оригинальным историческим научным трудом, систематическая работа курсов повышения квалификации музейных работников — все это приводило к наметившемуся в самом конце 30-х годов положительным сдвигам в научно-исследовательской работе музеев и создавало базу для улучшения их экспозиций³⁹.

Великая Отечественная война поставила новые проблемы перед музеями. Главной задачей научно-просветительной, пропагандистской работы музеев стало воспитание советского патриотизма, укрепление дружбы народов. Боевые традиции, героизм армий и народа стали ведущей темой экспозиции исторических музеев. Вместе с тем особое значение получали экспозиции, пропагандировавшие памятники культуры. «Музей обеспечивает сохранность нашей дивной старины, особенно ценной теперь, когда враги разрушили Новгород и Псков. Надо любить и беречь нашу старину», — записано в книге отзывов Вологодского областного краеведческого музея.

Создание экспозиций на темы Великой Отечественной войны открывало наибольшие возможности для массовой агитационно-пропагандистской работы и требовало большой научной подготовки. Изучая ход событий по публикациям в прессе, собирая материалы «по горячим следам событий» в воинских частях и на предприятиях, у отдельных участников войны и в их семьях, консультируясь с военными специалистами, музейные работники создавали экспозиции, которые были основой для популяризации истории Великой Отечественной войны. С особой остротой вставал вопрос об эффективности воздействия экспозиции. Экспозиция должна была удовлетворить интерес посетителей к ходу военных действий, показать закономерность победы над врагом, неизбежность гибели фашизма; возбудить гордость за советскую армию, советский народ, который под руководством Коммунистической партии преодолевает все трудности, дать новый «заряд» стремлению активно участвовать в общей борьбе. Все это определяло содержание и методику построения экспозиций (или выставок). Во-первых, структура экспозиции обычно отражала по-

³⁹ В 1940—1941 гг. ГИМ выпустил 8 томов «Трудов»; сотрудники МР СССР опубликовали свыше 100 работ, главным образом в партийной печати. Краеведческие музеи вновь занялись историей своего края.— См.: СМ, 1940, № 1, 2, 4.

следовательный ход событий войны в целом (Музей Советской Армии, Музей Революции СССР) или на одном участке фронта (ГИМ — разгром немецко-фашистских войск под Москвой, выставка, а затем Музей обороны Ленинграда), или в отдельном районе (краеведческие музеи). Во-вторых, была учтена притягательная сила подлинного, взятого из жизни материала, в особенности предметов мемориального значения, интерьеров и других жизненных комплексов, в которых зафиксировался быт военного времени, отдельные эпизоды войны. В-третьих, большое внимание уделялось разработке приемов, помогающих целеустремленно раскрыть содержание событий, представителем или остатком которых являлась данная реликвия, сделать экспозицию доступной и эмоционально воздействующей⁴⁰. Опыт построения экспозиций по Великой Отечественной войне оказал значительное влияние на дальнейшую работу над теорией и методикой исторических экспозиций, в частности на экспозиции, создаваемые «по горячим следам событий», и сыграл положительную роль в решении вопроса об особенностях музейной формы пропаганды исторических знаний⁴¹.

Послевоенные годы отмечены особым вниманием Коммунистической партии и Советского правительства к музейному делу. Соборания музеев были частью народного достояния, потерпевшего ущерб во время войны. В 1948 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которое оказало большое влияние на поднятие

⁴⁰ Интересен опыт ГИМ, создавшего выставку «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Крупным событием на музейном фронте была выставка «Героическая оборона Ленинграда». Основной методической задачей был показ вещественных реликвий, составлявших ядро выставки. Реконструировались фрагменты жизненных комплексов, использовались приемы сопоставления и массированного показа музейных предметов, делались попытки воссоздания среды, окружавшей демонстрируемую реликвию. Выставка (в дальнейшем Музей обороны Ленинграда) производила буквально потрясающее впечатление. Положительной оценки заслуживают экспозиции ряда краеведческих музеев, уделявших наряду с показом основных событий войны и подвигов земляков особое внимание работе тыла (Ивановский краеведческий музей, Музей Татарской АССР и др.).

⁴¹ *Сижкин М. П.* Советские музеи в период Великой Отечественной войны.— Тр. НИИМ. М., 1961, вып. 5; *Комарова М. Ф.* О работе музеев в дни Великой Отечественной войны: Информационное письмо. М., 1943; Выставка «Героическая оборона Ленинграда»: Путеводитель. Л.; М., 1945; Музей обороны Ленинграда: Путеводитель. Л.; М., 1948; Государственный исторический музей: Путеводитель по залам. М., 1947; *Галкина П. И.* Трудящаяся Ивановской области в дни Великой Отечественной войны.— Исторический журнал, 1943, № 3/4; *Синицына К. Р.* Из истории музейного строительства ТатАССР.— В кн.: Очерки. М., 1971, вып. VII, с. 157; см. также: Научный архив НИИКультуры (далее: НА НИИК). Отчеты краеведческих музеев за 1941—1945 гг.; *Серебренников Г. Н.* О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы по тематике Великой Отечественной войны. М., 1943; *Востоков Е. И.* Из истории советских военных музеев.— В кн.: Очерки, вып. IV.

престижа музеев⁴². Музейные экспозиции могли широко использоваться в пропагандистской и воспитательной работе. О задачах музеев и помощи им говорилось на всероссийских совещаниях по культурно-просветительной работе 1945 и 1947 гг. Музеи приняли участие в смотре культурно-просветительных учреждений, организованном в 1947 г. к 30-летию Великого Октября⁴³. Пополнению научных кадров исторических музеев служила специальная кафедра музееведения при историческом факультете Московского государственного университета и аспирантура при крупнейших музеях. Курс исторического музееведения был включен в программы ряда других учебных заведений.

Одновременно с эвакуацией и приведением в порядок фондов исторические музеи начали интенсивную экспозиционную работу. Стремясь возможно шире ознакомить население с сохраненными памятниками истории и культуры, музеи организовывали выставки фондов⁴⁴⁻⁴⁵. Однако основным звеном их деятельности оставались тематические экспозиции. В связи с недостаточной разработанностью истории краев и областей, с значительной утратой фондов слабыми были экспозиции краеведческих музеев. В частности, в них не было найдено соотношения между местным и общенациональным материалом. В дискуссиях, привлекавших внимание не только музейной общественности, но и всех заинтересованных в пропаганде исторических знаний, вырабатывались теоретические обоснования для создания экспозиций, полноценных по своему содержанию (имеется в виду идейное содержание и состав экспонатов) и доступных для восприятия и понимания⁴⁶. Путь к созданию подобных экспозиций можно проследить на практике ГИМа. Подготовленная в 1945 г. экспозиция, посвященная Русскому государству в XVI в., демонстрировала исторические источники, раскрывавшие сложный процесс социально-

⁴² Охрана памятников истории и культуры: Сб. док. М., 1973, с. 65—67.

⁴³ *Игнатьева В. Н.* Организация музейного дела и музейное строительство РСФСР в послевоенные годы (1945—1953).— В кн.: Очерки. М., 1968, вып. VI.

⁴⁴⁻⁴⁵ С конца 20-х до середины 30-х годов организация выставок фондов прекратилась, что было одним из проявлений нигилистического отношения к памятникам материальной культуры. В 1936 г. после большого перерыва подобная выставка была открыта в ГИМ. В 1945—1946 гг. ГИМ подготовил выставки тканей, городской одежды, керамики и стекла, охотничьего оружия; в его филиалах открывались систематические экспозиции по отраслям материальной культуры. Выставки фондов открыли Ивановский, Куйбышевский, Орловский, Вологодский областные краеведческие музеи и др.

⁴⁶ Культурно-просветительная работа, 1948, № 7, с. 28—31; № 11, с. 37; *Галкина П. И., Иванецкий И. П.* Об экспозиции краеведческих музеев.— НА НИИИ, 1213; *Рындзюнский П. Г.* Основные направления экспозиций советских исторических музеев.— НА НИИИ, 1127; *Дуб И. А.* Экспонат в тематической экспозиции.— НА НИИИ, 1322; Материалы теоретического семинара 1948—1954.— НА НИИИ. В итоге дискуссий и на основе практического опыта было создано пособие: Основы советского музееведения. М., 1955.

экономического и политического развития страны. Ограниченность достаточно доступных источников, краткость этикетажа стали поводом для критики музееведческих принципов ее построения. Возражения исходили из понимания экспозиции как наглядной иллюстрации к историческим пособиям. «Если нет подлинного материала для раскрытия идейного содержания поставленной темы, надо его создать. Если нет хорошего портрета Ивана Грозного, надо его создать»⁴⁷. Подобная позиция вызвала резкие возражения со стороны ученых историков, членов Ученого совета ГИМ — С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, Н. Л. Рубинштейна (заместителя директора ГИМ по научной части). «Задача музея, — говорил С. В. Бахрушин, — воспитание любви к Родине, уважения к памятникам истории и культуры... Смешивая подлинный памятник и всякую бумажную продукцию нашего творчества, мы стираем у посетителя особое чувство к подлиннику, убиваем в нем уважение к историческому памятнику, превращаем музей в плохое подобие школьного учебника»⁴⁸.

Полностью соглашаясь с этим мнением, подчеркнем, что показ исторических памятников и документов (предметность экспозиции) должен служить раскрытию идейного содержания экспозиции, построенной на марксистско-ленинской методологической основе, и не входить с ним в противоречие. Здесь также поучителен опыт ГИМа, открывшего в 1947 г. экспозицию по истории России первой половины XIX в.⁴⁹ Желая возможно более полно показать народу собрания музея, сохраненные несмотря на трудности военного времени, авторский коллектив щедрой рукой отбирал для экспонирования материалы богатейших коллекций музея, однако не смог преодолеть недостатков этих коллекций, сформированных в основном в дореволюционное время. Внешне скромные комплексы, характеризующие тяжелое положение народа, классовую борьбу, освободительное движение, меркли по сравнению с материалами по быту господствующего класса, по внешней политике Николаевской монархии. С помощью ведущих ученых-историков — Н. М. Дружинина, С. С. Дмитриева и других — авторский коллектив внес значительные изменения в структуру экспозиции и в состав экспонатов⁵⁰.

В русле развернувшейся в конце 1940-х — начале 1950-х годов борьбы с объективизмом, с аполитичностью, за правильное осуществление ленинского принципа партийности в науке и искусстве велись широкие обследования и обсуждения экспозиций центральных и местных музеев⁵¹.

⁴⁷ Ведомственный архив ГИМ (далее: ВА ГИМ), ед. хр. 125, л. 1.

⁴⁸ ВА ГИМ, ед. хр. 125, л. 2—3.

⁴⁹ Экспозиция описана в Путеводителе по залам (М., 1947), с. 101—130.

⁵⁰ См. подробнее: Очерки. М., 1961, вып. III, с. 32—38.

⁵¹ Материалы обследования экспозиций центральных музеев. — НА НИИК, 1195, 1196, 1197; Ведомственный архив МР СССР (далее: ВА МР), № 525, 540, 1196; Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев.

Широкой научной пропаганде исторических знаний мешала тематическая неполнота, «лоскутность» показа (в особенности истории советского общества), связанная не только с неразработанностью ряда проблем в исторической науке, но и с пробелами в музейных фондах. Перед музеями встала задача комплектования музейных фондов, в первую очередь по истории советского общества, а также по истории капиталистической России. С конца 1940-х годов активизируется собирательская работа исторических музеев⁵².

Значительные положительные сдвиги в работе исторических музеев произошли во второй половине 50-х — начале 60-х годов. После XX—XXII съездов КПСС активизировалась научно-исследовательская работа музеев по пропаганде исторических знаний. Советские исторические музеи всей своей работой должны были содействовать претворению в жизнь очередных задач, поставленных партией и правительством перед работниками идеологического фронта и исторической наукой. Пропаганда исторических знаний играла в этом значительную роль. В своей деятельности музеи могли опереться на новейшую советскую историческую литературу, вышедшую в конце 50-х — начале 60-х годов. Особо следует отметить значительный рост исследований, освещавших ранее малоизученные события на местах. Многие сотрудники музеев активно участвовали в этой работе⁵³.

Указанная выше тенденция к расширению собирательской работы превратилась буквально в поход за материалами для комплектования фондов, для экспозиции. Экспедиции выявляли участников революционного движения, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн, восстанавливали историю колхозов и совхозов, выезжали на целину, оперативно собирали материалы о первых бригадах коммунистического труда. Специфическим для музеев было создание мемориальных комплексов выдающихся и рядовых строителей социализма, защитников Родины⁵⁴. В итоге историческая

М., 1950; Стенограммы заседаний Ученого совета Музея ТатАССР.— НА НИИК, 2937; О перестройке районных краеведческих музеев. М., 1950; *Галкина П. И., Иваницкий И. П.* Об экспозициях краеведческих музеев.— НА НИИК, 1213. В обследовании участвовали ученые, партийные и общественные деятели — А. В. Архивовский, В. К. Гарданов, Н. М. Дружинин, С. С. Дмитриев, А. И. Михайловская, А. С. Нифонтов, Ф. Н. Петров, Г. Н. Серебренников, К. А. Соловьев и др.

⁵² См.: Сборник информационно-методических материалов по вопросам музейного дела и краеведения. М., 1951. Вып. II; Историко-бытовые экспедиции Государственного исторического музея. М., 1953. Ч. I; М., 1955. Ч. II. Подробные сведения имеются в годовых отчетах музеев за эти годы.

⁵³ *Лурье В. Г.* Обзор литературы, выпущенной краеведческими музеями в 1953—1959 гг. М., 1960; *Он же.* Издательская деятельность краеведческих музеев РСФСР (1958—1964). М., 1967.

⁵⁴ Успешной работе по комплектованию фондов способствовал организованный Министерством культуры РСФСР смотр работы музеев (см.: Об

наука получила новые материалы по истории революционного движения, а в музейных экспозициях появились экспонаты, способствующие целенаправленной и эмоционально воздействующей пропаганде исторических знаний.

В Центральном музее В. И. Ленина значительно расширился показ ленинских документов, материалов о соратниках Ленина; малохудожественные и не всегда соответствовавшие исторической правде картины заменялись увеличенными документальными фотографиями, больше места заняли предметы мемориального значения.

О характере перестройки экспозиции по истории советского общества говорит опыт Музея Революции СССР⁵⁵. В качестве примера рассмотрим изменения, внесенные к 40-летию в зал Великой Октябрьской социалистической революции. Тщательно подбирались материалы, раскрывающие теоретическую и организаторскую деятельность В. И. Ленина — копии его рукописей, первые издания статей, фотографии мест, где он жил и работал. Вместе с основными партийными документами в экспозиции значительное место заняли материалы местных партийных организаций, резолюции рабочих и солдатских собраний, крестьянских сходов о передаче всей власти в руки Советов, партийные билеты коммунистов, вступивших в партию в 1917 г., и т. п. На стендах музея появились портреты и личные вещи участников вооруженного восстания, ранее незаслуженно забытых. Экспозиция пополнилась материалами о ходе революции на местах. Более полное освещение получили интернациональные связи рабочего класса Советской России. В свете решений XX съезда КПСС и последующих пленумов перестраивались экспозиции других залов. Большое значение для повышения качества пропагандистской работы имели вошедшие в практику музея выставки фондов, собранных «по горячим следам событий». Демонстрация подлинных современных событиям материалов имела большое познавательное и воспитательное значение. Эти выставки были также своеобразной формой быстрой публикации, введения в научный оборот новых исторических источников⁵⁶.

итогах Всероссийского смотра музеев. М., 1958); а также систематический обмен опытом на совещаниях музейных работников (см.: Хануков А. С., Селина К. И. Зональные совещания работников музеев.— Вопросы архивоведения, 1961, № 2; Пензенское совещание. 1959 г. М., 1961; Сокращенная стенограмма расширенной сессии Ученого совета НИИ музееведения по вопросам собирательской работы. М., 1961; Игнатьева В. Н. Из опыта собирания краеведческими музеями историко-революционных материалов. Собирательская работа музеев.— Тр. НИИМ. М., 1961, т. 4; Закс А. В. Новые материалы по истории советского общества в музеях.— История СССР, 1964, № 3.

⁵⁵ Березов П. Музей революции: Путеводитель. 3-е перераб. издание. 1958. Подробный материал имеется в годовых отчетах музея.

⁵⁶ Этот опыт благоприятно повлиял на характер постоянных экспозиций музея. В них резко повысилась роль подлинных, в частности веществен-

К 1961 г. в залах МР СССР можно было познакомиться со всеми этапами развития советского общества, а также с пролетарским периодом революционного движения. Это резко повысило интерес широких слоев народа к экспозиции и сделало ее незаменимой базой для политического просвещения, для изучения истории партии.

Те же тенденции намечались в советских отделах краеведческих музеев, хотя преодолеть фрагментарность экспозиций по истории края в советских отделах пока не удавалось⁵⁷.

Именно в эти годы музейная общественность осознала необходимость показа истории послевоенных лет, исторического (а не технико-экономического) подхода к экспозициям по современности⁵⁸. Пропаганда исторических знаний естественно смыкалась с пропагандой достижений сегодняшнего дня, с конкретным показом реализации решений съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС местными партийными организациями, лучшими коллективами, передовиками производства, с активной подготовкой к очередным съездам КПСС, съездам советов, юбилейным датам.

Для советских отделов военно-исторических музеев характерно сочетание пропаганды боевых традиций, подвигов советских воинов, миролюбивой политики Советского государства с убедительным показом быта, учебы и оснащения Советской Армии и Флота. На одно из первых мест в пропаганде истории социалистического строительства вышел Музей истории города Ленинграда, сумевший на местном материале дать представление об этапах развития советского общества^{58а}.

Значительные изменения произошли во второй половине 50-х — начале 60-х годов в экспозициях по дореволюционной истории СССР. Для них характерно стремление не только ознакомиться с фактической историей нашей Родины, но и помочь понять и усвоить основные положения исторического материализма⁵⁹.

ных, источников, что сказалось и на характере пропагандистской экскурсионной работы. Положенный в ее основу показ музейных предметов оказался верным средством борьбы с догматизмом и начетничеством.

⁵⁷ Сафронов С. С. История края в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны в Муромском краеведческом музее. М., 1958; Хенкин А. М. Опыт организации экспозиции по истории Октябрьской революции и довоенному мирному строительству.— В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1959. Вып. 3; См. отчеты краеведческих музеев за 1956—1961 гг.— НА НИИК.

⁵⁸ См. стенограммы совещаний музейных работников в Горьком и Красноярске.— НА НИИК, 2920, 2922; стенограммы расширенной сессии Ученого совета республиканского краеведческого Музея ТатАССР.— НА Музей ТатАССР, б/н, 1958.

^{58а} Белова Л. Н. Основные принципы построения экспозиции по истории Ленинграда за годы Советской власти.— В кн.: Материалы конференции Комитета музеев археологии и истории. 9—18 сентября 1970. Л.; М., с. 6.

⁵⁹ Закс А. В. Музейные экспозиции по истории СССР в помощь формированию научного мировоззрения.— В кн.: Роль музеев в коммунистическом воспитании трудящихся. М., 1965.

Наибольшее внимание музеи в соответствии с направлением исторической науки уделяли построению новых экспозиций по эпохе капитализма, включая период империализма. Пионером оказался ГИМ, открывший в 1957—1962 гг. залы, освещавшие историю России с 1861 по 1917 г.⁶⁰ и послужившие как бы лабораторией для исторических отделов краеведческих музеев. Отметим особое внимание экспонированию специфических для музея вещественных источников — предметов материальной культуры и декоративно-прикладного искусства, отображающих социально-экономические и идеологические процессы, историко-революционных реликвий и мемориальных вещей, повышавших эмоциональное воздействие экспозиции.

Отражение в экспозиции всей дореволюционной истории СССР открывало большие возможности для пропаганды марксистско-ленинской концепции исторического развития, исторической обусловленности Великой Октябрьской социалистической революции.

Возможности пропаганды исторических знаний расширило открытие новых музеев. К 40-летию Октября на базе Ленинградского музея Революции открылись залы Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции. Началось создание мемориальных музеев в местах, связанных с героическими подвигами советских воинов (музей Брестской крепости, Каунасский музей IX форта). Повсеместно (на заводах, в колхозах, в школах) возникали народные общественные музеи историко-партийного, военно-исторического профиля, отражавшие на конкретных примерах революционные, боевые и трудовые традиции советского народа. К XXII съезду КПСС был вновь открыт созданный в 20-х годах по инициативе В. И. Ленина музей К. Маркса—Ф. Энгельса, экспозиция которого на широком историческом фоне раскрывала деятельность основоположников научного коммунизма и претворение их идей в практике мирового революционного движения.

Задачам развития и пропаганды истории культуры отвечала организация историко-этнографических, историко-архитектурных и художественных музеев-заповедников, а также музеев под открытым небом⁶¹.

Как и прежде, распространению правильной концепции истории далекого и недавнего прошлого способствовали юбилейные

⁶⁰ Эпоха капитализма в России: Путеводитель по залам 35—39 (ГИМ). М., 1957; Очерки, вып. III, с. 45—46; Коган Э. С. Принципы построения экспозиции по теме «Россия в период империализма. Пролетарский этап освободительного движения в России (1895 — октябрь 1917)». — Ежегодник ГИМ. М., 1962.

⁶¹ В 1957—1961 гг. было создано 7 музеев-заповедников — Владимиро-Суздальский, Костромской, Ярослав-Ростовский, Новгородский и др. О музеях под открытым небом см.: Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи. — Советская этнография, 1963, № 2, с. 7—18; А. В. Ополовников. Музеи деревянного зодчества. М., 1968.

выставки к 50-летию 1905 года, 300-летию воссоединения Украины с Россией, 150-летию Отечественной войны 1812 г. и многие другие. Особенно большой размах получили выставки к 40-летию Октября, а также посвященные съездам КПСС.

В партийных решениях по идеологическим вопросам не раз подчеркивалась необходимость усиления действенности пропаганды, борьбы со штампом, серостью, скукой в научно-популяризаторской работе.

В связи с этим большое значение приобретал вопрос об эстетике экспозиции, о ее художественном решении, которое, как известно, не безразлично к содержанию экспозиции и может способствовать наилучшему выявлению ее идей, ее эмоциональному воздействию, ее усвоению. Однако этот процесс шел медленно и архитектурно-художественное решение экспозиций оставалось слабым участком музейного строительства, что значительно снижало эффективность экспозиций⁶².

К XXII съезду КПСС музеи пришли со значительными достижениями в области пропаганды исторических знаний, однако оставались в долгу перед партией и народом: наиболее слабым звеном работы оставался показ и пропаганда истории советского общества.

Вместе с новым этапом развития советского общества новые задачи встали перед экспозиционно-пропагандистской деятельностью исторических музеев. Подробная характеристика ее выходит за пределы данной статьи. Мы укажем лишь некоторые черты, характерные для современного этапа развития советского музейного дела (до 1977 г.).

Исключительно большое значение для дальнейшего совершенствования работы исторических музеев имело постановление ЦК КПСС от 12 мая 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся»⁶³, принятию которого предшествовало всестороннее изучение деятельности музеев и обсуждение ее на расширенном заседании идеологической комиссии ЦК КПСС. Согласно постановлению все исторические музеи (в том числе исторические отделы краеведческих музеев) были обязаны отражать в своих экспозициях всю историю советского общества, включая ее современный этап. Была также поставлена задача всемерного развития массовой научно-пропагандистской и учебно-воспитательной работы.

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции почти все экспозиции по истории советского общества были перестроены. Дальнейшему улучшению экспозиций содействовали общественные смотры музеев, проведенные в связи с важней-

⁶² Михайловская А. И. Организация и техника музейной экспозиции. М., 1951, с. 52—58; Художественное оформление музеев. М., 1965; Искусство современной экспозиции. М., 1966.

⁶³ Политическое самообразование, 1964, № 6, с. 12—13.

шими юбилейными датами (1967, 1970, 1972, 1975, 1977 годы). В связи с развитием музейной сети значительно расширилась база для пропаганды исторических знаний музейными средствами: если в 1960 г. государственных музеев исторического профиля насчитывалось 316 (из них 238 краеведческих), то к 1973 г. их было уже 419⁶⁴. Наиболее значительным был рост мемориальных музеев, посвященных историческим деятелям и событиям⁶⁵. Воспитательное воздействие этих музеев особенно велико.

Поставленная в свете решений XXV съезда КПСС задача повышения эффективности и качества экспозиций требует от музеев углубленной работы в области истории, музейного источниковедения, теории экспозиции. Историк-музеевед в настоящее время не может пройти мимо вопросов архитектурно-художественного решения исторических экспозиций⁶⁶.

Особую актуальность приобретают вопросы идейного содержания, организации и методики экскурсионного обслуживания посетителей разного уровня⁶⁷. Наконец, необходимо продолжить и расширить на основе фундаментальных исследований общих вопросов социологии разностороннее изучение посетителей исторических музеев. Это поможет определению эффективности проводимой музеем пропаганды исторических знаний и принятию мер по улучшению этой работы, поднимет ее на высшую ступень⁶⁸. Принятый в октябре 1976 г. «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры» — залог дальнейшего развития советских исторических музеев и повышения их действенности⁶⁹.

⁶⁴ *Равикович Д. А.* Музейная сеть РСФСР: Современное состояние.— В кн.: Музей и современность. М., 1976. Вып. 2. Большую пропагандистскую и воспитательную работу на музейных материалах проводят общественные (народные) музеи.

⁶⁵ Среди них: Политическая ссылка В. И. Ленина в селе Шушенском (1970); Музей первого в России Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов (1967); Поныревский музей Курской битвы (1969). См. подробнее: *Равикович Д. А.* Указ. соч., с. 40.

⁶⁶ О дискуссии по этим вопросам см.: Декоративное искусство, 1976, № 9, 11.

⁶⁷ Эти проблемы требуют специального освещения и выходят за пределы данной статьи.

⁶⁸ См. сб.: Музей и посетитель. М., 1975. Вып. I; М., 1976. Вып. II.

⁶⁹ Правда, 1976, 31 окт.

ИСПАРТЫ НА УКРАИНЕ *

В. Г. Сарбей

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новые пути развития отечественной исторической науки. Навсегда были ликвидированы социальные основы, которыми поддерживалось официальное господствующее положение дворянско-буржуазных направлений в дореволюционной историографии. Советское государство приняло кардинальные меры для того, чтобы сберечь и расширить архивно-документальную базу исторической науки, организовать соответствующие научно-исследовательские центры, использовать профессиональный опыт буржуазных историков и воспитать молодые кадры историков-марксистов, направить их и тех и других на разработку важнейших исторических проблем.

Создание ряда первых советских учреждений исторической науки прямо связано с именем В. И. Ленина¹. Уже в первом подписанном В. И. Лениным и опубликованном 25 сентября 1920 г. официальном постановлении Совнаркома об образовании Истпарта в Москве последнему предоставлялось право «организовывать местные подкомиссии и бюро»². А после перехода через год Истпарта в ведение ЦК РКП(б) 31 января 1922 г. была издана специальная директива об организации бюро Истпарта при обкомах и губкомах партии на правах отделов³. В инструкции Истпарта ЦК ВКП(б) местным бюро Истпарта рекомендовалось сбо-

* Историографию данной темы, разрабатываемой в 60—70-е годы не только автором данной работы, но и его коллегами Б. И. Кашкиным, Н. В. Комаренко, Д. С. Щедриной и др., см. в кн.: *Комаренко Н. В. Установы історичної науки в Українській РСР (1917—1937 рр.)*. Київ, 1973, с. 3. Историографию истории испартов в масштабе всего Советского Союза см. в статье: *Пересветов В. А. Работа Истпарта по собиранию документов по истории Октябрьской революции в 1920—1923 гг.*— В кн.: *Археографический ежегодник за 1969 год*. М., 1971, с. 139—140.

¹ *Алексеева Г. Д. В. И. Ленин и создание центров советской исторической науки (1918—1923 гг.)*.— *Вопр. ист.*, 1960, № 4, с. 123—139. *Городецкий Е. Н. В. И. Ленин и создание центров историко-партийной науки*.— *Вопр. ист. КПСС*, 1964, № 8, с. 25.

² Постановление Совета Народных Комиссаров об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии.— *Изв. ВЦИК*, 1920, 25 сент.

³ *Ольминский М. С. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция»*.— *Пролетарская революция*, 1930, № 5, с. 155.

ром и хранением документальных материалов заниматься в тесном контакте с местными архивными организациями, для чего непосредственно в состав последних включать членов истпартбюро⁴.

Ленинская идея создания научно-исследовательского учреждения, специализирующегося на разработке истории Коммунистической партии и Октябрьской революции и подчиненного контролю партии, нашла живой отклик на Украине. В Харькове (в то время столице УССР) согласно постановлению ВУЦИК от 6 апреля 1921 г. по примеру Москвы был создан республиканский Истпарт. Его задачи были определены следующим образом: «Изучение пролетарской революции на Украине, беря не только октябрьско-ноябрьскую революцию и ее дальнейшие переходы, но и весь ход подготовившего ее массового революционного движения, и изучение истории Коммунистической партии как с момента ее возникновения на Украине, так и во всей предыдущей истории ее подготовивших революционных организаций и их преемственности и в их связях со всем политическим и экономическим развитием»⁵.

Около года Всеукраинский Истпарт был подчинен ВУЦИК, а с марта 1922 г. перешел в ведение Центрального Комитета КП(б)У. В коллегии Всеукраинского Истпарта входили видные руководители Коммунистической партии Украины В. П. Затонский, Э. И. Квиринг, С. В. Косиор, Д. З. Мануильский, Г. И. Петровский, Н. Н. Попов, Н. А. Скрыпник и др.⁶ Местные отделы истпартов возникли в республике при всех губернских комитетах партии, затем — окружках КП(б)У. Таким образом, на 1925 г. в УССР насчитывалось уже 20 местных истпартотделов: в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Луганске, Запорожье, Полтаве, Чернигове, Житомире, Виннице, Елисаветграде, Сталино, Артемовске, Херсоне, Кременчуге, Каменец-Подольске, Конотопе, Мариуполе, Старобельске⁷.

Как правило, истпарты руководили и деятельностью возникших вслед за ними в некоторых местах, а в ряде случаев и административно организованных при них Истпроффов, т. е. комиссий по изучению истории профсоюзного движения, Истмолов, т. е. комиссий по изучению истории комсомола и участия молодежи в революционном движении. Систематическая разработка истории

⁴ Пересветов В. А. Работа Истпарта по собиранию документов по истории Октябрьской революции в 1920—1923 гг.— В кн.: Археографический ежегодник за 1969 год, с. 145.

⁵ Культурне будівництво в Українській РСР: Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського уряду 1917—1959 рр. Збірник документів: У 2-х т. Київ, 1959. Т. 1 (1917 — червень 1941 рр.), с. 112.

⁶ Истпарт Украины (Харьков), (с. 10.IV по 10.VI.23 г.) — Пролетарская революция, 1923, № 6/7, с. 345.

⁷ Работа Истпарта ЦК КП(б)У за январь — октябрь 1925 года.— Летопись революции, 1925, № 5/6, с. 331.

профсоюзов и комсомола Украины стала налаживаться в основном уже во второй половине 20-х годов, но отдельные труды научного и популярного характера появлялись и раньше⁸. Следует упомянуть о печатном органе республиканского Истмола, вышедшем в свет с 1923 по 1933 г. под различными названиями: «Юношеское движение», «Юнацький рух», «Комуністичний юнацький рух». В журнале на основе документальных источников и мемуаров нашли отражение многие яркие страницы истории комсомола Украины.

В своей деятельности местные истпартотделы руководствовались специально разработанным Истпартом ЦК ВКП(б) Положением, которое обязывало заботиться о сохранении исторических источников, глубоко изучать их, издавать сборники документов и материалов, мемуарные и научные работы, посвященные истории партии и Октябрьской революции, организовывать историко-революционные архивы, библиотеки, музеи, выставки, проводить публичные лекции, вечера воспоминаний, создавать общества и клубы с целью объединения «ветеранов рабочего движения для оказания им помощи и использования их для изучения истории Октябрьской революции и РКП»⁹. Положение было одобрено на первом Всероссийском совещании работников истпартов (Москва, 22—24 апреля 1923 г.), где обсуждались вопросы повышения научной квалификации истпартотделов, изучения ими теории и практики архивного дела, методологии и методики исторического исследования, привлечения к изучению истории партии широких масс рабочих. Эти предложения нашли отражение в резолюции совещания¹⁰.

Работавший в это же время XII съезд РКП(б) по предложению Истпарта ЦК КП(б)У и при участии его представителей также принял специальную резолюцию, которая указала на исключительную важность деятельности истпартов и обязала местные партийные организации обеспечить их квалифицированными кадрами и денежными средствами¹¹. На XIII съезде партии, состоявшемся в мае 1924 г., также стоял вопрос об истпартотделах, поскольку потребность в трудах по истории партии и Октябрьской революции стала особенно острой в связи с ленинским при-

⁸ Колесников Б. Профессиональное движение и контрреволюция: Очерки из истории профессионального движения на Украине. Харьков, 1923; 25 лет союза кожевников Киевщины. 1898—1922. Киев, 1923; Три года борьбы и работы: Сборник по истории Шулявской организации РСМУ. 1920—1923 гг. Киев, 1923; и др.

⁹ Постановления Всероссийского совещания Истпарта.— Коммунистическая мысль, 1923, № 4/5, с. 68—69.

¹⁰ Резолюция по докладу тов. В. И. Невского о ближайших задачах.— Коммунистическая мысль, 1923, № 4/5, с. 70—71.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 1898—1953. 7-е изд. В 2-х ч. Ч. 1, 1898—1925. М., 1953, с. 730; Адамович Е. Всероссийское совещание истпартов.— Летопись революции, 1923, № 4. с. 318—319.

зывом, по которому в РКП(б) вступило свыше 240 тыс. молодых коммунистов из рабочей среды. В специальной резолюции съезда отмечалось громадное воспитательное значение печатной продукции истпартов и указывалось на необходимость расширения истпартовской работы в связи с приближающимся тогда 20-летием первой русской революции¹².

Внимание истпартовской работе на Украине в связи с приближением 10-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции уделил IX съезд КП(б)У, состоявшийся 6—12 декабря 1925 г. В одной из резолюций съезда записано: «Необходимым элементом партийного влияния является наука ленинской тактики и стратегии, которая может быть усвоена лишь на основе углубленного изучения истории партии и Октябрьской революции. Вследствие этого работа Истпарта приобретает особенно важное значение в общей системе нашей внутривнутрипартийной работы. Партийным органам необходимо обратить серьезное внимание на постановку истпартовделов на местах и принять все меры к облегчению и развитию их деятельности»¹³. Приступив к интенсивному изучению истории подготовки и проведения Октябрьской революции на Украине, истпарты УССР могли уже опереться на некоторые работы видных деятелей Октябрьской революции на Украине — Е. Бош, И. Кулика, М. Майорова, Н. Скрышника. Появились истпартовские издания, явившиеся определенным вкладом в идейную борьбу, которую вела в 20-х годах Коммунистическая партия и вместе с ней советская историческая наука против троцкистской концепции, извращавшей роль и место партии, ее вождя В. И. Ленина в подготовке и проведении социалистической революции¹⁴.

Благодаря действенной поддержке центральных и республиканских партийных органов в 1923 г. был осуществлен выпуск в свет одного из лучших в то время истпартовских изданий — сборника исследовательских и документальных материалов по истории Екатеринославской социал-демократической организации на первом этапе ее деятельности от возникновения до II съезда РСДРП¹⁵. Несмотря на огромные расходы по изданию сборника (1000 руб. золотом), его продажная розничная цена была удешевлена, а из общего тиража 2200 экземпляров 50 было распространено бесплатно среди старейших рабочих — участников револю-

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 1898—1953; 7-е изд. В 2-х ч. Ч. 1. 1898—1925, с. 821.

¹³ КПУ в резолюциях и решениях съездов и конференций. 1918—1956. Киев, 1958, с. 331—332.

¹⁴ *Чубар В. І. Ленін у Жовтневій революції*. Харків, 1924; *Затонський В. П. Вир* (3 минулого). Харків, 1928; и др.

¹⁵ История Екатеринославской социал-демократической организации (1889—1903): Воспоминания, документы, литературные и художественные материалы. Екатеринослав, 1923.

ционного движения в Екатеринославе¹⁶. В то время в связи с недостаточно высоким уровнем зарплаты рабочих бесплатное распространение истпартовской литературы среди них было вполне оправданно, так как служило важным делу коммунистического воспитания масс трудящихся. Характерно, что вопросу удешевления истпартовских изданий уделял постоянное внимание республиканский истпарт Украины¹⁷.

В рецензии центрального истпартовского журнала «Пролетарская революция» отмечена богатая источниковая база екатеринославского сборника. Это записи воспоминаний участников революционной борьбы и документы местных республиканских и центральных архивов, выявленные путем тщательного обследования¹⁸. Успеху первого мемуарно-исследовательского сборника Екатеринославского истпарта содействовала большая предварительная работа по упорядочению и первичной обработке местных архивных фондов, сформированных главным образом из документов царского жандармского губернского управления, а также первых местных органов Советской власти, в частности ЧК и военных учреждений¹⁹. К сбору и систематизации архивных материалов были привлечены 10 человек, в том числе и «некоторые профессора»²⁰ (безусловно, лояльно настроенные по отношению к Советской власти).

Местные истпарты на Украине, поддерживая постоянные деловые контакты с республиканским истпартом, непосредственно подчинялись Истпарту ЦК ВКП(б), систематически отчитывались перед ним и получали от него директивные указания. Определяя направление и содержание поисковой работы по сбору архивных документов, Истпарт ЦК ВКП(б) в одном из своих циркулярных писем, направленном в местные истпартоделы в декабре 1922 г., разъяснял, что «материалом для истории служат не только полицейские и фабричные «дела», но и многое другое: старые газеты и вырезки из них, отчеты, проекты, брошюры, книги, личные письма, дневники, реликвии (например, знамена, венки), фотографии, рисунки, памятники и пр.»²¹

Архивный фонд в УССР приходилось создавать и пополнять буквально по крохам, прибегая в ряде случаев даже к такому методу сбора историко-документальных материалов, как обследование базарных ларьков, из них нередко извлекались ценные до-

¹⁶ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 2, д. 115, л. 48—49.

¹⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социального строительства УССР (далее: ЦГАОР УССР), ф. 177, оп. 1, д. 246, л. 99, 115, 127, 197, 212; д. 334, л. 3, 77, 89, 102, 103, 133.

¹⁸ *Лившиц С.* Рец. на кн.: История Екатеринославской социал-демократической организации (1889—1903). Екатеринослав, 1923. 430 с.— Пролетарская революция, 1923, № 9, с. 233—236.

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 115, л. 6—7.

²⁰ Там же, л. 10—14.

²¹ Там же, д. 3, л. 77.

кументы, подлежащие архивному хранению²². Республиканский и губернские истпарты рассылали в уезды, волости, города и села воззвания и циркуляры о сборе документов, мемуаров, иллюстративных материалов, печатных изданий, относящихся к историческому прошлому. Широкою пропаганду важности и необходимости сбора историко-революционных и партийных документов развернул с первых же дней Одесский истпарт, активно используя для этого орган губкома партии — журнал «Коммунист», в котором был открыт специальный отдел «Истпарт»²³.

Истпарт ЦК ВКП(б) в директивных указаниях местным истпартам подчеркивал необходимость целенаправленной архивно-изыскательской работы, ограничивать ее поисками материалов по истории партии, Октябрьской революции и гражданской войны. Поэтому Волынский истпарт хотя и собрал на 1 апреля 1923 г. свыше четырех тысяч архивных единиц хранения²⁴ и продолжал дальше сбор исторических документов, тем не менее получил замечание за увлечение сбором материалов о... декабристах, что, как указывалось в соответствующем директивном письме Истпарта ЦК ВКП(б) от 26 февраля 1926 г., должно быть делом архивных органов, а не истпартотделов²⁵.

К середине 20-х годов было завершено общее упорядочение архивного дела на Украине²⁶, начатое еще в период гражданской войны, главным образом на основе принятых в 1918—1919 гг. ленинских декретов Совнаркома «О реорганизации и централизации архивного дела», «О губернских архивных фондах», «О хранении и уничтожении архивных дел», а также обращения ЦК РКП(б) к партийным организациям сохранять всю их текущую документацию и печатные издания²⁷. В одном из отношений Истпарта ЦК ВКП(б) в Истпарт ЦК КП(б)У сообщалось: «... все архивы, относящиеся к Украине, были переданы в 1919 г. т. Скрышнику для Вашего Истпарта»²⁸. С созданием истпартов на них было возложено идейное руководство первыми советскими архивными учреждениями²⁹.

²² *Адамович Е.* Всеукраинское совещание истпартов.— *Летопись революции*, 1925, № 3, с. 233—234.

²³ *Щедрина Д. С.* Діяльність Одеського губернского Істпарту по збиранню історико-революційних документів (1922—1925 рр.).— *Архіви України*, 1974, № 2, с. 29.

²⁴ ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 894, л. 217—217 об.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 394, л. 4.

²⁶ *Мітюков О. Г.* Радянське архівне будівництво на Україні. 1917—1973. Київ, 1975, с. 60—61.

²⁷ Ленинские декреты 1917—1922: Библиография. М., 1974, с. 112, 186; Протоколы VIII съезда РКП(б). Приложения. М., 1959, с. 513.

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 394, л. 19.

²⁹ Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і Радянського уряду 1917—1959 рр. Збірник документів: У 2-х т., т. 1 (1917 — 1 червень 1941 рр.), с. 186—187.

В 1923 г. по примеру реорганизации, проведенной годом раньше в РСФСР, ВУЦИК реорганизовал Главархив республики в Украинское Центральное Архивное Управление (Укрцентрархив), которое стало работать в тесном контакте с республиканским Истпартом, в компетенцию которого входило и выдвижение руководящих кадров архивных учреждений³⁰. Под его идейно-организационным контролем стали работать вновь организованные республиканские архивные учреждения — Центральный архив революции в Харькове, центральные исторические архивы в Харькове и Киеве. Работой губернских архивов стали руководить местные истпартотделы³¹.

В декабре 1924 г. состоялось первое Всеукраинское совещание архивных работников, которое приняло решение о расширении публикаторской работы³². Активными участниками его были представители истпартов УССР, которые при содействии центральных, республиканских и губернских партийных органов выпуском целого ряда сборников историко-документальных, мемуарных и исследовательских материалов ознаменовали пятилетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции и 25-летний юбилей РКП(б). Среди этой литературы выделялись два сборника Киевского истпарта³³, один из которых освещал историю главных железнодорожных мастерских в Киеве, известных своими революционными традициями, особенно проявившимися во время восстания против Центральной Рады в январе 1918 г.; во втором были помещены прокламации и листовки к 1 Мая за период деятельности Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и первые годы Советской власти, которые были воспроизведены фотомеханическим способом.

В 1923 г. на Всероссийском совещании истпартов и в журнале «Пролетарская революция» в качестве образцовой была отмечена хорошо организованная архивно-сбирательская, научно-исследовательская, издательская и массово-популяризаторская работа Киевского и Екатеринославского истпартов³⁴. Такая оценка выглядела тем более важной, что в налаживании нормальной работы истпартам приходилось преодолевать определенные трудности, обусловленные и тем, что на местах к тому времени

³⁰ ЦГАОР УССР, ф. 14, оп. 2, д. 8, л. 24, 25, 40, 41, 43.

³¹ Протокол 3-го совещания Истпартотделов СССР (составленный по стенограмме от 26—27 мая 1924 г.).— Пролетарская революция, 1924, № 8/9, с. 449.

³² Яковлев С. О. Українська радянська археографія. Київ, 1965, с. 34.

³³ Труд и меч: Сборник к 55-летию юбилею главных мастерских Юго-западной железной дороги и 5-летию юбилею январского восстания против Центральной Рады в 1918 г. Киев, 1923; 1 Мая в Киеве: Сборник прокламаций за 25 лет с 1897 по 1922 г. Киев, 1923.

³⁴ Адамович Е. Всероссийское совещание истпартов.— Летопись революции, 1923, № 4, с. 316; Иванов М. Вокруг работы истпарта.— Летопись революции, 1923, № 5, с. 247—248; Истпарт Украины (Харьков), с 10 апр. по 10 июня 1923 г.— Пролетарская революция, 1923, № 6/7, с. 344, 346—347.

еще не исчезли скептические настроения в отношении истпартовской работы и недооценка значения научной разработки историко-партийных проблем для практики социалистического строительства³⁵.

Малоинициативные в ряде случаев работники не могли с необходимым широким размахом организовать работу, в результате чего истпарты хирели, приобретали характер замкнутых академических учреждений, оторванных от насущных задач, выдвигаемых партией в ходе социалистического строительства. Так, в частности, случилось с Одесским истпартом. Истпарт ЦК ВКП(б) неоднократно критиковал его за слабость организационных мероприятий по созданию истпартовской общественности, отрыв от местных научно-исследовательских учреждений, за игнорирование местных литературных сил, низкий идейно-теоретический и научный уровень печатной продукции, искажающей факты, не дающей правильного представления о ходе революционных событий в Одессе и на Одещине³⁶.

После первоначального оживления и достигнутых определенных успехов в дальнейшем вследствие слишком частой смены руководств (в архивных документах находим следующие фамилии заведующих: Стопалов, Шевченко, Рубач, Амосов) работа Екатеринославского (Днепропетровского) истпарта пошла на спад. Второй сборник Екатеринославского истпарта, изданный в 1924 г. и посвященный в основном периоду первой русской революции, подвергся заслуженной критике на Всеукраинском совещании истпартов 1925 г.³⁷ Составители сборника не сумели достаточно критически проанализировать содержание опубликованных ими жандармских документов, не дали к ним необходимых научных комментариев. Неудачным оказался и третий сборник «Борьба за Октябрь на Екатеринославщине», выпущенный к 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Опубликованный в нем мемуарный материал страдал субъективизмом, недостоверностью, противоречивостью. Указывая на эти недостатки, Истпарт ЦК ВКП(б) одновременно критиковал Днепропетровский истпарт за слабые связи с общественностью, особенно на периферии. Да и итоговая оценка работы Днепропетровского истпарта Истпартом ЦК ВКП(б) в 1928 г. была неутешительной. «В общем следует признать Днепропетровский истпарт слабым. Между тем объективные предпосылки для развертывания истпартовской работы имеются. Днепропетровск имеет богатое революционное прошлое и архивы»³⁸.

³⁵ Подробнее см.: *Сарбей В. Г.* Виникнення і діяльність на Україні Істпартів (комісії по історії Жовтневої революції і Комуністичної партії). — В кн.: Питання Великої Жовтневої соціалістичної революції у вітчизняній і зарубжній історіографії. Київ, 1967, с. 25.

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 3, л. 28—28 об.; д. 19, л. 36; д. 394, л. 79.

³⁷ Всеукраинское совещание истпартов. — Летопись революции, 1925, № 2, с. 209; № 4, с. 171.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 19, л. 37.

Успех дела, как всегда и везде, решали люди. Показательный пример — работа Артемовского истпарта (заведующие в разное время — тт. Яндовская и Плотников). Периферийный истпарт, к началу своей работы совершенно не имевший архивно-документальной базы, организовал систематическую планомерную работу по выявлению и сбору соответствующих материалов. Для этого в городе и на шахтах были созданы из членов партии 48 группы содействия истпарту с охватом 480 человек³⁹. Для записи воспоминаний участников революционного движения было привлечено учительство и «избачи», т. е. активисты изб-читален в селах. Наиболее яркие воспоминания и отрывки из них помещались в местной периодической печати и в стенгазетах. Истпарт ЦК ВКП(б) отметил положительную инициативу Артемовского истпарта по организации и проведению агитационной кампании «Неделя истпарта», во время которой на партийных и профсоюзных собраниях заслушивались доклады об истпарте и лекции на историко-партийные темы, и таким образом к работе истпарта широко привлекалось внимание рабочих и крестьянских масс⁴⁰. Характерно, что когда в конце 20-х годов встал вопрос об укрупнении истпартов, Истпарт ЦК ВКП(б) высказался за сохранение Артемовского истпарта, дав согласие на упразднение и присоединение к нему истпартов более крупных промышленных центров — Сталино и Луганска⁴¹.

«К числу активных, инициативных истпартов, развертывающих все стороны истпарте работы», Истпарт ЦК ВКП(б) относил и Киевский истпарт (заведующие в разное время — тт. Шрейбер, Манилов, Кокошко), особо отмечая его инициативу по созданию института истпартков: «Киевский Истпарт покрыл Киевщину (главным образом сельскую) сетью истпартовских корреспондентов для охвата бывших участников революции и гражданской войны»⁴². К истпарте широко привлекались селькоры, избачи, учителя. При самом истпарте существовало 12 групп содействия и комиссии (военная, женская)⁴³. Киевский истпарт за 5 лет — с 1922 по 1927 г. — сплотил вокруг себя 200 человек — членов групп содействия и истпартовских комиссий. В результате их работы было получено 584 записи воспоминаний, 45 стенограмм, 58 статей, 169 документов, 160 прокламаций, 128 фотографий и 120 биографий активных участников революционного движения и др.⁴⁴

Киевский истпарт поставил перед собой задачу собрать и опубликовать наибольшее количество документальных материалов

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 19, л. 38.

⁴⁰ Там же, д. 394, л. 80.

⁴¹ Там же, д. 19, л. 39; д. 16, л. 11—12.

⁴² Там же, д. 19, л. 35; д. 394, л. 80.

⁴³ Там же, д. 19, л. 34—35.

⁴⁴ Что нового в работе истпартов.— Пролетарская революция, 1927, № 12, с. 282.

о деятельности Киевской большевистской организации в борьбе за власть Советов. Весьма удачным в этом отношении оказался изданный в 1927 г. сборник документов «Під гнітом німецького імперіалізму (1918 рік на Київщині)». Здесь опубликован, в частности, доклад Киевского комитета городской конференции КП(б)У 19 января 1919 г. «Гетманщина, Директория и наша тактика», статьи из нелегальной газеты «Киевский коммунист» (сентябрь 1918 — февраль 1919 г.), прокламации и воззвания Киевского областного и городского комитетов КП(б)У и др. В журналах «Пролетарская революция», «Летопись революции», «Каторга и ссылка» сборник Киевского истпарта получил положительную оценку.

Особо отмечая, что опыт Киевского и Артемовского истпартов по сбору и воспроизведению документальных первоисточников является наиболее ценным для тех местностей, где архивы погибли, Истпарт ЦК ВКП(б) в директивном письме Истпарту ЦК КП(б)У от 14 ноября 1927 г. рекомендовал ознакомиться с этим опытом всем остальным окружным истпартам Украины⁴⁵. В общем в исследовательской, издательской и популяризаторской работе истпарта на Украине, как и в других союзных республиках СССР, опирались на партийные организации, широкую советскую общественность: учителей, студентов, активистов Общества старых большевиков, Общества политкаторжан и ссыльных поселенцев^{45а}, создавали на местах специальные кружки из бывших участников большевистского подполья, советских партизан, организовывали при райкомах партии районные истпартовские комиссии, а на заводах — истпартовские ячейки⁴⁶.

Таким образом, к делу написания истории были привлечены тысячи ее творцов — рабочих и крестьян, представителей трудовой советской интеллигенции. Как правило, главным звеном, обеспечивающим оживление истпартовской работы на местах, были комиссии и группы содействия при истпартах. Так, в результате деятельности 19 групп содействия при Истпарте ЦК КП(б)У, которыми было охвачено 500 человек — участников революционной борьбы на Украине (по каждой губернии и отдельно группа продработников и группа участников Домбровского (Волынь) восстания), было записано 119 статей и мемуаров, застенографировано 28 докладов, коллективно проработанных на заседаниях

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 394, л. 80.

^{45а} Правда, Истпарт ЦК ВКП(б) выступал против огульного привлечения к истпартовской работе членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, очевидно, учитывая его засоренность представителями враждебных большевизму мелкобуржуазных партий (меньшевиков, эсеров и т. п.), сметенных с арены истории Великой Октябрьской социалистической революцией. В частности, такое предостережение содержит письмо Истпарта ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1923 г., адресованное в Житомир Волыньскому бюро истпарта. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 84, л. 6.

⁴⁶ *Сарбей В. Г.* Істпарти та їх місце в розвитку історичної науки на Україні.— Український історичний журнал, 1967, № 1, с. 4.

групп, восполнивших пробелы в документах о ряде событий⁴⁷. Интенсивно работала «группа продработников», которая вместе с аналогичными группами при Киевском, Артемовском и Одесском истпартах собирала мемуарно-документальный материал о деятельности советских продовольственных отрядов эпохи гражданской войны, борьбе Советской власти за хлеб, имевшей особенно большой размах на Украине⁴⁸.

«Собранные группами материалы, — писалось в отчете Истпарта ЦК КП(б)У Истпарту ЦК ВКП(б) о работе за 1927 г., — частично использованы в местных изданиях и частично в «Летописи революции». Особенно же ценным в работе групп следует признать то, что при помощи этих организаций Истпарту ЦК и его местным органам удалось до известной степени усилить среди партийных масс интерес к истории партии и вопросам истпартовской работы»⁴⁹. Истпарт ЦК КП(б)У действительно делом отвечал на призыв Истпарта ЦК ВКП(б) к местным истпартотделам «наполнить конкретным содержанием деятельность» групп содействия, «стать руководящими и объединяющими центрами научно-исследовательских работ по изучению рабочего и крестьянского революционного движения»⁵⁰. В 1928 г. Истпарт ЦК ВКП(б) с удовлетворением констатировал, что Истпарт ЦК КП(б)У «в общем.... работает с широким размахом, охватывая все стороны работы, и может быть отнесен к категории благополучных»⁵¹

Работая под непосредственным руководством ЦК КП(б)У (планы, отчеты и крупные вопросы текущей работы, как правило, обсуждались на Секретариате ЦК КП(б)У), республиканский истпарт создал организационно-инструкторский подотдел, повседневно и конкретно занимавшийся организацией истпартовской работы во всех ее направлениях. Истпарт провел обследование работы архивохранилищ на местах. К научной и редакторской работе широко привлекались литераторы — партийцы, аспиранты исторических кафедр Украинского института марксизма-ленинизма, слушатели Коммунистического университета им. Артема, работники республиканского Архива Революции и др. Время от времени Истпарт практиковал съезды участников революционного движения в том или ином районе Украины⁵².

К 10-летию юбилею Великого Октября по заданию ЦК ВКП(б) Истпарт ЦК КП(б)У подготовил и издал брошюры на русском и украинском языках. Среди них работы: Г. И. Петровского — об участии украинского крестьянства (незамощников и середняков) в социалистическом строительстве, о роли Со-

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 19, л. 33; д. 395, л. 7.

⁴⁸ Там же, д. 395, л. 8.

⁴⁹ Там же, л. 9.

⁵⁰ Там же, д. 4, л. 5—7.

⁵¹ Там же, д. 18, л. 72.

⁵² Там же, д. 19, л. 32—33.

ветов в период гражданской войны и в мирное время, А. И. Буценко — о роли съездов Советов на Украине, Я. П. Ряппо — об успехах народного просвещения в УССР. Вместе с тем, анализируя печатную продукцию республиканского и местных истпартов Украины, Истпарт ЦК ВКП(б) вынужден был констатировать, что среди довольно большого количества изданной литературы работ исследовательского характера мало. Было отмечено тяготение истпартов к изданию сборников воспоминаний и документов, перегруженность журнала всеукраинского Истпарта «Летопись революции» такими же, а также информационно-отчетными материалами⁵³.

Недостаточный опыт многих молодых советских историков в использовании архивных документов, нередко их слабая профессиональная подготовленность, а также недостаточное знание марксистско-ленинской методологии научного исследования обусловили в известной мере разработку в 20-х годах (особенно в первую половину) самых популярных тогда проблем истории: революционного движения конца XIX — первых десятилетий XX в.; Октябрьской революции и гражданской войны. Это были преимущественно мемуары.

Постепенно в результате постоянной настойчивости партийных органов, большой организаторской работы деятелей истпартов создавался огромный мемуарный фонд участников революционной борьбы за власть Советов на Украине. В ряде случаев приходилось даже прибегать к обязательствам членов партии в порядке партийной дисциплины писать воспоминания об их участии в революционном движении. Именно так по инициативе Н. А. Скрипника собирались материалы для первых номеров «Летописи революции»⁵⁴ (выходила на протяжении 1923—1933 гг.; с 1928 г. частично, а с 1930 г. полностью на украинском языке — «Літопис революції»). С трибуны Всеукраинского совещания истпартов раздавались призывы «принять решительные меры» к тому, чтобы заставить каждого члена партии писать воспоминания⁵⁵. Напротив, Истпарт ЦК ВКП(б) настойчиво разъяснял, что «нельзя подходить к работе учреждений Истпарта с методами таких учреждений, как милиция и пр.», что «нужны не приказы, а убеждения, советы, разъяснения, уговаривания, бескорыстное заинтересовывание и т. п.»⁵⁶.

Разработка истории партии и Октябрьской революции преимущественно на основе мемуарных материалов имела и положительные и негативные стороны. Часто в научный оборот она вводила такие важные подробности, которые давали совершенно новое

⁵³ Там же, д. 18, л. 72.

⁵⁴ Скрипник М. О. До справи українізації «Літопису революції» — Літопис революції, 1930, № 1, с. VIII.

⁵⁵ Всеукраинское совещание истпартов.— Летопись революции, 1925, № 3, с. 226.

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф 70, оп. 2, д. 3, л. 77—77 об.

освещение известных исторических событий. Учитывая узость документальной базы, многие воспоминания стали незаменимыми историческими источниками. Большую ценность для исторической науки представляют статьи в «Летописи революции», написанные в основном на мемуарных материалах такими видными деятелями Коммунистической партии, как Н. А. Скрыпник, Г. И. Петровский, В. П. Затонский, А. В. Иванов, Э. И. Квириг, И. Ю. Кулик, С. И. Гопнер и др. Однако даже в 20-х годах, когда мемуаристика занимала довольно большое место в советской историографии, и в печати, и в директивах местным истпартам со стороны Всесоюзного и украинского республиканского истпартов раздавались вполне обоснованные предостережения против фетишизации воспоминаний как исторического источника.

Опубликованные истпартами мемуары неравноценны по своей достоверности, что обусловлено уже их происхождением: одно дело — воспоминания организаторов и участников событий, иное — воспоминания пассивных свидетелей, очевидцев и, наконец, третьи — воспоминания современников, рассказывающих о событиях с чужих слов. И неизбежный субъективизм в освещении, оценках событий. Видная участница революционного движения на Украине и активный истпартовский деятель С. И. Гопнер в одном из своих научных докладов в Истпарте ЦК ВКП(б) говорила: «...мы, активные участники событий того времени, не можем выступать с субъективными воспоминаниями, не имея в руках документов. Многое память не сохранила, но все мы люди, и субъективизм в наших воспоминаниях и рассказах неизбежен. Каждый видит лишь определенный угол, всей картины не видно никому. Только коллективная работа может дать полную картину событий в таком крупном центре, как Екатеринослав». Далее, касаясь мемуарных материалов по истории революционного движения на Екатеринославщине, опубликованных в журнале «Летопись революции», С. Гопнер отмечала: «Эти источники нельзя назвать исторически точными, но они имеют ту положительную сторону, что восстанавливают настроение нас самих, а это также есть часть истории»⁵⁷.

По рекомендации Истпарта ЦК ВКП(б) на местах, в том числе и на Украине, была широко развернута «коллективная проверка» воспоминаний на общих собраниях бывших участников революционного движения⁵⁸. Наслоения субъективизма в мемуарных материалах «Летописи революции» приводили к тому, что журналу приходилось отводить немало места и для печатания разных опровержений тех или иных положений, фактов в воспоминаниях: из номера в номер в первые годы своего издания журнал печатал по этому поводу «письма в редакцию» и т. п.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 31, л. 1—2.

⁵⁸ Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1966, т. 4, с. 535.

В 1927 г. четвертое Всесоюзное совещание истпартов прямо указало на чрезмерное увлечение местных истпартов мемуарами в ущерб исследовательской работе по важным историческим проблемам⁵⁹.

Довольно распространенное на первом этапе развития советской исторической науки не критическое отношение к мемуарному материалу привело к тому, что получила определенное распространение тенденция даже противопоставления воспоминаний в качестве едва ли не самого достоверного источника документальным материалам жандармско-полицейских архивных фондов в качестве «наименее надежных»⁶⁰. В то же время Истпарт ЦК ВКП(б) предостерегал от не критического использования также и архивных документов, вышедших из враждебной пролетариату и Коммунистической партии среды. «Часто и, к сожалению, очень часто,— писалось в одном из директивных писем Истпарта ЦК ВКП(б) местным истпартам,— как на местах, так и в центре наблюдается уклон в работах по истории партии в сторону помещения и использования без достаточной проверки документов охранки, полиции и т. д. Получается история полиции, а не революции»⁶¹.

В целом работа истпартов по сбору и публикации мемуаров участников революционной борьбы имела большое значение в деле создания источниковой базы украинской советской исторической науки. В этом направлении истпарты много сделали, например, для разработки истории героической борьбы пролетариата Украины в революции 1905 г., 20-летний юбилей которой широко отмечался в нашей стране в 1925 г. Республиканская юбилейная комиссия во главе с председателем ВУЦИК Г. И. Петровским, в составе которой были и представители Истпарта ЦК КП(б)У, специально обратилась с открытыми письмами к участникам революции 1905 г., к рабочим и крестьянам Украины, предложив им писать и присылать свои воспоминания о событиях того бурного времени⁶².

В письме Истпарта ЦК ВКП(б), адресованном местным истпартотделам в связи с подготовкой к юбилею, рекомендовалось «собрать большевистскую и вообще социал-демократическую литературу (корреспонденции в заграничных изданиях и листках) 1905 г., документы и воспоминания активных участников и издать доступный для масс сборник по 1905 г. в Вашем крае, области или губернии (например, 1905 г. в Киеве)». Упоминание в общем директивном письме Киева не осталось бесследным и без-

⁵⁹ Резолюции и постановления IV совещания заведующих истпартотделами 4—8 января 1927 г., утвержденные Истпартом ЦК ВКП(б).— Пролетарская революция, 1927, № 1, с. 265—278.

⁶⁰ Харченко Т. Социал-демократический союз горнозаводских рабочих.— Летопись революции, 1925, № 3, с. 11 (примеч.).

⁶¹ Всем Истпартотделам.— Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 281.

⁶² До робітників і селян України.— Летопись революции, 1925, № 4, с. 5.

ответным. В 1926 г. Киевский истпарт издал подготовленный им сборник статей и воспоминаний под названием «1905 рік у Києві і на Київщині». Материалы сборника основывались на архивных документах⁶³.

Большую роль в исследовании исторических проблем, изучавшихся истпартами на Украине, сыграли организованные в 1925—1926 гг. при Истпарте ЦК ВКП(б) группы содействия отдельным местным истпартам. Через эти группы привлекались к истпартовской работе многие руководящие деятели большевистских организаций дооктябрьского периода, активнейшие участники Октябрьской революции и гражданской войны на Украине, которые теперь работали на ответственных постах в Москве. Так, в работе организованной при Истпарте ЦК ВКП(б) «Группы подпольщиков Одесской социал-демократической организации» принимали участие такие известные деятели революционного движения, как М. П. Павлович, И. Х. Лалаянц, А. В. Шотман, С. И. Гопнер, А. С. Шаповалов, И. А. Пятницкий, Е. М. Ярославский, С. И. Гусев, Л. М. Сталь и др.⁶⁴ Одной из важнейших проблем, разработкой которой занималась группа в ответ на специальную просьбу Одесского истпарта, было восстановление исторической правды об обстоятельствах и времени раскола Одесской социал-демократической организации после II съезда РСДРП на большевиков и меньшевиков. Для детального освещения этого «чрезвычайно важного момента, который имеет значение не только для истории одесской организации, но и для истории большевистских организаций всех южных городов, тесно связанных с Одессой», было принято постановление заслушать ряд докладов⁶⁵. Очень показательной была серьезная, деловая обстановка, в которой проходили заседания истпартовских групп, и чувство высокой ответственности, которым были преисполнены их участники. Вот характерное заявление одного из членов Одесской группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б): «И я считаю совсем невозможным говорить тут о вещах, в которых я хоть сколько-нибудь сомневаюсь. Мы тут говорим не в приятельском кругу — мы восстанавливаем исторические факты»⁶⁶.

В списке 72 членов «Екатеринославской группы содействия истпарту ЦК ВКП(б)» находим фамилии таких известных партийных и государственных деятелей, как Э. И. Квининг, В. К. Аверин, Д. Э. Лебедев, Я. А. Яковлев и др.⁶⁷ Возглавляла бюро группы С. И. Гопнер. Основной формой работы группы ста-

⁶³ Подробнее об истпартовской литературе, изданной в связи с юбилеями 20-летия первой русской революции, см.: *Сарбей В. Г.* Истпарти та їх місце в розвитку історичної науки на Україні — Український історичний журнал, 1967, № 1, с. 6.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 54, л. 4, 5, 6.

⁶⁵ Там же, л. 11.

⁶⁶ Там же, д. 59, л. 270.

⁶⁷ Там же, д. 30, л. 1—2, 6—9, 97—100.

ло периодическое заслушивание докладов по истории борьбы за Советскую власть на Екатеринославщине с обязательным обсуждением выдвинутых в них положений. При этом, как специально подчеркивалось в одном из отчетов группы Истпарту ЦК ВКП(б), «несмотря на некоторые разногласия в связи с воспоминаниями событий 1917—1918 гг., в группе...была дружная товарищеская работа»⁶⁸. Личные воспоминания докладчиков и выступавших в обсуждении докладов давали возможность выяснить массу «ценных исторических моментов из истории революционной и партийной борьбы на Екатеринославщине», и таким образом стенограммы заседаний группы стали важным историческим источником, значение которого увеличивалось вследствие бедности архивно-документальной базы, на что прямо жаловался, выступая на заседании группы 9 января 1927 г., заведующий Днепропетровским (Екатеринославским) истпартом Амосов⁶⁹.

Это обстоятельство отмечалось также в обращении Днепропетровского истпарта к «участникам Октябрьской революции и гражданской войны в Екатеринославе и на Екатеринославщине», которое было напечатано и распространено в связи с подготовкой к празднованию 10-летнего юбилея Советской власти. Здесь, в частности, писалось: «Проводя подготовку к 10-летнему юбилею Октябрьской революции, истпартотдел обращается ко всем участникам с просьбой помочь ему в работе по составлению истории героической борьбы. Бурный характер событий гражданской войны не дал возможности сохранить документы, по которым можно было бы нарисовать картину борьбы за Советскую власть на Екатеринославщине. Воспоминания участников, отдельные документы, фотографии и т. д., все, что могло сохраниться, очень поможет проведению этой работы... Нужны и биографии погибших товарищей, почему просим всех товарищей, которые знают погибших, сообщить о них все то, что они знают, или указать товарищей, которые могут дать о них биографические сведения»⁷⁰.

Уже на первом Всеукраинском совещании истпартов в 1925 г. ее участники подчеркивали актуальность разработки проблем истории Октябрьской революции и предлагали деятельность истпартов сконцентрировать именно на этом⁷¹. В начале 1926 г. Истпарт ЦК ВКП(б) разослал местным истпартам письмо, в котором рекомендовал к юбилею подготовить и издать на местах сборники статей, воспоминаний, документов⁷². Второе Всеукраинское совещание истпартов, проходившее в мае того же года, утвердило конкретный план работы истпартов УССР на 1926—

⁶⁸ Там же, л. 79.

⁶⁹ Там же, л. 66, 67.

⁷⁰ Там же, л. 86.

⁷¹ Всеукраинское совещание истпартов.— Летопись революции, 1925, № 4, с. 165, 167, 169, 170.

⁷² Всем истпартотделам.— Пролетарская революция, 1926, № 3, с. 268.

1927 г., инструкцию по организации групп участников Октябрьской революции и гражданской войны на Украине и схему для разработки материалов по этой исторической проблеме⁷³. К 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции истпарты УССР издали большое количество исторической литературы⁷⁴. Критическая оценка ее Институтом Ленина, в который в 1928 г. был влит Истпарт ЦК ВКП(б) и к которому с того времени перешли функции методического руководства истпартовской работой на местах⁷⁵, может служить и в наше время хорошим ориентиром при изучении содержания материалов, опубликованных местными истпартами в 20-х годах⁷⁶.

Значительный вклад в научную разработку истории Великой Октябрьской социалистической революции сделан журналом Истпарта ЦК КП(б)У «Летопись революции», содержание которого во второй половине 20-х годов стало более глубоким, статьи больше стали опираться на историко-документальные источники и приобрели действительно исследовательский характер в связи с общим ростом теоретического и профессионального уровня украинской советской историографии и ее кадров. На страницах журнала выступали авторы из всех губерний (областей) Украины и многих культурно-научных центров СССР, в том числе Москвы, Ленинграда и других городов⁷⁷. В разработке истории гражданской войны 1918—1920 гг. ведущее положение на Украине заняла «Летопись революции».

20-е годы принято считать периодом становления историографии гражданской войны⁷⁸. Наиболее выдающиеся труды в то время создавали военачальники, полководцы Красной Армии В. А. Антонов-Овсеенко, А. И. Егоров, Р. П. Эйдеман и другие, иногда вступавшие в соавторство с профессиональными историками. Ряд историко-документальных и мемуарных сборников и исследовательских работ по истории гражданской войны подготовлен и издан усилиями истпартов УССР. Несмотря на существенные недостатки, обусловленные разработкой истории гражданской войны преимущественно в плане изучения контрреволюционных сил белогвардейщины, украинского буржуазного национализма и

⁷³ Резолюции и постановления второго Всеукраинского совещания истпарт отделов.— Летопись революции, 1926, № 2, с. 217—232.

⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Сарбей В. Г.* Истпарты та їх місце в розвитку історичної науки на Україні.— Український історичний журнал, 1967, № 1, с. 7—8.

⁷⁵ *Комаров Н. С.* Создание и деятельность Истпарта (1920—1928 гг.).— Вопр. ист. КПСС, 1958, № 5, с. 165.

⁷⁶ Подробнее об этом см.: *Сарбей В. Г.* Истпарты та їх місце в розвитку історичної науки на Україні.— Український історичний журнал, 1967, № 1, с. 8.

⁷⁷ *Комаренко Н. В.* Журнал «Літопис революції».— Історіографічний нарис. Київ, 1970, с. 26.

⁷⁸ *Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1931). Харьков, 1964, с. 34, 49.

антисоветского бандинизма⁷⁹, в целом истпартовская литература явилась толчком для дальнейшего, более глубокого исследования вооруженной борьбы советского народа за власть Советов в 1918—1920 гг.⁸⁰

Большую роль в поднятии авторитета и популяризации деятельности истпартов сыграли организованные ими в больших губернских центрах выставки экспонатов по истории Октябрьской революции, а особенно выставка республиканского истпарта в Харькове, на базе которой в 1925 г. был создан Музей Революции при ВУЦИК⁸¹. По данным 1928 г., в его фондах и экспозиции насчитывалось 43 729 единиц хранения⁸². Стремясь ознакомиться со своими экспонатами как можно большее количество трудящихся, музей первым в стране организовал передвижную выставку, которую в промышленных районах Донбасса осмотрело свыше 100 тыс. человек.

Деятельность Музея Революции ВУЦИК помогала развертыванию научно-исследовательской работы истпартов. Однако на местах появились тенденции противопоставления популяризаторской работы — исследовательской с предпочтением первой как основной для истпартов⁸³. Ошибочность такого противопоставления наглядно проявлялась даже в построении выставочных экспозиций. На последних история партии и революционного движения трактовалась на основе слишком упрощенной схемы исторического процесса. В истории КП(б)У непропорционально большое место отводилось освещению деятельности мелкобуржуазных партий, таких, как УСДРП, «Спилка», незалежники, боротьбисты, УКП и др. (искаженно освещался их идейно-политический крах)⁸⁴.

Этот существенный методологический недостаток проявлялся на первом этапе становления и развития украинской историографии (приблизительно до середины 20-х годов) также и в содержании «Летописи революции», которая тогда слишком увлекалась публикацией материалов, относившихся к разным мелкобуржуазным партиям, тем самым явно переоценивая их роль в историческом процессе на Украине. Причем если в ряде слу-

⁷⁹ Подробнее об этом см. в написанной автором главе коллективной монографии «Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади». Київ, 1973, с. 14—17.

⁸⁰ *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972, с. 107—108.

⁸¹ Работа Истпарта ЦК КП(б)У за январь — октябрь 1925 года.— Летопись революции, 1925, № 5/6, с. 331.

⁸² *Кашкин Б.* Документи про створення та діяльність Істпарту ЦК КП(б)У.— Архіви України, 1970, № 6, с. 73.

⁸³ Всеукраинское совещание истпартов.— Летопись революции, 1925, № 3, с. 234.

⁸⁴ Схема выставки по истории Коммунистической партии.— Летопись революции, 1923, № 4, с. 328—332.

чаев в деятельности истпартов проявлялись сектантские тенденции в отношении использования буржуазных специалистов в советском историко-архивном строительстве⁸⁵, то в других случаях некоторые истпартовские деятели проявляли недопустимую неразборчивость в подборе кадров для исследовательской работы. Например, заведующий Киевским истпартом с трибуны Всеукраинского истпартовского совещания в 1925 г. прямо призывал привлекать к работе истпартов бывших меньшевиков, ссылаясь на то, что «большинство партийных товарищей очень занято». При этом как бы в качестве положительного примера приводилась исследовательская работа по изучению истории революционного движения, которую проводил по поручению Киевского истпарта бывший меньшевик М. Балабанов.

В действительности работы последнего давали искаженное представление об истории революционного движения на Украине. В них преувеличивалось влияние меньшевизма и недооценивалась роль большевистских организаций, неправильно определялось место национально-освободительного движения, история пролетариата освещалась оторванно от истории социал-демократических, по же большевистских организаций. Меншевистская схема истории революционного движения, идеализировавшая роль мелкобуржуазных партий на Украине, протаскивалась также в «Очерках по истории «Спилки»» (автор — бывший активный «спилковец» А. Риш), которые в 1925 г. печатались в «Летописи революции», а годом позже даже вышли в свет отдельным изданием.

Выступая против идейной неразборчивости в изучении историко-партийных проблем, проявлявшейся в деятельности отдельных истпартов на местах, в том числе на Украине, Истпарт ЦК ВКП(б) в своем письме от 6 марта 1925 г. напомнил истпартам, что они организованы для совершенно определенной и точной цели: «собрать и изучить материалы для составления истории партии большевиков». Следовательно, истпарты должны были развертывать исследовательскую работу над изучением истории большевизма, а не его врагов — меньшевиков, эсеров, националистических группировок и партий. Отставание местных истпартов в разработке историко-партийных проблем тормозило

⁸⁵ Явно необоснованный скептицизм виден, например, в иронизировании журнала «Пролетарская революция» над деятельностью тех истпартов, которые тратят «массу времени на обучение старых архивных чиновников историческому материализму, чтобы усвоили материалистическую точку зрения» на хранение и разработку архивов («Пролетарская революция», 1924, № 1, с. 280). На Всесоюзном совещании истпартов в мае 1924 г. в выступлении одного из делегатов Украины вопрос формирования советских кадров для архивных учреждений истолковывался в форме грубого, прямолинейного противопоставления: «освободиться от «диктатуры спедов», с одной стороны, и создать «красных архивистов» из «товарищей, которые преимущественно работают на производстве», с другой стороны («Пролетарская революция», 1924, № 8/9, с. 450).

важное общепартийное и общегосударственное дело создания обобщающего труда по истории ВКП(б), на что нацелил XV съезд партии ⁸⁶.

Заведующий отделом местных истпартов Истпарта ЦК ВКП(б) М. Эссен писал в докладе «О ближайших перспективах работы местных истпартов», что они должны «увязать свою работу с текущими задачами партии и стать органами не только по изучению прошлого, но и увязывать это прошлое с настоящим, с актуальными вопросами партийной линии»; «приступить вплотную к подготовке материалов, которые послужат научной базой для составления научной истории партии» ⁸⁷. Конкретно на основные недостатки в разработке историко-партийных проблем местными истпартами автор доклада указал в одной из своих статей, опубликованной на страницах журнала «Пролетарская революция». Здесь обращалось внимание на слабое использование документальных материалов; недостаточно последовательное применение принципа историзма, т. е. подход к явлениям прошлого только с позиций его современных оценок; противоречивость в оценках отдельных событий и личностей; гипертрофию своего «я» в некоторых работах и воспоминаниях, замалчивание или отставание ранее допускавшихся в практической работе ошибок («Особенно это заметно на работниках окраин. Национальная наша политика усваивалась в начале революции весьма туго, товарищи часто своей неправильной политикой вызывали национальное раздражение. Ну, как созпаться в этом? — А зачастую и осознать не всем дано») ⁸⁸.

Безусловно, все указанные здесь недостатки в полной мере относятся к деятельности и печатной продукции истпартов Украины. Вместе с тем к ним же относится и следующая положительная характеристика из упомянутого выше доклада М. Эссена: «Из имеющихся уже (больше сотни) названий, изданных местными истпартами, блестяще выделяется небольшое количество книг исследовательского характера. Эти книжки составлены на основании изучения заводских архивов, партийных и советских документов, воспоминаний проверенных и подтвержденных... По этим книжкам видно, как логически рабочий класс пришел к власти. Тут роль отдельных личностей не является доминирующей, тут нет яканья, нет Иловайского наизнанку». На Украине эта оценка в первую очередь адресовывалась археографической продукции Истпарта ЦК ВКП(б)У: изданиям документов коллективных органов партии, партийных съездов и т. п. Истпарт

⁸⁶ Эссен М. Отчет отдела местных истпартов Института Ленина и обзор истпартобраты на местах за 1928/29 г.— Пролетарская революция, 1930, № 1, с. 180.

⁸⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 4, л. 7.

⁸⁸ Эссен М. Истпартовская общественность.— Историк-марксист, 1927, № 5, с. 278—282.

ЦК КП(б)У разработал правила издания протоколов партийных съездов: каждое издание должно было иметь вступительную статью редактора, в которой бы характеризовалась соответствующая историческая обстановка и основное содержание работы съезда, предисловие составителей, рассказывающее об особенностях воспроизведения и передачи текстов первоисточников. Окончательное решение об утверждении к печати сборника должна была выносить специальная комиссия при республиканском истпарте⁸⁹.

Силами Истпарта ЦК КП(б)У были изданы протоколы I и II съездов КП(б)У, первый сборник резолюций съездов и конференций КП(б)У и др.⁹⁰. Теснейшая связь археографической работы с практическими задачами идейно-воспитательной работы партии была подчеркнута на Всеукраинском совещании архивистов (1928 г.), в решении которого было записано, что «дело издания архивных документов, создание печатной историко-документальной базы не есть частное, а политическое дело, поскольку от него в значительной степени зависит историческая подготовка подрастающих молодых кадров научных работников в области исторических исследований»⁹¹.

В конце 20-х годов появились и две обобщающие работы по истории КП(б)У⁹². Их авторы — секретарь ЦК КП(б)У Н. Н. Попов и воспитанник аспирантуры Украинского института марксизма-ленинизма М. С. Волин — попытались дать научный анализ расстановки классовых сил на Украине периода Октябрьской революции и гражданской войны, раскрыть руководящую роль Коммунистической партии в борьбе украинского народа за власть Советов, против внутренней и внешней контрреволюции. Частично это им удалось. По в освещении проблем дореволюционного периода эти работы несли на себе печать отрицательного влияния мелкобуржуазной историографии, преувеличивавшей место меньшевизма в историческом процессе на Украине.

Полезным изданием Истпарта ЦК КП(б)У явился «Юбилейный альбом», посвященный 25-летию Коммунистической партии (редактор Е. Н. Адамович), в котором были собраны редчайшие, большей частью нигде раньше не печатавшиеся фотоматериалы по истории революционных организаций от «Южнороссийского союза рабочих» и «Северного союза русских рабочих» до ленинского петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего

⁸⁹ *Кашкин В.* Документи про створення та діяльність Істпарту ЦК КП(б)У.— Архіви України, 1970, № 6, с. 73.

⁹⁰ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины: К пятилетнему юбилею. Статьи и протоколы съезда. Харьков, 1923; Второй съезд КП(б)У: Протоколы. 2-е изд., дополн. и исправ. Харьков, 1927; КП(б)У в резолюциях ее съездов и конференций. Харьков, 1927.

⁹¹ ЦГАОР УССР, ф. 14, оп. 1, д. 708, л. 51.

⁹² *Попов Н. Н.* Нарис історії Комуністичної партії України. Харків, 1928. *Волин М. С.* Історія КП(б)У в стилістичному нарисі. Харків, 1930.

класса» и созданных по его примеру на Украине аналогичных по названию и задачам организаций.

В январе 1929 г. состоялось пятое Всесоюзное совещание истпартовских работников. На нем с полным правом отмечался рост научного уровня истпартовских изданий, широкое участие в деятельности местных истпартов специалистов с навыками научной работы⁹³. Общественное признание большой работы, проведенной истпартами УССР, нашло свое выражение в постановлении Президиума ВУЦИК от 7 августа 1929 г., на основе которого Украинский республиканский истпарт был реорганизован в научно-исследовательский институт истории партии и Октябрьской революции⁹⁴.

Выполнив свою миссию в становлении историко-партийной науки, к началу 30-х годов прекратили свою деятельность и большинство из 40 существовавших на то время местных истпартов Украины⁹⁵. И хотя отдельные из них продолжали функционировать при обкомах партии до 1939 г., но они уже не играли такой существенной роли в научной и общественно-политической жизни республики, как это было в 20-х годах. Именно с этим периодом восстановления народного хозяйства после победоносного завершения гражданской войны, образования Союза Советских Социалистических Республик, начала социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства связана деятельность истпартов.

По форме и содержанию это был совершенно новый тип организации, призванной исследовать и пропагандировать проблемы исторической науки. Характерной особенностью истпартов была их непосредственная связь с Коммунистической партией, которая определяла и направляла их деятельность, а также с широкими массами трудящихся, которых истпарты вовлекали в свою работу. В системе агитационно-пропагандистских органов партии истпарты выполняли важную функцию коммунистического воспитания масс на примерах героических революционных традиций советского народа. Положительную роль сыграли истпарты и в острой борьбе Коммунистической партии против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, ее носителей—троцкистов, правых оппортунистов и национал-уклонистов.

Но, конечно, главной заслугой истпартов было их положительное воздействие на развитие советской исторической науки. Полагаем, что 20-е годы в ее развитии на Украине можно назвать истпартовским периодом. Ведь истпарты здесь занимали ведущее место среди всех других тогдашних научно-исследовательских

⁹³ *Эссен М.* Об институтах по истории партии.— Пролетарская революция, 1930, № 5, с. 289.

⁹⁴ Культурне будівництво в Українській РСР: Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського уряду 1917—1959 рр. Збірник документів: У 2-х т., т. 1 (1917 — червень 1941 рр.), с. 467.

⁹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 16, л. 12, 13 об.; д. 19, л. 33, 36, 39; д. 395, л. 13.

учреждений и организаций исторического профиля, внесли значительный вклад в воспитание и консолидацию кадров советских историков-профессионалов, сыграли большую роль в архивном строительстве, особенно в создании источниковой базы самой молодой тогда и самой важной в деле коммунистического воспитания масс отрасли исторического знания — истории партии.

Можно согласиться с авторами одной из новейших обобщающих статей об Истпарте в том, что вряд ли сегодня найдется историк партии или историк советского общества, который мог бы обойтись в своей научной работе без истпартовских изданий⁹⁶. В полной мере такая оценка относится и к лучшим истпартовским изданиям, осуществленным на Украине. Здесь местными отделами истпартов было напечатано 85 публикаций (мемуарных и историко-документальных сборников, монографий и брошюр) общим тиражом свыше 350 тыс. экземпляров⁹⁷.

Большинство изданий истпартов Украины получило положительную оценку партийной и научной общественности своего времени. Да и сегодня лучшие из них, а также созданный деятельностью истпартов мемуарно-документальный архивный фонд активно используются советскими учеными в работе по исследованию истории революционного движения, Октябрьской революции и гражданской войны, а также многих других важных проблем истории партии и истории СССР.

⁹⁶ *Амиантов Ю. В., Нелидов Н. В., Остроухова В. А.* У истоков советской историко-партийной науки: (К 50-летию Истпарта). — *Вопр. ист. КПСС*, 1970, № 9, с. 113.

⁹⁷ *Комаренко Н. В.* Установи історичної науки в Українській РСР (1917—1937 рр.), с. 32.

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МОЛОК * (1898—1977)

В. А. Дунаевский

25 сентября 1977 г. скончался видный советский ученый — профессор, доктор исторических наук Александр Иванович Молок. Ушел из жизни человек, чья беспредельная преданность науке может поистине служить образцом.

Творческий путь А. И. Молока начался с началом существования Советского государства. Родился он 12 (24) октября 1898 г. В канун Октября поступил на первый курс Петроградского университета, который закончил в 1922 г.

Героика и пафос революции и послереволюционного периода уже со студенческой скамьи твердо определили научные интересы молодого историка. Этим интересам он остался верен до последних дней своей долгой жизни: Парижская Коммуна 1871 г., революция 1848 г. во Франции, июльская революция 1830 г., Великая Французская буржуазная революция конца XVIII в. — таковы основные темы его исследований. Вместе с тем необходимо подчеркнуть широту диапазона научного творчества А. И. Молока: наполеоновская эпоха и реставрация, действия вольных стрелков во Франции в 1870—1871 гг. и борьба французского народа против фашистских оккупантов и их пособников в 1940—1945 гг., французская историография XIX в. и историческая мысль Франции в трудах русских историков, революционные традиции французского народа и международная пролетарская солидарность германских трудящихся, статьи о Дидро и Чернышевском и многое другое. Великолепные предисловия и комментарии к книгам Виктора Гюго и Жюльена Кладеля, Стендаля и Шодерло де Лакло показали А. И. Молока не только блестящим знатоком эпохи, но и человеком, отлично ориентирующимся в самых различных литературных жанрах, стилях, глубоко проникавшим в характеры персонажей художественных произведе-

* Данный краткий очерк жизни и деятельности А. И. Молока предваряет библиографию трудов ученого, которая будет опубликована в очередном выпуске ежегодника «История и историки».

ний. Однако главным в научной биографии А. И. Молока было изучение истории Парижской Коммуны. К изучению Коммуны он обратился еще со студенческой скамьи — Коммуне оказалась посвященной и его последняя работа. А первая небольшая монография «Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 года» увидела свет в 1922 г. Два года спустя А. И. Молок опубликовал еще одну небольшую книгу — «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 года», включившую три раздела: «Борьба за светскую школу» (переработка главы из его первой брошюры), «Клубы» и «Женское движение». Автор привлек обширный документальный материал, особенно современную Коммуне периодическую печать. Конечно, не все выводы молодого историка выдержали испытание временем. Ошибочным было его утверждение о том, что клубы не оказали заметного влияния на политику Коммуны. В дальнейшем он пришел к более аргументированному заключению, а много лет спустя сам охарактеризовал этот свой труд как «юный и еще далеко незрелый».

Вскоре появилась работа «Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революции 1871 г.» (Л., 1925), а затем научно-популярные книги «Парижская Коммуна 1871 г.» (Л., 1927) и «Белый террор во Франции» (М., 1936). Важно подчеркнуть, что именно А. И. Молок первый среди советских историков-профессионалов, рассматривавших взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством в революции 1871 г., исходил из ленинской концепции этой проблемы. В 1925 г. А. И. Молоком была опубликована уникальная для своего времени хрестоматия «Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах» — результат большой работы над источниками первой пролетарской революции. Определяя назначение издания, составитель писал о той большой роли, которую хрестоматия должна сыграть «среди трудящихся масс Советского Союза, и в особенности его учащейся молодежи».

Свою преподавательскую деятельность А. И. Молок начал в 1923 г., сначала научным сотрудником Ленинградского университета, а два года спустя доцентом ЛГУ. В эти же годы он начинает принимать активное участие в деятельности «Научного общества марксистов» (НОМ), ведшего широкую пропагандистскую работу среди ленинградских трудящихся. Первым публичным выступлением А. И., состоявшимся в мае 1924 г. и собравшим аудиторию в несколько сот человек, был доклад «Вопрос о смычке пролетариата и крестьянства во время Парижской Коммуны». Через некоторое время, с образованием Всесоюзного Общества историков-марксистов, Молок становится его действительным членом.

Стремление Александра Ивановича к общению с аудиторией, с молодежью приводит его на кафедры ряда других вузов Ленинграда: Педагогического им. А. И. Герцена, Политико-просветительного им. Н. К. Крупской, Литературы и истории (ЛИИ).

С конца 20-х годов А. И. Молок начинает свое сотрудничество в Ленинградском институте марксизма (ЛИМ), Институте истории Комакадемии, а затем в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, продолжавшееся свыше двадцати лет (1927—1951 гг.).

В 1928 г. Молок три месяца работал во французском Национальном архиве, где собирал материалы о европейских революциях 1848 г. Основным трудом по этой теме явилась его монография «Карл Маркс и июньское восстание 1848 года в Париже» (Л.; М., 1934), в которой дан систематический анализ позиции «Новой рейнской газеты» и ее редактора в дни героических боев парижского пролетариата — решающего события не только французской, но и всех европейских революций 1848 г.

Параллельно А. И. Молок не прекращал вести большую научно-исследовательскую работу по истории Парижской Коммуны и наряду с ней обращал все более пристальное внимание на события 1830 г. во Франции. В результате им было опубликовано несколько статей, посвященных откликам на эту революцию в России и анализу влияния событий в Париже на провинцию.

В марте 1940 г., уже заведующим кафедрой новой истории Ленинградского университета (с 1937 г.), А. И. Молок защитил докторскую диссертацию на тему «Революция 1830 г. во Франции», получившую высокую оценку оппонентов, в том числе академика Е. В. Тарле.

Основным содержанием работы явилась социально-политическая история Франции в годы реставрации Бурбонов. Наибольшее внимание уделено периоду 1824—1830 гг., точнее, анализу предпосылок, хода и исхода июльской революции, ее воздействию на ряд стран Европы. Один из важных выводов автора сводился к тому, что в результате июльской революции во Франции произошли существенные классовые сдвиги. С упрочением политического господства буржуазии на первый план выступила неизбежность обострения борьбы между ней и пролетариатом, что уже вскоре продемонстрировали лионские восстания 1831 и 1834 гг. Рост рабочего движения и новый этап в развитии социалистических учений — столь же неизбежное следствие июльской революции 1830 г.

За год до защиты Молок опубликовал монографию «Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года», явившуюся весомым вкладом в историографию проблемы. Используя разнообразные источники, в том числе французскую, немецкую и русскую прессу, материалы дипломатической переписки, публикации документов, мемуарную литературу, А. И. Молок показал, как была подготовлена и проведена германская интервенция против революционного Парижа в 1871 г. Выводы, к которым пришел автор, имели важное и научное и политическое значение, ибо многие буржуазные историки стремились всячески умалить, а то и вовсе замолчать агрессию германских милитаристов против Парижской Коммуны, контрреволюционный заговор французской буржуазии и

прусского юнкерства против первого в мире рабочего правительства.

Появление книги А. И. Молока было крайне актуально. Начиналась вторая мировая война, развязанная германским фашизмом. Затем гитлеровские фашисты вероломно напали на Советский Союз. В этой священной борьбе с агрессором каждый человек должен был найти свое место. Нашел его и А. И. Молок. В 1941 г. он становится членом Антифашистского комитета советских ученых, вступает в ряды КПСС.

Сначала в осажденном Ленинграде, затем в Саратове, куда ЛГУ начал эвакуироваться с февраля 1942 г., А. И. Молок наряду с огромной учебно-воспитательной деятельностью принял активное участие в агитационно-пропагандистской работе. Он писал статьи и брошюры, гневно клеймящие фашистских захватчиков, проникнутые пафосом патриотизма, полные веры в победу над врагом. Его брошюры «Боевые традиции парижских рабочих» (М., 1941), «Порабощенные народы Европы в борьбе с немецко-фашистским игом» (Саратов, 1942), «Немецкий военный разбой в Европе» (Л.; 1945) и другие являлись яркими образцами научно-популяризаторского творчества историка.

Много лет спустя, поздравляя А. И. Молока с семидесятилетием, моряки Балтийского флота писали в своем адресе юбилару: «Мы хорошо помним Ваши вдохновенные выступления с лекциями и докладами в Ленинграде и Кронштадте и других военно-морских базах. Они были свидетельством нерушимой деловой связи Военно-Морского Флота с учеными в период героической обороны Ленинграда в дни его блокады».

Со второй половины 40-х годов Александр Иванович все чаще работает в Москве. С 1947 по 1953 г. он читает в ВППШ при ЦК КПСС курс лекций по истории нового времени, значительная часть которого была опубликована в виде отдельных брошюр. Многие из них были затем переведены в социалистических странах. Совместно с членом-корреспондентом АН СССР Ф. В. Потемкиным он редактирует двухтомный фундаментальный труд «Революция 1848—1849» (М., 1952), начинает сотрудничать в Институте истории АН СССР (1951—1960 г.).

С 1952 г. А. И. Молок окончательно связывает свою жизнь с Москвой. Он становится заведующим сектором методики истории в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР (до 1956 г.), а с 1956 г. избирается заведующим кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического института им В. И. Ленина. С 1960 г. до ухода на пенсию в 1970 г. Александр Иванович работает профессором той же кафедры.

Многие годы работая в системе Академии наук СССР, А. И. Молок принял самое активное участие в подготовке юбилейных коллективных трудов по истории Парижской Коммуны: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I—II (М., 1961) и «История

Парижской Коммуны 1871 года» (М., 1971), выступив в качестве автора ряда глав и одного из редакторов изданий. Он был также одним из редакторов «Протоколов заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I—II (М., 1959—1960), членом редколлегии «Французского ежегодника» со дня его основания.

Труды А. И. Молока были высоко оценены во Франции. Несколько его статей были опубликованы в теоретическом органе ФКП «Кайе дю коммунизм». «Общество друзей Парижской Коммуны 1871 г.», созданное в 1930 г. под председательством Камелина и возглавленное с 1962 г. Жаком Дюкло, избрало А. И. Молока своим действительным членом.

Представление о А. И. Молоке как ученом и педагоге будет неполным, если не сказать об участии его в создании ряда учебников по новой истории для высшей школы (1939—1940 гг., 1958, 1963 гг. и др.), в составлении хрестоматии и методических пособий по новой истории для высшей и средней школы.

Общие и специальные курсы, читанные А. И. Молоком, пользовались неизменной популярностью у студентов. Читая лекцию, он думал о необходимости «вживания» в эпоху, достижения «портретности» при характеристике исторических личностей, скрупулезной точности в изложении фактов и хода событий. Слушатели надолго запоминали выступления Молока, отзываясь о них с большой теплотой и благодарностью. Не случайно за время работы в вузах А. И. Молок подготовил большую группу специалистов (кандидатов и докторов наук) по новой и новейшей истории.

Правительство высоко оценило заслуги А. И. Молока. Он был награжден орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ П. Е. ЩЕГОЛЕВА *

Настоящая библиография составлена на основе данных архивных фондов ЦГАЛИ, ЦГИА (Ленинград), ИМЛИ им. Горького, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом, Отдел рукописей), библиографических изданий, журналов «Былое» (1906—1907, 1917—1926 гг.), «Минувшие годы» (1908 г.), «Прожектор» (1923—1935 гг.), а также росписей журналов «Исторический вестник», «Мир божий», «Современник», «Книга и революция», «Литературный вестник», «Русская мысль», «Русское богатство». Кроме того, нами были использованы картотеки и каталоги Гос. библиотеки им. В. И. Ленина и Гос. публичной исторической библиотеки РСФСР. За отдельным исключением, все учтенные в настоящей библиографии работы просмотрены de visu. Статьи, описание которых не удалось проверить de visu (это касается лишь некоторых номеров газет, которые не были нами обнаружены в московских книгохранилищах), отмечены звездочками.

Работы П. Е. Щеголева публиковались под псевдонимами: П. Щ., Щ., Пещ-ъ, Е. Щ., Пещ-в, П. Щ-в, Пещ., П. Е. Щ-в, Ещ., Щ-в, П. Ще-в, П. П-в, П. Е. Павлов, П. Павлов, А. В. Павлов, Щеглятьев.

Принятые сокращения: Б — «Былое», ИВ — «Исторический вестник», ЛВ — «Литературный вестник», МГ — «Минувшие годы», МБ — «Мир божий».

1897

- Рец. на кн.: Профессор А. С. Алексеев. Легенда об олигархических тенденциях Верховного тайного совета в царствование Екатерины I. М., 1896. — Профессор А. Н. Филиппов. К вопросу о Верховном тайном совете: (По поводу брошюры профессора А. С. Алексеева «Легенда об олигархических тенденциях», etc. М., 1896). — ИВ, № 1, с. 324—327. Подп.: П. Щ.
- Рец. на кн.: В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XVI столетия. Киев, 1896. — ИВ, № 2, с. 720. Подп.: П. Щ.
- Рец. на кн.: Муранский могильник: Исследование В. Н. Поливанова. М., 1896. — ИВ, с. 722. Подп.: П. Щ.
- Рец. на кн.: Сергей Жигарев. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX веках). М., 1896. Т. I—II. — ИВ, № 3, с. 1104—1107. Подп. П. Щ.
- Рец. на кн.: Сборник рассказов: Путеводитель. Поволжье, Приуралье и лечебные степи... СПб., 1897. Сб. 1. — Там же, с. 1116. Подп.: Щ.
- Рец. на кн.: Профессор В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. 1. Власть. Вып. 2. Советники князя. СПб. — ИВ, № 4, с. 274—277. Подп.: Щ.
- Рец. на кн.: Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета / Под ред. В. А. Гольцева. М., 1897. — ИВ, № 5, с. 624. Подп.: П. Щ.
- Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1897 год. Кн. 180 / Изд. под заведованием Е. В. Барсова. М., 1897. — ИВ, № 8, с. 589—590. Подп.: П. Щ.

* Составитель Ю. Емельянов.

- Рец. на кн.: А. Ф. Кони. Федор Петрович Гааз: Биографический очерк. С портретом. СПб., 1897.— ИВ, № 9, с. 906—908. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: Давид Штраус. Ульрих фон-Гуттен / Пер. со 2-го нем. изд. под ред. Э. Радлова. Издание А. Ф. Пантелеева. СПб., 1896.— Там же, с. 913—914. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: Русские путешественники-исследователи: Русские мореплаватели: В. Головин (В плену у японцев). О. Кодебу (Плавание на «Юрике»); Невельский (Присоединение Амурского края). СПб., 1897.— Там же, с. 914. Подп.: *II*, *III*.
- Рец. на кн.: Песнь о Роланде (La chanson de Roland) / Пер. размером подлинника графа Ф. де Ла-Барт. С предисловием академика А. Н. Веселовского, введением и примечанием переводчика. СПб., 1897.— ИВ, № 10, с. 353. Подп.: *III*.

1898

- Крайности сравнительного метода.— ИВ, № 7, с. 923—935.
- Рец. на кн.: Ф. М. Уманец, Гетман Мазепа: Историческая монография. СПб., 1897.— ИВ, № 4, с. 282—286. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Повести из римских деяний (Gesta Romanorum). СПб.,— ИВ, № 5, с. 651—652. Подп.: *III*.
- Рец.: на кн.: Игорь, князь Северский: Древне-русская поэма в поэтическом переложении Д. Бохана / С введением, примечаниями и комментариями. Минск, 1897.— ИВ, № 6, с. 1049. Подп.: *II*, *III*.
- Рец. на кн.: Очерк из истории Тамбовского края. Вып. VI. Исследование И. И. Дубасова. Тамбов, 1897.— ИВ, № 7, с. 345—346.
- Рец. на кн.: Отчет о деятельности православного братства святого благоверного великого князя Александра Невского за 1895—1896 годы. Вязники, 1897.— Там же, с. 358. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: Е. С. Шумигорский. Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839): Очерк из истории императора Павла. СПб., 1898.— ИВ, № 8, с. 717—718. Подп.: *II*, *III*.
- Рец. на кн.: Два письма князя В. Ф. Одоевского к ее имп. высочеству вел. кн. Елене Павловне. СПб., 1898.— Там же, с. 721—722. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: А. Барт. Религия Индии / Пер. под ред. и с предисл. кн. Трубецкого. М., 1897; Герман Ольденберг. Будда, его жизнь, учение и община / Пер. со 2-го испр. изд. Т. Николаева. 3-е изд. М., 1898.— ИВ, № 9, с. 1090—1092. Подп.: *II*, *III*.
- Рец. на кн.: Иванович. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1898. Т. I.— Там же, с. 1094—1095. Подп.: *II*, *III*.
- Рец.: на кн.: Шантепи-де-ля-Соссей. Иллюстрированная история религии / Пер. с последнего нем. изд. под ред. В. Н. Менд. М., 1898. Вып. I—II.— Там же, с. 1102. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: Суворов. Средневековые университеты. М., 1898.— Там же, с. 1106—1107. Подп.: *E*, *III*.
- Рец. на кн.: Журналы дежурных генерал-адъютантов. Царствование императрицы Елисаветы Петровны. Повседневные записки генерального ее им. вел. дежурства / Сообщил Л. В. Евдокимов. СПб., 1898. Вып. 1. 1745, 1748—1751.— Там же, с. 1111.
- Рец. на кн.: А. С. Пругавин. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898.— ИВ, № 10, с. 365—367. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: Комитет для помощи поморам Русского Севера: Труды Северной комиссии. 1897—1898 гг. I. Научно-промысловые морские исследования у Мурмана. II. Учреждение инспекций рыболовства, научно-промысловых станций и рыбацких школ на Севере. СПб., 1898.— Там же, с. 372—374. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: А. В. Смирнов. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной поль-

зы: (Материалы для биобиблиографического словаря). Владимир, 1897. Вып. 2.— Там же, с. 385. Подп.: *П. III*.

Рец. на кн.: Русская история с древнейших времен до Смутного времени, изд. В. Н. Сторожева. М., 1898. Вып. 1.— ИВ, № 11, с. 798—800. Подп.: *П. III*.

Рец. на кн.: А. Д. Ерицов. Патриарх всех армян Нерсес V, кн. М. С. Воронцов и кн. Елис. Ксавер. Воронцова в их частной переписке. Тифлис, 1898.— Там же, с. 814—816. Подп.: *III*.

Рец. на кн.: В. И. Грибовский (Гридень). Студенческие рассказы. СПб., 1898.— ИВ, № 12, с. 1193. Подп.: *III*.

1899

Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана.— Изв. отд. рус. яз. и словесности имп. Академии наук, т. IV, кн. 1, с. 148—199; т. IV, кн. 4, с. 1304—1344.

Раевский Василий Федосеевич.— Энци. сл. Брокгауз — Ефрон, т. XXIV (51), с. 103—104. Подп.: *П. III*.

Раич Семен Егорович (1792—1855).— Там же, с. 207. Подп.: *П. III*.

Ростовцев Яков Иванович (1803—1860).— Там же, т. XXVII (53), с. 132—133. *Без подп.*

Рец. на кн.: В. Ляскоронский. Иностранные карты и атласы XVI и XVII веков, относящиеся к южной России. Киев, 1899.— ИВ, № 1, с. 334. Подп.: *Пещ-ъ*.

Рец. на кн.: Луи Бертран. Общество взаимной помощи в Бельгии / Пер. с фр. СПб., 1898.— ИВ, № 2, с. 714—715. Подп.: *Е. III*.

Рец. на кн.: «Дело»: Сборник литературно-научный, изданный московским отделом Общества для усиления средств С.-Петербургского женского медицинского института. М., 1899.— ИВ, № 3, с. 1044—1045. Подп.: *III*.

Рец. на кн.: И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени: (Памятники древней письменности). СПб., 1899.— Там же, с. 1046—1047. Подп.: *Пещ-в*.

Рец. на кн.: Я. К. Грот. Труды. I. Из скандинавского и финского мира (1839—1881): Очерки и переводы / Изд. под ред. проф. К. Я. Грота. СПб., 1898.— Там же, с. 1048—1049. Подп.: *III*.

Рец. на кн.: Н. И. Смирнов. Библиографические материалы: Описание книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. И. Смирнова. Палеография. Книгопечатание и законы о цензуре и печати. Библиотеки, музеи и архивы. СПб., 1898.— ИВ, № 4, с. 313—315. Подп.: *П. III-в*.

Рец. на кн.: Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.— Там же, с. 321. Подп.: *Пещ*.

Рец. на кн.: Д. И. Тихомиров. Педагогические курсы 1897 года в г. Полтаве. Полтава, 1898.— ИВ, № 6, с. 1063. Подп.: *Пещ-ъ*.

Рец. на кн.: А. В. Смирнов. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: (Материалы для биобиблиографического словаря.) Владимир, 1899.— ИВ, № 7, с. 312. Подп.: *П. Е. III-в*.

Рец. на кн.: Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова. СПб., 1899.— ИВ, № 9, с. 993—997. Подп.: *Пещ*.

Рец. на кн.: С. Смирнов. Древнерусский духовник: Очерк. Сергиев Посад, 1899.— Там же, с. 1007—1008. Подп.: *III*.

Рец. на кн.: Ф. А. Витберг. Чтения и беседы в союзе ревнителей русского слова. Вып. I. Ревнители русского слова прежнего времени. Вып. II. Я. П. Полонский. СПб., 1899.— Там же, с. 1008—1010. Подп.: *Пещ*.

Рец. на кн.: А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей: Тексты и заметки. М., 1899.— Там же, с. 1013. Подп.: *III*.

Рец. на кн.: Архив князя Ф. А. Куракина/Под ред. В. Н. Смольянинова. Саратов, 1899.— Там же, с. 1016—1017.— Подп.: *III*.

Рец. на кн.: Рис-Дэвис. Буддизм/Пер. под ред. проф. С. Ф. Ольденбурга. СПб., 1899.— Там же, с. 1020. Подп.: *П. III*.

- Рец. на кн.: Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 7. Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1900.— ИВ, № 9, с. 1088—1090. Подп.: *Ц.*
- Рец. на кн.: Известия Калужской ученой архивной комиссии. 1899 год. Вып. III. Калуга, 1900.— Там же, с. 1105. Подп.: *Ц.*
- Рец. на кн.: В. Я. Смирнов. Жизнь и поэзия Н. М. Языкова: Критико-биографическое исследование. Пермь, 1900.— Там же, с. 1105—1107. Подп.: *Цеш.*
- Рец. на кн.: Записки графини Е. Н. Головиной (1766—1819)/Пер. с фр. Под ред. и с примеч. Е. С. Шулигорского. СПб., 1900.— Там же, с. 1107. Подп.: *Ц.*
- Рец. на кн.: И. П. Хрущов. Беседы о древней русской литературе: (Общество ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III). СПб., 1900.— ИВ, № 11, с. 697—699. Подп.: *П. Ц-в.*
- Рец. на кн.: К. Каутский. Аграрный вопрос/Пер. с нем. под ред. Д. Протопопова. Харьков, 1900.— Там же, с. 708—710. Подп.: *Еш.*
- Рец. на кн.: Г. Геффдинг. История новейшей философии. СПб., 1900.— Там же, с. 713—715. Подп.: *П. Ц.*
- Рец. на кн.: М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. 3-е изд. с доп. 1900.— Там же, с. 715—716. Подп.: *Ц.*
- Рец. на кн.: Дж.-Т. Лэдд. Очерк элементарной психологии. СПб., 1900.— Там же, с. 718. Подп.: *Цш.*
- Рец. на кн.: Инсаров. Современная Франция: История Третьей республики. СПб., 1900.— ИВ, № 12, с. 1133—1134. Подп.: *Е. Ц.*
- Рец. на кн.: В. Я. Смирнов. Жизнь и поэзия Н. М. Языкова: Критико-биографическое исследование. Пермь, 1900.— МБ, № 10, с. 90—91.
- Рец. на кн.: А. А. Ярцев. Основание и основатель русского театра (Ф. Г. Волков). М., 1900.— Там же, с. 99—100. Подп.: *П. Ц.*
- Рец. на кн.: К. Я. Грот. К переписке Н. В. Гоголя с П. А. Плетневым: Неизданные письма 1832—1846 гг. СПб., 1900.— Там же, с. 100. Подп.: *Ц.*

1901

Сообщил: Неизданное письмо Н. В. Гоголя.— ЛВ, кн. 5, с. 15.

1902

- Из школьных лет Н. В. Гоголя (1821—1825).— ИВ, № 2, с. 508—547.
- Отец Гоголя.— ИВ, № 2, с. 655—666.
- К биографии П. А. Кулиша.— ИВ, № 4, с. 243—247.
- Памяти Н. А. Некрасова: (По случаю двадцатипятилетия со дня смерти).— ИВ, № 12, с. 1091—1103.
- К биографии Н. В. Гоголя: Заметки и материалы. I—VII.— ЛВ, т. III, кн. 1, с. 48—65.
- Сообщил: Письмо П. А. Кулиша к М. И. Гоголь.— Там же, с. 69—72.
- Рец. на кн.: Письма Н. В. Гоголя. Редакция В. И. Шенрока: В 4-х т. Издание А. Ф. Маркса. СПб., 1902.— ИВ, № 2, с. 686—688.
- Рец. на кн.: В. В. Сиповский. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 г.): Критико-библиографический обзор. СПб., 1901.— Там же, с. 714—717. Подп.: *П. Ц.*
- Рец. на кн.: И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля: Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс, 1902.— ИВ, № 4, с. 306—308. Подп.: *П. Ц.*
- Рец. на кн.: Н. В. Гоголь в русской поэзии: Сборник стихотворений / Сост. В. В. Каллаш. М., 1902.— Там же, с. 310—311. Подп.: *П. Ц.*
- Рец. на кн.: Русская критическая литература о произведениях Н. В. Гоголя: Хронологический сборник критико-библиографических статей/

- Собрал В. Зелинский. Ч. 3. М., 1902, 2-е изд.— Там же, с. 324—325. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Т. VII—X. СПб., 1901.— ИВ, № 5, с. 724—725. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Бородкин. Славянофильство Тютчева и Герцена: (Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского славянского благотворительного общества 11 мая 1901 года). СПб., 1902.— Там же, с. 725—727. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Гоголевский сборник, изданный состоящей при историко-филологическом институте кн. Безбородка Гоголевской комиссией / Под ред. проф. М. Н. Сперанского. Киев, 1902.— ИВ, № 6, с. 1071—1073. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: В. А. Гиляровский. На родине Гоголя: (Из поездки по Украине). М., 1902; А. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя: Записки его современника. 2-е изд., доп. по рукописи. М., 1902.— Там же, с. 1081—1082. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: И. И. Замотин. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе: Оттиск из «Филологических записок». Воронеж, 1902.— Там же, с. 1092—1094. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. Из истории развития русской поэзии XVIII в. СПб., 1902.— ИВ, № 7, с. 261—262. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Ф. Д. Батюшков. Критические очерки и заметки о современниках. СПб., 1902, Ч. II; М. О. Меньшиков. Критические очерки. СПб., 1902. Т. II.— Там же, с. 264—266. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Профессор Евгений Бобров: Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования, заметки. Казань, 1901—1902. Т. I—III.— Там же, с. 269—272. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Н. М. Чукмалдин. Записки о моей жизни. М., 1902.— Там же, с. 274—276. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Аркадий Чероков, личный секретарь Ф. В. Чижова: Федор Васильевич Чижов и его связи с Н. В. Гоголем. Биографический очерк по поводу 25 годовщины его смерти. М., 1902.— Там же, с. 279—280. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: А. Рождествен. Жизнь и поэзия Никитина. Казань, 1902.— Там же, с. 288—289. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Dr. Phil. Альберт Родэ. Гауптман и Нитцше: К объяснению «Потоцувшего колокола» / Пер. с нем. Вс. Мейерхольда, А. Ремизова. М., 1902.— Там же, с. 293. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Владимир Бобров. История изучения Святослава сборника 1076 года: Библиографический обзор. Казань, 1902.— Там же, с. 294—295. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Н. К. Козьмин. Из истории русской литературы тридцатых годов (Н. А. Полевой и А. И. Герцен). СПб., 1902.— ИВ, № 8, с. 609—610. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: А. В. Семека. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства. СПб., 1902.— Там же, с. 618—619. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Михаил Николаевич Капустин и его письма к А. А. Борзенко. СПб., 1902.— Там же, с. 620—621. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: «Заря». Русско-славянский сборник. М., 1902. Вып. 1.— Там же, с. 621—622. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: А. В. Мезьер. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно: Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи. СПб., 1902. Ч. II. Русская словесность XVIII и XIX ст. С предисловием Н. А. Рубакина.— ИВ, № 9, с. 1001—1004. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: П. Ф. Николаев. Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902.— ИВ, № 10, с. 324—326. Подп.: *П. III.*

- Рец. на кн.: Н. Н. Страхов. Критические статьи (1861—1894). Киев, 1902, Т. II.— ИВ, № 11, с. 750—751. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: А. С. Лебедев. Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности (по архивным документам). Харьков, 1902.— Там же, с. 752—754. Подп.: III.
- Рец. на кн.: Н. В. Рейнгардт. Н. К. Михайловский и его труды: (По поводу 40-летия его литературной деятельности). Казань, 1902.— Там же, с. 756—757. Подп.: III.
- Рец. на кн.: Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 год. Тифлис, 1902.— Там же, с. 767. Подп.: III.
- Рец. на кн.: Труды «Общества исследователей Волины». Житомир, 1902. Т. I.— Там же, с. 771—772. Подп.: III.
- Рец. на кн.: «Воронежская старина». Воронеж, 1902. Вып. 1. Воронеж, 1902.— ИВ, № 12, с. 1143—1144. Подп.: III.
- Рец. на кн.: В. Зелинский. Собрание критических материалов для издания произведений И. С. Тургенева. 4-е изд. М., 1902. Вып. 1.— Там же, с. 1168. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1902. Кн. 16.— ЛВ, кн. 5, с. 47—50. Подп.: II. III.

1903

- Владимир Раевский и его время: Биографический очерк. (род. 1795 — ум. 1872).— Вестник Европы, № 6, с. 509—561.
- Заметки о Пушкине: (И. А. Шляпкии. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903).— Изв. отд. рус. яз. и словесности имп. Академии наук, т. VIII, кн. 4, с. 375—383.
- Император Николай I. 1796—1825.— ИВ, № 7, с. 94—130.
- К пятидесятилетию деятельности А. Н. Пыпина (1853—1903).— МБ, № 7, с. 8—13.
- Первая русская газета.— Вестн. и Библиотека самообразования, № 12, стб. 545—550.
- Е. Н. Чириков.— Там же, № 18, стб. 789—791.
- Шаликов Петр Иванович.— Там же, с. 109—110. Подп.: III.
- Шенрок Владимир Иванович.— Энци. сл. Брокгауз — Ефрон, т. XXXIX (77), с. 474. Подп.: II. III.
- Чириков Евгений Николаевич.— Там же, с. 857—858. Подп.: II. III.
- Хомяков Алексей Степанович.— Там же, с. 543—547. Подп.: II. III.
- Сообщил: Незданное письмо Н. В. Гоголя.— ЛВ, кн. 5, с. 15.
- Рец. на кн.: Московский архив Министерства юстиции: Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. Современное русское архивное нестроение. Кн. 2. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. Управляющий архивом Д. Я. Самоквасов. 1852—1902.— ИВ, № 1, с. 322—324. Подп.: III.
- Рец. на кн.: Памяти Л. Н. Майкова: Сб. СПб., 1902.— Там же, с. 326—329. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: Сочинения А. С. Пушкина / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. I.— Там же, с. 340—342. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: И. И. Замотин. Три романтических мотива в произведениях Гоголя: К характеристике гоголевского идеала. Варшава, 1902.— Там же, с. 352—353. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: П. Морозов. Минувший век: Литературные очерки. СПб., 1902.— ИВ, № 2, с. 744—745. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: И. П. Корнилов. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем: Сб. статей. СПб., 1902.— ИВ, № 2, с. 749—750. Подп.: III.
- Рец. на кн.: А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы. 2-е изд., доп. М., 1903. Т. 1.— Там же, с. 755—756. Подп.: II. III.
- Рец. на кн.: Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. СПб., 1902.— Там же, с. 763—765. Подп.: II. III.

- Рец. на кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 12-ти т./ Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. СПб., 1903. Т. VI.— Там же, с. 771—772. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Библиотека Московской синодальной типографии. М., 1903. Ч. 1. Рукописи. Вып. 4. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702—1727 гг. Описал В. Погорелов; Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. 1703—1707 гг.: В память двухсотлетия первой русской газеты.— ИВ, № 3, с. 1133—1134. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: В. Каллаш. Puschkiniana. 1. Библиографические труды о Пушкине (1817—1849). Киев. 1902; В. В. Сиповский. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.): Критико-библиографический обзор. СПб., 1902.— Там же, с. 1134—1136. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: П. Н. Милуков. Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб., 1902.— Там же, с. 1167. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.— ИВ, № 5, с. 691—694. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: А. С. Пушкин. Сочинения / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. IV—VI.— Там же, с. 694—695. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: А. С. Пушкин. Труды и дни. Хронологические данные, собранные Николаем Лернером. М., 1903; Письма Пушкина и к Пушкину: Новые материалы, собранные книгоиздательством «Скорпион» / Ред. и примеч. В. Брюсова. М., 1903.— Там же, с. 695—698. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 1902.— Там же, с. 698—699. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: А. К. Бороздин. Литературные характеристики. XIX век. СПб., 1903.— Там же, с. 699—700. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: А. К. Бороздин. Литературные характеристики. XIX век. СПб., 1903. Т. 1.— Там же, с. 700—702. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Я. К. Грот. Труды. СПб., 1903. Т. V. Деятельность литературная, педагогическая и общественная.— Там же, с. 702. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: «Старина и новизна»: Исторический сборник, издаваемый при Обществе любителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III. СПб., 1903. Кн. VI.— Там же, с. 702—704. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1903. Кн. 2 (205).— Там же, с. 721—722. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902) / Под ред. проф. Левицкого. Юрьев, 1902. Т. I.— Там же, с. 727—728. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Г. Успенский. Полн. собр. соч.: В 12-ти т. Киев, 1903.— Там же, с. 729—730. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Е. Бобров. Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования и заметки. Казань, 1903. Т. IV.— ИВ, № 7, с. 313—315. Подп.: *П. III.*
- Рец. на кн.: Д. Г. Левицкий. Русская живопись в XVIII веке. Т. 1. 1735—1822 / Собрал С. П. Дягилев. СПб., 1902.— Там же, с. 315—317. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903.— Там же, с. 317—318. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. 1902 год. Рязань, 1903. Т. XVII, вып. 2.— Там же, с. 330. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 год / Сост., под ред. Д. Г. Тюменева. Изд. Воронеж. губерн. статист. комитета. Воронеж, 1903.— ИВ, № 8, с. 687. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: «Русь»: Литературно-политический сборник. 1903. Вып. 1.— Там же, с. 689. Подп.: *III.*
- Рец. на кн.: Д. А. Ровинский. Обзорение иконописания в России до конца XVII века: Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.— ИВ, № 9, с. 1073—1074. Подп.: *III.*

- Рец. на кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1903 год. М., 1903. Кн. 3.— Там же, с. 1074—1075. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Сочинения А. С. Пушкина / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. VII. Письма Пушкина.— ИВ, № 10, с. 262—263. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1903. Вып. VI.— Там же, с. 275. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Ежегодник Ферганской области. Вып. 1903 года. Издание Ферганского областного статистического комитета. Новый Маргелан, 1903. Т. II.— Там же, с. 276. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: И. А. Строев-Поллин. Декабрист: Исторический роман из эпохи первой половины николаевских времен. СПб., 1903.— Там же, с. 278. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы: (Пушкинский период). 2-е изд., доп. М., 1903. Т. II.— Там же, с. 280. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Из рукописного собрания Одесской городской публичной библиотеки. 1. Письма И. С. Тургенева к Л. И. и Н. Я. Стечкиным / Изд. гр. М. М. Толстого, под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903.— Там же, с. 290. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Н. Ленц. Учебно-воспитательные заведения, из коих образовался Ришельевский лицей. 1804—1817. Одесса, 1903.— ИВ, № 11, с. 674. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Г. Эрастов. Искусство чтения: Практический курс логического и выразительного чтения для преподавания и изучения. СПб., 1903.— Там же, с. 676—677. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Н. И. Костомаров. Собрание сочинений: Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1, т. I—III.— ИВ, № 12, с. 1087—1088. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Тр. Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1903. Вып. 23; Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета / Под ред. К. И. Златоверховникова. Курск, 1903. Вып. IV. Материалы по этнографии Курской губернии. Ч. 3. Приготовил к печати В. И. Резанов.— Там же, с. 1094—1096. Подп.: *Щ-е*
- Рец. на кн.: А. Г. Максимов. Описание русских периодических изданий XIX века: «Московский Меркурий» 1803 года. Ежемесячный журнал, изд. П. И. Макарова. СПб., 1903.— Там же, с. 1096—1097. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: Н. К. Шильдер. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1.— МБ, № 8, с. 99—105. Подп.: *П. Щ-е*; то же — Русский архив, № 11.
- Рец. на кн.: М. Помяловский. Очерки русской истории: Элементарный курс средних заведений. СПб., 1903.— МБ, № 10, с. 125—129.

1904

- Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина.— ВЕ, № 1, с. 305—327. [Вступительная статья] к кн.: [И. П. Мятлев]. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею дан л'этранже Мятлева. СПб., 1904. Т. I—II. Т. I, с. V—XXVII. (Без подп.).
- А. С. Грибоедов в 1826 году: Из истории литературных и общественных отношений двадцатых годов XIX века.— ЛВ, т. VII, кн. 2, с. 1—40.
- А. С. Грибоедов и декабристы: Из истории общественных и литературных отношений двадцатых годов XIX века. СПб. 40 с.
- Из двадцатых годов: Заметки и материалы. I. К биографии Я. Н. Толстого. II. История одного письма К. Н. Батюшкова.— В кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., вып. II, с. 65—80.
- Император Николай I. 1826—1831.— ИВ, № 1, с. 138—166.

- Литературные и художественные занятия Гоголя.— В кн.: Николай Васильевич Гоголь: Его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей. М., с. 25—28.
- Ненаписанные стихотворения А. С. Пушкина.— ИВ, № 1, с. 263—274. О «Русских женщинах» Некрасова: В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов.— В кн.: «К свету»: Научно-литературный сборник. СПб., с. 489—529.
- Памяти Константина Константиновича Случевского (ум. 25 сентября 1904 г.).— ИВ, № 11, с. 756—764. Подп.: *И. Е. Павлов*.
- Памяти А. П. Чехова (17 января 1860 — 2 июля 1904).— ИВ, № 8, с. 625—633. Подп.: *П. Е. Павлов*.
- Подвиг русской женщины.— ИВ, № 5, с. 530—550.
- А. С. Пушкин и московские студенты в 1831 году.— ИВ, № 4, с. 207—222.
- Столетие первого русского общества.— ИВ, № 3, с. 1045—1054. Подп.: *П. Е. Павлов*.
- Сообщил: Неизданные стихотворения кн[язя] В. Ф. Одоевского.— ЛВ, кн. 8, с. 203—205.
- Рец. на кн.: Комиссия по организации домашнего чтения, состоящая при учебном отделе общества распространения технических знаний: Эпизодические программы. М., 1903. Серия 1.— ИВ, № 1, с. 336—337. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Александр Бенуа. Русская школа живописи. СПб., 1904. Вып. 1—2.— ИВ, № 5, с. 685—686. Подп.: *П. П-в*.
- Рец. на кн.: Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Собрал Е. Шмурло, профессор Юрьевского университета. Юрьев, 1903. Т. 1. 1695—1700.— ИВ, № 8, с. 634—635. Подп.: *П. П-в*.
- Рец. на кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. В. В. Каллаш. *Puschkiniana*. Материалы и исследования об А. С. Пушкине. Киев, 1903.— Там же, с. 655—657. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В. 12-ти т. / Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. СПб., 1904. Т. VIII.— Там же, с. 669—670. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: А. Г. Максимов. Описание периодических изданий XIX века. «Осенние вечера» 1803 года и «Журнал для милых» 1804 года: Историко-библиографическое исследование. СПб., 1904.— Там же, с. 670—671. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: Действия Нижегородской ученой архивной комиссии: Журналы и доклады. Заседания LVIII—LXVIII, с 25 мая 1901 года по 2 марта 1903 года, и журнал экстренного заседания 27 апреля 1903 года в память А. С. Гацисского. Н.-Новгород, 1904.— Там же, с. 672—673. Подп.: *Щ*.
- Рец. на кн.: «Мир искусства». Художественный иллюстрированный журнал. СПб., 1904. Вып. 4.— Там же, с. 673. Подп.: *П. Павлов*.
- Рец. на кн.: Профессор Бобров Евгений. Из истории жизни и поэзии А. И. Полежаева (С приложением двух портретов). Варшава, 1904.— Там же, с. 674—675. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1904.— ИВ, № 9, с. 1015—1017. Подп.: *П. П-в*.
- Рец. на кн.: Летучие листки 1812 года: Ростовчинские афиши / Собрал и издал П. А. Картавов. СПб., 1904.— Там же, с. 1019—1020. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: С. А. Венгеров. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых: (Историко-литературный сборник). С алфавитным указателем по всем шести томам. СПб., 1897—1904. Т. I—VI.— Там же, с. 1022—1024. Подп.: *П. Щ*.
- Рец. на кн.: И. А. Крылов. Полн. собр. соч. / Вступит. ст. и примеч. В. В. Каллаша. СПб., 1904, Т. I. Драматические сочинения.— Там же, с. 1031—1033. Подп.: *П. Щ*.

- Рец. на кн.: К. Д. Бальмонт. Горные вершины: Сб. статей. М., 1904. Кн. 1.— Там же, с. 1035—1036. Подп.: *III*.
- Рец. на кн.: Алексей Мошин. Ясная Поляна и Васильевка. СПб., 1904.— Там же, с. 1037—1038. Подп.: *II III*.

1905

- А. С. Грибоедов и декабристы: (По архивным материалам). С приложением факсимиле дела о Грибоедове, хранящегося в Государственном архиве. СПб., 26 с. + факсимиле дела.
- Данский Алексей Алексеевич.— В кн.: Русский биографический словарь. СПб., т. VI, с. 107—108. Подп.: *II III-в*.
- Де-Лу Алексей.— Там же, с. 198—199. Подп.: *II III*.
- Демаж Жан Франсуа.— Там же, с. 206. Подп.: *III*.
- Демезон Петр Иванович.— Там же, с. 207. Подп.: *II III*.
- Дмитревский Дмитрий Иванович.— Там же, с. 428—430. Подп.: *II III*.
- Дуэль Пушкина с Дантесом: (Новые материалы).— ИВ, № 1, с. 173—195; № 3, с. 944—972; № 4, с. 196—211.
- Из двадцатых годов. Заметки и материалы. СПб. I. К биографии Я. Н. Толстого; II. История одного письма К. Н. Батюшкова. СПб., 16 с.
- Памяти Н. Лохвицкой.— Новая жизнь, № 238, с. 3. Подп.: *II III*.
- Памяти А. Н. Пыпина.— МВ, № 1, с. 9—11.
- Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. СПб. 80 с.
- Указ и циркуляр.— Наша жизнь, № 96, с. 1. Подп.: *II III*.
- Рец. и сост. (совм. с В. И. Семевским): Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., Т. 1. Декабристы: М. А. Фонвизин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнфельд. Статьи и материалы. 495 с.
- Рец., предисл. кн.: А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб.
- Рец. на кн.: Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905; Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний (1849—1851) / Со вступит. ст. В. И. Семевского. СПб., 1905; Н. Белевич. Наши чтения. СПб., 1905.— *Наша жизнь*, № 102, с. 6. Подп.: *II III*.

1906

- Меры правительства, направленные к удержанию жен декабристов на родине и юридическое их положение в Сибири.— Жены декабристов. Сборник историко-бытовых статей / Сост. В. И. Покровский. М., с. 7—17.
- Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль.— Там же, с. 65—72. Подп.: *Щеглятьев **.
- Камила Петровна Ивашева, рожд. Ле-Дантю (совм. с Веневитиновым).— Там же, с. 73—106. Подп.: *Щеглятьев **.
- Александра Григорьевна Муравьева, урожд. Чернышева, из «Записок» декабриста барона Розена Басаргина.— Там же, с. 260—267. Подп.: *Щеглятьев **.
- Елизавета Петровна Нарышкина, урожденная графиня Коновницына.— Там же, с. 275—279. Подп.: *Щеглятьев **.
- Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. 2-е изд. СПб. 80 с.
- Петр Григорьевич Каховский: Историко-психологический этюд.— Б, № 1, с. 129—166; № 2, с. 183—212.
- Событие 1-го марта и Владимир Сергеевич Соловьев.— Б, № 3, с. 48—55. Подп.: *II III*.
- Семен Олейничук.— Б, № 4, с. 107—124.
- Император Николай I — тюремщик декабристов.— Б, № 5, с. 192—204.

* Сообщил Н. М. Ченцов.

- [Замечание на рец. В. И. Семевского].— Там же, с. 283.
- Эпизод из жизни В. Г. Белинского: (По неизданным данным).— Б, № 10, с. 280—287. Подп.: *II. III.*
- Из истории «конституционных» веяний в 1879—1881 гг.— Б., № 12, с. 262—284.
- Из летописей Шлиссельбургской крепости (1835 г.).— Б, № 12, с. 101—104. Подп.: *II. III.* (то же, сам.: Б, 1921, № 6, с. 187—200).
- Рец. на кн.: Дела III Отделения собств. е.и.в. канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906.— Б, № 2, с. 229—301. Подп.: *II. III.*
- Рец. на кн.: Собрание стихотворений декабристов: Стихотворения К. Ф. Рылеева, А. И. Одоевского, А. А. Бестужева (Марлинского) и Г. С. Батенькова, с их портретами, краткими биографическими очерками и литературными указателями. М., 1906. Т. I.— Б, № 2, с. 302—303. Подп.: *II. III.*
- Рец. на кн.: Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого. СПб., 1906.— Б, № 3, с. 301—302. Подп.: *II. III.*
- Коммент. (совм. с В. Я. Богучарским): Письмо И. С. Тургенева П. Л. Лаврову [от 9.IV.1875 г.].— Б, № 2, с. 217—218.
- Сообщил: Письмо А. А. Дельвига к А. С. Пушкину.— Б, № 5, с. 139—140.
- Сообщил: Дело о замечании, сделанном коллежскому секретарю Александру Пушкину в неприличном поступке в Каменном театре (1818—1819 гг.).— Б, № 11, с. 28—29.
- Сообщил: Т. Г. Шевченко. Ере. Поэма.— Б, 1906, № 6, с. 1—5.
- Ред. и вступит. ст. к кн.: Пестель П. И. «Русская Правда». Наказ Временному Верховному Правлению. СПб. 224 с.
- Ред. кн.: Убийство императора Павла: Рассказы современников. Из записок М. А. Фоввизина. Записки А. Н. Вельяминова-Зернова. Из записок Н. А. Саблукова. Из записок кн. Адама Чарторыйского. Ростов-на Дону, [б. г.]. 96 с. Серия: Русская историческая библиотека, № 14.

1907

- Кн[язь] А. М. Горчаков и Пушкин.— [А. С.] Пушкин. Поли. собр. соч. / Под ред. проф. С. А. Венгерова. СПб., т. 1, с. 230—235. Серия: Библиотека великих писателей.
- После первого марта 1881 года.— Б, № 3, с. 290—302.
- Декабрист князь Ф. П. Шаховской: (Биографическая заметка).— Б, № 8, с. 274—289.
- Поминание **Н. И. Тургенева**: (По архивным данным).— Б, № 9, с. 33—36.
- Сообщил: Из записок императора Николая I.— Б, № 10, с. 76—88.
- Вступит. ст. к кн.: И. П. Мятлев. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу дан л'эстранже Мятлева. С рис. В. Ф. Тимма. СПб. Т. I—II, т. 1, с. I—XXIII. Без подп.
- Ред. и вступит. ст. к кн.: А. Е. Розен. Записки декабриста. С портретом и приложениями. СПб., 464 с.
- Ред. (совм. с А. К. Бороздиным и И. И. Лашиним) кн.: А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. СПб., 1907—1908. Т. 1—2.

1908

- На каторге.— В кн.: В ссылке и заключении. Воспоминания декабристов князя Оболенского, Басаргина и княгини Волконской. М., с. 40—46.
- К истории пушкинской масонской ложи.— МГ, № 5/6, с. 517—520.
- Неизданная записка И. С. Тургенева.— МГ, № 8, с. 98—100. Подп.: *II. III.*
- «Катехизис» Сергея Муравьева-Апостола: (Из истории агитационной литературы декабристов).— МГ, № 11, с. 50—80.
- Памяти Н. П. Павлова-Сильванского.— МГ, № 11, с. 309—311.
- Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789 г.).— МГ, № 12, с. 191—209.
- «Зеленая лампа».— В кн.: Пушкин и его современники, вып. VII, с. 19—50.

Судьба одного немецкого перевода «Клеветникам России». — Там же, с. 60—64.

Рец. на кн.: М. Гершензон. П. Я. Чаадаев: Жизнь и мышление. СПб., 1908.— МГ, № 1, с. 300—304. Подп.: *П. Ш.*

Рец. на кн.: Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.: По подлинным делам III Отделения с.е.и.в. канцелярии. СПб., 1908.— МГ, № 2, с. 314—318. Подп.: *П. Ш.*

Рец. на кн.: Н. Котляревский. Рылеев. СПб., 1908.— МГ, № 5/6, с. 521—523. То же.— ИВ, № 7, с. 319—321. Подп.: *П. Ш.*

1909

А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.: (Из архивных разысканий). Со снимками с автографа Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники, вып. XI, с. 1—51 (и отд. отт.).

1910

Заметки к тексту Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIII, с. 163—174.

Император Николай I и Пушкин в 1826 году.— Русская мысль, кн. 6, с. 1—27.

1911

Из разысканий в области биографии и текста Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIV, с. 53—193.

Дополнения к «Разысканиям в области биографии и текста Пушкина». — Там же, с. 199—216.

«Акафист» Пушкина: (Заметки к тексту Пушкина).— В кн.: Пушкин и его современники, вып. XV, с. 27—33.

Ответ г. [Н. О.] Лернеру.— Там же, с. 175—178.

Новые стихотворения А. С. Пушкина. I—V.— Русское слово, № 181, 6 авг. с. 3.

1912

Возвращение декабриста [В. Ф. Раевского] (1858).— Современник, кн. 12, с. 287—300.

И. А. Гончаров — цензор Пушкина.— Голос земли, № 20, 29 янв.

Протест против романа В. Ропшина.— Современник, кн. 12, с. 381—383.

Пушкин. Очерки. СПб. 411 с.

Ред. и вступит. ст.: С. Т. Аксаков. Поли. собр. соч., СПб., 1912—1913, т. I—IV. Серия «Библиотека русских писателей» / Под общ. ред. проф. Е. В. Аничкова.

1913

Благоразумные советы из крепости: (По неизданным материалам).— Современник, кн. 2, с. 271—296; кн. 3, с. 268—292. Пересказ см.: Декабрист — советник Николай I.— Волны, 1913, кн. III. *Без подп.*

Воспоминания декабриста: (Неизданное письмо И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву).— Литература, Искусство, Наука, № 6/10, 11 нояб.— 9 дек. (Приложение к № 306, 313, 319, 327, 334 газ. День).

Граф М. Н. Муравьев — заговорщик (1816—1826): По неизданным материалам.— Современник, кн. I, с. 301—326.

Из резолюций императора Николая I о декабристах.— Голос минувшего. № 11, с. 194—199.

Исторические этюды. СПб.: Шиповник. 441 с.

То же. 2-е изд. СПб.: Прометей. 441 с.

Пушкин. Очерки. 2-е изд. СПб. 411 с.

Послел. (совм. с Ф. Соллогубом) к кн.: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. СПб., с. 51—56.
Ред. и прим. (совм. с Н. В. Голицыным) к кн.: 1854—1855. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб. 174 с.

1914

- Декабристы на пути в Сибирь: По неизданным материалам.— Отклики, № 22 (беспл. прил. к газ. День, № 150, 5 июня).
Из истории декабристов.— Отклики, № 27 (беспл. прил. к газ. День, № 162, 17 июня).
Князь Олег Константинович [некролог].— В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIX—XX, с. I—VI.
Мелочи быта: (Неизданное). 1. Донесение полицейского врача о смерти А. С. Пушкина; 2. Милость для светлого праздника.— День, № 94, 6 апр., с. 5.
«Судьба М. К. Юшневской. Из истории жен декабристов.— Отклики, № 25 (беспл. прил. к газ. День, № 171, 26 июня), с. 4—6.
Рец. на кн.: С. Д. Толь. Массонское действо: Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914.— Отклики, № 5 (беспл. прил. к газ. День, № 36, 6 февр., с. 6—7).
Автор биограф. очерка и примеч.: Записки княгини Марии Николаевны Волконской / Пер. с фр. оригинала А. Н. Кудрявцевой. СПб. 209 с.
То же. 2-е изд., доп., с иллюстрациями и указателем собственных имен. СПб. 215 с.
Ред. серии «Библиотека мемуаров» и вступит. ст. к кн.: Мое время. Записки Г. С. Винского. СПб. 109 с.
Ред. и вступит. ст. к кн.: В. П. Колесников. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. СПб. 160 с.
Ред. серии «Библиотека мемуаров» и кн.: Записки графа Е. Ф. Комаровского / Вступит. заметка Е. А. Лядского. СПб. 278 с.
Сообщил: Братья Борисовы. Из воспоминаний М. А. Бестужева.— Отклики, № 21 (Беспл. прил. к газ. День, № 144, 30 мая).
Сообщил: М. Н. Катков, П. А. Валуев и А. Е. Тимашев.— Голос минувшего, № 4, с. 240—246.
Сообщил: Письмо Ив. Ив. Пущина [к отцу 1827 г.].— Отклики, № 23 (прил. к газ. День, № 158, 13 июня).

1915

- Памяти Некрасова.— Н. А. Некрасов, его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей / Сост. В. И. Покровский. 2-е изд., доп. М., с. 16—27.
Последняя дуэль Пушкина.— [А. С.] Пушкин. Поли. собр. соч. / Под ред. проф. С. А. Венгерова, т. VI, с. 280—310. Серия «Библиотека великих писателей».
Пушкинское.— Газ. День, № 341, 11 дек. Сны русского интеллигента в царствование императора Павла.— Отечество, № 1, с. 16—17.
Ред. кн.: Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. С портретами, иллюстрациями и приложениями. [Пг.]. 166 с.

1916

- Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы.— В кн.: Пушкин и его современники. Пг. Вып. XXV—XXVII. 367 с.
Неизданная статья Пушкина об альманахе «Северная лира».— Там же, вып. XXIII—XXIV, с. 1—8.
Новые стихи Пушкина.— День, № 101, 14 апр.
Рец. на кн.: «Записки декабриста И. И. Горбачевского». С приложениями и со вступит. ст. Б. Е. Сыроечковского.— День, № 149, 2 июня, с. 3—4.
Рец. на «Невский альманах».— День, № 158, 11 июня.

Ред. серии «Библиотека мемуаров издательства «Огни».— В кн.: В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля / Предисл. В. Я. Богучарского. Пг. 251 с.

Подготовили к печати: Записки декабриста И. И. Горбачевского / С прилож. и вступит. ст. Б. Е. Сыроечковского. М.

1917

Дочь декабриста: (Памяти Е. С. Рахмановой).— День, № 1, 1 янв. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 2-е изд., испр. Пг. 432 с.

Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном суде над декабристами.— День, № 16, 18 янв., с. 3; № 17, 19 янв., с. 4; № 18, 20 янв., с. 3. К читателям «Былого».— Б, № 1 (23), с. 3—4. *Без подп.*

К истории «Былого».— Там же, с. 5—12. Подп.: *Ред.*

Приключения И. Ф. Мануйлова: По архивным материалам.— Б, № 5/6 (27—28), с. 236—286. *Без подп.*

Рец. на кн.: Петергофские совещания о проекте Государственной думы: Какую думу хотели дать народу Николай II и его министры? Пг., 1917.— Б, № 2 (24), с. 298—299. Подп.: *П. III.*

Ред. и вступит. ст. к кн.: Записки Н. В. Басаргина. Пг., «Огни». 294 с. «Библиотека мемуаров издательства «Огни»». Серия первая.

Ред. и вступит. ст. к кн.: Воспоминания братьев Бестужевых. Пг., «Огни». 374 с. «Библиотека мемуаров издательства «Огни»».

1918

От редакции.— Б, № 1 (29), с. 3—4. *Без подп.*

Суд и казнь первомайцев: Рисунки очевидца и официальный отчет.— Б, № 9 (31), с. 311—325. *Без подп.*

К делу 1 марта 1881 года: Незнанные доклады графа Лорис-Меликова, В. К. Плеве, А. В. Комарова.— Б, № 4/5 (32/33), с. 12—69. Подп.: *П. III.*

[Вступление к статье] Проект воздухоплавательного аппарата Н. И. Кибальчича.— Там же, с. 113—115. Подп.: *П. III.*

Последнее признание Рысакова.— Там же, с. 305—307.

Событие 1 марта и Владимир Соловьев: Новые документы.— Там же, с. 330—336.

1919

Николай I и декабристы: Очерки. Пг. 62 с. Серия: «Былое». Историческая библиотека.

Один из многих: История революционера Хаима Гершковича (1886—1905). Пг. 23 с. Серия: «Былое». Историческая библиотека. История революционного движения в очерках и эпизодах. Подп.: *П. Павлов.*

Памятка о декабристах. Издание Музея Революции. Пг., 4 с.

Петр Григорьевич Каховский. М., «Альциона». 143 с. (2-е изд.— Пг., 1921).

Таинственный узник: Глава из книги об Алексеевском равелине.— Б, № 14, с. 152—208. (то же, отд. изд.— Пг., 1919).

То же — Пг., Издательство «Былое». 71 с. Серия: «Былое». Историческая библиотека.

Ред. и вступит. ст. к кн.: Жизнь русского рабочего полвека тому назад: Записки социалиста-рабочего Василия Герасимова. Пг. 28 с. Серия: «Рабочие-социалисты». «Былое». Историческая библиотека (2-е изд.— М., 1929).

Ред. и примеч. (совм. с В. Я. Богучарским) к кн.: Дневник П. А. Валуева. 1877—1884. Пг.

Предисл. к ст.: «Из дневника князя В. Орлова».— Б, № 14, с. 53—57. Подп.: *Ред.*

Предисл. к ст.: К истории манифеста 17 октября 1905 года.— Там же, с. 108—111. Подп.: *Ред.*

- Биографический словарь революционеров.— Книга и революция, кн. 1, июль, с. 8—9.
- Декабристы: Очерки. Пг., «Былое». 96 с. Серия: «Былое». Историческая библиотека.
- Любовь в равелине.— Б, № 15, с. 137—151.
- Рец. на кн.: М. О. Гершензон. Мудрость Пушкина. М., 1919.— Книга и революция, № 2, авг., с. 57—60.
- Изложение речей П. Е. Щеголева и В. В. Водовозова [о декабристах]. Открытие Музея Революции [и чествование памяти декабристов].— Жизнь искусства, № 341, 13 янв., с. 2; см. также: Петроградская правда, № 6, 10 янв., с. 1.

1921

- Из летописей Шлиссельбургской крепости.— Б, № 16, с. 187—200.
- Неизданное стихотворение Пушкина [«Царское Село»— «Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений»].— Летопись Дома литераторов. Пг., № 2, 15 нояб., с. 6.
- Петр Григорьевич Каховский. 2-е изд. Пг. 87 с. Серия: «Историко-литературная библиотека» (1-е изд.— М., 1919).

1922

- Агенты, жандармы, палачи: По документам. Пг. 76 с. Подп. П. Павлов.
- Из неизданных пушкинских текстов.— Вестн. лит-ры, № 2/3, (38/39), с. 5—7.
- Любовь в равелине. 2-е изд. Пг., «Былое». 30 с.
- Мария Волконская. Пг., «Парфенон».
- Предисл. к кн.: Герман Александрович Лопатин (1845—1918): Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Подготовил к печати А. А. Шилов. Пг. 219 с. Серия «Историко-революционная библиотека».
- Выступления П. Е. Щеголева, Н. Когляровского, А. Ахматовой, М. Кузьмина, Ф. Соллогуба, В. Ходасевича, Е. Браудо «К пушкинской годовщине». Летопись Дома литераторов, № 3, с. 7.
- Предисл. к статье Белецкий С. П. Григорий Распутин: Из воспоминаний.— Б, № 20, с. 194—198. Подп.: *Ред.*

1923

- К иконографии декабристов.— Музей революции. Пг., Сб. 1, с. 62—66.
- Каракозов в Алексеевском равелине.— Там же, с. 11—37.
- Маски императора.— Хрестоматия по русской истории / Сост. Михаил Коваленский. 3-е изд. М.; Пг., т. IV, с. 396—406.
- Из переписки Николая I.— Там же, с. 415—416.
- Из письма нач. штаба е.в. барона Дибича к председателю Верховного Уголовного суда Лопухину.— Там же, с. 416.
- С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине (1873—1882).— Красный архив, т. 4 (1923), с. 222—272; т. 5 (1924), с. 172—212; т. 6 (1924), с. 77—123.
- Ред. и примеч. (совм. с Б. Л. Модзалевским), автор ст.— В кн.: Дневник Пушкина. 1833—1835. М.; Пг., с. XIII—XXVI.
- Ред. и автор ст. в кн.: Медный всадник: Петербургская повесть А. С. Пушкина. 75 с. Подп.: *Щ.*
- Ред. серии «Библиотека мемуаров»:— В кн.: Н. В. Шелгунов. Воспоминания / Ред., вступит. ст. и примеч. А. А. Шилова. М.; Пг. 317 с.
- Ред. и выступление.— В кн.: Музей революции. 1. Пг., Сб., с. 78—82.

- Дворец и крепость: Историческая кинодрама в десяти частях с прологом и эпилогом. Сценарий (совм. с О. Форш). Производство «Севзапкино». Петроград, выпуск 1924 г. Пг. 15 с.
- Заговор императрицы: (Историческая пьеса Алексея Толстого и П. Е. Щеголева). 5 действий с прологом — 9 картин.— Жизнь искусства, № 53, с. 11—13.
- К тексту «Цыган». — В кн.: А. С. Пушкин. Цыганы. / Статья Б. Л. Модзалевского, с. 35. Подп.: II. III.
- Мелочи жизни Пушкина: (Три письма: кн. П. И. Шаликова, А. И. Хмельницкого и В. Коленова к Пушкину). — Ленинград, № 11 (27), 6 июля, с. 14—15. Подп.: II. III.
- Таинственный узник. Глава из книги об Алексеевском рavelине, 2-е изд. Севзапкино. П. 133 с.
- Чернышевский в рavelине: Предисловие к рассказам Чернышевского.— Звезда, № 3, с. 71—77.
- Предисл. к неизданной статье Н. Г. Чернышевского «Критический взгляд на современные эстетические понятия». — Звезда, № 5, с. 200—201.
- Ред.: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1924—1927. Т. 1—7.
- Ред.: В. Лейкина. Петрашевцы. М. 147 с.
- Ред. Серия «Библиотека мемуаров» Л. А. Волкенштейн. Из тюремных воспоминаний / Вступит. ст. и примеч. Р. М. Кантора. Л. 136 с.
- Ред. Серия «Библиотека мемуаров», вступит. ст. и примеч.: Княгиня М. Н. Волконская. Записки. Л., Гос. издательство. 72 с.

1925

- Девятое января («Кровавое воскресенье», «Черное воскресенье»). Сценарий (по теме Ленинградского испарта). 9 ч. 2700 м., реж. В. Висковский, вып. 2. XII.
- Заговор императрицы. Пьеса в пяти действиях (совм. с А. Н. Толстым). Издание авторов. Берлин.
- История в кино: «Заговор императрицы». Содержание сценария П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого (Госкино). — Жизнь искусства, 1925, № 38, с. 19—20 [В дальнейшем авторы озаглавили фильм как «Заговор Распутина». Сценарий А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева. 8 частей, реж.: В. Раппопорт и Б. Н. Светлов — работа не была доведена до конца].
- Русский Рокамболь. (Приключения И. Ф. Манасевича-Мануйлова). Л., «Былое». 240 с. / Авторы: К. Бецкий и П. Павлов [П. Е. Щеголев].
- Степан Халтурин. Сценарий. Севзапкино, 9 ч., 2000 м., реж. А. Ивановичский, вып. 7. IV.
- «Царь-сыщик» и «Комедия суда» [фрагменты из книги «Петр Григорьевич Каховский»] в разделе «Николай I и декабристы». — В кн.: Декабристы. 1825—1925: Сб. ст. и материалов / Под ред. и предисл. С. Я. Штрайха. М., с. 199—204, 213—216.
- Школа филеров в Москве [совм. с А. Н. Толстым]. Из пьесы «Азеф» (фрагмент). — Огонек, № 52, с. 8—11 [1-е изд. пьесы — М., 1926].
- Предисл. к кн.: Дело Веры Засулич. Л. 32 с. Серия «Революция перед царским судом: Судебные процессы».
- Предисл. к кн.: Дело провокатора Окладского: Тридцать семь лет в охранке / Под ред. И. Я. Дерзибашева. Л.
- Предисл. к кн.: Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. Л.

- Азеф (Орел или решка). Пьеса в пяти действиях, 12 картинах [совм. с А. Н. Толстым]. Л.
- Азеф: Сцены из исторической пьесы / Алексей Толстой, П. Е. Щеголев.— Красная новь, № 1, с. 3—33.
- Декабристы. М.; Л. 361 с.
- Декабристы: Драматическая поэма [совм. с А. Н. Толстым]. Картина 5.— Вечерняя Москва, № 29, 5 февр., с. 2.
- Заговор императрицы: Историческая пьеса [совм. с А. Н. Толстым]. Л. 117 с. 2-е изд.
- Исторический Азеф.— В кн.: Азеф: К постановке новой пьесы А. Толстого, П. Щеголева. Статьи Павла Щеголева, Ал. Толстого, А. Н. Лаврентьева, В. Ал. Щуко. Л. Academia, с. 3—12.
- Казнь пяти: (К столетию казни декабристов).— Красная газета. Л., 27.VII. Казнь пяти: (К столетию казни декабристов).— Полеская правда, Гомель, 31 июля.
- [Какие нам нужны исторические пьесы?].— Рабочий и театр, № 14, с. 7.
- Полина Гебель: (Декабристы). Поэма [совм. с А. Н. Толстым].— Новая Россия, № 1, янв., стб. 35—58 [перепеч.: Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 11. Пьесы, с. 505—542; первый вариант либретто оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы»].
- Чернышевский в Алексеевском равелине.— Чернышевский Н. Г. Тюремные рассказы. М., с. 3—12.
- Ред. [совм. с Ю. Г. Оксманом]: «Бунт декабристов: Юбилейный сборник. 1825—1925». Л. 400 с.
- Ред.: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 2-е испр. изд. М.; Л. Т. 1.
- Ред. и сост.: Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов. Т. I. С предисл. Н. Рожкова; т. II—III. С предисл. П. Щеголева [изменено название — «Петрашевцы»]. М., с. 261—389.
- Ред., примеч. и послесл.: П. С. Поливанов. Алексеевский равелин: Биографический очерк И. И. Майнова. Л.

1927

- Азеф: (Орел или решка). Пьеса в пяти действиях, 12 картинах (совм. с А. Н. Толстым). 2-е изд. М.
- Биографическая заметка отца поэта, С. Л. Пушкина.— Огонек, № 7 (203), 13 II, с. 1. Подп.: П. Ш.
- Декабристы: Сценарий [совм. с А. Ивановским]. Ленинградкино, 8 ч., 2400 м., вып. 8. II.
- Крепостная любовь Пушкина: По неизданным материалам.— Красная нива, № 42, с. 20—21.
- Кто писал анонимное письмо Пушкину? — Огонек, № 42, с. [6].
- Последний рейс Николая Романова: Психологическая проблема.— Новый мир, № 6, с. 147—173; № 7, с. 144—168.
- Пушкин и мужики: Глава первая. Крепостная любовь Пушкина. Глава вторая. Помещик.— Новый мир, № 10, с. 149—169; № 12, с. 162—188.
- Русский Рокамболь. (И. Ф. Манасевич-Мануйлов). Л., «Книжные новинки». 108 с. Серия «Царская Россия» / Авторы: К. Бецкий и П. Павлов [П. Е. Щеголев].
- Смерть Пушкина: Очерк для «Огонька». — Огонек, № 7 (203), с. [8—9].
- Убийца Пушкина: Новый взгляд на историю дуэли.— Вечерняя Москва, 10 X.
- Убийцы Пушкина.— Минувшие дни, № 1, с. 111—130.

- Предисл. к кн.: Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову / Комментарий И. С. Зильберштейна.— Новый мир, № 9, с. 154—155.
- Ред. и вступит. ст. к кн.: А. Голицынский: Очерки фабричной жизни. 2-е изд. Л. (1-е изд.— М., 1861).
- Ред. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Вступит. ст. Л. Китаева и М. Е. Кольцова. Л. 216 с. (2-е изд., доп.— Л. 248 с.). Ред. и предисл.: Петрашевцы: Сб. материалов. М.; Л. Т. 2 Статьи, доклады. Показания. 261 с.
- Ред.: Секретные сотрудники и провокаторы: Сборник. М.; Л.

1928

- Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 3-е изд., просм. и доп. М.; Л. 551 с.
- Крестьяне в Шлиссельбургской крепости: Из истории секретного дома в 1852—1870 гг.— Звезда, № 4, с. 126—143; № 5, с. 124—146.
- Крестьяне в Шлиссельбургской крепости: Из истории крепости в 1852—1870 гг. М.
- Люди Пушкина: По неизданным материалам.— Красная нива, № 23, с. 12—14. На всякого мудреца... Ответ В. В. Вересаеву.— Печать и революция, кн. 5, с. 97—106.
- Последний рейс Николая Второго. М.; Л. 200 с.
- Пушкин и мужики: По неизданным материалам. С автопортретом и автографами Пушкина и иллюстрациями. М. 287 с.
- Царь, жандарм и поэт: Новое о дуэли Пушкина. Очерк.— Огонек, № 24 [272], [с. 4—5].
- Предисл.: Поэма А. С. Пушкина: «Монах».— Красный архив, т. VI [31], с. 160—175.
- Предисл. и публикация: Н. Г. Чернышевский. Возвышенное и комическое.— Под знаменем марксизма, № 11, с. 5—35.
- Ред. и предисл.: Петрашевцы: Сб. материалов. М.; Л. Т. 3. Доклад генерал-аудиториата. 389 с.
- Ред.: ген. А. И. Деникин. Поход на Москву: (Очерки русской смуты). М. 316 с.
- Выступление. Пушкинская годовщина: 129 лет со дня рождения, — Читатель и писатель, 16 июня.

1929

- Алексеевский равелин: Книга о падении и величии человека. М. 382 с.
- Бюджет А. С. Пушкина в последний год жизни.— Прожектор, № 11, с. 22—24.
- Жандармские откровения.— Каторга и ссылка, № 5 (54), с. 96—105.
- Квартирная тяжба Пушкина: Из истории материального быта — по неизданным материалам.— Красная нива, № 24, с. 7—9.
- Книга о Лермонтове. Вып. 1—2, вып. 1 — 327 с.; вып. 2 — 244 с.
- Материальный быт Пушкина: По неизданным материалам.— Искусство. Ежемесячный журнал Главискусства Наркомпроса РСФСР, № 3/4, май — июнь, с. 39—49.
- «Монах» — неизданная поэма Пушкина.— Огонек, № 7 (307), с. (8—10).
- * То же, в сокр. виде.— Красная газета, вечерний вып., 16 февр.
- То же.— Экран, 12 мая. Подп.: А. В. Павлов. (П. Е. Щеголев).
- Первое мая и дела жандармские: Из жандармских писем.— Прожектор, № XVIII, с. 20—21.
- Пушкин о критике: Неизданный набросок.— Вечерняя Москва, № 127, 6 июня.
- Смерть Грибоедова.— Прожектор, № 6, с. 11—12.
- Вступит. ст. к кн.: Н. А. Благоевский. Семидесятые годы на фабриках и заводах. М. 109 с.

- Ред. и вступит. ст. к кн.: А. Н. Вульф. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). Со ст. М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское». М. 446 с.
- Ред. и вступит. ст. к кн.: Жизнь русского рабочего полвека тому назад: Записки социалиста-рабочего Василия Герасимова. М. 46 с. (1-е изд.— Пг., 1919).
- Ред.: Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма / Предисл. А. В. Владимирову. Примеч. Л. М. Добровольского. Л. 287 с.
- Ред. и вступит. ст. к кн.: Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. [Л.]. 348 с.
- Ред. (совм. с Н. В. Измайловым и при участии Л. Б. Модзалевского) кн.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин: Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Л. 439 с.

1930

- Алексей Медведев.— Каторга и ссылка, № 10, с. 67—110.
- К биографии Н. И. Кибальчича: По неизданным материалам.— Каторга и ссылка, № 11 [72], с. 44—57.
- Неизданное письмо к Пушкину и неизданный автограф Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. XXXVIII—XXXIX. Л., с. 252—256.
- Неизданные стихи Пушкина «О римской папе».— Красная нива, № 10, с. 6.
- Обожатели Пушкина: По неизданным материалам.— В кн.: Московский пушкинист. [Т.] II. Статьи и материалы под ред. М. А. Цявловского. М., с. 184—195.
- Охранники и авантюристы. М. 160 с.
- Простой рабочий: Очерк.— Красная нива, № 4, с. 8—9.
- А. С. Пушкин и гр[аф] М. С. Воронцов.— Красный архив, № 1 (38), с. 173—185.
- Пушкин и Тардиф: Неизданное и неизвестное.— Звезда, № 7, с. 232—240.
- Пушкин-экономист. Неизданные заметки о кредите и налоге.— Известия, № 17, 17 янв.
- Сообщил: Доклады ген[ерал]-ад[ъютанта] А. Р. Дрентельна Александру II (апр[ель] — ноябрь 1879 г.).— Красный архив, № 3, с. 125—175.
- Ред. и вступит. ст. к кн.: Е. Э. Дрянский. Записки мелкотравчатого. М.; Л.
- Ред. (совм. с Д. Бедным, А. В. Луначарским, П. Н. Сакулиным, В. И. Соловьевым): А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 1—6. Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 г. М.; Л., 1930—1931. Т. 1—6. Т. III. Поэмы и драмы. Ред. (совм. с С. М. Бонди и Б. В. Томашевским). М.; Л. 1930, с. 480. Т. V. Критика и библиография. Ред. (совм. с Н. К. Козминым, Н. О. Лернером, Б. Г. Оксманом). М.; Л., 1931. 542 с.

1931

- Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л. 385 с.
- Ред. (совм. с Д. Бедным, А. В. Луначарским, П. Н. Сакулиным, В. И. Соловьевым): А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 1—6. Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 г. Исправленное переиздание. М.; Пг., 1931—1933. Т. 1—6.

1933

- Собрал: Письма народовольца А. Д. Михайлова. М. 279 с.

- Собрал и приготовил к печати: П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С. В. Бахрушин. М. 474 с. Серия «Записи прошлого: Воспоминания и письма» / Под ред. С. Бахрушина и М. Цявловского.
- Материалы и предисл.: Неизданные письма к Пушкину. Дополнит. комм. и вводные заметки Ю. Оксман.— Литературное наследство. М., т. 16—18, с. 551—616.
- Из собрания П. Е. Щеголева: Записка Пушкина к В. Ф. Раевскому.— Там же, с. 659.

1936

- Дуэль и смерть Пушкина. Ред. и предисл. М. А. Цявловского. М. 400 с. Серия «Жизнь замечательных людей.» Вып. 11—12 (83—84).
- Неизвестное письмо Монтандона к Пушкину.— В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.; Л., т. 2, с. 334—336.
- Из собрания П. Е. Щеголева: Б. В. Казанский. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина.— Там же, т. 1, с. 236—249.

1941

- Пер. с фр., под ред.: Н. И. Сазонов. Правда об императоре Николае: (Интимная история его жизни и царствования, написанная русским). Публикация Б. П. Козьмина.— А. И. Герцен. Кн. 2. Литературное наследство. М., т. 41—42, с. 202—248.

1956

- Выписки из записок В. Ф. Раевского, находившихся в распоряжении П. Е. Щеголева.— Декабристы-литераторы. П. Кн. 1. Литературное наследство. М., Т. 60, с. 115—116.

Дополнения:

- С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине в 1873—1883 гг.— Б, 1906, № 7, с. 151—177. *Без подп.*
- Суд над Герценом (Справка).— Русское слово, 1912, № 71, 25 марта.
- Сны русского интеллигента в царствование императора Павла.— Отечество, 1915, № 1, с. 16—17.
- Тайны охранки. М., «Акционер», 1917, 46 с. Подп.: *И. Павлов.*
- Похороны Льва Толстого до его смерти (1902 г.).— Б, 1917, № 2 (24), с. 111—114.
- «Блондинка» в Ясной Поляне в 1910 году. (Записка секретного сотрудника).— Б, 1917, № 3 (25), с. 196—209. *Без подп.*
- Охота за масонами или похождения ассесора Алексева.— Б, 1917, № 4 (26), с. 108—145. *Без подп.*
- Ред.: 1 марта 1881 года. По неизданным материалам. С 40 портретами, рисунками и факсимиле. Пг., 1918, 336 с. [Данная книга является отд. отт. журнала «Былое», № 10—11 (1918, книги 4—5, апрель—май)].
- Заговор императрицы. Историческая пьеса... Действие первое (картина вторая). Отрывок. Нижний-Новгород, 192... Щеголев П. Е. Предисловие. История и пьеса, с. 1—5.
- Похождения Илиодора.— Б, 1924, № 24, с. 187—220. *Без подп.* [Титлинов Б. Предисловие, с. 183—187. Подп.: *Ред.*]
- Сообщил: Петроградская контрразведка накануне революции. Из воспоминаний сотрудника.— Б, 1924, № 26, с. 222—240.

Сообщил: Психология предательства. (Из воспоминаний сотрудника).— Б, 1924, № 27—28, с. 225—237.

Ред.: Оболенский В. А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. М.; Л., 1927, 86 с. (2-е изд.— М.; Л., 1928, 86 с.)

Притчи А. А. Сырнева. Из неизданного романа Н. Г. Чернышевского.— Новый мир, 1928, № 7, с. 182—184.

Встречи с Толстым.— Новый мир, 1928, № 9, с. 207—213.

Ред. и автор вступит. ст. к кн.: А. Будберг. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л., 1929, 302 с.

Собрал: Колчаковщина. (Из материалов активных деятелей белогвардейщины) / Под ред. и с предисл. Н. А. Корнатовского. Л., 1930, 240 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Историография установления Советской власти в Эстонии . . . 5
Х. Т. Арумян

Современная советская историография борьбы за власть Советов
на Дону и Северном Кавказе 28
К. А. Хмелевский, Л. А. Этенко

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В. И. Ленин и некоторые вопросы историографии «Правды» и
правдистской печати 1912–1914 г. 39
В. Т. Логинов

Советская историография первого опыта кооперативного строи-
тельства в СССР (1917–1920 гг.) 58
Л. Е. Файн

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Сунь Ятсен и его идейное наследие в Советской историографии
(60–70-е годы) 81
Г. В. Ефимов

Проблемы рабочего движения в историографии Ирландской рес-
публики (середина 60-х – 70-е годы) 102
М. Е. Орлова

Нидерландские трибунисты (историография проблемы) 120
Г. Г. Бауман

Новые работы по истории социалистического движения в 1900–
1914 гг. в Италии 140
Т. В. Аницкая

Ф. Лассаль и лассальянство в советской историографии 158
Н. Д. Мартынов

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Школы и направления в американской буржуазной историографии
послевоенных международных отношений и внешней политики
США 172
С. И. Аппатов

50 лет эволюции французской исторической школы «Анналов»: от идеи «глобальной истории» — к идеологии антиреволюционности Ю. Н. Афанасьев 190

Критика буржуазной фальсификации истории Бухарской революции 1920 г. 221
Ф. К. Касымов

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

«История рабочего класса СССР» академика А. М. Панкратовой Л. В. Бадя 241

Общественно-политическая и научная деятельность П. Е. Щеголева (1877—1931 гг.) 260
Ю. Н. Емельянов

Ф. Я. Кон — исследователь истории Якутии (к вопросу о формировании марксистской концепции истории народов северо-востока Сибири) 285
В. Н. Иванов

Вопросы древнерусской истории в сочинениях С. М. Строева В. И. Шевцов 311

М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) Ю. Л. Бессмертный, К. В. Хвостова 322

Георгий Васильевич Форстен и его место в науке 346
А. С. Кам

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Советская историческая периодика середины 30-х — конца 50-х годов¹ 364
А. И. Алаторцева

Из истории пропаганды исторических знаний советскими историческими музеями 382
А. Б. Закс

Истпарта на Украине* 404
В. Г. Сарбей

БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Иванович Молок 427
В. А. Дунаевский

Библиография работ П. Е. Щеголева (составитель Ю. Н. Емельянов) 432

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1977

Утверждено к печати
Научным советом по проблеме
«История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР
Институтом истории АН СССР
Институтом всеобщей истории АН СССР

Редактор издательства **Г. И. Рыкова**
Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **Н. П. Кузнецова**
Корректор **Л. С. Агапова**

ИБ № 18281

Сдано в набор 21.12.79.
Подписано к печати 20.05.80.
Т-05284. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 28,5 Уч.-изд. л. 33,3
Тираж 2900 экз. Тип. зак. 2631
Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10